ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва · 1973

1МИ
И32

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник статей является шестым в серии ранее выпущенных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подобных изданий: «Из истории формирования и развития марксизма» (1959 г.); «Из истории марксизма» (1961 г.); «Из истории марксизма и международного рабочего движения» (1963 г. и 1964 г.); «Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века» (1970 г.).

Содержание настоящего сборника, как и названных пяти предыдущих, отражает результаты изучения трудов К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, неопубликованных пока черновых текстов и конспектов Маркса и Энгельса, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма (ЦПА ИМЛ), документов международного рабочего движения, рабочей и демократической печати XIX века.

Публикуемые статьи охватывают довольно широкий круг проблем истории социалистической мысли, теории марксизма и революционной борьбы рабочего класса. Если нельзя сказать, что тема каждой из них является в строгом смысле новой, то новым, во всяком случае, можно считать подход к предмету исследования, в научный оборот вводится достаточно много новых источников и, естественно, авторы формулируют какие-то новые выводы. Отдельные статьи, представляющие несомненный научный интерес, содержат, по мнению редакции, некоторые дискуссионные положения, нуждающиеся в дальнейшем обсуждении. Такова, в частности, статья об азиатском способе производства и земледельческой общине.

Две из публикуемых статей — это тематические обзоры буржуазной и реформистской литературы о деятельности

Маркса и Энгельса в различные периоды их жизни. Поскольку речь идет о сравнительно большом количестве авторов и наименований, то каждой книге и статье не могло быть уделено достаточно много места. В силу этого и критика тех или иных положений не является вполне развернутой.

Во второй раздел сборника включена до сих пор не публиковавшаяся и обнаруженная лишь в последние годы часть исследования выдающейся представительницы русского социал-демократического движения В. И. Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих».

В редактировании отдельных статей принимали участие В. С. Выгодский и Л. И. Гольман. Рукопись всей книги подготовили к набору Н. А. Лойко и И. Н. Шиканян. Предварительное обсуждение и рецензирование публикуемых материалов проведено в Секторе произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Б. А. КРЫЛОВ

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИДЕИ В ПОЭЗИИ МОЛОДОГО ЭНГЕЛЬСА

Фридрих Энгельс был разносторонне одаренным человеком. Ему были доступны многие музы. В молодости он пробовал свои силы в поэзии и даже некоторое время серьезно думал о литературном поприще. К сожалению, до нас дошли не все написанные юным Энгельсом стихи, но и известные нам очень интересны и важны для лучшего понимания эволюции его взглядов. Стихи Энгельса являются своеобразным дополнительным материалом к его публицистическим и литературно-критическим статьям. Они помогают яснее представить, как Энгельс стал революционным демократом, как он освобождался от религиозных пут, как все более укреплялись его революционно-демократические убеждения, приближали его к восприятию коммунистических идей и формированию диалектико-материалистической философии.

В данной статье не ставится цель детально рассмотреть отношение Энгельса к различным писателям, поэтам и литературным направлениям. Подобный анализ должен явиться предметом специального исследования. Задача состоит в том, чтобы проанализировать лишь поэтическое творчество самого Энгельса как форму становления ищущей революционной мысли. Это тем более необходимо, что специальных исследований на эту тему нет [1].

[1] Правда, имеется целый ряд работ, в которых этот вопрос косвенно затронут. К таким работам, авторами которых, в частности, являются советские исследователи, принадлежат книги: *Ф. П. Шиллер.* «Энгельс как литературный критик». М.—Л., 1933: *М. В. Серебряков.* «Фридрих Энгельс в молодости». Л., 1958; *Г. Фридлендер.* «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы». М., 1962; *А. Н. Иезуитов.* «Вопросы реализма в эстетике Маркса и Энгельса». Из зарубежных исследований, касающихся этого вопроса, стоит назвать первый том биографии Маркса и Энгельса, написанный Огю-

Первое дошедшее до нас стихотворение было написано Энгельсом в возрасте тринадцати лет в декабре 1833 г. Он посвятил это стихотворение своему деду Бернхарду ван Хаару в связи с днем его рождения. Оно так и озаглавлено «Моему дедушке» [1]. Дед Энгельса, весьма образованный человек — он был ректором гимназии в Хамме — знакомил внука с произведениями классической древности. Из стихотворения, написанного гекзаметром, видно, что мальчик с интересом слушал его рассказы о героях древнегреческой мифологии — о сыне Зевса могучем Геракле, о великане Керкионе, которого убил легендарный царь Афин Тесей, о самом Тесее и помогшей ему выбраться из лабиринта Ариадне, о золотом руне и аргонавтах. Очевидно, именно дед привил мальчику любовь к древнегреческой литературе и истории. К его помощи, как можно заключить из стихотворения, он охотно прибегал, «когда не ладилось дело» с уроками.

Эта заложенная дедом любовь к истории и литературе еще более укрепилась у юного Фридриха в Эльберфельдской гимназии, куда он перешел в октябре 1834 г. из городской школы в Бармене. Он деятельно участвовал в кружке, в котором гимназисты читали свои стихотворения и рассказы или исполняли музыкальные произведения собственного сочинения. В последних классах гимназии Энгельс писал много стихов. Из писем Фридриха его школьным друзьям братьям Греберам известно, что у Вильгельма Гребера находилась целая тетрадь стихотворений Энгельса-гимназиста [2]. К сожалению, эта тетрадь не сохранилась. Мы располагаем лишь тремя гимназическими стихотворениями Энгельса, а также написанным в это же время «Рассказом о морских разбойниках».

Надо сказать, что в родительском доме увлечение Энгельса литературой отнюдь не поощрялось. Отец его, текстильный фабрикант, был консервативен в своих политических убеждениях и очень религиозен. В строго рели-

---

стом Корню (см. *О. Корню*. «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность». Перевод с немецкого. Том первый. 1818—1844. М., 1959) и работу *Хорста Ульриха* «Молодой Энгельс» (*Horst Ulrich*. Der junge Engels. Eine historisch-biographische Studie seiner weltanschaulichen Entwicklung in den Jahren 1834—1845. Erster Teil. Brl., 1961). Имеются и другие советские и зарубежные авторы, которые этой проблеме уделяли внимание.

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 503.

[2] Там же, стр. 347.

гиозном пиетистском духе воспитывал он и своих детей. Поэтому любые занятия сына, которые, по мнению Энгельса-старшего, являлись житейскими развлечениями и были несовместимы с религией, встречали его противодействие. С тревогой он пишет жене о том, что пятнадцатилетний Фридрих «не хочет научиться беспрекословному повиновению» и что он «нашел сегодня в его секретере мерзкую книгу из библиотеки, рыцарский роман из жизни тринадцатого столетия» [1].

Чтение книг, далеких от проповеди религиозной морали, а также сочинение стихов было в какой-то мере одной из форм внутреннего протеста молодого Энгельса не только против семейной обстановки, но и вообще против несправедливостей окружающей среды. В стихах он выражал стремление вырваться за пределы ханжеской домашней атмосферы, давал выход своим свободолюбивым чувствам, носившим, правда, еще отвлеченный характер. Этими настроениями проникнуто, в частности, одно из сохранившихся стихотворений Энгельса, которое было написано в 1836 году. Оно не имеет названия, хотя его можно было бы озаглавить «Любимые герои». Стихотворение интересно также тем, что является единственным дошедшим до нас свидетельством литературных вкусов шестнадцатилетнего Энгельса. Юный Энгельс перечисляет здесь своих любимых героев из художественных произведений:

«Сто образов прекрасных
Зовут издалека —
Так звезды свет свой ясный
Нам шлют сквозь облака.
Они все ближе, ближе —
Вот храбрый *Телль* — стрелок,
Вот *Зигфрид,* что дракона
В бою осилить смог.
А вот и гордый *Фауст,*
Ахилл идет вперед,
Готфрид Бульонский славный
В бой рыцарей зовет.
А вот — не смейтесь, братья —
И *Дон-Кихот* герой
На скакуне отважном
Везде вступает в бой» [2].

Мы видим, что Энгельса прежде всего интересуют герои, борющиеся за свободу и счастье людей. Это шилле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 526.
[2] Там же, стр. 504.

ровский Вильгельм Телль, смело выступивший против австрийского гнета в Швейцарии, гётевский Фауст, нашедший смысл жизни в борьбе за благо народа, герой немецких народных сказаний Зигфрид, в котором Энгельса привлекал, как будет показано ниже, неукротимый дух бунтарства и жажда подвига, и, наконец, Дон-Кихот Сервантеса, человек, преисполненный желания утвердить на земле справедливость. Стихотворение, безусловно, носит подражательный характер. Написанное трехстопным ямбом, любимым размером немецких романтиков, оно по своей форме напоминает баллады Уланда и поэтические произведения других представителей романтического направления в Германии.

Не находя в семье никакого понимания своих свободолюбивых стремлений, юный Фридрих чувствовал себя очень одиноко. Религиозное воспитание, безусловно, наложило на юношу свой отпечаток. Поэтому, увлекаясь поэзией и сказаниями, юноша лишь на короткие промежутки времени забывал тот мир пиетизма, который царил под родительским кровом. Хотя эти увлечения и пробуждали в нем сомнения в истинности веры, они не могли уничтожить саму веру в бога. Так, перед конфирмацией, которая состоялась 12 марта 1837 г., шестнадцатилетний юноша пытается еще раз побороть все сомнения, зародившиеся в его душе. Энгельс раскаивается в своем жизнелюбии, считая его грехом, и пытается найти спасение в «общении с богом» [1], отвернувшись от мирских дел, в круговороте которых он оказался, как он считал, из-за занятий поэзией и недовольства родительским домом. Эти свои настроения он выражает в стихотворении, написанном, очевидно, при подготовке к конфирмации в начале марта 1837 года. В первой строфе юноша просит бога освободить его от обуревавших его сомнений:

«Спустись, о божий сын, Христос,
Я жду тебя в юдоли слез,
О, унеси все беды!
Меня блаженством озари
В сиянии твоей зари,
Чтоб я тебя лишь ведал!» [2]

Но свободолюбие теперь уже не могло заглохнуть в юном Энгельсе. Поэтому в заключительной части стихо-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 411.
[2] Там же, стр. 505.

творения, признавая наличие социальной несправедливости на земле, он просит бога освободить человечество от всякого зла и преобразовать мир для счастья и блага людей, чтобы все на земле стало иначе [1].

Однако желание уйти от мирских дел недолго владело юношей. Его стремление к свободе и самостоятельности находит теперь выход не в обращении к героям прошлого, а в изображении актуальных современных событий. В том же 1837 г. он пишет «Рассказ о морских разбойниках» [2]. В художественном отношении это весьма слабое произведение. Однако ценность его состоит в том, что темой его является освободительная борьба греческого народа против турецкого ига. Свой идеал молодой гимназист видит в желании занять место в рядах «умеющих ценить свободу» [3] и вместе с ними сражаться против угнетателей.

Третье дошедшее до нас гимназическое стихотворение Энгельса «Поединок Этеокла и Полиника» [4] было написано им на древнегреческом языке и прочитано на публичных торжествах в Эльберфельдской гимназии 15 сентября 1837 года. Сюжетом стихотворения, написанного в манере древнегреческих авторов, послужил миф о походе войска города Аргоса на город Фивы. Поход был предпринят Полиником, сыном царя Эдипа, против брата Этеокла, незаконно захватившего власть в Фивах. Он закончился гибелью обоих братьев. В стихотворении Энгельс обнаруживает прекрасное знание древнегреческой мифологии, создавая на ее основе образный фон для изображения поединка, который он рисует в ярких красках. С незаурядным знанием он живописует столкновение аргивского войска Полиника с беотийским войском его брата [5].

Видимо, у Энгельса уже в юности был талант описывать военные сражения. Напомним, что и в «Рассказе о морских разбойниках» изображению боев уделено немало места, хотя они и обрисованы весьма наивно. Мы, конечно, далеки от того, чтобы видеть прямую связь между юношескими увлечениями Энгельса военными сюжетами и его обращением к разработке военных вопросов в зрелые годы.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 506.
[2] Там же, стр. 507—519.
[3] Там же, стр. 508.
[4] Там же, стр. 520—522.
[5] См. там же, стр. 520.

Стихотворение «Поединок Этеокла и Полиника» достойно более пристального рассмотрения еще и потому, что оно свидетельствует о прекрасных лингвистических способностях Энгельса, которыми он поражал уже в юности. Об этом мы знаем и из его выпускного свидетельства, и из его писем. Забегая вперед, скажем: всего лишь через два года после написания древнегреческого стихотворения Фридрих шутливо сообщит сестре Марии, что он знает 25 языков. И он будет не так уж далек от истины, ибо одно из писем своему школьному товарищу Вильгельму Греберу весной 1839 г. он напишет на девяти языках. Что касается стихотворения, то нетрудно прийти к выводу, что выражать свои мысли на чужом языке в стихах гораздо труднее, чем в прозе, и что сделать это можно только при отличном знании языка.

Через несколько дней после торжеств в Эльберфельдской гимназии Энгельс должен был оставить ее, не окончив последнего класса. Отец хотел, чтобы Фридрих пошел по его стопам и стал коммерсантом. Как можно судить по выпускному свидетельству и другим источникам, Энгельс вышел в сентябре 1837 г. из гимназии с хорошими знаниями по истории и с превосходными знаниями по немецкой литературе. Тем и другим он был больше всего обязан д-ру Клаузену, преподававшему эти предметы. В свидетельстве подчеркивалось, что «Энгельс проявил похвальный интерес к *истории немецкой национальной литературы* и к чтению немецких классиков» [1]. Энгельс воздал должное своему любимому учителю, назвав его «отличным знатоком истории и литературы» и поставив ему в заслугу, что «он единственный, кто умеет пробудить в учениках вкус к поэзии» [2]. Этот вкус к поэзии у Энгельса сохранился на всю жизнь.

После ухода из гимназии Фридрих около года работал в барменской торговой конторе отца, а в июле 1838 г. был отправлен им в Бремен, где поступил на службу учеником в крупную торговую фирму. Здесь он пробыл около трех лет.

Бременский период был важной вехой в формировании политических и философских взглядов молодого Энгельса. С первых же дней пребывания на новом месте Энгельс в свободное от работы время с жадностью набрасывается на

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 529.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 466.

книги. В Бремене, который был одним из четырех немецких вольных городов, цензура была слабее, чем на родине Фридриха. Энгельс получает возможность знакомиться с оппозиционными произведениями, о которых даже не слышали в благочестивом Вуппертале. Он упорно занимается философией, историей, классической и современной литературой, критикой религии, изучением иностранных языков. Он не только посещает Певческую академию, но и сам пробует сочинять музыку. При этом любимые занятия Энгельса отнюдь не ограничивались интеллектуальной сферой. Он охотно и увлеченно занимается физическими упражнениями, верховой ездой, фехтованием, отлично плавает.

Особенно большой интерес в Бремене юноша проявляет к литературе. Он читает не только немецких классиков и современных писателей Германии — Гёте, Шиллера, Виланда, Тика, Рюккерта, Гуцкова, Бека, Фрейлиграта,— но, говоря его же словами, «всю мировую литературу». Его самостоятельное творчество в это время выражалось прежде всего в написании публицистических статей на общественно-политические и литературно-критические темы. Однако сочинение стихов в его творчестве в этот период тоже занимало немалое место.

Интересно отметить, что первым печатным произведением Энгельса были стихи, а не проза. В первой половине сентября 1838 г., вскоре после переезда в Бремен, он пишет стихотворение «Бедуины», которое было опубликовано без подписи 16 сентября в местном умеренно-либеральном литературном журнале «Bremisches Conversationsblatt». Непосредственным поводом для этого стихотворения послужило выступление в разных странах Европы труппы бедуинов, арабских кочевников. Из-за безжалостной эксплуатации труппы многие ее участники умирали. Содержание стихотворения очень несложно. В первой части баллады автор, описывая выступление бедуинов в каком-то немецком городе, скорбит об их жалком состоянии. Они пляшут перед публикой без всякого воодушевления, лишь бы получить нищенскую плату:

«Пустыни гордые сыны
Вас забавлять пришли сюда;
И гордость их, и воля — сны,
Их не осталось и следа.
Они за деньги длинный ряд

Родимых плясок пляшут вам
Под песню-стон; но все молчат:
Молчание к лицу рабам» [1].

Во второй части баллады настоящему положению бедуинов противопоставляется их прежняя вольная жизнь:

«Давно ль проворны и легки
Под солнцем шли они, в жару,
Чрез марокканские пески
И через фиников страну?
Или скитались по садам
Страны прекрасной Уль Джерид,
А кони про набеги вам
Твердили цокотом копыт?» [2]

По форме стихотворение «Бедуины» еще далеко от совершенства. Но оно заслуживает внимания прежде всего потому, что свидетельствует о пробуждении у молодого Энгельса политического сознания.

По собственному толкованию Энгельса, главная мысль стихотворения заключается в противопоставлении «гордых сынов пустыни» — бедуинов чопорному и вместе с тем рабски преклоняющемуся перед деспотизмом аристократически-бюргерскому миру Германии — миру филистерства и ханжества. Стихотворение проникнуто идеей свободы. Однако автор пока оставляет в стороне вопрос о конкретных путях достижения этой свободы. Баллада позволяет сделать лишь тот вывод, что истинную свободу можно обрести только путем обращения к природе, возвращения к ней, отказавшись от лживой и лицемерной цивилизации.

Тему для своего стихотворения Энгельс, безусловно, заимствовал у Фердинанда Фрейлиграта, в то время уже широко известного в Германии поэта. Во второй половине 30-х годов XIX в. Фрейлиграт выступал как представитель экзотическо-романтического направления. В ряде стихотворений он воспевал в романтических тонах жизнь свободных «сынов пустыни» под горячим южным солнцем, противопоставляя ее тому рабскому существованию, которое они влачили, когда попадали в европейские страны. Сам Фрейлиграт расценивал позднее свою поэзию, как протест против существующих социальных условий.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 346.
[2] Там же.

Можно провести прямую связь между балладой Энгельса «Бедуины» и такими стихотворениями Фрейлиграта, как «Жизнь негра», «Негритянский вождь», «Катающийся на коньках негр»[1]. Например, в стихотворении «Жизнь негра» повествуется о негритянском царе, который после пленения попал в Европу и стал там нищим. В балладе «Негритянский вождь» изображается та же ситуация, только вождь становится паяцем в цирке.

Энгельс в это время высоко оценивал творчество Фрейлиграта, причисляя его к наиболее талантливым представителям немецкой поэзии[2]. Но, разумеется, если Энгельс и подражал Фрейлиграту, то это вовсе не значит, что он слепо за ним следовал и стихи его были лишены самостоятельности. Прежде всего в балладе «Бедуины» гораздо сильнее, чем у Фрейлиграта, звучат свободолюбивые мотивы. Кроме того, в отличие от Фрейлиграта Энгельс связывает свое стихотворение с современными, в частности литературно-общественными проблемами. Это нашло выражение в том, что он в иронических тонах изобразил немецкого реакционного драматурга Августа Коцебу, который «стяжал рукоплесканья шутовством»[3]. Ведь пьесы Коцебу пользовались большим успехом в широких кругах немецкого мещанства, вытесняя со сцены подлинно художественные творения великих писателей. Реакционеру Коцебу Энгельс противопоставил в балладе Шиллера, назвав его «добрым принципом» немецкого театра[4]. Молодой Энгельс относил Шиллера к числу величайших немецких поэтов.

В письме своим школьным друзьям Фридриху и Вильгельму Греберам от 17 сентября 1838 г., с которыми Энгельс постоянно переписывался до начала 1841 года, он весьма критически оценил свою балладу[5]. Фридрих был очень недоволен этой своей первой печатной вещью. «Лучше бы я не сочинял этого стихотворения,— писал он Греберам,— ибо мне совсем не удалось выразить свою

---

[1] См. *Ф. Фрейлиграт.* Избранные произведения. М., 1956, стр. 13—15, 20—23; Freiligraths Werke in 6 Teilen. Erster Teil. Brl., Lpzg., Wien, Stuttgart, S. 13—15, 24—26, 30—32.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 363.

[3] Там же, стр. 346.

[4] На это противопоставление Энгельс указал в письме братьям Греберам от 17 сентября 1838 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 343).

[5] См. там же, стр. 343—346.

мысль в ясной, изящной форме [1]. Энгельса до крайности возмутило поведение редактора журнала «Bremisches Conversationsblatt», произвольно изменившего последнюю строфу, которая у автора первоначально звучала: «О гости, вам не место тут, вернитесь на родной Восток! Вас люди в фраках не поймут, им вашей песни строй далек» [2]. Энгельс отмечал, что, заменив его строфу своей, редактор исказил весь смысл стихотворения. «Убери последнюю строфу, и все идет прахом,— жаловался он братьям Греберам.— Но если редактор, желая сгладить заключение, пишет: «И после этого — позор — за деньги пред толпой плясать! У вас недаром тусклый взор, и на устах лежит печать!»,— то, во-первых, заключение бледно, ибо оно составлено из использованных уже раньше общих фраз, а во-вторых, оно уничтожает мою главную мысль, ставя на ее место побочную: жалобу на состояние бедуинов и сопоставление его с прежним их состоянием» [3].

Одновременно с «Бедуинами» Энгельс послал в один из бременских журналов другое стихотворение, которое он назвал «испанским романсом». Из письма Энгельса братьям Греберам можно сделать вывод, что речь идет не об оригинальном произведении, а о переводе какого-то стихотворения с испанского языка. Это стихотворение редакция журнала отклонила. «Мой испанский романс провалился» [4] — сообщал Энгельс братьям Греберам. Это стихотворение до нас не дошло [5].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 343.

[2] Там же, стр. 346.

[3] Там же, стр. 343.

[4] Там же.

[5] Правда, комментаторы 2-го тома МЭГА первого издания считают, что испанский романс — это переведенная с испанского языка Энгельсом поэма «На изобретение книгопечатания», которая была опубликована в 1840 г. (см. Marx — Engels Gesamtausgabe, Erste Abteilung, Bd. 2, Brl., 1930, стр. 656, примечание к стр. 486). К такому утверждению нельзя присоединиться. Во-первых, поэма переведена гораздо более зрело, чем это мог сделать Фридрих в 1838 г., когда он создавал «Бедуинов». Во-вторых, маловероятно, чтобы Энгельс занимался переводом, который был, очевидно, приурочен к юбилею Гутенберга, за два года до самого юбилея. Скорее всего, поэма была переведена Энгельсом в начале 1840 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 35—40). Мы полностью согласны с точкой зрения тех исследователей творчества молодого Энгельса, которые прямо или косвенно опровергают точку зрения комментаторов первого издания МЭГА.

В период создания «Бедуинов» Энгельс познакомился с двумя статьями Гёте — «Молодым поэтам» [1] и «Еще одно слово молодым поэтам» [2], которые он написал в 1831 г. незадолго до смерти в ответ на многочисленные письма молодых людей с просьбой дать оценку их творчеству. В этих статьях Гёте высказывает ряд принципиальных положений о поэтическом процессе и, в частности, о тех качествах, которые необходимы настоящим поэтам. Он отмечает, что благодаря высокой степени развития немецкого языка и накопленному в области поэзии опыту стихи стало писать относительно нетрудно. Однако уметь писать стихи это еще не значит быть истинным поэтом. Чтобы сделаться таковым, говорит Гёте, необходимо всячески расширять свой кругозор и приобретать широкое образование. Но и этого недостаточно. Поэт должен повернуться лицом к жизни и находить в ней материал для своего творчества. «Молодой поэт должен выражать в своих творениях лишь то,— писал Гёте,— что живет и продолжает действовать... Нельзя отставать от шагающей вперед жизни» [3]. Гёте рассматривает жизненный опыт поэта, правдивость и истинность при изображении пережитого как основу поэтического творчества. «Спрашивайте себя при написании каждого стихотворения,— советует он своим юным друзьям,— содержит ли оно пережитое вами и помогло ли вам пережитое в вашем творчестве» [4]. В то же время Гёте призывает молодых поэтов учиться управлять своим талантом и не впадать в субъективистскую, оторванную от жизни рефлексию. Он рекомендует им подавлять в себе всякие мелочные чувства и предостерегает их от слепого подражания. «Муза, правда, охотно *сопутствует* жизни, но нисколько не может ею *руководить»* [5],— писал он в своей первой статье. Эту мысль Гёте считал настолько важной, что даже облек ее в поэтическую форму:

---

[1] *Гёте.* Собрание сочинений в тринадцати томах. Том X. М., 1937, стр. 710—712. Статья опубликована под названием «Доброжелательный совет». См. также: *Goethes Werke.* Leipzig, Verlag des Bibliographischen Instituts. Bd. 12, S. 228—229.

[2] *Goethes Werke.* Leipzig, Verlag des Bibliographischen Instituts. Bd. 12. S. 229—231. Эта статья в собрание сочинений Гёте на русском языке не вошла.

[3] Ibid., S. 230—231.

[4] Ibid., S. 230.

[5] *Гёте.* Цит. соч., том X, стр. 711.

«Юный друг, пусть каждый знает,
Кто в высокий мир проник:
Муза нас *сопровождает*,
Но она не *проводник*» [1].

Таким образом, эстетические принципы, сформулированные Гёте в этих двух статьях, направляют творчество молодых поэтов на путь правдивого изображения действительности, на путь реализма.

К Гёте Энгельс относился с величайшим благоговением. Поэтому вскоре после переезда в Бремен он просит сестру Марию, чтобы к рождеству из дома ему прислали сочинения Гёте. Правда, его просьбу исполнили только через два года. В декабре 1840 г. мать прислала Фридриху квитанцию на получение полного собрания сочинений великого немецкого писателя. Юноша тотчас же забрал первые вышедшие тома и с наслаждением погрузился в чтение.

Статьи Гёте, обращенные к молодым поэтам, оказали на Энгельса сильное влияние. Они побудили его задуматься над художественной ценностью своих стихов и подвергнуть их основательной критике. «С каждым днем я все более отчаиваюсь в своей поэзии и ее творческой силе, особенно с тех пор, как прочел у Гёте обе статьи «Молодым поэтам», в которых я обрисован так верно, как это только возможно,— писал Фридрих братьям Греберам 17 сентября 1838 г.— Из них мне стало ясно, что мое рифмоплетство не имеет никакой цены для искусства; но тем не менее я буду и впредь продолжать заниматься рифмачеством, ибо это — «приятное дополнение», как выражается Гёте, а иное стихотворение тисну в какой-нибудь журнал, потому что так делают другие молодцы, которые такие же, если не бóльшие, чем я, ослы, и потому также, что этим я не подниму и не понижу уровня немецкой литературы. Но когда я читаю хорошее стихотворение, то в душе мне становится всегда очень досадно: почему ты не сумел так написать!» [2]

Статьи Гёте, очевидно, помогли Энгельсу также уяснить себе, какую позицию должен занимать молодой поэт, в частности он сам, по отношению к прогрессивным и консервативным явлениям и процессам жизни. Он понял, что в эстетическом плане надо выбирать реалистическое

---

[1] *Гёте.* Цит. соч., том X, стр. 712.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 344.

направление, а в политическом — следует выступать за исторический прогресс. Очевидно, мысли Гёте, которыми так заинтересовался Энгельс, можно рассматривать в качестве одного из исходных пунктов для тех эстетических и литературно-критических оценок, с которыми Энгельс стал теперь подходить как к своим собственным творениям, так и к художественным произведениям других авторов. Таким образом, статьи Гёте положили начало, правда, пока еще в общей форме, занятиям Энгельса проблемами эстетики.

Хотя Энгельс в письме к братьям Греберам и высказался весьма пессимистически о своем поэтическом творчестве, он не сложил оружия. В душе он вряд ли поверил, что его стихи не могут иметь цены для искусства. Во всяком случае, в течение двух следующих лет Фридрих очень интенсивно занимался стихосложением, намечая для себя в этой области весьма обширные планы. Думаем, что упорным трудом он надеялся преодолеть присущие ему как поэту недостатки. Видимо, сделав выводы из предостережения Гёте, юноша приступил к основательным и обширным занятиям. Многие часы свободного времени он проводил за газетами, журналами и книгами. Первое время после прочтения статей Гёте он не решался браться за перо для сочинения новых стихов. Однако постепенно он снова обретает уверенность. И вот в конце января 1839 г. он посылает братьям Греберам свое новое стихотворение «Флорида» [1].

К этому времени в политических взглядах Энгельса произошла дальнейшая эволюция. В сентябре 1838 г., создавая «Бедуинов», он восторгался в письмах братьям Греберам либеральными идеями, содержавшимися в прочитанных им книгах. За прошедшее время политические убеждения юноши стали приобретать все более демократический характер. Это, в частности, нашло отражение в стихотворении «Флорида». Содержание его несложно. Против захвативших полуостров Флориду пришельцев ведет борьбу местное индейское племя семинолов, которых завоеватели хотят истребить. К семинолам в плен попадает немецкий юноша, приговоренный за политическую деятельность к каторжным работам, а после к ссылке за океан. Корабль, на котором он плыл в Америку, потонул. Спасшийся

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 358—361.

юноша осуждается индейцами на смерть, так как они видят в нем, как и во всяком белом, своего врага.

Идейное содержание стихотворения составляет протест против деспотизма и рабства, прославление борьбы за свободу. Энгельс здесь изображает конкретные исторические события, происходившие в то время в Старом и Новом свете: политическую борьбу против реакции в Германии и борьбу индейцев против захватнической и истребительной политики колонизаторов.

Особенно заслуживает внимания обращение молодого Энгельса к политическим событиям современной ему Германии. Потерпевший кораблекрушение рассказывает о себе:

«Германских юношей объединенье
Князьям и королям внушало страх,
За наш союз я отдал в искупленье
Семь лучших лет в железных кандалах,
На корабле меня потом услали,
Я буду вольным — но в чужих краях!» [1]

Очевидно, этот юноша был членом одного из «буршеншафтов» — немецких студенческих организаций, возникших под влиянием освободительной войны с Наполеоном. Они выступали против господства феодальной реакции в Германии, а также за объединение страны. После июльской революции 1830 г. во Франции, когда деятельность «буршеншафтов» оживилась, участников этого движения стали особенно жестоко преследовать.

В вышеприведенных строфах, в отличие от «Бедуинов», звучит достаточно ясно выраженная политическая позиция автора. Энгельс уже отказывается от той точки зрения, что свободу можно обрести путем возвращения к «естественному состоянию», в духе Руссо. Ведь герой стихотворения стремился завоевать свободу в борьбе против князей и королей и за это провел семь лет в тюрьме.

При анализе этой части стихотворения важно отметить, что Энгельс впервые именно в нем упоминает о «буршеншафтах» и проявляет к ним интерес. Это — единственный источник, по которому можно судить о том, что Энгельсу уже в то время было известно о политической деятельности этих объединений. Очевидно, молодой Энгельс относился с явной симпатией к «буршеншафтам»

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 360.

потому, что считал их носителями борьбы против существующего режима в Германии [1].

Путем борьбы против угнетателей, колонизаторов, как подчеркивает Энгельс в стихотворении, стремятся завоевать себе свободу и индейцы. Их вождь восклицает:

«Не мир я возвещу своим собратьям,
Призыв мой — битва, лозунг мой — война!
И если взор ваш запылал проклятьем,
Как молнией зажженная страна,
То словом солнце вы меня назвали
Заслуженно в былые времена!
Как на охоте вы подстерегали
Зверей невинных в рощах и полях
И стрелы в них несметные вонзали,
Так вас подстерегает белый враг.
Но пусть теперь покажут ваши стрелы,
Что вы — охотники ему на страх!
. . . .
Идите ж, белые, отныне сами
Себе вы обеспечили почет:
За каждым деревом, за тростниками
С своим колчаном Семинол вас ждет!» [2]

В этих строфах звучит искренняя симпатия к индейцам и их освободительной борьбе, в них выражено возмущение захватнической политикой белых колонизаторов. Как раз в то время, когда юноша Энгельс писал эти стихи, во Флориде еще продолжалась кровавая расправа над семинолами, которые в 1835 г. поднялись на восстание, чтобы отстоять свою независимость.

Таким образом, в стихотворении «Флорида» Энгельс уже говорит о конкретных путях и средствах, ведущих к достижению свободы. Таким средством является борьба, которую надо вести как против политической реакции, так и против угнетения и рабства. Стихотворение отражает поворот молодого Энгельса в сторону политической жизни.

---

[1] Позднее, в конце 1840 г., Энгельс еще раз касался вопроса о «буршеншафтах» в очерке «Родина Зигфрида», в статье «Эрнст Мориц Арндт» и в письме к сестре, которую он просил прислать ему кисет из материала трех цветов — черного, красного и золотого. Эти цвета как символ единства Германии имелись на эмблемах «буршеншафтов» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 116, 122, 468). Наряду с прогрессивными моментами деятельности «буршеншафтов» Энгельс видел и отрицательные стороны этого движения, выражавшиеся в крайнем национализме (см. статью «Эрнст Мориц Арндт». Там же, стр. 122).

[2] Там же, стр. 359—360.

Идею свободы, которая Энгельса воодушевляла еще в гимназические годы, он стал теперь понимать более конкретно. Энгельс не просто связывает ее с политической жизнью, он связывает ее с борьбой народа. Стихотворение свидетельствует о том, что у восемнадцатилетнего юноши намечается сдвиг в области мировоззрения и что политические идеи все больше становятся центром его внимания.

По своим художественным достоинствам «Флорида» тоже стоит гораздо выше «Бедуинов». Язык стихотворения уже не столь вычурный, рифмы очень удачны. Стихотворение написано терцинами — видом трехстишия, при котором средняя строка каждой строфы рифмуется с двумя крайними строками следующей. Такое построение стиха представляет, особенно для начинающего поэта, известные трудности, которые Энгельс успешно преодолел. Начало стихосложения терцинами положил Данте, написав ими «Божественную комедию». Этим способом стихосложения пользовался целый ряд немецких поэтов конца XVIII — начала XIX века — Рюккерт, Шамиссо и другие. С произведениями всех этих писателей молодой Энгельс был знаком.

Думается, что во «Флориде» Энгельс уже преодолел влияние Фрейлиграта. Поэтому нельзя согласиться с автором в целом глубокого исследования о молодом Энгельсе М. В. Серебряковым, считавшим, что Энгельс здесь «явно подражает Фрейлиграту» [1]. Правда, у Фрейлиграта есть стихотворение «Florida of Boston» [2], которое поэт написал в 1833 году. Но стихотворение Энгельса ничего общего с ним, кроме заглавия, не имеет. По содержанию же стихотворение Энгельса прямо противоположно стихотворению Фрейлиграта, которое носит чисто созерцательный, далекий от жизни характер. «Florida of Boston» — это название корабля, прибывшего в Амстердам из Нового света. Фрейлиграт, который работал в этом голландском порту приказчиком, описал свои впечатления от прибытия корабля. Попутно он роняет несколько фраз об Америке, откуда приплыл корабль. Там живут «усердные колонисты» и мирно «стоят у берега гуронов челноки». Одним словом, в стихотворении Фрейлиграта царит полная идиллия и нет никаких мотивов борьбы.

---

[1] *М. В. Серебряков.* Фридрих Энгельс в молодости. Л., 1958, стр. 16.

[2] *F. Freiligrath.* Op. cit., S. 70—71.

Политическое развитие Энгельса в значительной степени усилило его критический взгляд на религию. Еще осенью 1838 г. Энгельс познакомился с некоторыми сочинениями немецкого философа-пантеиста конца XVI — начала XVII в. Якоба Бёме, которые, вероятно, породили в нем религиозные сомнения. И если во время написания «Флориды» Энгельс еще не освободился от религиозных представлений, то, во всяком случае, к религии он стал относиться все более критически, по-своему истолковывая христианское учение. Об этом свидетельствует и стихотворение «Флорида», которым он, по его собственным словам, пытался «проложить новые пути для религиозной поэзии» [1]. Действительно, последние строфы «Флориды» окрашены в религиозные тона. В конце стихотворения, когда семинолы ведут юношу на казнь, он видит плывущее к берегу распятие и выражает готовность своей смертью искупить бесчинства белых, подобно тому как Христос своей смертью искупил грехи человечества. А. Н. Иезуитов в книге «Вопросы реализма в эстетике Маркса и Энгельса», анализируя это стихотворение, делает, на наш взгляд, неправильный вывод, будто Энгельс, протестуя против деспотизма и рабства, пока еще считал, что «человек слаб, бессилен, его стремление достичь свободы своими силами — неосуществимая мечта» и что «только бог может помочь людям в их нужде» [2]. Думается, что концовка стихотворения не дает основания для такой интерпретации. Вот три последние строфы, передающие мысли взятого в плен юноши:

«В краю, где я мечтал свободы воздух пить,
Свободы дети мне готовят мщенье,
И братьев грех я должен искупить!
Но что за светлое плывет виденье?
Распятье! Как влекут меня к себе
Черты священные, когда благословенья
Я жду, вверяясь гибельной судьбе!
Ко мне спасителя простерты руки!
Я здесь ропщу, но, с духом тьмы в борьбе,
Не за меня ль сам бог был предан муке?» [3]

В этих строфах заключен совершенно иной смысл, чем полагает А. Н. Иезуитов. Очевидно, Энгельс в христиан-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 368.
[2] *А. Н. Иезуитов*. Вопросы реализма в эстетике Маркса и Энгельса. Л.—М., 1963, стр. 48.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 361.

ском учении пытается найти теперь не мотивы смирения, а мотивы борьбы. Сама искупительная, мучительная смерть Христа на кресте трактуется им здесь не как единственное средство спасения, а как пример самопожертвования во имя справедливого дела, во имя уничтожения зла и освобождения от гнета. Борьба за свободу, даже если она сопровождается трагической гибелью невинных людей, изображается Энгельсом как нечто в высшей степени справедливое, не только не противоречащее христианской религии,— разумеется, в тогдашнем понимании ее Энгельсом,— но прямо санкционируемое ею. Посылая юношу на смерть во искупление грехов белых и сравнивая его гибель со смертью Христа, Энгельс тем самым оправдывает борьбу индейцев за свободу. Таким образом, Энгельс уже тогда вовсе не отрицал возможности ее достижения силами людей.

Интересно отметить в этой связи еще один факт. Первые две строки обращения Семинола к соплеменникам — «не мир я возвещу своим собратьям, призыв мой — битва, лозунг мой — война!» — очень напоминают по содержанию 34-й стих главы 10-ой Евангелия от Матфея, где Христос говорит: «Не думайте, что я пришел принести мир на землю; не мир пришел я принести, но меч». На наш взгляд, такое совпадение не случайно. Очевидно, Энгельс вложил в уста вождя семинолов перефразированные слова из евангелия. Этим самым подтверждается наше предположение о поисках Энгельса в христианском учении оправдания борьбы за свободу и справедливость или, во всяком случае, о его стремлении вложить в некоторые евангельские формулы более радикальное содержание.

Хотя в начале 1839 г. Энгельс все еще продолжает верить в бога, его все больше и больше охватывают религиозные сомнения. Во всяком случае, он старается отойти от буквы христианского учения. Не случайно восемнадцатилетний юноша проникается непримиримой враждой к пиетизму, с которым он порвал еще в Бармене. Он негодует по поводу осуждения пиетистами «всякого, который не то, что сомневается в библии, но толкует ее иначе, чем они» [1]. Его особенно возмущают в этом пиетистском течении религиозная нетерпимость, ханжество, подавление всяких земных человеческих чувств во имя так называемой любви

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 368.

к всевышнему. 19 февраля 1839 г. он пишет экспромтом для Фридриха Гребера сатирическое стихотворение «Объяснение пиетиста в любви», которое, однако, посылает незаконченным, сочинив только начало. Он едко высмеивает бессмысленное лицемерие пиетистов, которые библейские слова о любви мужчины и женщины истолковывают в смысле любви к богу и церкви:

«Честная дева! К тебе, после борьбы большой и упорной
Против соблазнов мира, пришел я с просьбой покорной.
Не согласишься ли ты стать мне законной женой,
Тем перед господом богом долг исполняя свой!
Правда, тебя не люблю я, об этом не может быть речи,
Бога в тебе я люблю, который» — [1]

«Нет, не выходит,— пишет далее Энгельс.— Нельзя пародировать такие вещи, не затрагивая вместе с тем самое святое, за которое этот народ укрывается. Хотел бы я увидеть такой брак, где муж любит не свою жену, но Христа в своей жене; тут сейчас же возникает вопрос: не спит ли он также с Христом в образе своей жены? Где в библии мы найдем подобную бессмыслицу?» [2]

Помимо «Флориды», Энгельс примерно в то же время написал стихотворение «Буря», а немного позже стихотворение, а может быть, поэму «Святой Ханор» [3]. Эти вещи, однако, до нас не дошли. Насколько можно судить по письмам Энгельса братьям Греберам, оба эти произведения имели религиозную окраску. Ничего более определенного мы о них не знаем. Можно предположить, что христианское вероучение использовалось в них в том же свободолюбивом духе, как и во «Флориде».

Как уже отмечалось выше, Энгельс в Бремене много времени посвящал чтению. В этом крупном торговом порту Фридрих имел возможность читать множество иностранных газет — английских, голландских, французских, испанских и других. Такое чтение в немалой мере способствовало его изумительным успехам в изучении языков. Нередко он пишет своим школьным друзьям «многоязычные» письма, чередуя ряд языков. В одно из таких писем [4] Энгельс включает тут же написанное экспромтом стихо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 368.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 369 и 394.

[4] Письмо Вильгельму Греберу, написанное около 28—30 апреля 1839 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 393—397.

творение, в котором он отмечает достоинства каждого из примененных им языков — древнегреческого, латинского, итальянского, испанского, португальского, французского, английского. Однако предпочтение он все же отдает своему родному языку, немецкому, кончая стихотворение апофеозом в его честь:

«Но немецкий язык звучит, как прибой громогласный
На коралловый брег острова с климатом чудным.
Там раздается кипение волн неуемных Гомера,
Там пробуждают эхо гигантские скалы Эсхила,
Там ты громады найдешь циклопических зданий и там же
Средь благовонных садов цветы благороднейших видов.
Там гармонично шумят вершины тенистых деревьев,
Тихо там стонет наяда, потоком шлифуются камни,
И подымаются к небу постройки витязей древних.
Это — немецкий язык, вечный и славой повитый».

Читая регулярно газеты, Энгельс имел возможность составить себе мнение о их направлении. Многим газетам он дал критическую оценку как в письмах братьям Греберам, так и в своих публицистических статьях. Небезынтересно также отметить, что одновременно с «Флоридой» Энгельс написал на ряд немецких газет и журналов довольно едкие эпиграммы. Некоторые из них он послал Фридриху Греберу 20 января 1839 г., переписав их в письмо к нему. Молодому Энгельсу, проявлявшему все больший интерес к политической жизни, безусловно, хотелось бы, чтобы пресса была содержательной и небесхребетной, поэтому в эпиграммах он высмеивал газеты за поверхностность и пустоту печатаемого ими материала, за отсутствие глубины и остроты в статьях, за сухость изложения. Так, например, он не без остроумия писал про «Утренний листок для образованных читателей», выходивший в Штутгарте и Тюбингене:

«Утром прочтешь ты меня, а вечером вряд ли припомнишь,
Чистый ли был пред тобой иль напечатанный лист».

Не менее меткую оценку он дал другому печатному органу, дрезденско-лейпцигской «Вечерней газете»:

«Если долго не спится тебе, то возьми меня в руки,
И благодетельным сном будешь ты сразу объят» [1].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 364.

Особенно большую неприязнь Энгельс питал к ханжеской газетенке «Bremer Stadtbote», которая стала выходить с февраля 1839 года. Это был типичный мещанский листок, угождавший непритязательным вкусам бременских филистеров. Его редактировал бывший торговец фарфором Альберт Мейер, по словам Энгельса, «ужасный болван»[1]. Из номера в номер газета печатала сообщения о скандалах в городе, о городских сплетнях и прочую чепуху. Энгельс, полный энергии и юношеского задора, решил поиздеваться над газетой и высмеять мир филистеров. Он стал сочинять стихи, в которых в шутку хвалил листок, и посылал все это в редакцию за подписью Теодора Гильдебранда, а Альберт Мейер печатал стихи, не подозревая, что над ним издеваются. Энгельс использовал то обстоятельство, что «Bremer Stadtbote» находился в ссоре с другой местной газетой такого же направления — с «Bremisches Unterhaltungsblatt». В двадцатых числах февраля 1839 г. Энгельс написал для «Bremer Stadtbote» стихотворение «К врагам»[2], в котором в шуточной форме расписывал его заслуги в борьбе с недоброжелателями, имея в виду конкурирующую газету. Однако редакция «Bremer Stadtbote», публикуя эти стихи 24 февраля 1839 г., приняла их всерьез. Это дало повод для новой перепалки между двумя соперничавшими листками. «Bremisches Unterhaltungsblatt» 27 февраля 1839 г. перепечатала стихотворение «К врагам» с ироническими комментариями в адрес редакции «Bremer Stadtbote». Примерно 12 марта 1839 г. Энгельс послал Мейеру стихотворение «Книжная мудрость»[3], в котором под видом морализирующих рассуждений скрывалась насмешка. 24 марта «Bremer Stadtbote» напечатал его. Когда у Энгельса фантазия иссякала, он брал в руки «Stadtbote», находил там какую-нибудь тему, излагал ее в стихах и отправлял в редакцию. Наконец, Энгельсу эта шутка порядком надоела, он распрощался с газетой Мейера стихотворением «Городскому вестнику», напечатав его 27 апреля 1839 г. в «Bremisches Unterhaltungsblatt». В стихотворении он сообщал газете «Bremer Stadtbote» — в переводе на русский «Бременскому городскому вестнику» — правду о своей проделке:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 370.
[2] Там же, стр. 3—4.
[3] Там же, стр. 370—371.

«Послушай, «Вестник», не сердясь, о том,
Как над тобой я долго издевался;
Тебе моя насмешка поделом,
Ведь в дурнях ты, дружище, оказался.
. . . .
Теперь кляни, коль гневом обуян ты,
Всегда готового к услугам
Гильдебранда» [1].

Таким образом, мы видим, что в первые месяцы пребывания в Бремене идейное развитие Энгельса наложило отпечаток на его поэзию. Начав с подражания абстрактно-романтической поэзии Фрейлиграта, Энгельс постепенно преодолевает это влияние и выступает с самостоятельными стихами как активный борец за свободу. Хотя некоторые из его стихов и носят религиозную окраску, однако он истолковывает христианское учение по-своему, стремясь отыскать в нем свободолюбивые мотивы. Под влиянием Гёте и других прогрессивных мыслителей стали складываться эстетические взгляды Энгельса, в которых он проявляет тяготение к реализму. Рассмотренные выше стихи первых месяцев бременского периода отражают определенную ступень в мировоззрении молодого Энгельса, которую можно охарактеризовать как переходный этап от стихийного, не приобретшего еще четкие формы радикализма к революционному демократизму.

* * *

Важной вехой в творческой деятельности молодого Энгельса явилось его первое публицистическое произведение «Письма из Вупперталя», которое было написано в марте 1839 года. В марте и апреле того же года оно было напечатано в гамбургском литературном журнале «Telegraph für Deutschland». В этой работе Энгельс горячо выступил против пиетистско-ханжеского духа, господствовавшего в его родном городе, а также дал яркую картину существовавших там социальных и политических условий. Он показал тяжелую нужду и лишения рабочих и ремесленников, обреченных жестокой эксплуатацией на полуголодное существование. «Письма из Вупперталя», безусловно, свидетельствуют о формировании у молодого Энгельса революционно-демократических взглядов. На дальнейшее укрепление этих взглядов оказали влияние

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 5, 395—396.

произведения немецкого радикального публициста Людвига Бёрне, родоначальника литературного течения «Молодая Германия», а также сочинения писателей, принадлежавших к этому течению. Энгельс с сочувствием отнесся к новому литературному направлению, в творчестве представителей которого его прежде всего привлекают их свободолюбивые идеи, призыв к введению конституционного режима, к уничтожению сословного и национального неравенства, к отказу от всякого религиозного принуждения. 9 апреля 1839 г. Энгельс пишет Фридриху Греберу, что он младогерманец «душой и телом» [1]. Однако даже в период своего наибольшего увлечения произведениями писателей «Молодой Германии» Энгельс обращает внимание и на слабые стороны этого направления. Ему не нравится, что представители этой группы любят выступать с печатью «мировой скорби» на челе, что их произведения проникнуты страдальческим тоном, пессимизмом. Его симпатии привлекают лишь те писатели, которые стремятся приблизить литературу к общественной жизни, превратить ее в орудие активной политической борьбы. В такой борьбе он горит желанием участвовать сам.

Вскоре публицистика и литературная критика заняли основное место в творчестве Энгельса. Однако он по-прежнему продолжает писать стихи. Качественно новым в его поэзии стало ее содержание. Сюжеты отныне носят более конкретный характер, в стихотворениях находит отражение та идейная борьба, которая происходила в общественной жизни Германии.

В апреле 1839 г. Энгельс пишет трагикомедию «Неуязвимый Зигфрид». Фрагменты этой вещи он посылает Фридриху Греберу. «Куски, в которых изложено действие, я опустил,— пишет он ему,— переписал лишь вступление и сатирические моменты» [2]. В таком неполном виде это стихотворное произведение до нас и дошло.

Характеризуя трагикомедию в целом, следует сказать, что она свидетельствует о формировании сатирического жанра в поэзии Энгельса. Она явилась как бы предтечей более поздней поэмы «Библии чудесное избавление», где сатирический дар Энгельса развернулся с полной силой.

Главным действующим лицом своей трагикомедии Энгельс сделал героя немецкого средневекового эпоса Зиг-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 374.

[2] Там же, стр. 389.

фрида, к которому он питал симпатию с гимназических лет. Зигфрид с его кипучей энергией и стремлением к подвигам был для Энгельса символом борьбы немецкой молодежи против всего отживающего и умирающего и прежде всего против существующего реакционного строя, он был для него символом борьбы за свободу. Такое толкование образа Зигфрида Энгельс дал полтора года спустя в своем очерке «Родина Зигфрида».

Трагикомедия «Неуязвимый Зигфрид» носит в какой-то мере автобиографический характер. В первой части Зигфрид просит отца, короля Зигхарда, отпустить его в чужие края для свершения подвигов. Зигхард сначала противится, а потом отпускает сына. Эта сцена, безусловно, навеяна личными воспоминаниями молодого Энгельса и, в частности, теми разногласиями, которые у него существовали с отцом по поводу выбора профессии. Как известно, у Фридриха был план по окончании гимназии поступить в университет и изучать экономические и юридические науки. Однако из-за сопротивления отца этому плану не суждено было осуществиться. Стихи из первой части наводят также на мысль, что Энгельс летом 1838 г. охотно переселился в Бремен, радуясь, очевидно, возможности вырваться из окостенелой вуппертальской среды и из оков домашнего гнета с его лицемерной пиетистской моралью. Ведь, уходя из дома, Зигфрид полон воодушевления. Он сравнивает себя с горным потоком, который, сметая все препятствия, с неодолимой силой прокладывает себе дорогу:

«Когда поток стремится с гор,
Один, шумя, победоносный,
Пред ним со стоном гнутся сосны,
Он сам выходит на простор:
Так, уподобившись потоку,
Я сам пробью себе дорогу!» [1]

Таким образом, в своей трагикомедии Энгельс наделяет Зигфрида чертами, близкими самому себе: стремлением к свободе, жаждой активного вмешательства в жизнь, воздействия на нее. Из реплик Зигфрида видно, что Энгельс в это время был проникнут боевым настроением, которое должно было в скором времени получить более определенное содержание, так как он все активнее включался в революционно-демократическое движение.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 381.

Во второй части трагикомедии Зигфрид, странствуя по свету, попадает в кузницу, в которой занимаются отнюдь не кузнечным делом. Энгельс в сатирических красках рисует, как в ней на скорую руку мастерят журналы, новеллы, стихи и критические статьи. Однако среди авторов изготовляемых произведений фигурируют посредственные и совсем не прогрессивные писатели, поэты и критики. Возмущенный таким положением вещей, Зигфрид разносит кузницу в пух и прах. Эта сцена опять-таки отражает взгляды и настроения самого Энгельса, который выносит смертный приговор бездарной и реакционной литературной продукции.

В третьей части трагикомедии Зигфрид в лесу натыкается на драку «двух тощих схоластов» [1], противника философии Гегеля — Лео и ее сторонника — Михелета, которые швыряют друг в друга книгами. Первый обзывает своего соперника «собакой, гегеленком» и бросает в него библию. Тот отвечает ему подобными же ругательствами и запускает в голову томом Гегеля. Зигфрид в этом поединке остается нейтральным, не примыкая ни к той, ни к другой стороне. Желая положить конец неприглядному зрелищу, он убеждает обоих драчунов разойтись:

. . . . «Разною дорогой
Отсюда уходите вы
И выбросьте всю дурь из головы!» [2]

Энгельс в этой сцене в комических тонах изображает ту борьбу, которую реакционный историк и публицист Генрих Лео вел против последователей Гегеля. Лео издал в 1838 г. книгу «Гегелинги», в которой выступил с нападками на представителей гегелевской школы — Штрауса, Руге, Бруно Бауэра и Михелета. Хотя Энгельс как раз в это время ознакомился с книгой Лео и воззрениями Штрауса, он пока еще не занял определенной позиции в полемике между обеими сторонами, о чем и свидетельствуют вышеприведенные слова Зигфрида. Но критическая мысль Энгельса не удовлетворилась подобным решением вопроса. Он не мог оставаться нейтральным и поэтому тут же занялся более глубоким изучением доводов той и другой стороны. Не надо забывать, что очень часто путь Энгельса

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 387.
[2] Там же, стр. 388.

к выяснению той или иной истины был трудным путем сомнений и внутренней борьбы, усеянным в гораздо большей степени терниями и шипами, нежели розами. И вот уже через полтора месяца Энгельс пришел к выводу о безосновательности нападок Лео, которые имели пиетистскую подоплеку. «Лучше бы Лео держал язык за зубами,— писал Энгельс школьным друзьям 15 июня 1839 г., упрекая последнего в полном невежестве...— Кто хочет нападать на гегелевскую школу, должен сам быть равным Гегелю и создать на ее месте новую философию» [1]. В этом письме восемнадцатилетний юноша выступает в защиту гегелевской школы, отмечая, что «школа эта, на зло Лео, ширится с каждым днем» [2]. Это было почти за полгода до того, как Энгельс серьезно занялся Гегелем и стал его приверженцем. Таким образом, уже летом 1839 г. Энгельс был готов к восприятию прогрессивных сторон гегелевской философии.

В стихах Энгельса нашли отражение его мысли о великой преобразующей роли революционных потрясений в общественной жизни. Эти мысли начинают овладевать им уже в апреле 1839 г., когда он в письме Фридриху Греберу назвал июльскую революцию 1830 г. во Франции «самым прекрасным со времен освободительной войны проявлением народной воли» [3]. В девятую годовщину июльской революции 27 июля 1839 г. Энгельс написал гекзаметром стихотворение «Июльские дни в Германии», которое он отправил Фридриху Греберу. В нем Энгельс предвещает немецким королям и князьям в скором времени наступление революции в Германии, которая сбросит их с тронов. С особым негодованием клеймит он деспотичного ганноверского короля Эрнста-Августа, который в 1837 г. отменил конституцию, грубо поправ демократические завоевания народа:

«Но повеяла буря из Франции к нам, всколыхнулись
народные массы,
И колеблется трон, как средь бури ладья, и
дрожит в вашей длани держава.
С негодующим взором, Эрнст-Август, к тебе я прежде
всего обращаюсь:
Ты нарушил закон, своевольный тиран,
но прислушайся к голосу бури,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 402. (Письмо Энгельса В. Греберу от 24 мая — 15 июня 1839 г.)

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 372.

Посмотри, как народ негодует и меч не желает
в ножнах оставаться.
Так же ль крепок твой трон золотой, как мой челн,
необузданной бурей гонимый?» [1]

Эти строки свидетельствуют о том, как сильно всего за несколько месяцев вырос в политическом отношении молодой Энгельс. Если в «Бедуинах» мечты автора о свободе носят расплывчатый и отвлеченный характер, если во «Флориде» речь идет о борьбе отдельных студенческих организаций против произвола и деспотизма, то в «Июльских днях» автор уже воспевает революцию, которую он рассматривает не только как могучую силу, сметающую все отжившее, устарелое, но и как пробуждение подлинной творческой энергии широких масс народа. Именно народ был для Энгельса решающей силой в борьбе против феодальной реакции. Из этого стихотворения и других высказываний Энгельса видно, что он был сторонником революционного способа устранения социальных и политических преград, прежде всего абсолютной монархии и сословных барьеров, стоящих на пути прогрессивного развития Германии, ее национального объединения и установления в ней демократического строя. Стихотворение «Июльские дни в Германии» дает возможность сделать вывод, что летом 1839 г. революционно-демократические взгляды Энгельса приобрели конкретные черты.

Восемнадцатилетний юноша уже к середине 1839 г. обогнал в политическом развитии своих идейных вдохновителей в лице писателей «Молодой Германии», так как умел гораздо глубже, полнее и всестороннее, чем они, рассматривать общественные явления.

Весной 1839 г. Энгельс написал ряд стихов, следов которых не осталось. Так, в апреле он сочинил канцону и песню [2]. Обе эти вещи он отправил братьям Греберам. Кроме того, он собирался написать еще одну песню и послать ее Вильгельму Греберу [3]. Выполнил ли он свое обещание, неизвестно. В апреле же Энгельс приступил к написанию произведения о короле баварском Людвиге I. Из письма Фридриху Греберу от 1 мая 1839 г., в котором он сообщает об этой вещи, неясно, идет речь о прозаиче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 414.
[2] См. там же, стр. 379, 396, 401.
[3] См. там же, стр. 396.

ском или стихотворном произведении. Неясно также, завершил Энгельс эту вещь или нет. Нам известно лишь из того же письма, что «тут дело плохо» и что «вещь лишена законченности и завязки» [1].

Во второй половине 1839 г. Энгельс добивается в сочинении стихов больших успехов. Так, 30 июля он пишет Вильгельму Греберу: «Шлю вам кучу стихов, поделитесь между собой» [2]. Примерно в это же время он посылает своим барменским друзьям поэму «Возрожденный Одиссей» [3]. Очевидно, все эти вещи безвозвратно утеряны. Их нет ни в семейном архиве Энгельсов, ни в других архивах. Можно предполагать, что поэма «Возрожденный Одиссей» представляла собой значительное произведение. Энгельс, как уже говорилось, весьма критически относился к своим стихотворным творениям и отнюдь не был склонен хвалить их безосновательно. Он даже писал в апреле Фридриху Греберу про свои поэмы, что они скорее всего годятся «на макулатуру и клозетную бумагу» [4], явно умаляя их достоинства. Однако о поэме «Возрожденный Одиссей» он был другого мнения. С его слов, он прочел ее в декабре одному бременскому издателю, и тот пришел «в необычайный восторг» [5]. Очевидно, он был согласен с мнением издателя.

13 ноября Энгельс сообщает Вильгельму Греберу о своих обширных литературно-художественных планах и о том небывалом творческом подъеме, который охватил его: «В моей груди постоянное брожение и кипение,— пишет он,— ... я томлюсь в поисках великой мысли, которая очистит от мути то, что бродит в моей душе, и превратит жар в яркое пламя. У меня теперь зарождается великолепнейший сюжет, по сравнению с которым все прежде написанное мной только ребячество» [6]. Как следует далее из письма, юный Энгельс собирался написать новеллу-сказку. На этот раз речь шла уже не о стихотворном, а о прозаическом художественном произведении или во всяком случае о такой вещи, в которой проза преобладала бы. Темой новеллы должна была явиться борьба за свободу, носителями которой Энгельс хотел изобразить трех героев немец-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 389.
[2] Там же, стр. 419.
[3] Там же, стр. 422.
[4] См. там же, стр. 379.
[5] Там же, стр. 438.
[6] Там же, стр. 431—432.

ких народных сказаний, Фауста, Вечного жида и Дикого охотника, намереваясь, очевидно, наделить их чертами вождя чешского национально-освободительного движения XIV—XV веков Яна Гуса. Таким образом, юноша хотел показать, как уже в средние века начали возникать близкие ему свободолюбивые идеи. «Я хочу попытаться решить хотя бы часть той задачи, которую поставил себе Гуцков,— писал Энгельс.— Еще только предстоит написать подлинную вторую часть «Фауста», где Фауст уже не эгоист больше, а жертвует собой за человечество» [1].

Наверное, этот план у Энгельса возник в связи с работой над статьей «Немецкие народные книги», которая была напечатана в ноябре 1839 года. Касаясь в ней сказаний о Фаусте и Вечном жиде, он называет их «самыми глубокими творениями народной поэзии всех народов» [2]. Однако, отмечает Энгельс, в издаваемых в Германии народных книгах эти сказания низведены до уровня пошлых, банальных историй. Энгельс хотел в своей новелле-сказке не только вернуть сказаниям о Фаусте и Вечном жиде первоначальную глубину, но и сделать их героев поборниками современных идеалов свободы.

На новом творческом замысле Энгельса лежит также отпечаток влияния «Молодой Германии». Ведь писатели этого направления нередко пользовались библейскими персонажами или образами старых народных сказаний, вкладывая в них современное содержание. К произведениям писателей «Молодой Германии» Энгельс в это время обращался не в последнюю очередь для того, чтобы выработать у себя современный стиль, который, по его словам, «несомненно, является идеалом всякой стилистики» [3]. Образцом для Энгельса в этом плане служили прежде всего произведения Гейне и Бёрне, а также сочинения Гуцкова, Винбарга и Кюне.

Возвращаясь к замыслу Энгельса написать новеллу-сказку, следует добавить, что еще до возникновения этого плана он начал сочинять стихотворную поэму о Диком охотнике, фантастическом персонаже немецкого народного сказания, который в черном плаще верхом на коне носится по дорогам в сопровождении душ умерших и приносит

---

1 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 432.
2 См. там же, стр. 15.
3 Там же, стр. 422.

всем встречным беды и напасти. В связи с новым литературным замыслом Энгельс отказывается продолжать поэму и думает ее мотивы использовать в новелле-сказке. Возможно, он в свою прозаическую вещь собирался включить уже написанные им стихотворные куски из «Дикого охотника». Во всяком случае, Энгельсу в это время была не чужда мысль о написании такого произведения, в котором стихи чередовались бы с прозой [1].

Видимо, Энгельс был сильно увлечен своим поэтическо-литературным творчеством и чувствовал, что он все более овладевает художественным мастерством. «Я втихомолку воздвигаю себе из новелл и стихов памятник славы, который... озарит своим ярким, юным блеском все немецкие государства»...[2],— сообщал он Вильгельму Греберу в том же письме. И хотя в его словах о покорении Германии своими художественными сочинениями звучат несколько иронические нотки, он в общем-то, как это можно судить по письму в целом, всерьез говорит о своих литературных достижениях и убежден в том, что «новый замысел будет той настоящей вещью», посредством которой он приобретет «себе имя» [3].

Какие-то неизвестные причины помешали Энгельсу осуществить эти намерения и написать новеллу-сказку. Однако его высказывания о содержании новеллы и ее идеях свидетельствуют о глубине творческих планов Фридриха, отражавших его свободолюбивые революционно-демократические взгляды.

Из письма Энгельса Фридриху Греберу от 9 декабря 1839 г. мы также получаем исключительно интересные сведения о его литературных занятиях и планах на будущее, в том числе и о поэтическом творчестве. «Я пишу много стихов, которые, однако, нуждаются в тщательной отделке, и работаю над различными прозаическими вещами для выработки стиля» [4],— отмечает юноша. Далее он сообщает, что написал две вещи — «Бременскую любовную историю» и «Евреев в Бремене» и собирается написать довольно большое произведение объемом в пять печатных листов под названием «Бременские вечера», в которое хочет в разных местах включить стихи. Он рассказывает

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 438.
[2] Там же, стр. 431.
[3] Там же, стр. 432.
[4] Там же, стр. 438.

в письме, как накануне разговаривал с одним бременским издателем. Этот издатель не только горячо похвалил «Возрожденного Одиссея», о чем уже говорилось, но и заказал Энгельсу роман, а также пожелал заполучить у него томик стихов, чтобы опубликовать их.

Произведения, которые Энгельс называет в этом письме, ни в рукописном, ни в опубликованном виде до нас не дошли. Что касается стихов, то Энгельс сам отмечает, что на целый том их не хватило. Но не в этом, очевидно, заключалась главная причина, почему ни стихи, ни другие упоминаемые Энгельсом вещи не увидели света.

Наверное, препятствием к опубликованию явилась цензура, на которую Энгельс жаловался братьям Греберам. «Кто пропустит «Одиссея»? [1]»,— сетовал он. Однако ни на какие уступки цензуре он не собирался идти, так как не хотел «совершать детоубийство над собственными мыслями» [2]. Во всяком случае, предвидение Энгельсом возможных возражений со стороны цензуры лишь говорит за то, что все эти утраченные для нас стихотворения и прозаические вещи юноши, в том числе и поэма «Возрожденный Одиссей», были написаны в боевом, оппозиционном духе.

Таким образом, в 1839 г. Энгельс написал большое количество стихов. То, что сохранилось, явно составляет их меньшую часть. Такое горячее увлечение юноши стихосложением, а также его некоторые замечания дают основание предполагать, что он не зря пробовал свои силы на поэтическом поприще.

* * *

Следующие страницы поэтического творчества Энгельса связаны с новыми важными сдвигами в его мировоззрении, с его стремлением найти для своих революционно-демократических убеждений необходимую философскую основу, с его обращением с этой целью к наиболее передовому философскому направлению того времени — к гегелевской философии, с процессом ее критического усвоения.

Из писем Энгельса братьям Греберам видно, что мучившие его религиозные сомнения все более возрастают и летом 1839 г. у него уже начинается процесс преодоле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 438.
[2] Там же.

ния христианской веры, который расчищает перед Фридрихом путь, ведущий к атеизму. От письма к письму раскрывается напряженная работа мысли пытливого юноши, который приходит к выводу, что в библии имеются неразрешимые противоречия и что нельзя примирить науку с религией. Важную роль в созревании атеистических воззрений молодого Энгельса сыграла вышедшая в 1835—1836 гг. книга младогегельянца Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», которая объявляла евангелия собранием легенд и мифов, подрывая тем самым веру в действительность евангельских чудес и показывая беспочвенность христианской ортодоксии. Книга Штрауса, в свою очередь, дала толчок чтению Энгельсом произведений Гегеля, с «Философией истории» которого он знакомится в конце 1839 г. «Я как раз на пороге того, чтобы стать гегельянцем» [1],— признается Энгельс в письме Вильгельму Греберу от 20 ноября 1839 года. Последующие письма Энгельса братьям Греберам, а также его статьи показывают, что, став приверженцем гегелевской философии, он в отличие от правых гегельянцев, превозносивших консервативные элементы философии Гегеля, усвоил ее наиболее радикальные стороны и делал из нее революционные выводы. Стремление Энгельса соединить гегелевскую философию с политикой, демократией и революцией выделяет его также из младогегельянского движения, в рамках которого он действовал с ноября 1839 года.

Новые философские увлечения не могли не отразиться на поэзии молодого Энгельса. В конце июня и в июле 1840 г. Энгельс написал очерк «Ландшафты», опубликовав его в журнале «Telegraph für Deutschland» под псевдонимом *Фридрих Освальд*, под которым он уже и раньше неоднократно печатал свои статьи. В этой статье Энгельс описывает свои впечатления от путешествия, предпринятого весной 1840 года. Через Вестфалию он отправился сначала на родину, а оттуда в Голландию и на короткое время в Англию, из которой снова вернулся в Бремен. В статье Энгельс приводит стихи, автором которых до сих пор считался какой-то неизвестный поэт. Так, в первом издании MEGA к ним дано примечание, которое гласит, что «автора этих стихов обнаружить не удалось» [2]. Однако

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 436.

[2] Marx-Engels Gesamtausgabe, Abt. I, Bd. 2, S. 645, примечание к стр. 79.

почему-то никто из исследователей молодого Энгельса при анализе статьи «Ландшафты» не выдвинул предположения, что стихи эти принадлежат самому Фридриху. А между тем такая гипотеза вполне допустима. До сих пор никто не смог обнаружить этих стихов у кого-либо из известных или даже малоизвестных поэтов Германии. Конечно, познакомиться с поэзией всех малоизвестных немецких писателей того времени было бы просто невозможно. Многие их стихи печатались в журналах и газетах, не имеющихся в нашем распоряжении, и больше никогда не переиздавались. Но если бы Энгельс цитировал стихотворение какого-нибудь незначительного поэта, он непременно назвал бы его имя, иначе читатели могли бы подумать, что Энгельс чужие стихи выдает за свои. Без ссылки на автора он, очевидно, мог процитировать лишь хорошо известные стихи, зная, что читатели не воспримут их как плагиат. Но и этим приемом он в этот период не пользовался [1]. Цитируя стихи даже знаменитых поэтов, Энгельс называет их имена. Так он это делает, например, в статье «Скитания по Ломбардии», приводя в своем переводе на немецкий язык сонет Петрарки [2].

О принадлежности перу Энгельса стихотворных строф из статьи «Ландшафты» говорит прежде всего их характер. В этой статье Энгельс отдает дань философии Гегеля, которой он был тогда увлечен. На пароходе по пути из Голландии в Англию его, как он говорит, охватило «блаженное чувство». «Смотри на далекую, зеленую поверхность моря...,— пишет он,— и тогда исчезнут для тебя все мелочные заботы, все воспоминания о врагах света и их коварных происках, и ты растворишься в гордом сознании

---

[1] Впоследствии Энгельс, как и Маркс, цитируя Гёте, Шиллера, Гейне, Шекспира и других знаменитых и известных поэтов, часто не называет их, полагая, что приводимые выдержки и без того известны читателю.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 154—155. Можно было, правда, предположить, что Энгельс в статье «Ландшафты» цитирует стихи немецкой поэтессы Аннетты Дросте-Хюльсхофф, с которыми, как он пишет в этой статье, он познакомился во время своего путешествия и которые привели его в восторг. Однако при самом тщательном просмотре ее сочинений приводимых Энгельсом строф найти не удалось. Не оказалось этих строф и в произведениях великого английского поэта Перси Биши Шелли, о котором Энгельс тоже упоминает в статье и переводом стихов которого он в это время занимался.

свободного, бесконечного духа»[1]. Эти пантеистические настроения, навеянные гегелевской философией, Энгельс и выразил в стихах, которые тесно связаны с содержанием статьи. Приведем полностью все три строфы, которые отличаются необыкновенной поэтичностью:

«Обиды злого рока
Ты, наконец, забудь!
Перед тобой широко
Открыт свободный путь.
Гляди! Склонен бездонный
Над морем небосвод;
Меж них ты — раздвоенный —
Как мнишь найти проход?

К земле в томленьи страстном
Приникнул небосклон;
Он плотию прекрасной
Блаженно опьянен.
Волны порыв влюбленный
Вздымает бурно грудь;—
А ты, ты раздвоенный —
Как завершишь свой путь?

С благим бессмертным богом
Мир сочетан навек,
И их любви залогом
Явился человек.
Бог несказанным чудом
Живет в груди твоей:
Достойным будь сосудом
И божий дух лелей!»[2]

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 78.

[2] Там же, стр. 77—78.

Чтобы читатель мог полностью оценить достоинства этого стихотворения, приводим его в оригинале:

Und nun vergiß der Schmerzen,
Die man dir angetan,
Und geh'mit ganzem Herzen
Die große freie Bahn.
Der Himmel beugt sich nieder
Wird eines mit dem Meer —
Du willst zerrissen wieder
Fahren dazwischen her?

Der Himmel beugt sich nieder,
Umfängt die schöne Welt,
Selig der schönen Glieder,
Die er umschlungen hält,
Als wollte sie ihn küssen,
So hüpfte die Welle auf,
Und du, du willst zerrissen
Vollenden deinen Lauf?

Sieh'wie der Gott der Liebe
Sich in die Welt versenkt,
Und daß er ihr verbliebe,
Sich ihr im Menschen schenkt!
Trägst du nicht allerwegen
Den Gott im Busen dein?
So lass' ihn frei sich regen,
Und seiner würdig sein!

(Marx-Engels Werke. Ergänzungsband. Zweiter Teil. S. 71—72).

В последней строфе стихотворения, как и в самой статье, Энгельс выразил свое отношение к гегелевской философии, которую он на первых порах воспринимал как форму пантеизма и «титанические идеи» которой, как он сам выразился, захватили его [1]. Стихи эти ничего общего не имеют с верой в христианского бога, хотя слово *бог* здесь неоднократно повторяется. Говоря о боге, Фридрих имеет в виду «гегелевскую идею бога», которая, как он писал Греберам, стала его идеей [2], т. е. он имеет в виду гегелевский абсолютный дух, перевоплощающийся в природу и человека. Выраженные здесь взгляды Энгельса на религию носят гораздо более радикальный характер, чем те, которые у него были до знакомства с книгой Штрауса и философией Гегеля, когда он еще верил в христианского бога. Очень важное значение для понимания восприятия Энгельсом гегелевской философии имеет его замечание о том, что, согласно Гегелю, «человечество и божество по существу тождественны» [3]. Это был явный шаг Энгельса к атеизму. Все эти воззрения и были Энгельсом запечатлены в образной форме в стихах.

В июле 1840 г. молодой Энгельс написал, безусловно, лучшее свое стихотворение «Вечер», которое он опубликовал в следующем месяце в журнале «Telegraph für Deutschland» под своим обычным псевдонимом *Фридрих Освальд*. Стихотворение отличается истинно поэтическим пафосом, удачно выражая как политические, так и философские взгляды автора. В это время Энгельс увлекался поэзией Шелли, свободолюбивые революционные настроения которого, безусловно, нашли отражение в его стихотворении. Энгельс взял к нему эпиграфом шеллиевские слова «День завтрашний придет», которые дважды повторяются в поэме «Королева Маб». Да и сама тема утренней зари свободы, проходящая красной нитью через все стихотворение, тоже заимствована у Шелли.

Стихотворение «Вечер» состоит из восьми строф, написанных пятистопным ямбом с перекрестной или опоясывающей рифмой. Оно начинается с описания того, как Энгельс, сидя в саду, наблюдает за закатом солнца, медленно опускающегося в волны. Приближающийся вечер вызывает у него тоску по утренней заре. Он погружается

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 440.
[2] См. там же, стр. 439.
[3] Там же, стр. 441.

в эту мысль, и перед ним вырисовывается картина счастливого будущего человечества:

«Уже бледней вечерняя заря,
Лишь миг,— уже грядет заря свободы;
Вот вспыхнет солнце, пурпуром горя,
Минует ночь, а с ней — ее невзгоды.
Тогда взрастет цветов младое племя
Не только там, где мы бросали семя,—
Цветущим садом станет вся земля» [1].

Однако, говорит Энгельс, грядущая свобода достанется людям нелегко. В кровавой борьбе они должны будут повергнуть старый мир в руины, сокрушив троны и свергнув деспотов, и водрузить на земле «штандарт свободы». Здесь содержится та же мысль о необходимости революционного переворота, которую Энгельс высказал в стихотворении «Июльские дни в Германии», а также неоднократно выражал в письмах к братьям Греберам [2].

В «Вечере» Энгельс выступает, таким образом, как пламенный революционный демократ, преисполненный глубокой веры в победу народа. Он с благодарностью вспоминает о своем идейном учителе Людвиге Бёрне, которого он в это время в других своих работах назвал «человеком политической практики», а его сочинения — «деяниями во имя свободы» [3], тем самым противопоставляя его представителям течения «Молодой Германии», все более разочаровывавшим Энгельса своей нерешительностью и половинчатостью. В «Вечере» Энгельс подчеркивает то огромное влияние, которое Бёрне оказал на формирование политических взглядов революционных демократов, в частности, его собственных:

«И я один из вольных тех певцов,
Дуб — это *Бёрне*, бывший мне поддержкой,
Когда гонители, в тисках оков,
Германию пятой сдавили дерзкой.
Да, я одна из этих смелых птах,
Плывущих в мире вольного эфира» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 87.

[2] Например, Энгельс писал Фридриху Греберу 5 февраля 1840 г.: «От государя я жду чего-либо хорошего только тогда, когда у него гудит в голове от пощечин, которые он получил от народа, и когда стекла в его дворце выбиты булыжниками революции» (там же, стр. 444).

[3] См. там же, стр. 122—123.

[4] Там же, стр. 88.

Нашел отражение в «Вечере» и переход Энгельса к философии Гегеля, в которой он стремился найти обоснование своей революционной социально-политической программы. В этой философии его прежде всего привлекала идея развития, диалектика. В пятой строфе Энгельс образно изображает схему идеи развития в гегелевской философии, согласно которой абсолютный разум, развиваясь по принципу триады, порождает сначала природу, потом мышление отдельных людей, после чего снова возвращается к себе, т. е. познает себя:

«И человечество отныне твердо
Направит к небу шаг спокойно-гордый,
Чтоб созерцать прообраз всех духо́в.
Не из его ль возникли люди лона,
Не снова ль их в себя оно приемлет,
Как звенья цепи, духом укрепленной,
Что, вечная, материю объемлет!» [1].

Таким образом, мы видим, что Энгельс в этом стихотворении в поэтической форме повторяет ту мысль, которая была им на полгода ранее высказана в статье «Ретроградные знамения времени»: чтобы успешно бороться с силами реакции, необходимо соединить рациональные и революционные элементы гегелевской философии с радикальными политическими воззрениями Бёрне, осуществить «взаимодействие науки и жизни, философии и современных тенденций» [2].

Энгельс в этом стихотворении призывает не только к ниспровержению власти королей и князей, но идет дальше и выражает недовольство существующими капиталистическими отношениями. Правда, критика капитализма у Энгельса содержится и в «Письмах из Вупперталя», и в статье «Поездка в Бремерхафен», которую он написал одновременно с «Вечером». Однако в рассматриваемом стихотворении уже содержатся зародыши социалистических идей, которые носят пока еще утопический характер. Мечтая о социальной справедливости, Энгельс говорит, что утренняя заря даст людям не только свободу. Вместе с ней возникнет такое общество, где не будет места богачам, торгашам и эксплуататорам. В этом обществе будут царить равенство и счастье, а также справедливое распределение

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 89.
[2] Там же, стр. 30.

благ. Наконец, эта заря принесет людям мир и дружбу между народами:

«Тогда корабль сквозь волны повезет
Не грузы богачу для накопленья
И не товар — купцу в обогащенье,
А счастья и свободы сладкий плод.
. . . .
И человек идет; и мирный взор
Куда ни бросит он, куда ни станет,
Меж братских крыш, в гостеприимном стане,
Приют всегда найдет он с этих пор»[1].

Эти социалистические идеалы возникли у Энгельса скорее всего под влиянием Шелли, который аналогичные мысли высказывал в «Королеве Маб» и других произведениях. Напомним, что сам Шелли воспринял социально-утопические идеи от английского писателя Уильяма Годвина.

Стихотворение «Вечер» — безусловно, зрелое художественное произведение. Оно написано ярким красочным языком, в романтическо-приподнятом стиле, что, впрочем, вполне соответствует его торжественному содержанию. Будущее общество и путь к нему представляются наблюдающему закат солнца юноше в виде фантастических грез. Поэтому автор широко пользуется символическими образами, которые не только не портят впечатление, а, наоборот, усиливают эмоциональное воздействие стихотворения. Кстати, символические образы довольно часто встречаются и у Шелли. Все стихотворение написано необычайно стройно, оно пронизано единой мечтой о свободе и будущем счастливом обществе. Необычайно удачны находки автора, помогающие ярче передать главную мысль. Так, в седьмой строфе Энгельс выражает уверенность, что с возникновением будущего общества, где все будут счастливы, появится талантливый поэт, который воспоет его. Энгельс называет его «новым Кальдероном». И далее, говоря о том, как этот новый Кальдерон изобразит в своих произведениях борьбу человечества за свободу и его победу, Энгельс очень удачно вплетает в ткань стиха названия пьес выдающегося испанского драматурга Кальдерона де ла Барка[2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 89.

[2] Это — «Мантибльский мост», «Врач своей чести», «Стойкий принц», «Дочь воздуха», «Жизнь — это сон» и «Апрельское и майское утро».

Певец нового общества, говорит Энгельс, расскажет о том,

«...как, сквозь тучи пик,
Тиранов мощь разбил поток народа,
Как через *мост мантибльский* он проник
В обетованную страну свободы;
И как он стал, в порыве грозной мести,
Целителем своей народной *чести*,—
Он, что давно, как *мужественный князь*,
Освобожденья ждал, в цепях томясь.
Тогда из царства горнего эфира,
Дочь воздуха, свобода низошла,
И мощью чар ее звучала лира,
И *жизнь* вокруг, как сладкий *сон*, была;
И, наполняя снова кубок мира,
Сверкающая влага потекла;
Вставало солнце, *утра* озаряя
Апреля нежного, златого *мая*» [1].

Есть все основания не согласиться с мнением М. В. Серебрякова, который, признавая глубину содержания «Вечера», склонен отрицать чисто художественные достоинства стихотворения. Он находит в нем «несовершенство формы», «тяжелую архитектонику», «наивное подражание Кальдерону и Шелли», «гипертрофию образов, их громоздкость и искусственность» [2]. Думаем, что художественную сторону стихотворения совершенно правильно оценил известный биограф Энгельса Густав Майер. «Никакое другое стихотворение Энгельса не содержит такой сильной поэтической струи» [3],— писал он.

Тематически к «Вечеру» примыкает стихотворение «Ночное путешествие», которое Энгельс написал в конце 1840 г. и опубликовал под тем же самым псевдонимом в еженедельнике «Deutscher Courier» 3 января 1841 года. Энгельс тут описывает свое путешествие по Северной Германии весной 1840 г., которого он уже касался в статье «Ландшафты». Он рассказывает, как он

...«ехал ночью темной, одиноко,
Через немецкий край, известный всем нам,
Где властью все угнетены жестокой
И где сердца кипят в порыве гневном —

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 90.
[2] *М. В. Серебряков*. Цит. соч., стр. 43.
[3] *G. Mayer*. Friedrich Engels. Eine Biographie. Bd. 1, Brl., 1920, S. 50.

На то, что здесь добытая трудами
И долгою бессонницей свобода
Вновь изгнана, и злыми языками
Позорится она в глазах народа»[1].

Совершенно ясно, что Энгельс в этих строках имеет в виду Ганноверское королевство, где с воцарением короля Эрнста-Августа, отменившего конституцию, установился деспотический режим. Как и в «Вечере», здесь речь идет о грядущем утре, которое принесет Германии свободу и мир.

Энгельс и в этом стихотворении, по-видимому, отдает должное гегелевской философии. Так, в предпоследней строфе говорится:

«Да, древо духа мощными корнями
Обломки ветхой старины сломало,
Ну, а потом — прекрасными цветами
Оно цвести для всех народов стало»[2].

Очевидно, «древо духа» — это и есть гегелевская философия, опираясь на которую, по мнению Энгельса, революционные борцы могут одержать победу и завоевать свободу.

25 августа 1840 г. в возрасте сорока четырех лет неожиданно умер немецкий писатель Карл Иммерман, пользовавшийся при жизни довольно большой популярностью. Молодой Энгельс немедленно откликнулся на это событие стихотворением «На смерть Иммермана»[3], которое за подписью Фридрих Освальд 10 октября было опубликовано в газете «Morgenblatt für gebildete Leser». По своим поэтическим достоинствам оно может быть отнесено к числу лучших стихотворений Энгельса и, пожалуй, уступает только «Вечеру». Примерно через полгода Энгельс вернулся к оценке умершего писателя в статье ««Воспоминания» Иммермана»[4], в которой более подробно изложил основные мысли стихотворения и которая как бы является ключом к его пониманию.

Стихотворение интересно главным образом тем, что в нем нашло отражение развитие эстетических взглядов Энгельса, которые формировались под влиянием гётевского

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 132.
[2] Там же, стр. 133.
[3] Там же, стр. 103—105.
[4] Там же, стр. 136—144.

реализма. Уже вскоре после прочтения советов Гёте молодым поэтам Энгельс начинает требовать от современных ему писателей воссоздания подлинных, жизненно достоверных характеров и ситуаций. Эту точку зрения Энгельс высказал братьям Греберам в письме от 20 января 1839 года [1]. Постепенно он все более убеждается в необходимости реалистического изображения писателями действительности. В реализме Энгельс начинает видеть наиболее плодотворное направление для литературы и искусства. Эти черты нового подхода к литературе проявились и в стихотворении об Иммермане, и в упомянутой статье о нем.

В стихотворении Энгельс прежде всего отмечает, что в последние годы жизни Иммермана, который долго не мог добиться успеха у публики, к нему резко изменилось отношение читателей, признавших, наконец, его талант. При этом особенно большим расположением к нему прониклось молодое поколение:

«О гневный властелин могучих чар!
Уходишь ты в край вечного покоя
Как раз когда, познав твой светлый дар,
Склонились все мы низко пред тобою?
. . . .
Ты отдавал неугасимый жар
Своей души иному поколенью,
Оно признало твой могучий дар,
Рукоплескало твоему творенью» [2].

Энгельс раскрывает причину популярности Иммермана, которую он приобрел в последний период своего творчества. В сознании Иммермана происходила борьба между прогрессивными и реакционными сторонами его мировоззрения: приверженностью к прусскому реакционному строю и стремлением правдиво изобразить существующую действительность. Французская Июльская революция дала толчок процессу освобождения писателя от реакционных воззрений. Он вступает на путь конкретного изображения немецкой действительности с присущими ей противоречиями и создает роман «Эпигоны», в котором, разделываясь со своим романтическим прошлым, показывает борьбу уходящего дворянства с поднимающейся буржуазией. Обращение к реалистическому изображению действи-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 363.
[2] Там же, стр. 104.

тельности как раз и принесло Иммерману славу. Весь этот сложный путь писателя Энгельс удачно рисует в стихах:

«А ты, о ныне пленник немоты,
С самим собой боролся ты жестоко,
С усобицей, в которой вырос ты,
Ты бился доблестно — и одиноко.
И долгой ночью, что во мгле густой
Немецкую поэзию держала,
Ты бодрствовал в борьбе с самим собой,
Пока нам утро вновь не воссияло.
Когда же в стены дома твоего
Июльский гром ударил с грозной силой,
Ты «Эпигоны» создал для того,
Чтоб проводить прошедшее в могилу» [1].

Именно тем и был для Энгельса ценен Иммерман, что он шел как писатель и художник по правильному пути. Энгельс считал, что если бы не смерть, развитие писателя, создавшего после «Эпигонов» роман «Мюнхгаузен», острую сатиру на немецкий абсолютизм и дворянство, продолжалось бы и дальше в демократическом и реалистическом направлении и он смог бы преодолеть свои консервативные взгляды. Скорбя об Иммермане, Энгельс с искренней горечью восклицает:

«Прощай! Ты нас совсем осиротил,
Тебя сравнить у нас, ты знаешь, не с кем» [2].

И Энгельс был прав. Романы Иммермана, несмотря на ограниченность политических воззрений писателя, были единственными произведениями этого жанра в немецкой литературе первой половины XIX века, дающими сравнительно верную картину действительной жизни немецкого общества того периода.

Оценка Энгельсом творчества Иммермана свидетельствует о том, что уже к началу сороковых годов в мировоззрении Фридриха создавались предпосылки для выработки будущей стройной концепции реализма. Следует, правда, отметить, что сам термин *реализм* применительно к литературе и искусству Энгельс стал употреблять значительно позже, хотя то содержание, которое он впоследствии вкладывал в это слово, уже начало находить у него отражение. При этом реализм в эстетике сочетался у Энгельса с рево-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 104.
[2] Там же, стр. 105.

люционным демократизмом в политике и передовым философским мировоззрением. Сочетание этих трех компонентов позволило ему выработать глубокие критерии для оценки литературных явлений и творчества писателей.

Выше отмечалось, что к началу 1839 г. Энгельс перестал испытывать влияние Фрейлиграта на свое стихотворное творчество. Однако Энгельс продолжал считать его одним из самых талантливых современных поэтов Германии. Он был хорошо знаком с творчеством Фрейлиграта, как с прежними его произведениями, так и с новыми вещами. Поэтому нет ничего удивительного, что для стихотворения «На смерть Иммермана» Энгельс чисто внешне воспользовался формой фрейлигратовского стихотворения «На смерть Граббе». Напомним, что в начале стихотворения Энгельс изображает военный лагерь, в одной из палаток которого он веселился вместе с друзьями:

«Под славное испанское вино
Немецкие мы песни распевали,
Вдали светлело поля полотно,
И от бессонницы глаза устали.
Вот солнца первый луч проник в шатер,
Бокалы наши озарив пустые...
А нам пора. Нас вновь зовет простор,
И снова кони нас несут лихие!» [1].

Надо сказать, что осенью 1840 г. под Бременом проходили маневры ганзейских войск, и Энгельс, как это видно из его письма к сестре Марии, ездил туда, чтобы посмотреть на эти маневры [2]. Возвратившись после пиршества домой, Энгельс, как изображается в стихотворении, узнает из газет печальную новость. Это построение заимствовано у Фрейлиграта, который в стихотворении «На смерть Граббе», написанном в 1836 г., рассказывает, как он посетил прусский военный лагерь и там узнал от одного знакомого о безвременной смерти писателя. Интересно, что стихотворение Фрейлиграта тоже начинается описанием лагеря:

«Смеркалось... Лагерь все костры зажег.
В шатре вождя победно пел рожок,
И полоскались на ветру знамена.
Бил барабан во имя торжества,
И затрубили в трубы двадцать два
Победоносных батальона» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 103.
[2] См. там же, стр. 457 и 459.
[3] *Ф. Фрейлиграт*. Избранные произведения. М., 1956, стр. 85.

Далее и Фрейлиграт, и Энгельс переходят к воспоминаниям об умерших писателях, первый — о Граббе, второй — об Иммермане. И если Фрейлиграт упоминает наиболее значительные произведения Граббе — трагедию «Дон Жуан и Фауст» и драму «Наполеон, или Сто дней», то и Энгельс упоминает «Эпигоны». На этом, да еще на одинаковых названиях стихотворений и кончается сходство. Фрейлиграт не дает характеристики творчества Граббе. Он в духе элегии ограничивается рассуждениями о бренности земного существования и о трагической судьбе непонятого поэта. Энгельс же прослеживает трудный путь поэта от неизвестности к признанию и видит в его обращении к изображению реальной действительности, в его связи с народом залог его успеха. У Энгельса совершенно особая, своя общественно-политическая и эстетическая позиция. Поэтому ни о каком подражании Фрейлиграту говорить здесь нельзя, как никто, например, не может говорить о том, что Пушкин в стихотворении «Памятник» подражает Державину, хотя он заимствовал у него не только структуру и размер стихов, но формально и содержание, наполнив его, однако, совсем иным идейным смыслом.

Благодаря своим поэтическим достоинствам и глубокому содержанию стихотворение «На смерть Иммермана» получило более широкое признание, чем другие стихотворные произведения Энгельса. Несколько лет тому назад, во второй половине пятидесятых годов, были обнаружены на этот счет интересные материалы. Оказывается, почти через год после опубликования в газете стихотворения Энгельса об Иммермане оно было перепечатано в сборнике «Песни нашего времени», выпущенном штутгартским издательством Адольфа Краббе[1]. В него вошло 53 стихотворения наиболее известных немецких поэтов того времени, в том числе Уланда, Ленау, А. Грюна, Фрейлиграта, Бека, Гуцкова, Пруца, Платена, Шюккинга, Гервега. Уже сам перечень авторов говорит о том, что к Фридриху Освальду, т. е. Энгельсу, относились в то время как к заметной фигуре в поэтическом мире. В одном из июльских номеров гуцковского журнала «Telegraph für Deutschland»[2], была опубликована на сборник рецензия, автор которой не назван. В ней давалась положительная оценка сборнику и в числе авторов антологии указывался Освальд.

[1] «Lieder der Zeit». Stuttgart, Verlag von Adolph Krabbe, 1841.
[2] «Telegraph für Deutschland», № 114, 1841.

Два своих стихотворения Энгельс посвятил Наполеону. Одно из них, «Святая Елена», он написал в ноябре 1840 г., второе — «Перенесение праха императора» — в декабре того же года [1]. Поводом для написания этих вещей явилось перенесение останков Наполеона I с острова Святой Елены в Париж, где они были торжественно погребены 15 декабря 1840 года.

Энгельс к Наполеону относится двойственно. Видя в Бонапарте завоевателя, который принес народам национальное угнетение, он в то же время рассматривал его в какой-то мере и как наследника Великой французской революции, к которой относился восторженно, как провозвестнику новых идей в противовес феодальной Европе. Хотя часть Германии и потеряла в результате бонапартовских походов на более или менее длительное время свой суверенитет, проведение французским императором в Рейнской области прогрессивных реформ и распространение на нее Кодекса Наполеона привело к устранению здесь феодальных пережитков. Эту прогрессивную сторону деятельности Наполеона и имел в виду Энгельс, посвящая ему стихотворения.

В первом из них он дает картину острова Святой Елены, куда в 1815 г. «героя падшего сослали» [2]. Во втором изображается траурное шествие по улицам Парижа за гробом Наполеона 15 декабря 1840 г., когда состоялось его второе погребение. Своей сестре Марии Энгельс писал, что он в этот день хотел бы находиться в столице Франции, чтобы все видеть своими глазами [3].

Особенно сильное впечатление производит стихотворение «Перенесение праха императора», которое свидетельствует о поэтической зрелости молодого Энгельса. Через все стихотворение проходит мотив торжественной скорби, которым оно открывается и кончается:

«Безлюдны улицы Парижа: к Сене
Все населенье бурно потекло;
Сверкает солнце Франции, но тени
Легли на гордое его чело.
. . . .
Спит император, смолкла литургия;
Покрыты мглой торжественных теней

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 111 и 134—135.
[2] Там же, стр. 111.
[3] См. там же, стр. 468.

Стоят колонны, словно часовые;
Храм — над усопшим богом мавзолей»[1].

2 июля 1840 г. в письме писателю Левину Шюккингу Энгельс сообщал о своих новых стихах и о том, что он собирается в скором времени послать их Фрейлиграту в журнал «Rheinisches Jahrbuch für Kunst und Poesie», издававшийся в Кёльне[2]. Фердинанд Фрейлиграт был одним из редакторов этого журнала. Что это за стихи, мы не знаем; они до нас не дошли. Известно только, что Энгельс их Фрейлиграту послал, но тот их не опубликовал. Вот что пишет сам Энгельс на этот счет Фридриху Греберу 22 февраля 1841 г.: «Утверждение, что как поэт я обанкротился, оспаривается многими, и, кроме того, Фрейлиграт не поместил моих стихов не из поэтических соображений, а из-за их направления и из-за недостатка места. Во-первых, он вовсе не либерален, а, во-вторых, они прибыли слишком поздно; в-третьих, было так мало свободного места, что из стихотворений, предназначавшихся для последних листов, пришлось выбросить ценные вещи»[3]. Мы видим, что опять-таки главной причиной неопубликования стихов молодого Энгельса было их слишком радикальное направление. Возможно, Фрейлиграт побоялся цензуры, а может быть, и самому ему стихи показались слишком оппозиционными. Ведь в это время будущий певец революции 1848 г. занимал весьма умеренную политическую позицию. Энгельс, очевидно, прав, утверждая, что поэтические соображения здесь не могли явиться препятствием. Примерно в это время он написал «Вечер», «На смерть Иммермана», «Ночное путешествие», «Перенесение праха императора» — стихотворения, в которых ощущается большой поэтический талант. Нет никаких оснований полагать, что посланные Фрейлиграту стихи были ниже по своему поэтическому уровню.

Выше уже говорилось, что наряду с сочинением оригинальных стихов Энгельс занимался переводами поэтических произведений с других языков. Так, в сентябре 1838 г. он перевел «испанский романс». В начале 1840 г. юноша снова обращается к испанскому языку. К четырехсотлетней годовщине со времени изобретения книгопечатания, кото-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 134—135.
[2] См. там же, стр. 448.
[3] Там же, стр. 479.

рая 30 июля 1840 г. торжественно отмечалась в Германии и во многих других странах, он переводит на немецкий язык стихотворение испанского поэта и политического деятеля, последователя французских просветителей Мануэля Хосе Кинтаны «На изобретение книгопечатания», впервые опубликованное в Мадриде в 1803 году. Перевод Энгельса параллельно с испанским оригиналом был напечатан в «Альбоме Гутенберга», выпущенном в июле 1840 г. брауншвейгским издателем Генрихом Мейером в сотрудничестве с американскими и английскими издательствами. В альбом включены стихотворные и прозаические произведения немецких и иностранных писателей, посвященные изобретателю печатного станка Иоганну Гутенбергу. Любопытно отметить, что испанский перевод Энгельса — единственное его стихотворение, которое было опубликовано с указанием его собственного имени. В «Альбоме Гутенберга» под переводом стояла подпись — Фридрих Энгельс.

Вряд ли есть смысл детально касаться содержания стихотворения, поскольку его оригинальный текст принадлежит не Энгельсу. Оно является гимном разуму и свободе, которые с изобретением книгопечатания одержали победу и с тех пор заняли прочное место в человеческом обществе. Эти мотивы, безусловно, и побудили Фридриха обратиться к оде Кинтаны. Отметим, что перевод сделан на высоком поэтическом уровне и верен оригиналу. Но это верность не сухая, не формальная. Энгельсу удалось передать всю красоту поэтических образов, созданных Кинтаной.

Но с особенно большим энтузиазмом молодой Энгельс занимался переводами стихов английского поэта Шелли, в творчестве которого Энгельса привлекали, очевидно, не только революционная страсть и гневный протест против угнетателей, но и социалистические мотивы, как было уже показано при анализе стихотворения «Вечер». Из письма Фридриха Вильгельму Греберу от 30 июля 1839 г. видно, что уже к этому времени он сделал некоторые переводы стихов великого английского поэта и надеялся получить за них гонорар[1]. Дополнительные данные об увлечении Энгельса поэзией Шелли дают недавно обнаруженные два его письма писателю Левину Шюккингу, с которым Энгельс познакомился в мае 1840 г., во время пребывания в Мюн-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 417.

стере [1]. Из этих писем следует, что, находясь там, Энгельс обсуждал с Шюккингом и другим немецким радикальным писателем Германом Пютманом план издания переводов Шелли, над которыми все они работали. Очевидно, у Энгельса был уже готовый для публикации материал. Во всяком случае, по возвращении в торговую фирму, как Энгельс сообщает Шюккингу, он вступил об этом в переговоры с бременским издателем Карлом Шюнеманом, но не смог договориться с ним. Он написал также издателю Хаммериху в Альтону, однако получил отказ. По-видимому, Энгельсу так и не удалось опубликовать тогда свои переводы. Не дошли они до нас и в рукописном виде. Нам неизвестны также названия тех стихов, которые переводил Фридрих из Шелли, кроме одного. Во втором письме Шюккингу он сообщал о том, что заканчивает перевод стихотворения «Нежное растение» [2].

Любовь к Шелли Энгельс сохранил на всю жизнь. Вполне возможно, что в конце восьмидесятых годов он передал дочери Маркса Элеоноре и ее мужу Эдуарду Эвелингу свои старые переводы стихов любимого им поэта. Дело в том, что в 1888 г. теоретический орган немецких социал-демократов журнал «Neue Zeit» опубликовал статью Элеоноры и Эдуарда Эвелинг «Шелли как социалист» [3], в которой в немецком переводе цитируются отрывки из стихов и поэм великого английского писателя. К статье дано следующее подстрочное примечание: «Цитаты из стихотворных произведений Шелли частично взяты из переводов Штродтмана (Избранные поэтические произведения Шелли, 1866), частично сделаны сведущим в поэзии другом». Хотя вполне достоверных подтверждений пока нет, можно полагать, что этим «сведущим в поэзии другом» был Фридрих Энгельс [4].

До нас дошел еще один перевод молодого Энгельса, относящийся к 1841 году. В конце марта этого года Фридрих возвратился в Бармен, а в мае он совершил путешествие по Швейцарии и Италии. Просматривая в одной гости-

---

[1] См. письма Энгельса Левину Шюккингу от 18 июня и 2 июля 1840 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 445—449.

[2] Там же, стр. 449.

[3] «Neue Zeit», Sechster Jahrgang. Stuttgart, 1888, S. 540—550.

[4] Во всяком случае, такого же мнения придерживается Ф. П. Шиллер в книге «Энгельс как литературный критик». М., 1933, стр. 23.

нице книгу для гостей, в которой в основном содержались банальные записи, он неожиданно натолкнулся на 261-й сонет Петрарки, вписанный в книгу по-итальянски генуэзцем Иоахимом Трибони, одним из посетителей. Этот сонет захватил Энгельса, и он его полностью привел в переводе на немецкий язык в статье «Скитания по Ломбардии», посвященной описанию путешествия [1]. Видимо, перевод был сделан самим Энгельсом. Он этим сонетом заинтересовался, так как последний соответствовал его грустному настроению, и это, по словам Энгельса, его «сблизило... с генуэзцем». «Уж *кто-то* до меня принес на эту вершину свою любовную печаль,— писал он в «Скитаниях по Ломбардии»,— и я стоял здесь не один, с сердцем, которое месяц тому назад было так бесконечно счастливо, а ныне чувствовало себя опустошенным и разбитым» [2]. Что касается самого перевода, то он сделан очень квалифицированно и наполнен большим чувством и поэтичностью.

О том, какая печаль омрачила настроение двадцатилетнего юноши, мы можем догадываться из его писем сестре Марии. Из них явствует, что у Фридриха была кузина Ида и он к ней питал нежные чувства. Вернувшись из Бремена в Бармен, он, очевидно, узнал об ее предстоявшей помолвке с Альбертом Молинеусом, происходившим из барменской семьи фабрикантов [3]. Поэтому сонет Петрарки, в котором звучит скорбь об утраченной возлюбленной, и произвел такое сильное впечатление на Энгельса.

Хотелось бы коротко коснуться также стихов Энгельса, которые он посылал своей любимой сестре Марии, учившейся в Мангеймском институте благородных девиц. Между братом и сестрой существовала договоренность, что в письмах должно быть не меньше четырех страниц. Однажды, когда у Фридриха не хватило новостей на положенное количество страниц, он решил закончить письмо стихами, которые написал экспромтом:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 154—155 (статья «Скитания по Ломбардии» за подписью *Фридрих Освальд* была опубликована в №№ 48 и 49 журнала «Athenäum» 4 и 11 декабря 1841 г.).

[2] См. там же, стр. 155.

[3] Такое, примерно, создается впечатление после прочтения писем Энгельса Марии от 18 сентября 1840 г., от 29 октября 1840 г., от лета 1842 г. и от 2 июля 1842 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 458—459, 464, 493, 494).

«Иссякли мысли все мои, похоже,
И что еще писать тебе, не знаю.
Но кончить я страницу обещаю,
Тянуть клещами буду я слова, о боже!»

Далее он дает вполне поэтическое описание наступивших сумерек, переходивших в ночь.

«Смеркается, темнеет даль слегка.
На западе горят в сиянье ясном
Вечернею зарею облака —
Святой огонь, что факелом прекрасным
Теперь на погребенье дня горит,
Дарившего нам радость ежечасно...
Он умер. Ночь покров простерла свой —
Блестящие его покрыли звезды
Тихонечко над спящею землей» [1].

В другом письме Энгельс посылает сестре шуточное стихотворение в защиту усов. Поскольку в буржуазных кругах Бремена считалось предосудительным для молодых людей носить усы, Фридрих демонстративно стал их отращивать и призывал к этому друзей и знакомых своего возраста. Это было своеобразным протестом против филистеров, чуждавшихся всего нового и необычного. 25 октября 1840 г., когда усам Энгельса и его друзей исполнился месяц, он назначил днем коллективного юбилея усов. Молодые люди собрались в погребке на «пирушку усачей», во время которой Энгельс произнес тост. Он его привел в письме к сестре вместе с описанием пирушки:

«Усы носили во все времена
Мужи, в ком доблесть была видна.
Тот, кто поднимал за отчизну меч,
Усами не смел никогда пренебречь.
И в эти дни, что военной тревогой полны,
Мы гордые усы носить должны.
Филистер, конечно, не любит усов,
И срезать их он всегда готов.
Но мы — не филистеры, мы — другие,
У нас усы растут густые.
У добрых христиан лучшей нет красы,
Чем лихие мужские усы» [2].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 457. (Письмо Энгельса сестре Марии от 20 августа 1840 г.)

[2] Там же, стр. 463. (Письмо Энгельса Марии от 29 октября 1840 г.)

Особенно хорошие стихи Фридрих сочинил своей сестре в начале августа 1842 г., послав ей их из Берлина, где он проходил военную службу. Мария только что закончила обучение в Мангеймском институте благородных девиц и вышла оттуда. Посвященные Марии стихи Энгельс написал не от своего, а от ее имени. В них Мария радуется своему освобождению. Они довольно обширны и состоят из восемнадцати строф. Приведем отдельные строфы, чтобы дать о стихотворении некоторое представление:

«Из монастыря ушла я
И хожу, брожу свободно,
Лечь могу на подоконник
И болтать о чем угодно.

Грустно так в монастыре —
Стерегли меня дуэньи,
Я сидела за работой
В безотрадном заточенье.

. . . .

Но отныне я свободна,
Я избавлена от муки,
Зелень, радость, жизнь — взамен
Прежней серости и скуки.

. . . .

Стоит выйти на прогулку,
Глянь — студенты все сбежались,
А профессорские дочки
Одинокими остались.

. . . .

Мне согнуть мизинец стоит —
Сразу кавалеров свита,
Граф д'Альвьелла, фон Щепаньский,
Тот и этот волокиты.

. . . .

Но лишь от толпы уйду я,
На душе моей уныло.
Вижу я в мечтах студента,
Что прихрамывает мило.

. . . .

Все другие суетятся,
Всяк мне услужить готов —
Почему хромой красавец
Не в числе моих рабов?» [1].

Все стихотворение написано в шутливом тоне и вместе с тем ему присущ теплый лирический оттенок. Чувствуется большая любовь Энгельса к сестре. По форме, стилю,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 497—498.

контрастности отдельных мыслей оно напоминает некоторые проникнутые иронией лирические стихи Гейне.

* * *

В Берлин, откуда Энгельс прислал Марии стихи по случаю окончания ею института благородных девиц, он приехал осенью 1841 г. для отбытия воинской повинности. Берлин он выбрал местом прохождения военной службы, чтобы пополнить свое образование слушанием лекций в университете. Здесь он поступает в качестве вольноопределяющегося в гвардейскую артиллерийскую бригаду, где проходит службу до октября 1842 года.

В свободное время Энгельс как студент-вольнослушатель посещает лекции в университете. Как и в Бремене, он по-прежнему проявляет интерес к искусству, посещает театры и концерты.

Берлин в то время был ареной борьбы различных философских направлений. Наиболее радикальным было направление младогегельянцев, представленное братьями Бруно и Эдгаром Бауэрами, А. Руге, К. Кёппеном, Л. Булем, Э. Мейеном и другими. Видную роль среди них играл Карл Маркс, который незадолго до приезда Энгельса покинул Берлин. Философию Гегеля его левые последователи в отличие от правых гегельянцев стремились переосмыслить в духе атеизма и радикальных устремлений. Энгельс примкнул к берлинским младогегельянцам, группе «Свободных», и уже вскоре после приезда в Берлин принял активное участие в разгоревшейся в то время идейной борьбе.

В декабрьских номерах журнала «Telegraph für Deutschland» за 1841 г. под псевдонимом Ф. Освальд появляется статья Энгельса «Шеллинг о Гегеле», а в 1842 г. выходят анонимно две его брошюры «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — философ во Христе». Написанные под впечатлением прослушанных в Берлинском университете лекций Шеллинга, все три работы Энгельса содержат глубокую критику философских и политических взглядов этого некогда единомышленника Гегеля, превратившегося теперь в крайнего реакционера и религиозного мракобеса. Энгельс защищает здесь прогрессивные стороны философии Гегеля и открыто поднимает знамя атеизма. Энгельс делает в этих работах первые шаги к материализму. При их написании он испытал на себе влияние философа-мате-

риалиста Людвига Фейербаха, с книгой которого «Сущность христианства» познакомился в 1841 году.

Летом 1842 г. Энгельс открыто и решительно отмежевывается от «Молодой Германии». Он критикует младогерманцев за то, что они замкнулись в узколитературной среде, отгородились от политической жизни, от передовых философских принципов.

Находясь в Берлине, Энгельс в середине 1842 г. вместе с Эдгаром Бауэром написал большую поэму-пародию «Библии чудесное избавление от дерзкого покушения, или Торжество веры», направленную против религиозного мракобесия [1]. Поэма изображает борьбу младогегельянцев против сторонников религии, врагов гегелевской философии. Она написана в иронической форме с позиций верующего христианина, ортодоксального пиетиста, будто бы защищающего религию. На самом же деле эта пародийная форма, которой Энгельс уже воспользовался в своем памфлете «Шеллинг — философ во Христе», позволила лишь в еще большей степени сделать острой критику защитников теологии, крайних реакционеров — Лео, Хенгстенберга, Зака и других. Поводом для написания поэмы послужило встреченное ликованием реакционных кругов увольнение прусским правительством в конце марта 1842 г. Бруно Бауэра из Боннского университета, где он был приват-доцентом.

Нет надобности подробно касаться содержания этой состоящей из четырех песен поэмы, поскольку оно передано с достаточной полнотой в исследованиях Серебрякова, Корню и Ульриха [2]. Коротко канва поэмы такова. Бог, убежденный в преданности Бруно Бауэра религии, отдает его в распоряжение сатаны, будучи уверенным, что тому не удастся совратить его с пути истинного. Однако дьяволу удается уговорить Бауэра встать во главе атеистов и отправиться в Бонн для чтения еретических лекций в университете. Далее в поэме изображается несколько схваток между младогегельянцами-безбожниками, в основном представителями группы «Свободных», и поборниками религии.

---

[1] Поэма была напечатана анонимно в виде отдельной брошюры в Неймюнстере под Цюрихом в декабре 1842 г.

[2] *М. В. Серебряков.* Цит. соч., стр. 117—124; *О. Корню.* Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Жизнь и деятельность. Том I. М., 1959, стр. 311—316; *H. Ulrich.* Der junge Engels. 1. Teil. Brl., 1961, S. 239—245.

Атеистов поддерживают находящиеся в преисподней во главе с Гегелем Вольтер, Дантон и Наполеон. Поэма заканчивается описанием поражения «Свободных», которые, почти одержав победу над теологами, вдруг получают известие об отставке Бауэра. При этом «Свободные» впадают в страшное смятение и в ужасе обращаются в повальное бегство. Такой конец поэмы свидетельствует о том, что, создавая ее, Энгельс, очевидно, уже начинал политически расходиться с основными кругами младогегельянцев. Заключительные строки поэмы говорят о критическом отношении Энгельса к беспомощности и растерянности определенных кругов младогегельянцев перед лицом наступившей реакции. Хотя молодой Энгельс и был сторонником «Свободных», он высмеивает в то же время в поэме слабые стороны многих представителей этого кружка. Так, он иронически раскрывает характерное для значительной части младогегельянцев противоречие между революционной фразой и их неспособностью к практическому действию. Уже в это время Энгельс ценил среди младогегельянцев лишь несколько наиболее радикальных мыслителей и публицистов, которых считал подлинными выразителями революционно-демократических тенденций.

Одним из героев поэмы является Карл Маркс, которого Энгельс лично тогда еще не знал. Но по рассказам других он уже составил представление о своем будущем друге как о страстном и непримиримом революционном борце. Именно таким Энгельс и изображает его в отличие от того, как рисует Руге, Кёппена, Буля и других младогегельянцев:

«То *Трира* черный сын с *неистовой* душой.
Он не идет,— бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.
Сжимая кулаки, силач неутомимый
Все время мечется, как бесом одержимый!» [1]

Заслуживает внимания и та характеристика, которая в поэме дается самому Энгельсу:

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 304.

«А тот, что всех левей, чьи брюки цвета перца
И в чьей груди насквозь проперченное сердце,
Тот длинноногий кто? То *Освальд* — монтаньяр!
Всегда он и везде непримирим и яр» [1].

Сравнивая себя с монтаньярами, с последователями наиболее революционной партии французской буржуазной революции конца XVIII века — партии «Горы», Энгельс, таким образом, отводит себе место на крайнем левом фланге тогдашнего радикально-демократического течения в Германии. Поэма, как и памфлеты против Шеллинга, свидетельствует о том, что Энгельс в это время уже прочно стоял на атеистических позициях.

Нашло отражение в поэме также разоблачение Энгельсом либеральной идеологии, решительную борьбу против которой он вел в 1842 г. на страницах прогрессивной оппозиционной газеты «Rheinische Zeitung». Это видно из той характеристики, которую Энгельс дает отдельным представителям младогегельянцев. Так, про Буля он пишет, что он лишь «по виду — санкюлот», а «по духу заяц» [2]. Другого члена кружка «Свободных» Фридриха Кёппена, который «старается пролить поменьше крови» [3], Энгельс называет «жалким жирондистом» [4]. Не менее саркастически обрисован в поэме и Арнольд Руге, способный лишь произносить громкие слова, но беспомощный, когда надо действовать. Так, Руге говорит, обращаясь к своим соратникам-младогегельянцам:

«Наши дела лишь в словах; так было, и впредь будет долго,
С древа абстракции сам практики плод упадет» [5].

О той решительной борьбе против буржуазной идеологии либерализма, которую вел в это время Энгельс, свидетельствует также данная им в поэме характеристика издателю младогегельянского журнала «Hallische Jahrbücher» Виганду. Узнав о запрещении журнала, последний предлагает своим союзникам изменить ориентацию и стать лояльными по отношению к правительству.

Хотя в начале 1841 г. Энгельс по существу перестал писать стихи и поэмой «Библии чудесное избавление» пре-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 303.
[2] Там же, стр. 304.
[3] Там же, стр. 313.
[4] Там же, стр. 307.
[5] Там же, стр. 306.

следовал в первую очередь не достижение каких-либо поэтических целей, а прежде всего осуществление целей борьбы на политической, философской и атеистической арене, поэма, без сомнения, имеет немало художественных достоинств. Интересна сама архитектоника поэмы. Она написана в стиле старинных немецких духовных стихов, восторженно воспевающих различные эпизоды из библии. Однако в отличие от духовной поэзии библейские персонажи в поэме окрашены в ярко сатирические тона. Так, например, боннский профессор теологии Зак под именем Бейтеля неоднократно появляется в поэме верхом на ослице, которая от имени господа человеческим языком увещевает атеистов отказаться от богохульства. Здесь, безусловно, пародируется известный библейский сюжет о внезапно заговорившей Валаамовой ослице.

Все это подано с замечательным сатирическим блеском, ярко характеризующим атеизм Энгельса и его отношение к библии. Вот как он, например, описывает это «богоизбранное» животное:

«(Ослицы этой хвост являет странный вид:
К нему прикреплены слова библейских текстов,
Чтобы врагов пугать и обращать их в бегство)» [1].

Да и на других страницах поэмы мы почти повсюду встречаемся с бичующими ударами сатиры по силам реакции, с сатирически острым изображением мракобесов и реакционеров.

В поэме используются также и эпизоды из произведений крупных немецких писателей. При этом если библейские сюжеты Энгельс высмеивает, то из творений классиков он просто выбирает нужные ему ситуации и пародирует их ради более образного выражения своих мыслей, что, впрочем, вовсе нельзя рассматривать как неуважение к великим художникам слова. Очевидно, не надо забывать, что пародия была весьма распространенным явлением в литературе того времени.

В первых строках поэмы Энгельс, вероятно, в какой-то степени пародирует «Мессиаду» Клопштока, начинающуюся словами «Воспой, дух бессмертный, грешных людей избавленье». Сам автор иронически призывает Клопштока «сопровождать» его в описании чудесного избавле-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 297.

ния библии[1]. Разговор между богом и сатаной в первой песне поэмы о том, в чьем распоряжении должен находиться Бруно Бауэр, навеян, безусловно, «Прологом на небесах» из «Фауста» Гёте, где Господь отдает Фауста Мефистофелю, уверенный в его непогрешимости[2]. В той же первой песне большой монолог Бауэра («Я феноменологию познал до дна и мне эстетика во всем ясна... но — ах! — весь этот хлам не в силах мне помочь вкруг Пятикнижия рассеять тайны ночи»), без всякого сомнения, напоминает знаменитый монолог Фауста из первой сцены гётевской трагедии — «Я философию постиг...»[3]. Наконец, есть сходство также между стихами из третьей песни «Библии чудесного избавления», где атеисты в неистовом порыве мчатся в Бокенгейм, чтобы договориться о разгроме поборников религии, и «Вальпургиевой ночью»[4]. Еще раз следует подчеркнуть, что, пользуясь таким приемом, Энгельс ничуть не умаляет достоинств произведений как Клопштока, так и Гёте. О благоговении Энгельса перед Гёте мы уже говорили выше, что же касается Клопштока, то Энгельс в письме к Фридриху Греберу от 20 января 1839 г. назвал его наряду с Лессингом, Шиллером и создателем «Фауста» «величайшим поэтом» Германии[5].

Поэма «Библии чудесное избавление» получила довольно значительный отклик в печати. Отрывки из нее были напечатаны в лейпцигских органах «Eisenbahn» и «Freikugeln». Сразу после выхода поэмы сообщения о ней поместили «Hamburger Literarische und Kritische Blätter» и «Elbinger Anzeiger»[6].

Как отмечалось выше, уже во время создания «Библии чудесного избавления» Энгельс видел многие слабые стороны младогегельянцев. К концу же пребывания в Бер-

---

[1] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 284 и *Klopstock.* Werke. Erster Teil. Der Messias. Bd. 1. Brl. und Stuttgart, 1883, S. 5—7.

[2] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 288—289 и *Гёте.* «Фауст». Часть I, Минск, 1956, стр. 41—43.

[3] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 291—292 и *Гёте.* Цит. соч., стр. 47—50.

[4] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 302—307 и *Гёте.* Цит. соч., стр. 184—196. На все эти сходства уже и раньше обращали внимание некоторые исследователи жизни и деятельности молодого Энгельса.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 362.

[6] См. *М. В. Серебряков.* Цит. соч., стр. 126—127.

лине, когда поэма, вероятно, набиралась в типографии, будущий пролетарский мыслитель, внимательно следивший за социалистическим и коммунистическим движением в европейских странах, все больше склонялся к убеждению, что только в коммунистических теориях следует искать ключ к правильному решению социального вопроса.

«Библии чудесное избавление» было последним стихотворным произведением Энгельса. После этого он уже стихов не писал, если не считать нескольких стихотворных переводов, которые он изредка делал для своих статей. Но еще до переезда в Берлин Энгельс по существу перестал заниматься сочинением стихов. Это произошло в начале 1841 г. и отнюдь не потому, что Энгельс разочаровался в своих поэтических способностях. Твердо став на путь революционной борьбы, Энгельс считал, что лучше всего вести ее в форме боевой публицистики, а также путем теоретической разработки актуальных проблем, нежели в сфере поэзии. Он решил, что, работая именно в этих областях, он сможет оказать большее влияние на общественную жизнь, чем своим поэтическим творчеством. Нет сомнения, что трезвое и самокритичное отношение Энгельса к себе позволило ему прийти к выводу, что для этих областей он обладает бóльшими данными, чем для поэзии, хотя любовь к ней он сохранил до конца своих дней.

* * *

Поэтическое творчество в жизни молодого Энгельса занимало, безусловно, важное место. Полную оценку его стихов дать трудно прежде всего потому, что большинство их не сохранилось. Однако и имеющиеся в нашем распоряжении стихи свидетельствуют о том, что Энгельс обладал значительным поэтическим талантом.

Не будем гадать, смог ли бы Энгельс сделаться крупным поэтом, если бы избрал поэтическую стезю. Это были бы более или менее праздные гипотезы, поскольку действительное призвание Энгельса, как показало его дальнейшее развитие, лежало в других областях. Зато для изучения биографии молодого Энгельса его стихи представляют значительный интерес. Они являются весьма ценным источником для лучшего понимания формирования его взглядов, политических, философских, эстетических, процесса освобождения его от религиозных представлений. Именно в стихах во весь голос впервые прозвучал у него

призыв к революционному ниспровержению существующего строя.

Свою эстетическо-художественную ценность стихи молодого Энгельса, лучшие из которых высоко оценены современниками, не утратили и в наше время. В них содержится и революционная патетика, и глубина мысли, и искрящийся юмор, и яркие сатирические характеристики. Пусть не всегда совершенна форма этих стихов, но им постоянно присуще глубокое и разнообразное содержание, пламенное революционное чувство, многообразие жанров.

Поэзия молодого Энгельса является частью его литературного наследия. Она дает яркое представление о благородстве и широте талантов молодого пытливого юноши, о духовном созревании будущего великого мыслителя и борца, одного из основателей революционного научного коммунизма.

Я. Г. РОКИТЯНСКИЙ

МАРКС И ЭНГЕЛЬС И НЕМЕЦКИЙ РАБОЧИЙ КОММУНИЗМ

В среде немецких ремесленников, проживавших в 30—40-х годах XIX в. во Франции, Англии, Швейцарии и других странах, сформировалось и получило развитие особое теоретическое направление раннего рабочего движения — рабочий коммунизм, выражавший думы и чаяния «предпролетариата», его стремления коренным образом изменить существующие капиталистические порядки, утвердить активную роль трудящихся в этом процессе. Восприняв широко распространенные тогда социалистические и коммунистические взгляды, представители рабочего коммунизма смогли на многие годы опередить в организационном и идейном отношении рабочих в самой Германии, где, как писал Энгельс, «общее отсутствие современных условий жизни, современных видов промышленного производства сопровождалось... почти таким же повсеместным отсутствием современных идей» [1].

Немецкий рабочий коммунизм прошел ряд этапов развития. Он распадался на ряд течений и был весьма не-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 11—12. Важной предпосылкой появления и плодотворного развития немецкого рабочего коммунизма явился сравнительно высокий интеллектуальный уровень, достигнутый частью немецких ремесленников в ходе их странствий по многим странам, странствий, дававших им большой эмпирический материал и как бы восполнявших недостаток их образования. Этот уровень закреплялся в рабочих союзах, бывших, по словам К. Шаппера, школами, в которых «пролетарии сами себя обучали» и где, «несмотря на неблагоприятные обстоятельства, они приходили к ясному пониманию своего собственного положения» (Der Bund der Kommunisten. Dokumente und Materialien. Bd. 1. Berlin, 1970, S. 659—660). Здесь создавались не только «духовные», но и материальные предпосылки для появления произведений рабочих коммунистов. Они издавались в основном по заданию и на коллективные взносы рабочих, последние финансировали и издание ряда коммунистических журналов.

однороден. Его первым и наиболее известным глашатаем был Вильгельм Вейтлинг. Имеется немало работ, в которых затрагивается отношение основоположников марксизма, прежде всего Маркса, к Вейтлингу, к его взглядам и деятельности[1]. В данной статье хотелось бы проанализировать отношение Маркса и Энгельса в 1842—1846 гг. к вейтлинговскому рабочему коммунизму в целом, а также затронуть некоторые общие проблемы его развития в 1838—1845 гг., которые в меньшей степени освещены в советской и зарубежной историографии[2].

* * *

Немецкий рабочий коммунизм возник на основе идей французского социализма и коммунизма, преломившихся через призму сознания немецкого ремесленника. В предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» Энгельс отмечал, что рабочий коммунизм прямо обязан своим происхождением положению рабочего класса, что именно оно явилось его основой и исходным пунктом. И действительно, невыносимые условия, которые создавал капитализм для немецких ремесленников, порождаемый им духовный и экономический гнет определили их революционные, антикапиталистические настроения, пробудили в них стремление преобразовать строй насилия и бесправия, создать общество равенства и справедливости.

В соответствии с этими настроениями немецкие ремесленники воспринимали во Франции наиболее радикальные социальные теории — бабувизм с его ярко выраженной революционностью и эгалитаризмом, идеи Пийо, Дезами, Лаотьера, Бланки и других деятелей, которые на основе опыта революции 1830 г. и последующих событий подошли к пониманию активной роли трудящихся классов в

[1] Из этих исследований хотелось бы выделить ряд работ Ф. Меринга, книги Е. П. Канделя «Маркс и Энгельс — организаторы Союза коммунистов». М., 1953 и Х. Фёрдера «Marx und Engels am Vorabend der Revolution». Berlin, 1960, а также статьи — Ф. Шиллера «Маркс и Вейтлинг» («На боевом посту». М., 1931, стр. 473—495) и Г. Гербера «Отношения между Карлом Марксом и Вильгельмом Вейтлингом» («Wissenschaftliche Annalen», 1957, № 7, S. 470—474) и биографический очерк о Вейтлинге В. В. Альтмана в русском издании «Гарантий гармонии и свободы». М.—Л., 1962, стр. 499—548.

[2] Большой вклад в разработку этих проблем внесли Э. Калер, Ф. Меринг, В. Зайдель-Хёппер, В. Ковальский и ряд других авторов.

ниспровержении существующего строя, в построении нового общества [1].

Отсутствие научной подготовки, религиозность наложили отпечаток на коммунистические взгляды немецких ремесленников, в которых значительное место занимали инстинктивные элементы [2]. Однако несмотря на это, их идеологам удалось добиться многих позитивных результатов как в критике существующего строя, так и в поисках путей к новому обществу. «Величайшую честь этим ремесленникам делает то обстоятельство,— отмечал Энгельс,— что, будучи сами еще не настоящими пролетариями, а лишь той частью мелкой буржуазии, которая только переходила в ряды современного пролетариата и не стояла еще в прямой противоположности к буржуазии, то есть к крупному капиталу, они оказались в состоянии инстинктивно предвосхитить свое будущее развитие и конституироваться, хотя еще и не вполне сознательно, как партия пролетариата» [3].

Отдельные основополагающие черты немецкого рабочего коммунизма проявились в работе Шаппера «Общ-

---

[1] Мысль об активной роли трудящихся классов в деле преобразования существующего строя неравенства и насилия, которая стала сердцевиной немецкого рабочего коммунизма, хорошо просматривается в одном документе Союза справедливых, написанном Вейтлингом в начале 40-х годов: «Мы, рабочие, потеряли, наконец, терпение работать на лентяев, жить в нужде и лишениях, в то время как другие утопают в роскоши, мы не хотим больше сносить гнета эгоистов, не хотим признавать тех законов, которые держат в рабстве и унижении, в нужде и невежестве самые многочисленные и самые полезные классы общества, для того, чтобы ничтожная кучка людей имела в руках орудия для порабощения народных масс. Мы хотим быть свободными, мы хотим сделать жизнь всего человечества такой же свободной, как наша, мы хотим, чтобы ни одному человеку не было оказано никакого предпочтения перед другими, чтобы все делили друг с другом свой труд и заботы, радости и наслаждения, т. е. чтобы жили в коммуне». Цит. по кн.: *Э. Калер*. Вильгельм Вейтлинг. Его жизнь и учение. Петроград, 1918, стр. 62.

[2] «...Старые предрассудки ремесленников,— писал Энгельс,— становились для них камнем преткновения каждый раз, когда дело шло о конкретной критике существующего общества, то есть об исследовании экономических фактов. И я не думаю, чтобы во всем Союзе нашелся тогда хоть один человек, который прочитал хотя бы одну книгу по политической экономии. Но это ничего не меняло: «равенство», «братство» и «справедливость» помогали пока что брать любые теоретические высоты» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 219—220).

[3] Там же, стр. 219.

ность имущества». Она послужила дискуссионным материалом при выработке программы Союза справедливых — организации, в которой объединились после раскола Союза отверженных рабочие коммунисты. Здесь отразился переход передовых немецких ремесленников на позиции общности имущества, «первого и необходимейшего условия существования свободной демократической республики», «предпосылки всеобщей свободы и счастья». «Лишь таким путем,— писал Шаппер,— может быть уничтожен эгоизм, этот самый злой враг свободы, все люди будут считать себя членами великой семьи и смогут улучшить свое благосостояние» [1].

В «Общности имущества» Шаппер энергично выступил против «врага человечества» — собственности, против социальной несправедливости, бесправия и угнетения трудящихся, против денежной аристократии, власть имущих и богачей. Ярко выражены в работе революционные тенденции немецкого рабочего коммунизма [2]. Шаппер решительно против реформистских планов: «Мы предпочитаем борьбу всем планам, и наше место — стоять с оружием в руках перед противником... Мы должны настроиться на борьбу с этими людьми, разработать принципы, при помощи которых мы хотим способствовать счастью человечества и затем приступить к великому делу, не отклоняясь ни вправо, ни влево, не давая себя обмануть криком и обещаниями этих людей» [3]. Органическая связь «Общности имущества» с коммунистическими воззрениями немецких рабочих в Париже проявилась и в присущей этой работе уравнительности, звучавших в ней религиозных мотивах, в использовании христианского учения для обоснования коммунистических взглядов [4].

Программой Союза справедливых стала работа В. Вейтлинга «Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть», которая была издана на средства рабочих в 1839 году. Эмоциональностью и страстностью отличается критика Вейтлингом «жульнического буржуазного строя», порождающего неравенство, страдания и унижения трудящихся, войны, служащего интересам власть имущих,

---

[1] Der Bund der Kommunisten, S. 100.
[2] Ibid., S. 99—102.
[3] Ibid., S. 99, 100.
[4] Ibid., S. 101, 105—106.

кучки бездельников[1]. «Из-за них и ради них,— отмечал Вейтлинг,— миллионы из вас нагружаются работами, которые не приносят вам никакой пользы... Они бы и совсем ничего вам не дали, если бы не опасались, что вы умрете от этого, но тогда они должны были бы сами работать, а этого они не выносят... Они очень любят своих жирных псов, а голодный рабочий их очень мало заботит»[2]. Как и Шаппер, Вейтлинг отвергает реформистский путь преобразования современного общества. При помощи реформ, отмечает он, «счастье человеческое не будет утверждено на земле», и все главные недостатки существующего строя и прежде всего неравенство сохранятся[3]. «Не думайте, что вы добьетесь от ваших врагов чего-нибудь доброго путем соглашения: ваша надежда — только ваш меч»[4],— продолжает Вейтлинг.

Особенно ярко выражены в «Человечестве» устремления к равенству, которые определили одну из важнейших черт немецкого рабочего коммунизма и позволили Энгельсу впоследствии квалифицировать его как уравнительный коммунизм[5]. «Для всех равное распределение труда и равное пользование благами жизни». «Одинаковое воспитание как и равные права и обязанности для обоих полов в соответствии с законами природы». «Установление руководящих властей через всеобщие выборы; их ответственность и сменяемость. Никаких преимуществ для них при равном распределении жизненных благ и равенство их с другими в отношении рабочего времени при исполнении служебных обязанностей». «...Всякий, кто за свои бóльшие знания и большее мастерство требует для себя права больше потреблять, или меньше работать, чем другие,— тот — аристократ»[6]. Эти и другие высказывания из «Человечества» хорошо иллюстрируют принцип уравнительности, который пронизывает весь рабочий коммунизм.

У Вейтлинга тщательно разработана система будущего общества. Оно объединит все народы в единую семью, устранит все распри, все формы неравенства и угнетения,

[1] *В. Вейтлинг.* Человечество, как оно есть и каким оно должно было бы быть (в приложении к кн.: *В. Вейтлинг.* Гарантии гармонии и свободы, стр. 442—447).
[2] Там же, стр. 443—444.
[3] Там же, стр. 452—455.
[4] Там же, стр. 462.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 216.
[6] *В. Вейтлинг.* Цит. соч., стр. 455, 460.

обеспечит всем полную свободу и средства «для развития и совершенствования своих природных духовных и физических способностей»[1]. Вейтлинг подробно описывает устройство «Великого семейного союза человечества», организацию производства, воспитание, управление и т. д., а также преимущества нового общественного строя, высказывает при этом целый ряд оригинальных идей.

В его представлениях о коммунизме ясно ощущается влияние бабувистских и фурьеристских идей. Однако все они пропущены через сознание немецкого ремесленника. Отсюда большое количество всевозможных регламентаций, разделение на профессии, форма семейного союза, абсолютизация равенства, черты казарменности, отразившиеся, в частности, в разработанной Вейтлингом системе распределения, и другие особенности, отражавшие ограниченность миросозерцания класса, к которому принадлежал Вейтлинг. В работе часто проявляется поверхностность социальных воззрений немецких ремесленников, их стремление решать сложные проблемы единовременными действиями, в частности при помощи ликвидации денежной системы, права наследования и т. д. Наконец, для всей системы рассуждений Вейтлинга характерны религиозность, библейский стиль и мессианство.

Нерасторжимая связь «Человечества» с воззрениями представителей немецкого рабочего коммунизма конца 30-х годов позволяет назвать ее их первым программным документом. Вейтлинг сумел в яркой форме выразить классовую позицию немецких рабочих. Он синтезировал целый ряд достижений французского социализма и коммунизма с своеобразными взглядами немецких рабочих коммунистов, сформировавшимися у них в период их странствий. В результате образовалась новая оригинальная система. Создание вейтлинговской системы — важный результат первоначального этапа развития немецкого рабочего коммунизма. Позднее Энгельс в предисловии к английскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» писал по этому поводу: «Это был грубоватый, плохо отесанный, чисто инстинктивный вид коммунизма; однако он нащупывал самое основное и оказался в среде рабочего класса достаточно сильным для того, чтобы создать утопи-

---

[1] *В. Вейтлинг.* Цит. соч., стр. 460.

ческий коммунизм: во Франции — коммунизм Кабе, в Германии — коммунизм Вейтлинга» [1].

После поражения майского восстания 1839 г. в Париже находившаяся здесь организация Союза справедливых была значительно ослаблена. Некоторые видные деятели Союза вынуждены были покинуть Францию. Оставил Париж и Вейтлинг. С начала 40-х годов центр развития немецкого рабочего коммунизма переместился в Швейцарию.

Одной из отличительных черт немецкого рабочего коммунизма была неустойчивость его идеологии. Не обладая самостоятельной научной основой, он не был в состоянии долго и успешно противостоять другим социальным теориям, с которыми соприкасались немецкие рабочие. В Париже кабетизм, а в Лондоне оуэнизм довольно быстро оказали воздействие на вождей Союза справедливых, придали немецкому рабочему коммунизму новые черты. Под влиянием местных экономических и социальных условий определенное своеобразие приобрели и воззрения немецких рабочих коммунистов, оказавшихся в США.

В Швейцарии причин для подобного рода изменений не было. Здесь вейтлинговский коммунизм вступил в соприкосновение лишь с буржуазно ограниченными взглядами. Это обстоятельство обеспечило ему в течение некоторого времени стабильность развития, а борьба, которую вели там рабочие коммунисты с буржуазными воззрениями, лишь укрепила его, способствовала сохранению и углублению приобретенных им в Париже особенностей, дальнейшему росту его интеллектуального уровня.

Именно в Швейцарии Вейтлинг создал свои самые зрелые работы. В основе интеллектуального взлета Вейтлинга в 1841—1842 гг. лежало интенсивное изучение им работ выдающихся социалистов-утопистов. На страницах его журнала «Junge Generation» можно встретить имена Платона и Сократа, Фурье и Сен-Симона, Мора и Кампанеллы, Кабе и Прудона, Бабёфа и Буонарроти, Лаотьера и Оуэна, Бэкона и Консидерана. Под непосредственным влиянием знакомства с основными работами или узловыми положениями этих мыслителей и теоретиков, Вейтлинг значительно достраивает здание своей системы, делает его выше и привлекательнее.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 367.

Большой качественный скачок обнаруживается во многих материалах вейтлинговского журнала. В статьях наблюдается постепенное ослабление религиозных мотивов. Все чаще встречается конкретный анализ отдельных сторон общественной жизни — собственности, существующих форм правления, проблем тактики, впервые подчеркивается роль науки при коммунизме. Характерны также статьи Вейтлинга против всевозможных критиков коммунистического учения, его критический анализ взглядов сен-симонистов и фурьеристов, его выступления против различных реакционных теорий, в частности против мальтузианства [1].

Но лучше всего прослеживается этот процесс при сопоставлении «Человечества» и «Гарантий». Гораздо более высокая интеллектуальность, переход от библейской, религиозной формы изложения к рационалистической, попытки рассмотрения различных элементов общества в их историческом развитии, тщательная разработка проблем переходного периода, включая сюда и целую систему переходных мероприятий, более доскональная и глубокая разработка вопросов революционной тактики, представлений о коммунизме — вот далеко не все признаки, отличающие «Гарантии» от «Человечества» [2].

Все работы и документы Вейтлинга 1841—1843 гг. свидетельствуют о том, что в основе его взглядов продолжают лежать узловые принципы немецких рабочих коммунистов, выработанные еще в Париже. Но теперь Вейтлинг значительно углубляет эти принципы.

Особенно наглядно проявляется это в первом разделе «Гарантий» — «Происхождение общественного зла». Вейтлинг уже не ограничивается чисто эмоциональными осуждениями. Он подвергает весьма конкретной и аргументированной критике с позиций рабочего класса самые различные стороны буржуазного общества — «собственность — причину всех зол» [3], торговлю, денежную систему, брак и семейные отношения, избирательную систему, буржуазные свободы, религию и нравы, которые «составляют

---

[1] См. «Junge Generation», январь — декабрь 1842.

[2] Подробнее о теоретических достижениях Вейтлинга в этот период см. *W. Seidel-Höppner*. Wilhelm Weitling der erste deutsche Theoretiker und Agitator des Kommunismus. Berlin, 1961, S. 79—189.

[3] *В. Вейтлинг*. Цит. соч., стр. 92.

самую твердую опору господствующей ныне системы неравенства, тирании и угнетения»[1].

В материалах Вейтлинга этого периода хорошо выражены ключевые положения рабочего коммунизма о месте трудящихся масс в существующем обществе[2]. Яркое отражение находят у него интернационалистские, а также революционные тенденции немецкого рабочего коммунизма[3].

Характерно, что и в швейцарский период у Вейтлинга сохраняются многие из тех негативных сторон, которые обнаруживают непосредственную связь его взглядов с ограниченным мировоззрением немецких ремесленников: уравнительность, упрощенная, весьма далекая от научности интерпретация ряда проблем, так и не преодоленная полностью даже в «Гарантиях» религиозность и целый ряд других моментов. Тем не менее Вейтлинг в Швейцарии сумел намного расширить кругозор немецкого рабочего коммунизма. Совмещение в «Гарантиях» всех достижений Вейтлинга того периода обеспечило этой работе особое место в немецком рабочем коммунизме, сделало ее значительным литературным явлением, одним из выдающихся достижений мировой социалистической мысли.

Пропагандистская деятельность Вейтлинга содействовала распространению коммунистических идей среди немецких рабочих в Швейцарии. Создание коммунистических организаций происходило здесь в условиях ожесточенной борьбы со сторонниками буржуазно-демократической организации «Молодая Германия», в обстановке рас-

---

[1] *В. Вейтлинг*. Цит. соч., стр. 223.

[2] «...Мы... две партии. Это не подлежит сомнению: вы потребляете, а мы производим! У вас посты и звания, у нас же ничего, кроме нашего честного имени! У вас есть деньги, а нам только очень хотелось бы их иметь. На вашей стороне всегда право, мы же всегда неправы...» «...Мы, рабочие, при том или ином правителе все равно вынуждены играть роль вьючного животного. Все общественные сословия... навьючивают на нас непосильное бремя» (*В. Вейтлинг*. Цит. соч., стр. 154, 181).

[3] «Миллионы несчастных созданий взывают о помощи... Старое зло въелось слишком глубоко. Только катастрофа произведет разрыв между добром и злом, и она неизбежно произойдет, если каждый в меру своих сил будет стараться ее подготовить». «Падение существующего старого — это революция; следовательно, прогресс мыслим только через революцию. Да здравствует революция!». «...Нам нужна революция. Будет ли она добыта исключительно силой чистого разума или для ее победы потребуется еще и грубая физическая сила, мы должны ждать этого и во всяком случае должны приготовиться к обеим возможностям» (там же, стр. 69, 361, 386).

кола союзов, отмежевания «социальных элементов от республиканско-политических» [1]. В конечном итоге в Лозанне, Женеве, Ла-Шо-де-Фоне и других местах были созданы коммунистические союзы общей численностью в несколько сот человек. На основе деятельности этих союзов и шло развитие немецкого рабочего коммунизма в Швейцарии. Издавались коммунистические журналы и рукописные газеты, с 1841 по 1845 г. было издано более десятка брошюр по проблемам коммунизма.

В массе немецкие рабочие в коммунистических союзах Швейцарии разделяли основополагающие идеи Вейтлинга: о необходимости общности имущества, ликвидации собственности, денег, права наследования, равномерного распределения труда и благ и т. д. [2]. Эти и другие исходные идеи рабочего коммунизма мы находим в ряде брошюр, изданных рабочими союзами в первой половине 40-х годов, а также в некоторых документах. Их отличает эмоциональность, страстная коммунистическая убежденность, ненависть к существующим порядкам. Однако здесь нет разработки каких-то новых идей рабочего коммунизма, и значительное место занимают типичные для его приверженцев рассуждения о необходимости построить рай небесный на земле, уничтожить господство денег, тунеядство, о «царстве справедливости, правды и братской любви» и т. д. [3]

Лишь одному рабочему — кожевнику Симону Шмидту, который возглавлял рабочий союз в Лозанне, удалось выйти за эти пределы и проявить оригинальность и своеобразие своих коммунистических взглядов. Они известны по отрывкам из трех номеров издававшейся им с конца октября 1842 г. рукописной газеты «Volkstümliche Handwerker» [4].

---

[1] *A. Becker.* Geschichte des religiösen und atheistischen Frühsozialismus. Kiel, 1932, S. 56. Вожди «Молодой Германии» в борьбе против «рабочих коммунистов» часто спекулировали на слабых сторонах их воззрений и смогли в течение ряда лет, используя популярные среди рабочих демократические лозунги, сохранять свое влияние в некоторых рабочих союзах.

[2] См. *W. Marr.* Das junge Deutschland in der Schweiz. Leipzig, 1846, S. 108; *C. J. Bluntschli.* Die Kommunisten in der Schweiz nach den bei Weitling vorgefundenen Papieren. Zürich, 1843, S. 33.

[3] Brief eines Herrn Pfaffers aus Basel an einen Kommunisten in Lausanne nebst Antwort darauf. Bern, 1844, S. 20—23. См. также письмо Лозаннского рабочего союза ремесленникам Базеля от 8 ноября 1844 г. (Der Bund der Kommunisten, S. 202—204).

[4] См. *A. Becker.* Op. cit., S. 58—61.

Газета выходила под весьма характерным для рабочего коммунизма девизом: «Равенство — братство; свобода — единство; воспитание — нравственность; труд — порядок» [1]. В ней Шмидт хотел публиковать, помимо прочего, материалы о жизни «рабочего сословия и низших классов вообще», об их нищете и бесправии в современном обществе. С. Шмидт очень рельефно выражает исходные идеи рабочего коммунизма, и прежде всего его уравнительные тенденции и интернационализм. «Мы должны приложить все усилия к тому,— пишет он,— чтобы побратать не только семьи и племена нашей германской отчизны, но и *все народы,* так как не может быть действительно счастлив народ, если не счастливы все народы..., чтобы искоренить и уничтожить еще существующую в нас ненависть к другим народам и нациям» [2].

Несомненно, что Вейтлинг в теоретическом отношении стоял выше Шмидта. Последний, например, предпочитал реформистский путь перехода к коммунизму [3]. Однако в некоторых вопросах Шмидт показывал бóльшую зрелость. Так, на одном из собраний Лозаннского рабочего союза он решительно выступил против враждебного отношения Вейтлинга к интеллигентам, против того, что Энгельс впоследствии называл «тупой вейтлинговской ненавистью к «образованным»» [4], и одержал верх в этом споре [5].

Быстрый интеллектуальный рост, сопровождавший развитие немецкого рабочего коммунизма в Швейцарии, стал важным фактором в привлечении к нему ряда представителей интеллигенции. Двое из них — А. Беккер и С. Зейлер, принимавшие с конца 30-х годов активное участие в деятельности зарубежных организаций немецких рабочих, с 1842 г. становятся видными пропагандистами рабочего коммунизма. В работах «Собственность в опасности!» и «Народная философия наших дней», увидевших

---

[1] *A. Becker.* Op. cit., S. 58.

[2] Ibid., S. 59.

[3] Ibid., S. 60.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 35, стр. 186.

[5] *A. Becker.* Op. cit., S. 66. О широте кругозора С. Шмидта свидетельствует простой перечень названий статей из его газеты: «Об индивидуализме и коммунизме», «Вопросы на общественные и политические темы и ответы на них», «Конкуренция», «Роберт Оуэн в Нью-Ланарке», «Мое представление о коммунизме в общем плане и в частности» и т. д.

свет в первые месяцы 1843 г., С. Зейлер и А. Беккер вращаются еще в основном в круге идей Вейтлинга [1].

Работа Зейлера «Собственность в опасности!» являлась своеобразной хрестоматией социализма и коммунизма, где он попытался дать «краткое и сжатое исследование о происхождении и последствиях этого нового учения» [2].

Зейлер прослеживает развитие социальных теорий, направленных против частной собственности и неравенства, начиная с древности и кончая самыми современными теориями. Значительную часть работы заняло изложение учений и приведение отрывков из работ Констана, Кабе, Прудона и Вейтлинга — «одной из самых смелых и ведущих фигур в лагере коммунизма» [3]. Зейлер показывает неплохое знание различных социальных систем и прежде всего основополагающих работ представителей рабочего коммунизма, под знаменем которого он и выступает.

А. Беккер посвятил свою работу описанию мировоззрения немецких рабочих коммунистов, их представлений о современном и будущем обществе, о путях достижения свободы и равенства, раскрыл особенности их идеологии. Он хотел обратить внимание ученой публики на благородство, высокие гуманистические принципы и цели немецкого рабочего коммунизма, который зиждется «на потребностях духовно развитого и физически униженного народа» [4]. Не закрывая глаза на незрелость некоторых взглядов рабочих коммунистов, Беккер выдвигает идею о союзе философов и рабочих, который поможет устранить эти слабости. Он призывает ученых создавать популярные работы для народа. «Я утверждаю,— писал Беккер,— что часть наших немецких рабочих совершенно созрела для восприятия философского образования. Пусть для них будет написана популярная философская книга, и мы посмотрим, не будут ли они, несмотря на нехватку времени

---

[1] Они и рассматривали свои работы как дополнение к «Гарантиям гармонии и свободы». См. С. Зейлер — С. Шмидту, 2 января 1843 г. Der Bund der Kommunisten, S. 154; *A. Becker.* Die Volksphilosophie unserer Tage. Neumünster, 1843, S. 35.

[2] *S. Seiler.* Eigentum in Gefahr! oder was haben Deutschland und die Schweiz vom Kommunismus und Vernunftglauben zu fürchten? Bern, 1843.

[3] Ibid., S. 69.

[4] *A. Becker.* Die Volksphilosophie unserer Tage, S. 28.

и знаний, изучать ее намного старательнее, чем наши студенты во время своих учебных занятий» [1].

Особенно возросло значение деятельности Беккера и Зейлера с середины 1843 г. после ареста, а затем и осуждения Вейтлинга. В это время швейцарские власти пытались нанести удар по коммунистическому движению немецких ремесленников, используя в качестве «главного средства» отчет реакционера И. К. Блюнчли «Коммунисты в Швейцарии» [2]. В нем предпринималась попытка при помощи соответствующего подбора и публикации найденного у Вейтлинга документального материала опорочить идеи и деятельность немецких коммунистов. Однако работа Блюнчли, включившая в себя много интересных документов рабочих коммунистов, способствовала лишь распространению и популяризации их идей не только в Швейцарии, но и в других странах.

Зейлер откликнулся на арест Вейтлинга небольшой брошюрой «Писатель Вильгельм Вейтлинг и возня вокруг коммунизма в Цюрихе». Она интересна прежде всего как первый биографический очерк о Вейтлинге. Зейлер использовал сведения, почерпнутые из бесед с Вейтлингом, из его многих мало известных тогда работ. «...Коммунизм, как его понимает Вейтлинг,— писал Зейлер,— имеет целью братство всех народов в единой всемирной республике, в которой нет частной собственности, богатых, бедных, дармоедов, лентяев, законов, а есть лишь обязанности» [3].

Перу Зейлера принадлежит и брошюра «О коммунизме в Швейцарии», которая явилась ответом немецких коммунистов на отчет Блюнчли. В ней Зейлер опроверг все измышления Блюнчли, показал позитивную сторону рабочего коммунизма, его устремленность к свободе и равенству всех людей [4].

Важной стороной работы Зейлера было его выступление против ряда ошибочных и поверхностных идей Вейтлинга. Зейлер отрицательно расценивал склонность Вейтлинга

---

[1] *A. Becker.* Die Volksphilosophie unserer Tage, S. 11.

[2] См. *J. C. Bluntschli.* Denkwürdiges aus meinem Leben. Bd. 1. Nordlingen, 1884, S. 344.

[3] *S. Seiler.* Der Schriftsteller Wilhelm Weitling und Kommunistenlärm in Zürich. Bern, 1843, S. 14.

[4] [*S. Seiler*]. Über den Kommunismus in der Schweiz. Bern, 1843, S. 1—35.

к нивелированию, к решению сложных проблем при помощи поспешных и необоснованных действий, оспаривал правомочность отмены личной собственности и права ее наследования, ликвидации денежной системы и т. д. [1]. Таким образом он наносил удар и по попыткам Блюнчли спекулировать на слабых сторонах воззрений Вейтлинга. «При помощи этого сочинения,— отмечала весной 1844 г. «Königsberger Literaturblatt»,— можно получить самое правильное представление о коммунистах. Автор не проходит мимо слабостей их учения. ...Он приводит веские доказательства того, какую огромную несправедливость проявляют некоторые в оценке коммунистов под видом мнимой непогрешимости» [2].

А. Беккер выразил свою солидарность с находившимся в тюрьме Вейтлингом в письме редактору «Schweizerischer Republikaner» Ю. Фрёбелю во второй половине июня 1843 г. Оно было написано в связи с появлением в газете статьи, содержавшей критику отдельных аспектов вейтлинговского учения [3]. Называя себя «другом и единомышленником» Вейтлинга, Беккер энергично защищал его взгляды от критики Фрёбеля. Он доказывал необходимость ликвидации собственности, денежной системы, выступил за последовательное проведение в жизнь принципа уравнительности, против вознаграждения за талант и т. д. [4].

Судя по этому письму, по другим работам, коммунизм Вейтлинга стал в этот период основой коммунистических воззрений Беккера. Хотя Беккер принимал отнюдь не все элементы этого коммунизма, после ареста Вейтлинга именно Беккеру пришлось возглавить деятельность коммунистических союзов в Швейцарии. Беккер написал целый ряд коммунистических брошюр. Его самым значительным литературным достижением является брошюра «Чего хотят коммунисты?».

Ее появление было связано с ожесточенной борьбой за влияние на рабочие союзы между коммунистами и представителями «Молодой Германии», развернувшейся летом — осенью 1844 года [5]. 4 августа 1844 г. по предложению

---

[1] [*S. Seiler*]. Über den Kommunismus in der Schweiz. Bern, 1843, S. 37—38, 44—45, 50—51 и др.

[2] «Königsberger Literaturblatt», 1844, № 38, S. 304.

[3] «Schweizerischer Republikaner», 16. VI. 1843.

[4] Dokumente des Sozialismus. Bd. 1, Berlin, 1902, S. 205—207.

[5] См. *A. Becker*. Geschichte..., S. 74, 75; *W. Marr*. Das junge Deutschland, S. 199.

коммунистов в Лозанне состоялось собрание 400 представителей различных рабочих союзов, в том числе и младогерманских, с целью объединения всех рабочих организаций. С большой речью в защиту коммунизма выступил здесь А. Беккер. По решению большинства присутствующих эта речь была опубликована в виде отдельной брошюры.

В своем выступлении Беккер очень эмоционально и в то же время аргументированно защищал идеи рабочего коммунизма. Здесь была и критика капиталистической системы эксплуатации рабочих, современных общественных отношений, которые обеспечивали всевластие богачей и делали рабочих жертвами их безудержной погони за наживой [1]. Беккер резко выступил против «несправедливой, несостоятельной и пагубной» частной собственности — источника неравенства и эксплуатации, против денежной системы [2]. Он решительно отверг все «заплаточные реформы», которые предлагались буржуазными деятелями в качестве противовеса коммунизму [3].

Лозунгом предстоящей борьбы против капитализма, считал Беккер, будет «свобода, равенство, любовь.., ликвидация собственности», т. е. те принципы, которые занимали ведущее место в системе взглядов рабочих коммунистов [4]. Им же соответствуют и рассуждения Беккера о коммунистическом обществе, последовательное проведение принципа равенства, интернационалистские тенденции, а также мысли о ликвидации всех языковых перегородок и границ, о роли машин в будущем обществе и т. д. [5]

Брошюра Беккера, несомненно, является одним из значительных достижений немецкого рабочего коммунизма. Ее автор, обладавший определенной научной подготовкой, неплохим знанием экономической и социалистической литературы, сумел порой в гораздо более зрелой форме, чем Вейтлинг, выразить узловые идеи рабочего коммунизма, а также преодолеть некоторые его односторонние взгляды. Так, представления Беккера о будущем обществе свободны от элементов казарменности и в них последовательно про-

---

[1] *A. Becker.* Was wollen die Kommunisten? Lausanne, 1844, S. 3—5.

[2] Ibid., S. 1—3.

[3] Ibid., S. 13—14.

[4] Ibid., S. 21.

[5] Ibid., S. 33, 34, 36, 42—43.

водится принцип «от каждого по способности, каждому по потребности» [1].

Инстинктивная, ненаучная основа вейтлинговского коммунизма, наличие в нем многих негативных элементов, отражавших особенности мировоззрения немецких ремесленников, не могли не создавать препятствия для его плодотворного развития. Экономическая отсталость Швейцарии и связанное с этим отсутствие притока передовых социальных идей также способствовали в 1843—1845 гг. консервации этих негативных элементов, ускоряли начало кризиса, а затем и заката вейтлинговского коммунизма.

Эта тенденция проявилась прежде всего в творчестве самого Вейтлинга, который в «Гарантиях» как бы исчерпал все свои возможности и в последующий период или топтался на месте, или даже совершал попятное движение. Так, уже в первой половине 1843 г. в письмах деятелям Союза справедливых Вейтлинг развивал различные иррациональные идеи, в частности, об использовании преступных элементов в интересах коммунизма [2]. Особенно наглядно кризис воззрений Вейтлинга обозначился в работе «Евангелие бедного грешника», написанной весной 1843 г. В ней по-прежнему излагаются основополагающие идеи рабочего коммунизма [3]. Однако общая тенденция брошюры свидетельствовала о неспособности Вейтлинга найти новые решения, о возвращении к тем элементам рабочего коммунизма, которые отошли в «Гарантиях» на задний план, прежде всего к религиозности и сентиментальности.

Последующие события лишь подтвердили, что «Евангелие» было не случайным явлением, а проявлением все более углубляющегося кризиса. Не случайно после 1843 г. Вейтлинг не смог написать ни одной работы, которая двигала бы его учение вперед, а уделил свое внимание, наряду с воспоминаниями и повторению старых идей, созданию произведений в иррациональном духе, претворению в жизнь различных утопических планов.

Недолго прогрессировал и А. Беккер [4]. Неустойчивость

---

[1] *A. Becker*. Was wollen die Kommunisten? S. 34—36.

[2] Der Bund der Kommunisten, S. 158—163, 166—167.

[3] *В. Вейтлинг*. Евангелие бедного грешника. С.-Петербург — Лейпциг, 1907, стр. 22, 80, 81, 87 и др.

[4] О деятельности А. Беккера в 1843—1846 гг. см. статью *М. Браво* «Немецкий коммунизм в Швейцарии. Август Беккер 1843—1846». «Annali Istituto Giangiacomo Feltrinelli». Anno Sesto. Milano, 1963, S. 556—606.

его мировоззрения, его умеренность и религиозность, типичный идеализм увели его в конце концов в сторону от коммунизма. Этот отход проявился в 1845 г., в частности, в его предисловии к книге мистика Г. Кульмана[1] (дорогу в коммунистические союзы Швейцарии ему проложил в 1844—1845 гг. сам Беккер)[2]. И после 1845 г. в ряде городов Швейцарии, в Париже, Гамбурге и в других местах продолжали существовать рабочие организации вейтлинговского толка. Однако в теоретическом отношении они не дали ничего значительного и вращались в основном в круге исходных идей немецкого рабочего коммунизма. К этому времени сошла также на нет та прогрессивная роль, которую сыграл вейтлинговский коммунизм в распространении коммунистических взглядов как за пределами, так и в самой Германии.

* * *

Маркс и Энгельс ознакомились с немецким рабочим коммунизмом в начале 40-х годов, еще до отъезда из Германии. В это время во многих немецких газетах и журналах перепечатывались материалы его сторонников, публиковались статьи и сообщения о деятельности Вейтлинга[3]. В 1842—1843 гг. в Германии получили распространение

---

[1] См. *G. Kuhlmann.* Die Neue Welt oder das Reich des Geistes auf Erden. Verkündigung. Genf, 1845, S. VI—VII.

[2] Говоря позднее об «учении» Кульмана, Энгельс писал, что оно «не что иное, как самый обыкновенный сентиментальный бред, облеченный в полубиблейские фразы à la Ламенне и преподнесенный со свойственным пророкам высокомерием» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 471). «Август Беккер,— говорилось в «Немецкой идеологии»,— ...дал себя... уговорить человеку весьма ограниченного ума и очень сомнительного характера, поверив ему, что ни одна загадка еще не решена и что ни одна действенная сила не пробудилась; коммунистическое движение, охватившее уже все цивилизованные страны,— это-де только пустой орех, в котором не удается обнаружить ядро...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 535).

[3] Видные представители немецкого рабочего коммунизма уделяли большое внимание популяризации своего учения в Германии. Блюнчли в своем отчете посвятил целый раздел их сотрудничеству в различных органах прессы. Из германских газет и журналов, помещавших коммунистические материалы, он выделил «Leipziger Allgemeine Zeitung», «Telegraph für Deutschland», «Hallische Jahrbücher» и «Rheinische Zeitung» (*J. C. Bluntschli.* Die Kommunisten in der Schweiz, S. 81).

«Гарантии гармонии и свободы», а также книги, знакомившие со взглядами немецких ремесленников, в частности, «Письма из Парижа» К. Гуцкова и отчет Блюнчли. «Коммунизм,— отмечал позднее немецкий демократ А. Руге,— стал отныне несомненно проблемой самой Германии и распространился среди ремесленников и литераторов» [1].

Маркс, конечно, не мог пройти мимо всего этого. Часть сведений он мог почерпнуть в «Rheinische Zeitung», в которой начал сотрудничать в 1842 г. В ней неоднократно публиковались материалы о Вейтлинге [2], а 30 сентября под заглавием «Берлинские семейные дома» была перепечатана корреспонденция из Берлина от 21 августа 1842 г., опубликованная в сентябрьском номере «Junge Generation». Ее автор описывал ужасные условия жизни трудящихся в берлинских трущобах, а также говорил о своем переходе на коммунистические позиции [3]. Этот материал из «Junge Generation» переправил в «Rheinische Zeitung» один из ее корреспондентов в Швейцарии. В их числе находились и некоторые рабочие коммунисты, в частности А. Беккер и С. Зейлер, которые довольно часто писали для ее отдела «Швейцария» [4].

Уже 15 октября 1842 г., т. е. в тот день, когда Маркс стал редактором «Rheinische Zeitung», ему довелось выразить свое отношение к различным направлениям коммунизма, в том числе и к немецкому рабочему коммунизму. Тогда Маркс написал статью «Коммунизм и аугсбургская «Allgemeine Zeitung»», в которой отвечал реакционной «Allgemeine Zeitung», пытавшейся скомпрометировать уче-

---

[1] См. статью *А. Руге.* «Немецкий коммунизм» — «Die Opposition». Mannheim, 1846, S. 97. О значении вейтлинговского коммунизма для первоначального распространения коммунистических идей в Германии писал в 1844 г. и Л. Штейн. См. об этом его статью в «Deutsche Vierteljahrsschrift». H. 2, 1844, S. 39—40, 50—51.

[2] В частности, в сентябре 1842 г. в ней была помещена заметка Гесса об одной из программных статей Вейтлинга о коммунизме в «Junge Generation». Гесс отмечал, что работе Вейтлинга «нельзя отказать в гениальности и оригинальности». «Rheinische Zeitung», 29.IX.1842.

[3] «Rheinische Zeitung», 30.IX.1842.

[4] «К сожалению,— отмечал 8 февраля 1843 г. в письме С. Шмидту Зейлер,— «Rheinische» прекратит свое существование еще до 1 апреля. И этот превосходный орган погребен. Беккер также оказывается в убытке, он много писал для нее. Коммунизм нанес ей смертельный удар. Однако это хороший признак, в Германии начинают думать об этом» (*J. C. Bluntschli.* Die Kommunisten in der Schweiz, S. 53—54).

ние Вейтлинга и других видных коммунистов и социалистов. Эта газета подвергла «Rheinische Zeitung» нападкам за публикацию материалов коммунистического характера и, в частности, за перепечатку корреспонденции из «Junge Generation» [1].

Маркс решительно выступил против попыток «Allgemeine Zeitung» принизить значение коммунистических идей. Он отметил, что коммунизм — «в высшей степени серьезный современный вопрос для Франции и Англии». В то же время Маркс указал, что его газета «не признает даже *теоретической реальности* за коммунистическими идеями в их теперешней форме, а следовательно, еще менее может желать их *практического осуществления* или же хотя бы считать его возможным» [2].

Примерно в том же плане было и другое высказывание Маркса, затрагивающее рабочий коммунизм, в письме Руге от сентября 1843 г. «...Догматической абстракцией,— писал он,— является в особенности *коммунизм,* причем я имею в виду не какой-либо воображаемый и возможный коммунизм, а действительно существующий коммунизм, в той форме, как его проповедуют Кабе, Дезами, Вейтлинг и т. д. Этот коммунизм есть только особое выражение гуманистического принципа, не освободившееся еще от влияния своей противоположности — частного бытия» [3]. Эти высказывания Маркса 1842—1843 гг. показывают, что научная незрелость идей Вейтлинга и других представителей рабочего коммунизма, характерное для них увлечение «конструированием будущего», провозглашение «раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен» [4] обусловливали в общем негативное отношение Маркса к этому направлению.

Энгельс мог ознакомиться с идеями Вейтлинга во время своего пребывания в Берлине в 1841—1842 гг. по тем же источникам, что и Маркс [5]. Сторонником коммунизма Энгельс, весьма восприимчивый к веяниям своего времени, чутко улавливавший биение пульса общественной жизни и отличавшийся радикальностью воззрений, стал уже в

---

[1] «Allgemeine Zeitung», 11. X. 1842.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 115, 117.

[3] Там же, стр. 379.

[4] Там же.

[5] Об этом см. *G. Mayer*. Friedrich Engels in seiner Frühzeit 1820 bis 1851. Berlin, 1920, S. 120—122.

1842 г. В этот период Энгельс близко сошелся с группой так называемых «Свободных», объединявшей представителей революционно настроенной молодежи. В кондитерской Штехели — месте сборов «Свободных» — постоянно циркулировали коммунистические издания, в том числе и журнал Вейтлинга «Junge Generation» [1]. Вполне вероятно, что Энгельс был знаком и с этой литературой.

Оказавшись в 1842—1843 гг. за рубежами Германии, Маркс и Энгельс смогли намного расширить свое представление о немецком рабочем коммунизме, о его видных представителях, их основных работах. Маркс осенью 1843 г. приехал в Париж. С первых дней пребывания здесь он поддерживал контакт со многими французскими и немецкими социалистами и коммунистами [2]. В их число входил и видный деятель Союза справедливых Г. Мёйрер [3], который был тесно связан с Вейтлингом и публиковал в его журнале свои стихотворения. От него, а также от возглавившего деятельность Союза в Париже Г. Эвербека Маркс мог получить много сведений о первых организациях немецких рабочих, об их коммунистических воззрениях [4].

Изменение отношения Маркса к рабочему коммунизму следует связывать с его окончательным переходом на коммунистические позиции, с основополагающим выводом о всемирно-исторической миссии пролетариата в революционной борьбе, к которому Маркс приходит на рубеже 1843—1844 гг. в ходе кропотливых исследований современного общества и механизма его развития [5]. Несомненно, пребывание Маркса в городе, общественная жизнь которого была пронизана различными социалистическими и коммунистическими теориями, в том числе и идеями рабочего коммунизма с их особенным упором на активную роль трудящихся классов в будущем переустройстве общества, не могло не ускорить успешное завершение поиска Мар-

---

[1] См. корреспонденцию из Берлина от 21 августа 1842 г.— «Junge Generation», сентябрь 1842, S. 157.

[2] Среди них, судя по переписке и воспоминаниям Руге, были Леру, Консидеран, Кабе, Гесс и другие. См. *A. Ruge.* Briefwechsel und Tagebuchblätter aus den Jahren 1825—1880. Bd. I. Berlin, 1886, S. 317—340, а также *A. Ruge.* Zwei Jahre in Paris. Bd. I. Leipzig, 1846, S. 62—114.

[3] См. первые письма Маркса из Парижа (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 377—379).

[4] О личных контактах Маркса с руководителями Союза справедливых см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 451.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 428—429.

ксом социальной силы, способной стать двигателем общественного прогресса.

Сделав столь важный шаг на пути к историческому материализму и научному коммунизму, Маркс не мог не изменить своего отношения к носителям коммунистических взглядов из среды рабочего класса. Теперь, как отмечал впоследствии Энгельс, «коммунизм у французов и немцев, чартизм у англичан уже не казались более какой-то случайностью, которой с таким же успехом могло и не быть. Эти движения представлялись теперь движениями современного угнетенного класса, пролетариата, более или менее развитыми формами его исторически неизбежной борьбы против господствующего класса, буржуазии» [1].

В 1844 г. Маркс внимательно присматривается к деятельности различных рабочих организаций в Париже. Посещая их собрания, он убеждается в том, что «история готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека» [2]. Маркс пишет о «девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей» [3], об их тяге к науке, жажде знаний, нравственной энергии, неутомимом стремлении к саморазвитию [4]. «Когда между собой объединяются коммунистические *рабочие*,— писал он в «Экономическо-философских рукописях 1844 года»,— то целью для них является прежде всего учение, пропаганда и т. д. ...К каким блестящим результатам приводит это практическое движение, можно видеть, наблюдая собрания французских социалистических рабочих... Для них достаточно общения, объединения в союз, беседы, имеющей своей целью опять-таки общение; человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых от труда лиц на нас сияет человеческое благородство» [5].

Несомненно, что эти высказывания можно распространить и на проживавших в Париже немецких ремесленников, рабочих коммунистов. Весной — летом 1844 г. Маркс, по всей вероятности, довольно часто посещал их собра-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 220—221.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 381.
[3] Там же.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 92.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 607.

ния [1]. В это время члены Союза справедливых обсуждали лекции Эвербека и, возможно, Мёйрера о книге Фейербаха «Сущность христианства». «Здешние немецкие ремесленники, то есть коммунистическая часть их, насчитывающая несколько сот человек,— сообщал Маркс Фейербаху в августе 1844 г.,— слушали в течение всего этого лета, два раза в неделю, лекции о Вашей книге «Сущность христианства», которые читались руководителями их тайного общества, причем слушатели показали себя на редкость восприимчивыми» [2]. Маркс, вероятно, и сам выступал перед немецкими рабочими в Париже [3].

Париж был не только организационным центром немецких «рабочих коммунистов», но и центром распространения их литературы. Сюда в организацию Союза справедливых поступала значительная часть тиража «Junge Generation», большое число экземпляров книги Вейтлинга «Гарантии гармонии и свободы» и т. д. И Марксу было нетрудно ознакомиться в Париже практически со всей литературой немецкого рабочего коммунизма. Можно предположить, что именно здесь он проштудировал «Гарантии гармонии и свободы» (об этой работе он мог знать еще в Германии) и другие работы Вейтлинга, ознакомился с отчетом Блюнчли и, возможно, с некоторыми работами А. Беккера [4].

Маркс высоко оценил теоретические достижения немецкого рабочего коммунизма, рассматривал эти достижения как «превосходные задатки для социализма, имеющиеся у немецкого пролетариата» [5]. Как бы подытоживая свое знакомство с немецким рабочим коммунизмом, он отмечал летом 1844 г.: «...Немецкий пролетариат является *теоретиком* европейского пролетариата, подобно тому как английский является его *экономистом*, а французский — его *политиком*» [6].

Не было ничего удивительного в том, что наибольший интерес у Маркса вызвали работы Вейтлинга. Широко из-

---

[1] «Маркс устремился в здешний коммунизм»,— писал из Парижа в июле 1844 г. А. Руге (*A. Ruge*. Briefwechsel, S. 359).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 383.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 534.

[4] Большой отрывок из работы А. Беккера «Народная философия наших дней» Маркс мог прочесть в газете «Vorwärts!» от 2. II. 1844, хотя в это время он еще не сотрудничал в ней.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 444.

[6] Там же.

вестна характеристика их в статье Маркса против Руге, опубликованной в «Vorwärts!» в августе 1844 г. Здесь Маркс писал о «гениальных сочинениях *Вейтлинга*, которые в теоретическом отношении часто идут даже дальше *Прудона»*, о превосходстве «Гарантий гармонии и свободы» над всей буржуазной политической литературой, называл эту работу *«беспримерным* и блестящим литературным дебютом немецких рабочих» [1].

Отношение к немецкому рабочему коммунизму было одним из пунктов разногласий между Марксом и Руге, приведших их к разрыву. Руге весьма пренебрежительно высказывался о немецких ремесленниках [2], осуждал Маркса за то, что он вступил в тесный контакт с ними, называл это «трагическим поступком» [3]. Включая в свою статью восторженную характеристику Вейтлинга, сопоставляя его «Гарантии» с «трусливой посредственностью немецкой политической литературы» [4], Маркс вступал в полемику с Руге, который являлся как раз одним из видных представителей этой литературы, доказывал необоснованность пренебрежительного отношения Руге не только к рабочему движению в Германии, но и к немецким рабочим коммунистам, проживавшим за ее пределами.

К сожалению, Маркс нигде не конкретизировал своей оценки «Гарантий». И лишь на основании опосредствованных данных можно судить о его отношении к отдельным частям и идеям этой работы. По-видимому, особенно положительным было отношение Маркса к первому, «критическому», разделу «Гарантий» [5]. Позднее, в «Манифесте

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 443, 444.

[2] «Коммунисты,— писал Руге Фейербаху в мае 1844 г.,— так далеки от гуманизма и подлинного коммунизма, что нет никакого желания с интеллектуальной или компанейской точки зрения иметь с ними дело. Немцы, во всяком случае, представляют из себя бедных, ограниченных людей, мечтающих найти в этом мире свое счастье, т. е. сколотить состояние, а поскольку они этого не достигают, они ожидают этого от коммунизма». *A. Ruge*. Briefwechsel, S. 346, а также *его же:* Zwei Jahre in Paris, Bd. 1, S. 338—446.

[3] *A. Ruge*. Briefwechsel, S. 359.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 444.

[5] Л. Фейербах также наиболее высоко ставил именно этот раздел работы Вейтлинга (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 524). Характерно, что его оценка «Гарантий» весьма сходна с оценкой Маркса (см. письмо Л. Фейербаха — Ф. Канну от 15 октября 1844 г. Ludwig Feuerbach in seinem Briefwechsel und Nachlaß sowie in seiner Philosophischen Charakterentwicklung. Leipzig — Heidelberg, 1874, Bd. I, S. 365).

Коммунистической партии», говоря о позитивных элементах утопических систем, Маркс писал: «...В этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих» [1]. Он несомненно имел в виду и «Гарантии», в первом разделе которых обнажался механизм экономического и духовного порабощения трудящихся при капитализме, раскрывались с классовых позиций пролетариата различные стороны современного общества.

Весьма трудно говорить конкретно о влиянии идей Вейтлинга на Маркса. Вероятнее всего, что некоторые из них Маркс учитывал в ходе работы над «Экономическо-философскими рукописями 1844 года». Об этом можно судить по предисловию, в котором он относит сочинения Вейтлинга к числу «содержательных и *оригинальных* немецких трудов» [2]. Такие специфические моменты немецкого и французского рабочего коммунизма, как акцент на исторической роли трудящихся классов, разработка проблем революционной тактики, проблем переходного периода, их критика современного общества не могли не влиять на Маркса в 1844—1845 гг. [3].

Некоторые представления «рабочих коммунистов», в частности Вейтлинга, Маркс мог учитывать и позднее. Так, при работе над «Манифестом» и прежде всего его II разделом «Пролетарии и коммунисты» он, вероятно, принимал в расчет ясно и ярко изложенную Вейтлингом в «Гарантиях» классовую позицию немецких рабочих. Особенно наглядно это проявилось при рассмотрении вопроса об отношении рабочих к отечеству и национальностям. Рассуждения Маркса о том, что «рабочие не имеют отечества», что «у них нельзя отнять то, чего у них нет», об исчезновении в будущем национальной обособленности, противоположно-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 456.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 520.

[3] В интересной статье В. Зайдель-Хёпнер «Политическое просвещение и революционное действие — основная проблема в рабочем коммунизме и у Маркса» («Jahrbuch für Geschichte», Bd. 5, Berlin, 1971, S. 7—69) убедительно доказывается, что в ряде вопросов немецкий и французский рабочий коммунизм явился непосредственным предшественником марксизма.

сти народов, эксплуатации одной нации другой[1] перекликаются с соответствующими местами из «Гарантий»[2]. Но в отличие от Вейтлинга, Маркс разрабатывает эти идеи, опираясь на социально-экономический анализ, и поднимает их на уровень научного обобщения, полностью отбрасывает элементы эмпиризма, упрощения и нивелировки, столь характерные для рабочего коммунизма[3].

Однако было бы неверно переоценивать влияние Вейтлинга и других представителей немецкого рабочего коммунизма на основоположников марксизма. Оно распространялось на узкий круг проблем и не шло ни в какое сравнение с воздействием на них взглядов Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Теоретическая ценность немецкого рабочего коммунизма была не особенно высока. И Маркс это хорошо понимал[4].

Весьма невысоко должен был оценивать Маркс общие представления Вейтлинга о будущем обществе. В числе других и к Вейтлингу относятся некоторые упреки Маркса по поводу «фантастического описания будущего общества», которые он обращает в «Манифесте» к создателям социа-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 444—445.

[2] «Какую же любовь может теперь питать к так называемому отечеству тот, кому нечего терять в нем, чего бы он не мог найти в любой чужой стране?... Да есть ли оно у нас на самом деле, это отечество? Лживые лицемеры! Вы-то хорошо знаете, что у нас его нет, но не хотите, чтобы мы это осознали. К сожалению, от отечества вы не оставили нам ничего, кроме его названия». «Теперь у нас нет отечества; оно будет у нас только тогда, когда общество станет одинаково заботиться о материальном благополучии всех своих членов. Такое отечество и мне мило; за такое отечество охотно борешься и умираешь». «Понятия «язык», «границы», «отечество» столь же мало нужны человечеству, как и существующие религиозные догмы». «Весь этот старый хлам разделений и разобщений, понятия о различиях, отечествах, языках и границах *не имеет* будущности» (*В. Вейтлинг*. «Гарантии гармонии и свободы», стр. 175—176, 182, 189, 191).

[3] Представляет несомненный интерес исследование того, в какой мере Маркс и Энгельс учитывали положения рабочего коммунизма в составленных в 1847—1848 гг. программных документах Союза коммунистов— «Проекте Коммунистического символа веры», «Принципах коммунизма», «Манифесте Коммунистической партии», которые должны были стать общей идейной платформой для представителей научного и рабочего коммунизма (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 250).

[4] Из письма Маркса Ф. Зорге от 19 октября 1877 г. видно, что он ставил Вейтлинга гораздо ниже «великих французских и английских утопистов» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 235).

листических и коммунистических систем [1]. Очевидно, эти представления имел Маркс в виду, когда в работе «Господин Фогт» писал о «фантазиях Вейтлинга» [2].

Маркс, несомненно, осознавал и другие слабые стороны немецкого рабочего коммунизма. Так, в письме к Фейербаху, отмечая «теоретические заслуги» немецких рабочих в Швейцарии, Лондоне и Париже, он сопроводил свою оценку характерной фразой: «Только немецкий ремесленник все еще чересчур является ремесленником» [3].

Опосредствованная критика взглядов немецких «рабочих коммунистов» содержалась уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Там Маркс писал о грубом уравнительном коммунизме, отдельные элементы которого были присущи и немецкому рабочему коммунизму [4]. Он выступил против стремления «уничтожить *все* то, чем, на началах *частной собственности,* не могут обладать все», против насильственного абстрагирования от таланта, повсеместного отрицания им личности человека, против склонности к нивелированию, против «абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации...», «возврата к *неестественной* простоте *бедного* и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее» [5].

Маркс выявил также другую слабость представителей «незавершенного коммунизма»: их неспособность дать историческое обоснование коммунистическим взглядам. Этот коммунизм, отмечал он, «ищет для себя *исторического* доказательства в отдельных противостоящих частной собственности исторических образованиях, ищет доказательства в существующем, вырывая отдельные моменты

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 455—456. Из наброска плана III главы «Манифеста» видно, что Маркс относил Вейтлинга к числу этих авторов, хотя Вейтлинг в «Манифесте» и не упоминается (см. Marx — Engels Gesamtausgabe. Erste Abt., Bd. 6, Berlin, 1932, S. 650).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 450.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 381.

[4] Было бы неверно полностью отождествлять первоначальный немецкий рабочий коммунизм с «грубым коммунизмом». «...Вейтлинговский коммунизм,— отмечалось в «Немецкой идеологии»,— все же, по-видимому, не вполне совпадает с «грубым французским коммунизмом», vulgo — бабувизмом, ибо он содержит в себе и «фурьеристские идеи»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 463. См. также т. 22, стр. 62).

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 586—587.

движения... и фиксируя их в доказательство своей исторической чистокровности» [1]. Подобный подход был весьма характерен не только для французского рабочего коммунизма, представителей которого упоминает Маркс, но и немецкого, в частности для Вейтлинга.

Марксу не особенно импонировала и форма изложения немецких «рабочих коммунистов». Впоследствии он писал о «сентиментальной, морализирующей и психологической критике, которую Вейтлинг и другие литераторствующие рабочие пытаются направить против существующих порядков» [2].

В 1844 г. Маркс гораздо глубже, чем Руге, видел мировоззренческие слабости немецкого рабочего коммунизма. Однако в отличие от него и других представителей радикальной немецкой интеллигенции он не концентрировал на них свое внимание. «Гарантии» и другие работы были для Маркса выражением классовой позиции немецких рабочих, их способности к просвещению, к усвоению коммунистической теории, показателем того, что Золушка неизбежно превратится в атлета, способного уничтожить эксплуататорское общество, что немецкий народ именно в пролетариате найдет «деятельный элемент своего освобождения» [3].

Позитивное отношение Маркса к Вейтлингу в парижский период довольно явственно проявилось, хотя и косвенным образом, в материалах газеты «Vorwärts!», общее направление которой осенью 1844 г. определял именно Маркс [4].

4 сентября 1844 г. в «Vorwärts!» была напечатана небольшая заметка, озаглавленная «Вейтлинг свободен!». «В прошлый вторник,— говорилось в ней,— коммунистический писатель Вейтлинг, целый и невредимый, прибыл в Лондон, и хотя в нашем распоряжении пока нет подробных сообщений, мы, однако, уже сейчас посылаем ему из-за моря радостное приветствие, пожелание счастья. Наконец-то он освободился из удушливой атмосферы старой

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Из ранних произведений, стр. 588.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 440. Характерно, что даже в своем восторженном отзыве о сочинениях Вейтлинга Маркс счел необходимым указать, что они уступают работам Прудона «в способе изложения» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 443).

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 444.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 44—45, а также К. Л. Бернайс — К. Дрезелю. 2 сентября 1844 г. ЦПА ИМЛ, ф. 458, оп. 1, ед. хр. 324.

Германии, пусть же он энергично продолжит свою деятельность»[1]. 2 октября «Vorwärts!» поместила полный текст выступления Вейтлинга на приеме в его честь, состоявшемся в Лондоне 22 сентября 1844 г.[2] В последующих номерах газеты были опубликованы выступления на этом приеме остальных ораторов[3], а 27 ноября в ней появилась доброжелательная рецензия Бернайса на сборник стихотворений Вейтлинга, написанных им во время пребывания в тюрьме (сборник был издан в Гамбурге в 1844 году)[4]. Возможно, что именно это направление материалов, появившихся в «Vorwärts!», конечно, наряду со статьей Маркса против Руге, и побудило Вейтлинга 18 октября 1844 г. написать Марксу письмо, которое положило начало их переписке[5].

По «Vorwärts!» можно в известной мере определить общее отношение Маркса и к другим «рабочим коммунистам», в частности, к немецким коммунистам в Швейцарии[6]. В октябре — ноябре 1844 г. на ее страницах были помещены полемические материалы швейцарских коммунистов против «Молодой Германии». Полемика была открыта письмом «К младогерманцам». В нем говорилось об успехах коммунизма в Швейцарии, подвергались критике и разоблачались буржуазная ограниченность и антикоммунизм лидеров «Молодой Германии», рабочие-младогерманцы призывались к обсуждению насущных социальных вопросов[7].

Вскоре в «Vorwärts!» пришли отзывы из Швейцарии, с одной стороны, от коммунистов с резкой критикой политики младогерманцев и, с другой — выдержанные в антикоммунистическом духе письма лидеров «Молодой Германии» Марра и Фейна. Как бы подчеркивая свою позицию, газета предоставила свои страницы коммунистам. Редакция дала ясно понять, что не собирается публиковать

---

[1] «Vorwärts!», 4.IX.1844.
[2] «Vorwärts!», 2.X.1844.
[3] «Vorwärts!», 13,16.XI.1844.
[4] «Vorwärts!», 27.XI.1844.
[5] Der Bund der Kommunisten, S. 198—199.
[6] Один из их видных представителей А. Беккер даже сотрудничал в «Vorwärts!» и, как ранее в «Rheinische Zeitung», публиковал в ней статьи о внутриполитическом положении в Швейцарии. См. серию статей «Положение дел в кантоне Ваадт» в «Vorwärts!», 14, 18, 21, 28.IX; 5, 19, 23.X.1844.
[7] «Vorwärts!», 26. X. 1844.

материалы вождей «Молодой Германии», организации, с которой «Vorwärts!» не имеет ничего общего [1]. Позднее Марр упрекал Маркса и других редакторов «Vorwärts!» в том, что они «не допустили» его выступления в газете [2]. «Коммунисты,— писал он,— действовали нам во вред. В «Vorwärts», который относился к ним с величайшей теплотой, появились их зажигательные статьи против нас. Протесты, которые я... выражал, остались без внимания» [3].

* * *

Энгельс досконально ознакомился с рабочим коммунизмом во время своего пребывания в Англии. В 1843 г. он посещал в Лондоне Просветительное общество немецких рабочих, бывшее важным пропагандистским и организационным центром немецких ремесленников. В беседах с И. Моллем, К. Шаппером и Г. Бауэром Энгельс узнал многое об истории первых организаций немецких рабочих, о сущности их воззрений [4].

В Просветительном обществе Энгельс впервые получил доступ к литературе по рабочему коммунизму. Именно здесь он, вероятно, приобрел «Гарантии» [5], комплект «Junge Generation» [6], ознакомился с отчетом Блюнчли. Впоследствии Энгельс прочел и другие работы Вейтлинга, коммунистические брошюры А. Беккера, книгу Г. Кульмана. Великолепное знание Энгельсом этой литературы позволило ему как в период 40-х годов, так и в последующее время давать самые компетентные, глубокие основополагающие характеристики и оценки рабочего коммунизма. Характерно, что именно Энгельс в предисловии к «Положению рабочего класса в Англии» (март 1845 г.) впервые ввел сам термин «французский и немецкий рабочий коммунизм» [7].

Глубокое знание проблем немецкого рабочего коммунизма Энгельс показал уже осенью 1843 г. в своей статье «Успехи движения за социальное преобразование на континенте», появившейся в органе английских социалистов-

---

[1] «Vorwärts!», 23. XI. 1844.
[2] *W. Marr.* Das junge Deutschland, S. 221—222.
[3] Ibid., S. 264.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 216; т. 41, стр. 328.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 536.
[6] Там же, стр. 535—536; т. 37, стр. 95.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 238.

оуэнистов «New Moral World». Она представляет собой очерк развития немецкого рабочего коммунизма, начиная от знакомства странствующих немецких ремесленников «с политическим и социальным движением французского рабочего класса» [1] и до его самых последних шагов. Энгельс справедливо выделил роль Вейтлинга, называя его «основателем немецкого коммунизма» [2], высоко оценил его организаторскую и пропагандистскую деятельность, его журнал «Junge Generation», который, по его словам, «с самого же начала превзошел большинство изданий французских коммунистов, в том числе даже «Populaire» отца Кабе» [3].

Развитие немецкого рабочего коммунизма в Швейцарии Энгельс проследил по отчету Блюнчли. Он указал на быстрое распространение идей коммунизма среди немецких рабочих союзов, на интернациональные связи немецких коммунистов, на преследование швейцарскими властями Вейтлинга и других «рабочих коммунистов» в Цюрихе. Это преследование, отмечал Энгельс, «не привело к разгрому коммунизма, а скорее принесло ему пользу, вызвав к нему еще больший интерес во всех странах немецкого языка. Коммунизм, ранее почти неизвестный в Германии, стал там, благодаря этим событиям, предметом всеобщего внимания» [4]. Энгельс выразил надежду, что эта чисто народная партия «в скором времени объединит весь рабочий класс Германии» [5].

Статья Энгельса впервые познакомила английских читателей с совершенно неизвестным им направлением коммунизма [6]. В дальнейшем Энгельс продолжал информиро-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 535.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 537.

[5] Там же.

[6] На чествовании Вейтлинга 22 сентября 1844 г. редактор «New Moral World» Флеминг отмечал: «Британские читатели впервые познакомились с этим реформатором через «New Moral World» в конце прошлого года по серии отличных статей «Континентальный социализм», которые были написаны одним молодым немцем... Эти статьи пробудили глубокий интерес к движению, сущность и цель которого они обрисовали, и прежде всего к его самоотверженному и мужественному зачинателю и вождю господину Вейтлингу, чье шестимесячное заключение властями Цюриха за распространение коммунистических взглядов стало известно впервые из них» («The New Moral World», 28.IX.1844).

вать их через «New Moral World» и чартистскую «Northern Star» о движении немецких «рабочих коммунистов». В своих коротких заметках он сообщал о судебном процессе над Вейтлингом, о суровом приговоре, вынесенном ему в 1843 г. [1], об успешной деятельности коммунистических союзов немецких рабочих в Швейцарии и Франции, о преследованиях швейцарскими властями немецких коммунистов, завершившихся осенью 1845 г. закрытием Лозаннского рабочего союза и высылкой видных коммунистов, и т. д. [2]

В полной мере Энгельс выразил свое отношение к рабочему коммунизму в письме редактору «New Moral World» от 13 января 1844 г., которое через неделю было помещено в этой газете под заглавием ««Times» о немецком коммунизме». В нем Энгельс выступил против статьи «Коммунисты в Германии», опубликованной в конце 1843 г. в «Times» [3]. Ее автор поставил перед собой цель проанализировать взгляды немецких коммунистов. Он привел ряд отрывков из «Гарантий», использовал некоторые другие работы, в частности «Собственность в опасности!» С. Зейлера. Однако несмотря на множество цитат, автор статьи дал весьма однобокое, искаженное представление о немецком рабочем коммунизме, принизил его значение.

В своем письме Энгельс убедительно и конкретно показал некомпетентность автора статьи в «Times» в общих и частных проблемах коммунизма, доказал, что он «позволяет себе говорить о предмете, о котором он совершенно ничего не знает» [4]. Особый интерес представляет заключительная часть письма. Рассматривая отношение критика к представлениям Вейтлинга о будущем обществе, Энгельс решительно отвергает его утверждение, что коммунистическое учение носит разрушительный характер, «содержит в себе больше негативного, чем позитивного». Приводимые выдержки из работ Вейтлинга, отмечает Энгельс, «с начала до конца носят позитивный характер, и в них даже

---

[1] «The Northern Star», 9.XII.1843.

[2] См. «The Northern Star», 25.X.1845; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 531.

[3] «Times», 29. XII. 1843; эта статья была перепечатана в «New Moral World», 6. I. 1844.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 327.

не упоминается о разрушении существующей социальной системы» [1].

Энгельс выделяет три важных положения вейтлинговской системы будущего, которые опустил в своем изложении автор статьи в «Times»: 1. «Мысль об упразднении всякой формы правления, основанной на насилии и большинстве, и замене ее простым управлением, организующим различные отрасли труда и распределяющим его продукты...», 2. «предложение, чтобы все должностные лица этого управления в каждой отдельной отрасли назначались не большинством всех членов общества, а только теми членами его, которые знакомы со специальным родом работы, возлагаемой на будущее должностное лицо», 3. «лица, на которых возлагается выбор, выбирают наиболее подходящих кандидатов посредством своего рода конкурса, не зная ни одного из авторов представленных на этот конкурс работ;... таким образом устраняются все личные мотивы, которые могли бы повлиять на решение избирающих лиц» [2]. Эти положения, в первом из которых, по мнению Энгельса, «обнаруживается превосходство Вейтлинга над Кабе» [3], судя по всему, больше всего импонировали ему в этот период. По тому, как точно передает их Энгельс, видно, как основательно проштудировал он «Гарантии гармонии и свободы» [4].

Конечно, указанные положения не исчерпывали всего того, что привлекало внимание Энгельса к этой части вейтлинговской системы. Так, судя по «Эльберфельдским речам», произнесенным в феврале 1845 г., Энгельс одобрительно относился к рассуждениям Вейтлинга об армии при коммунизме, разделял его оптимистическую оценку ее возможностей в борьбе против вражеских войск, в защите коммунистического отечества [5]. Однако наиболее важной частью взглядов Вейтлинга Энгельс считал не его представления о будущем обществе.

В 1845 г. во введении к переведенному им на немецкий

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 330.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Приведенные Энгельсом положения Вейтлинга почерпнуты из двух глав «Гарантий» — «Об управлении» и «О выборах». См. *В. Вейтлинг.* «Гарантии гармонии и свободы», стр. 242—246, 250—260.

[5] Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 539 и *В. Вейтлинг.* «Гарантии гармонии и свободы», стр. 107, 175—176, 355—356.

язык отрывку из работы Фурье о торговле Энгельс критиковал «истинных социалистов» за то, что они отбросили лучшую сторону работ утопистов — «*критику существующего общества,* действительную основу, главную задачу всякого исследования социальных вопросов». Он писал о Вейтлинге как «об единственном немце, который *действительно* что-то сделал» в этой области, критиковал пренебрежительное отношение к нему со стороны этих «мудрых теоретиков»[1]. «...Ни один немецкий социалист или коммунист,— заметил Энгельс,— за исключением Вейтлинга, еще не написал ничего, что хотя бы в самой отдаленной степени могло бы сравняться с этим черновым наброском»[2].

О высокой оценке Энгельсом именно критической части системы Вейтлинга говорит и написанная через четыре десятилетия при его активном участии рецензия Каутского на книгу Г. Адлера об истории раннего немецкого рабочего движения[3]. В этой рецензии Каутский отмечал, что наиболее сильной стороной Вейтлинга была его «блестящая критика современного общества»[4].

Не могли не вызывать интереса у Энгельса и высказывания Вейтлинга о революционной тактике рабочего класса. Одно из них — из «Евангелия бедного грешника» — он, вероятно, имел в виду, говоря в середине 80-х годов о гениальности отдельных положений этой работы[5]. «До тех пор,— писал Вейтлинг,— пока согласно существующим законам нам позволяют путем убеждения пролагать пути нашему учению, до тех пор и мы будем держаться границ этих законов. Но когда наши противники выйдут за пределы законов, которые они же сами сочинили, тогда и мы должны будем последовать за ними на новое поле борьбы...»[6]. Это высказывание Вейтлинга созвучно с рекомен-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 581.

[2] Там же, стр. 582.

[3] В 1885 г., когда писалась рецензия, Каутский проживал в Лондоне и находился в постоянном общении с Энгельсом, который, несомненно, консультировал его по вопросам, связанным с коммунистическими воззрениями Вейтлинга. См. об этом *Я. Г. Рокитянский.* Энгельс и одна рецензия в «Neue Zeit» — «Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 23, М., 1973, стр. 23—43.

[4] «Neue Zeit», 1886, № 2, S. 94.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 222.

[6] *В. Вейтлинг.* Евангелие бедного грешника, стр. 83.

дациями Энгельса в адрес вождей германской социал-демократии в период 80—90-х годов [1]. Представляет интерес созвучие известного высказывания Энгельса о восстании из его работы «Революция и контрреволюция в Германии» с некоторыми положениями «Гарантий» [2]. Это высказывание о восстании как искусстве, о тактике революционной партии в ходе него, несомненно, являлось результатом самостоятельного творчества Энгельса, плодотворного учета им опыта революции 1848—1849 гг.[3] Однако вполне возможно, что он учитывал и предшествующий опыт революционеров-коммунистов, в том числе и Вейтлинга.

Энгельс оставил отзыв и о втором видном представителе вейтлинговского коммунизма — А. Беккере. Его работу «Народная философия наших дней» он ставил не особенно высоко [4]. Зато брошюра «Чего хотят коммунисты?» вызвала его восторженную похвалу. В апреле 1845 г. Энгельс назвал Беккера «одним из наиболее одаренных швейцарских коммунистов», отнес его работу «к лучшим и наиболее сильным из известных нам произведений этого рода», считал, что она «заслуживает перевода на английский язык» [5], а несколько позже, в октябре того же

---

[1] См. письмо Энгельса А. Бебелю от 18 ноября 1884 г. (*К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 206—207; т. 21, стр. 210—212; т. 22, стр. 547).

[2] В «Гарантиях гармонии и свободы» Вейтлинг писал: «В революции всякая задержка губительна. Кто решился тут на первый шаг, должен сделать и последующие». «Во время затишья будем учиться, а во время бури действовать. Как только почувствуется приближение бури, не теряйте драгоценного времени на бесполезную декламацию, как это было в Гамбахе. Нужно действовать быстро, как молния, и молниеносно наносить удар за ударом, пока народ воодушевлен охватившим его первым порывом энтузиазма... Никаких перемирий, никаких переговоров с врагами не должно происходить, никаким их обещаниям не надо верить. Раз они начинают борьбу — относиться к ним не иначе, как к неразумным зверям, которые неспособны понимать разумную речь. Это правила поведения в период всеобщего подъема...» (*В. Вейтлинг.* Гарантии гармонии и свободы, стр. 166, 400—401). Интересно, что подобного рода мысли встречаются и у Бабёфа: «...Во время восстания необходимо дерзать, необходимо, так сказать, быть более чем смелым» (*Ф. Буонарроти.* Заговор во имя равенства. Т. II. М., 1963, стр. 264).

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 100.

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 316, 330.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 531.

года характеризовал Беккера как «талантливого немецкого писателя-коммуниста» [1].

Вряд ли, однако, Энгельс ставил работу Беккера в ряд выдающихся достижений коммунистической мысли. Он рассматривал его брошюру как значительное достижение среди произведений определенного рода, т. е. среди популяризаторских работ немецких коммунистов. И среди них, как уже отмечалось, «Чего хотят коммунисты?» несомненно выделялась и яркостью формы, и глубиной содержания.

По нашему мнению, Энгельсу импонировали анализ Беккером категорий собственности и денег [2], его некоторые мысли о процессе перехода к новому общественному строю [3]. Не мог пройти он и мимо представлений Беккера о будущем обществе, которые в ряде моментов имеют точки соприкосновения с высказываниями Маркса и Энгельса [4]. Несомненно, Энгельс обратил внимание и на сле-

---

[1] «The Northern Star», 25. X. 1845. См. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 217; т. 22, стр. 471.

[2] Беккер писал: «Время... обрекло собственность на гибель. Промышленность, этот великий создатель и преобразователь собственности... превратила ее в идола на глиняных ногах, который, несмотря на все опоры и поддержки, должен опрокинуться»; «Деньги — ваша собственная работа, вы придаете деньгам их стоимость... Деньги — эквивалент, деньги — зеркальное отражение продукта... тень вашей работы» (*A. Becker.* Was wollen die Kommunisten?, S. 2—4).

[3] «...Мы очень хорошо знаем,— отмечал Беккер,— что наше дело является пока делом цивилизованной Европы...» (Ibid., S. 43). Это высказывание созвучно с точкой зрения Энгельса. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 334.

[4] «Лишь в коммунистическом государстве всем может быть предоставлено необходимое свободное время... все могут быть освобождены от оков гнетущей душу заботы о пропитании, избавлены от позора презираемого и достойного презрения рабского труда. Ибо только в коммунистическом государстве на благо всех и ради освобождения всех может использоваться рабство машин... все те открытия, в которых проявляется триумф человеческого разума... В коммунистическом государстве число машин может увеличиваться по желанию... земледелие и промышленность могут вестись целиком с использованием самых совершенных научных методов, и важно подчеркнуть, что должен быть обеспечен не только огромный прирост продукции, но и огромная экономия времени... При коммунизме имеет силу принцип: *от каждого* по способностям, *каждому* по потребностям... Труд будет непродолжителен, разнообразен, почитаем, равно вознаграждаем, будет соответствовать наклонностям и способностям» (*A. Becker.* Was wollen die Kommunisten?, S. 33—36).

дующее высказывание А. Беккера: «Говорят... коммунисты заняты решением лишь материальных вопросов! Я решительно отвергаю эту клевету! Коммунизм... *единственный* мост, ведущий к действительному раскрепощению интеллектуально развитого человека. Коммунизм занят материей лишь для того, чтобы ею овладеть, чтобы поставить ее на службу разуму, чтобы отвести ей, разумеется необходимое и важное, однако подчиненное место, которое ей причитается. Над теперешним обществом господствует материя, будущее общество будет господствовать над материей. Еда, питье, одежда, жилье — все это станет такой обыденной и легко достижимой вещью, что этому будут придавать так же мало значения, как теперь употреблению воды» [1]. Это высказывание перекликается с известным положением Энгельса из «Анти-Дюринга» [2].

Революционность, бескомпромиссно-критическое отношение к существующему общественному строю, интернационализм, вера в торжество общества справедливости и братства — все это не могло не привлекать Энгельса к представителям немецкого рабочего коммунизма, в частности к «первым революционным пролетариям», которых он видел,— Моллю, Шапперу и Бауэру [3]. Для Энгельса, как и для Маркса, успехи, достигнутые рабочими в освоении и разработке коммунистических идей, были доказательством того, что «грядущая социальная революция не пройдет мимо истинных причин нужды и бедности, невежества и преступления, что она... осуществит социальное преобразование в подлинном смысле слова» [4]. Однако уравнительные, нивелировочные тенденции рабочего коммунизма, его ненаучная основа не могли не отдалять Энгельса от него [5].

---

[1] *A. Becker.* Was wollen die Kommunisten?, S. 30.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 294—295.

[3] «...Я никогда не забуду,— писал Энгельс позднее,— импонирующего впечатления, которое произвели на меня эти три настоящих человека в то время, когда сам я еще только хотел стать человеком» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 216).

[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 553.

[5] На первой стадии это усугублялось свойственной Энгельсу в то время переоценкой роли образованных классов и его недооценкой возможностей рабочих, что было связано с влиянием так называемого философского коммунизма. «...Их ограниченному уравнительному коммунизму я в то время еще противопоставлял немалую дозу столь же ограниченного философского высокомерия»,— вспоминал Энгельс позднее (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 216, а также т. 1, стр. 513, 540—541).

Уже выступление Энгельса по поводу статьи в «Times» показало, что он, как и Маркс, видел и негативные стороны рабочего коммунизма [1]. Однако Энгельс также не абсолютизировал их. Он не без основания видел в представителях рабочего коммунизма потенциальных союзников в борьбе за торжество нового учения.

Узнав о восторженном отзыве Фейербаха на «Гарантии», о его желании посвятить Вейтлингу свою ближайшую работу, Энгельс в феврале 1845 г. писал: «...Союз между немецкими философами, наиболее выдающимся представителем которых является Фейербах, и германскими рабочими, представляемыми Вейтлингом, союз, год тому назад предсказанный д-ром Марксом, близок к осуществлению. Если с нами философы, чтобы мыслить, и рабочие, чтобы бороться за наше дело,— то какая сила на земле сможет противостоять нашим успехам?» [2].

* * *

Разработка Марксом и Энгельсом основ исторического материализма и научного коммунизма, которая была осуществлена в 1845—1846 гг. в Брюсселе в ходе их работы над «Немецкой идеологией», стала важной вехой в осмыслении ими проблем развития различных направлений социализма и коммунизма. Она помогла более основательно выявить их сильные и слабые стороны. Именно в «Немецкой идеологии» дана одна из самых глубоких характеристик и вейтлинговской системы коммунизма. Здесь подчеркнута связь утопических систем с потребностями времени, в которое они возникли, с предшествующим им развитием наций, исторической формой классовых отношений. «У немцев,— говорится в «Немецкой идеологии»,— не было развитых классовых отношений, какие были у англичан и французов. Немецкие коммунисты могли поэтому заимствовать базис своей системы только из условий жизни того сословия, из которого они происходили. И вполне естественно, что вследствие этого единственная существующая немецкая коммунистическая система была воспроизведением французских идей в рамках мировоззрения, ограниченного отношениями мелкого ремесла» [3].

По материалам, помещенным в отчете Блюнчли, и по

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 41, стр. 327.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 525.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 464.

другим источникам Маркс и Энгельс, несомненно, знали об отдельных симптомах кризиса в деятельности Вейтлинга [1]. Однако они, вероятно, были склонны не придавать этому большого значения, считали это случайным и преходящим моментом, тем более, что в 1844—1845 гг. Вейтлинг продолжал выступать как революционер и интернационалист [2]. Они исходили из своей первоначальной оценки Вейтлинга, вели с ним переписку, всячески поддерживали его и в конце концов пригласили в Брюссель, надеясь, очевидно, направить его развитие в русло научного осмысления действительности, создать, таким образом, базу для союза революционной философии с рабочим движением.

В ходе непосредственного общения с Вейтлингом в январе — марте 1846 г. Маркс и Энгельс получили полное и всестороннее представление о нем, его неспособности преодолеть негативные элементы своих воззрений. Этому особенно способствовало их ознакомление в этот период с брошюрой «Евангелие бедного грешника» [3], а также с рукописями работ Вейтлинга «Справедливость» и «Всеобщая логика и грамматика». Попытка Вейтлинга опереться в пропаганде коммунистических взглядов на христианство и сентиментальные фразы не могла не вызвать возражений Маркса и Энгельса, которые питали отвращение к «социалистической сентиментальности» [4]. К их отчуждению от Вейтлинга вели также негативное отношение последнего к немецкой философии, полное игнорирование им закономерностей исторического развития и, наконец, антинауч-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 214; т. 41, стр. 327.

[2] См. выступления Вейтлинга в Лондоне в 1844—1845 гг. «Vorwärts!», 2. X. 1844, а также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 596—598.

[3] В 1843—1845 гг. Маркс и Энгельс знали о «Евангелии» по отчету Блюнчли. Швейцарские власти воспрепятствовали публикации этой работы в 1843 г., и ее первое издание появилось лишь в 1845 г. в Берне. Очевидно, Маркс и Энгельс ознакомились с «Евангелием бедного грешника» уже после приезда Вейтлинга в Брюссель в феврале 1846 года. Во всяком случае, именно тогда Маркс рекомендовал прочесть эту книгу проживавшему в Париже Бернайсу. «Книгу Вейтлинга я заказал. Я очень рад этому»,— отвечал ему Бернайс 25.II.1846 (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 85). См. также письмо Бернайса Марксу, написанное в мае 1846 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 99).

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 411.

ные и по сути своей иррациональные идеи его последней работы [1].

Начальный период пребывания Вейтлинга в Брюсселе прошел без особых осложнений, и его первые два письма в Лондон, по свидетельству К. Шаппера, «выражали сплошной восторг» [2]. Маркс, который взял на себя заботу о Вейтлинге, старался поддерживать его. Однако уже к началу марта 1846 г. стало ясно, что разногласия примирить невозможно. Сделанный в это время Энгельсом запрос у Гарни о влиянии Вейтлинга среди членов лондонского Просветительного общества немецких рабочих можно считать в своем роде подготовкой к предстоящей борьбе [3].

В центре споров между Вейтлингом и остальными членами Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета находились его работы «Евангелие бедного грешника» и «Всеобщая логика и грамматика» (последнюю Вейтлинг хотел опубликовать при содействии Маркса и Энгельса) [4]. В письме жене от 22 марта Маркс сообщал о серьезных расхождениях в среде немецких коммунистов, решительно выступал против фантастических планов Вейтлинга, связанных, очевидно, с его надеждами на немедленное претворение в жизнь коммунистических идей, резко критиковал взгляды М. Гесса, занявшего примирительную позицию по отношению к Вейтлингу [5].

---

[1] Во «Всеобщей логике и грамматике» (как и «Справедливость», эта работа при жизни автора не была опубликована) Вейтлинг пытался доказать, что причины всех заблуждений и ошибок следует искать в ошибках языковых, и считал, что их можно предотвратить путем классификации различных понятий — см. проспект работы Вейтлинга, а также ее позднейшую переработку, опубликованную Э. Барниколем (*E. Barnikol.* Weitling der Gefangene und seine «Gerechtigkeit». Kiel, 1929, S. 34—36; *W. Weitling.* Klassifikation des Universums. Kiel, 1931, S. 19—53). Энгельс позднее иронизировал над работой Вейтлинга, «в которой дательный падеж отменялся как изобретение аристократов» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 96; т. 28, стр. 223).

[2] Союз коммунистов — предшественник I Интернационала. Сборник документов. М., 1964, стр. 88.

[3] «Что касается *Вейтлинга,*— отвечал Энгельсу 30 марта 1846 г. Гарни,— то у него, может быть, и есть друзья в лондонском Обществе, но их, конечно, немного» (Союз коммунистов, стр. 69).

[4] См. письмо Вейтлинга Гессу от 31 марта и Криге от 16 мая 1846 г. (Der Bund der Kommunisten, S. 308, 1042, а также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 96).

[5] См. письмо Женни Маркс К. Марксу от 24 марта 1846 г. (ЦПА ИМЛ, ф. 6, ед. хр. 12).

Первое крупное столкновение (оно как бы подвело итог всем предшествующим спорам) произошло 30 марта. В этот день состоялось заседание корреспондентского комитета, на котором обсуждался вопрос, каким образом лучше всего вести пропаганду в Германии, в связи с наметившейся там возможностью издания коммунистических работ. Вейтлинг хотел добиться публикации своих произведений, в том числе «Всеобщей логики и грамматики». Маркс и Энгельс, учитывая направление мысли Вейтлинга в этот период, выступили против этого. Они понимали, что публикация его последних работ принесет лишь вред делу пропаганды коммунизма в Германии [1].

В ходе дискуссии выявился принципиально различный подход Вейтлинга и Маркса к вопросу о коммунистической пропаганде. Вейтлинг защищал старую концепцию рабочего коммунизма с ее упором на сентиментальность, оперирование идеями «справедливости, солидарности и братской помощи друг другу» [2]. Маркс подверг резкой критике эту антинаучную концепцию, указал на пагубность возбуждения в массах «фантастических надежд», на бессмысленность обращения к рабочим Германии «без строго научной идеи и положительного учения» [3].

Полемика на заседании корреспондентского комитета 30 марта в полной мере выявила органическую несовместимость инстинктивного по своей сути вейтлинговского коммунизма с научной диалектико-материалистической системой коммунизма Маркса и Энгельса. Стало очевидно, что Вейтлинг не смог преодолеть пропасть, разделявшую немецкий научный и рабочий коммунизм, что он намного отстал от развития коммунистической мысли в Германии.

В 70-х годах Маркс писал: «...Утопизм, который *до* появления материалистически-критического социализма носил в себе этот последний in nuce [в зародыше], теперь, выступая на сцену *post festum* [задним числом], может быть только нелепым,— нелепым, пошлым и в самой основе своей реакционным» [4]. Такую регрессивную роль играли весной 1846 г. в Брюсселе и утопические представ-

---

[1] См. письмо Ф. Энгельса — А. Бебелю от 25 октября 1888 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 37, стр. 96—97).

[2] См. воспоминания П. Анненкова. Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 72.

[3] Там же.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 34, стр. 235.

ления Вейтлинга, ставшие к этому моменту тормозом рабочего движения, препятствием для распространения среди рабочих идей научного коммунизма.

Окончательный разрыв между Марксом и Вейтлингом произошел не 30 марта, а лишь через два месяца и был связан с появлением на свет «Циркуляра против Криге». На первый взгляд «Циркуляр» не имел никакого отношения к Вейтлингу. В центре его — критика «истинного социализма», его представителя Германа Криге [1], редактировавшего в Нью-Йорке газету «Volks-Tribun». Имя Вейтлинга в «Циркуляре» даже не упоминается. Однако в действительности дело обстоит несколько иначе.

«Циркуляр» являлся критикой не только Криге, но и направления издаваемой им газеты (Энгельс прямо квалифицировал его как «нашу критику нью-йоркского «Volks-Tribun»» [2]). А оно определялось «Ассоциацией социальных реформ», а затем «Молодой Америкой» — организациями, костяк которых составляли немецкие рабочие коммунисты, перебравшиеся по разным причинам за океан из Европы [3]. Пребывание в США, где классовые антагонизмы к тому времени еще не приобрели такой остроты, как в Европе, где еще не было активного рабочего движения, оказало влияние на их коммунистические взгляды, способствовало консервации и даже выдвижению на передний план таких черт первоначального немецкого рабочего коммунизма, как сентиментальность и религиозность.

Родственность ряда положений «истинного социализма» с некоторыми идеями немецкого рабочего коммунизма, неустойчивость воззрений Криге и его склонность к принятию некоторых вейтлинговских идей [4] привели к тому, что он начал приспосабливать газету к примитивным взгля-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 14, стр. 451; т. 3, стр. 546; т. 21, стр. 222—223.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 3, стр. 548.

[3] См. *Ф. Зорге*. Рабочее движение в Соединенных Штатах. С.-Петербург, 1907, стр. 51—52; «Die Republik der Arbeiter», февраль 1851, S. 18.

[4] «Душа и ум Криге отличались непостоянством»,— писал Вейтлинг («Die Republik der Arbeiter», март 1852, S. 75). Он был человеком, отмечал также хорошо знавший Криге X. Харринг, «ум которого искал прибежища в какой-нибудь чужой системе» (*H. Harring*. Historisches Fragment über die Entstehung der Arbeitervereine. London, 1852, S. 11). Еще до отъезда в США Криге близко сошелся с Вейтлингом и, как показывают коммунистические дискуссии в Лондоне, разделял целый ряд его положений.

дам ремесленников, подстраивать к ним свои статьи, придавать направлению газеты черты вейтлингианства [1].

Созвучие материалов «Volks-Tribun» с теми сторонами воззрений Вейтлинга, которые выдвинулись на передний план после «Гарантий», проявлялось в газете неоднократно. В ней можно встретить статьи, прямо перекликающиеся с его работами, отрывки из некоторых — например, из «Евангелия бедного грешника»,— помещались в газете. Характерно также благосклонное отношение к «Volks-Tribun» сторонников вейтлинговского направления рабочего коммунизма из Европы [2], а также сделанное Вейтлингу в середине 1846 г. предложение стать ее редактором [3].

Маркс и Энгельс не могли не сознавать родственность, а порой и однородность воззрений Вейтлинга с направлением «Volks-Tribun». Критикуя «Volks-Tribun» и ее редактора Криге, они тем самым выявили и свое отношение к некоторым взглядам Вейтлинга, распространенным среди части немецких рабочих [4].

Еще 30 марта Маркс, по словам Вейтлинга, заявил: «С «ремесленным коммунизмом», «философским коммунизмом» необходимо бороться, чувство надо высмеивать,

---

[1] В ответной статье на «Циркуляр» Криге писал, что критикуемые в нем воззрения не являются «его личными мнениями». «Как редактор, я считал своим долгом... добросовестно регистрировать мысли наших братьев, дать им как можно более соответствующее выражение» («Volks-Tribun», 27.VI.1846). В какой-то мере эти слова отражают имевшую место тенденцию. Западногерманский исследователь немецкого эмигрантского движения в США Э. В. Доберт не без основания характеризует «Volks-Tribun» как газету «с сильно выраженной социалистической тенденцией вейтлинговского направления» (*E. W. Dobert*. Deutsche Demokraten in Amerika. Göttingen, 1958, S. 140).

[2] «Дорогие братья! — писали в газету в мае 1846 г. швейцарские коммунисты.— Мы прочли некоторые номера вашей «Volks-Tribun». Мы не можем в полной мере высказать вам, сколь велика была наша радость, когда мы увидели, с каким благородным воодушевлением ведете вы в Новом свете борьбу против гнетущей тирании общества, чтобы на его развалинах водрузить знамя свободного человечества» («Volks-Tribun», 25.VII.1846). См. также письмо одного из руководителей лондонского Просветительного общества немецких рабочих от 1 мая 1846 г. («Volks-Tribun», 30. V. 1846).

[3] «Die Republik der Arbeiter», январь 1851, S. 15.

[4] О том, что в «Циркуляре» Маркс и Энгельс подвергали критике не только воззрения Криге, но и взгляды ремесленников, составлявших социальную опору вейтлинговского коммунизма, см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 57—58.

это все чепуха»[1]. «Циркуляр» в какой-то мере выполнял эту задачу. Он являлся выступлением против «истинного социализма», а также косвенно затрагивал и негативные стороны вейтлинговского коммунизма[2].

В свете всего этого становится понятной резко негативная реакция Вейтлинга на «Циркуляр» в ходе заседания Брюссельского коммунистического корреспондентского комитета от 11 мая 1846 г., его заявление, что «Volks-Tribun» «является коммунистическим органом, полностью соответствующим американским условиям»[3]. Выступление Вейтлинга против «Циркуляра» и последовавший затем разрыв с Марксом и Энгельсом были не чем иным, как проявлением единодушия и солидарности с Криге, с тенденцией и направлением «Volks-Tribun». Это признал позднее и сам Вейтлинг. В январе 1851 г. в некрологе, посвященном Криге, он писал: «Коммунистические вожди марксистской школы напали на Германа Криге из-за его направления чувства. Вейтлинг, который жил тогда в Брюсселе, защищал поэтому Криге и из-за этого разорвал отношения с представителями этого критического направления»[4].

И действительно, после 11 мая отношения Маркса и Энгельса с Вейтлингом намного обострились. «Его недоверие к вам достигло своего апогея»[5],— сообщал 20 мая Марксу М. Гесс, который переписывался с Вейтлингом.

---

[1] В. Вейтлинг — М. Гессу, 31 марта 1846 г. Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 75. Позднее Энгельс подтвердил достоверность передачи Вейтлингом высказывания Маркса (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 97).

[2] Это проявилось прежде всего в 1-м и 4-м отделах «Циркуляра», где Маркс и Энгельс выступили против стремления Криге изобразить коммунизм «как нечто преисполненное любви и противоположное эгоизму», против заигрывания «Volks-Tribun» с религией (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 3—6, 11—15). О наличии этих тенденций и у Вейтлинга ярко свидетельствует одно из его выступлений в период революции 1848—1849 гг.: «Он указал, что коммунистическая система не содержит ничего иного и не учит ничему иному, как тому, что считал правильным и чему учил сам Христос, который был первым и величайшим коммунистом. Коммунизм — любовь, чистая христианская любовь» (*W. Weitling.* Klassifikation des Universums, Anhang, S. 57. См. также *В. Вейтлинг.* Евангелие бедного грешника, стр. 24, 88; *W. Weitling.* Gerechtigkeit. Ein Studium in 500 Tagen. Kiel. 1929, S. 77, 100).

[3] Der Bund der Kommunisten, S. 1042.

[4] «Die Republik der Arbeiter», январь 1851, S. 15.

[5] *Moses Hess.* Briefwechsel, ’S.-Gravenhage, 1959, S. 155.

24 мая Вейтлинг потребовал у Маркса возвращения рукописи своей работы «Справедливость» (отрывок из нее предназначался ранее для журнала, издание которого планировали Маркс и Энгельс) [1] и затем покинул Брюссель. Во время пребывания в Брюсселе Вейтлинг проявил себя как человек неуживчивый, нетерпимый к критике, видевший повсюду интриги и козни. И естественно, что Маркс и Энгельс после нескольких месяцев ожесточенных споров с Вейтлингом не думали удерживать его. Их тогдашнюю позицию в определенной мере выразил Г. Веерт. В беседе с Гессом он отмечал, что Вейтлинг «мелочный и самодовольный тип, которого следует отпустить на все четыре стороны» [2].

Реакция на «Циркуляр против Криге» многих других немецких «рабочих коммунистов», как в Америке, так и в Европе, была весьма сходна с откликом на него самого Вейтлинга. Так, община № 2 «Молодой Америки» в июне 1846 г. приняла резолюцию в поддержку направления «Volks-Tribun» и деятельности Криге с ожесточенными нападками на составителей «Циркуляра». В резолюции утверждалось, что «тенденция «Volks-Tribun» ...коммунистическая» [3]. Против «Циркуляра» высказалась также организация «Социальная реформа» в Филадельфии, которая в своем обращении от 1 июня 1846 г. пыталась защитить взгляды Криге, подвергнутые критике Марксом и Энгельсом [4]. Письма в защиту газеты были направлены из США в лондонское Просветительное общество, руководство которого, в свою очередь, весьма холодно отнеслось к «Циркуляру» [5]. В конце 1846 г. в письме Анненкову, как бы подводя итог откликам на «Циркуляр» со стороны Вейтлинга и его сторонников, Маркс отмечал: «...Я вызвал против себя много вражды своими насмеш-

---

[1] «Дорогой Маркс! — писал Вейтлинг.— Так как я не смог получить от Ю. Мейера никаких разъяснений по поводу рукописи, то никакой отрывок из нее не может появиться в вашем ежеквартальном журнале или где бы то ни было. Именно поэтому я прошу тебя вернуть мне рукопись. В. Вейтлинг.

Это должно произойти самое позднее завтра, т. е. 25 мая вечером, так как позднее мой адрес будет неизвестен». Цит. по: *E. Barnikol.* Weitling der Gefangene, S. 266—267.

[2] *G. Weerth.* Sämtliche Werke. Bd. 5. Berlin, 1957, S. 224.

[3] «Volks-Tribun», 27. VI. 1846.

[4] «Volks-Tribun», 18. VII. 1846.

[5] Der Bund der Kommunisten, S. 350, 379—380.

ками над социализмом бараньим, сентиментальным, утопическим» [1].

Подобная реакция, по всей вероятности, и побудила Маркса создать еще один документ. Непосредственным поводом для его написания было, очевидно, содержавшееся в резолюции общины «Молодой Америки» предложение авторам «Циркуляра» изложить на страницах «Volks-Tribun» «практические средства и показать пути.., при помощи которых можно быстрее и проще всего претворить в жизнь коммунизм в свободном демократическо-республиканском государстве, каковым являются Соединенные Штаты Америки» [2]. В октябре 1846 г. новый «Циркуляр» был написан и отослан в «Volks-Tribun». Однако Криге так и не решился опубликовать этот документ ни в ноябрьских, ни в декабрьских номерах газеты, которая прекратила свое существование в конце 1846 года.

Работа Маркса не дошла до нас. На основании писем Энгельса можно установить, что Маркс коснулся в ней содержания статьи Криге и опубликованных в «Volks-Tribun» материалов против первого «Циркуляра». Вероятно, этот документ был написан менее резко и разъяснял рабочим суть нового учения, раскрывал ограниченность и негативные стороны пропагандируемых в «Volks-Tribun» взглядов [3]. Некоторое представление об общем направлении второго «Циркуляра» и всей тактической линии Маркса по отношению к приверженцам немецкого рабочего коммунизма в этот период дает отрывок из письма Г. Веерта своему брату Вильгельму от 18 ноября 1846 г.: «Маркс день и ночь трудится над тем, чтобы выбить из голов ремесленников Америки, Франции, Германии и т. д. их неверные системы, указывая им на необходимость изучения современных условий» [4].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 411.

[2] «Volks-Tribun», 27. VI. 1846.

[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 57—58, 64—65.

[4] *G. Weerth.* Sämtliche Werke. Bd. 5. S. 235. На наш взгляд, к этому «Циркуляру» относится и характеристика полемических материалов немецких коммунистов в Брюсселе, данная Марксом в его работе «Господин Фогт»: «...Мы выдвигали научное изучение экономической структуры буржуазного общества как единственно прочную теоретическую основу и... в популярной форме разъясняли, что дело идет не о проведении в жизнь какой-нибудь утопической системы, а о сознательном участии в происходящем на наших глазах историческом процессе революционного преобразования общества» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 451).

* * *

Теоретическое размежевание Маркса и Энгельса с Вейтлингом не означало их разрыва с немецким рабочим коммунизмом. Они продолжали считать его представителей своими главными союзниками, поддерживать отношения с ними. Не случайно поэтому Маркс счел необходимым в мае 1846 г. проинформировать находившееся тогда в Париже руководство Союза справедливых, а затем и немецких коммунистов в Лондоне о разногласиях с Вейтлингом, о позиции, занятой им в Брюсселе. Письма Маркса были с большим пониманием встречены как в Париже, так и в Лондоне[1].

Коммунизм Вейтлинга, отмечал впоследствии Энгельс, был лишь этапом развития коммунистического движения немецких рабочих[2]. К 1846 г. он был в значительной мере преодолен большой группой немецких «рабочих коммунистов», и прежде всего коммунистами, проживавшими в Лондоне и объединявшимися вокруг местного Просветительного общества немецких рабочих. Именно лондонцам удалось поднять немецкий рабочий коммунизм на новую, более высокую ступень. Этому способствовало их пребывание в самой развитой капиталистической стране того времени. Восприняв здесь богатый опыт английского рабочего движения и социализма, критически осмыслив результаты развития коммунистических взглядов немецких рабочих с конца 30-х годов и опираясь на многие позитивные элементы вейтлинговской системы, они смогли развить дальше различные аспекты немецкого рабочего коммунизма.

Уже дискуссии по проблемам коммунизма в лондонском Просветительном обществе в 1845—1846 гг., в которых принимал участие и Вейтлинг, показали, что лондонцы намного отошли от вейтлинговского коммунизма[3]. Они подвергали критике как всю систему Вейтлинга в целом, так и отдельные ее стороны, в частности, религиозные элементы, казарменные черты будущего общества[4].

---

[1] См. содержание ответных писем Эвербека и Лондонского коммунистического корреспондентского комитета Марксу от 15 мая и 6 июня 1846 г. Союз коммунистов — предшественник I Интернационала, стр. 79—80, 87—89.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 22, стр. 250.

[3] Der Bund der Kommunisten, S. 220, 237.

[4] Ibid., S. 234—235.

В спорах с Вейтлингом Бауэр, Молль, Шаппер и другие высказались против его идеи об использовании религии в целях пропаганды коммунизма, против его апелляции к чувствам, а не к разуму людей, энергично выступили за привлечение к рабочему движению представителей интеллигенции, против заблуждения Вейтлинга и других утопистов о возможности немедленного осуществления коммунизма [1]. Дискуссии в Лондоне свидетельствовали о постепенном преодолении руководителями Просветительного общества тех положений вейтлинговского коммунизма, которые завели самого Вейтлинга и некоторых его сторонников в тупик и способствовали деградации и в конечном счете отмиранию этого коммунизма.

Нельзя сказать, что лондонцы в 1845—1846 гг. во всех вопросах были на высоте положения. Некоторые из них сделали несомненный шаг назад по сравнению с Вейтлингом, абсолютизируя мирный путь достижения коммунизма, значение пропаганды [2]. Однако в целом мировоззренческая эволюция лондонцев означала не только прогресс по сравнению с вейтлинговским коммунизмом, но и создавала целый ряд точек соприкосновения между немецким рабочим и научным коммунизмом [3].

Поэтому не удивительно, что после размежевания с Вейтлингом Маркс и Энгельс обращают все большее внимание на лондонское направление немецкого рабочего коммунизма, которое набирало силу с начала 40-х годов и к 1846 г. стало играть ведущую роль в деятельности всего Союза справедливых. В начале 1847 г. Маркс и Энгельс согласились вступить в Союз и приняли активное участие в конституировании Союза коммунистов, включившего в себя представителей как научного, так и рабочего коммунизма. «Манифест Коммунистической партии», как отмечал Энгельс, «знаменует собой слияние обоих течений, слияние, которое было завершено и скреплено неразрывными узами в горниле революции, когда все они, и рабочие, и бывшие философы, одинаково рисковали жизнью во имя общего блага» [4].

---

[1] Der Bund der Kommunisten, S. 216—219, 222, 225, 227, 232.
[2] Der Bund der Kommunisten, S. 217, 221—222, 227—228.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 27, стр. 68.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 250.

Как известно, Вейтлинг и группа его последователей не только оказались вне этого процесса, но и всячески противились его развитию. Однако, несмотря на ожесточенную борьбу с вейтлингианцами в Союзе коммунистов, на серьезные разногласия с Вейтлингом в период революции 1848—1849 гг. и после нее, Маркс и Энгельс продолжали в целом высоко оценивать значение вейтлинговского коммунизма как важного этапа развития немецкого рабочего движения. И когда на задний план отошли партийные разногласия, они в полной мере выразили свою позицию.

В феврале 1876 г. Энгельс в своем выступлении на юбилейном заседании лондонского Просветительного общества в числе выдающихся деятелей, стоявших у истоков коммунистического движения немецких рабочих, назвал Вейтлинга — «преданного борца за справедливость и правду». Он говорил о его жизни и деятельности, о его стремлении «распространять коммунистические идеи в Германии» и о его важнейшей работе «Гарантии гармонии и свободы» [1]. «Здесь не место критиковать вейтлинговский коммунизм,— писал Энгельс в работе «К истории Союза коммунистов».— Что же касается того значения, которое он имел в качестве первого самостоятельного теоретического движения немецкого пролетариата, то я и теперь подписываюсь под словами Маркса, напечатанными в парижском «Vorwärts» в 1844 году» [2]. В этом высказывании как бы подводится итог достижениям первоначального немецкого рабочего коммунизма, оценивается его роль в активизации рабочего движения, в пробуждении и плодотворном развитии коммунистической мысли в Германии, в создании предпосылок для перехода передовых рабочих в лагерь сторонников научного коммунизма.

---

[1] «Der Volksstaat», 27. II. 1876.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 217.

С. Н. МАРЕЕВ

ЕДИНСТВО ЛОГИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО В ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЯХ К. МАРКСА 1857—1859 гг.

В 1969 г. Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС впервые на русском языке были опубликованы экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 годов, основную часть которых составляет рукопись «Критика политической экономии» (черновой набросок 1857—1858 гг.) — первоначальный вариант главного произведения марксизма — «Капитала». Этот труд представляет огромный интерес не только для экономистов, но и для философов, изучающих марксистский диалектический метод. До сих пор эта рукопись не использовалась широко философами-марксистами, между тем анализ этой рукописи, а также других непосредственно примыкающих к ней подготовительных работ позволяет проследить генезис взглядов К. Маркса, его положений, определений и выводов, получивших чеканное воплощение в «Капитале». Рукопись эта, в частности, много дает для изучения и освещения проблемы единства логического и исторического — важнейшего методологического принципа марксизма.

* * *

Во Введении к своему исследованию Маркс характеризует соотношение исторического и логического следующим образом: «Деньги могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д. С этой стороны можно, стало быть, сказать, что более простая категория может выражать собой господствующие отношения менее развитого целого или подчиненные отношения более развитого целого, т. е. отношения, которые исторически уже существовали раньше, чем целое развилось в ту сторону, которая выражена в более конкретной категории. В этом смысле,— заключает Маркс,— ход абстрактного мышления, восходящего от

простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу»[1]. Отсюда следует, что теоретическое изучение предмета предполагает совпадение логического и исторического, и это не просто сочетание, не дополнение одного другим, не два разных аспекта, а именно совпадение. Когда говорят о логическом способе или логическом методе применительно к «Капиталу», то этим уже сказано о совпадении, тождестве логического и исторического. Основой этого тождества является то, что развившийся предмет включает в себя в качестве моментов своего движения ступени своего возникновения, своей истории. Поэтому анализом движения развившегося предмета от его начала до его конца повторяется его история в существенных, необходимых моментах. Прослеживая историю возникновения, становления предмета в его существенных и необходимых моментах, мы получаем цикл его движения как развившегося предмета, его логику. При этом «исторически первое» не обязательно должно выступать как «первое по времени» и, с другой стороны, «первое по времени» еще не означает «исторически первое». Когда «исторически первое» еще неопределенно, от этой неопределенности абстрагируются, а вместе с ней абстрагируются и от действительной истории. На место действительной истории приходит абстрактное рассуждение, которое можно обвинять в «абстрактности», но нельзя упрекать в неопределенности. В дальнейшем это абстрактное рассуждение само покажет, что хотя при этом и абстрагировались от истории, история отнюдь не потеряна из виду.

При издании I тома «Капитала» (в корректурах его участвовал также и Энгельс) Маркс просил своего друга сообщить, *«какие именно пункты* в изложении *формы стоимости* необходимо популяризировать в дополнении»[2]. Энгельс писал в ответ на это: «Самое большее, что следовало бы сделать, это несколько подробнее доказать исторически то, что здесь достигнуто диалектическим путем; так сказать, подтвердить достигнутое на примере истории...

Ты совершил большую ошибку, не сделав ход мыслей этого относительно абстрактного исследования более наглядным при помощи более мелких подразделений и отдельных подзаголовков»[3].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 39.
[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 256.
[3] Там же, стр. 257.

Весьма характерен ответ Маркса на этот совет Энгельса. «Что касается развития *формы стоимости*,— писал он,— то я и последовал твоему совету и *не* последовал ему, желая также и в этом отношении остаться диалектиком. Это значит, во-первых, что я написал *приложение*, в котором излагаю *тот же вопрос* возможно более просто и возможно более по-школьному, и, во-вторых, что я по твоему совету выделил каждый этап развития *в параграф* и т. д. *со своим заголовком*. В *предисловии* же я посоветую *«недиалектическому»* читателю пропустить такие-то страницы и вместо них прочесть приложение» [1].

Маркс отказывается в точности следовать совету Энгельса по поводу исторических иллюстраций в ходе изложения развития формы стоимости в основной части. Для неподготовленного читателя это облегчило бы путь постижения вопроса, но на уровне общего представления. Такой способ изложения выглядит более «конкретным», но Маркс в данном случае находит более целесообразным абстрактно-теоретический аспект.

Преждевременное нагромождение эмпирического материала могло бы помешать «диалектическому» читателю проследить последовательное развитие формы стоимости. Но это только одна сторона дела. Другой и более важной стороной является то, что этап абстракции от истории является необходимым на пути к конкретной истории. Наглядным примером того, как проявляется объективный характер этой необходимости, является один из частных, но характерных эпизодов истории создания марксистского экономического учения.

Рукопись «Критика политической экономии» открывается главой о деньгах. Маркс начинает с критики прудонистской концепции «рабочих денег», представители которой сеяли иллюзии, будто путем преобразования денежного обращения и банковского кредита можно избежать многих зол капиталистического способа производства. Дав краткую характеристику этой концепции, Маркс констатирует: «В общем виде вопрос заключается в следующем: возможно ли путем изменения орудия обращения — организации обращения — революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения? Следующий вопрос: можно ли предпринять подобное преобразование обращения, не

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 260.

затрагивая существующих производственных отношений и покоящихся на них общественных отношений? Если бы оказалось, что каждое подобное преобразование обращения, в свою очередь, само уже предполагает изменение прочих условий производства и общественные перевороты, *то, естественно, сразу же обнаружилась бы несостоятельность такого учения,* которое предлагает свои фокусы в сфере обращения *для того, чтобы,* с одной стороны, избежать насильственного характера перемен, а с другой стороны, сделать самые эти перемены не предпосылкой, а, наоборот, постепенным результатом перестройки обращения. Достаточно установить ошибочность этой основной предпосылки, чтобы доказать наличие у приверженцев этих взглядов такого же непонимания относительно внутренней связи между производственными отношениями, отношениями распределения и отношениями обращения» [1].

Здесь сразу видно, что задача исторической критики выдвигает задачу создания теории капитала. В связи с поставленным вопросом возникает еще целый ряд вопросов, которые должны быть решены прежде, чем станет ясно то или иное заблуждение предшествующих теоретиков.

«Этот общий вопрос об отношении обращения к остальным производственным отношениям,— пишет далее Маркс,— разумеется, может быть поставлен лишь в конце» [2]. То есть этот общий вопрос может быть поставлен и решен только после рассмотрения сущности стоимости, товарного обмена, затем должно быть рассмотрено производство капитала и его обращение, и уж тогда станет ясно, какие изменения привносит капитал в сферу обращения и что капиталистическое обращение подчинено капиталистическому производству, и что, следовательно, всякое изменение в распределении может быть осуществлено с изменением характера производства. «Но если предположить, что этот базис устранен,— констатирует Маркс,— то с другой стороны, отпадает сама проблема, которая существует только на этом базисе и вместе с ним» [3].

В процессе полемики с прудонистами Маркс постепенно углубляется в суть дела. Он отмечает, например, связь ошибочной теории обращения Прудона с его оши-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 61 (подчеркнуто мною.— *С. М.*).
[2] Там же, стр. 62.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 309.

бочной теорией стоимости и набрасывает собственную теорию стоимости, чтобы показать, что возникновение денег и денежного обращения произошло не по воле отдельных лиц, а является необходимым результатом исторического развития производства и обмена. Раздел [б) Превращение продукта в товар, а стоимости товара в деньги в процессе обмена] выделяется в рассматриваемой нами главе из рукописи Маркса как самостоятельная часть, как краткий очерк собственной теории стоимости, который разовьется впоследствии в самостоятельную главу «Капитала», причем Маркс намечает уже здесь ряд пунктов, которые должны быть развиты подробнее.

Можно, конечно, излагать собственную теорию и в связи с критикой теорий других, как это имеет место у Маркса в рукописи 1857—1859 гг., но, во-первых, подобный способ изложения является громоздким и не совсем удобным и, во-вторых, и это главное, это не меняет той сути дела, что собственная теория должна быть предпослана критике, так как и при последнем способе критические аргументы черпаются из собственной теории, а в собственно критической части предвосхищаются только выводы этой теории. Речь поэтому должна идти прежде всего не об удобстве или неудобстве того или иного способа исследования или изложения, как это часто трактуется в нашей философской литературе, а о той более глубокой и объективной основе, которая диктует определенный порядок исследования и изложения.

Мы рассмотрели только один частный случай, который показывает, что позитивное изложение собственной теории с необходимостью должно предшествовать исторически-критической части в изложении, хотя в действительной истории выработки теории соотношение этих форм обратное, что было отмечено также и самим Марксом. «В действительности, для себя,— писал он в 1877 г.,— я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой (начав работу с третьей, исторической, части)...» [1]

Но исторически-критическая форма не является единственной формой исторического. Прежде всего эта категория является выражением объективного процесса становления и развития исследуемой конкретности, и в рас-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 238.

смотрении нуждается именно эта форма. В связи с рассмотрением подготовительных рукописей к «Капиталу» интересно заметить, что и в этой части в исследовании имеет место некоторое смещение в порядке рассмотрения категорий от того порядка, в котором они появились в действительной истории становления этой конкретности. Это смещение, связанное в конечном счете с особым характером единства логического и исторического, является не отступлением от закона единства логического и исторического, а формой его осуществления и проявления в живом творческом процессе. Этот момент не всегда в должной мере учитывается исследователями логики «Капитала».

Уже во Введении Маркс определяет тот порядок, в котором должны быть рассмотрены экономические категории. «Земельная рента,— пишет он,— не может быть понята без капитала, но капитал вполне может быть понят без земельной ренты» [1]. Но его рассуждения о методе ни в коем случае не следует понимать так, что он в каждом отдельном случае ставит вопрос о порядке рассмотрения категорий: историческом или логическом. Такой дилеммы перед Марксом не могло возникнуть, так как он будучи диалектиком стоял на той точке зрения, что логическая последовательность является одновременно исторической, а историческая — логической. Что же касается собственно экономических категорий, то вопрос о порядке их рассмотрения и расположения решается в процессе самого исследования; решение вопроса в том смысле, что они должны быть расположены в таком же порядке, в каком они имели место в истории становления капитала, не решает вопроса о конкретном порядке расположения категорий, так как сама историческая последовательность категорий капитала до его исследования нам неизвестна. Принцип единства логического и исторического не является априорной схемой, которая накладывается на конкретный материал и сразу дает нам расчленение всего материала, а он должен, как и всякий другой диалектический принцип, найти свое подтверждение в этом материале. «Какие определения следует включить в первый раздел: *«О производстве вообще»*, и какие в первый отдел второго раздела, трактующий о *меновой стоимости вооб-*

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 44.

ще,— это может выясниться лишь в конце и в качестве результата всего исследования» [1],— констатирует Маркс. «Все прочее является переливанием из пустого в порожнее» [2],— заявляет он при этом. Решить вопрос о том, рассматривать раньше производство вообще или меновую форму стоимости, нельзя до того, как они будут предварительно рассмотрены. Порядок рассмотрения категорий принадлежит к самой теории, и если теория находится в процессе становления, то в процессе становления находится и порядок рассмотрения категорий. Поэтому когда говорят о том, что порядок рассмотрения категорий в подготовительных рукописях к «Капиталу» отличается от соответствующего порядка в «Капитале», то из этого можно сделать только тот вывод, что в подготовительных рукописях теория капитала находится в процессе ее становления и обнаруживает свою незавершенность.

Предварительный абстрактный анализ капитала служит Марксу своеобразным трамплином для выхода на путь исторического развития капитала. После беглого анализа движения капитала Маркс подводит следующий итог: «Мы уже видели, что капитал предполагает: 1) процесс производства вообще, в том виде, в каком он свойствен всем общественным укладам, т. е. процесс производства вне его исторического характера, если угодно, *общечеловеческий* процесс; 2) *обращение*, которое даже в каждом из своих моментов, а еще более в своей целостности является определенным *историческим* продуктом; 3) *капитал* как *определенное* единство обоих.

В какой мере сам общий процесс производства видоизменяется исторически, едва только он начинает выступать уже только как элемент капитала,— это должно выявиться в ходе его анализа, как и вообще из простого рассмотрения специфических особенностей капитала должны выявиться его исторические предпосылки» [3].

Из простого рассмотрения специфических особенностей капитала выясняются по крайней мере две его необходимые предпосылки: 1) процесс производства вообще и 2) обращение вообще. Поэтому явления эти должны быть рассмотрены раньше, и рассмотрение это должно быть в начале изложения теории. Этот порядок и соответствует

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 275.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 274—275.

тому порядку, в каком эти явления возникали в действительной истории. Но выявленные предпосылки, хотя обе они необходимы для возникновения капитала, не являются равнозначными, однопорядковыми. Производство вообще является условием существования человеческого общества вообще, любой его формации, тогда как товарно-денежное обращение есть лишь определенная историческая форма обмена. Значит, капитал должен быть выведен не из производства вообще, а из обращения, из рассмотрения эволюции товарного обмена. Процесс производства вообще поэтому рассматривается Марксом лишь в той мере, в какой это необходимо для выявления сущности стоимостной формы обмена.

Таким образом в процессе исследования предмета конституируется порядок самого исследования и изложения. И это тот существенный пункт, который необходимо иметь в виду при рассмотрении закона единства логического и исторического.

Другое интересное замечание Маркса в скобках: «На данном этапе исследования (Маркс имеет в виду этап рассмотрения перехода капитала из процесса производства в процесс обращения.— *С. М.*) еще нельзя перейти к отношению между спросом, предложением, ценами, которые в своем подлинном развитии предполагают капитал. Однако поскольку спрос и предложение являются абстрактными категориями и еще не выражают определенных экономических отношений, быть может, их следует рассмотреть уже при анализе простого обращения или простого производства?»[1]. Это еще раз подтверждает, что порядок исследования и порядок изложения конституируются в процессе самого исследования.

В процессе этого исследования начинает вырисовываться и действительная история. Обращение, которое в абстрактной форме выступает как тождественное самому себе на всех этапах его развития, претерпевая только количественные изменения, оказывается качественно различным в периоды до появления капитала и после его появления. Но переход к историческому описанию торгового капитала здесь, т. е. в том пункте, до которого Маркс дошел в своем анализе, был бы преждевременным, так как еще не выявились существенные определения капиталистического обращения.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 383.

И еще замечание Маркса в скобках (кстати, то, что у Маркса дано здесь в скобках, для исследователя логики «Капитала» представляет особый интерес): «Выше, при рассмотрении процесса увеличения стоимости капитала, мы уже видели, что он предполагает *простой процесс производства* как процесс, развившийся уже ранее. Так же будет обстоять дело со *спросом и предложением*, поскольку при простом обмене предполагается наличие потребности в продукте. *Собственная* потребность производителя (непосредственного) выступает как потребность в спросе со стороны других. При самом изложении этого вопроса должно выясниться то, что должно быть ему *предпослано*, и все это затем следует включить в первые главы» [1].

Действительно, тот порядок, который здесь устанавливает Маркс, мы находим в «Капитале». Первый том «Капитала» начинается главой о товаре, деньги рассматриваются в третьей главе, так как эта категория более позднего (исторически) происхождения и сущность денег может быть понята лишь после рассмотрения товара и процесса простого товарного обмена. Но простой процесс производства рассматривается Марксом в «Капитале» лишь в связи с определением двух факторов товара: потребительной стоимости и стоимости. Хотя простой процесс производства исторически предшествует товарному производству и является основой существования человеческого общества вообще, этой категории Маркс не уделяет специального раздела в ранге главы и не уделяет именно потому, что эта категория является более общей, чем, скажем, простое товарное производство или капиталистическое производство. А коль скоро предметом анализа является особенная форма общественного производства, которая в то же время является всеобщей формой как «снимающей» в себе все предшествующие ей формы, то о производстве вообще, как об абстрактно-всеобщем содержании указанных форм, можно сказать очень мало.

Реализация плана исследования, определившегося в ходе предварительного анализа капитала, намечается у Маркса уже в той же рукописи 1857—1858 гг. Последняя ее часть, начало незаконченной главы «Стоимость», представляет собой исходный пункт повторного круга исследования и изложения. Об этом свидетельствуют и порядко-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 384.

вый номер главы (римская цифра «один») и явное сходство, даже по форме, с началом главы о капитале в окончательном варианте главного произведения марксизма.

Изменение Марксом в «Капитале» названия главы — вместо «Стоимости» «Товар» — связано с тем, что он преодолел узость и односторонность рикардианской теории стоимости, в которой потребительная стоимость остается «лежать мертвой в качестве простой предпосылки»[1]. В рассматриваемой нами рукописи Маркс четко формулирует вывод о том, что «различение потребительной стоимости и меновой стоимости относится к самой политической экономии»[2]. Поэтому он и называет в «Капитале» первую главу первого раздела — «Товар»: товар есть единство стоимости и потребительной стоимости. Фактически о товаре идет речь у Маркса и в рукописи 1857—1858 гг.

Процесс становления теории — это процесс сближения логики и истории. Вместе с тем это процесс абстрагирования, отвлечения необходимого и всеобщего от единичного и случайного. Но как только отождествление логики и истории достигает своего завершения, теория обнаруживает существенную неполноту; она показывает те пункты, где теоретический анализ должен быть дополнен конкретным историческим исследованием. Те случайные моменты, от которых абстрактная теория сначала отвлекается, выступают теперь как необходимые; но как необходимые выступают не все те моменты, от которых абстрагировалась теория, а лишь определенные. Окончательное определение последних — дело конкретного исторического исследования, но теперь исторический поиск ориентирован, опосредован абстрактной теорией.

Чисто теоретический анализ — это процесс «выравнивания» того неровного пути, по которому развивалась действительная история. Но появление нового в истории не является процессом «ровным», постепенным, поэтому «зигзаги» истории выступают как необходимый момент развития; их учет — дело исторической науки.

Когда «выравнивание» исторического пути развития предмета произошло и история предстала в виде абстрактной теории,— у Маркса это имеет место в первых главах «Капитала»,— может создаться впечатление, что никакой истории не было и нет. И, как будто чувствуя возможные

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 275.
[2] Там же.

недоразумения, Маркс делает заметку для себя уже в рукописи 1857—1858 гг.: «Необходимо будет впоследствии, прежде чем покончить с этим вопросом (Маркс имеет в виду процесс становления товарно-денежных отношений.— *С. М.*), исправить идеалистическую манеру изложения, которая может породить видимость, будто речь идет лишь об определениях понятий и о диалектике этих понятий. Следовательно, прежде всего надо будет уточнить фразу: продукт (или деятельность) становится товаром, товар — меновой стоимостью, меновая стоимость — деньгами» [1].

То, что опасения Маркса были не напрасными, подтверждается фактами, которые имели место еще при жизни автора «Капитала». В послесловии ко второму изданию «Капитала» Маркс отвечает своим оппонентам, и среди них — автору рецензии из петербургского «Вестника Европы». Рецензента вводит в заблуждение внешняя форма изложения, откуда, считает он, можно заключить, что «Маркс большой идеалист-философ, и притом в «немецком», т. е. дурном, значении этого слова» [2]. На это Маркс замечает: «Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться (заметьте: «может показаться»! — *С. М.*), что перед нами априорная конструкция» [3].

В абстрактной теории специфически историческое содержание «испарилось», но только для того, чтобы выступить снова, но уже в тех пунктах, где описание конкретного исторического события становится необходимым моментом теории. «Необходимо избегать всяких деталей,— пишет Маркс,— а когда их надо вносить, то вносить их лишь там, где они теряют свой элементарный характер» [4].

Метод Маркса требует сознательного абстрагирования от «деталей», выделения главного, основного, его разви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 94.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 19—20.
[3] Там же, стр. 21.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 303—304.

тия. А уж потом теория сама обнаружит недостающие ей детали. Если же стараться перечислять и рассматривать все детали, то в них можно потонуть.

«Стоимость средств производства, не являющихся продуктом труда, сюда еще не относится,— пишет Маркс после рассмотрения роли и места основного капитала в процессе капиталистического производства,— так как эти средства производства не вытекают из рассмотрения самого капитала. Для капитала они выступают прежде всего как данная, историческая предпосылка. И в качестве таковой мы их здесь и оставляем. Только видоизмененная, применительно к капиталу, форма земельной собственности — или природных факторов как величин, определяющих стоимость,— входит в рассмотрение системы буржуазной экономики. На той стадии анализа капитала, которой мы достигли, ничего не меняется от того, что земля и т. д. рассматривается как форма основного капитала» [1].

Задача заключается прежде всего в том, чтобы выяснить специфику исследуемого предмета. Для этого приходится абстрагироваться от реальной истории. Абстракция от истории вовсе не означает отказа от исторического взгляда. Диалектика логического и исторического — это только частный случай диалектики абстрактного и конкретного, и эта диалектика характеризуется тем противоречием, что для того чтобы получить конкретную историческую картину развития капитала, нужно абстрагироваться от конкретной истории. Маркс делает это сознательно, ибо «указание на differentia specifica является,.. как *логическим* развитием темы, так и ключом к пониманию *исторического* развития» [2].

Все сказанное вовсе не означает примата теории или логики над историей. Следует заметить, что Марксу пришлось освоить солидный исторический материал, прежде чем он смог разобраться во всех сложностях экономики капитализма. Огромный фактический материал, который Маркс привлекает в «Капитале», это только лишь часть материала, которым он владел. Но исследование, познание вовсе не обязано выступать во всех своих частях в изложении, и читатель вовсе не обязан проделывать тот же сложный путь со всеми его превратностями, который проделал исследователь; иначе наука не сокращала бы

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 224.
[2] Там же, стр. 180.

опыта, т. е. не служила бы своему истинному назначению. Изложение поэтому начинается у Маркса не с истории, а с теории, которая в дальнейшем в меру необходимости наполняется конкретным историческим содержанием.

* * *

Единство логического и исторического, проявляющееся вначале как абстрактное тождество, как совпадение в процессе теоретического анализа, с необходимостью приводит к дополнению теоретического анализа, схватывающего в явлениях всеобщее, конкретным историческим анализом, имеющим своим предметом единичное, особенное. Конкретное единство логики и истории — это единство противоположностей, всеобщего и особенного, необходимого и случайного. Выявление единства — это не отыскивание одинаковости, иначе не было бы самой проблемы единства; главную трудность в этом выяснении составляет объяснение того, как становятся тождественными противоположности.

«Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля... Если мы оставим в стороне вещественное содержание товарного обращения, обмен различных потребительных стоимостей, и будем рассматривать лишь экономические формы, порождаемые этим процессом, то мы найдем, что деньги представляют собой его последний продукт. Этот последний продукт товарного обращения есть первая форма проявления капитала» [1].

Таков исходный пункт разъяснения Марксом тайны превращения денег в капитал.

Но стоимость, реальным бытием которой являются деньги, в простом обращении проявляет только тенденцию к самосохранению и увеличению. Для того, чтобы произошло действительное увеличение стоимости, на товарный рынок должен поступить особый товар — рабочая сила. Эта предпосылка капитала в отличие от денег не только не дана простым товарно-денежным отношением, но и находится в прямом противоречии с ним, ибо купля-продажа, этот элементарный акт товарного обращения, предполагает собственность производителя на произведенный

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 157.

продукт и, стало быть, собственность производителя на орудия и средства производства.

С другой стороны, и деньги как таковые, являясь продуктом развитого товарного обращения, не могут служить исходным пунктом капитала, если не накоплено их известное количество. В капитал превращаются не просто деньги, а определенная сумма денег, которая позволяет нанимать такое количество рабочих, чтобы совокупная прибавочная стоимость обеспечивала капиталисту возможность существовать как таковому, т. е. чтобы капиталист мог сам себя воспроизводить. Но в простом товарном обращении концентрация денег в одних руках может быть фактом только случайным, ибо при простом товарном обращении продают только для того, чтобы купить [1]. Страсть к к стяжательству, констатирует Маркс, охватывает людей и государства только тогда, когда деньги уже приобретают способность приносить деньги, т. е. превращаются в капитал [2].

Капитал не может возникнуть как прямое следствие господствовавших до него отношений в обществе, он возникает как отрицание этих господствующих отношений. Формой его первоначального проявления является поэтому случайность, исключение из господствующих правил. В связи с этим и необходимо дополнить теоретический анализ капитала историческим описанием условий его возникновения. «Нужно помнить,— пишет Маркс в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг.,— что новые производительные силы и производственные отношения не развиваются из *ничего*, из воздуха или из лона саму себя полагающей идеи; они развиваются *внутри и в борьбе* (подчеркнуто мной.— *С. М.*) с имеющимся налицо развитием производства и с унаследованными, традиционными отношениями собственности» [3]. «При первом появлении капитала,— пишет Маркс в другом месте,— казалось, что сами его *предпосылки* даются извне процессом обращения

---

[1] «Мы видели, что деньги частично могут быть накоплены просто путем обмена эквивалентов; но это составляет столь незначительный источник, что исторически о нем не стоит даже и упоминать, если допустить предположение, что деньги приобретены путем обмена собственного труда» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 495).

[2] См. там же, стр. 170.

[3] Там же, стр. 229.

как внешние предпосылки возникновения капитала и поэтому как не вытекающие из его внутренней сущности и не объясняющиеся ею. Теперь (при втором появлении капитала.— *С. М.*) эти *внешние* предпосылки становятся моментами движения самого капитала, так что сам капитал предполагает их в качестве своих собственных моментов,— как бы они ни возникли исторически» [1]. Выражение «как бы они ни возникли исторически» — в данном случае означает безразличие капитала к источнику его появления. Первоначально авансируемая сумма денег может быть и результатом ограбления колоний и результатом бережливости; из законов капитала следует только то, что таковая сумма денег (причем в определенном размере) должна быть налицо. Нет конкретной формы богатства, кроме товара, которая переходит с необходимостью в капиталистическую форму. Здесь перерыв постепенности исторической, а потому и логической, и заполнена эта брешь может быть только историческим описанием, что и делает Маркс в главе о первоначальном накоплении капитала в «Капитале». В рукописи 1857—1858 гг. этому вопросу Маркс отводит самый последний раздел главы о капитале [2) Исторический процесс возникновения капиталистических производственных отношений] [2].

Если уж предположено производство, основанное на капитале, говорит Маркс, то для того, чтобы капиталист стал персонификацией капитала, он «должен привнести в обращение стоимости, созданные его личным трудом или каким-нибудь другим способом (но только не уже наличным, прошлым наемным трудом), это условие относится к допотопным условиям капитала, к его *историческим предпосылкам*, которые в качестве такого рода *исторических* предпосылок уже изжиты и поэтому принадлежат к *истории образования капитала*, но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства» [3].

Если капиталист уже вложил определенную сумму в производство, то для того, чтобы сохранить себя в данном качестве, он должен вновь и вновь превращать в капитал новые суммы денег. Для него помимо этого нет другого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 438.
[2] См. там же, стр. 487—508.
[3] Там же, стр. 447—448.

выбора, кроме как перейти в разряд пролетариев, наемных рабочих. Также и для наемного рабочего нет другого выхода, кроме как снова и снова продавать свою рабочую силу, чтобы не умереть с голоду. Здесь царствует «железная» необходимость, и, хотя законы капиталистического производства, как и другие социальные законы, осуществляются через деятельность преследующих свои цели людей, учет субъективных воль и стремлений отдельных капиталистов и отдельных рабочих становится излишним [1].

«...Наш метод,— констатирует Маркс,— показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства» [2]. Указания на более ранние исторические способы производства обнаруживаются там, где кончается теоретический (логический) анализ данного способа производства. Теоретический анализ капитала обнаруживает, что исходным пунктом возникновения его является определенная стоимость, безразлично в какой форме — товарной или денежной, но откуда взялась та первоначальная стоимость, которая превращается в капитал, теоретический (в узком смысле этого слова) анализ капитала не показывает. Поэтому, для того чтобы показать исторические предпосылки возникновения капитала, теоретический анализ его должен быть дополнен историческим описанием первоначального накопления.

Метод Маркса показывает те пункты, где в исследование должно быть включено конкретное историческое рассмотрение предмета, изучение его в процессе исторического развития.

---

[1] «Так как отдельный индивид не может сбросить с себя своей личной определенности,— пишет Маркс,— но может преодолеть внешние отношения и подчинить их себе, то *кажется,* будто во втором случае он пользуется большей свободой. Однако ближайшее исследование этих внешних отношений, этих условий показывает, что индивиды известного класса и т. д. не могут преодолеть эти условия en masse [в целом], не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 107).

[2] Там же, стр. 449.

Исходным пунктом теоретического анализа капитала является товар, но простое товарное производство, хотя оно исторически предшествует капиталу, само по себе не создает его. Превращение простых товарно-денежных отношений в капиталистические предполагает наличие особых условий, при которых владельцы средств производства становятся не-владельцами, при которых, иначе говоря, возникает наемный труд, и выяснение этих особых условий — специальная задача исторического исследования. Вот почему в рукописи 1857—1858 гг., в главе о капитале, непосредственно после анализа товара и его обращения, после рассмотрения процесса производства капитала появляется раздел об условиях первоначального капиталистического накопления.

Маркс говорит о внеэкономическом происхождении собственности, которое означает не что иное, как *«историческое происхождение* буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии» [1]. Иными словами, целью исторического исследования является то, что остается за рамками теории предмета.

«Первоначальные условия производства,— пишет Маркс, имея в виду условия капиталистического производства,—...первоначально *не могут сами* быть *произведены,* не могут сами быть результатом производства. В объяснении нуждается (или результатом некоторого исторического процесса является) не *единство* живых и деятельных людей с природными, неорганическими условиями их обмена веществ с природой и в силу этого присвоение ими природы, а *разрыв* между этими неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием, разрыв, впервые полностью развившийся лишь в форме отношения наемного труда и капитала» [2].

Первоначальные условия капиталистического производства не могут быть результатом самого капиталистического производства, так как этого производства еще нет. С другой стороны — эти условия не могут быть результатом предшествующих форм производства, так как они покоятся на другой форме собственности, на единстве «живых и деятельных людей с природными, неорганическими

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 477.
[2] Там же, стр. 478.

условиями их обмена веществ с природой», т. е. на собственности на орудия и средства производства самого производителя. Поэтому первоначальные условия капиталистического производства могут быть созданы или в результате случайных причин (стихийное бедствие и в результате его потеря собственности) или внешним внеэкономическим вмешательством, насилием («огораживание» в Англии). Причем сами эти факторы (насилие) не всегда являются необходимым следствием предшествующих условий, а осуществляются волей отдельных людей, социальных групп. Поэтому должны быть описаны те конкретные условия, в которых происходил этот процесс, и те конкретные лица, которые ему способствовали.

«В ходе нашего изложения,— констатирует Маркс,— выяснилось, что стоимость, выступавшая в качестве абстракции, возможна в виде подобной абстракции только тогда, когда положены деньги; с другой стороны, это обращение денег приводит к капиталу и может быть вполне развитым лишь на основе капитала, как и вообще лишь на его основе обращение может охватить все моменты производства. В ходе анализа обнаруживается поэтому не только исторический характер таких форм, как капитал, которые присущи определенной исторической эпохе, но и такие определения, как стоимость, выступающие совершенно абстрактно, обнаруживают ту историческую основу, от которой они абстрагированы, на которой они только и могут поэтому выступать в виде такой абстракции; а такие определения, которые более или менее принадлежат всем эпохам, как, например, деньги, обнаруживают историческое видоизменение, ими претерпеваемое» [1].

Это историческое видоизменение имеет место и может быть вполне понято только как реальный исторический процесс, ибо теоретический анализ капитала обнаруживает его только как факт уже совершившийся, но не совершающийся. Необходимо установление исторического факта. Это новая ступень развития логического, когда конкретное историческое исследование становится элементом логики, бывшей первоначально только абстрактным выражением истории.

На этом, естественно, развитие не кончается. И здесь уместно привести известную цитату из Введения. «Бур-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 291—292.

жуазное общество,— пишет Маркс,— есть наиболее развитая и наиболее многообразная историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его структуры, дают вместе с тем возможность заглянуть в структуру и производственные отношения всех тех погибших форм общества, из обломков и элементов которых оно было построено. Некоторые еще не преодоленные остатки этих обломков и элементов продолжают влачить существование внутри буржуазного общества, а то, что в прежних формах общества имелось лишь в виде намека, развилось здесь до полного значения и т. д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» [1].

Здесь речь идет также о соотношении логики и истории. Теория дает ключ к пониманию не только истории возникновения капитала, но и всей предшествующей истории. Это уже другая задача, выходящая за рамки теории и истории капитала. Поэтому раздел рукописи 1857—1858 гг.— «Формы, предшествующие капиталистическому производству» [2] имеет особое значение. Подобного раздела нет в «Капитале». Этот экскурс в историю, очевидно, понадобился Марксу для того, чтобы четче выяснить для себя специфику капиталистических отношений и капиталистической формы собственности, их отличие от предшествующих, чтобы точнее определить историческую границу, где начинается предыстория капитала. Характерно название последней части этой рукописи, помещенной в другой тетради; она называется: «*Продолжение* о процессе, предшествующем образованию капиталистического отношения или первоначальному накоплению» [3].

Специфически историческое исследование выступает отнюдь не только в указанных случаях исследования капитала Марксом. К необходимости дополнения теоретического анализа изучением исторических фактов его приводит и выяснение роли машин в капиталистическом производстве.

«Средство труда,— пишет Маркс,— делает рабочего самостоятельным, превращает его в собственника. Система машин — в качестве основного капитала — делает рабочего несамостоятельным, делает его присвоенным» [4]. Такова

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 42.
[2] См. там же, стр. 461—508.
[3] Там же, ч. II, стр. 505.
[4] Там же, стр. 210.

качественная разница роли средств труда в капиталистическом производстве по сравнению с предшествующими формами производства. Производительные силы капитала, которые, на первый взгляд, выступают как прямое продолжение исторического развития средств труда, начавшегося с лука и стрел, с каменного топора и других примитивных орудий древних, в действительности выступают как противоположность этого развития.

Если в рукописи Маркса 1857—1858 гг. имеет место только выяснение специфики и роли системы машин в процессе капиталистического производства, то в «Капитале» к этому присоединяется еще большой фактический исторический материал. В рукописи о машинах говорится в рамках раздела о постоянном капитале, не считая отдельных заметок, а в I томе «Капитала» появляется отдельная большая глава, названная «Машины и крупная промышленность», которая включает в себя в значительной мере историю технических открытий и изобретений [1].

Примерно то же самое можно наблюдать и в развитии такой категории как заработная плата. При ближайшем выяснении специфики капиталистического производства оказывается, что размер заработной платы не может быть ниже того, который необходим для воспроизводства рабочей силы при определенных местных и исторических условиях. Но это только нижняя граница заработной платы. Верхняя ее граница соответствует той сумме, которая включает в себя не только оплату необходимого, но и всего прибавочного труда. Последнее, однако, не соответствует сути и назначению капитала, ибо его суть — получение прибавочной стоимости.

---

[1] *Б. А. Грушин* в статье «Логические и исторические приемы исследования» («Вопросы философии», 1955, № 4) считает, что если «анализ сущности экономического отношения (рабочего дня) и предшествовал анализу процесса изменения его исторической формы», то анализ процесса развития машинного производства «все же проходил уже совершенно самостоятельно и состоял как раз в следовании за эмпирической историей предмета и в объяснении ее» (стр. 43). Однако это вовсе не так. Маркс анализирует сначала систему машин и ее роль в процессе капиталистического производства как постоянный капитал, как категорию, а затем уже привлекает большой исторический материал, который понадобился ему не для того чтобы описать происхождение машинного производства, а для того чтобы решить вполне определенные трудности, возникающие в теории.

В определение действительного уровня заработной платы, кроме наименьшей нижней и наибольшей верхней границ, вытекающих из сущности капитала, привходят конкретные условия, которые имеют относительно случайный характер. Данный уровень заработной платы — это всегда в большей или меньшей мере результат борьбы между классом капиталистов и классом наемных рабочих.

Если раб и крепостной крестьянин боролись прежде всего за свободу, то в условиях капиталистического способа производства свобода рабочего является условием его наемного рабства. Поэтому рабочий раньше осознает свои экономические интересы, чем политические; в истории рабочего движения экономическая борьба, как правило, предшествует борьбе политической. Историческое описание классовой борьбы занимает в «Капитале» значительное место. Специальная глава — «Рабочий день» целиком посвящена этому. В этой главе собственно теоретическая часть — «Пределы рабочего дня» занимает всего лишь пять страниц и заканчивается характерным выводом: «Мы видим, что если не считать весьма растяжимых границ рабочего дня, то природа товарного обмена сама не устанавливает никаких границ для рабочего дня, а следовательно и для прибавочного труда. Капиталист осуществляет свое право покупателя, когда стремится по возможности удлинить рабочий день и, если возможно, сделать два рабочих дня из одного. С другой стороны, специфическая природа продаваемого товара обусловливает предел потребления его покупателем, и рабочий осуществляет свое право продавца, когда стремится ограничить рабочий день определенной нормальной величиной. Следовательно, здесь получается антиномия, право противопоставляется праву, причем оба они в равной мере санкционируются законом товарообмена. При столкновении двух равных прав решает сила. Таким образом, в истории капиталистического производства нормирование рабочего дня выступает как борьба за пределы рабочего дня,— борьба между совокупным капиталистом, т. е. классом капиталистов, и совокупным рабочим, т. е. рабочим классом» [1].

Это положение, которое в «Капитале» сформулировано в форме вывода, в рукописи 1857—1858 гг. присутствует еще в форме вопроса. («Как же определяется стоимость

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 246.

того товара, который отчуждает рабочий?» [1]). Этот вопрос в значительной мере является риторическим, ибо уже в указанной рукописи содержится ответ на вопрос о границах заработной платы, которую Маркс еще называет «ценой труда» [2] и которая является выражением необходимого рабочего времени. Но это только часть ответа, хотя уже эта часть дает в руки Маркса полемическое оружие против буржуазных экономистов, которые куплю-продажу рабочей силы не отличали от простого обмена эквивалентов.

«Тот обмен между капиталом и трудом,— пишет Маркс,— результатом которого является цена труда, хотя и представляет собой со стороны рабочего простой обмен, со стороны капиталиста должен быть не-обменом. Капиталист должен получить больше стоимости, чем он отдал. Обмен, рассматриваемый со стороны капитала, должен быть только *кажущимся* обменом, т. е. он должен подпадать под другое экономическое определение формы, чем определение формы обмена; иначе были бы невозможны капитал как капитал и труд как труд в противоположность капиталу. Капитал и труд обменивались бы лишь как равные меновые стоимости, вещественно существующие в различных формах бытия» [3].

Борьба, которую на протяжении всей истории капитала вели рабочие, показывает, что продажа рабочей силы это не обычный обмен эквивалентов; при обычной товарной сделке ее участники могут торговаться и спорить, и хотя не исключено, что один из партнеров окажется одураченным, этот спор, как правило, служит выяснению истинной стоимости товара. Капиталист же никогда не согласится оплатить рабочему стоимость всего его рабочего дня. Продажа рабочей силы по стоимости и получение прибавочной стоимости это такая антиномия, которая имеет место в капиталистической действительности, и главная ошибка буржуазной политической экономии заключается в том, что она понимала это противоречие как противоречие в теории.

Можно думать, что освещение борьбы между наемным трудом и капиталом, которое в «Капитале» Маркса дано в главе «Рабочий день», должно начаться сразу же при рассмотрении купли и продажи рабочей силы, потому

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 278.
[2] См. там же, стр. 276 и др.
[3] Там же, стр. 276—277.

что это исторически и логически первый акт капитала. Однако, поскольку участники этой сделки еще не покинули сферу обращения и «тайна добывания прибыли» [1] еще не раскрылась, описание исторической эмпирии, на фоне которой эта сделка происходит в действительности, могло бы породить иллюзию, что происходит обычная при простой купле и продаже сделка. Маркс сознательно ведет рассуждение на уровне двух абстрактных индивидов, которые, как это обычно бывает на товарном рынке, сторговались наконец, и каждый получил свое. Лишь покидая сферу обращения, как выразился Маркс, «мы замечаем, что начинают несколько изменяться физиономии наших dramatis personae [действующих лиц]» [2], и это дает основание подозревать, что здесь не все обычно.

Но это только завязка драмы, и хотя в капиталистической действительности эта завязка неотделима от основного действия, объективная логика исследования требует отвлечения от этой действительности, иначе — от исторического фона. То, что в рукописи 1857—1858 гг. отсутствует описание, подобное главе «Рабочий день» в «Капитале», не случайно. Маркс уже тогда ясно сознавал, что прежде всего «необходимо точно развить понятие капитала, так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал,— абстрактным отображением которого служит его понятие,— является основой буржуазного общества. Из четкого понимания основной предпосылки [капиталистического] отношения должны выявиться все противоречия буржуазного производства, так же как и та граница, достигая которую это отношение гонит буржуазное производство к выходу за свои собственные пределы» [3].

Историческое описание и в последнем разобранном случае у Маркса опосредовано абстрактной теорией. Только в этой опосредованности оно и выступает как элемент логики; только в этой связи история становится тождественной логике и, наоборот, логика переходит в свою противоположность — историческое описание.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 187.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 288.

И. Г. КАЗЬМИНА

К ИСТОРИИ РАЗРАБОТКИ К. МАРКСОМ ТЕОРИИ СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА

Теория средней прибыли и цены производства является одной из самых сложных теоретических проблем политической экономии. Найти решение этой проблемы пытались многие экономисты до Маркса. Однако даже лучшие представители буржуазной политической экономии в лице Смита и Рикардо не смогли объяснить на основе закона стоимости неизбежные постоянные отклонения цен от стоимости и равенство прибылей независимо от действительной эксплуатации труда отдельными капиталами.

И до сих пор вокруг данной проблемы буржуазная политическая экономия строит немало спекуляций. Снова, как и после появления третьего тома «Капитала» в конце XIX в., буржуазные экономисты твердят о «несовместимости» теории стоимости Маркса с его же теорией цен производства.

Между исходным пунктом теории — определением стоимости товара общественно необходимым рабочим временем — и конкретными процессами капиталистической экономики лежат теоретические промежуточные звенья, которые отражают реальные противоречия капиталистической экономики. Для того, чтобы понять переход от прибавочной стоимости к прибыли, а тем самым и его значение, необходимо исследование тех промежуточных ступеней, которые шаг за шагом ведут к познанию всего процесса. Маркс и Энгельс неоднократно указывали, что этот путь очень сложен и неоднозначен. Так, в экономической рукописи 1861—1863 гг. Маркс отмечал, что распределение прибавочной стоимости между различными категориями капиталистов можно легко понять, «раз понято отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, вы-

равнивание прибылей в общую норму прибыли». Но если это распределение понимается без какого бы то ни было опосредствования, прямо из закона стоимости, т. е. «если хотят объяснить прибыль, получаемую отдельным капиталом в отдельной отрасли, из той прибавочной стоимости (или *неоплаченного труда*), которая содержится в произведенных этим капиталом товарах (а значит и вообще из труда, овеществленного непосредственно в самих этих товарах), то это представляет собой проблему, еще гораздо более неразрешимую, чем квадратура круга, которая может быть найдена алгебраически» [1].

Анализ каждого промежуточного звена имеет огромное значение для понимания законов капиталистического производства и обращения. Только Маркс впервые в истории политической экономии смог выявить внутренние зависимости между различными звеньями, ведущими от общих законов к более развитым конкретным отношениям, раскрыть этот механизм, посредством которого осуществляются законы капиталистического производства.

Исследование Маркса показывает, что прибыль является действительной и основной целью капиталистического предпринимательства. Она на деле выступает главным и решающим стимулом капиталистического производства. Стремление к получению максимальной прибыли управляет действительным движением капитала, конкуренцией и т. д. «Исчисление этого избытка продажной цены над издержками производства в его отношении к стоимости всего авансированного капитала,— пишет Маркс,— очень важно и естественно, так как благодаря этому действительно отыскивается то числовое отношение, в котором увеличивается стоимость всего капитала, или степень увеличения его стоимости» [2].

Превращение прибыли в среднюю прибыль представляет собой сложный общественный процесс конкуренции капиталов и распределения наживы пропорционально той доле, какую каждый из них составляет по отношению к совокупному капиталу.

Тщательный анализ превращения прибавочной стоимости в прибыль и затем в среднюю прибыль, а стоимости товаров в цену производства позволил Марксу показать,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 84—85.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 54—55.

что непосредственным регулятором капиталистического производства в целом являются цена производства и закон цен производства, резюмирующиеся в средней прибыли на авансированный капитал. Маркс отмечает, что средняя прибыль выступает как всеобщий закон, осуществляющийся при посредстве конкуренции, и что на процессе выравнивания различных норм прибыли «покоится все капиталистическое производство» [1].

Значение Марксовой теории средней прибыли и цены производства для экономической науки трудно переоценить. Теория средней нормы прибыли и цены производства явилась основой и исходным пунктом анализа других конкретных форм прибавочной стоимости: ссудного процента, предпринимательского дохода, торговой прибыли, земельной ренты. Разработка этой теории явилась научным обоснованием и завершением теории прибавочной стоимости. Наконец, Марксов анализ средней прибыли и цены производства содержит необходимые предпосылки для того, чтобы эта теория могла быть конкретизирована и развита для объяснения современных экономических процессов.

В данной статье ставится задача проследить в общей форме, как складывалась и развивалась теория средней прибыли и цены производства, выделить некоторые основные этапы ее создания, имеющие существенное значение для истории марксистской экономической мысли. Для решения этой задачи потребовалось привлечь к рассмотрению — наряду с томами «Капитала» — также относящиеся к данной теме черновые экономические рукописи Маркса: рукопись 1857—1858 гг. (первоначальный вариант «Капитала»); рукопись 1861—1863 гг. (второй черновой вариант «Капитала»); неопубликованные пока рукописи 1865—1875 годов.

РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ ПРИБЫЛИ В РУКОПИСИ «КРИТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (1857—1858)

Рукопись «Критика политической экономии», созданная Марксом в период с октября 1857 по май 1858 г., представляет собой первоначальный вариант исследования за-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 478.

конов капиталистического производства и обращения. Здесь впервые Маркс разработал фундаментальные положения своего экономического учения. Детальная разработка теории стоимости позволила Марксу объяснить обмен между трудом и капиталом, вскрыть механизм капиталистической эксплуатации, создать теорию прибавочной стоимости. В теории Маркса прибавочная стоимость выступает как необходимый результат капиталистических производственных отношений, она определяет другие категории и отношения буржуазного общества, обусловливает закон движения капиталистического способа производства. Теория прибавочной стоимости, будучи логическим завершением теории стоимости, в то же время является исходным моментом анализа превращенных форм капиталистических производственных отношений.

Анализ внутренних функциональных связей и зависимостей многих капиталов в рукописи «Критика политической экономии» намечается еще в самой общей форме. Но именно здесь формируется учение о тех особых формах прибавочной стоимости, которые отличаются от ее общей формы. Это подтверждается и словами самого Маркса. Многочисленные указания Маркса о направлении исследования намеченных в рукописи проблем показывают, как создавались предпосылки для рассмотрения движения капитала в качестве единого процесса производства и обращения.

Приведем некоторые примеры. В одном месте Маркс подробно характеризует роль конкуренции как формы, в которой реализуются законы капиталистической экономики. «То, что заложено в природе капитала,— пишет Маркс,— реально выступает наружу, как внешняя необходимость, лишь через посредство конкуренции, которая сводится к тому, что реально существующие многие капиталы навязывают друг другу и самим себе имманентные определения капитала. Поэтому ни одна категория буржуазной экономики, и даже самая первая — например, определение стоимости,— не становится действительной иначе как через посредство свободной конкуренции, т. е. через посредство действительного процесса капитала, процесса, который выступает как взаимодействие капиталов и всех остальных, определяемых капиталом, отношений производства и общения»[1].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 155.

В другом месте Маркс замечает, что по мере развития свободной конкуренции изменяется форма проявления внутренних законов капиталистического производства. В условиях свободной конкуренции (т. е. развитого капиталистического способа производства) изменяется определение стоимости товара. Она теперь определяется не тем рабочим временем, в течение которого товар был произведен, а тем временем, в течение которого он может быть произведен или, вернее, воспроизведен. В результате возникает видимость, будто при этом, замечает Маркс, опрокидывается первоначальный закон. На самом деле только таким путем устанавливается общественно необходимое рабочее время для отдельного капитала. Это время определяется движением капитала, конкуренцией [1].

Углубляя анализ основных экономических категорий в условиях конкуренции, Маркс одновременно намечает и последовательность их рассмотрения. «Спрос, предложение, цена (издержки производства) представляют собой дальнейшие определения формы; цена как рыночная цена, или всеобщая цена. Затем установление общей нормы прибыли. В связи с рыночной ценой капиталы затем распределяются по различным отраслям. Снижение издержек производства и т. д.» [2].

В рукописи «Критика политической экономии» Маркс вплотную подошел к определению понятия общая норма прибыли. Не вводя еще термина «органическое строение капитала», Маркс, по существу, фиксировал различия в этом строении в различных отраслях производства. На этом основании он пришел к выводу о необходимо существующих в различных отраслях производства неодинаковых индивидуальных нормах прибыли. Это неравенство нормы прибыли есть условие и предпосылка выравниваний, осуществляемых конкуренцией. «*Общая норма прибыли* возможна вообще лишь потому,— пишет Маркс,— что в одной отрасли производства норма прибыли слишком велика, а в другой слишком мала; т. е. потому, что некоторая часть прибавочной стоимости — прибавочной стоимости, соответствующей прибавочному труду,— переходит от одного капиталиста к другому» [3].

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 162.
[2] Там же.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 418—419.

Хотя в рукописи «Критика политической экономии» Маркс еще не проводил четкого разграничения между стоимостью товара и его ценой производства, тем не менее важное значение для разработки теории средней прибыли и цены производства имело установленное уже здесь принципиальное различие между ценой и стоимостью. В рассматриваемой рукописи цена товара еще выступает как стоимость, выраженная в деньгах, т. е. величина цены определена в процессе производства капитала. Но попутно Маркс намечает показать впоследствии, что цена выступает в качестве того, что определяет прибыль, т. е. выступает в качестве величины, определяющей издержки производства и прибыль. «Поскольку капитал,— пишет Маркс,— получает сырье, орудия, труд путем обмена, покупает их, уже сами его элементы имеются налицо в форме цен; уже положены как цены; предпосланы ему. Сравнение рыночной цены его продукта с ценами его элементов становится для него тогда решающим. Но это относится лишь к главе о конкуренции» [1]. Содержащееся в рукописи 1857—1858 гг. изложение (зачастую в форме тезисов) основных моментов анализа капиталистического производства, взятого в целом, свидетельствует о том, что Маркс уже дал ключ к пониманию средней прибыли и цены производства. Всеобщая или рыночная цена, общая норма прибыли — таковы, по мысли Маркса, новые определения формы, которые стоимость товаров и прибавочная стоимость получают в результате действия конкуренции капиталов между собой. Нередко важнейшие положения будущей теории средней прибыли высказываются здесь в неявном виде, они развиваются попутно с исследованием «капитала вообще».

Переход к анализу превращенных форм предполагал предварительный анализ процесса обращения и особенно оборота капитала. Именно в процессе анализа оборота капитала Марксом и был сделан следующий важный шаг в разработке теории средней прибыли. В этой связи следует заметить, что анализу оборота капитала, его роли в раскрытии закономерностей движения капитала Маркс придавал исключительно важное значение. Детальный анализ оборота капитала образует теоретическую основу как для понимания особенностей превращенных форм прибавоч-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 276.

ной стоимости, так и для всего дальнейшего изложения вопроса.

Первая детальная разработка проблемы оборота капитала была дана в «Критике политической экономии». Именно здесь впервые подробно исследован вопрос о влиянии оборота капитала на прибавочную стоимость.

Оборот капитала, опосредствуя превращение прибавочной стоимости в прибыль, вносит новые моменты в определение самой прибавочной стоимости. Новое определение прибавочной стоимости выражается в том, что норма и масса прибавочной стоимости зависят от того, насколько часто в течение года один и тот же переменный капитал повторяет свой оборот. В «Критике политической экономии» Маркс еще не дает определения нормы прибавочной стоимости как годовой нормы прибавочной стоимости. Но понятие совокупной прибавочной стоимости, которое вводит Маркс в этой рукописи, по существу, включает в себя влияние оборота капитала. Маркс отмечает, что прибавочная стоимость в результате повторного оборота капитала определяется не просто прибавочным трудом, присвоенным капиталом в процессе производства; она определяется суммой прибавочных стоимостей, созданных за один оборот, помноженной на число оборотов в течение определенного промежутка времени. Иллюстрируя на цифровом примере влияние оборота капитала на прибавочную стоимость, Маркс выводит следующую формулу: совокупная прибавочная стоимость (S') равна прибавочной стоимости (S), помноженной на число оборотов капитала (nU), т. е. $S' = S \times nU$. Это означает, что капитал производит прибавочную стоимость, определяемую не только прибавочной стоимостью, которую он создает в течение одного оборота производства, но определяемую также и количеством актов его воспроизводства за определенный отрезок времени. Прибавочная стоимость, создаваемая капиталом за определенное число оборотов, приобретает форму прибыли. «Поэтому величина прибавочной стоимости измеряется соответственно величине стоимости капитала, и поэтому *норма прибыли* определяется отношением прибавочной стоимости к стоимости капитала» [1].

В этой рукописи Маркс исследует прибыль как превращенную форму прибавочной стоимости, показывает, что

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 259.

прибыль есть только иная форма прибавочной стоимости, более развитая с точки зрения капитала. Это значит, что прибавочная стоимость в форме прибыли выступает не как продукт неоплаченного живого труда, а как доход капитала. Поэтому величина прибавочной стоимости изменяется соответственно величине стоимости капитала. «Превращение прибавочной стоимости в форму прибыли, этот способ исчисления прибавочной стоимости со стороны капитала, как бы он ни был основан на иллюзии относительно природы прибавочной стоимости, или, точнее, как бы он ни скрывал эту природу, необходим с точки зрения капитала» [1].

Прибыль реализуется в цене товара, т. е. в обмене. Для отдельного капиталиста это означает, что полученная им прибыль может совпадать с его прибавочной стоимостью, а может и не ограничиваться ею. Все зависит от избытка цены товара над стоимостью. Если капиталист получает бóльшую цену, чем его издержки производства плюс прибавочная стоимость, тогда он получит и бóльшую прибыль. Но излишек прибавочного труда для одного капитала должен компенсироваться утратой прибавочного труда другим капиталом.

Следовательно, совокупная прибыль, т. е. прибыль всего класса капиталистов представляет собой лишь иным образом исчисляемую прибавочную стоимость, величина которой в обмене не может ни возрасти, ни уменьшиться; «*изменяется здесь* не сама прибавочная стоимость, а лишь *ее распределение между различными капиталами*. Однако это относится лишь к рассмотрению многих капиталов, а не сюда» [2].

Критикуя буржуазные воззрения на прибыль, согласно которым прибыль не реализуется в обмене, а происходит из него, Маркс указывал, что «прибыль *капитала*... должна быть налицо, прежде чем она может быть распределена, и крайне нелепо пытаться объяснить ее возникновение ее распределением» [3]. А распределение прибавочной стоимости между капиталами происходит пропорционально не тому прибавочному времени, которое обеспечено отдельным капиталом, его особенной эксплуатацией

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 282.
[2] Там же, стр. 274.
[3] Там же, стр. 194.

рабочей силы, а пропорционально совокупной величине капитала.

Анализируя процесс превращения прибавочной стоимости в прибыль, Маркс впервые в этой рукописи дает двоякое определение издержек производства, различает действительные издержки производства товара, которые равны его стоимости, т. е. равны требующейся для производства товара общей сумме рабочего времени, и издержки производства для капиталиста. Поскольку прибыль представляет собой избыток над затраченными капиталистом издержками производства, то она может быть и меньше прибавочной стоимости, т. е. меньше реализованного в производстве прибавочного труда. Такое разграничение издержек производства позволило окончательно определить природу прибыли, выявить те факторы, которые вызывают ее изменения.

В рукописи «Критика политической экономии», полемизируя с Рикардо, который не различал прибыль и прибавочную стоимость, т. е. смешивал прибавочную стоимость с формой ее проявления, Маркс впервые формулирует закон тенденции нормы прибыли к понижению. Этот закон состоит в том, что по мере роста производительности труда норма прибыли понижается, то есть: «...Чем меньше становится часть, обмениваемая на живой труд, тем меньше становится норма прибыли. Следовательно, в той же пропорции, в которой капитал начинает занимать все больше места в процессе производства как капитал по сравнению с непосредственным трудом, чем больше возрастает относительная прибавочная стоимость, способность капитала создавать стоимость — тем больше *падает норма прибыли*... Это во всех смыслах важнейший закон современной политической экономии и наиболее существенный для понимания труднейших отношений. С исторической точки зрения это важнейший закон. Этот закон, несмотря на свою несложность, до сих пор никем не был понят и еще никогда сознательно не формулировался» [1].

Сообщая в письме Лассалю от 11 марта 1858 г. о результатах работы над своей рукописью, Маркс пишет: «...Рикардо, развивая вопрос о прибыли, впадает в противоречия со своим (правильным) определением стоимости, противоречия, которые привели его школу к полному отказу от самой основы или к отвратительнейшему эклектизму.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. II, стр. 260—262.

Я думаю, что добился ясности в этом вопросе. (Во всяком случае, экономисты при ближайшем рассмотрении найдут, что все это — в общем дело весьма нелегкое.)» [1]

Таким образом, результаты, которые в рассматриваемый период были достигнуты Марксом в познании законов прибыли и средней нормы прибыли, сводятся к следующему. Маркс в рукописи «Критика политической экономии» рассмотрел прибыль как превращенную форму прибавочной стоимости; проанализировал категорию издержек производства; выяснил роль конкуренции в образовании прибыли; объяснил действие закона тенденции нормы прибыли к понижению как результат развития технических средств и роста производительности труда на базе капиталистического способа производства. Таким образом, он создал необходимые предпосылки и наметил отдельные элементы теории средней прибыли и цены производства, которые получили свою дальнейшую разработку на последующих этапах исследования.

РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА В РУКОПИСИ «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ» (1861—1863)

Новый цикл исследований, предпринятых Марксом в 1861—1863 гг. в качестве непосредственного продолжения первого выпуска «К критике политической экономии» (1859 г.), составил огромную рукопись в 200 печатных листов. В этой рукописи Маркс осуществил новый критический пересмотр всей буржуазной политической экономии.

История создания этой рукописи имеет свои особенности. Рукопись состоит из 23 тетрадей. Первые пять ее тетрадей по своему содержанию являются непосредственным продолжением первого выпуска «К критике политической экономии» и посвящены изложению теории прибавочной стоимости. Затем Маркс прерывает это изложение и с января 1862 г. начинает новый круг исследований, связанных прежде всего с критическим анализом истории политической экономии (тетради VI—XV и XVIII). Видимо, в ходе изложения теории прибавочной стоимости выявилась необходимость ее дальнейшей разработки, конкретизации ее

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 29, стр. 451.

законов, объяснения категорий, выступающих в реальной жизни, на основе закона стоимости и законов прибавочной стоимости.

Закон прибавочной стоимости характеризует процесс ее создания в сфере материального производства. Однако закон стоимости и закон прибавочной стоимости, взятые сами по себе, не могут объяснить закономерностей движения совокупного промышленного капитала, объединяющего и процесс производства, и процесс обращения капитала. Исследование Маркса показало, что именно средняя прибыль и цена производства являются такими категориями, которые, с одной стороны, выражают единство производства и обращения, а с другой, конкретизируют закон стоимости и законы прибавочной стоимости. Теория прибавочной стоимости только тогда могла считаться целостной и завершенной, когда было показано, что средняя прибыль есть не что иное, как форма проявления прибавочной стоимости, имманентно присущая ей форма проявления.

Основы теории средней прибыли и цены производства были разработаны Марксом в тетрадях, составляющих содержание «Теорий прибавочной стоимости», и в XVI тетради [1], излагающей воззрения Маркса на прибыль, издержки производства и закон тенденции нормы прибыли к понижению.

В силу специфического характера центральной части рукописи 1861—1863 гг., представляющей собой критическую историю учений о прибавочной стоимости, вопрос о средней прибыли изложен здесь не систематически, а затрагивается в связи с критическим разбором теорий прибыли предшественников Маркса. Анализ содержания материала «Теорий прибавочной стоимости», а также тетрадей XV, XVI и XVII показывает, как в ходе работы над рукописью Маркс приходил к пониманию тех промежуточных категорий, которые обусловливали переход от прибавочной стоимости к средней прибыли.

---

[1] Эта тетрадь, написанная в декабре 1862 г., имеет заголовок «Тетрадь XVI. К критике политической экономии. Тетрадь последняя. Декабрь». На обороте обложки Маркс написал «Третья глава. Капитал и прибыль». По своей проблематике эта тетрадь является непосредственным продолжением третьего отдела «Капитал как приносящий плоды (процент, прибыль, издержки производства и т. д.)» рукописи «Критика политической экономии» (1857—1858).

Выискивая и используя все «новое и значительное — среди «навоза» противоречий» [1] у буржуазных экономистов-классиков, Маркс на новой качественной основе развил вторую после теории стоимости и прибавочной стоимости фундаментальную проблему своего экономического учения — теорию средней нормы прибыли и цены производства. Последовательно, шаг за шагом, он анализирует те посредствующие звенья, которые ведут от глубоко скрытой стоимости товара к цене производства, к той форме, в которой она проявляется в сфере конкуренции. «Кажущееся противоречие» с законом стоимости на каждом этапе исследования получает объяснение «из развития самой вещи» [2].

Показав несостоятельность попытки Рикардо объяснить, почему равновеликие капиталы приносят равновеликую прибыль, Маркс в рукописи 1861—1863 гг. устанавливает, что «...равновеликие капиталы производят товары неравных *стоимостей* и приносят поэтому *неравные прибавочные стоимости* или *прибыли*, так как стоимость определяется рабочим временем, а масса рабочего времени, реализуемая капиталом, зависит не от его абсолютной величины, а от величины переменного капитала,— капитала, затрачиваемого на заработную плату» [3]. Второе различие в величинах стоимостей, прибавочных стоимостей и прибылей создается процессом обращения, т. е. оно зависит от того времени, в течение которого равновеликие капиталы могут присвоить и превратить в деньги одинаковые количества неоплаченного труда. В этом процессе совершается своеобразная нейтрализация последствий самого производства, владение прибавочной стоимостью приводится в соответствие с фактически действующим совокупным капиталом.

Отсюда возникает следующая проблема. Раз равновеликие капиталы должны приносить равные прибыли в равные промежутки времени, то цены товаров должны отличаться от их стоимостей. И задача заключается в том, чтобы показать — каким образом, не колебля определения стоимости товаров, образуется прибыль, а затем и средняя прибыль.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 82.
[2] Там же, ч. II, стр. 24.
[3] Там же, стр. 205.

Маркс указывает, что для того чтобы объяснить общую природу прибыли, следует исходить из положения, что в среднем товары продаются по действительным стоимостям и что прибыль получается от продажи товаров по их стоимостям, т. е. от продажи их пропорционально количеству воплощенного в них труда. Иначе ее объяснить нельзя. Кроме того, полемизируя с Рикардо, отождествлявшим прибавочную стоимость с прибылью, Маркс исходит из предпосылки, что законы прибавочной стоимости отличны от законов прибыли, хотя «без знания прибавочной стоимости никакая теория прибыли невозможна» [1].

Маркс различает товар как исходный пункт, как предпосылку капитала, и товар как всеобщую форму продукта, как продукт авансированного капитала. В результате процесса капиталистического производства образуется товарная масса, в которой заключена стоимость авансированного капитала плюс прибавочная стоимость. Каждый отдельный товар выступает как часть совокупной продукции, как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости. Закон стоимости, который был действителен для отдельного товара, рассматриваемого самостоятельно, становится недействительным для товаров как продуктов капитала. Стоимость товара как продукта капитала определяет теперь соответственная часть совокупного труда, среднее, получающееся от деления совокупной стоимости на число продуктов [2]. Для реализации всей созданной прибавочной стоимости требуется, чтобы по установленной таким образом стоимости был продан каждый товар из совокупной массы товаров данной отрасли. Маркс отмечает, что различие между товаром как простым товаром и товаром как продуктом капитала с развитием капиталистического производства и обращения все в большей степени будет влиять на реальное определение цены товаров.

Рассмотрим теперь процесс создания самой теории средней прибыли и цены производства, осуществленный в рукописи 1861—1863 годов. Маркс продолжает здесь начатый в «Критике политической экономии» анализ катего-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 412.

[2] Маркс подчеркивает, что для товара как продукта капитала приобретает значение количественный момент, т. е. размер продукции, которая должна быть продана для того, чтобы реализовался авансированный капитал плюс прибавочная стоимость.

рии издержек производства и прибыли. В отличие от рукописи 1857—1858 гг. здесь эти категории исследуются в качестве промежуточных звеньев теории средней прибыли и цены производства. Сообщая Энгельсу в письме от 30 апреля 1868 г. о результатах своего исследования капиталистического способа производства, Маркс, в частности, пишет: «Новая категория издержек производства весьма необходима для дальнейшего детального развития проблемы. С самого начала становится ясно, что капиталист может с выгодой продать товар *ниже его стоимости* (лишь бы это было *выше* его издержек производства), а это — *основной закон* для понимания обусловливаемого конкуренцией выравнивания» [1].

Маркс вновь подчеркивает различие между издержками производства и стоимостью товара, в то время как буржуазные экономисты, в том числе и Рикардо, постоянно путали эти два понятия. Отличая издержки производства для капиталиста от действительных издержек производства, Маркс пишет: «...то, чего производство товара *стоит* капиталисту, и то, чего *стоит само это производство товара*,— это две совершенно различные вещи» [2]. Издержки производства товара состоят из овеществленного и непосредственного труда, затраченного на производство товара. «И как бы ни изменялись прибыль и заработная плата, эти имманентные издержки производства товара остаются теми же самыми, пока технологические условия реального процесса труда остаются неизменными, или, что одно и то же, пока не происходит никакого изменения в данном уровне развития производительной силы труда. В этом смысле *издержки производства товара* равны его *стоимости*» [3].

Издержки производства для капиталиста состоят из авансированного капитала, из той суммы стоимости, которую он затрачивает на производство товара. Эта сумма складывается из расходов капиталиста на заработную плату, т. е. на оплату непосредственного труда, и на авансирование стоимости постоянного капитала [4]. Только в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 61.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 77.
[3] Там же, стр. 77—78.
[4] «С точки зрения капиталистов это является очень хорошим основанием для того, чтобы прибавочную стоимость (в масштабе всего общества) исчислять и распределять между собой не по ко-

этом смысле и понимает издержки производства каждый капиталист при исчислении прибыли. И именно так трактовали издержки производства буржуазные экономисты. «Этому определению *авансированных затрат* соответствует,— пишет Маркс,— превращение прибавочной стоимости в форму *прибыли*» [1]. Таким образом, прибыль является следствием того, что товар продается выше стоимости оплаченных капиталистами затрат. Поэтому товары могут приносить прибыль и при продаже ниже стоимости, но выше издержек производства.

Развивая дальше высказанные уже в рукописи 1857—1858 гг. положения, Маркс показывает, что прибыль — это та же прибавочная стоимость, но иначе исчисленная, т. е. рассматриваемая со стороны своей массы, абсолютной величины, она не отличается от той прибавочной стоимости, которую производит капитал за определенный период своего оборота. Вместе с тем, Маркс указывает, что в качестве нормы прибыли прибавочная стоимость приобретает новое, отличное от своей первоначальной формы числовое выражение, так как прибыль есть прибавочная стоимость, соизмеренная не по отношению к части авансированного капитала, а по отношению ко всей сумме авансированного капитала. Числовое различие ведет к образованию новой формы, качественно отличающейся от формы прибавочной стоимости. В этой новой форме все части капитала одинаково выступают как источники вновь произведенной стоимости, происходит полное абстрагирование от условий, в которых возникает прибавочная стоимость и которые ее обусловливают.

Таким образом, в рукописи 1861—1863 гг. категория прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости получила дальнейшее развитие. Маркс делает весьма важный вывод: раз норма прибыли как по форме, так и в числовом выражении отлична от нормы прибавочной стоимости, то и прибавочная стоимость в форме прибыли получает новое определение. Прибыль становится превра-

---

личеству того непосредственного труда, который данный капитал приводит в движение, а по величине авансированного капиталистами капитала. Но это отнюдь не является основанием для объяснения того, откуда получается эта подлежащая такому распределению и распределяемая указанным образом прибавочная стоимость» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 71).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 77.

щенной формой прибавочной стоимости, т. е. прибавочная стоимость, выраженная в форме прибыли, получает свою превращенную форму, форму, в которой она изменяет и свое числовое отношение, и свое определение.

Смешение прибавочной стоимости и прибыли, законов, которые управляют их движением, являлось источником многих ошибок в буржуазной политической экономии. Рикардо и другие экономисты пытались объяснить явления, которые возникают из прибавочной стоимости, выступающей в форме прибыли, непосредственно законами стоимости или прибавочной стоимости.

Говоря об осуществляемом конкуренцией выравнивании прибавочной стоимости между отраслями производства, Маркс замечает, что это явление легко понять, раз выяснено отношение между прибавочной стоимостью и прибылью и, далее, выравнивание прибылей в общую норму прибыли. Он поясняет, что прибыль, получаемая отдельным капиталом в отдельной отрасли, как правило, не соответствует той прибавочной стоимости, которая содержится в произведенных этим капиталом товарах. Прибыль, начисляемая на авансированный капитал, может быть выше или ниже той прибавочной стоимости, которая содержится в самом товаре, т. е. она может представлять больше или меньше неоплаченного труда, чем содержится в самом товаре.

В общей норме прибыли выравниваются те особые нормы прибыли, которые в каждой отрасли производства определяются отношением прибавочной стоимости к авансированному капиталу. Каждый капиталист, по отношению ко всему классу капиталистов, рассматривает свой капитал как источник такой же по величине прибыли, какую приносит всякий другой капитал равной величины, т. е. отдельный капитал рассматривается лишь как часть совокупного капитала, авансированного на совокупное производство. Поэтому каждый капитал притязает на свою долю в совокупной прибавочной стоимости, пропорционально той величине, которую он составляет в совокупном капитале, т. е. пропорционально своей доле участия в совокупном капитале. Конкуренция капиталов выравнивает прибыль соответственно тому, какую часть совокупного капитала составляет каждый отдельный капитал, и соответственно тому общему количеству прибавочного труда, которое производит весь совокупный капитал. Маркс пишет:

«Капиталисты, как собратья-враги, делят между собой добычу — присвоенный чужой труд, так что каждый из них присваивает себе в среднем такую же долю неоплаченного труда, какую присваивает и всякий другой капиталист» [1].

Каков же внутренний механизм образования общей нормы прибыли и превращения стоимости в цену производства? Поскольку товар как продукт капиталистического производства существенно отличается от товара как категории простого товарного хозяйства, постольку в условиях капитализма «каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости» [2]. Всеобщность товарной формы продукта труда обусловливает тесную связь отраслей капиталистического производства между собой. Понятие стоимости товара получает дальнейшее развитие. Маркс различает стоимость товара, которая определяется трудом, требующимся для того, чтобы произвести всю массу товаров данной отрасли, и индивидуальную стоимость товара. Он иллюстрирует это положение на примере хлопчатобумажной промышленности, где условия производства распадаются на три группы — средние условия, условия выше и ниже средних. У тех фабрикантов, которые производят при средних условиях производства, эти последние совпадают с общими условиями производства данной отрасли. Может случиться, что количество продукции, доставляемое на рынок средней группой, значительно преобладает, по сравнению с другими, крайними группами данной отрасли промышленности. Тогда эта средняя группа и устанавливает общую стоимость продукта. Соответствующая величина стоимости становится единой для всех, как бы она ни относилась к индивидуальной стоимости каждого отдельного товара. «Эта *общая* товарам данного рода стоимость есть их *рыночная стоимость*, та стоимость, с которой они выступают на рынке» [3]. Рыночная стоимость выражается в рыночной цене, которая количественно может и не совпадать с рыночной стоимостью, но представляет собой общую стоимость товаров данной сферы. Рыночная стоимость возникает в результате внутриотраслевой конкуренции, которая выравнивает различные индивидуальные стоимости, допуская различия между прибы-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 21.
[2] Там же, ч. III, стр. 112.
[3] Там же, ч. II, стр. 221.

лями отдельных капиталистов и их отклонения от средней нормы прибыли. Таким образом, конкуренция внутри отрасли создает рыночную стоимость, т. е. одну и ту же стоимость для однородных товаров.

Внутриотраслевая конкуренция определяет пределы рыночной стоимости. Но в любом случае рыночная стоимость никогда не может быть больше индивидуальной стоимости товара наименее производительной группы и меньше индивидуальной стоимости товара наиболее производительной группы. «Но рыночная *стоимость,*— подчеркивает Маркс,— должна выражать действительную *стоимость*» [1].

Объясняя различие между рыночной и индивидуальной стоимостью, Маркс замечает, что оно имеет место не потому, что «продукты продаются абсолютно *выше* своей стоимости, а только потому, что та стоимость, какую имеет продукт всей сферы производства, может отличаться от стоимости отдельного продукта» [2]. Указанное различие определяется тем, что совокупный продукт определенной отрасли производства выступает как продукт различных степеней производительности, при которых определенное количество труда создает различные доли совокупного продукта. Все зависит от удельного веса продукции, производимой отдельными предприятиями или группами предприятий в той или иной отрасли промышленности, т. е. при различных условиях производительности. Определение рыночной стоимости средней или совокупной стоимостью реально, в капиталистической действительности, отмечал Маркс, осуществляется лишь приблизительно и с бесчисленными модификациями. Но в конечном счете, как бы ни отличались индивидуальные стоимости товаров, производимых при самых разнообразных условиях, совокупная рыночная стоимость имеет тенденцию быть равной сумме индивидуальных стоимостей.

Отсюда следует, что те капиталисты, которые производят в более благоприятных условиях производства, чем средние условия, получают бóльшую прибыль, чем средняя норма прибыли в данной отрасли. «Товар, произведенный при более благоприятных условиях, *содержит* меньшее количество рабочего времени, чем товар, произведенный при менее благоприятных условиях, однако он продается

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 290.
[2] Там же, стр. 293.

по той же цене, имеет ту же стоимость, как если бы он содержал то самое рабочее время, которого он в действительности не содержит»[1].

Общая норма прибыли получается как средняя отдельных норм прибыли во всех отраслях промышленности. Каждый капитал в каждой отдельной отрасли производства выступает как соответственная часть совокупного капитала и поэтому пропорционально своей величине получает свою долю прибавочной стоимости, произведенной совокупным капиталом. Та доля прибавочной стоимости, которая приходится в течение определенного времени на данный капитал, образует среднюю прибыль, или общую норму прибыли. «Ясно, что появление, осуществление, установление *общей нормы прибыли*,— пишет Маркс,— делает необходимым *превращение стоимостей* в *отличные* от них *цены издержек*»[2].

Превращение стоимости в цены производства, как неоднократно подчеркивал Маркс, «касается только *распределения произведенной совокупным капиталом прибавочной стоимости* между различными отраслями или между различными капиталами в различных сферах производства»[3]. Выравнивание прибавочных стоимостей в среднюю прибыль ничего не изменяет в совокупной массе прибавочной стоимости: сумма средних прибылей равна совокупной прибавочной стоимости.

Внутриотраслевая конкуренция осуществляет определение стоимости товара, произведенного в данной отрасли производства, средним рабочим временем, т. е. устанавливает общественную рыночную стоимость. Межотраслевая конкуренция осуществляет установление общей, средней, нормы прибыли в различных сферах путем выравнивания различных рыночных стоимостей в цены производства. Конкуренция определяет распределение всего общественного капитала между различными сферами его приложения, в результате чего устанавливаются отличающиеся от стоимостей цены производства. Поскольку рыночные цены отклоняются от цен производства, конкуренция стремится их уравнять с ценой производства. Каждый предприниматель ищет для своего капитала наиболее выгодного поме-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. II, стр. 223.

[2] Там же, стр. 480. Под «ценами издержек» в рукописи 1861—1863 годов Маркс имеет в виду цены производства.

[3] Там же, стр. 215.

щения, что создает сильную тенденцию к выравниванию нормы прибыли. В результате совокупная масса общественного рабочего времени соответствует общественной потребности, распределяется между различными сферами производства, стоимости превращаются в цены производства, а отклонения рыночных цен от цен производства выравниваются.

Стремление каждого капиталиста перемещать свои капиталы из менее прибыльного дела в более выгодные обеспечивает миграцию капитала из одной отрасли производства в другую и не позволяет рыночной цене на длительный срок оставаться или много выше или много ниже цены производства. К тому же сама рыночная цена заключает в себе нечто среднее, поскольку цены товаров одной и той же отрасли производства определяются ценами тех товаров, которые произведены при средних условиях производства этой отрасли производства. В результате конкуренции рыночные цены в различных отраслях производства колеблются вокруг цен производства, т. е. вокруг содержащихся в товарах издержек производства плюс средняя норма прибыли. Маркс устанавливает следующий закон движения цен производства вокруг стоимости: в той отрасли производства, где отношение переменного капитала к сумме авансированного капитала соответствует среднему строению общественного капитала, стоимость равна цене производства.

Вместе с тем, Маркс отмечает, что, поскольку стоимость товара определяет общую норму прибыли, то ее изменения определяют изменения цен производства. Цена производства изменяется вследствие изменения стоимостей товаров двояким образом: во-первых, в результате уменьшения всей абсолютной массы труда, затрачиваемого на это количество товаров, как оплаченного, так и неоплаченного; во-вторых, вследствие изменения производительности труда изменяется норма прибыли, т. е. отношение прибавочной стоимости к авансированному капиталу.

Таким образом, в ходе историко-критического анализа системы взглядов Рикардо и других представителей буржуазной политической экономии в рукописи 1861—1863 гг. Маркс сформулировал следующие положения.

Во-первых, был установлен общий закон средней нормы прибыли, который выражается в том, что совокупная масса

прибыли определяется величиной авансированного капитала. Различные количества прибыли, содержащиеся в различных товарах, выравниваются и сводятся к своей средней величине, которая и представляет действительную норму прибыли во всех отдельных отраслях капиталистического производства.

Во-вторых, было раскрыто содержание средней прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости.

В-третьих, Маркс показал, что участие в общей прибыли, или в совокупной прибавочной стоимости, определяется величиной капитала. Средняя прибыль выражает тот же самый процесс, что и превращение прибавочной стоимости в прибыль, только здесь совокупная прибавочная стоимость, т. е. прибавочная стоимость, реализованная всем классом капиталистов, относится к примененному классом капиталистов капиталу, и каждая часть совокупного капитала участвует в прибыли соответственно своей величине, независимо от своего непосредственного отношения к производству прибавочной стоимости.

В-четвертых, Маркс пришел к выводу, что получение средней прибыли на определенную величину авансированного капитала выступает как всеобщий закон, осуществляющийся при посредстве конкуренции.

Развитие законов средней нормы прибыли в рукописи 1861—1863 гг. явилось исходным моментом для исследования других превращенных форм прибавочной стоимости — земельной ренты, ссудного процента, торговой прибыли.

ДАЛЬНЕЙШАЯ РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ СРЕДНЕЙ ПРИБЫЛИ И ЦЕНЫ ПРОИЗВОДСТВА В 1865—1875 ГОДАХ

С августа 1863 по 1865 г. Маркс создал новый комплекс рукописей, который является третьим черновым вариантом «Капитала». В этот период были написаны три рукописи трех томов «Капитала». Они отражают построение экономической теории как единой и целостной концепции экономического развития капиталистического общества.

Рукопись третьей книги была создана Марксом в 1865 году[1]. Она явилась тем вариантом третьей книги,

[1] См. ее датировку в статье автора «Работа Энгельса над подготовкой к изданию третьего тома «Капитала»» (в сборнике «Из истории марксизма», М., 1961).

на основе которого Энгельс в 1894 г. издал III том «Капитала». Она представляет собой единственный полный вариант третьей книги. Общую структуру книги определяет ее заголовок — «Формы всего процесса в целом», т. е. в книге речь идет о тех конкретных формах, которые возникают из процесса движения капитала, рассматриваемого как целое. Значительное место в рукописи отведено последовательному изложению теории средней прибыли и цены производства. Это изложение Маркса оставлено Энгельсом почти без изменений, за исключением чисто редакционных поправок. Следует также отметить, что этот отдел в рукописи является наиболее подготовленным самим Марксом. Однако подготовка первого отдела «Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли» третьей книги потребовала от Энгельса значительных усилий, так как Маркс работу по окончательному расположению материала откладывал до более позднего времени.

Рукопись третьей книги начинается с математических вычислений отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли, объем которых составляет 70 рукописных страниц (примерно 8 печ. листов). Впоследствии Маркс создал еще несколько новых рукописей, посвященных этой же проблеме, последняя из которых помечена маем 1875 года.

При жизни Маркса Энгельс не знал, что́ написано Марксом по плану третьей книги «Капитала». Разбирая экономические рукописи, в частности по третьей книге, Энгельс их помечал. На первоначальной рукописи третьей книги «Капитала» 1865 г. рукой Энгельса написано «Манускрипт I». Обнаруженные Энгельсом два небольших варианта первой главы третьей книги, озаглавленной Марксом «Глава I. Превращение прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли», соответственно обозначены Энгельсом «Манускрипт II» и «Манускрипт III».

Для предмета исследования данной статьи, помимо основной рукописи третьей книги «Капитала», особый интерес представляют две рукописи. Одна из них имеет заголовок «Норма прибыли». Эта рукопись, созданная Марксом после выхода в свет I тома «Капитала» [1], состоит из

[1] В тексте рукописи имеются ссылки на первое издание I тома.

78 страниц большого формата. В ней исследуются проблемы соотношения нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли, общие законы нормы прибыли, проблемы основного и оборотного капитала, рассматривается влияние оборота и нормы прибыли на издержки производства, а также на годовую норму прибыли и общую норму прибыли. На 9-й странице рукописи имеется надпись Ф. Энгельса: «Отрывок из рукописи IV, использовать в разделе о норме прибавочной стоимости и норме прибыли» [1]. Во второй рукописи (40 страниц большого формата) анализируется влияние на норму прибыли различных факторов — издержек производства, авансированного капитала, органического строения капитала. Однако в тексте третьего тома «Капитала», изданного Энгельсом, ссылок на эти рукописи обнаружить не удалось. Поэтому мы рассматриваем их содержание вместе с содержанием той части рукописи 1865 г., которая имеет отношение к проблеме данной статьи. Новый момент по сравнению с рукописью 1861—1863 гг. состоит здесь в дальнейшем развитии и более подробном и конкретном решении вопроса об образовании общей нормы прибыли.

«Превращение прибавочной стоимости в прибыль,— указывает Маркс,— следует выводить из превращения нормы прибавочной стоимости в норму прибыли,— а не паоборот. И в самом деле, исходным пунктом исторически была норма прибыли. Прибавочная стоимость и норма прибавочной стоимости есть нечто относительно невидимое, существенное, подлежащее раскрытию путем исследования, между тем как норма прибыли, а потому такая форма прибавочной стоимости, как прибыль, обнаруживаются на поверхности явлений» [2]. Именно превращение нормы прибавочной стоимости в норму прибыли раскрывает содержание прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости.

Таким образом, Маркс в рукописях третьей книги к выяснению прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости подходит несколько с иной стороны. Следует отметить, что большое внимание в этих рукописях Маркс уделяет анализу отношения между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли.

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2037.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 50.

Норму прибавочной стоимости и норму прибыли Маркс рассматривает в двояком аспекте. С одной стороны, норма прибыли и норма прибавочной стоимости, будучи двумя различными измерениями прибавочной стоимости, зависят друг от друга. С другой стороны, норма прибыли, качественно и количественно отличаясь от нормы прибавочной стоимости, имеет свои собственные законы движения — роста и падения. Норма прибыли может зависеть от обстоятельств, не оказывающих никакого влияния на норму прибавочной стоимости, а при определенных условиях одна и та же норма прибавочной стоимости может выражаться в самых различных нормах прибыли и различные нормы прибавочной стоимости — в одной и той же норме прибыли. Выяснение специфических законов нормы прибыли, предпринятое Марксом в рукописях третьей книги, имеет большое теоретическое значение для развития проблемы средней прибыли и цены производства. Ведь отличие нормы прибавочной стоимости от нормы прибыли лежит в основе превращения прибавочной стоимости в прибыль. Выражая степень роста всего капитала, степень обогащения класса капиталистов, норма прибыли затемняет внутренний механизм капиталистического способа производства.

В осуществленном Марксом исследовании отношения между нормой прибыли и нормой прибавочной стоимости используется метод выявления влияния каждого отдельного фактора при абстрагировании от действия всех остальных. Такой метод позволяет более глубоко и полно учесть действие различных факторов на норму прибыли. Здесь подробнее, по сравнению с предыдущими рукописями, изучает Маркс влияние на норму прибыли следующих факторов: нормы прибавочной стоимости, величины всего авансированного капитала, органического строения капитала, оборота капитала, экономии в применении средств производства, изменения цен на сырье и др. Выведенные соотношения позволили ему сформулировать «общие законы нормы прибыли». Эти законы сводятся к следующему:

1) норма прибыли всегда меньше, чем норма прибавочной стоимости;

2) одинаковая норма прибавочной стоимости может выражаться в различных нормах прибыли, и, наоборот, различные нормы прибыли могут выражать одну и ту же норму прибавочной стоимости;

3) различные нормы прибавочной стоимости могут выражаться в одной и той же норме прибыли, следовательно, одинаковая норма прибыли выражает различные нормы прибавочной стоимости;

4) норма прибыли может падать, хотя норма прибавочной стоимости повышается, и повышаться, хотя норма прибавочной стоимости падает.

Анализ общих законов нормы прибыли позволил Марксу, в частности, более подробно определить влияние на норму прибыли таких факторов, как экономия на средствах производства и изменение цен сырья. «Найденные таким образом законы,— говорит Маркс в письме к Энгельсу 30 апреля 1868 г.,— весьма важные, например, для понимания влияния цены сырья на норму прибыли,— остаются правильными, *как* бы ни делилась впоследствии прибавочная стоимость между промышленником и т. д. Это может изменить лишь *форму проявления*. Вместе с тем эти законы *непосредственно* применимы и в том случае, если $\frac{m}{c+v}$ рассматривается как отношение произведенной обществом прибавочной стоимости к общественному капиталу» [1]. Маркс здесь по существу отмечает непосредственное применение выведенных им общих законов прибыли к средней норме прибыли и цене производства.

Маркс подробно показывает в рассматриваемых рукописях, какими путями достигается увеличение нормы прибыли. Поскольку капиталисты стремятся к возможно большему присвоению чужого неоплаченного труда возможно более экономным способом, то обеспечение высокой нормы прибыли осуществляется, во-первых, экономией потребляемых в производстве стоимостей и экономией авансированного на производство капитала, т. е. путем относительного удешевления постоянного капитала при абсолютном росте его стоимости, или же путем экономии в применении самого постоянного капитала, экономного использования совместных условий труда, использования отходов производства, т. е. норма прибыли зависит от того, насколько производительны, целесообразны и дешевы применяемые средства труда. Во-вторых, ее величина прибыли зависит от цены сырья. Общий закон, установленный здесь Марксом, сводится к тому, что «при прочих равных условиях норма прибыли находится в обратном отношении к вели-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 62.

чине стоимости сырья»[1]. В-третьих, норма прибыли зависит от общей организации различных ступеней производственного процесса, т. е. от того, насколько устранено расточительство сырья, насколько просто и целесообразно организовано управление и надзор и т. п. Маркс делает следующий вывод: «...Если дана прибавочная стоимость для определенного переменного капитала, то одна и та же прибавочная стоимость может выражаться в более высокой и более низкой норме прибыли, следовательно, может доставлять бо́льшую или меньшую массу прибыли в зависимости от индивидуальных деловых способностей самого капиталиста или его надсмотрщиков и приказчиков»[2]. Таким образом, различное выражение одной и той же массы прибавочной стоимости в различных нормах прибыли может вытекать всецело и исключительно из различия в той умелости, с какой ведутся капиталистические предприятия.

В результате действия всех этих факторов возникает иллюзия, будто прибыль создается не неоплаченным трудом рабочего, а исключительно капиталом. Различные способы экономии на средствах производства и вытекающие из нее рост прибыли и удешевление товаров являются по сути своей вещественным выражением общественного характера труда и развития общественных производительных сил, но выступают они как способ существования капитала, как нечто совершенно отличное от прибавочного труда рабочего, как прямое действие и творчество капиталистов. Исследуя категорию прибыли, Маркс уже в рукописи 1861—1863 гг. подчеркивал, что вопрос о происхождении прибыли из прибавочной стоимости следует отделить от рассмотрения факторов, которые влияют на ее величину. Он пишет, что «прибавочная стоимость уже предпослана обращению, и как бы ни влияли на норму прибыли те различия, которые проистекают из обращения, к происхождению прибыли они не имеют никакого отношения»[3].

Из рассмотрения приведенных выше факторов вытекает, что норма прибыли регулируется собственными законами, которые допускают и даже обусловливают ее изменение при неизменной норме прибавочной стоимости. Тем самым все больше и больше скрывается истинная природа прибавочной стоимости.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 124.
[2] Там же, стр. 150—151.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 387—388.

Выведенные Марксом законы нормы прибыли в действительности являются законами общей нормы прибыли, ибо реальная прибыль — это и есть средняя прибыль и ее норма. В качестве регулятора «производства вообще» при капиталистическом способе производства выступает закон общей нормы прибыли. Все капиталистическое производство, по словам Маркса, покоится на процессе выравнивания прибыли в среднюю прибыль. Закон общей (средней) нормы прибыли есть закон разных отраслевых норм прибыли на издержки производства в разных отраслях. Через посредство стихийных отклонений отраслевых норм прибыли от общей нормы прибыли закон средней прибыли регулирует капиталистическое производство и восстанавливает нарушенную пропорциональность между различными отраслями. Отклонения от общей нормы прибыли в одной отрасли производства уничтожаются движением капитала в другой, взаимные влияния различных причин повышения и понижения нормы прибыли перекрещиваются и взаимно парализуются. Маркс пишет: «Так как общая норма прибыли определяется не только средней нормой прибыли в каждой сфере, но также распределением совокупного капитала между различными отдельными сферами, и так как это распределение постоянно изменяется, то здесь мы снова имеем постоянную причину изменения общей нормы прибыли, но такую причину изменения, которая благодаря непрерывности и всесторонности этого движения опять-таки в значительной степени парализует самое себя» [1].

Маркс определяет два условия, необходимых для возникновения средней нормы прибыли, т. е. для постоянного выравнивания разных норм прибыли: во-первых, подвижность капитала, т. е. возможность его быстрого использования в другой отрасли или же в каком-нибудь другом месте; во-вторых, такая же подвижность рабочей силы, т. е. ее готовность, в зависимости от потребностей капитала, к переходу в другую отрасль производства.

Являясь избытком над издержками производства, средняя прибыль, с точки зрения капитала, выступает как необходимое условие производства, как часть самих издержек производства, такая же, как расходы на сырье и заработную плату.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 185.

Таким образом, общая норма прибыли и средняя прибыль являются такими превращенными формами, в которых маскируется действительная эксплуатация труда отдельными капиталами. Средняя прибыль кажется присущей капиталу независимо от эксплуатации труда.

Выясняя общие законы нормы прибыли, Маркс абстрагировался от влияния оборота капитала. Эта абстракция на определенном этапе исследования была допустима и даже необходима, так как многосложность процесса образования средней прибыли требовала отвлечения от ряда обусловливающих его обстоятельств.

Однако указанному вопросу Маркс придавал большое значение. В будущей третьей книге «Капитала» он предполагал посвятить ему специальную — четвертую — главу. В предисловии к III тому «Капитала» Энгельс писал: «Из главы IV имелось только заглавие. Но так как рассматриваемый здесь вопрос — влияние оборота на норму прибыли — имеет крайне важное значение, то я разработал его сам, вследствие чего вся эта глава в тексте и заключена в скобки» [1]. Таким образом, в третьем томе «Капитала» четвертая глава, посвященная влиянию оборота капитала на норму прибыли, написана Энгельсом.

Между тем, в рассматриваемых нами рукописях имеется некоторый материал о влиянии оборота капитала на превращение прибавочной стоимости в прибыль и прибыли в среднюю прибыль. В основе этого превращения лежит превращение нормы прибавочной стоимости в норму прибыли и нормы прибыли в общую норму прибыли.

При исчислении средней нормы прибыли Маркс различает норму прибыли на издержки производства и норму прибыли на весь авансированный капитал. Различие между К — издержками производства и С — авансированным капиталом состоит, во-первых, в том, что в издержки производства включается только потребленный за год капитал, т. е. затраты капитала на производство определенной продукции, в которые входит только часть основного функционирующего капитала, амортизированная за год. Во-вторых, при расчете нормы прибыли на авансированный капитал значительную роль играет оборот капитала, так как один и тот же оборотный капитал может, например, в течение года авансироваться 4 раза. В результате

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 6.

издержки производства, учитывающие неоднократный оборот оборотного капитала в течение года, могут весьма значительно отличаться от авансированного капитала. Отсюда вытекает и различие между нормой прибыли на издержки производства и нормой прибыли на авансированный капитал; это различие зависит от отношения оборотного капитала к основному и, далее, от времени оборота основного капитала. Чем больше применяется основного капитала по сравнению с оборотным капиталом, тем медленнее, при прочих равных условиях, годовой оборот авансированного капитала и тем быстрее должны быть обороты оборотного капитала для того, чтобы авансированная капитальная стоимость совершила один оборот в год.

Если принять следующие обозначения: К — издержки производства, С — авансированный капитал, М — совокупная прибавочная стоимость, произведенная за год, то норма прибыли на издержки производства равна $P' = \frac{M}{K}$, а годовая норма прибыли, т. е. норма прибыли на авансированный капитал равна $P'' = \frac{M}{C}$. Подобный расчет не является произвольным сопоставлением, а вызывается самим действительным движением капитала. Так, каждое капиталистическое предприятие рассчитывает как норму прибыли, так и цену производства своего товара, исходя из своих издержек производства и величины авансированного капитала. Норму прибыли на авансированный капитал Маркс называет годовой нормой прибыли и указывает, что она имеет огромное значение для движения совокупного капитала.

Рассчитывая влияние оборота на норму прибыли, Маркс устанавливает следующие закономерности. Для капиталов, которые имеют средний годовой оборот, равный обороту общественного капитала при данном органическом строении капитала и данной норме прибавочной стоимости, годовая норма прибыли определяется нормой прибыли на издержки производства. Если отношение $\frac{M}{K}$ дано, то отклонение годовой нормы прибыли на авансированный капитал от нормы прибыли на издержки производства, т. е. отклонение $\frac{M}{C}$ от $\frac{M}{K}$ является результатом влияния числа оборотов, вследствие которого издержки

производства могут быть равны или могут быть больше или меньше авансированного капитала.

Иначе обстоит дело для капиталов, скорость оборота которых отклоняется от годовой скорости общественного капитала. «У них *годовая норма прибыли определяется не нормой прибыли на издержки производства, соответствующей стоимости произведенных ими товаров, а наоборот, прибыль, которую они присоединяют к издержкам производства, определяется данной общей, годовой нормой прибыли*» [1]. В зависимости от скорости оборота капитала, т. е. от того, быстрее или медленнее совершается их оборот по сравнению со средним, накидывается или сбрасывается определенный процент на норму прибыли на издержки производства.

Для расчета годовой нормы прибыли на основе нормы прибыли на издержки производства всегда берется годовой оборот капитала при условии $K = C$ (издержки производства равны авансированному капиталу) независимо от изменений времени оборота и числа оборотов в течение года. Если $P'' = \frac{M}{C}$, а $P' = \frac{M}{K}$, то $P'' = \frac{P' \cdot K}{C}$.

Для лучшего сравнения и сопоставления нормы прибыли на издержки производства и годовой нормы прибыли на авансированный капитал все исследуемые варианты каждый раз берутся Марксом при одинаковых данных, за исключением одного условия. Маркс изучает несколько возможных случаев влияния оборота капитала на норму прибыли, абстрагируясь от роста органического строения капитала.

Маркс выводит следующие зависимости:

1) Если стоимость издержек производства оборачивается раз в год, то $K = C$, т. е. различие между ними равно нулю, и в этом случае $P'' = \frac{P' \cdot K}{C}$, т. е. $P'' = P'$.

2) Если стоимость издержек производства оборачивается меньше, чем раз в год, т. е. в течение года оборачивается только часть стоимости издержек производства, то $K < C$ и $C - K = d$, где d — разность между ежегодными издержками производства и авансированным капиталом;

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2037, стр. 19 второй рукописи.

т. е. $K + d = C$. В этом случае $P'' = \frac{P' \cdot K}{K+d}$ и $\frac{P''}{P'} = \frac{K}{K+d}$; так как $K + d > K$, то $P' > P''$, или $P'' < P'$.

3) Если стоимость издержек производства оборачивается больше, чем раз в год, то $K > C$, или $K - d = C$, т. е. $K = C + d$. В этом случае $P'' = \frac{P' \cdot K}{K-d}$; $\frac{P''}{P'} = \frac{K}{K-d}$ и $P'' > P'$.

На основе этих зависимостей Маркс дает общую формулу для цены производства (z) : $z = K \ (I + P') \pm d \cdot P'$.

Если $C = K$, то $d = 0$ и $z = K \ (I + P')$, т. е. цена производства равна стоимости товара; если $C > K$, то $d > 0$ и $z = K \ (I + P') + dP'$, т. е. цена производства превышает стоимость товара; если $C < K$, то $d < 0$ и $z = K \ (I + P') - dP'$, т. е. цена производства меньше стоимости товара.

Другой важный момент, исследуемый Марксом в рассматриваемой рукописи, относится к органическому строению капитала. Вследствие различного органического строения капиталов существуют различные нормы прибыли на издержки производства. Норма прибыли на издержки производства определяется органическим строением капитала, функционирующего в процессе образования стоимости, т. е. капитала, который действительно потребляется. Так как в процессе труда функционирует весь авансированный капитал, а в процессе образования стоимости участвует только та его часть, которая амортизировалась за год, то в зависимости от большей или меньшей величины износа и большей или меньшей относительной величины основного капитала вообще, бóльшая или меньшая часть его входит в процесс образования стоимости, а следовательно, при прочих равных условиях изменяется также и норма прибыли на издержки производства.

Маркс формулирует следующее положение: *«Если обороты капиталов одинаковы, а нормы прибыли на издержки производства различны, вследствие различия органического строения капиталов, то в том случае, если большую норму прибыли имеет капитал, представляющий общественный капитал, к стоимости продукта капитала, имеющего меньшую норму прибыли, следует* прибавить разность $(m_1 - m_2)$, т. е. число, равное *разности масс* прибавочной стоимости, *произведенной обоими капиталами»* [1].

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 2037, стр. 28 второй рукописи.

Согласно этому положению, формула цены производства, учитывающая выравнивание органического строения капитала, получает следующий вид: $z = K(1 + P') + (m_1 - m_2)$.

Маркс выводит общую формулу цены производства товара для различных капиталов с учетом различий органического строения капитала. Эта формула имеет следующий вид: $z = K(I + P') \pm d'K$, где $d' = P'' - P'$, или же $z = K(I + P') \pm (P'' - P') \cdot K$.

Наконец, учитывая действие обоих факторов — оборота капитала и органического строения капитала, Маркс выводит всеобщую формулу цены производства: $z = K(I + P') \pm dP' \pm d'K$.

В том случае, если совокупный общественный капитал обращается один раз в год и имеет среднее органическое строение, то стоимость товара равна $K(I + P')$ и совпадает с его ценой производства.

Итак, в рассматриваемых рукописях Маркс выяснил влияние изменений оборота капитала на норму прибыли; дал определение величины цены производства товара с учетом действия оборота капитала и различия органического строения капитала, вывел соответствующую формулу цены производства.

Таким образом, марксова теория средней прибыли и цена производства представляет собой стройное, научно обоснованное учение, каждый этап создания которого отражает развитие марксистской экономической мысли в целом. Последовательный анализ литературного наследия Маркса позволяет определить те посредствующие звенья, которые ведут от глубоко скрытых категорий стоимости и прибавочной стоимости к цене производства и средней прибыли, к тем формам, в которых они проявляются в сфере конкуренции.

Н. Б. ТЕР-АКОПЯН

МАРКС И ЭНГЕЛЬС ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ ОБЩИНЕ [1]

Проблема азиатского способа производства имеет существенное значение для понимания марксистского учения об экономических общественных формациях, а следовательно и для материалистического понимания истории в целом. Споры, которые уже несколько десятилетий ведутся вокруг этой проблемы, выходят за пределы характеристики только одной формации. В таких вопросах, как вопрос о соотношении земледельческой общины и древневосточной деспотии, о характере эксплуатации при феодализме и рабовладельческом строе, с одной стороны, и при азиатском способе, с другой, о характере собственности на Древнем Востоке, о роли географического фактора в становлении азиатского способа и его распространении, наконец, в вопросе о так называемой застойности древневосточного строя,— обычно затрагивались, в сущности, наиболее общие закономерности исторического процесса. Дискуссия фактически касалась более широкой проблемы — о докапиталистических формациях. При этом были подняты важнейшие теоретические вопросы: о критерии формации, о различиях во взаимодействии базиса и надстройки в разных формациях, о темпах развития формаций, о закономерностях перехода от низших формаций к высшим, о соотношении естественного и исторического в развитии человеческого общества. В центре внимания исследователей оказались методологические вопросы

[1] Настоящий очерк представляет собой переработанный и расширенный вариант статьи автора «Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину», опубликованной в журнале «Народы Азии и Африки», 1965, №№ 2 и 3.

исторической науки. В этой связи новое обращение к наследию основоположников марксизма-ленинизма для более глубокого его осмысления в свете нового материала стало неотложной задачей марксистской науки. Особенно необходимо это сделать в отношении категории азиатского способа производства, которая на некоторое время была предана забвению в советской науке.

Понятие азиатского способа производства было выдвинуто Марксом в его классическом предисловии к работе «К критике политической экономии». «В общих чертах,— писал Маркс,— азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [1]. Сама формулировка не оставляет сомнений, что азиатский способ производства, наряду с другими, мыслился как одна из всеобщих стадий в экономическом развитии человеческого общества. Термин «азиатский», в такой же мере как термин «античный», свидетельствует не о региональном или локальном характере данного способа производства, а лишь о том, какая историческая реальность стояла за выдвинутой Марксом категорией, где человечество на данной ступени достигло наиболее полного развития. Критерием универсальности той или иной стадии является не географическое распространение соответствующего способа производства, а необходимость данной стадии для развития человеческого общества.

Категория азиатского способа производства была выдвинута в 1859 г., когда с завершением формирования политической экономии учение Маркса и Энгельса достигло полной зрелости. Возникновению этой категории предшествовало глубокое изучение Марксом и Энгельсом положения ряда колониальных стран, прежде всего Индии, всестороннее освоение наследия европейской науки по истории Востока, изучение античных источников, наконец, глубокие социологические и экономические исследования, выполненные Марксом в 1857—1859 гг. С открытием прибавочной стоимости была раскрыта не только тайна капиталистического способа производства, но появился ключ и для анализа предшествующих способов. В свете теории прибавочной стоимости Маркс логически вычленяет харак-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7.

теристики каждой из предшествовавших капитализму формаций, в том числе и древневосточной, и дает новое объяснение данным исторических источников.

В литературе часто встречается точка зрения, согласно которой категория азиатского способа производства по существу отражала в произведениях Маркса первобытнообщинный строй, еще неизвестный науке в 50—60-ые годы прошлого века. С открытием же Моргана, с установлением родового характера первобытного коммунистического общества необходимость в применении категории азиатского способа производства якобы отпала. Ее отсутствие в работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» подтверждает, как полагают, отказ Энгельса, а также и Маркса, от категории азиатского способа производства.

Между тем несостоятельность такой аргументации становится очевидной при более точном анализе материала. Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выдвинули понятие племенной формы собственности, которое с бóльшим основанием можно было отнести к первобытнообщинному строю, нежели категорию азиатского способа производства. Однако в классических произведениях марксистской политической экономии мы не находим этого понятия. Более того, Маркс в ряде случаев прямо указывает, что первобытность лежит за пределами его исследования. «Народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, находятся позади того пункта, откуда начинается действительное развитие» [1]. Если Маркс порой и обращается в «Капитале» к первобытной эпохе, то лишь для того, чтобы показать неприменимость к ней экономических законов, действительных для более высоких формаций [2]. Исходным пунктом исследования у Маркса является производящее хозяйство. Индийская община, к которой обратился Маркс по существу представляла собой вариант земледельческой общины. Авторы, которые именно в высказываниях Маркса относительно общины видят подтверждение того, что он подразумевал под азиатским способом производства первобытнообщинный строй, упускают из виду, что Маркс рассматривает ее не только самостоятельно, а как базис восточной деспотии.

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 44.

[2] См. нашу статью в сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 74.

Что же касается работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», то можно привести целый ряд веских аргументов в доказательство того, что отсутствие в ней категории азиатского способа еще не дает основания предполагать, что Энгельс вообще отказался от этого понятия. Одним из наиболее серьезных из них является то, что в упомянутых произведениях вообще не рассматриваются понятия общественной формации и способа производства [1]. Не означает ли это, что Энгельс анализирует здесь историю общества под иным углом зрения, чем это сделано в экономических произведениях Маркса, и поэтому и нет достаточных доказательств отказа Энгельса от категории азиатского способа производства.

В ходе дискуссий нередко высказывалось мнение, будто В. И. Ленин также не разделял точки зрения К. Маркса в этом вопросе. Однако знакомство с высказываниями В. И. Ленина опровергает подобные утверждения. С достаточным основанием можно сказать только, что В. И. Ленин сомневался в господстве азиатского способа производства в Московской Руси, но он отнюдь не отрицал вообще его существования. Именно такой вывод следует из спора В. И. Ленина с Г. В. Плехановым по вопросу о национализации земли на IV (Объединительном) съезде РСДРП [2]. В произведениях В. И. Ленина немало указаний на то, что категория азиатского способа производства не вызывала у него каких-либо возражений, и он рассматривал ее как органическую часть учения К. Маркса о формациях. Дважды, в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и в 1914 г. в работе «Карл Маркс», В. И. Ленин приводил цитаты из предисловия К. Маркса к работе «К критике политической экономии» (причем второй раз в уточненном переводе), разъясняя и конкретизируя марксистскую теорию общественных формаций [3]. Уже в первой из упомянутых выше работ Ленин ссылался на произведение Энгельса «Проис-

[1] Проблемы истории докапиталистических обществ, стр. 86; *Г. А. Багатурия.* Первое великое открытие Маркса. В кн. «Маркс — историк», М., 1968, стр. 155.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 14. См. также *Г. В. Плеханов.* Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, стр. 165; Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959, стр. 59—60.

[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 136; т. 26, стр. 57.

хождение семьи, частной собственности и государства», очевидно, не считая, что оно противоречит марксовой схеме формаций. Имеются также прямые свидетельства об интересе Ленина к исследованиям Маркса и Энгельса в области древневосточного строя; в составленном в конце 1913 г. конспекте Ленин отчеркнул соответствующие места в переписке Маркса и Энгельса[1]. Наконец, из некоторых высказываний Ленина видно, что различие между государствами европейскими и азиатскими он связывал с их экономической основой, отличной не только от капитализма, но и от феодализма. Особый интерес в этой связи представляет статья В. И. Ленина «О праве наций на самоопределение», написанная в следующем, 1914 году. Полемизируя с Розой Люксембург и доказывая необходимость исторически конкретной постановки вопроса о праве наций на самоопределение, Ленин писал: «Чтобы подтвердить право Польши на автономию, Роза Люксембург характеризует государственный строй России по признакам, очевидно, и экономическим, и политическим, и бытовым, и социологическим — совокупностью черт, которые дают в сумме понятие «азиатского деспотизма»», и далее: «Всем известно, что подобного рода государственный строй обладает очень большой прочностью в тех случаях, когда в экономике данной страны преобладают совершенно патриархальные, докапиталистические черты и *ничтожное развитие товарного хозяйства и классовой дифференциации*»[2] (выделено нами.— *Н. Т.-А.*).

Ленин считает неверной характеристику социальной структуры власти в России, данную Розой Люксембург, и для опровержения ее точки зрения формулирует свое понимание социальной структуры азиатского деспотизма, доказывая, что эта категория не может быть применена к России XIX—XX веков. Но вместе с тем эта ленинская характеристика азиатского деспотизма свидетельствует, на наш взгляд, также о теоретическом признании Лениным категории «азиатский способ производства» и, более того, о дальнейшем развитии и конкретизации им этой категории.

Наиболее веским доводом, который выдвигается в подтверждение вывода, будто Ленин отрицал категорию азиатского способа производства, является ее отсутствие в лек-

[1] *В. И. Ленин.* Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса, 1844—1883 гг.». М., 1959, стр. 260—263.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 266—267.

ции «О государстве»[1]. Против такой точки зрения можно было бы привести целый ряд возражений, мы ограничимся здесь пока одним. В этой лекции говорится о трех основных формах эксплуатации, известных истории. Форма эксплуатации бесспорно является критерием для различения антагонистических формаций, но ведь не требуется специальных доказательств, что это разные понятия[2].

Происходившие в конце 20-х — начале 30-х годов среди советских ученых дискуссии по вопросу об азиатском способе производства возникли из потребности теоретического обоснования стратегии и тактики коммунистических партий в обстановке нараставшего революционного движения колониальных и зависимых стран[3]. Обсуждение затронуло принципиальные вопросы марксистской теории, в его ходе был поднят значительный фактический материал, накопленный наукой. В итоге дискуссия вышла за рамки проблемы азиатского способа производства и переросла в обсуждение в целом учения об общественно-экономических формациях. Одним из основных аспектов дискуссии было, естественно, рассмотрение взглядов Маркса и Энгельса. Почти во всех выступлениях и статьях фигурировали многочисленные цитаты из их произведений и ссылки на них, однако специальных систематических исследований их взглядов было немного, и точка зрения основоположников марксизма не была в достаточной степени раскрыта. Отчасти эти недостатки были связаны с тем обстоятельством, что не все звенья развития взглядов Маркса были выявлены; участникам дискуссии еще не были известны неко-

---

[1] См., например, материалы дискуссии в Институте народов Азии «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М., 1966, стр. 21, 242.

[2] Более подробное освещение взглядов В. И. Ленина по рассматриваемой проблеме см. в статье *В. Г. Попова* «Ленин об азиатском способе производства» (Вопросы исторического материализма и критика некоторых концепций буржуазной социологии. Издательство Московского университета. 1969, стр. 69—92).

[3] За последние годы в советской и зарубежной литературе появился ряд полезных обзоров этой дискуссии. *Е. Варга.* Об азиатском способе производства. В кн.: «Очерки по проблемам политэкономии капитализма». М., 1964, стр. 358—382; *Л. В. Данилова.* Становление марксистского направления в советской историографии эпохи феодализма. «Исторические записки», т. 76. [М.], 1965; *Ю. М. Гарушянц.* Об азиатском способе производства. «Вопросы истории», 1966, № 2; *Jan Pečirka.* Die sowjetischen Diskussionen über die asiatische Produktionsweise und über die Sklavenhalterformation. «Eirene», 1964, III, S. 147—169.

торые работы Маркса, в том числе и такие важные, как «Экономические рукописи 1857—1859 годов», отчасти же они объяснялись методологическими ошибками исследователей. Так, довольно распространенным приемом было сопоставление общих критериев антагонистических формаций с характеристиками древневосточного способа производства в произведениях Маркса и Энгельса, на основе которого затем делался вывод либо о том, что упоминание Марксом азиатского способа производства является случайным, либо о последующем отказе Маркса от этой категории. Часто также сущность азиатского способа сводилась к феодальным или рабовладельческим формам эксплуатации, и подлинные взгляды Маркса, таким образом, искажались. Все же в ряде работ был сделан существенный вклад в изучение наследия Маркса и Энгельса по этой проблеме, было начато исследование источников, использованных ими, предприняты первые попытки исторического рассмотрения их взглядов[1]. Однако в итоге дискуссии понятие азиатского способа было отброшено, а общества Древнего Востока были признаны рабовладельческими. Этот вывод плохо согласовался с важнейшими методологическими указаниями Маркса и Энгельса и был следствием схематического истолкования идеи единства исторического процесса. В известном письме в редакцию «Отечественных записок» по поводу статьи Н. К. Михайловского Маркс писал: «Ему непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические условия, в которых они оказываются,— для того, чтобы прийти в конечном счете к той экономической формации, которая обеспечивает вместе с величайшим расцветом производительных сил общественного труда и наиболее полное развитие человека»[2]. Попытки представить историю неевро-

---

[1] В этой связи определенный интерес представляют предисловие Л. Мадьяра к книге *М. Кокина* и *Г. Папаяна* «Цзин-тянь. Аграрный строй древнего Китая» (Л., 1930), доклад *А. Ефимова* «Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточного общества» («Историк-марксист», т. XVI, 1930, стр. 128—137) и статья *Р. Фокса* «Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники» («Летописи марксизма», III (XIII), 1930, стр. 3—29).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 120.

пейских народов в полном соответствии со схемой трех антагонистических формаций, известных из истории Европы, шли вразрез с этим указанием Маркса и безусловно не могли дать сколько-нибудь удовлетворительного решения проблемы. Возобновление дискуссии было поэтому закономерным и неизбежным. По мере накопления фактов наука сталкивалась со все большими и большими трудностями в их объяснении и обобщении.

Новая дискуссия по азиатскому способу производства развернулась в международном масштабе[1]. Ее более высокий научный уровень определяется не только более широкой фактической базой, но и более глубоким знанием наследия основоположников марксизма-ленинизма[2]. Публикация ряда неизвестных ранее рукописей Маркса, Энгельса, Ленина, изучение процесса формирования и развития марксизма, исследования по логике «Капитала» — все это способствовало лучшему пониманию сущности учения Маркса об экономических общественных формациях и места азиатского способа в историческом развитии этого учения. Значительный вклад в изучение взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства внесли работы многих зарубежных и советских ученых. Следует, однако, отметить, что в большинстве работ преобладает логический подход к проблеме. Между тем, историческое исследование становления и развития понятия азиатского способа в трудах Маркса и Энгельса является столь же необходимым. В настоящей статье предпринята попытка охарактеризовать основные этапы развития концепции азиатского способа производства.

* * *

Развитие взглядов Маркса и Энгельса на историю стран Востока в период формирования марксизма до сих пор оставалось вне поля зрения исследователей. Между тем ясно, что научные представления, сложившиеся у Маркса и Энгельса по этому вопросу к 1848 г., послужили отправным моментом в их дальнейших исследованиях. В ранних произведениях, относящихся к началу 40-х годов, когда

---

[1] См. обзоры Л. В. Даниловой («Вопросы философии», 1965, № 12), М. А. Виткина (там же, 1966, № 8).

[2] См. Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса. История публикации и изучения в СССР. М., 1969.

Маркс и Энгельс стояли еще на позициях революционного демократизма и идеализма, их высказывания относительно религии, права и государства на Востоке основывались главным образом на традиционных представлениях европейской буржуазной науки, систематизированных Монтескье в «Духе законов» и Гегелем в его «Философии истории». Восток — противоположность античному и современному европейскому миру, это общество, застывшее в вековой неподвижности, общество, в котором все поголовно являются рабами, зависящими от произвола своих деспотических властителей. «Ты знаешь, что значит быть рабом; свободы же ты не вкусил еще ни разу...» [1],— говорят спартанцы персидскому сатрапу. Восток — это не только физическое, но и духовное порабощение. Философию Гегеля Энгельс сравнивает с «новой зарей», которая подобно «свободному эллинскому сознанию» пробилась из «сумерек Востока» [2]. Древневосточные деспотии представляли собой по большей части теократии, нередко обожествлялась при этом и личность самих правителей.

Но уже в период перехода к материализму и научному коммунизму, вместе с критикой гегелевской философии права начинается критический анализ и традиционных воззрений на Восток. Маркс теперь, с одной стороны, противопоставляет восточную деспотию греческому рабовладельческому государству, с другой — находит сближающие их черты и рассматривает обе эти формы государств как противоположность буржуазным и дворянско-буржуазным европейским государствам. Важнейший вывод Маркса о том, что не государство определяет гражданское общество, а, напротив, государство само определяется гражданским обществом [3] (под которым Маркс понимал исторически определенную совокупность материальных отношений), служил одновременно критерием различия между современным и исторически более ранними обществами. В греческом полисе и восточной деспотии не было разрыва между гражданским обществом и государством. Обеим этим формам была присуща «непосредственность», или «субстанциональное единство между народом и госу-

[1] Эту цитату из Геродота Маркс приводит в одной из своих ранних статей. *К. Маркс.* Дебаты шестого рейнского ландтага (статья первая). *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 84.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 41, стр. 224.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 335.

дарством». Однако в отличие от Греции, где управление государством было делом всех граждан (т. е. всего совокупного класса рабовладельцев), а из политической жизни были исключены рабы, составлявшие материальный базис этого общества, «в азиатской деспотии политическое государство есть не что иное, как частный произвол одного-единственного индивида; другими словами, политическое государство, наравне с материальным, есть раб» [1].

Сквозь еще гегелевский язык этих замечаний вырисовываются контуры идей, которые впоследствии обретут адекватную форму. На Востоке нет *класса* рабов, составляющих «материальное государство», все общество целиком составляет материальную основу, все население политически бесправно, и самый высокий сановник в такой же мере раб деспота, как и любой крестьянин. Но здесь нет и аппарата публичной власти, отделенного от народа.

Первым произведением зрелого марксизма была «Немецкая идеология» (в основном написана в ноябре 1845 — апреле 1846 г.), в которой содержится ряд высказываний, представляющих огромную методологическую ценность также и для исследования ранних стадий развития человеческого общества. Маркс и Энгельс, в частности, указывали, что идеалистический подход к истории исключает «отношение людей к природе, в результате чего создается противоположность между природой и историей» [2].

С материалистической точки зрения отношение человека к природе — это естественное отношение, выражающееся в простом присвоении продуктов природы, а на более развитых стадиях — в обмене между человеком и природой, «при котором труд человека обменивается на продукты природы» [3], т. е. в производстве. Пашни, воду и т. п. Маркс и Энгельс рассматривают как «естественно возникшие орудия производства», «поэтому и собственность... (земельная собственность) выступает как непосредственное, естественно возникшее господство» [4]; при

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 255.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения в трех томах, т. I, М., 1966, стр. 34. Ссылки на первую главу «Немецкой идеологии» ниже даются по этому изданию.

[3] Там же, стр. 43—44.

[4] Там же, стр. 43.

этом предполагается, что «индивиды объединены... какой-нибудь связью — семейной, племенной или хотя бы территориальной» [1], т. е. собственность должна быть опосредована каким-либо естественно сложившимся коллективом. Наконец, «существует мелкая промышленность, но она подчинена использованию естественно возникшего орудия производства и поэтому здесь отсутствует распределение труда между различными индивидами» [2].

Если сопоставить данную здесь характеристику неразвитой стадии производства с теми, которые содержатся в более поздних произведениях, то бросается в глаза не просто сходство, но местами и совпадение с чертами, присущими также и азиатскому способу производства: естественно сложившийся коллектив, связь между индивидами, «хотя бы территориальная», соединение ремесла и земледелия. Однако здесь эти замечания относятся вообще к ранним неразвитым стадиям производства. Выделение впоследствии некоторых из указанных черт как элементов азиатского способа производства было результатом дальнейшего развития учения о формациях. В «Немецкой идеологии» они даны в иной связи, как признаки племенной формы собственности, которую Маркс и Энгельс рассматривали как исторически первую ступень экономического развития общества.

«Первая форма собственности, это — племенная собственность. Она соответствует неразвитой стадии производства, когда люди живут охотой и рыболовством, скотоводством или, самое большее, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенных земель. На этой стадии разделение труда развито еще очень слабо и ограничивается дальнейшим расширением существующего в семье естественно возникшего разделения труда. Общественная структура ограничивается поэтому лишь расширением семьи: патриархальные главы племени, подчиненные им члены племени, наконец, рабы. Рабство, в скрытом виде существующее в семье, развивается лишь постепенно, вместе с ростом населения и потребностей и с расширением внешнего общения — как в виде войны, так и в виде меновой торговли» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Избранные произведения, т. I, стр. 43.
[2] Там же, стр. 44.
[3] Там же, стр. 10.

Общинная форма собственности, согласно тогдашней точке зрения Маркса и Энгельса, появляется наряду с государственной уже в античном обществе.

Племенную собственность, как и общинную, Маркс и Энгельс рассматривали в этот период как виды общей собственности, не ставя однако знака равенства между ними. Термин «племя» они, очевидно, понимали в том более широком значении, охватывающем нынешние понятия «род» и «племя», которое было распространено в литературе до Моргана. Что касается общины, то науке 40-х гг. XIX в. еще не были известны ее ранние формы, в частности, также и земледельческая, в которой Маркс и Энгельс впоследствии видели основу азиатского способа производства. Именно незнание общины обусловило наиболее существенное отличие взглядов Маркса в этот период от позднейших его воззрений.

Существование племенной и общинной собственности доказывало вопреки буржуазной науке, что исходной формой развития собственности была общая собственность[1]. Именно на эту сторону дела Маркс и Энгельс обращали главное внимание, характеризуя эти стадии развития общества. Но ограниченность материала и противоречия в источниках, представление о семье как первоначальной социальной форме,— все это обусловило некоторые неясности в освещении этого вопроса[2].

Рассматривая собственность на ранних ступенях, прежде всего и в основном земельную собственность, с точки зрения ее экономического содержания, Маркс и Энгельс доказывали исторический характер этой категории[3]. Кон-

[1] «В действительности же,— писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии»,— новейшие исследования по истории права установили, что как в Риме, так и у германских, кельтских и славянских народов развитие собственности имело исходным пунктом общинную или племенную собственность и что настоящая частная собственность повсюду возникла путем узурпации...» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 3, стр. 361).

[2] Более подробно см. *Н. Б. Тер-Акопян.* К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации. В сб.: «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 72—73.

[3] «В каждую историческую эпоху,— писал Маркс в «Нищете философии»,— собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства». (См. продолжение на стр. 179.)

кретную совокупность экономических отношений они выражали категорией «форма собственности». Поэтому в первом наброске учения об общественных формациях, данном в «Немецкой идеологии», основные ступени исторического развития общества представлены как ряд сменяющих друг друга форм собственности.

Племенную форму собственности, согласно Марксу и Энгельсу, последовательно сменяют высшие формы, античная и феодальная. Вместе с тем развитие каждого народа начинается как бы в той же самой исходной точке; и греки, и римляне, и германцы начинают с племенной собственности, которая у них, однако, в дальнейшем переживает ряд трансформаций, в результате которых возникает все больший простор для развития частной собственности.

Маркс и Энгельс объясняют и само возникновение государства из противоречий между частным и общим интересом. Общий интерес, «в виде *государства,* принимает самостоятельную форму, оторванную от действительных — как отдельных, так и совместных — интересов, и вместе с тем форму иллюзорной общности. Но это совершается всегда на реальной основе имеющихся в каждом семейном или племенном конгломерате связей по плоти и крови, по языку, по разделению труда в более широком масштабе и по иным интересам, в особенности... на основе интересов классов...» [1]. В этом объяснении важно не только то, что Маркс и Энгельс выделяют общий интерес класса как наиболее вероятную почву возникновения государства, но и то, что государство, на какой бы почве оно ни возникло, представляет собой лишь «иллюзорную общность». Основоположники марксизма завершили в «Немецкой идеологии» критику идеалистических представлений о государстве. Они завершили в этом произведении также критику взглядов Фейербаха на развитие общества. За немногими исключениями мы не находим, однако, здесь суждений, непосредственно относящихся к древневосточным обще-

---

«Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 168). В дальнейшем, в развитой системе категорий марксистской политической экономии Маркс внес уточнение в свое понимание категории «отношения собственности», определив ее как юридическое выражение производственных отношений (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 7).

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. 1, стр. 25.

ствам[1]. В этой связи наибольшее значение для понимания исходных позиций Маркса и Энгельса при исследовании Востока и азиатского способа производства имеют их высказывания о разделении труда. В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс выдвинули положение о том, что «различные ступени в развитии разделения труда являются вместе с тем и различными формами собственности»[2], т. е. наличие определенного разделения труда свидетельствует об определенной форме собственности, об определенном социальном строе. Различия между древневосточными общественными отношениями и общественными отношениями в Европе на разных этапах ее истории были особенно заметны именно с точки зрения разделения труда. Уже в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс отмечали, что «примитивная форма, в которой разделение труда существует у индусов и египтян, порождает кастовый строй в государстве и в религии этих народов»[3]. В письме к Анненкову в декабре 1846 г. Маркс вновь затрагивает этот вопрос: «Но разве кастовый строй не был определенным видом разделения труда? Разве цеховой строй не был другим видом разделения труда?»[4]. Таким образом, кастовый строй, по мнению Маркса, отличается от цехового строя. (В работах некоторых историков эти две формы нередко сближаются.) В «Нищете философии», произведении чрезвычайно важном с точки зрения развития экономического учения Маркса, мы находим другое, еще более важное различение. «При патриархальном строе, при кастовом строе, при феодальном и цеховом строе разделение труда

---

[1] Из других документов этого периода видно, насколько критически относились Маркс и Энгельс к воззрениям Фейербаха в области истории Востока. В письме к Марксу в октябре 1846 г. Энгельс, цитируя высказывания Фейербаха относительно религии и государства на Востоке, иронически замечает: «Прекрасное объяснение, почему восточные народы неподвижны — из-за множества идолов, которые не дают простора». По поводу следующего высказывания Фейербаха, что «между восточным человеком и западным такое же соотношение, как между сельским жителем и горожанином... только горожане делают историю», Энгельс замечает: «Единственное место, где чувствуется слабый, но довольно неприятный налет материализма» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 55; см. также *Л. Фейербах.* Избр. философские произведения, т. II, М., 1955, стр. 459).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Избранные произведения, т. 1, стр. 10.

[3] Там же, стр. 34—35.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 27, стр. 404.

в целом обществе совершалось по определенным правилам... Эти различные формы разделения труда... легли в основу различных форм организации общества»[1]. Итак, Маркс рассматривает патриархальный и кастовый строй как две различные формы разделения труда, а следовательно, две различные формы общества. Может быть, Маркс считал кастовый строй разновидностью рабовладельческого? Нет, мы имеем определенное свидетельство самого Маркса в статье, написанной в январе 1849 г. Разоблачая попытки анонимного автора смазать историческую обусловленность противоречий между буржуазией и пролетариатом, представить их как присущие человеческому обществу от природы, как вечные, Маркс подчеркивает именно исторические различия форм разделения труда: «В Египте был труд и разделение труда — и *касты;* в Греции и Риме труд и разделение труда — и *свободные и рабы...*»[2]. Таким образом, совершенно ясно, что уже в период формирования марксизма Маркс и Энгельс рассматривали восточное общество (конкретно Египет и Индию) как особую форму социальной организации, отличную от других форм (или стадий) развития человеческого общества: от патриархальной, рабовладельческой, феодальной, а также буржуазной. Но задача была лишь поставлена, и Маркс, видимо, только приступал к непосредственному исследованию[3].

Может возникнуть вопрос, почему же в итоговом произведении этого периода, в «Манифесте Коммунистической партии», Маркс и Энгельс не упоминают о кастовом строе как особой стадии развития общества. Ответ на него дан в самом «Манифесте» — в нем рассматривается прежде всего положение в Европе и путь развития, пройденный европейскими народами. Разумеется, выводы «Манифеста», как и выводы «Капитала», относятся к истории всего человечества, но само это произведение является прежде всего выводом из европейской истории. То, что писал Маркс в редакцию «Отечественных записок» по поводу первого тома

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 153—154.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 6, стр. 198.

[3] Это видно из интереса, который Маркс проявляет к положению индийских ткачей. См. *К. Маркс.* Речь о свободе торговли, произнесенная на публичном собрании брюссельской Демократической ассоциации 9 января 1848 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 413).

«Капитала» в 1877 г., было тем более действительно для «Манифеста» в 1848 г.[1].

* * *

Исследование социально-экономического строя стран Востока и создание концепции азиатского способа производства были осуществлены Марксом и Энгельсом лишь в следующий период. Хронологически этот период охватывает почти два десятка лет с начала 50-х годов, когда Маркс и Энгельс возобновили свои теоретические занятия, и до выхода в свет первого тома «Капитала». Внутри этого обширного периода можно различить ряд отдельных этапов в развитии концепции азиатского способа производства. Первый этап завершается в июне 1853 г. открытием азиатского способа производства, характеристика которого была дана в переписке Маркса и Энгельса и в статье «Британское владычество в Индии»[2]. Второй этап охватывает в основном 1853—1858 гг.[3]; на протяжении этого периода Маркс и Энгельс осветили в своих статьях разрушительное воздействие европейского капитала на азиатский способ производства. Третий этап — теоретическая разработка Марксом учения об азиатском способе производства в экономических рукописях 1857—1859 гг. и в работе «К критике политической экономии». Наконец, последний этап — рассмотрение азиатского способа производства в различных теоретических разделах томов «Капитала»[4]. На страницах

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 120. Кроме того, как явствует из примечания Энгельса к английскому изданию 1888 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 424), его авторы имели в виду только антагонистические формы общества.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 130—136.

[3] Считая необходимым выделить здесь данный этап, хронологически отчасти совпадающий с последующим, мы, во избежание повторений, рассматриваем его только в связи с другими этапами.

[4] Мы имеем в виду все четыре тома «Капитала». Из них четвертый том (*К. Маркс.* Теории прибавочной стоимости. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, чч. I, II и III) был написан в 1862—1863 гг. Он составляет часть экономической рукописи 1861—1863 гг., в которой рассматривались также проблемы всех трех теоретических томов «Капитала». В 1863—1865 гг. Маркс создает новый вариант своего труда, где рассматриваются, однако, только теоретические, а не историко-критические проблемы «Капитала». Часть этой рукописи была положена Энгельсом в основу подготовленного им в 1894 г. издания третьего тома «Капитала». В основу второго тома, изданного Энгельсом в 1885 г., лег вариант, созданный Марксом в

«Капитала» мы вновь находим многие вопросы, ранее изложенные в статьях и других работах Маркса и Энгельса. «Капитал» как бы вобрал в себя все основные теоретические положения, разработанные в предшествующий период, и придал им более глубокое содержание и более законченную форму. Концепция азиатского способа производства стала органической частью экономического учения Маркса.

Авторы статей об азиатском способе производства обычно не отмечают связи между высказываниями Маркса и Энгельса, относящимися к европейской истории, и их суждениями о Востоке. Это в значительной мере касается и непосредственно предшествовавшего появлению статьи Маркса «Британское владычество в Индии» периода от 1850 до июня 1853 г. Между тем такая связь существует, некоторые теоретические положения, впоследствии примененные к Азии, были получены Марксом и Энгельсом исключительно на европейском материале. Укажем наиболее важные из них.

Революция 1848—1849 гг. поставила перед основоположниками научного коммунизма проблему крестьянства. Изолированное положение, прикованность к клочку земли, «устойчивость и однообразие всех жизненных отношений», ограниченность парцелльного крестьянства, превращение его в «варваров среди цивилизации» были отмечены Энгельсом еще в ходе революции [1]. Впоследствии Маркс и Энгельс подвергли еще более глубокому анализу условия существования класса крестьян. Рассмотрим вывод Маркса о французском парцелльном крестьянстве. Обосновывая в книге «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» тезис о том, что Наполеон III опирался именно на этот класс, Маркс пишет: «Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения

1870 г. Что касается первого тома, то он был переработан для издания Марксом в 1866—1867 гг. Таким образом, главный труд Маркса в его первоначальном виде был, за исключением второго тома, создан между 1861 и 1867 гг., т. е. до выхода в свет первого тома «Капитала». Поэтому мы можем относить изложенные проблемы азиатского способа производства к одному этапу, поскольку это подтверждается и самим содержанием замечаний Маркса. Вопросы, рассматриваемые во втором томе, имеют для нашей темы менее существенное значение; добавления или изменения, внесенные Энгельсом при издании второго и третьего томов «Капитала», повсюду оговорены им самим и также мало касаются нашей темы.

[1] *Ф. Энгельс.* Из Парижа в Берн. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, стр. 508.

между ними... парцелла не допускает никакого разделения труда... Каждая отдельная крестьянская семья почти что довлеет сама себе». Из-за своей разобщенности крестьяне «неспособны защищать свои классовые интересы... их должны представлять другие». «Политическое влияние парцелльного крестьянства,— заключает Маркс,— в конечном счете выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество» [1]. В этом выводе бросается в глаза аналогия положения европейского парцелльного крестьянства и общинного крестьянства на Востоке. Конечно, речь идет о разных исторических средах и разных исторических судьбах. Но сходные причины порождают сходные следствия, и этого нельзя не видеть. Главное внутреннее сходство состоит в существовании замкнутого натурального хозяйства, которое повсюду порождает деспотическую исполнительную власть. Именно основываясь на этом сходстве, Маркс при анализе с точки зрения политической экономии ставит знак равенства между обеими этими формами. «Первоначальное единство между работниками и условиями труда имеет... две основные формы: азиатская община... и мелкое семейное земледелие... того или иного типа»,— пишет Маркс в «Теориях прибавочной стоимости» [2]. Та же мысль повторяется в первом томе «Капитала» и в ряде других мест [3]. Этот тезис является исходным пунктом при исследовании всех докапиталистических способов производства, в том числе и азиатского.

В произведениях Маркса и Энгельса мы находим и непосредственное сравнение социальных форм, возникших на европейской почве, с азиатскими. Так, рассматривая в статье, написанной в январе 1853 г., разложение восходящей еще к родовому обществу такой социальной формы, как шотландский клан, Маркс устанавливает его сходство и с русской общиной, и с азиатской — «земля является *собственностью рода,* внутри которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в положении, как и во всех древних азиатских родовых общинах» [4]. Отсюда видно, между прочим, что еще за полгода до первой

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 207—208.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 438—439.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 88; т. 46, ч. I, стр. 461—462.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 524.

статьи об азиатском способе производства у Маркса сложилось определенное мнение о структуре азиатских общин: связь между ее членами не родственная, а территориальная, в их положении существуют различия. Значение данной статьи Маркса, однако, не только и не столько в указанном выше сравнении. Суть дела в том, что еще до того, как Маурер опубликовал свои исследования о германской марке, и задолго до того, как Морган дал первую научную картину родового общества, Маркс исследовал промежуточную социальную форму, в которой еще сохранились остатки родовой общины, и сделал из сопоставления этой остаточной кельтской общины с аналогичными русскими и индийскими формами выводы, позволившие ему рассматривать институт общины как универсальную стадию развития [1].

Еще до июня 1853 г. Маркс рассматривал разрушительное действие конкуренции европейской крупной промышленности на мелкое ремесленное производство в Китае [2]. В свою очередь и Энгельс в письмах обращал внимание Маркса на аналогичные явления в Индии [3]. Если прибавить к этому, что Маркс изучал в этот период труды Уэйкфилда, Раффлса, Бернье, Кемпбелла, Уилкса, Паттона, Прескотта и др., содержащие обильный фактический материал по истории неевропейских стран, то становится более понятным появление в июне 1853 г. писем и статей, в которых уже имеется характеристика азиатского способа производства.

В конце мая 1853 г. Энгельс в письме к Марксу, касаясь вопросов истории мусульманского Востока, отметил, что социальные движения на Востоке выступали обычно в религиозной оболочке и принимали часто форму столкновений кочевых племен с оседлым населением; Энгельс

[1] Описывая процесс узурпации клановых земель аристократией, превращение *«собственности клана* в *частную собственность»*, Маркс сравнивает «лицо, стоявшее во главе этой экономической революции», графиню Сатерленд, с Мухаммедом-Али. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 525.) Имеются ли тут в виду только жестокие методы экспроприации или сходство самих реформ? Последнее также вероятно, если принять во внимание взгляды современных историков-марксистов на реформы Мухаммеда-Али. См. аннотацию работы египетского историка Ибрагима Амера: «La Pensée», 1964, № 114, p. 67.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 7, стр. 233—234; т. 9, стр. 98—104.

[3] Энгельс — Марксу, 20 апреля 1852 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 40.

высказывал также предположение, что быстрое возникновение больших городов как в древности (Вавилон, Ниневия), так и в более близкие времена (Агра, Лахор, Мултан, Дели) объясняется именно вторжением больших масс завоевателей-кочевников [1]. В ответном письме Маркс, обратив внимание Энгельса на то обстоятельство, что «у всех восточных племен можно проследить... *общее* соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части», останавливается на том, «почему история Востока *принимает вид* истории религии?». Маркс приходит к выводу, что «в основе всех явлений на Востоке... лежит *отсутствие частной собственности на землю*» [2]. В этом — «настоящий ключ даже к восточному небу». Для иллюстрации своей мысли Маркс приводит наблюдения французского путешественника и врача Бернье, относящиеся к XVII в. Бернье, в частности, тоже указывает на специфику восточных городов: это, в сущности, военные лагеря. Уже само это обстоятельство объясняло быстрое возникновение и упадок городов.

Энгельс, соглашаясь с Марксом, в свою очередь ставит другой вопрос: «...почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности?» [3]. Он указывает при этом и одну из причин — необходимость ирригации в географических и климатических условиях Востока. «Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общин, либо провинций, либо центрального правительства». Зависимостью от ирригации Энгельс объясняет также возможность быстрого упадка и гибели восточных цивилизаций в результате войн или расстройства управления. Здесь же Энгельс указывает на материальные основы власти восточных деспотов: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансов (ограбление своей страны), войны (ограбление своей страны и чужих стран) и общественных работ (забота о воспроизводстве)» [4]. Как видно из этого общего определения, Энгельс не сводит функции общественных работ только к созданию и поддержанию оросительных систем, а скорее рассматри-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 209—210.
[2] Там же, стр. 214—215.
[3] Энгельс — Марксу, 6 июня 1853 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 28, стр. 221.
[4] Там же.

вает ирригацию как одну из характерных экономических основ восточных деспотий.

Эти мысли Энгельса Маркс целиком отразил в статье «Британское владычество в Индии» (датирована 10 июня 1853 г.). Маркс, однако, отметил, что необходимость ирригации сама по себе не ведет к возникновению деспотий; это имело место «на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне»; исключительно обширные размеры территорий также были одной из причин «вмешательства централизующей власти правительства»[1]. Затем Маркс переходит к главному пункту статьи — анализу общин, которые составляли фундамент деспотии. Маркс впервые дает описание индийской общины и определение ее основных черт, которое он воспроизводит в дальнейшем в первом томе «Капитала».

«Эти организованные по-семейному общины покоились на домашней промышленности, на своеобразной комбинации ручного ткачества, ручного прядения и ручного способа обработки земли — комбинации, которая придавала им самодовлеющий характер». По своей внутренней организации общины в точности повторяли одна другую; Маркс их называет «маленькими стереотипными формами социального организма»[2]. Два обстоятельства — необходимость общественных работ, организуемых центральным правительством, и патриархальная связь земледелия и ремесла внутри общин, отмечает Маркс, «вызвали к жизни с самых давних времен своеобразную социальную систему, так называемую *систему сельских общин,* которая придавала каждому из этих маленьких союзов независимый характер и обрекала его на обособленное существование»[3].

Маркс показывает, что не только самодовлеющий характер самой общины, но и система в целом, т. е. деспотическое государство, закрепляет изоляцию общин. Вся совокупность отношений в общине ограничивала «человеческий разум самыми узкими рамками, делая из него покорное орудие суеверия, накладывая на него рабские цепи традиционных правил, лишая его... всякой исторической инициативы». Общины были отмечены клеймом «кастовых различий и рабства», «они превратили саморазви-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 132.
[2] Там же, стр. 135.
[3] Там же, стр. 134.

вающееся общественное состояние в неизменный, предопределенный природой рок»[1].

В письме к Энгельсу от 14 июня Маркс в сжатой форме повторил свою характеристику азиатского общества, отметив также, что община, с одной стороны, фигурирует в древних индийских памятниках (например, Законы Ману), а с другой — она «сохранилась еще в полной мере» на Бали, следы этой организации можно наблюдать на Яве[2]. Таким образом, в результате обмена мнениями между Марксом и Энгельсом в конце мая — первой половине июня 1853 г. получила свое первоначальное выражение концепция азиатского способа производства.

В этом же письме Маркс вновь возвращается к вопросу о праве собственности на землю и указывает на противоречивый характер данных, сообщаемых источниками. В Индии, к югу от Кришны, частная собственность, видимо, местами существовала, на Яве — абсолютным собственником всей земли является государь; Маркс даже высказывает предположение, что отсутствие частной собственности на землю по всей Азии «как принцип впервые, по-видимому, было установлено мусульманами»[3]. По мере уточнения данных науки, некоторые из этих предположений должны были отпасть; в связи с этим известные изменения претерпела, в частности, точка зрения Маркса и Энгельса и на право земельной собственности в Индии. Они внимательно следили за спорами по этому вопросу среди английских юристов и экономистов и пришли к выводу, «что, согласно древним индусским обычаям, собственность на землю принадлежала деревенским общинам, обладавшим правом раздавать ее участками отдельным лицам для обработки». Они показали, что заминдары, талукдары и прочие категории лиц, признанные английскими колонизаторами в качестве земельных собственников, «вначале являлись всего лишь чиновниками правительства, назначавшимися для того, чтобы следить за сбором положенных налогов с деревни»[4]. Маркс подчеркивал непримени-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 135, 136.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 28, стр. 229.
[3] Там же, стр. 230.
[4] *К. Маркс.* Прокламация Каннинга и вопрос о землевладении в Индии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 498. Ср. также мнение Энгельса в «Анти-Дюринге». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 181.

мость понятий английского феодального или буржуазного права в Индии, он указывал, что на спорах английских юристов о праве земельной собственности отражаются чисто английские предрассудки и убеждения, которые применяются «к такому состоянию общества и такому положению вещей, к которым в действительности они не имеют почти никакого отношения» [1].

Наконец, в статьях этого периода мы находим чрезвычайно интересную характеристику восточной деспотии. Анализируя характерные черты абсолютной монархии в Испании, Маркс приходит к выводу, что она имеет «лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще» и «должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления». В отличие от европейского абсолютизма, который осуществляет централизацию управления, восточная деспотия закрепляет раздробленность страны. «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами...» [2].

К концу 50-х годов в распоряжении Маркса имелось достаточно материала, чтобы вновь теоретически рассмотреть свою концепцию азиатского способа производства. Эта задача была решена в экономических рукописях 1857—1859 гг.; итоги исследования были подведены в работе «К критике политической экономии».

Исследуя докапиталистические способы производства, Маркс рассматривал их прежде всего как противоположные капитализму, поскольку экономической целью всех докапиталистических способов было «производство потребительных стоимостей» [3], а не прибавочной стоимости. Как и в «Немецкой идеологии», Маркс исходил из экономического содержания понятия собственности, собственность рассматривалась «как отношение человека к его природным условиям производства как к принадлежащим ему, как к своим собственным, как к *предпосылкам, данным вместе с его собственным существованием,*— отношение к ним как к *природным предпосылкам* его самого, образующим, так

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 500. Все это вновь повторил Энгельс в письме к Даниельсону 10 июня 1890 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 355).

[2] *К. Маркс.* Революционная Испания. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 10, стр. 432—433.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 472.

сказать, лишь его удлиненное тело»[1]. И в данном случае Маркс также констатирует, что собственность на ранних стадиях должна быть опосредована коллективом — «чем дальше назад уходим мы в глубь истории, тем в большей степени индивид... выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому»[2].

Но более обильный материал позволяет Марксу не ограничиваться понятием общей собственности, а конкретизировать его: «история... показывает нам общую собственность... как более изначальную форму,— форму, которая еще долго играет значительную роль в виде общинной собственности»[3]. Таким образом, здесь, в отличие от «Немецкой идеологии», вводится, вернее, конкретизируется понятие общины. Маркс различает ряд форм развития общины, которые он в то же время рассматривает как стадии; наиболее ранней он считает азиатскую. «Первоначальной формой этой собственности является поэтому *непосредственная общая собственность (восточная форма*, модифицированная у славян; развитая до противоположности, но все же являющаяся еще скрытой, хотя и чреватой противоположностями, основой античной и германской собственности)»[4].

Отличие азиатской формы общины от всех прочих обусловливалось в первую очередь тем, что в ней использование собственности в наибольшей мере зависело от коллективного труда, в частности от орошения[5]. Поэтому в восточной форме общины «не существует собственности отдельного лица, а существует лишь его владение»[6]. Индивиды здесь всего лишь составные части целого, сложившегося чисто естественным путем[7].

Античная форма, где собственность выступает, с одной стороны, в виде общегосударственной, с другой — в виде индивидуальной, и германская форма, где общинная соб-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 480. Эта мысль была высказана Марксом еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Ср.: «Земельный участок является как бы неорганическим телом своего хозяина» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Из ранних произведений, стр. 554).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 18.

[3] Там же, стр. 24.

[4] Там же, стр. 487.

[5] См. там же, стр. 465.

[6] См. там же, стр. 471.

[7] См. там же, стр. 463.

ственность — лишь придаток индивидуальной, дают простор силам, разрушающим общину. Азиатская форма держится всего упорнее, так как в ней «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине» [1].

Как же Маркс определяет в разделе «Формы, предшествующие капиталистическому производству» сущность азиатского способа производства? Это «племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширенного производства» [2]. Данная характеристика основана на учете признаков индийской общины, ранее отмеченных Марксом; она отличается от предыдущей тем, что Маркс констатирует, помимо всего прочего, и возможность расширенного производства. Маркс специально отмечает также, что прочность общины обусловлена сохранением «*действительного процесса* присвоения» [3], т. е. самого характера производительных сил.

Реализация коллективной собственности происходит в двоякой форме: либо «мелкие общины влачат жалкое существование независимо друг около друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьей независимо от других на отведенном для него наделе» (румынские, славянские общины), либо и самый процесс труда является общественным (Мексика, Перу, древние кельты, некоторые племена Индии) [4]. В первой из этих форм уже имеется зародыш разложения общины («заложен переход к барщине и т. п.»); но Маркс пока еще не раскрыл полностью значение отмеченного внутреннего противоречия общины.

Эта общинная собственность образует основу деспотизма, который предстает как «*единое начало*, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как *высший собственник* или *единственный собственник*, в силу чего действительные общины выступают лишь как *наследственные* владельцы» [5]. Итак, деспотия постольку выступает в

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 474.
[2] Там же, стр. 464.
[3] Там же, стр. 484.
[4] Там же, стр. 464.
[5] Там же, стр. 463.

роли собственника земли, поскольку она является представительницей всей совокупности общин.

Деспотии принадлежит часть прибавочного труда общин, который реализуется в виде дани, проявляется в коллективных видах труда на строительстве дорог, ирригационных каналов и других общественно полезных сооружений. Общественные работы осуществляются часто принудительным путем. Сооружения, воздвигнутые при помощи простой кооперации, представляются делом рук деспотического правительства [1].

Обмен внутри общин играет незначительную роль, первоначально возникает обмен между общинами [2]. Торговля также является в конечном счете функцией деспотического правительства. Города образуются «только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд» [3]. Города здесь «нарост на экономическом строе в собственном смысле» [4]. Таким образом, города в собственном смысле слова, т. е. города как результата и проявления разделения труда не существует. Наконец, привилегией деспотов и жрецов является накопление сокровищ, которые выступают «скорее как свидетельство их могущества» [5].

При всем произволе восточной деспотии положение общинника здесь отличается рядом преимуществ. Он не может утратить свой надел [6], как это происходит у граждан античных государств, он не является рабом или крепостным, т. е. человеком, низведенным до уровня просто естественных условий производства. Строй деспотии может быть охарактеризован как «поголовное рабство» *только* с европейской точки зрения [7]. Вместе с тем община, в особенности в ее восточной форме, изолированная от внешнего мира, не испытывающая потребности ни в путях сообще-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 464; ч. II, стр. 20, 348—349.

[2] Там же, ч. I, стр. 39.

[3] Там же, стр. 464.

[4] Там же, стр. 470.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 110; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 176.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 484.

[7] Там же, стр. 485.

ния, ни в торговле, ни в самостоятельном ремесле [1],— такая община не допускает свободного и полного развития ни индивида, ни общества [2].

При всей прочности структуры восточной общины она тем не менее подвержена разрушительным влияниям. Для того чтобы экономическая цель общины («*воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис» [3]) реализовалась, необходимо, чтобы само воспроизводство происходило «при заранее данных объективных условиях» [4]. В то же время эти условия не могут оставаться неизменными, в конечном итоге само производство и рост населения ведут к изменению объективных условий воспроизводства, расшатывают и разлагают общину.

История сохранила также примеры более сложных обществ, основанных на общей собственности на землю. «Общинное производство,— пишет Маркс,— и общая собственность в той форме, в какой их находят, например, в Перу, являются, очевидно, *производной* формой, занесенной и введенной племенами-завоевателями, знавшими у себя на родине общую собственность и общинное производство в их древней более простой форме, в какой они имеют место в Индии и у славян... Завершенность и систематическая разработка этих систем из одного верховного центра доказывают их более позднее происхождение» [5].

Анализ докапиталистических способов производства в экономических рукописях 1857—1858 гг. явился основанием для вывода, сделанного Марксом в предисловии к работе «К критике политической экономии», в котором азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства характеризуются как «прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [6].

Хотя материал, которым Маркс располагал на этот раз, был гораздо значительнее имевшегося в его и Энгельса распоряжении ко времени создания «Немецкой идеологии», все же в исторической науке еще не были изучены и поняты не только азиатский, но и античный и феодальный способы производства. Неверные представления о герман-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 16, 18.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. I, стр. 475.
[3] Там же, стр. 472—473.
[4] Там же, стр. 474.
[5] Там же, стр. 479.
[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 7.

ской общине, господствовавшие в то время [1], отразились также на освещении этого вопроса у Маркса. Пока архаическая древнегерманская форма общины оставалась белым пятном на карте исторических исследований, оставались и сомнения относительно всеобщего значения азиатского способа производства, и теория оставалась лишь гипотезой. Вместе с тем само рассмотрение способов производства под углом зрения эволюции общины вызвало некоторое смещение перспективы, вело, при отсутствии достаточных данных относительно конкретных форм различных общин, к сближению различных видов общин, и в частности к известной переоценке роли общин в античности и средние века. Наконец, главное внутреннее противоречие азиатской земледельческой общины — индивидуальные наделы при общей собственности на землю — было только подмечено, но не раскрыто.

Впрочем, яснее всех видел недостаточность материала, которым располагала наука, сам Маркс. «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения»,— писал Маркс в работе «К критике политической экономии» в 1859 г. [2] Он счел нужным вновь повторить это и в 1872 г. [3].

* * *

В январе 1859 г. Маркс подвел первые итоги своих исследований по социально-экономической истории Востока, охарактеризовав в известном предисловии к своему труду «К критике политической экономии» азиатский способ производства как первую эпоху в экономическом формировании человеческого общества [4]. Девять лет, отделяющие это произведение от появления первого тома «Капитала», были для Маркса годами чрезвычайно напряженной работы. Создавая один за другим варианты главного труда своей жизни, Маркс успевал одновременно изучать и конспектиро-

---

[1] Первая работа Г. Л. Маурера по этому вопросу, изданная в 1854 г., еще не была известна Марксу.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 20. Примечание.

[3] *К. Маркс*. Капитал, т. I. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 88. Примечание ко второму изданию.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 13, стр. 7. См. также наши замечания к переводу предисловия (Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, 1965, № 12).

вать сотни книг и статей. Среди всей этой груды материала немало страниц относится к Востоку. Некоторые книги Маркс подверг обстоятельному разбору, особое внимание уделил он, в частности, английскому экономисту Ричарду Джонсу, работы которого содержали обильный фактический материал по Индии. Маркс ценил у этого автора «элементы понимания *исторического* различия способов производства» [1], понимания, утраченного прочими представителями английской политической экономии. Обогащенный новыми знаниями, Маркс возвращается к анализу «древнеазиатских способов производства» [2], и в главе о разделении труда в I томе «Капитала» вновь дает характеристику индийской общины. Мы приводим ее здесь целиком.

«Так, например, первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины служит готовым планом и схемой. Каждая такая община образует самодовлеющее производственное целое, область производства которого охватывает от 100 до нескольких тысяч акров. Главная масса продукта производится для непосредственного потребления самой общины, а не в качестве товара, и потому само производство не зависит от того разделения труда во всем индийском обществе, которое опосредствуется обменом товаров. Только избыток продукта превращается в товар, притом отчасти лишь в руках государства, к которому с незапамятных времен притекает определенное количество продукта в виде натуральной ренты. В различных частях Индии встречаются различные

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 414, 414—468 passim; см. также *Р. Джонс.* Экономические сочинения. Л., 1937.

[2] Определение «древнеазиатские способы производства» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 89), внесенное Марксом во второе немецкое издание I тома «Капитала», и его эквивалент во французском авторизованном издании «способы производства древней Азии» (Le Capital. P. [1872—1875], p. 31), уточняя характеристику азиатского способа как древнего, не свидетельствуют, однако, как иногда полагают, об изменении взглядов Маркса. Проведенное нами сопоставление четырех немецких изданий I тома, вышедших при жизни Маркса и Энгельса (в 1867, 1872, 1883 и 1890 годах), показало, что некоторые дополнения были внесены во второе издание, но в основном высказывания, касающиеся проблемы азиатского способа производства, были сохранены без каких-либо существенных изменений.

формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно и продукт делится между членами общины, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом. Наряду с этой массой, занятой однородным трудом, мы находим: «главу» общины, соединяющего в одном лице судью, полицейского и сборщика податей; бухгалтера, ведущего учет в земледелии и кадастр; третьего чиновника, который преследует преступников, охраняет иностранных путешественников и сопровождает их от деревни до деревни; пограничника, охраняющего границы общины от посягательства соседних общин; надсмотрщика за водоемами, который распределяет из общественных водоемов воду, необходимую для орошения полей; брамина, выполняющего функции религиозного культа; школьного учителя, на песке обучающего детей общины читать и писать; календарного брамина, который в качестве астролога указывает время посева, жатвы и вообще благоприятное и неблагоприятное время для различных земледельческих работ; кузнеца и плотника, которые изготовляют и чинят все земледельческие орудия; горшечника, изготовляющего посуду для всей деревни; цирюльника; прачечника, стирающего одежду; серебряных дел мастера и, в отдельных случаях, поэта, который в одних общинах замещает серебряных дел мастера, а в других — школьного учителя. Эта дюжина лиц содержится на счет всей общины. Если население возрастает, на невозделанной земле основывается новая община по образцу старой. Механизм общины обнаруживает планомерное разделение труда, но мануфактурное разделение его немыслимо, так как рынок для кузнеца, плотника и т. д. остается неизменным, и в лучшем случае, в зависимости от величины деревень, встречаются вместо одного два-три кузнеца, горшечника и т. д. Закон, регулирующий разделение общинного труда, действует здесь с непреложной силой закона природы: каждый отдельный ремесленник, например кузнец и т. д., выполняет все относящиеся к его профессии операции традиционным способом, однако совершенно самостоятельно, не признавая над собой никакой власти в пределах мастерской. Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем,

объясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в столь резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных экономических элементов этого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» [1].

В «Капитале» Маркс еще не раз возвращается к характеристике различных сторон восточной общины, но ни в «Капитале», ни в каких-либо других произведениях Маркса и Энгельса вся совокупность признаков и черт этой общины не описывается с такой исчерпывающей полнотой. Тем не менее, поскольку отдельные черты общины затрагиваются в иной теоретической связи, каждый раз полнее раскрывается и ее сущность. Так, в главе о товаре, касаясь докапиталистических способов производства, при которых производство товаров играет лишь подчиненную роль, Маркс показывает причины и условия существования подобных обществ: «они покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования — низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях» [2]. Маркс находит подтверждение своим мыслям в древнеиндийских законах Ману, провозглашавших «бескорыстную жертву жизнью ради сохранения жизни жреца или коровы» путем к блаженству [3].

Наконец, в главе о так называемой триединой формуле, вскрывая мистифицированную форму, в которой осуществляется общественный процесс производства при капитализме, Маркс вновь сравнивает этот последний строй с прежними и показывает, что в древних общинах характер процесса производства выступал в ясной адекватной форме. «В первобытных общинах, в которых господствует пер-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 369—371.
[2] Там же, стр. 89—90. См. также стр. 346.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 24, стр. 267.

вобытный коммунизм, и даже в античных городских общинах сама община с ее условиями выступает как базис производства, а воспроизводство общины — как конечная цель производства»[1].

Маркс и Энгельс не раз указывали, что общины составляли лишь пассивный базис восточной деспотии, на характере общин не отражались смена династий, гибель государств, основание завоевателями новых государств[2]. Однако как ни безразлична была для общин эта смена правителей, на определенной стадии развития существование государства как такового являлось необходимостью для конгломерата общин. Для этого были весьма определенные материальные причины. Первая и главная из них — «необходимость общественно контролировать какую-либо силу природы в интересах хозяйства, необходимость использовать или обуздать ее при помощи сооружений крупного масштаба, возведенных рукой человека»[3], порождает в условиях древнейших цивилизаций одновременно и контроль государств над обществом. Регулирование водоснабжения в Индии возвысило государство над не связанными между собой общинами, в Египте оно явилось источником господства жреческой касты[4]. В качестве представителя общины[5] государство становится верховным собственником земли. «Суверенитет здесь — земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе»[6].

В науке до сих пор идут споры о том, кто был собственником земли в древнеазиатских обществах — государство или община. Некоторые ученые, опираясь на данные современной науки, полагают, что «верховная собственность древневосточного царя на всю землю... не более как миф»[7]. Возможно, что европейские (в особенности английские) буржуазные историки и экономисты XIX в. действительно толковали права азиатских деспотов как номинальное право собственности на землю всей страны, признававшееся

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 399.

[2] *К. Маркс*. Будущие результаты Британского владычества в Индии. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 9, стр. 224; *К. Маркс*. Капитал, т. I; *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 371.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 522.

[4] См. там же, примечание.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 184.

[6] Там же, стр. 354.

[7] *И. М. Дьяконов*. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей. «Вестник древней истории», 1963, № 1, стр. 32.

за феодальными властителями Европы, тем более, что подобная интерпретация оправдывала захват земель в колониях. Следует, однако, подчеркнуть, что при исследовании азиатского способа производства Маркс и Энгельс во главу угла ставили вопрос не о форме общей собственности на землю, а вопрос об отсутствии частной собственности на нее [1]. Именно этот момент, отмеченный еще в письмах Маркса и Энгельса в июне 1853 г., вновь подчеркивается и в «Капитале».

При государственной собственности на землю, как это имеет место в Азии, «не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [2]. В Азию само юридическое представление о частной собственности «лишь в некоторые места импортировано европейцами» [3]. Здесь еще продолжают существовать азиатские формы земельной собственности [4].

Таким образом, существенный факт состоит в том, что в Азии, в отличие от Европы феодальных и буржуазных времен, нет частной собственности на землю, а есть лишь общая собственность. Что касается вопроса о форме этой общей собственности, то в статье приводилось много высказываний Маркса и Энгельса, из которых ясно видно, что в основе государственной собственности лежит общинная собственность. Однако самый факт перехода права собственности на землю к государству вряд ли подлежит сомнению. И теоретически и практически наличие у государства права собственности на землю подтверждается уплатой общинами государству ренты, совпадающей с налогом. Здесь не существовало никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты [5]. Государство здесь «непосредственно противостоит непосредственным производителям» [6] и является единственным получателем

---

[1] Энгельс писал, например, в «Анти-Дюринге» осенью 1876 г.: «На всем Востоке, где земельным собственником является община или государство, в языке отсутствует даже самое слово «помещик»» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 181).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 354; см. также *К. Маркс.* Индийский вопрос. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 12, стр. 254—256.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 165.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 36.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 354.

[6] Там же.

ренты. Рента-налог и есть та специфическая форма, в которой «прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя» при азиатском способе производства, именно этим данный способ и отличается от других [1]. Это понятие нельзя отождествлять ни с рентой, ни с налогом, сводить только к одному или другому. Рента-налог «выступает исторически ...как всеобщая форма *прибавочного труда*, труда, выполняемого безвозмездно». Маркс отмечает, что у народов Азии это имело место в самых широких масштабах еще и в XIX в.[2]. Здесь господствует натуральная форма ренты, как продуктивная рента; она сама по себе «путем обратного воздействия... сохраняет старые производственные формы», если эти отношения, как, например, в сельской общине, «воспроизводятся с неизменностью естественных отношений» [3]. Она, таким образом, препятствует развитию производительных сил [4]. «Благодаря связанной с определенным характером продукта и самого производства форме продуктовой ренты, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности, благодаря тому, что при ней крестьянская семья приобретает почти совершенно самодовлеющий характер вследствие своей независимости от рынка, от изменений производства и от исторического движения стоящей вне ее части общества, словом, благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии» [5].

В функции государства входило, как уже говорилось выше, создание необходимых сооружений для контроля над стихиями природы. В рамках отдельной общины была возможна лишь мелкая кооперация [6], в то время как концентрация в руках государства, в конечном итоге в руках немногих лиц прибавочного продукта целой страны давала возможность вести общественные работы и при низком уровне развития производительных сил. Простая кооперация больших масс, главным образом, неземледельческого

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 229.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 415.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 152.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 26, ч. III, стр. 416.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 359—360.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 346.

населения [1], осуществлявшаяся часто принудительным путем [2], играла при этом решающую роль. «В колоссальном масштабе действие простой кооперации обнаруживается в тех гигантских сооружениях, которые были воздвигнуты древними азиатами, египтянами, этрусками и т. д.» [3] За счет прибавочного продукта содержались громадные армии, также составлявшие неотъемлемую черту восточной деспотии [4]. Из этих групп (ремесленников, воинов, слуг и т. п.) складывалось население древневосточных городов. Само их существование, естественно, зависело от расходов государства [5].

Положение городских ремесленников невыгодно отличалось от положения общинников-земледельцев [6] и от гарантированного существования сельских ремесленников внутри общины. В городе ремесленники зависели от заказчиков, нередко сидели без дела; если двор деспота или сатрапа менял резиденцию, то и ремесленники были вынуждены следовать за своими заказчиками [7].

Ремесленное производство на Древнем Востоке было организовано по кастам. Естественный закон развития, действующий с такой же силой, как биологический закон образования видов, порождает здесь стремление «сделать ремесла наследственными, придать им окаменевшие формы каст» [8]. Ремесло обособляется, «затем кристаллизуется и, наконец, закрепляется законом» [9]. Ремесленникам запрещено заниматься несколькими видами ремесел под страхом суровых наказаний (Египет); совершенствуясь из поколения в поколение, они достигают виртуозного искусства в своем деле, как, например, индийские ткачи. Зато раз-

---

[1] Маркс здесь опирается на данные Р. Джонса.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 46, ч. II, стр. 20.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 345.

[4] По мнению Маркса, «азиатская военная система» впервые появилась у персов. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 29, стр. 154; т. 14, стр. 7—8.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. III, стр. 416, 432, 436, 450—453.

[6] В ранних обществах земледельческий труд был самым производительным, «так как здесь в производстве участвует созданная самой природой машина». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 9.

[7] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 24, стр. 117; т. 26, ч. III, стр. 450—453.

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 352.

[9] Там же, стр. 369.

деление труда внутри мастерской здесь почти отсутствует. В течение столетий орудия труда остаются без изменения, совершенствуется не столько производство, сколько сам производитель. Ремесленник так же прикован к своей касте, как крестьянин к своей общине. Даже цехи есть уже гораздо более развитая форма объединения, чем каста, здесь отсутствуют наследственные родовые связи, цехи появляются только тогда, «когда определенные исторические условия порождают изменчивость индивидуумов, не совместимую с существованием каст» [1].

Обмен товаров внутри общин первоначально отсутствует, он «начинается там, где кончается община, в пунктах ее соприкосновения с чужими общинами или членами чужих общин» [2]. Путем обратного действия товарообмен проникает внутрь общины. Развитию обмена способствует в некоторой мере и продуктовая форма ренты [3]. О существовании межобщинного обмена косвенно свидетельствует наличие в земледельческой общине специального чиновника для сопровождения гостей [4]. Внешняя торговля была почти исключительно функцией государства. Восточная деспотия представляла собой «потребляющее богатство» [5]. Впечатление богатства возникло здесь исключительно из-за сосредоточения почти всей массы прибавочного продукта в немногих руках. На самом деле это были бедные нации, становившиеся добычей торговых народов [6]. Ни купеческий, ни ростовщический капиталы не вызывали в условиях восточных деспотий «ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции» [7]. Они не могли разложить базу азиатского общества — земледельческую общину. Эта община погибла лишь в качественно отличных исторических условиях античных стран [8].

Индийская земледельческая община, о которой наука XIX в. располагала достаточными сведениями, послужила для Маркса и Энгельса как бы основной моделью исследования; в то же время для характеристики отдельных черт земледельческой общины и азиатского способа производст-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 352.
[2] Там же, стр. 97.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. II, стр. 358—359.
[4] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 370.
[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 363.
[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 26, ч. II, стр. 587.
[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 25, ч. I, стр. 363; ч. II, стр. 146.
[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.

ва в целом они широко привлекали примеры из истории других стран и народов — кельтов и славян, Египта и Перу, Индонезии и Бирмы [1]. Ряд чрезвычайно интересных замечаний Маркс и Энгельс сделали по истории Китая. Как и в Индии, единство мелкого земледелия с домашней промышленностью образует здесь широкий базис производства, однако, в отличие от Индии, общины здесь к XIX в. уже не существовало. Это высказывание Маркса заслуживает самого пристального внимания. Можно предположить, что даже разрушение такого основного элемента азиатского способа производства, как община, при сохранении сочетания домашней промышленности и мелкого земледелия в условиях деспотии и изоляции страны в целом от внешнего мира, не ведет к изменению способа производства. Очевидно, существенную роль здесь должно играть сохранение государственной собственности на землю. Следует, однако, отметить, что тезис о гибели земледельческой общины в Китае к началу XIX в. не является бесспорным. Во всяком случае, в ходе крестьянских восстаний наблюдалось ее восстановление.

Колониальная политика европейских держав была разоблачена Марксом и Энгельсом в многочисленных статьях. Вместе с тем Маркс и Энгельс вскрыли объективную сущность колониальной политики — подчинение капиталистическим способом производства обществ, покоившихся на более ранних и примитивных способах производства. В Индии древнеазиатский способ производства был окончательно уничтожен только в результате конкуренции английской промышленности и непосредственного воздействия политической власти колонизаторов. Узурпированная англичанами земельная рента-налог превратилась в средство уничтожения общей и насаждения частной земельной собственности. Земледелие при этом пришло в упадок, поскольку колонизаторы не заботились об орошении. Но главный удар общине, а тем самым и азиатскому способу производства, был нанесен разрушением домашнего прядения и ткачества, не выдержавших конкуренции с английской фабричной промышленностью. Уничтожение домашней промышленности обрекло индийскую земледельческую общину на неминуемую гибель. Однако, осущест-

---

[1] *Ф. Энгельс.* Бирма. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 14, стр. 288—291.

вив к середине прошлого века свою разрушительную миссию, английский капитал оказался перед фактом уничтожения собственного рынка и был вынужден начать созидательную работу. Буржуазия осуществляет прогресс, «заставляя как отдельных людей, так и целые народы идти тяжким путем крови и грязи, нищеты и унижений», —писал Маркс. Он предсказывал, что индийский народ лишь тогда сможет пожать плоды прогресса, когда правящие классы Великобритании будут вытеснены пролетариатом или сами индийцы станут «достаточно сильными, чтобы навсегда сбросить с себя английское иго» [1].

Однако буржуазия не везде разрушала условия существования старого способа производства. Голландский капитал предпочел сохранить земледельческие общины в Индонезии как базу для эксплуатации. (На этот факт обратил внимание Энгельс уже в 80-х годах прошлого века.) В результате такой политики «народ удерживают на ступени первобытной ограниченности» [2], препятствуя его развитию. Впрочем, и здесь, ограничивая земельную собственность общины и постоянно захватывая ее, колонизаторы подорвали основу существования общины [3]. Таковы результаты воздействия капиталистического способа производства на общества азиатского способа производства: либо гибель общин и неисчислимые страдания, сопровождающие прогресс на пути капитализма, либо сохранение общин как орудия самой нещадной эксплуатации и искусственное замедление процесса их разрушения.

* * *

Уже после того, как вышел в свет «Капитал», Маркс ознакомился с трудами Г. Л. Маурера. В письмах к Энгельсу Маркс дал им очень высокую оценку. «Он подробно доказывает, что частная собственность на землю возникла лишь позже...»,— пишет Маркс 14 марта 1868 г. «Выдвинутая мной точка зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами, получает здесь (хотя Маурер ничего об этом не знает) новое подтверждение». Маркс находит,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 9, стр. 228—229.

[2] Энгельс — Каутскому, 16 февраля 1884 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 36, стр. 96.

[3] См. *Э. А. Лалаянц.* Разложение сельской общины яванцев. «Страны и народы Востока», вып. 4, 1965.

что исследования Маурера «соответствуют социалистическому направлению»[1]. К работе Маурера Маркс неоднократно возвращается и впоследствии, еще в 1876 г. он составляет подробный конспект некоторых книг Маурера. Энгельс в свою очередь охарактеризовал сочинения Маурера как «классические»[2]; он указывал на большое влияние, которое Маурер оказал на развитие науки[3]. Работа Маурера побудила Энгельса предпринять ряд исследований по истории древних германцев, имевших большое теоретическое значение для исторической науки[4].

С появлением книг Маурера наука доставила доказательства того, что и в самой Европе, социальное развитие которой рассматривалось как противоположное азиатскому, существовала земледельческая община, составлявшая основную клеточку азиатского способа производства. Но в европейских условиях община быстро разложилась и исчезла.

Таковы факты. Некоторые социологи[5] предпочитают, однако, изображать отсутствие термина «азиатский способ производства» в поздних работах Маркса и Энгельса как отказ от самого понятия. Замалчивая факты истории науки, они по-своему толкуют развитие взглядов Маркса и Энгельса с конца 60-х годов. Оказывается, критика со стороны Бакунина и других анархистов, обвинявших Маркса и Генеральный Совет Интернационала в стремлении создать авторитарное государство, побудила Маркса и Энгельса начать скрывать свои взгляды относительно «государственного социализма» (очевидно, имеется в виду диктатура пролетариата). Оказывается, Маркс и Энгельс были объяты страхом перед неминуемым возрождением восточных деспотий, поскольку «диалектика истории» приводит к повторению одних и тех же явлений. Маркс и Энгельс только тогда обрели покой, когда появилось учение Моргана о первобытном коммунизме родового общества, по-

---

[1] Маркс — Энгельсу, 14 и 25 марта 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 36, 44.

[2] *Ф. Энгельс*. Эмигрантская литература. О социальном вопросе в России. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 544.

[3] *Ф. Энгельс*. Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 180.

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 442—546.

[5] *K. A. Wittfogel*. Oriental despotism. London, 1957, p. 387—388.

скольку теперь та же «диалектика истории» гарантировала повторение коммунизма в будущем [1].

На мгновение примем всерьез эти, с позволения сказать, объяснения. Причем здесь, однако, учение об азиатском способе производства? Хорошо известно, что в споре против Маркса Бакунин отрицал вообще всякое государство; «социальная самоликвидация», которую он проповедовал, означала распад общества на отдельные, независимые друг от друга общины и представляла собой не более как утопию. Почему же критика Бакунина должна была вынудить Маркса и Энгельса отказаться именно от своих взглядов на азиатский способ производства или скрывать их? Это во-первых. Во-вторых, когда и от кого скрывали Маркс и Энгельс учение о государстве и диктатуре пролетариата? Учение о диктатуре пролетариата пытались всячески исказить и скрыть от рабочих реформисты разных оттенков, и это обстоятельство тоже хорошо известно. Наконец, в-третьих, не менее хорошо известно, что свое учение об исторической необходимости пролетарской революции и коммунизма Маркс и Энгельс доказали на основе анализа капиталистического способа производства, а не мистической веры во «второе пришествие» коммунизма.

Что же остается от приведенных выше объяснений? Только желание поставить под сомнение научную добросовестность Маркса и Энгельса, желание представить марксизм как догму, а не как науку, наконец, желание опорочить социалистический строй, отождествив его со строем восточных деспотий. Ясно, что подобные «объяснения» эволюции взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства представляют собой чистейшую профанацию науки.

К проблеме земледельческой общины в ее восточной форме Энгельс обратился в «Анти-Дюринге». Характеристики земледельческой общины и восточной деспотии, данные здесь Энгельсом, в основном соответствуют тем, которые содержатся в «Капитале», однако Энгельс вносит в них ряд уточнений [2]. Самое важное добавление к прежним ра-

---

[1] *H. Constas.* Lewis H. Morgan in the Light of Anthropological Theory. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук (3—10 августа 1964 г.), т. IV. М., 1967, стр. 455—461.

[2] Однако *термин* «азиатский способ производства» в «Анти-Дюринге» не встречается. Отсутствие этого термина в произведе-

ботам — это постановка вопроса о возникновении государства и классов на стадии земледельческой общины. Значение этой попытки особенно важно, поскольку в «Капитале» вопрос о классе не был разработан Марксом.

Энгельс повсюду подчеркивает всеобщее распространение земледельческой общины: «все культурные народы» вступают в историю на этой стадии развития или «с весьма заметными» ее остатками [1]. Община основана на общей собственности на землю, первоначальное равенство в распределении продукта (равенство только для полноправных общинников — глав семей) является чем-то само собой разумеющимся [2]. Деспотия также основана на общей собственности [3] на Востоке (Индия, Персия), «она прежде всего — совокупный предприниматель в деле орошения речных долин...» [4].

Первоначальная причина возникновения государств заключалась в потребности «групп одноплеменных общин» обеспечить свои общие интересы, поэтому процесс складывания государств на Востоке опережает процесс образования классов [5]. Одной из причин возникновения классов была, по мнению Энгельса, «все возраставшая самостоятельность общественных функций по отношению к обществу...» [6].

ниях, написанных после 1867 г., мы связываем с изучением Марксом в 1868 г. работ Маурера, в которых он нашел подтверждение существования основы азиатского способа в Европе (см. «Народы Азии и Африки», 1965, № 3, стр. 77). Некоторые авторы считают более правильным объяснять отсутствие термина изменением самой концепции Маркса (П. Скальник и Т. Покора, а также Я. Печирка. См. «Eirene», 1966, V, p. 185; 1967, VI, pp. 159—161). Между тем, наличие в «Анти-Дюринге» концепции азиатского способа при отсутствии самого термина противоречит такому объяснению. Видимо, вопрос о применении термина нуждается в специальном объяснении. Можно предположить, что Маркс и Энгельс отказались от термина, учитывая его географический характер. Очевидно, по сходным причинам отказались они и от термина «античный способ производства». Можно предположить и другое: что термин «азиатский способ производства» применялся только в экономических произведениях.

[1] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 151, 180.

[2] См. там же, стр. 105, 151, 636.

[3] См. там же, стр. 647.

[4] Там же, стр. 184.

[5] Там же, стр. 152.

[6] Там же, стр. 184.

Вот как описан этот процесс в «Анти-Дюринге». Те общественные функции, которые выполняли отдельные лица в общине «под надзором всего общества», представляли собой «зачатки государственной власти». Постепенно, с ростом производительных сил, с увеличением плотности населения возникали «в одних случаях общность, в других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое, положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей.., отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами» [1].

Самый процесс образования классов Энгельс здесь не рассматривает. Он лишь отмечает, что самостоятельность общественных функций «могла со временем вырасти в господство над обществом»; что при благоприятных условиях слуга общества действительно превращался в господина над ним, что «господин этот выступал, смотря по обстоятельствам, то как восточный деспот или сатрап, то как греческий родовой вождь, то как кельтский глава клана и т. д.». Энгельс отмечал также, что «наконец, отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс» [2]. Он касается далее и характера этого класса — это был особый класс, существование которого в условиях неразвитой производительности труда неизбежно «для руководства работами, ведения государственных дел, для отправления правосудия, занятия искусством, наукой и т. д.» [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 184.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 187. Ср. с высказываниями Ленина в работе «О государстве»: «государство сводится именно к такому выделенному из человеческого общества аппарату управления»; «люди делятся на управляемых и на специалистов по управлению, на тех, которые поднимаются над обществом и которых называют правителями, представителями государства» (*В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 39, стр. 69, 72).

Это был один из путей образования классов. Другой состоял в постепенном разложении земледельческой общины. Первопричиной разложения было общение с внешним миром, которое порождало неравенство в распределении, а следовательно имущественные различия. Возникла частная собственность. Неравенство распределения влияет постепенно на обмен и само производство и ведет к изменению способа производства. Обработка земли отдельными семьями позволяет использовать дополнительную рабочую силу со стороны, однако ни община, ни союз общин еще не могли выделить свободной рабочей силы. Ее доставляла война. Так было открыто рабство [1].

Там, где общины разложились, «народы двинулись собственными силами вперед по пути развития, и их ближайший экономический прогресс состоял в увеличении и дальнейшем развитии производства посредством рабского труда» [2]. На Востоке, однако, этого не случилось, здесь рабство занимало подчиненное положение и существовало в форме домашнего [3]. Отсюда расхождение путей развития античных и восточных народов.

Итак, второй процесс образования классов остановился на Востоке на ранней стадии. Почему это произошло, Маркс и Энгельс еще не объясняют. В этот период все еще остается невыясненной сущность внутренних противоречий в общине, ее дуализм. Неясен поэтому и механизм ее разложения. Тем не менее и Энгельс и Маркс считали, что классовое общество существовало и на Востоке [4], но это

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 152, 165, 185.

[2] Там же, стр. 186.

[3] См. там же, стр. 164, 643.

[4] Можно усмотреть известное противоречие между концепцией Энгельса в «Анти-Дюринге» и следующим его высказыванием в предисловии к американскому изданию «Положения рабочего класса в Англии», написанном в январе 1887 г.: «В азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 348—349). Однако из данного указания Энгельса о существовании рабовладения в Азии вовсе не следует, что оно было там господствующим способом производства. Отсюда можно сделать лишь тот вывод, что в тех случаях, когда на Древнем Востоке наблюдалось классовое угнетение, оно было основано на рабовладении. Энгельс не только не отказывался в дальнейшем от выдвинутых им в «Анти-Дюринге» положений, но вновь повторял их. Спустя 14 лет, в немецком издании «Развития социализма от

было классовое общество, которое качественно отличалось от античных обществ. Не случайно Энгельс подчеркивает особый характер класса, причиной и источником существования которого был низкий уровень производительных сил и роль которого сводилась, в конечном счете, к управлению государством.

В «Анти-Дюринге» государственный строй восточных деспотий был рассмотрен с наибольшей полнотой, в дальнейшем Маркс и Энгельс уделяли внимание, главным образом, изучению общинных отношений в различных странах. Собираясь переработать заново отдел о ренте в «Капитале», Маркс читает десятки книг по истории аграрных отношений, в том числе по истории общинного строя [1]. Среди сохранившихся материалов наибольший интерес представляет подробный конспект книги русского социолога М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» [2]. В своем конспекте Маркс

утопии к науке» он снова писал: «Рядом с этим огромным большинством, исключительно занятым подневольным трудом, образуется класс, освобожденный от непосредственно производительного труда и ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 225—226). Это высказывание было воспроизведено также в издании «Анти-Дюринга» в 1894 г. (Соч., т. 20, стр. 293). Иногда ссылаются также на указание Энгельса в предисловии ко второму изданию «Анти-Дюринга» в 1885 г. для доказательства его полного отказа от прежних взглядов по вопросу о возникновении классов и государства (например, *В. Н. Никифоров.* См. его статью в сб.: «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока», стр. 14). Приводим это замечание Энгельса: «То, что мне хотелось бы еще изменить, относится... во-первых, к первобытной истории человечества, ключ к пониманию которой Морган дал нам только в 1877 году. Но так как с тех пор я имел случай в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих, 1884) использовать ставший мне доступным за это время материал, то достаточно будет указания на эту более позднюю работу» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, стр. 10). Как видно из текста, речь идет, прежде всего, о первобытности, которую следовало бы осветить с точки зрения открытого Морганом родового общества. Кроме того, если бы Энгельс считал что-то прямо неверным в своих прежних высказываниях по такому принципиальному вопросу, как возникновение государства, было бы более чем странным, если бы Энгельс это, по крайней мере, не оговорил.

[1] Маркс знакомится с работами Г. Хансена, Ф. Демелича, О. Утешеновича, Л. Кремази, П. А. Соколовского и других авторов (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 603).

[2] Конспект, составленный Марксом в 1879—1880 гг., опубликован. См. «Советское востоковедение», 1958, № 3, 4 и 5; «Проблемы

выделяет главные моменты в процессе разложения родовых общин у индейцев в Америке, у алжирских племен, наконец, у народов Индии. Маркс здесь, видимо, соглашается с тезисами Ковалевского о том, что семейная, или домашняя, община была первой ступенью разложения родовой общины с нераздельной земельной собственностью, он отмечает также последующие ступени ее разложения [1], подчеркивает главную роль жреческой клики в процессе индивидуализации семейной собственности и т. д.[2].

Важнейшее теоретическое значение имеют критические замечания Маркса в связи с тезисом Ковалевского о феодализации Индии. «На том основании,— пишет Маркс,— что в Индии встречаются «бенефициальная система», «отдача должностей на откуп» (последняя, однако, отнюдь не является чисто феодальной, доказательство — Рим) и коммендация,— Ковалевский усматривает в этом феодализм в западноевропейском смысле. Ковалевский забывает, между прочим, о крепостном праве, которого в Индии нет и которое представляет собой важный момент... Земля нигде в Индии не благородна, в том смысле, чтобы она была, например, неотчуждаема в пользу недворян! Впрочем, сам Ковалевский видит основное различие: отсутствие патримониальной юстиции в области гражданского права в империи Великого Могола» [3]. Маркс отмечает далее, что в конце империи Моголов даже те явления, которые Ковалевский относит к феодализму («так называемая феодализация»), имели место лишь в некоторых округах [4]. Еще более резкой критике подверг Маркс взгляды английского юриста Дж. Фира относительно феодализации индийской общины [5]. Эти замечания Маркса не оставляют никаких сомнений относительно его точки зрения о характере социального строя Индии к тому времени, когда здесь появились европейские колонизаторы; Маркс полагал, что в

востоковедения», 1959, № 1; «Народы Азии и Африки», 1962, № 2. См. также: *Л. С. Гамаюнов.* О записях Карла Маркса, сделанных им при изучении книги Максима Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения». «Советское востоковедение», 1958, № 2.

[1] «Советское востоковедение», 1958, № 3, стр. 11.

[2] «Советское востоковедение», 1958, № 4, стр. 13.

[3] «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 12.

[4] Там же, стр. 13.

[5] *К. Маркс.* Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне». «Народы Азии и Африки», 1964, № 1, стр. 75.

большей части Индии феодализма не было. Государства, которые застали здесь европейцы, представляли собой восточные деспотии, опиравшиеся на сельскую общину. И даже наметившееся разложение этого строя не вело еще к возникновению феодализма.

Принципиальное значение для понимания первобытной истории человечества имело открытие родового общества, сделанное американским ученым Льюисом Генри Морганом. Исследование Моргана, указывал Энгельс, «позволяет нам установить совершенно новые положения, так как дает нам своей предысторией отсутствовавшую до сих пор фактическую основу»; Энгельс высказал мнение, что «род в основном... разъясняет первобытную историю»[1]. Научный подвиг Моргана Энгельс оценил чрезвычайно высоко: Морган *«самостоятельно вновь открыл марксову теорию истории»*,— писал он[2]. После смерти Маркса Энгельс взял на себя выполнение задачи, которую не успел решить Маркс. В работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельс дал обобщение и теоретическое завершение наследия Моргана; в ней нашли также отражение замечания, сделанные Марксом в его конспекте «Древнего общества» Моргана[3].

В предисловии к этой работе Энгельс подчеркивает специфику родового общества: в отличие от последующих эпох важную роль в нем наряду с производством средств к жизни играют родовые связи. С ростом производства в рамках такого общества возникает имущественное неравенство[4]. Рост производительных сил, создание условий для имущественных различий превращает в конечном итоге и «общность интересов в антагонизм между членами рода»[5]. В конечном итоге борьба между возникающими классами

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 36, стр. 124.

[2] Энгельс — Зорге, 7 марта 1884 г. Там же, стр. 109.

[3] Конспект был составлен Марксом зимой 1880—1881 гг. См. Архив Маркса и Энгельса, т. IX, М., 1941.

[4] См. *Ф. Энгельс*. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 25—26. Ср. Энгельс — Марксу, 8 декабря 1882 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 35, стр. 103. См. об этом подробнее: *Н. Б. Тер-Акопян*. К. Маркс и Ф. Энгельс о характере первичной общественной формации. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968, стр. 67—88.

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 165.

ведет к разрушению родового общества, к созданию классового общества и государства, «низшими звеньями которого являются уже не родовые, а территориальные объединения» [1].

Прослеживая в своей книге последовательные стадии развития родового общества, Энгельс касается и той его стадии, на которой возникает сельская, или земледельческая община. Энгельс относит ее образование к периоду первого крупного общественного разделения труда, выделению пастушеских племен. Именно на этой ступени развития производительных сил гибнет матриархат и торжествует патриархальный род. На этой же ступени возникает и рабство [2]. Патриархальная родовая община постепенно распадается на домашние общины, которые в свою очередь являются переходными ступенями к сельской общине. Для России такой путь развития считается доказанным, есть основания предполагать, что аналогичные ступени предшествовали и германской марке [3].

Энгельс рассматривает также конкретные исторические примеры разрушения родового общества и возникновения государства в Афинах, в Риме и у германцев. На этих трех примерах, взятых из европейской истории, Энгельс вскрывает классовую сущность государства, показывая в то же время разнообразие его форм.

Некоторые буржуазные авторы усматривают противоречие между определением сущности государства в данной работе Энгельса и точкой зрения Маркса и Энгельса на причины образования восточных деспотий (необходимость контроля над силами природы). В самой постановке вопроса имеется, однако, известная путаница. Ведь Энгельс вовсе не рассматривает здесь примеры возникновения государства в каких-либо других странах, кроме европейских, и специально это оговаривает [4]. Его вывод о сущности государства сделан на основе тех примеров, которые он анализирует, и касается прежде всего рабовладельческого и феодального государства. Кроме того, Энгельс здесь рассматривает примеры, когда земледельческая община гибнет, а на Востоке именно этот общественный институт сохраняется еще на сотни лет. Таким обра-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 26.
[2] См. там же, стр. 160—161.
[3] См. там же, стр. 62, 63, 134, 140.
[4] См. там же, стр. 169.

зом, нет никакого противоречия между точкой зрения Энгельса в данном произведении и более ранними его высказываниями.

Речь здесь идет просто о совершенно различных вещах. Надо констатировать, что в обществах, в которых базисом оставалась земледельческая община, действовали иные закономерности. Напомним, что, говоря в «Анти-Дюринге» о процессе классообразования в подобных обществах, Энгельс подчеркивает особый характер господствующего класса, его непосредственную связь с функцией управления, он указывает при этом, что главным условием существования этого класса является низкий уровень развития производительных сил, а не рост производительных сил, который в конечном итоге является причиной возникновения классов и государства у античных народов и у германцев. Итак, существуют глубокие различия между рабовладельческими обществами и обществами, в которых базисом является конгломерат сельских общин.

В развитии взглядов Маркса и Энгельса на земледельческую общину большую роль играло изучение ими общинного строя русского крестьянства. Именно на примере русской общины им удалось открыть сущность общинного строя, его внутренние противоречия.

Русская община стала предметом изучения Маркса и Энгельса еще в начале 50-х годов, когда они только приступили к исследованию азиатского способа производства. «В России земля, занимаемая крестьянской общиной, принадлежит не отдельным крестьянам, а всей общине»,— отмечает Маркс уже в январе 1853 г., сравнивая русскую общину с шотландским кланом [1]. В дальнейшем Маркс устанавливает, что у славян в видоизмененной форме сохранилась восточная община; наконец, у славянских (и у румынских) общин Маркс отмечает обработку земли отдельными наделами, при коллективной собственности на землю [2].

* * *

Выводы Маркса и Энгельса, сделанные на основе сравнительного изучения различных форм общины в разных странах, резко отличались от представлений об общине,

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 8, стр. 523.

[2] См. *К. Маркс*. Экономические рукописи 1857—1859 годов. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 46, ч. I, стр. 464, 485, 487.

которые сложились у русских народников. Маркс еще в 1859 г. в работе «К критике политической экономии» писал: «В последнее время распространился смехотворный предрассудок, будто форма *первобытной* общинной собственности есть специфически славянская или даже исключительно русская форма. Она — первобытная форма, которую мы можем проследить у римлян, германцев, кельтов; целый ряд ее разнообразных образцов, хотя отчасти уже в разрушенном виде, до сих пор еще встречается у индийцев» [1]. Впоследствии открытия Маурера позволили Марксу установить сильное сходство русской общины с германской архаической маркой; Маркс вместе с тем указывал и на отличительные особенности русской общины — патриархальное устройство и круговую поруку. Именно эти черты облегчали эксплуатацию общины [2].

Впервые обстоятельную критику народнических взглядов дал Энгельс в статье «О социальном вопросе в России» в 1875 г. В этой работе Энгельс осветил историческую роль общинного строя в различные периоды и в различных странах и показал, что капиталистические отношения уже разлагают крестьянскую общину в России. Энгельс впервые выдвинул здесь тезис о возможности сохранения русской общины и ее перехода в высшую форму при условии победы демократической революции в России и одновременной победы пролетарской революции на Западе [3]. И Маркс и Энгельс неизменно подчеркивали, что несмотря на теоретическую возможность сохранения общины, она только в том случае сможет стать «точкой опоры социального возрождения России», если будет устранено тлетворное влияние капитализма. Капиталистические элементы получали прямую поддержку государства. «Жизни русской общины угрожает... угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами, взращенными за счет крестьян тем же государством». Маркс и Энгельс предупреждали, что быстрое развитие капитализма в России оставляет с каждым днем все меньше надежд на сохранение общины [4]. Когда в России в конце 70-х — начале 80-х годов

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 13, стр. 20. Примечание.
[2] См. Маркс — Энгельсу, 14 марта и 7 ноября 1868 г. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 36, 158.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 545—546.
[4] См. *К. Маркс.* Письмо в редакцию «Отечественных записок». *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 119; К. Маркс. Письмо В. И. Засулич, 8 марта 1881 г. Там же, стр. 251, 415.

сложилась революционная ситуация, Маркс и Энгельс вновь выступили со своим тезисом о возможности сохранения русской общины. В предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» они писали: «Но рядом с быстро развивающейся капиталистической горячкой и только теперь образующейся буржуазной земельной собственностью мы находим в России бо̀льшую половину земли в общинном владении крестьян. Спрашивается теперь: может ли русская община — эта, правда, сильно уже разрушенная форма первобытного общего владения землей — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму общего владения? Или, напротив, она должна пережить сначала тот же процесс разложения, который присущ историческому развитию Запада?

Единственно возможный в настоящее время ответ на этот вопрос заключается в следующем. Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополнят друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» [1].

Исследование положения русской общины позволило Энгельсу сделать два теоретических вывода большой важности. Во-первых, было доказано, что и в условиях независимой страны (а не только колониальной, как Индия) капитализм приспосабливает общину для целей эксплуатации, постепенно разлагает ее и, наконец, полностью разрушает [2]. Во-вторых, была выработана теоретическая основа для тактики рабочего класса после победы социалистической революции в отношении отсталых стран, сохраняющих еще общинный строй. Энгельс указывал, что в случае победы рабочего класса отсталые страны «могут использовать... остатки общинного владения и соответст-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 305. С бурным развитием капитализма в России возможность сохранения общины отпала уже в 80-е годы. Реализовалась именно та возможность, которую Маркс считал наиболее вероятной в своем прогнозе в конце 70-х годов. Очень большой интерес в этой связи представляют письма Энгельса к русскому народнику Н. Даниельсону в конце 80-х — начале 90-х гг., в которых анализ развития России в этот период совпадает в основных чертах с оценкой, данной В. И. Лениным в его работах 90-х годов.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 443, 444; т. 36, стр. 96—97.

вующие им народные обычаи как могучее средство для того, чтобы значительно сократить процесс своего развития к социалистическому обществу» [1].

Это были, однако, не единственные выводы, сделанные в связи с русским материалом. В черновых набросках своего письма к В. Засулич Маркс высказывал ряд положений, раскрывающих сущность сельской, или земледельческой, общины, к которой он относил также и русскую общину, и определил в основном ее роль в историческом процессе. Авторы, занимающиеся исследованием азиатского способа производства, сосредоточивая свое внимание на произведениях 50—60-х годов, мало касаются этих чрезвычайно важных документов.

Маркс выдвинул здесь положение о существовании в истории человечества двух больших эпох, двух формаций: архаической, или первичной, основанной на общей собственности, и вторичной формации, основанной на частной собственности и охватывающей ряд рабовладельческих и феодально-крепостнических обществ, а также, очевидно, и капиталистическое общество [2]. Архаическая формация состоит как бы из ряда напластований, последним из которых является земледельческая община. Представляя собой, таким образом, последний этап, последнюю фазу развития архаической формации, земледельческая община является переходом от первичной формации к вторичной [3]. От более ранних типов общин земледельческую общину отличает отсутствие кровнородственных связей. ««Земледельческая община» была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами» [4]. Но главное ее отличие состоит в ее внутреннем дуализме: при общей собственности на землю здесь существует уже парцеллярная обработка земли (в отличие от коллективной обработки и соответствующего распределения в более древних типах общин), дом и усадьба находятся в частном

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 446.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 413, 419. Маркс не называет капиталистического общества, считая факт его принадлежности к вторичной формации, основанной на частной собственности, само собой разумеющимся (эта точка зрения обоснована в статье Г. А. Багатурия. Цит. соч., стр. 163). К этому рассуждению следует только добавить, что у Маркса здесь речь идет о земельной собственности.

[3] Там же, стр. 419.

[4] Там же, стр. 418.

владении. «Понятно, что *дуализм,* свойственный строю земледельческой общины, может служить для нее источником большой жизненной силы. Освобожденная от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из нее вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин» [1].

В этом дуализме заключается и объяснение переходного характера земледельческой общины. В зависимости от условий исторической среды, в общине могут восторжествовать общая или частная собственность [2]. Маркс высказывает предположение, имея в виду, очевидно, древние общества, что причины распада земледельческих общин в тех случаях, когда это имело место, очевидно, вытекали «из экономических данных, которые мешали им пройти известную ступень развития...» [3].

Маркс указывает далее, что изолированность земледельческих общин встречается не всюду, но повсюду, где она встречается, она «воздвигает над общинами централизованный деспотизм» [4].

Таково содержание последних высказываний Маркса относительно земледельческой общины.

Следовательно, при внутреннем дуализме общины расхождение путей развития различных обществ определяет историческая среда. При огромной жизнеспособности земледельческой общины были возможны и такие состояния отдельных обществ, которые являются застойными. Они наиболее характерны для обществ, в которых общины изолированы друг от друга и представляют собой, по выражению Маркса, *«локализованный микрокосм»* [5]. В этих случаях над конгломератом общин воздвигается деспотизм, первопричиной появления которого является необходимость контроля над силами природы. Однако уже сложившийся деспотизм, по-видимому, является одним из условий исторической среды, мешающих разложению общин, спо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 418—419.
[2] Там же, стр. 419.
[3] Там же, стр. 402.
[4] Там же, стр. 414.
[5] Там же, стр. 405.

собствующих застою. Общества, которые Маркс в 50-х годах относил к обществам, где господствовал азиатский способ производства, очевидно, представляют собой последнее напластование архаической формации. Они сохраняются или переходят к высшей ступени развития в зависимости от условий конкретной исторической среды. Земледельческая община, являющаяся основным элементом азиатского способа производства, способна сохраниться и в иной исторической среде в виде уклада.

* * *

Подводя итоги изложенному, следует подчеркнуть, что Маркс и Энгельс еще на стадии формирования своего учения проводили различие между обществами, базисом которых были земледельческие общины, и обществами с иной экономической основой. Тогда они усматривали различие между обществами в разном типе разделения труда, в существовании, в частности, кастового строя. В 50—60-х годах они исследовали эти общества, главным образом, на материале азиатских стран. Определяя социально-экономическую и политическую характеристику таких обществ, они в этот период пользуются термином «азиатский способ производства». После того, как было установлено существование земледельческой общины у германцев, этот термин был ими отброшен. Исследования Моргана позволили Марксу и Энгельсу определить историческое место земледельческой общины как последней фазы архаической формации, как переходного этапа ко вторичной формации, основанной на частной собственности. Следовательно, и общества, в которых земледельческая община служила базисом производства, относятся к последнему этапу архаической формации. Будучи основанными на земледельческой общине, они являются вместе с тем переходными. Сущность земледельческой общины заключается в ее дуализме, в котором, как в зародыше, заложены возможности расхождения дальнейших путей исторического развития. Дальнейшее развитие зависит непосредственно от конкретной исторической среды.

Маркс и Энгельс показали, что в определенных условиях земледельческая община служит основой обширных деспотических государств, в других условиях таких государств не возникает, община быстро разлагается и гибнет. На ее развалинах возникает рабовладельческое общество. Там,

где земледельческая община продолжает сохраняться и доживает до начала капиталистической эпохи, она неизбежно гибнет при соприкосновении с капиталом. Историческая среда в этом случае благоприятствует развитию частнособственнической тенденции внутри общины и разлагает общину.

Историческое исследование взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства показало развитие категории азиатского способа в произведениях Маркса и Энгельса и раскрыло связь этого развития с прогрессом конкретных наук на протяжении почти всей второй половины XIX века. Оно показало также, что категория азиатского способа производства составляла органическую часть учения Маркса об общественных формациях [1].

---

[1] Литература по проблеме азиатского способа производства, вышедшая за последние годы, весьма обширна. Мы ограничимся здесь указанием лишь на некоторые работы, непосредственно затрагивающие тему нашей статьи. *В. Н. Никифоров* в статье «К. Маркс и Ф. Энгельс об азиатском способе производства» (в кн.: «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока». М., 1971), написанной в полемическом плане, отстаивает прежнюю точку зрения советской науки в этом вопросе. В обзорной работе *Ю. В. Качановского* «Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства» (М., 1971) взгляды Маркса и Энгельса освещены, к сожалению, совершенно недостаточно. Заслуживает внимания книга *М. А. Виткина* «Восток в философско-исторической концепции К. Маркса и Ф. Энгельса». М., 1972. См. также монографию *Ю. М. Бородай, В. Ж. Келле, Е. Г. Плимак* «Принцип историзма в познании социальных явлений». М., 1972. Подробные списки литературы имеются в упомянутых выше работах, а также в наших статьях об азиатском способе производства (см. БСЭ, изд. 3, т. 1, стр. 279; Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Т. 1. М., 1972, стр. 42—43).

И. П. ОСОБОВА

И. Ф. БЕККЕР И ЛАССАЛЬЯНСТВО

Иоганн Филипп Беккер (1809—1886), выдающийся деятель международного рабочего движения, соратник К. Маркса и Ф. Энгельса в I Интернационале, проделал сложный путь теоретического развития. Интересную и пока слабо изученную страницу биографии этого замечательного человека представляет его отношение к Лассалю и лассальянству.

* * *

В октябре 1860 г. Беккер приехал в Италию, чтобы сформировать немецко-швейцарский отряд добровольцев в помощь Гарибальди. Лассаль в это же время совершал поездку по стране в качестве представителя немецкой революционной партии. Он обратился к Марксу за рекомендательными письмами к Гарибальди, Мадзини и их сторонникам и получил от него небольшую записку с рекомендацией к Беккеру[1]. Этим письмом Лассаль не воспользовался по причине, которую он объяснил Марксу следующим образом: «Моя итальянская поездка,— писал Лассаль,— была для меня чрезвычайно поучительной. Я познакомился почти со всеми руководящими деятелями в различных городах, которые я посетил, и т. д. Мое пребывание у Гарибальди было *очень* интересно! Кстати о Беккере! Ты *плохо* осведомлен о его положении в Италии. Большинство его совсем не знает. Те, которые знают его, считают его хвастуном, бездельником и шарлатаном. С Гарибальди он не только не находится в «интимных» отношениях, но между ними *нет никаких* отношений. Он

---

[1] Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу. СПб., 1907, стр. 338—339.

хорош только с Тюрром, который, *безусловно*, является наполеоновской креатурой, и которому он стоит денег. Это к твоему сведению. Впрочем, я не встречался с Беккером ни в одном городе, но, после всего сказанного, я все равно не использовал бы твое письмо к нему. Ты знаешь, как часто нам приходится за границей больше всего остерегаться как раз своих земляков!» [1]

Маркс к этому времени достаточно хорошо знал и Беккера, и Лассаля, чтобы не принять на веру сообщение Лассаля. Маркс сообщил отзыв Лассаля в Париж своему старому соратнику Шили, близкому другу Беккера, через которого он держал постоянную связь с Беккером во время его пребывания в Италии. Маркс писал Шили: «Как мало вообще можно полагаться на сообщения, сделанные по слухам, ты можешь убедиться из следующего места одного письма Лассаля. Чтобы ты понял, о чем идет речь, одно предварительное замечание: несколько месяцев тому назад Лассаль отправился с графиней Гацфельдт в итальянское путешествие, и я дал им рекомендательное письмо к нашему И. Ф. Беккеру. Итак, Лассаль пишет мне из Генуи:.. [2] После его возвращения в Берлин я ему как следует намылю голову за эту «информацию». Тем временем было бы неплохо получить от Беккера подробности его отношений с Гарибальди» [3].

Беккер в письме Шили 20 апреля 1861 г. объяснил, что все дело заключалось в источнике, из которого Лассаль черпал свою информацию,— в пробонапартистски настроенных кругах европейской эмиграции в Италии. «То, что Лассаль сообщил в свое время Марксу, весьма примечательно,— писал он.— Впрочем, я уже давно должен был догадаться о желании Кошута, Клапки и всех друзей и сообщников Фогта найти повод унизить меня. Именно это и чувствуется в отзыве Лассаля. Даже Мерославский стал интриговать против меня, как только заметил, что у меня нет желания плонплонизировать или полонизировать немецкое дело; у меня есть доказательства этого. Между

---

[1] Ф. Лассаль — Марксу, 22 ноября 1861 г. *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe und Schriften. Bd. III, Stuttgart — Berlin, 1922, S. 385. См. также Письма Лассаля, стр. 340 (перевод исправлен).

[2] Далее следует приведенная выше выдержка из письма Лассаля Марксу от 22 ноября 1861 г. (кроме последней фразы).

[3] Письмо Маркса, написанное осенью 1861 г., не сохранилось. Цитируется по письму В. Шили — И. Ф. Беккеру, 4 марта 1862 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 54/4 (публикуется впервые).

прочим, я никогда не требовал и не получал от итальянцев ни одного сантима. *Напротив, у меня хранится лестное письменное выражение признательности с их стороны*[1]. С Тюрром я после его отъезда из Неаполя (14 ноября 1860 г.) больше не общался, хотя он много раз приезжал в Геную, и, по вполне понятным причинам, не осмелился бы отказать мне ни в одной просьбе. Но из-за его связей с пауками (бонапартистами.— *И. О.*), я ни в коем случае не хотел иметь с ним ничего общего и предпочитал обходиться без него. Вообще, если бы я пожелал примкнуть к министерской клике, то смог бы обеспечить себе прекрасное положение. Но за 30 лет я ни разу не мог упрекнуть себя в политической непоследовательности и не собираюсь давать повод для этого ни теперь, ни когда бы то ни было»[2]. Беккеровское разъяснение было отправлено Шили 2 мая 1862 г. Марксу в Лондон[3]. Но еще до получения этого послания Маркс выполнил свое намерение в отношении Лассаля. «Головомойка» последовала 28 апреля 1862 года. Маркс защитил честное имя Беккера и его преданность революционному делу: «То, что ты сообщаешь в последнем письме относительно И. Ф. Беккера, совершенная неправда,— писал Маркс Лассалю.— Иными словами, ты знаешь этого человека только по слухам. Он с 1830 г.— один из благороднейших немецких революционеров, человек, которого можно упрекнуть разве только в энтузиазме, не считающемся с обстоятельствами. Что касается его связей с итальянцами, то *у меня хранятся* бумаги близкого друга Орсини (по-видимому, Симона Бернара.— *И. О.*), не оставляющие никакого сомнения на этот счет, что бы ни говорили итальянцы и даже сам Гарибальди. Что касается его отношения к Тюрру,— которого я разоблачил здесь в «Free Press» еще *до* 1859 г.,— то дело состоит в следующем: во время баденской кампании Беккер произвел Тюрра в лейтенанты, поэтому у них и возникли своего рода товарищеские отношения. Если бы Беккер пожелал использовать эту связь и принял предложения, сделанные ему Тюрром в Париже в *присутствии* одного из моих тамошних друзей (Шили.— *И. О.*), то ему не пришлось бы в

---

[1] Возможно, Беккер имеет в виду письмо Мадзини к нему 16 июня 1861 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 55/1. Немецкий перевод в «Neue Zeit», 1888, S. 458—459.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/7.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1311.

60-летнем возрасте вести ту мученическую жизнь, которую он в действительности ведет. Мне совершенно точно известен источник, из которого Беккер получает весьма скудные денежные пособия. Помогающие ему люди принадлежат к нашему *ближайшему* кругу [1]. С некоторой частью итальянцев он действительно разошелся, так как его сильное тевтонское чувство не позволило ему согласиться с некоторыми *благожелательными* в отношении него планами. Поистине возмутительно, что на таких людей, как Беккер, так подло клевещут» [2].

После основания 23 мая 1863 г. Всеобщего германского рабочего союза Лассаль развил активную деятельность, стараясь вовлечь в Союз всех более или менее известных деятелей демократического направления. О Беккере ему напомнил редактор гамбургской газеты «Nordstern» Карл Брун, предоставивший свою газету в распоряжение лассалевского Союза. Лассаль поручил Бруну связаться с Беккером, а затем сам 13 июля 1863 г. направил ему письмо, в котором объяснял итальянский инцидент неправильной информацией из пробонапартистских эмигрантских кругов [3].

Для Беккера главным было дело, и бестактностям, проявленным лично к нему, он умел не придавать серьезного значения. «Вашего письма было более чем достаточно, чтобы навсегда разогнать мрачную тучу, мешавшую сердечным отношениям между нами»,— ответил он Лассалю и после этого ни разу не упоминал об этой истории [4].

Лассаль предложил Беккеру вступить во Всеобщий германский рабочий союз и стать его уполномоченным для французских и итальянских кантонов. Немецкие он оставлял за Гервегом, который до этого представлял Союз в Швейцарии [5].

---

[1] Деньги для возвращения Беккера из Италии были собраны Шили и Боркхеймом среди немецких эмигрантов в Париже и Лондоне. Сообщениями о сборе средств полны их письма Беккеру за 1861—1862 годы. Об этом упоминает также Лотар Бухер в 1882 г. (см. *M. Busch.* Tagebuchblätter. Bd. III, Leipzig, 1899, S. 104—105).

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 511; подробнее о деятельности Беккера в Италии см. нашу статью в сб. «Маркс и некоторые вопросы международного рабочего движения XIX века». М., 1970.

[3] *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 36, 192.

[4] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 1 августа 1863 г. *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 208.

[5] Ibid., S. 36—37.

Беккер с энтузиазмом откликнулся на призыв Лассаля выступить в поддержку немецкого рабочего движения. От официального мандата уполномоченного он, однако, отказался, ввиду особых условий, в которых приходилось действовать в Швейцарии. «Я чрезвычайно рад движению рабочих, которых Вы привели к основанию здоровой народной партии..,— писал Беккер Лассалю.— Само собой разумеется, что я всеми силами и со всем пылом моего сердца буду содействовать Вам в осуществлении Вашей великой цели. Но я полагаю, что смогу принести больше пользы, если *не* буду пока занимать в движении официального поста. В этом случае не только я смогу действовать более беспристрастно, но и рабочие, сознание которых затемнено махинациями Национального союза, смогут с большей непредвзятостью и непосредственностью воспринимать мои высказывания и поступки... Поэтому оставьте нашему другу Гервегу упомянутые полномочия для всей Швейцарии и будьте уверены, что я со всей энергией буду содействовать ему» [1].

Главную задачу на данном этапе движения Беккер видел в пропаганде. С этой целью он рекомендовал основать в Женеве научный ежемесячник. К сотрудничеству он предлагал привлечь Маркса, Фрейлиграта, Шили, Гесса и др. «Мы должны объединить все силы, чтобы, подобно французским энциклопедистам прошлого века, проложить путь новой литературе, вырабатывающей понятие справедливости. Четвертое сословие должно к моменту своего освобождения иметь свою литературу, которая будет литературой для всего народа, для всех народов, то есть для всего человечества» [2].

Что касается непосредственной агитации среди швейцарских рабочих за присоединение к лассалевскому Всеобщему германскому рабочему союзу, то Беккер наметил выпустить ряд обращений и совершить агитационную поездку по стране, чтобы разъяснить цели Союза рабочим и подобрать толковых людей для организационной работы на местах [3]. Хорошо зная местные швейцарские условия, Беккер собирался создавать общины Союза, не разрушая

---

[1] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 1 августа 1863 г. *F. Lassalle*. Op. cit., Bd. V, S. 209.

[2] Ibid.

[3] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1863 г. *F. Lassalle*. Op. cit., Bd. V, S. 210.

существовавшую систему рабочих обществ. Некоторые общины можно было создать из рабочих, еще не охваченных организацией, так как именно среди них находились наиболее энергичные и образованные элементы. Другая возможность — завоевать на свою сторону уже существующее рабочее общество. Для этого достаточно заполучить в нем трех умных парней, и все общество будет вскоре втянуто в орбиту нашего движения,— писал Беккер Лассалю [1].

Эта тактика впоследствии с успехом была применена Беккером для основания в Швейцарии секций Международного Товарищества Рабочих. Однако в отношении лассалевского Союза она дала ничтожные результаты.

Беккер пытался заинтересовать Лассаля также своим старым организационным планом построения революционной партии, с которым он в 1861 г. обращался к Марксу и который был сурово раскритикован Шили. Швейцария, согласно этому плану, должна служить центром, который будет руководить движением в Германии. Внутри открыто действующего союза организуется тайное объединение сознательных, верных и надежных элементов, ибо «всякая посредственность охотно подчиняется компактной, последовательной интеллектуальной силе». План может видоизменяться смотря по обстоятельствам и ходу событий [2].

Однако и на этот раз Беккер проявил «энтузиазм, не считающийся с обстоятельствами». В данном случае его послание, очевидно, не совсем соответствовало тому, что ожидал от него Лассаль. Вместо того чтобы официально объявить себя членом Союза и с благодарностью принять мандат уполномоченного, Беккер занимает позицию равноправного партнера и даже делает контрпредложения, которые вряд ли могли прийтись по душе такому честолюбивому человеку, как Лассаль. Организационный план Беккера наверняка должен был вызвать не меньшее раздражение Лассаля, чем недовольство друзей Маркса, но совершенно по другой причине. «Будущий рабочий диктатор» [3], как назвал Лассаля Маркс, отнюдь не собирался делить свою власть ни с каким объединением «интеллектуальных сил».

---

[1] См. И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1863 г. *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 211.

[2] Ibid.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 278.

Ответа на свое послание Беккер не получил. Сильно раздосадованный, он поручил Бруну узнать, дошло ли его письмо до адресата [1]. Однако личная обида на Лассаля не могла послужить препятствием к активным действиям Беккера в поддержку Союза.

В июле 1863 г. швейцарские радикалы созвали, по случаю праздника стрелков в Ла-Шо-де-Фоне, международный демократический конгресс. Беккер принял самое деятельное участие в его организации [2]. Он выступал здесь как представитель не только немецкой демократии, но и немецкого рабочего класса. Он обосновывает необходимость участия рабочих организаций в демократическом движении. В его представлении борьба рабочего класса за свое освобождение и борьба европейской демократии против реакционных режимов должны дополнять друг друга; «ведь с последней катастрофой, которую мы все подготавливаем, с последней классовой битвой должна прекратиться и битва наций»,— писал он Лассалю. На заседания конгресса были посланы официальные приглашения Лассалю и всем уполномоченным Всеобщего германского рабочего союза, а также Лондонскому просветительному обществу немецких рабочих. Беккер хотел воспользоваться конгрессом, как поводом «между делом обсудить многие вопросы рабочего движения» [3].

На конгрессе присутствовали швейцарцы, немцы, итальянцы, французы, бельгийцы, испанцы. От лассалевского Союза никто не прибыл. Из Лондона пришло письмо от И. В. Вебера, который передал Беккеру привет от Маркса и сообщал, что уполномочен просветительным обществом выступить на следующем конгрессе демократов в Брюсселе в защиту Польши [4]. Был избран комитет из 13 человек с местонахождением в Женеве, в котором усилиями Беккера «народная партия», как он называет своих

---

[1] К. Брун — Ф. Лассалю, 14 декабря 1863 г. *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 265.

[2] Беккер намеревался прочитать на конгрессе доклад: «Борьба народов против завоевательной политики Французской империи». Его тост в честь «союза народов» был опубликован 1 августа 1863 г. в «Nordstern» (*F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 211).

[3] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1863 г. *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 212.

[4] *R. Dlubek.* Johann Philipp Becker. Vom radikalen Demokraten zum Mitstreiter von Marx und Engels in der I. Internationale (1848—1864/65). Diss. Berlin, 1964, S. 285.

сторонников и единомышленников, получила преобладающее влияние. Беккер, в частности, настоял, чтобы вместо Карла Грюна, решительного противника Лассаля, в комитет был избран друг последнего Рюстов [1].

В августе 1863 г. Беккер пишет брошюру «Открытое письмо рабочим о Шульце-Деличе и Фердинанде Лассале, буржуазии и пролетариате» [2]. Он посвящает свою работу немецкой и швейцарской молодежи. Если не считать не дошедших до нас докладов, прочитанных Беккером в конце 1862 г. в «Швейцарском союзе» об «исторической задаче духовного и материального труда и рабочих», и отдельных мест из книги «Как и когда?», брошюра является первым систематическим изложением взглядов Беккера на рабочее движение.

В сравнении с тем, что было сказано об исторических задачах рабочего класса в книге Беккера «Как и когда?», «Открытое письмо» представляет громадный шаг вперед. В книге, вышедшей всего годом раньше (в мае 1862 г.), Беккер призывал буржуазию и пролетариат объединиться для совместной борьбы с монархией, считал открытую борьбу между ними несчастьем и стремился предотвратить ее всеми средствами. Он убеждал буржуазию и рабочих сначала покончить с феодализмом, прежде чем пытаться уладить свои собственные разногласия [3]. В «Открытом письме» от этих заблуждений не осталось и следа. Как и в книге 1862 г., Беккер отмечает тенденцию современного общества — все более распадаться на два основных класса: «В процессе социального развития... всякий современный государственный организм разделяется на два все более четко вырисовывающихся класса — на господствующий и подчиненный, на эксплуатирующий и эксплуатируемый, на богатеющий и беднеющий — на буржуазию и пролетариат». Для достижения полного господства буржуазия заинтересована в радикальном демократическом преобразовании общества, уничтожении всех феодальных остатков — ликвидации монархий, введении единых мер, весов,

---

[1] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1863 г. *F. Lassalle.* Op. cit., Bd. V, S. 212.

[2] *J. Ph. Becker.* Offener Brief an die Arbeiter über Schulze-Delitzsch und Ferd. Lassalle, die Bourgeoisie und das Proletariat. Genf, 1863.

[3] *J. Ph. Becker.* Wie und Wann? Genf, London, Manchester, 1862, S. 72, 82.

монеты, пошлин, политического объединения своей страны в единую республику и т. д.[1] Но современная буржуазия неспособна решительно идти к своей политической цели. Объясняется это не только нежеланием рисковать, идти на жертвы[2], но и боязнью рабочего класса: «Неизлечимый страх перед требованиями пролетариата лишает буржуазию всякой исторической инициативы», заставляет ее мириться с деспотизмом,— утверждал Беккер. Расстрел картечью парижского пролетариата в 1848 г., одобрение буржуазией всей Европы государственного переворота Луи Бонапарта, трусость и нерешительность североамериканской буржуазии в проведении радикальных мер по искоренению рабства, равнодушие европейской буржуазии к расправе с мексиканской республикой и польской нацией, бездеятельность Национального союза в Германии против юнкерской партии — факты из истории последних 15 лет, которыми Беккер иллюстрировал свой вывод[3].

В «Открытом письме» Беккер провозглашал право рабочего класса на самостоятельную роль и борьбу за свои классовые интересы. «Когда в 1848 г. французская буржуазия, свергнув монархию, хотела *закончить* революцию 1789—1793 годов, то есть установить свое господство, пролетариат впервые появился как самостоятельный класс и исторический фактор на арене истории, чтобы *начать* свою революцию — борьбу за политическое и социальное равноправие». Спор, который идет сейчас между Лассалем и Шульце-Деличем, разъяснял Беккер, не сводится к проблеме — самопомощь или государственная помощь. Он глубже, и ищет ответ на гораздо более важный вопрос: «Кому принадлежит историческая инициатива — господствующему и эксплуататорскому классу, или угнетаемому и эксплуатируемому?»[4]. Ответ Беккера на этот вопрос представляет собой полную противоположность тем выводам, которые он сформулировал год назад. В «Открытом письме» Беккер призывает рабочий класс к самостоятельной политической борьбе: «Если политическая деятельность рабочего класса растворится в политической деятельности бур-

---

[1] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 3, 7, 9.

[2] Энгельс отмечал «вечное стремление к порядку и спокойствию», которые охватывают буржуазию после «сильных потрясений» и «дезорганизации деловой жизни» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 66).

[3] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 23.

[4] Ibid., S. 3, 26.

жуазии, это будет означать поражение народного дела, если наоборот... то это будет означать здоровое течение истории» [1]. Противоположность обоих классов столь велика, что никому еще не удалось «сгладить противоречия и выработать *политическую* программу примирения обоих лагерей»,— утверждал Беккер. Он не советовал народу искать вождей в лагере буржуазии [2].

Итак, самостоятельная, независимая от буржуазии политическая борьба рабочего класса за свои интересы — первое положение, несомненно отличающее позицию Беккера в «Открытом письме» от его точки зрения на рабочее движение в книге «Как и когда?».

Какой путь должен избрать рабочий класс и какие средства применить, чтобы добиться политического освобождения и избавиться от социального гнета? — ставит вопрос Беккер. И отвечает: «Он должен, прежде всего, создать сплоченную, хорошо организованную, строго дисциплинированную социал-демократическую партию» [3].

Осознание Беккером необходимости политической организации рабочего класса, независимой от либеральной буржуазии и демократической мелкой буржуазии — второе важное теоретическое достижение, к которому он приходит в 1863 году.

К этим выводам Беккер пришел еще до начала агитации Лассаля. Деятельность Лассаля, который, по словам В. И. Ленина, «превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию» [4], была воспринята Беккером как практическое осуществление его собственных идей. Поэтому он горячо приветствовал рождение Всеобщего германского рабочего союза.

Однако «лассальянство» Беккера — явление довольно сложное. Чтобы разобраться в нем, необходимо проанализировать подробнее его «Открытое письмо».

В предисловии к брошюре Беккер оговаривается, что не уверен, получит ли его брошюра полное одобрение Лассаля. «...Мне неизвестно,— пишет он,— будет ли Лассаль, с которым я лично незнаком, согласен с выводами, сделанными мною из части его произведений, и с мыслями, вы-

---

[1] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 24.
[2] Ibid., S. 7, 10.
[3] Ibid., S. 10.
[4] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 4, стр. 169—170.

сказанными при этом»[1]. Это заявление дает возможность предположить, что сам Беккер сознавал различие некоторых своих теоретических положений с лассалевскими. Однако в тексте брошюры мы не найдем ни одной фразы, где Беккер заявлял бы о своем несогласии с Лассалем или подвергал критике то или иное его положение. Его метод изложения чрезвычайно прост. Если по какому-либо вопросу Лассаль высказывал противоречивые суждения, Беккер излагал только те, которые соответствовали его собственным взглядам. Если точка зрения Беккера кардинально расходилась с лассалевской, Беккер излагал свою. Если по какому-либо предмету у него не было своего мнения, он придерживался лассалевского.

В результате получилась работа, где Лассаль, пропущенный сквозь призму беккеровского миропонимания, в значительной степени утратил многие свои характерные особенности оппортуниста и приобрел черты последовательного революционера. Этот метод изложения можно рассматривать и как бессознательную интерпретацию взглядов Лассаля, и как вполне сознательную критику. Скорее всего имели место оба процесса.

Рассмотрим три наиболее важных момента, затронутых в брошюре,— вопрос о целях рабочего движения, средствах достижения этих целей и его движущих силах[2].

Целью начатой Лассалем агитации, как и всякого рабочего движения, Беккер считал политическое и социальное освобождение пролетариата[3]. Однако он не призывал немецкий пролетариат прямо переходить к своим непосредственным задачам. Ввиду неспособности буржуазии отстоять свои собственные требования, пролетариат вы-

---

[1] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., Vorwort.

[2] Необходимо отметить, что при написании своей брошюры Беккер использовал лишь те печатные произведения Лассаля, которые появились до 20 августа 1863 г.: «Программа работников. Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» (апрель 1862), «Наука и работники» (январь 1863), «Гласный ответ» (март 1863), «К рабочему вопросу» (Лейпцигская речь, апрель 1863), «Книга для чтения» (Франкфуртская речь, май 1863).

Возможно, что еще до отправки рукописи в печать он получил также: «Празднество, пресса и франкфуртский съезд депутатов» (октябрь 1863), «К берлинским работникам» (октябрь 1863). Для сравнительного анализа взглядов Беккера и Лассаля использовались в основном перечисленные работы Лассаля.

[3] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 10, 12.

нужден взять на себя завершение буржуазных преобразований. Беккер выдвигал перед немецкой рабочей партией следующую конкретную программу: «Неутомимо агитировать за всеобщее и прямое избирательное право, безусловную свободу прессы, право абсолютной свободы собраний и передвижения, неограниченную свободу промыслов, уничтожение косвенных и всех прочих налогов.., отделение церкви от государства, бесплатное обучение.., и, наконец, объединение всех германских народов в свободный союз»[1]. На этом первом этапе борьбы Беккер допускал совместные действия с буржуазией: «Если буржуазия будет искренне и серьезно стремиться к политической свободе и национальному единству, мы все же будем идти с ней рука об руку, и если бы она взялась за дело, мы могли бы стать ее верными союзниками»,— указывал он. На втором этапе, когда пролетариат, завершив собственно буржуазные задачи, приступит к выполнению чисто пролетарских требований, этот союз с буржуазией распадется: «И только тогда, когда вы пойдете дальше завоевывать что-то для себя, для всего народа, она (буржуазия.— *И. О.*) останется позади, враждебная вам... Тогда разрыв сам собой станет исторической неизбежностью»[2]. Программа Беккера носила последовательно революционный характер. Он стремился сочетать в ней буржуазно-демократические задачи, стоявшие на повестке дня в Германии, с конечными целями борьбы рабочих. Рабочий класс выступает как самостоятельная сила, идущая в авангарде движения и стремящаяся к полной политической и социальной эмансипации пролетариата. Рассуждения Беккера не идентичны марксистской постановке вопроса о буржуазной и пролетарской революциях, о руководящей роли пролетариата в буржуазно-демократической революции и т. д. Для Беккера существует одна «непрерывная» революция, в процессе которой рабочий класс борется сначала совместно с буржуазией против феодализма, а затем — против нее за свое освобождение.

В «Открытом письме» слово революция упоминается не часто. Однако ясно, что Беккер имеет в виду именно революционные методы борьбы, когда он специально подчеркивает, что социал-демократическая партия «не должна ог-

---

[1] *J. Ph. Becker*. Offener Brief.., S. 10.
[2] Ibid., S. 42—43.

раничивать свою деятельность лишь пассивными средствами, приводящими к бесцельным жертвам, и выбирать пути, одобренные полицией и законом, дозволенные милостью князей и буржуазии. Она должна применять *все средства, ведущие к цели»* [1].

Можем ли мы рассматривать все вышесказанное как изложение взглядов Лассаля на задачи немецкого рабочего движения и средства их достижения? Посмотрим, что выдвигал Лассаль в качестве цели рабочего движения и какие средства предлагал для достижения этой цели в своих агитационных речах и брошюрах 1862—1864 годов. Начав свою агитационную деятельность в 1862 г., Лассаль не ставил перед рабочими задачи «решить социальный вопрос», т. е. не призывал их бороться за свое полное освобождение. Цель поднятого им движения была гораздо скромней и заключалась лишь в том, чтобы «улучшить и возвысить над нынешним уровнем общее положение всего рабочего класса» [2]. В высшей степени интересное разъяснение дает на этот счет Лассаль в своей франкфуртской речи от 17 мая 1863 г.: «Для *теоретиков* делаю — почти бесполезное — примечание, что предложение производительных ассоциаций с государственным кредитом еще вовсе не представляет *«решения социального вопроса»*. В моем «Гласном ответе» нигде не говорится о «решении» социального вопроса, и я избегал даже выражения «социальный вопрос». Я говорил только про практическую меру для «улучшения положения работающих, нуждающихся классов». Окончательное «решение социального вопроса» будет трудом поколений, результатом целого ряда учреждений и мер, из которых каждая последующая должна органически развиваться из предыдущей. Производительные ассоциации, пользующиеся государственным кредитом, потому и рекомендуются как пролагающее путь средство, что должны создать в будущем отношения, которые сами собою вызовут дальнейшее развитие» [3]. Этим замечанием Лассаль показывает, что сам он считал провозглашенные публично лозунги не конечной целью рабочего движения, а лишь ограниченной задачей данного этапа борьбы. Более того, в одном из писем Родбертусу Лассаль,

---

[1] *J. Ph. Becker*. Offener Brief.., S. 10.
[2] *Ф. Лассаль*. Сочинения. СПб., 1908, т. 3, стр. 62 («Гласный ответ»).
[3] Там же, стр. 134—135.

называя себя коммунистом, доказывал, что проект производительных товариществ был ему необходим лишь в агитационных целях [1].

Тем не менее остается фактом, что в своих печатных выступлениях Лассаль нигде не выдвигает перед рабочими конечных целей борьбы — полного социального и экономического освобождения. Беккер, имевший в виду лишь «публичные признания» Лассаля, явно интерпретирует его взгляды в этом пункте в духе собственных представлений.

Бороться за улучшение своего положения Лассаль призывал рабочих только мирным, законным путем: «Политической программой рабочей партии должна быть мирная и законная агитация при помощи всех законных средств»,— провозгласил он свое кредо в «Гласном ответе». Лассаль требовал от рабочих не борьбы, а «нравственного самоусовершенствования», вселял надежду на законодательное урегулирование их справедливых требований. В одной из своих защитительных речей 1863 г. Лассаль прямо провозглашал себя противником пролетарской революции [2]. Однако человек, знавший, по словам Маркса, «Манифест Коммунистической партии» «наизусть» [3], не мог так просто отмахнуться от этой проблемы. И вот появляется толкование понятия революции в смысле мирного социального прогресса, вроде промышленного переворота. Подобная революция совершается «в течение целого всемирно-исторического периода», по продолжительности не меньшего, чем период установления господства феодализма (500 лет) и буржуазии (350 лет). Своей целью Лассаль считал не революцию, он стремился «лишь *заранее цивилизовать, гуманизировать* ее, на тот случай, если она придет и притом придет *снизу*» [4].

Призыв Беккера не ограничиваться лишь мирными средствами борьбы, а использовать все средства, ведущие к цели, звучит как прямая, сознательная полемика с этими высказываниями Лассаля. Однако не исключена возможность того, что в этой полемике с Лассалем Беккер опирался... на самого Лассаля. Дело в том, что, как и в случае

---

[1] *Г. Плеханов*. Фердинанд Лассаль. «Летописи марксизма». Кн. I (XI), 1930, стр. 199.

[2] *Ф. Лассаль*. Соч., т. 2, стр. 126, 288; т. 3, стр. 60; т. 4, стр. 268.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 21.

[4] *Ф. Лассаль*. Соч., т. 2, стр. 125—126, 285.

с определением целей рабочего движения, вопрос о средствах Лассаль также решал не однозначно. В частной переписке с деятелями рабочего движения Лассаль в ряде случаев выступал как сторонник революции. Особенно революционно звучат его письма Марксу, относящиеся к 50-м годам, в которых Лассаль аттестует себя как «революционера с 1840 года», а с 1843 г. как «вполне определенного социалиста» [1].

В письме члену Лейпцигского комитета Густаву Леви Лассаль писал 9 марта 1863 г. о возможности революции в Германии и роли в ней рабочего класса: «Менее вероятно, но может, однако, случиться, что благодаря внешним событиям, например войне, может произойти национально-политическая революция (я очень надеюсь на такой случай и верю в него: он наступит раньше или позже). Но эта революция тогда только сделается настоящей, энергичной, разумной, если ядро сознательной рабочей партии будет подталкивать ее. Если этого последнего не будет, то революция и в политическом отношении будет слабой и перейдет в реакцию» [2]. Наконец, в речи «К берлинским работникам» Лассаль призывал их вспомнить о марте 1848 г. и прямо заявлял, что стоит на почве революции [3].

Теоретическая «гибкость» Лассаля, вытекавшая в какой-то мере из его попыток соединить идеалистическую гегелевскую философию с учением Маркса, а нередко являвшаяся лишь чуткой реакцией на политическую конъюнктуру или даже характер аудитории, приводила к тому, что не было, пожалуй, ни одного теоретического вопроса, по которому Лассаль не высказал бы двух прямо противоположных мнений.

Из цитированных выше работ Лассаля (исключая, разумеется, письма), в которых он высказывается в революционном духе, Беккер мог ознакомиться до публикации своего «Открытого письма» лишь с речью «К берлинским работникам». Но судя по полемической форме, в которую он облекает свой призыв к революции, текст «Письма», написанный до выхода этой работы, не подвергся какой-либо переработке и позднее. Из сказанного ясно,

---

[1] Ф. Лассаль — К. Марксу, 12 марта 1860 г. Письма... СПб., 1907, стр. 244.

[2] Цит. по кн.: *П. Виноградская.* Фердинанд Лассаль. М.—Л., 1926, стр. 204.

[3] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 4, стр. 272, 262.

что Беккер, формулируя свой взгляд на революционный путь борьбы, явно понимал, что идет вразрез с Лассалем.

Что касается тактики в отношении буржуазии, то и здесь у Лассаля можно найти высказывания, противоречащие друг другу. Лассаль заявлял, что для него «реакционная партия и прогрессисты, несмотря на все их различия, составляют единую реакционную партию». Впоследствии эта фраза, много раз повторенная на страницах «Social-Demokrat», превратилась в крылатое выражение о «реакционной массе» [1]. Но вместе с тем, в «Гласном ответе» и лейпцигской речи он заявил о поддержке прогрессистов по общим вопросам, призывая рабочих толкать вперед прогрессистскую партию [2]. Высказывания Беккера о тактике относительно буржуазии — в духе этих лассалевских положений.

Беккер поддержал основные пункты агитации Лассаля — всеобщее избирательное право и государственный кредит рабочим ассоциациям. Однако интересно, как он разъясняет рабочим смысл этих мероприятий.

Прежде всего, всеобщее избирательное право он не выделяет из ряда других буржуазно-демократических требований, за которые необходимо бороться социал-демократической рабочей партии, не абсолютизирует его и не превращает в некую панацею [3]. Далее, он тесно связывал требование всеобщего избирательного права с созданием *народного государства,* т. е. полным преобразованием всего политического строя Германии. «Поскольку буржуазия,— писал Беккер,— стремится использовать государство по своему усмотрению, ее задачей является не допустить освобождения рабочего класса, помешав введению всеобщего прямого избирательного права. Ибо вряд ли огромное большинство народа, будучи политически равноправным, сможет долго позволять эксплуатировать себя социально. Таким образом, создание нового *народного государства* для буржуазии — зло, оно прокладывает рабочему классу путь к освобождению» [4]. Только после превращения существующего государства в народное возможно, по мнению Беккера, осуществление второго лозунга,

---

[1] *F. Mehring.* Zur Geschichte eines Schlagwortes. «Neue Zeit», Vol. XV/2, S. 515.
[2] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 61, 102.
[3] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 10 (цит. выше).
[4] Ibid., S. 8.

выдвинутого Лассалем — получение государственного кредита рабочими ассоциациями. Оба требования оказывались связанными в единую систему революционных преобразований, механизм действия которой Беккер описывал следующим образом: «И когда вам удалось... совершить государственное преобразование, создать великую, свободную Германию, когда вы во всех звеньях управления, во всех законодательных учреждениях и кабинетах, где законы претворяются в жизнь, на всех судейских местах и кафедрах будете иметь ваших представителей и сможете сказать: «государство — это народ, а народ — это мы», тогда вы сможете от *самих себя,* т. е. от вашего коллективного бытия — государства — потребовать необходимых кредитов, чтобы увеличить продукцию, уравнять и повысить народное благосостояние. *Это и есть самопомощь, единственно возможная социальная самопомощь.* Все другие вопросы разрешаются при господстве свободы, равенства и справедливости в ходе самой истории. Именно этот вид государственной помощи и никакой другой имеет в виду Лассаль...» [1].

Беккер защищает Лассаля от нападок буржуазной прессы, обвинявшей его в пособничестве реакции. Буржуазные газеты пишут, что рабочие в благодарность за полученную ссуду могут примириться с монархическим полицейским государством и объединиться с ним против буржуазии. Рабочие не собираются менять гнет фабрики на гнет королевской казармы, возражал Беккер. За этими обвинениями скрывается страх буржуазии за свой денежный мешок и свою привилегию эксплуатировать государство в своих собственных интересах. Не надо забывать, подчеркивал он, что мы будем иметь дело не с современным государством: «Сначала должно быть уничтожено старое государственное здание и создано народное государство, прежде чем можно будет приступить к основательному разрешению социального вопроса» [2],— резюмировал этот спор Беккер.

На чем основывался Беккер, интерпретируя Лассаля таким образом? Действительно, в нашей литературе твердо существует тезис о том, что Лассаль «выдвигал реформистскую идею производительных ассоциаций, создаваемых

---

[1] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 11—12.
[2] Ibid., S. 32—34, 43.

рабочими с помощью юнкерски-буржуазного прусского государства» [1]. Известны многочисленные высказывания Маркса и Энгельса о «королевско-прусском правительственном социализме» [2]. В работе Беккера же Лассаль выступает как автор теории народного государства и слома старого административного аппарата.

В основе такого толкования, помимо субъективных убеждений самого Беккера, лежат особенности идеалистических взглядов Лассаля вообще и его теории государства в частности. В своих взглядах на государство Лассаль не перешел черты ортодоксального гегельянца. Государство в его представлении — это господство всеобщего, воля всех, дух народа, это «великая ассоциация беднейших классов». Целью государства является «развить зародыши человечности», его назначением — «облегчить великие культурные успехи человечества и помогать им» [3]. Оперируя диалектической логикой Гегеля, Лассаль приходит к выводу, что типами государств, «отвечающими своему понятию», т. е. имеющими одинаковое содержание — господство масс, народа — являются республика, абсолютная монархия и бонапартизм. В двух последних форма не является адекватной содержанию, поскольку воля всех воплощается в отдельной личности. Достаточно сбросить эту форму, как монархия превращается в республику и форма приходит в соответствие с содержанием. Лассаль не превращается в поклонника «социальной монархии» в 1863—1864 годах, когда он пытается эти теоретические положения реализовать на практике. Подобные идеи он высказывал и в 1850—1851, и в 1859, и в 1862 годах [4].

Однако в агитационных речах и брошюрах, с которыми Лассаль выступил перед рабочими («Программа работников», «Гласный ответ», «К рабочему вопросу», «Косвенные налоги»), он оперировал понятием государства вообще, рассматривал нравственную природу государства как такового. Вопрос о том, какое государство дарует всеобщее избирательное право и бесплатный кредит рабочим ассо-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 30, стр. 617.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч.. т. 16, стр. 79, 233.

[3] *Ф. Лассаль*. Соч., т. 2, стр. 288; т. 3, стр. 74, 79. Лассаль отрицает классовую природу государства (см. там же, т. 3, стр. 98).

[4] *Е. А. Степанова*. Маркс и Лассаль. «Пролетарская революция», 1933, № 1, стр. 120—124. Наиболее полно подобный взгляд Лассаль выразил в известном письме Губеру 1864 г. (цит. там же, стр. 121).

циациям, оставался открытым. Буржуазная пресса сделала вывод в пользу современного прусского государства, подняв против Лассаля бешеную травлю за его союз с реакцией. Неопределенность высказываний Лассаля по столь важному вопросу, за которой явно угадывались надежды на прусскую монархию, вызвала недовольство многих его сторонников. Гервег подверг критике попытку Лассаля повторить «наполеоновский эксперимент». Он считал необходимым выступить не только против современного государства, но и государственной власти вообще [1].

Под влиянием этой критики слева и нападок справа Лассаль в ряде своих работ разъяснил, какое государство имел он в виду. Во франкфуртской речи, которую Беккер цитирует в «Открытом письме», Лассаль писал: «Я имею для вас в виду не теперешнее государство, а состоящее под господством всеобщего и прямого избирательного права. Поэтому смешно толковать тут про реакцию; ведь ясно, что при всеобщем и прямом избирательном праве государство будет совсем не то, что теперь» [2]. И еще: «Добиться этой системы (кредитов.— *И. О.*) вы можете только при всеобщем и прямом избирательном праве, а всеобщее и прямое избирательное право трудно совместимо с реакционным и бюрократическим правительством» [3]. В своей речи «Празднества, пресса...» Лассаль восклицал: «Что может быть *более величественной* самопомощью, как не желание преобразовать государство, дабы таким образом изменить и социальные отношения?» В этой же речи будущее государство Лассаль называет «социал-демократическим» [4]. Наконец, в статье «К берлинским работникам» Лассаль высказался еще более определенно: «Я требовал ни больше и ни меньше того, чтобы *будущее государство, демократическое государство,* возрожденное введением всеобщего и прямого избирательного права, ссудило вам посредством чрезвычайно легкой для него кредитной операции капиталы, нужные рабочим для учреждения *производительных ассоциаций*». «Разве я указывал вам,—

---

[1] Г. Гервег — Ф. Лассалю, 7 июля 1863 г. *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 200; «Neue Zeit», 1888, S. 567. См. также: *W. Büttner.* Georg Herwegh — ein Sänger des Proletariats. Berlin, 1970, S. 144—145.

[2] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 135.

[3] Там же, стр. 150.

[4] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 4, стр. 198, 199, 214.

продолжает Лассаль,— на помощь нынешнего, *полицейского* государства? Я обращал вас к помощи *государства будущего*, в котором будет господствовать всеобщее и прямое избирательное право, стало быть, государства, которое будет представлять высшее развитие свободы и состоять под державой всего народа» [1]. Эти высказывания Лассаля о свободном государстве рабочего сословия, где осуществляется суверенитет народа, и послужили Беккеру отправным пунктом для изложения программы Лассаля в революционном ключе [2].

В некоторых случаях Беккер заимствует тот или иной лозунг Лассаля, но вкладывает в него совершенно иное содержание. Подобное мы наблюдаем при рассмотрении вопроса о социальной базе движения. Лассаль, провозгласивший необходимость для рабочих создания «самостоятельной политической» [3] партии, объявил в то же время, что поднятое им знамя «есть знамя демократии вообще». Во франкфуртской речи он заявил: «Недоразумение, будто я хочу вызвать особое движение с участием одного рабочего сословия; я никогда не думал этого... Я вызываю движение общее, демократическое, народное, а не классовое только; ни один истинный демократ не испугается мысли улучшить положение рабочего класса при помощи собрания, избранного всеобщею подачею голосов. Ни одно истинно демократическое сердце не устрашится того, чтобы соединение всей интеллигенции общества помогло нуждающимся классам государственными мерами» [4]. Даже понятие «рабочего сословия» Лассаль толкует настолько расширительно, что причисляет к нему «всех без исключения, *каким-либо* образом приносящих пользу обществу» [5].

Это объясняется не только чисто субъективными свойствами характера Лассаля, его тщеславным стремлением стать вождем всей демократии, склонить на свою сторону самые блестящие умы буржуазной интеллигенции. Широко открывая доступ в рабочую партию представителям буржуазии, Лассаль действовал совершенно в духе своих

[1] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 4, стр. 269, 271.

[2] Бебель также указывал, что «Лассаль для образования производительных товариществ при государственной поддержке требовал создания демократического государства» (*А. Бебель.* Из моей жизни. М., 1963, стр. 75).

[3] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 60; т. 4, стр. 185.

[4] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 160.

[5] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 2, стр. 269; т. 1, стр. 25.

программных положений. Если вся деятельность рабочих должна была ограничиться требованиями всеобщего избирательного права, добившись которого рабочие могут спокойно ждать законодательных мер от мудрого и справедливого ареопага, то естественно, что львиную долю надежд рабочие должны возлагать не на собственные силы, а на «людей науки», «небольшое число самых образованных и умных представителей нации», которые добровольно возьмут на себя обязанность представлять рабочих в законодательном собрании. В речи в Лейпциге, обращенной к рабочим, Лассаль призывал: «Надо снять оковы с ваших ног, но снять мирно, по инициативе разума и с сочувствующей помощью имущих классов, передовые люди которых, люди науки, кладут начало освобождению» [1].

Пугая имущие классы ужасами «санкюлотской ярости» [2], Лассаль надеялся убедить их взять на себя решение социального вопроса. Мелкобуржуазная ограниченность Лассаля не позволяла ему понять классовый характер борьбы. На место материальных интересов он ставил веру в чудодейственную силу абстрактного принципа. Маркс писал, что Лассаль «впал в ошибку Прудона, состоявшую в том, что он не искал реальной основы для своей агитации в действительных элементах классового движения, но хотел направить ход этого последнего по некоему определенному доктринерскому рецепту» [3].

Беккер приветствовал Лассаля за то, что он «вновь смело развернул знамя демократии». Он также надеялся, что Всеобщий германский рабочий союз сможет стать «мощным притягательным пунктом для всех *демократических* элементов нашей нации». Однако знамя демократии, «обагренное кровью ваших братьев в мартовские дни 1848 года, покинутое и преданное буржуазией, затоптанное в грязь реакцией», Беккер передавал в руки рабочего класса. Он рассматривал рабочий класс как «авангард» борьбы, который должен «сделать почин, жаром своих сердец растопить топки локомотивов мировой истории». Партию рабочего класса он представлял себе как «самостоятельную, состоящую из однородных элементов социал-демократическую партию» [4]. Привлечение литературных

---

[1] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 100.
[2] Там же, стр. 148.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 32, стр. 475.
[4] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 12, 24, 41, 44.

сил в партию Беккер приветствовал, но как резко их список отличался от того, каким хвастался Лассаль в своей ронсдорфской речи. В первом — Маркс, Фрейлиграт, Шили, Гесс [1], во втором — либеральные профессора, адвокаты, писатели, купцы и предприниматели, люди, по собственному свидетельству Лассаля, принадлежащие к буржуазии [2]. Беккер глубже Лассаля понял классовый характер рабочего движения, его цели и средства борьбы.

Рассмотрим еще один пример. Как решали Беккер и Лассаль кардинальный вопрос всякого революционного движения — вопрос о власти? Сама идея диктатуры пролетариата была чужда Лассалю. В брошюре «Программа работников», которую Маркс назвал «скверной вульгаризацией «Манифеста»» [3], Лассаль провозгласил «идею рабочего сословия господствующим принципом общества» и разъяснил, что этот лозунг означает «призыв к *примирению,* призыв, обращенный ко всему обществу, призыв сгладить все противоречия между общественными кругами» [4]. Еще более решительно Лассаль выступал против захвата власти рабочим классом в одной из своих защитительных речей [5].

Беккер в «Открытом письме» писал по этому вопросу следующее: «Так называемое четвертое сословие, рабочий класс, пролетариат, народ не стремится к привилегиям, не стремится достигнуть господствующего положения. Освобождая себя, он уничтожает тем самым последнюю форму классового господства. Он стремится тем самым обеспечить представителям современной буржуазии истинно спокойное будущее, стремится установить справедливость для всех, а следовательно, мир для всего общества». И в другом месте Беккер говорит о «борьбе за политическое и социальное равноправие» как цели революции пролетариата [6].

На первый взгляд Беккер целиком следует за Лассалем, когда утверждает, что рабочий класс борется за политическое и социальное равноправие и не стремится достиг-

---

1 И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 1 августа 1863 г. *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 209.

2 *Ф. Лассаль.* Соч., т. 5, стр. 366, 367.

3 *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 264.

4 *Ф. Лассаль.* Соч., т. 1, стр. 25; см. также стр. 77.

5 *Ф. Лассаль.* Соч., т. 2, стр. 123.

6 *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 3, 5.

нуть господствующего положения. Он даже отходит от своих прежних утверждений о том, что «когда намереваются заложить новую основу общества.., нужно прежде всего утвердить новую власть» [1]. Однако по существу различие между Беккером и Лассалем огромное. Для Беккера уничтожение всякого классового господства — вот конечная цель борьбы пролетариата. В его устах это не призыв к примирению, а призыв к революции. Он обращается с этим лозунгом не ко всему обществу, а к рабочему классу [2]. Лассаль отказывается и от революции, и от завоевания власти пролетариатом. Беккер твердо стоит на почве революции. Он как бы перескакивает через этап диктатуры пролетариата прямо к бесклассовому коммунистическому обществу.

В своем «Открытом письме» Беккер выдвигает некоторые проблемы рабочего движения, которых Лассаль не касался вовсе, например, проблему интернациональной солидарности эксплуатируемых классов. В отличие от узконационалистической позиции Лассаля, Беккер призывал к братскому союзу всех народов для решения социального вопроса [3].

Само «Письмо» написано энергичным, народным языком. В нем нет и тени влияния гегельянской терминологии Лассаля.

Сказанное выше не означает, что Беккер по всем вопросам интерпретирует Лассаля в духе собственных идей. Некоторые лассалевские догмы он заимствует целиком, без какого бы то ни было критического анализа. В их числе — железный закон заработной платы, формулировку которого он целиком дает по Лассалю. «Прежде всего, мы должны принять во внимание,— пишет Беккер,— признанный всеми людьми науки и названный Лассалем «железным» закон, согласно которому при господстве предложения и спроса на труд заработная плата всегда сводится к содержанию, необходимому для поддержания жизни и продолжения рода и определяемому обычаями народа». Вслед за

---

[1] *J. Ph. Becker*. Wie und Wann? S. 327—328.

[2] То, что в конечном счете он сулит освобождение всем, в том числе и буржуазии,— взгляд, характерный для многих представителей утопического социализма. Он был свойствен и молодому Энгельсу в работе «Положение рабочего класса в Англии». Энгельс подверг его критике в 1892 г. в предисловии к английскому изданию этой работы (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 22, стр. 277).

[3] *J. Ph. Becker*. Offener Brief.., S. 44.

Лассалем он утверждает, что действие этого закона можно ограничить лишь путем создания рабочих ассоциаций с помощью государственных кредитов, подчеркивая, что кредиты будут получены от народного государства [1].

Иногда Беккер некритически заимствует отдельные положения Лассаля, не замечая, что вступает в противоречие с высказанными уже взглядами. Так, призывая покончить с господством капитала, он подчеркивает, что не имеет в виду «насильственно ниспровергать господствующее положение буржуазии, так как буржуазия, подобно дворянству, является продуктом социального исторического развития. Прочность ее положения должна быть расшатана силой исторически действующих факторов, переворотом в понятиях справедливости, то есть путем тесного взаимодействия духовного и материального производства» [2]. Это типично лассалевская вульгаризация положения Маркса о материальных предпосылках пролетарской революции. Вслед за Лассалем он весьма расширительно толкует понятие рабочий, лишая его классового содержания: «Рабочие не всегда думают о том, что всякий человек, который производит что-то полезное, красивое и приятное, будь то для духа, тела или ума, является рабочим, работает ли он головой или руками, резцом или пером, молотком или лопатой, в мастерской или поле» [3].

Работа Беккера «Открытое письмо» показывает, что Беккер окончательно вступил в ряды борцов пролетарского движения. Он воспринял лассальянство как теорию этого движения и объявил себя сторонником Лассаля. Однако Беккер никогда не был безоговорочным последователем Лассаля и его соратником, нередко давал свое более радикальное, наполненное классовым содержанием и более близкое интересам пролетариата толкование отдельных догм Лассаля. Разделяя некоторые теоретические заблуждения Лассаля, Беккер тем не менее занимал самостоятельную позицию по основным вопросам теории и тактики рабочего движения.

Беккер — один из первых комментаторов Лассаля, принадлежавший к тому течению в истории рабочего движе-

---

[1] *J. Ph. Becker.* Offener Brief.., S. 27—33 (ср. *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 67—72 и след., 105 и след.).
[2] Ibid., S. 5. Ср. *Ф. Лассаль.* Соч., т. 1, стр. 24—25.
[3] Ibid., S. 36. Ср. *Ф. Лассаль.* Соч., т. 2, стр. 269; т. 1, стр. 25.

ния, представители которого интерпретировали Лассаля в революционном духе. Иногда Беккер сознательно полемизирует с Лассалем, иногда заблуждается, как бы не видя различия между своим комментарием и оригиналом. Энгельс писал в 1875 г. Бракке по поводу Готской программы германской социал-демократии: «К счастью, программе повезло больше, чем она того заслуживает. Рабочие, буржуа и мелкие буржуа вычитали из нее то, что в ней должно было быть, но чего в ней нет... К тому же фразы эти нельзя перевести ни на один иностранный язык, не оказавшись *вынужденным* либо писать явный вздор, либо вкладывать в них коммунистический смысл, а это последнее и делают все, и друзья, и враги. Я сам должен был это сделать, переводя программу для наших испанских друзей» [1]. То же самое проделал Беккер в «Открытом письме», вкладывая «коммунистический смысл» в лассалевские фразы. То же самое делали затем и другие деятели рабочего движения, которые, подобно Бебелю, переосмысливали лассалевские положения в социалистическом духе, или, по собственному его признанию, «изучили социализм прежде всего на произведениях Лассаля и притом раньше, чем... решились приступить к Марксу» [2].

В ноябре 1863 г. Беккер отпечатал около 2000 экземпляров «Открытого письма». Из них 1500 он разослал в рабочие общества Германии (Гамбург, Лейпциг, Дрезден, Бреслау, Бремен, Франкфурт-на-Майне, Майнц и т. д.) [3].

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 34, стр. 125.

[2] *А. Бебель.* Фердинанд Лассаль.., стр. 14. Бебель писал в воспоминаниях: «Скорее всего я, как и почти все ставшие в те годы социалистами, пришел к Марксу через Лассаля. Труды Лассаля появились в наших руках раньше, чем кто-нибудь из нас знал какое-нибудь произведение Маркса или Энгельса. Какое влияние оказал на меня Лассаль, можно видеть из моей первой брошюры «Наши цели», вышедшей в свет в конце 1869 года» («Из моей жизни». М., 1963, стр. 130—131). Добавим, что некоторые положения бебелевской брошюры перекликаются с изложением соответствующих проблем в «Открытом письме» Беккера.

В. И. Ленин также отмечал особенность пути Бебеля к Марксу через Лассаля: «Молодой рабочий, читая брошюры Лассаля, постепенно добирается и до Маркса...» (Полн. собр. соч., т. 23, стр. 365). Поэтому попытка Н. Овчаренко отрицать влияние Лассаля на Бебеля выглядит, на наш взгляд, неубедительно (см. его «Август Бебель». М., 1963, стр. 37).

[3] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 4 декабря 1863 г. *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 261.

Выдержки из «Письма» были опубликованы в «Nordstern» 19 декабря 1863 года. Письмо получило одобрение лондонского Просветительного общества немецких рабочих, общин ВГРС во Франкфурте-на-Майне, Альтоне[1] и др. Рабочие из Фрехена, недалеко от Кёльна, в специальном письме благодарили Беккера за его статьи и брошюры, которые для них стали школой[2]. Брошюра Беккера попала в число запрещенной литературы. Уполномоченный общины Союза в Бармене Хамблох был приговорен к двум месяцам тюрьмы за чтение «Открытого письма» Беккера и спасся бегством благодаря денежной помощи Лассаля[3]. В Швейцарии письмо не нашло значительного отклика. Швейцарские рабочие союзы находились под сильным влиянием либеральной буржуазии и агитация Лассаля была встречена там враждебно. «Мое «Открытое письмо к рабочим»,— писал Беккер Лассалю,— далеко не оказало ожидаемого действия, особенно в так называемых рабочих просветительных обществах. Я и сам из-за него на время потерял почву. При ближайшем рассмотрении обстоятельств этому не приходится удивляться»[4].

Что касается отношения самого Лассаля к «Открытому письму» Беккера, то следует подчеркнуть, что Лассаль не был знаком с его содержанием до публикации. Беккер около трех месяцев тщетно ждал ответа Лассаля на свое письмо от 2 августа, в котором просил выразить отношение к содержанию рукописи. Так и не дождавшись ответа, он напечатал брошюру в конце ноября — начале декабря 1863 года[5].

В дальнейшем Беккер продолжал агитацию за Всеобщий германский рабочий союз. В Германии он вел пропа-

---

[1] «Nordstern», 9. I. и 8. V. 1864 и 21. I. 1865.

[2] «Social-Demokrat», 8.III.1865.

[3] *F. Lassalle.* Gesammelte Reden und Schriften. Bd. IV, Berlin, 1919, S. 334.

[4] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 19 марта 1864 г. *B. Becker.* Geschichte der Arbeiter-Agitation Ferdinand Lassalles. Braunschweig, 1875, S. 295—296. Г. Грёлих писал в своих воспоминаниях, что «лассалевское движение не нашло отклика среди нас; оно казалось нам «прусским», его произведений мы не знали и по экономическим вопросам я был всецело под влиянием либеральных идей Шульце-Делича даже и после переезда в Цюрих» (*G. Greulich.* Das grüne Hüsli. Zürich, 1942, S. 15).

[5] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 4 декабря 1863 г. *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 261.

ганду с помощью переписки[1], в Швейцарии добивался вступления в этот Союз общин своего Народного союза. В августе 1864 г. к ВГРС присоединилась женевская община Народного союза[2]. В декабре лассальянцы получили большинство в женевском просветительном обществе немецких рабочих, насчитывавшем 400 членов[3].

Беккер постоянно поддерживал корреспондентскую связь с Лассалем и редактором «Nordstern» Бруном, получал от них брошюры Лассаля[4].

Одобрение Беккера вызвала речь Лассаля «Празднества, пресса и франкфуртский съезд депутатов». Содержавшийся в ней поклон в сторону Бисмарка был им не замечен. В письме Лассалю от 4 декабря 1863 г. он писал: «Вашу речь «Празднество, пресса и франкфуртский съезд депутатов» я получил своевременно. Она освежила меня внутренне. Мне не нужно говорить Вам, с каким уважением я отношусь к Вашим стремлениям. Желаю Вам сил и мужества, так как неизбежны еще более жестокие испытания. История, к которой Вы принадлежите, оценит Вас!»[5] Работу Лассаля «Господин Бастиа-Шульце-Делич, экономический Юлиан, или Капитал и труд» Беккер назвал «научно-полемической геркулесовой палицей» и, чтобы рабочие надлежащим образом дрались этим оружием, организовал подписку на нее[6]. Необходимо отметить, что Беккер, в свое время очень высоко оценивший работу Маркса «К критике политической экономии»[7], мог прочитать в высшей степени хвалебный отзыв о ней в данной работе

---

[1] Пфафф — И. Ф. Беккеру, 20 декабря 1864 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 57/9.

[2] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1864 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 24.

[3] «Nordstern», 31. XII. 1864.

[4] Через пять лет после смерти Лассаля Беккер опубликовал в «Vorbote» за 1869 г. первую библиографию его работ, включавшую 25 наименований (см. *B. Andréas*. Zur Agitation und Propaganda des Allgemeinen Deutschen Arbeiterverein. 1863—1864. «Archiv für Sozialgeschichte». Bd. III, Hannover, 1863. S. 331).

[5] *F. Lassalle*. Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 261.

[6] И. Ф. Беккер — Ф. Лассалю, 2 августа 1864 г. *F. Lassalle*. Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 355.

[7] «Если у вас когда-нибудь появится возможность лично встретиться с Марксом, сообщите мне, пожалуйста, ваше мнение о нем, так как с момента появления его чисто научной книги о политической экономии он меня чрезвычайно интересует» (И. Ф. Беккер — Г. Ф. Рейнлендеру, 20 марта 1860 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1353).

Лассаля[1]. Кроме того, основные положения своего труда Лассаль заимствовал из другой работы Маркса «Наемный труд и капитал»[2]. Не удивительно, что Беккер, недостаточно глубоко разбиравшийся в вопросах политэкономии, не в состоянии был критически отнестись к вульгаризаторским заимствованиям Лассаля из Маркса. Правда, в этом отношении он был не единственным. Вильгельм Либкнехт, например, также считал, что работа «Бастиа-Шульце» «несомненно принесла много хорошего», хотя сам разоблачил перед рабочими плагиат Лассаля[3].

Личная встреча Беккера с Лассалем произошла в Женеве, куда Лассаль приехал 4 августа 1864 года[4]. Лассаль находился в подавленном состоянии духа. Еще в июне он жаловался Беккеру, что исчерпал свои силы и нуждается в передышке, тем более, что ему предстояло полуторагодичное тюремное заключение. Главная же причина душевной депрессии Лассаля заключалась в том, что он отчетливо понимал, что зашел в тупик. Рабочее движение не оправдало его надежд. Хотя основание Союза с 5000 членов было само по себе большим успехом, но это далеко не соответствовало планам Лассаля создать армию в 100 тысяч и заставить правительство ввести всеобщее избирательное право[5]. Чтобы добиться полного успеха, потребуются десятилетия, писал он Беккеру.

Беккер посоветовал Лассалю принять швейцарское гражданство, поселиться в Женеве и сделать ее центром своей агитации. Беккер принял горячее участие в его устройстве и выхлопотал ему разрешение полиции на жительство[6]. Однако последующие действия Лассаля (история с Еленой Дённигес) вызвали неодобрение Беккера. Несмотря на большое уважение, которое Беккер питал к Лассалю, быть его секундантом на дуэли он решительно отказался. Он даже пытался расстроить дуэль, но вмешательство Беккера вызвало лишь раздражение Лассаля. В напи-

---

[1] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 6, стр. 150. Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 94. Это единственная ссылка Лассаля на Маркса в его сочинениях.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 30, стр. 331; т. 23, стр. 5—6.

[3] В. Либкнехт — К. Марксу, 3 и 12 июня 1864 г. Wilhelm Liebknecht. Briefwechsel mit Karl Marx und Friedrich Engels. The Hague, 1963, S. 34, 37.

[4] «Neue Zeit», 1888, S. 518.

[5] *Ф. Лассаль.* Соч., т. 3, стр. 84—85.

[6] *F. Lassalle.* Nachgelassene Briefe.., Bd. V, S. 37—38.

санном накануне дуэли завещании, где Лассаль упомянул всех близко стоявших к нему людей, о Беккере нет ни слова. Дуэль состоялась 28 августа 1864 г. Беккер не знал места и часа дуэли. Когда он явился в отель, где жил Лассаль, того уже привезли, смертельно раненного. 31 августа Лассаль скончался [1].

На траурном митинге, состоявшемся 2 сентября 1864 г. в женевском зале Тампль Юник, присутствовало 4 тысячи человек. Беккер выступил здесь с речью, в которой сказал: «...Мы являемся свидетелями величайшего несчастья нашего столетия. Умер Фердинанд Лассаль! Умер человек, в котором воплощались все отрасли науки, умер человек, чья любовь и сила, знания и способности были отданы своему народу и всему человечеству, умер величайший оратор со времен Демосфена и Цицерона, умер величайший агитатор за дело угнетенных классов современного государства» [2]. Речь Беккера была не просто данью традиции, в силу которой о покойниках не говорят плохо. Несомненно, что при всем несходстве взглядов и характеров, Беккер высоко ставил революционные заслуги Лассаля и его талант. Личное общение с Лассалем было недолгим и оборвалось трагической смертью последнего. Это не могло не оставить глубокого следа в душе такого чуткого человека, как Беккер.

Развитие Лассаля и Беккера шло от одной исходной точки, но в прямо противоположных направлениях: Лассаль шел от революционного демократизма к мелкобуржуазному социализму, Беккер — от революционного демократизма к научному социализму.

Смерть Лассаля помешала Беккеру самому ясно осознать эту тенденцию, следствием чего могло бы быть открытое политическое столкновение между ними. Вместо этого борьба Беккера с лассальянством приняла форму борьбы с преемниками Лассаля, но в защиту самого Лассаля.

После смерти Лассаля Беккер продолжал работать в пользу Всеобщего германского рабочего союза. Однако ха-

---

[1] Беккер описал последние дни Лассаля в специальном отчете, который приводится в книге: *A. Kohut.* Ferdinand Lassalle. Leipzig, 1889, S. 207—209. Беккер написал также брошюру о смерти Лассаля: «Die letzten Tage von Ferdinand Lassalle. Ein wahrheitsgetreuer Bericht von einem Augenzeugen». Hamburg, 1864. Она начала печататься в Гамбурге в конце 1864 г., но появлению ее помешала графиня Гацфельдт. Корректурные листы брошюры хранятся в Амстердаме («Nordstern», 6. V. 1865; *R. Dlubek.* Op. cit., S. 324).

[2] «Nordstern», 10. IX. 1864.

рактер его деятельности существенным образом изменился. Лассаль скончался за месяц до основания Международного Товарищества Рабочих. По мере того как рос и расширялся Интернационал, деятельность в нем становилась главной в жизни Беккера, целиком поглощая все его силы и подчиняя себе все остальные его начинания. «Немецкий социал-республиканский народный союз» практически растворился в женевской немецкой секции Международного Товарищества. Агитация в лассалевском союзе вскоре приняла характер борьбы с руководителями Союза — преемниками его создателя, толкавшими организацию немецких рабочих в объятия реакции. Способом вывести Союз из кризиса Беккер считал его реорганизацию и присоединение к Интернационалу. Обе эти линии его деятельности — агитация за Интернационал и борьба с руководством ВГРС были неразрывно связаны. Один из первых пропагандистов Международного Товарищества Рабочих в Германии, Беккер неизбежно стал и одним из вождей оппозиции в лассалевском Союзе.

С 15 декабря 1864 г. в Берлине под редакцией Швейцера и Хофштеттена стал выходить центральный орган Всеобщего германского рабочего союза газета «Der Social-Demokrat». Швейцер развернул активную кампанию по привлечению корреспондентов. «Мы обратились,— писал он Марксу 11 ноября,— примерно, к 6—8 испытанным членам партии или, по крайней мере, к близко стоящим к ней людям с целью привлечь их к сотрудничеству, и можно почти не сомневаться, что они дадут свое согласие» [1]. И. Ф. Беккер был в их числе. «Мы питаем надежду,— писал ему Швейцер,— что такой испытанный борец за народное дело, как Вы, не уклонится от сотрудничества с нами» [2]. Беккер согласился, и его имя было в числе других корреспондентов помещено на первой странице пробного номера [3].

Сотрудничество Беккера в газете продолжалось всего три месяца и ограничилось публикацией в шести номерах

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 86.

[2] И. Швейцер — И. Ф. Беккеру, 12 ноября 1864 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 57/8.

[3] «Social-Demokrat», 15. XII. 1864. Сотрудничать в газете дали свое согласие помимо Маркса и Энгельса также В. Либкнехт, М. Гесс, Г. Гервег, В. Рюстов, Б. Беккер, президент Союза, Г. Вуттке, а позже И. Г. Эккариус и Ф. Рейше.

первой главы задуманной им работы «О рабочем вопросе» [1]. В этой работе Беккер дает анализ экономического и социального положения при капитализме трех классов — промышленных рабочих, ремесленников и «среднего сословия», т. е. мелкой буржуазии. Движение современного производства ведет к развитию крупной промышленности и разделению труда. Беккер рассматривает этот процесс как неизбежный и прогрессивный, так как он приводит к изобилию предметов потребления. Однако капитал использует созданное общим трудом богатство в своих частных интересах. Буржуазное государство регулирует и защищает эти интересы. «Частнокапиталистическая собственность составляет основу наших социальных отношений, обусловливает форму и содержание современного государственного организма» [2],— пишет он. Благодаря невиданному росту богатства, а вместе с тем и нищеты, возникают резкие классовые противоречия [3].

В наиболее тяжелом положении оказывается фабричный рабочий, который при господстве капитала опускается до положения простого винтика, придатка машины. Но благодаря непосредственному участию в сложном процессе современного крупного машинного производства фабричные рабочие наиболее развиты, глубже понимают социальные и политические задачи, стоящие перед ними [4].

Ремесленник, в силу свойственного ему образа жизни (подмастерье зачастую живет в доме мастера и мечтает занять его место) стоит иногда ближе к буржуа, чем к фабричному рабочему, и пропитан представлениями среднего сословия [5]. Выбиться в люди удается немногим. Основная масса ремесленников либо обречена на отупляющий рабский труд, чтобы выжить в конкурентной борьбе, либо, поскольку имеет место прогрессирующий процесс поглощения

---

[1] *J. Ph. Becker.* Über die Arbeiterfrage. Den Handwerkern zur Beherzigung, den Fabrik- und Tagarbeitern zur Tröstung und dem Mittelstande zur Mahnung (*И. Ф. Беккер.* О рабочем вопросе. Ремесленникам в назидание, фабричным рабочим и поденщикам в утешение, среднему сословию как предостережение). «Social-Demokrat», 26.II, 1, 5, 8, 10 и 15.III.1865. Сохранился также экземпляр, отпечатанный в виде брошюры, с пометками Беккера.

[2] «Social-Demokrat», 5. III. 1865.

[3] «Social-Demokrat», 1. III. 1865.

[4] «Social-Demokrat», 8. III. 1865.

[5] «Social-Demokrat», 26. II. 1865. С беккеровской характеристикой ремесленного подмастерья перекликаются страницы воспоминаний Бебеля («Из моей жизни». М., 1963, стр. 64—65).

мелких мастерских крупной промышленностью, ее ждет переход в ряды фабричного пролетариата [1]. Беккер разъяснял ремесленникам необходимость совместной борьбы с рабочими и предостерегал их от веры в безграничные возможности «самопомощи» и рабочих товариществ [2].

Значительное место в этой своей работе Беккер уделил положению дел в сельском хозяйстве. Он показал, что и там идет процесс поглощения мелкой земельной собственности крупной, что влечет за собой превращение сельского среднего сословия в поденщиков [3].

Проанализировав экономические тенденции капиталистического общества, Беккер приходит к выводу, что «господство буржуазии... ускорит крушение современного порядка» [4]. Какой же класс, по его мнению, способен в силу своего экономического и общественного положения взять на себя задачу осуществить переворот в буржуазном обществе? Сила среднего сословия сломлена, и единой политической демократии больше не существует. Ремесленника ожидает рано или поздно участь фабричного рабочего. Остается единственный класс, эксплуатируемый, угнетаемый и обездоленный, мечтающий об освобождении и способный на историческую инициативу,— это фабричный пролетариат. Он должен объединить в своих рядах всех рабочих — и физического (включая ремесленника и сельскохозяйственного поденщика), и умственного труда. Выразительница его взглядов — социал-демократия, которая должна действовать как самостоятельная рабочая партия [5].

В статьях «О рабочем вопросе» Беккер продолжал развивать некоторые лассалевские положения (о доле рабочих в продукте труда, народном государстве). Однако имя Лассаля во всей работе не упоминается ни разу. Термин «социал-демократия» получает в этом произведении безраздельное право гражданства. В статьях чувствуется несомненное знакомство Беккера с Марксовым «Учредительным манифестом Международного Товарищества Рабочих», напечатанным в двух пробных номерах «Social-Demokrat». Отдавая дань традиционной лассальянской неприязни к рабочим товариществам, основанным на самопомощи, Беккер,

[1] «Social-Demokrat», 8, 10, 15. III. 1865.
[2] «Social-Demokrat», 26. II, 5. III. 1865.
[3] «Social-Demokrat», 5, 15. III. 1865.
[4] «Social-Demokrat», 15. III. 1865.
[5] «Social-Demokrat», 5, 15. III. 1865.

тем не менее, явно под влиянием «Учредительного Манифеста», обещает читателям особо поговорить о том, насколько надежды на них оправданы или иллюзорны [1]. Работа «О рабочем вопросе» осталась незаконченной. В марте 1865 г. сотрудничество Беккера в газете прекратилось.

Через три месяца после основания «Social-Demokrat» потерял почти всех своих корреспондентов, первоначально привлеченных Швейцером.

В свое время Маркс и Энгельс согласились поддержать печатный орган Всеобщего германского рабочего союза, так как за отсутствием других газет он мог стать одним из каналов воздействия на немецкое рабочее движение. Они надеялись вести через газету пропаганду принципов Интернационала в Германии и добиться присоединения Союза к Международному Товариществу, предварительно освободив его от влияния сторонников пропрусской политики [2]. Однако конфликт с редакцией начался с первого же пробного номера. Выявилось три основных пункта разногласий: культ Лассаля, непомерно раздувавшийся на страницах газеты, заигрывание с реакцией, недружественное отношение к Интернационалу.

«Я думаю,— писал Маркс Кугельману 23 февраля 1865 г.,— что у Швейцера и др. *честные* намерения, но они *«реальные политики»*. Они хотят считаться с *существующими* условиями и не желают уступать *привилегии* «реальной политики» только г-ну Микелю и К°... Они знают, что рабочая пресса и рабочее движение в Прусии (а стало быть, и в остальной Германии) существуют лишь с соизволения полиции. Они хотят поэтому брать обстоятельства такими, каковы они есть, не раздражать правительство и т. д... Но так как я не «реальный политик», то я счел необходимым публично заявить вместе с Энгельсом... об отказе от сотрудничества в «Social-Demokrat»» [3].

Для Маркса и Энгельса выход из «Social-Demokrat» означал нечто большее, чем разрыв с одной из немецких рабочих газет. Это был разрыв с центральным органом лассалевского Союза, за которым логически следовал отказ иметь какие-либо отношения со всей организацией. Не связанные более никакими обязательствами в отношении Союза, они имели теперь возможность в любой момент вы-

---

[1] «Social-Demokrat», 15.III.1865.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 39.
[3] Там же, стр. 383.

ступить с открытой критикой теории и практики Лассаля и его последователей. «Вообще это хорошее *введение* к разрыву с «лассальянством», который все же неизбежно наступит»,— резюмировал Маркс [1].

Совершенно неожиданно для Маркса и Энгельса их выступление получило поддержку с той стороны, откуда они ее меньше всего ждали,— из Швейцарии. 8 марта 1865 г. в «Social-Demokrat» было помещено заявление об отказе сотрудничать в газете двух цюрихских корреспондентов — Гервега и Рюстова [2].

Если об оценке лассалевского движения Марксом и Энгельсом Беккер был в это время совсем не осведомлен, то позиция цюрихцев (к Гервегу и Рюстову присоединился также Рёйше [3]) была ему очень хорошо известна. В подробном письме от 24 февраля 1865 г. Рёйше сообщил Беккеру обо всех опасениях, которые вызвало у них направление газеты после первых же пяти номеров [4].

Для Беккера сообщения цюрихцев о положении в газете оказались полной неожиданностью. Дело в том, что женевский почтамт не принимал подписки на «Social-Demokrat», и Беккер до конца февраля 1865 г. был знаком лишь с первыми тремя пробными номерами, вышедшими в декабре 1864 г. Познакомившись с газетой целиком, он, в свою очередь, возмутился «жалкой политической линией» центрального органа Союза. 1 марта он написал Бруну, что если газета не изменит своего направления, он откажется от сотрудничества [5]. Вначале он хотел организовать коллективное выступление единомышленников, но после заявлений из Лондона и Цюриха он также направил в редакцию 10 марта письмо с отказом от сотрудничества. Редакторы «Social-Demokrat» пытались сохранить его в каче-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 83.

[2] «Social-Demokrat», 8. III. 1865.

[3] *Фридрих Рёйше* — журналист, член Всеобщего германского рабочего союза. До 1863 г.— редактор демократической газеты в Майнце. Из-за полицейских преследований эмигрировал в Швейцарию. В Женеве вступил в Народный союз Беккера. Своей беспринципностью в отношениях с людьми, аморальным поведением Рёйше вызвал недовольство членов Союза (Беккер назвал его «фельдмаршалом всех лжецов». ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 58/4). Он был вынужден уехать в Цюрих, где с мая 1864 г. работал в редакции «Schweizer Eisenbahn- und Handelszeitung». Здесь он примкнул к Гервегу и Рюстову, затем сотрудничал с Гацфельдт.

[4] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 59/14.

[5] «Nordstern», 18. III. 1865.

стве сотрудника. Опасаясь, что его отставка не замедлит последовать, они публикуют 8 марта приветствие рабочих Фрехена Беккеру. Его статьи «О рабочем вопросе» продолжали печататься вплоть до 15 марта, т. е. уже после получения письма о разрыве. 13 марта Хофштеттен предложил Беккеру компромисс: Беккер заявляет о своем несогласии с тактикой «Social-Demokrat», но из-за преданности основанному Лассалем Союзу не уходит из его органа [1]. Маневры редакции вынудили Беккера отослать свое заявление вторично в «Nordstern», где оно было опубликовано 25 марта 1865 г.

Итак, наряду с лондонским центром и независимо от него возник швейцарский центр оппозиции направлению «Social-Demokrat». Обе группы были едины в главном пункте — в осуждении заигрываний газеты с прусским правительством.

Что касается отношения к Лассалю и лассальянству, то здесь дело обстояло гораздо сложнее. Для Маркса и Энгельса, как указывалось выше, разрыв с «Social-Demokrat» означал «введение» к разрыву с лассальянством в целом. Публично развенчать легенды, созданные вокруг имени Лассаля им самим и его ревностными приверженцами, было невозможно. Подобное выступление не встретило бы в тот момент должного понимания среди рабочих. Лассаль умер прежде, чем большинство его сторонников убедилось в пагубности его политики. Тем не менее, Маркс и Энгельс пользовались каждым удобным случаем, чтобы, хотя и в очень косвенной форме, подвергнуть критике его взгляды. Лишить основателя Союза ореола непогрешимости значило не дать возможности его последователям прикрывать свое предательство интересов рабочего класса, как щитом, именем Лассаля.

Особенно настоятельной эта задача стала после того, как в дела Союза активно вмешалась графиня Гацфельдт. Она считала себя призванной хранить в чистоте учение Лассаля и созданную им организацию. Как старый друг Лассаля, она пользовалась известным влиянием в Союзе. Гацфельдт добилась отмены предложенной Либкнехтом на собрании берлинской общины резолюции по поводу выступления Б. Беккера 22 марта, вызвавшего всеобщее воз-

[1] *R. Dlubek,* op. cit., S. 459—460; *N.-J. Friederici.* Zum Einfluß Johann Philipp Beckers... «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1964, Sonderheft, S. 217.

мущение в Союзе. Взамен она провела свою, текст которой гласил: «Общины твердо и нерушимо придерживаются принципов, организации, устава и политического направления их великого вождя Фердинанда Лассаля и объявляют всякого, кто осмелится нарушить их и изменить или исказить хоть одну букву в учении и произведениях Фердинанда Лассаля, *предателем народного дела*» [1].

Какую же позицию заняли в этой ситуации бывшие швейцарские сотрудники «Social-Demokrat»? Существо взглядов цюрихцев сформулировано наиболее полно в одном из писем Рёйше Беккеру в начале марта 1865 г.: «Я прошу Вас *резко*, гораздо резче, чем до сих пор, подчеркивать, что *мы* являемся подлинными лассальянцами, что Б. Беккер и К^0, наоборот, отступили от Лассаля, что именно *мы твердо* придерживаемся *программы и организации* Лассаля; мы хотим лишь устранения Б. Беккера и «Social-Demokrat»; таким образом, мы агитируем не *против Союза*, а *за* него, в то время как Б. Беккер действует *против* него» [2]. Именно в этом духе была развернута кампания на страницах «Nordstern», которая повернула фронт против «Social-Demokrat», став с марта 1865 г. органом оппозиции. Таким образом, если в отношении пробисмарковской тенденции «Social-Demokrat» швейцарская оппозиция шла в одном строю с Марксом и Энгельсом, то относительно оценки теории и тактики Лассаля она оказалась в одном лагере с Гацфельдт. Во всяком случае, в первый момент различия внутри оппозиционного движения, особенно для внешнего мира, были не заметны.

Маркс и Энгельс весьма неодобрительно встретили лозунг возврата к истинному Лассалю. Получив номер «Nordstern» от 11 марта 1865 г., в котором Гервег, Рюстов и Рёйше защищают Лассаля от всяких намеков на его близость к прусскому правительству, Маркс писал Энгельсу: «Ты видишь, что эти господа хотят теперь придать делу такой оборот, что будто бы злосчастный Швейцер совершенно *исказил* Лассаля» [3]. Особенное возмущение Маркса вызвала упомянутая выше резолюция берлинской

---

[1] «Nordstern», 24. VI. 1865; см. также: *H. Hümmler*. Opposition gegen Lassalle. Berlin, 1863, S. 171—172.

[2] Ф. Рёйше — И. Ф. Беккеру, после 3 марта 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 59/13.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 87.

общины, инспирированная Гацфельдт. Он писал Энгельсу 5 августа: «Впрочем, и вторая лассальянская секта, которая под влиянием нашего заявления повернула фронт против «Social-Demokrat», также совершенно ничтожный сброд. Эти субъекты не только спорят с Б. Беккером и К^0 по поводу того, кто обладает подлинной верой в Лассаля, но некоторые из их общин напечатали инспирированную старухой Гацфельдт и направленную прямо против нас фразу, которой объявляется *изменником* «народа» всякий, кто пытается опровергнуть или изменить хотя бы одну букву в истинах, возвещенных Лассалем» [1].

Гервег и Рюстов вскоре покинули поле боя. Рюстов, не будучи официально членом Союза, просто отошел от движения. Гервег опубликовал 8 апреля в «Nordstern» заявление о выходе из Всеобщего германского рабочего союза [2]. Рёйше превратился в ревностного приверженца графини Гацфельдт. В своих статьях он непомерно восхвалял Лассаля. Работу Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия» он встретил критически, так как не был согласен с изложенной в ней тактикой рабочей партии в отношении буржуазии [3].

Иоганн Филипп Беккер начал кампанию на страницах «Nordstern» серией статей «Откровенное слово к социал-демократической партии о «Social-Demokrat», органе Всеобщего германского рабочего союза, его тактике, его учредителе и защитниках». Статьи печатались в пятнадцати номерах в специальном приложении к газете с 1 апреля по 29 июля 1865 года [4]. Беккеру, который уже 16 лет не был в Германии и питал большие иллюзии в отношении Лассаля, нелегко было разобраться в этом клубке интриг. Он не сразу понял разнохарактерный состав оппозиции, коренные разногласия между сторонниками Маркса, на-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 114—115.

[2] Ф. В. Рюстов — И. Ф. Беккеру, 9 марта 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 58/5. Ф. Рёйше — И. Ф. Беккеру, 4 марта и после 13 апреля 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 59/15, 59/16; *W. Büttner.* Georg Herwegh.., S. 173—174.

[3] Ф. Рёйше — И. Ф. Беккеру, после 13 апреля 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 59/16.

[4] *J. Ph. Becker.* Ein unumwundenes Wort an die sozial-demokratische Partei über den «Social-Demokrat», Organ des Allgemeinen Deutschen Arbeiter-Vereins, dessen Taktik, Stifter und Beschirmer. «Nordstern», 1, 8, 15, 22, 29. IV; 6, 13, 20, 27, V; 3. VI, 1, 8, 15, 22, 29. VII. 1865.

пример, и приверженцами Гацфельдт. Беккер, как и его швейцарские друзья, выступил под лозунгом: спасти из наследства Лассаля все, что можно спасти [1].

Однако в первой же статье Беккер выдвинул тезис, который шел вразрез с основными принципами строгой лассалевской организации. Он призвал членов Союза встать на защиту великих принципов, даже если это угрожало единству их партии и являлось нарушением партийной дисциплины. «Нелепый фанатизм единства» — вот та база, на которую опираются «фальшивые пророки», утверждал Беккер. Единство партии и ее дисциплина не могут покоиться на принуждении. Они возможны лишь на добровольных началах и на принципиальной почве, им не страшны правда суждений и свобода критики, утверждал он. Он призвал открыто обсудить создавшееся положение, не боясь того, что скажут по этому поводу враги Союза [2]. В первых семи статьях Беккер показал моральное лицо руководителей Союза и центрального органа. Он выступил в защиту оппозиции и, в первую очередь, отразил нападки Швейцера на Маркса. Он напомнил Швейцеру его же собственное письмо, где он называет Маркса «основателем» и «передовым бойцом немецкой рабочей партии».

Беккер показал вздорный характер нападок президента Союза на Международное Товарищество, которое, якобы, грозит разрушить организацию немецкой рабочей партии, между тем как устав МТР специальным пунктом оговаривает неприкосновенность существующих организаций. Выступление «Social-Demokrat» против Интернационала Беккер расценил как нарушение собственной программы газеты, которая провозглашала солидарность народных интересов во всем мире [3].

Последние восемь статей Беккера несколько иного плана. В них меньше личной полемики и больше размышлений по принципиальным вопросам теории, тактики и партийной организации. Беккер устанавливает связь предательской тактики «Social-Demokrat» с его теоретическими положениями. Газета, именующая себя центральным органом рабочей партии, объявила короля представителем не какого-либо класса или династии, а всего

---

[1] «Nordstern», 1. IV. 1865.
[2] «Nordstern», 1. IV. u. 27. V. 1865.
[3] «Nordstern», 22. IV. 1865.

народа. Беккер увидел в этом теоретическом постулате не только противоречие с собственной программой газеты, в которой провозглашалось свободное народное государство, но и оправдание союза с реакцией. Ибо «дух реакции наиболее полно воплощается в королевской власти». В статьях «Министерство Бисмарка» прославлялось «исторически выросшее государство Пруссия и специфически прусский дух». Социал-демократия, которая по природе своей является «антипрусской, антиавстрийской, антимонархической и антикапиталистической», по логике этих статей якобы должна видеть в Пруссии своего союзника,— писал Беккер. Беккер решительно возражал против альтернативы, выдвинутой Швейцером по национальному вопросу: «прусские штыки или пролетарские кулаки». «Прусские штыки,— писал он,— могут создать только великую *несвободную* Пруссию *за счет* Германии» [1].

Что касается мотивов пропрусской ориентации газеты, то в номере «Nordstern» от 3 июня Беккер поместил письмо одного своего корреспондента, в котором прямо утверждалось, что между редакторами «Social-Demokrat» и вождями юнкерской партии существуют соглашение и доверительные отношения. Посредником является некий Карл Прёйс, агент советника юстиции и шефа бисмарковской «Kreuz-Zeitung» Вагенера. Поэтому газета не нуждалась в платных подписчиках, хотя ее издатели не обладали крупными состояниями [2].

Подвергая критике политику центрального органа, Беккер дал свое изложение тактических задач рабочей партии. При этом он несомненно опирался на положения, выдвинутые в брошюре Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия», тем более что они полностью отвечали его собственным взглядам. Рабочий класс должен прежде всего добиться политических прав. «Только в условиях неограниченной политической свободы может быть поставлен в порядок дня как практическая задача социальный вопрос о господстве капитала»,— пишет он. «Мы должны быть *истинными* демократами, прежде чем стать *настоящими* социалистами». Всеобщее избирательное право должно иметь гарантию в виде всеобщего народ-

---

[1] «Nordstern», 15 u. 22. VII. 1865.

[2] Этот факт упоминают также Бебель (Из моей жизни, стр. 248—249) и Либкнехт (Briefwechsel, S. 46, 47).

ного вооружения [1]. Что же касается вопроса о союзниках, то не дело социал-демократов радоваться победе юнкерской партии над либералами. «Всякая политическая победа реакции над либеральной партией (я подчеркиваю это),— писал Беккер,— всегда является политическим поражением народной свободы вообще» [2].

Поскольку в пылу споров о тактике Союза обе стороны — и руководство, и оппозиция,— в конце концов, апеллировали к Лассалю, неизбежно вставал вопрос — в какой мере Союз продолжает политику своего основателя, какова доля ответственности Лассаля за действия его преемников?

С точкой зрения Маркса по этому вопросу Беккера познакомил в начале мая Шили [3]. По просьбе Либкнехта, Маркс еще в январе поручил Шили проинформировать Беккера о тех сторонах лассалевской агитации, которые были неизвестны широкой публике [4]. Шили сообщил Беккеру, что обязательства, которые графиня Гацфельдт взяла перед Бисмарком от имени Союза (агитация за аннексию Шлезвиг-Гольштейна), были политическим завещанием Лассаля; что во время бесед Лассаля с Марксом в Лондоне в 1862 г. Маркс настаивал на агитации против юнкерской партии. Шили показал ошибочность тактики Лассаля, рассчитывавшего на сделку с Бисмарком. Сам Шили не подозревал Лассаля в предательстве. Он объяснял себе его поведение безграничным тщеславием, претензией играть особую роль, соответствующую его таланту. Тем не менее, каковы бы ни были побудительные мотивы Лассаля, он нарушил все старые партийные традиции, писал Шили. Шили образно описал тактику, которой должна придерживаться рабочая партия Германии. Она должна стоять позади буржуазии, хотя и не под ее командой, и уж тем более не получать свои лозунги из феодаль-

---

[1] Необходимо напомнить, что всеобщего народного вооружения Беккер требовал еще в речи на Гамбахском празднестве более тридцати лет назад.

[2] «Nordstern», 22. VII. 1865. Ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 70.

[3] В. Шили — И. Ф. Беккеру, ранее 7 мая 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 54/11. Дата письма уточнена. В своем ответе от 15 мая Беккер сообщает, что получил письмо Шили восемь дней назад, т. е. 7 мая.

[4] В. Либкнехт — К. Марксу, 20 января 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 5, ед. хр. 1519; см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 93—94.

ного лагеря. Она посылает в этот лагерь бомбы и гранаты через головы буржуазии, держа в готовности свои пушки, чтобы стрелять в буржуазию сзади, если та начнет пятиться. Такая позиция обеспечит рабочей партии взятие феодальной Бастилии, а затем даст ей возможность вырвать у буржуазии плату за свое участие в борьбе.

Что касается Маркса, то, несмотря на его несогласие с действиями Лассаля и на неэтичное поведение последнего (плагиат из его работ), Маркс не только соблюдал нейтралитет во время лассалевской агитации, но и защищал его честь от нападок клеветников типа Блинда.

Письмо Шили сыграло свою роль в формировании оппозиционной платформы Беккера. Отношение рабочей партии к буржуазии и феодальной реакции, роль руководства ВГРС рассматривались Беккером целиком в духе Маркса и Энгельса. Что касается оценки Лассаля, то здесь Беккер придерживался несколько иной точки зрения.

Хотя его взгляды были далеки от крайностей, в которые впадала графиня Гацфельдт, в целом он выступил в духе программы оппозиции — защита «истинного Лассаля» от предательской линии нынешних руководителей Союза. В одной из корреспонденций из Женевы от 21 мая Беккер писал: «Наш Лассаль по мере поступления известий из Всеобщего германского рабочего союза выглядит все хуже. То они празднуют день рождения прусского короля, то публикуют в «органе Союза» статьи о Бисмарке и др., которые наводят на мысль, что Лассаль ждал помощи от современного *полицейского государства,* а не от будущего *народного государства*, основанного на продукте труда... Полагают, что Всеобщий германский рабочий союз открыто исповедует теперь *реакционный социализм.* Эту репутацию детищу Лассаля создали президент Союза и «Social-Demokrat»» [1].

О связях Лассаля с Бисмарком Беккер узнал из первоисточника — от самого Лассаля, когда тот в августе 1864 г. приехал в Женеву. Мнение Беккера на этот счет не совпало с суждением Маркса. Беккер писал Шили 15 мая 1865 г.: «Позиция Лассаля в отношении Бисмарка была не такой, какой представляет ее себе Маркс, а вслед за ним и ты. Оба вели игру, отнюдь не желая этого, и каждый скрывал свое намерение обмануть другого. Я собираюсь

---

[1] «Nordstern», 27. V. 1865.

позже сообщить об этом в «Nordstern» факты, которые подтвердят это мнение» [1]. В «Nordstern», которая просуществовала до 1866 г., статьи Беккера на эту тему не появилось. Беккер затронул проблему лишь в майском номере «Vorbote» за 1869 г., правда, довольно кратко, опять «в надежде позже вернуться к этому вопросу» [2].

В статье в «Vorbote» Беккер писал: «Что касается произведений Лассаля, высокоодаренного человека мысли и действия, с душой и сердцем, горячо преданными делу рабочего класса, то для того, чтобы вынести о них правильное и полезное суждение, нужно принять во внимание прежде всего натуру и особые планы их автора, а также тогдашние обстоятельства и положение вещей... Кроме общих целей социал-демократической партии, осуществимых лишь в далеком будущем, Лассаль ставил перед собой одну ближайшую, так сказать, национально-политическую цель. Безгранично веря в собственные силы и способности, энергию и ловкость, Лассаль надеялся, как он нам сообщил устно, по крайней мере в пять лет вызвать в Германии для достижения немецкого единства движение, которое преобразует политические и социальные отношения в стране... В своей организации Союза и агитационных брошюрах он преследовал поставленную себе цель — принимая во внимание существующие условия, государственную власть и законодательство, экономическое положение общества, потребности и политические возможности рабочего класса и предстоящие вскоре события [3], связать все это с социал-демократическими принципами и собственной личностью, так как он рассматривал себя как первоочередное средство борьбы и самоотверженно жертвовал собой» [4].

Относительно тактики Лассаля Беккер писал в «Откровенном слове»: «Он был в области тактики дерзким, смелым акробатом. Будучи абсолютно уверен в своих силах и ловкости, он был способен бесстрашно балансировать на краю пропасти, так как ему достаточно было одного прыжка, чтобы снова очутиться в своем укрепленном лагере. Он стремился поражать и импонировать, бросал ино-

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/8.
[2] «Vorbote», 1869, № 5, S. 69.
[3] Имеется в виду война с Данией 1863—1864 гг.
[4] «Vorbote», 1869, № 5, S. 68—69.

гда старую кость реакции, чтобы, пока она ломает об нее зубы, тем основательнее поколотить ее»[1].

Итак, Беккер не ставил под сомнение искренность намерений Лассаля, его преданность делу рабочего класса, благородство его целей. Считая подобную линию поведения позволительной для Лассаля, он, однако, полагал, что деятельность Лассаля нельзя рассматривать как «необходимое правило и вечную истину», что это всего лишь «тактика, приспособленная к его личности», оправданием или извинением которой служат благие намерения, которые при этом преследовались. «Безгранично веря в свои способности, он решил,— писал Беккер,— что сможет без всякой опасности для себя и для дела, без особого ущерба и оскорбления для социал-демократических принципов, ввиду честности своих намерений, не теряя уважения народа и влияния на него, ступить на путь дипломатии и сесть за один стол с великими мира сего...». Беккер призывал «критически» относиться к работам Лассаля, учитывая описанные выше обстоятельства[2].

Поскольку Беккер не осознал в полной мере теоретического оппортунизма Лассаля, он не понял тесной связи, которая существовала между теорией и тактикой Лассаля. Приспособленчество Лассаля в политике, его стремление достигнуть своих целей тем или иным путем не было примитивным практицизмом «реального политика». Его тактический оппортунизм был закономерным результатом ненаучности его теоретических воззрений, в первую очередь его идеалистических представлений о роли государства и личности в истории. Маркс совершенно иначе расценил «благородные намерения» Лассаля, которые привели его к предательству дела рабочего класса: «Для такой тщеславно-театральной натуры, как Лассаль.., очень соблазнительной была мысль о непосредственном подвиге в интересах пролетариата, совершенном Фердинандом Лассалем! Но на самом деле он был слишком невежествен относительно действительных экономических условий такого подвига, чтобы критически отнестись к самому себе!»[3].

Беккер не обладал достаточными познаниями в области теории, чтобы, подобно Марксу, увидеть в идеях Лассаля мелкобуржуазное «шарлатанство», а в его практической

---

[1] «Nordstern», 8. IV. 1865.

[2] «Vorbote», 1869, № 5, S. 69, 70.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 381—382.

деятельности — «беспринципное политиканство» [1]. Он был ослеплен яркой личностью Лассаля и, в отличие, например, от В. Либкнехта, не заметил, что тот обладал «скорее революционным *характером* или даже *темпераментом,* чем революционным *умом»* [2].

Хитроумная игра Лассаля была политикой, чуждой пролетарскому движению. «Рабочий класс по самой природе вещей должен быть честно «революционным»» [3],— писал Маркс. То, что Беккер допускал возможность подобной игры для отдельных выдающихся представителей движения, показывало, насколько живучи еще были в его сознании отголоски мелкобуржуазных представлений.

Пытаясь защитить Лассаля, Беккер тем не менее понимал, какой огромный вред наносила рабочему движению Германии деятельность его преемников в Союзе, слепо следовавших за учителем по пути сотрудничества с прусским правительством. Лассаль не учел всех последствий

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 31. Критикуя Прудона, Маркс имел в виду Лассаля (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 36).

[2] Генеральный Совет Первого Интернационала. 1864—1866. Протоколы. М., 1961, стр. 187.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 381. Бебель, осуждая тактику Лассаля, также считал, что социал-демократическая партия должна следовать «честным, прямым путем» (Из моей жизни, стр. 250).

Интересно, что той же точки зрения придерживался Рюстов. входивший в круг близких друзей Лассаля, которым тот в Женеве рассказывал о своих беседах с Бисмарком. Рюстов не сомневался в честности и неподкупности Лассаля, однако его тактику он считал недопустимой для вождя рабочей партии. Весь план строился на том, что Бисмарк, в пику прогрессистам, октроирует всеобщее избирательное право, а Лассаль объявит это победой рабочего Союза, писал Рюстов Беккеру. «На какой ниточке висели все эти расчеты! — восклицал он.— Мой спор с Лассалем в 1863 г. вертелся по существу вокруг того, что при защите великих принципов не должны приниматься в расчет никакие вынужденные мелкие обстоятельства... Красная партия действия не должна стремиться стать «государственной». Полем «государственной деятельности» является компромисс. Любая партия имеет право идти на компромисс, но только не красная партия действия» (Ф. В. Рюстов — И. Ф. Беккеру, 25 сентября 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 58/7).

Очевидно, Рюстов является автором статьи «Бисмарк и Лассаль», опубликованной без подписи 17 июня 1869 г. в австрийской либеральной газете «Wanderer», поскольку из текста ясно, что она могла быть написана человеком, близко знавшим Лассаля в Женеве и не одобрявшим его переговоры с Бисмарком (см. перепечатку этой статьи в «Archiv für die Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung». Leipzig, 1914, IV. Jahrg., S. 95—99).

своих действий для будущего движения,— указывал Беккер,— и то, что лассальянство после его смерти оказалось «взятым на буксир монархией и юнкерством» [1], явилось в первую очередь результатом его ошибок. В «Откровенном слове» Беккер опубликовал письмо анонимного корреспондента, упоминавшееся выше. Неизвестный автор признавал, что от него не укрылся тот факт, что Лассаль вел свой челн между Сциллой и Харибдой, что его тактика позволяла употребить ее во зло, превратив в предательскую, чем не замедлил воспользоваться Швейцер [2].

«Откровенное слово» Беккера нашло живой отклик среди рабочих. 150 членов альтонской общины Всеобщего германского рабочего союза одобрили статьи Беккера на своем общем собрании [3]. Уполномоченный общины в Кастеле Я. Ангер в обращении к президенту Союза писал, что «они стали видеть яснее благодаря свету, зажженному в «Nordstern» смелым И. Ф. Беккером». Золингенская община приветствовала Беккера и требовала превратить «Nordstern» в орган Союза вместо «Social-Demokrat» [4]. Один из корреспондентов «Nordstern» писал: ««Откровенное слово» И. Ф. Беккера прогремело подобно грозе, взволновав сердца рабочих. Горы лжи и открытого предательства вышли на свет» [5].

«Nordstern», ставшая благодаря усилиям Беккера органом оппозиции, нуждалась в постоянной финансовой поддержке. Беккер безвозмездно посылал в газету свои статьи и корреспонденции, побуждал поддерживать ее Шили, Рюстова, Гервега и других. Заслугой Беккера было и значительное выправление политической линии газеты. «Nordstern» печатала материалы о деятельности Интернационала, присылавшиеся Беккером, перестала нападать на Маркса. «Мелкие выпады против Маркса со стороны бравого, но, к сожалению, немного ограниченного друга Бруна я полностью пресек,— сообщал Беккер Шили,— причем, когда дружеские внушения не помогли, пришлось прибегнуть к ультиматуму» [6].

---

[1] И. Ф. Беккер — Ф. Зорге, 30 мая 1867 г. Письма К. Маркса, Ф. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др. Спб., 1908, стр. 7.

[2] «Nordstern», 3. VI. 1865.

[3] «Nordstern», 15. IV. 1865.

[4] «Nordstern», 3. VI. 1865.

[5] «Nordstern», 1. VII. 1865.

[6] И. Ф. Беккер — В. Шили, 15 мая 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/8.

Оппозиционное движение во Всеобщем германском рабочем союзе охватило многие общины: в Берлине (где действовал Либкнехт), в Золингене, Кёльне, Майнце, Дуйсбурге, Гамбурге, Альтоне, Лейпциге и др. местах. Со многими из них Беккер поддерживал контакт путем обширной переписки. Особенно тесная связь установилась у него с золингенской общиной. Ее уполномоченный, учитель Карл Дюльтген сообщал ему, что члены общины — республиканцы и коммунисты, являются сторонниками Лассаля, Беккера и Маркса [1].

В июне 1865 г. Беккер выступил с инициативой организационного объединения оппозиции. 18 июня на совместном собрании общин Золингена и Золинген-Хёшайда была принята написанная им резолюция, цель которой — связать оппозиционные общины и создать руководящий центр. Резолюция предлагала собрать 15 июля делегатов от общин в Лейпциге и избрать на этом собрании временное руководство — директорию из трех членов, а также комитет пропаганды из одиннадцати членов, которому поручалось наблюдать за действиями директории [2]. Резолюция фактически означала разрыв с диктаторской организацией Союза и призыв к созданию нового союза на демократической основе.

Все оппозиционные общины, кроме берлинской, поддержали призыв Беккера. По просьбе общин Золингена и Гамбурга он написал 6 июля для лейпцигского оппозиционного съезда проект программы — «Манифест социал-демократической партии» [3]. «Манифест» во многом повторял идеи «Открытого письма» и «Откровенного слова». В нем опять-таки чувствовалось знакомство Беккера с брошюрой Энгельса «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Необходимость добиваться политических свобод, тактика рабочей партии в отношении либеральной буржуазии, агитация среди сельскохозяйственных рабочих — эти идеи высказывались Беккером в той или иной форме и раньше, но после выхода брошюры Энгельса они зазвучали с особенной силой. Значительное место заняли

---

[1] К. Дюльтген — И. Ф. Беккеру, 24 июня 1865 г. См. *R. Dlubek*. Op. cit., S. 333.

[2] «Nordstern», 24. VI. 1865.

[3] *J. Ph. Becker*. Manifest der sozial-demokratischen Partei. «Nordstern», 6 и 13. I. 1866; см. также И. Ф. Беккер — В. Шили, 3—6 июля 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/9.

в программе Беккера мысли «Учредительного манифеста» Международного Товарищества о кооперативных обществах. Эти учреждения не разрешат рабочий вопрос и вряд ли существенно улучшат положение рабочих, считал Беккер, но они, во-первых, рассеют иллюзии рабочих относительно их значения, покажут недостаточность этих средств борьбы, а во-вторых, убедят рабочих, что они способны взять управление общественными делами в свои руки. «Манифест» Беккера был единогласно принят на лейпцигском собрании 3 сентября 1865 г.[1]

Однако создание из оппозиционных общин социал-демократической партии и присоединение ее к Интернационалу не удалось. Оппозиционное движение внутри Всеобщего германского рабочего союза раскололось на несколько групп, объединить которые на основе программы Беккера оказалось невозможным[2].

Часть берлинских рабочих шла за Либкнехтом. Хотя в программе Беккера были пункты, разделявшиеся Либкнехтом (тактика в отношении буржуазии и правительства, идея свободного народного государства)[3], однако и он сам, и его друзья рабочие с недоверием относились к деятельности Беккера. Для них лассальянство было «делом прошлого». Они исходили из того, что Союз неизбежно идет к своему краху, и рабочая партия Германии должна быть создана на других основах[4]. Кроме того, Либкнехт лично не был связан с Беккером. Он подозревал в нем союзника графини Гацфельдт, с которой сам Либкнехт порвал в феврале 1865 года[5]. Это недоразумение рассеял Маркс. Он написал Либкнехту, что Беккер — его старый друг, и что Либкнехт ошибается, если видит в нем орудие «мегеры Гацфельдт»[6]. В дружеском письме Беккеру Либкнехт признал свою ошибку: «Прежде всего я жму твою

---

[1] «Nordstern», 13. I. 1866.

[2] Меринг одобрительно отозвался о попытке Беккера организовать оппозиционные общины, хотя и отметил ее неудачу (см. История германской социал-демократии. Т. 3. М.— Пг., 1923, стр. 200).

[3] См. речь Либкнехта в Союзе печатников в Берлине 28 февраля 1865 г. Die I. Internationale in Deutschland. Berlin, 1964, S. 40—44.

[4] В. Либкнехт — Энгельсу, 4 апреля 1865 г. Briefwechsel, S. 54; Т. Мецнер, З. Мейер и А. Фогт — Марксу, 13 ноября 1865 г. Die I. Internationale in Deutschland, S. 90.

[5] В. Либкнехт — Марксу, 16—17 февраля 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 1834.

[6] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 31, стр. 411.

руку и торжественно прошу прощения за несправедливость. Дело в том, что я долгое время думал, что ты попался в сети дряхлой Армиды Гацфельдт. Прости, мой старый генерал»[1]. Таким образом, взаимопонимание с Либкнехтом было восстановлено, и связь, хотя и с опозданием, но все же налажена.

Что же касается графини Гацфельдт, то ее действия вынудили Беккера, так же как и Либкнехта, открыто порвать с ней. Вначале он пытался использовать ее репутацию давнего друга Лассаля и ее кошелек для поддержки «Nordstern» и всего оппозиционного движения[2]. Однако вскоре он понял, что Гацфельдт наносит Союзу непоправимый вред. Ему глубоко чужды были те способы, какими она действовала в ВГРС — закулисные интриги, денежные подачки, использование связей в кругах прусской аристократии. Но больше всего его оттолкнул тот дух непомерного восхваления Лассаля и фанатической нетерпимости ко всякому отступлению от его идей, которые она культивировала в Союзе. В письмах Беккеру она осыпала его градом упреков, усматривала в золингенской резолюции «интриги», «нарушение программных и организационных принципов», «Маркса и марксианцев»[3]. Графиня отправилась в Париж, откуда вскоре последовало публичное выступление против резолюции в печати, присланное от имени Гесса в редакцию «Nordstern»[4]. Гесс пугал рабочих тем, что план Беккера отдает Всеобщий германский рабочий союз в руки буржуазии и полиции, что его тайная цель — заменить Союз Интернационалом. «Предостережение» Гесса в некоторых местах почти полностью совпадало с письмами Гацфельдт.

Беккер ответил Гессу статьей «Предостережение по поводу предостережения»[5], в которой выступил в защиту Маркса и Интернационала. Главный удар Беккер направил против «ребяческого обожествления» Лассаля, «превра-

---

[1] В. Либкнехт — И. Ф. Беккеру, 8 февраля 1866 г. Die I. Internationale in Deutschland, S. 105.

[2] В. Шили — Марксу, 10 сентября 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 21, ед. хр. 259/12.

[3] «Nordstern», 16. IX. 1865.

[4] «Nordstern», 19. VIII. 1865; см. также *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 406.

[5] *J. Ph. Becker*. Warnung für Warnung. «Nordstern», 9, 16 u. 23. IX. 1865. В сокращенном виде опубликовано: Die I. Internationale in Deutschland, S. 62—68.

щавшего его в карикатуру», а Союз — «во всеобщее посмешище» [1]. Он вскрыл причины насаждения культа Лассаля руководителями Союза. «Они присвоили себе исключительное право толковать произведения Лассаля,— писал Беккер,— потому что ищут в них оправдания своим действиям. Они превратили идеи Лассаля в непререкаемые догмы, чтобы поддержать его именем свой авторитет» [2]. Несмотря на восхищение талантом Лассаля, Беккер считал насаждение его культа в рабочей партии чрезвычайно вредным и опасным делом. Он вернулся к этой проблеме в 1869 году в упомянутой уже статье в «Vorbote». Беккер подверг в ней уничтожающей критике догматизм лассальянцев — превращение теории и тактики Лассаля в предмет слепого поклонения, в новое священное писание, когда не остается места для критической оценки, отделения действительно ценного от ошибочных суждений. Беккер писал в этой статье: «Лассаль перевернулся бы в гробу, если бы свершилось чудо и он узнал, что приверженцы его принципов превратили его в настоящего мессию, а его старую подругу — почти в новую богоматерь [3], что не только его теория, но и его организационные принципы возведены в ранг неопровержимых священных догм, что лассальянцы мужской и женской линии (как язвительно окрестили их злые языки) находятся в смертельной вражде друг с другом и что обе эти линии фанатически ненавидят собственно социал-демократию, поскольку она не желает без всяких оговорок принимать подобное лассальянство или даже только тактику его теперешних вождей... Лассальянство означает ортодоксальную непогрешимость.., исключает свободное и непрерывное развитие разума» [4]. Беккер, разумеется, ошибался, когда приписывал заслугу создания культа Лассаля лишь его приверженцам. Начало этому положил сам Лассаль, не только практикой руководства Союзом, но и попытками теоретически обосновать необходимость единоличной диктатуры при руководстве рабочим движением [5].

---

[1] «Nordstern», 23. IX. 1865.

[2] Ibid.

[3] Речь идет о биографической статье Рёйше о Лассале, которую Маркс охарактеризовал в тех же выражениях, что и Беккер (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 32, стр. 37).

[4] «Vorbote», 1869, № 5, S. 66.

[5] *Ф. Лассаль*. Соч., т. 5, стр. 367.

Критикуя лассальянский догматизм, Беккер рассматривает проблему авторитета при социализме. «Вера в авторитеты и культ личности образует основу патриархальщины, монархизма и всякого деспотизма, и потому находится в самом решительном противоречии с социализмом. Всякое превознесение имеет своей предпосылкой унижение, всякая авторитарность предполагает закабаление... Социализм под сенью нового идола, подобный восковой свече пред ликом нового святого — это карикатура на социализм». Право толковать и развивать теоретические основы социализма Беккер не ограничивает узким кругом избранных. «Принципы принадлежат всему миру, и каждый человек имеет право и обязанность способствовать в меру своих сил и возможностей их теоретическому разъяснению и практическому осуществлению, как *общему* делу. Кто сделал больше других, того история не обойдет своим признанием...». В особенности же это относится к социал-демократическим принципам, «которые по самой своей сути могут развиваться и осуществляться только путем коллективных стремлений и демократических действий. Совершенно нелепо рассматривать их как изобретение той или иной личности, и ей одной предоставлять право их непогрешимого толкования. Не становятся ли при этом снова на принципиальную почву монархизма?» — ставил он вопрос.

Беккер высказал свой взгляд на соотношение демократии и диктатуры при социализме. «Всякий рабочий союз должен быть демократической и социалистической школой политического и экономического освобождения пролетариата. Вообще социализм включает в себя демократию как равноправный принцип, государство и общество при социализме едины суть, и предпосылкой его является полная публичная свобода. Всякий диктаторский метод является отрицанием такой школы и огромным препятствием к осуществлению принципов и освобождению рабочего класса...» [1].

Эти взгляды, противоречившие в корне лассальянским догмам, Беккер развивал не только в 1869 году; нечто подобное об авторитете и культе личности он писал Марксу еще в 1860 году, а в 1865 г. он активно пропагандировал их среди оппозиционных членов Всеобщего германского

---

[1] «Vorbote», 1869, № 5, S. 66—68.

рабочего союза. «Судя по письмам, которые я получаю от более интеллигентных рабочих,— писал Беккер Шили в июле 1865 г.,— процесс эмансипации от экзальтированного культа Лассаля идет успешно, чему я по мере сил способствую» [1].

Итак, по основным пунктам происходившей внутри ВГРС борьбы Беккер разделял взгляды Маркса и Энгельса. Он выступил против пробисмарковской политики центрального органа «Social-Demokrat». Он осудил культ Лассаля, раздувавшийся как руководством Союза, так и графиней Гацфельдт. Он пропагандировал в общинах принципы Интернационала и агитировал за присоединение к нему.

Однако его позиция не была полностью идентичной позиции Маркса и Энгельса. Осуждая канонизацию и обожествление Лассаля, Беккер выступал под лозунгом «за истинного Лассаля». Он популяризировал некоторые идеи Лассаля, интерпретируя их в революционном ключе, видел в них иногда не совсем то или больше того, что они в действительности представляли собой. Преклоняясь перед несомненными достоинствами такой незаурядной личности как Лассаль, он делал из него фигуру более привлекательную, чем живой, реальный основатель Всеобщего германского рабочего союза. Он имел «особое мнение» относительно тактики Лассаля. В целом деятельность Беккера, особенно в оппозиционных общинах ВГРС, имела положительное значение для революционного воспитания рабочих и преодоления сектантства в теории и практике Всеобщего германского рабочего союза, для пропаганды в Германии принципов и создания там секций Международного Товарищества Рабочих.

---

[1] И. Ф. Беккер — В. Шили, 3—6 июля 1865 г. ЦПА ИМЛ, ф. 185, ед. хр. 21/9.

А. Е. КОРОТЕЕВА

ПАРИЖСКИЕ КОММУНАРЫ И ГААГСКИЙ КОНГРЕСС I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Спустя более года после Парижской Коммуны в Гааге собрался пятый конгресс I Интернационала. Революция в Париже оказала огромное влияние на всю внутреннюю жизнь Товарищества, в том числе на подготовку и работу Гаагского конгресса и его решения.

Гаагский конгресс выразил полную солидарность с Парижской Коммуной. Уже на одном из его первых заседаний единодушно, под гром аплодисментов, был принят следующий важный документ, который был опубликован в то время во многих печатных органах I Интернационала: «Конгресс Международного Товарищества Рабочих, собравшийся в Гааге, выражает от имени всемирного пролетариата свое восхищение героическими борцами за дело освобождения труда... и шлет свой братский, сочувственный привет всем тем, кто в настоящий момент подвергается преследованиям буржуазной реакции во Франции, Германии, Дании и во всем мире» [1]. О подвиге коммунаров, «павших на баррикадах во имя спасения человечества» [2], о том, что их пример воодушевляет голландских рабочих, как и рабочих других стран, говорил голландский делегат ван дер Хоут.

В адрес конгресса приходили приветствия, обращения, телеграммы с мест, авторы которых восхищались героиз-

---

[1] Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Протоколы и документы (в дальнейшем — Гаагский конгресс. Протоколы и документы). М., 1970, стр. 40.

[2] Гаагский конгресс Первого Интернационала 2—7 сентября 1872 г. Отчеты и письма (в дальнейшем — Гаагский конгресс. Отчеты и письма). М., 1972, стр. 542.

мом коммунаров, заявляли о своей солидарности с делегатами-коммунарами. Из Женевы, например, прислал приветствие «своим друзьям по Парижской Коммуне» Ф. Ш. Остин [1]. Каждое упоминание о Коммуне и коммунарах встречалось аплодисментами делегатов и гостей.

На открытых заседаниях конгресса делегаты разоблачали клевету международной реакции на Парижскую Коммуну, объясняли позицию Интернационала по отношению к ней. Так, на одном из последних заседаний конгресса, вечером 7 сентября, в присутствии большого числа бельгийских рабочих делегаты Дав, ван дер Хоут, ван дер Абеле и Брисме в своих выступлениях говорили о значении Парижской Коммуны, об отношении к ней бельгийских и голландских рабочих. Ван дер Хоут, в частности, в своей речи осудил появившуюся в голландской реакционной газете «Dagblad» статью о конгрессе, которая возводила клевету на коммунаров, обвиняла их в кровожадности. Заявление ван дер Хоута о том, что «Dagblad» не выражает мнение голландского народа, который осуждает эту явную ложь, вызвало бурное одобрение присутствующих. В отчетах о конгрессе делегаты приводили этот примечательный факт как свидетельство одобрения действий коммунаров конгрессом и голландскими рабочими.

Гаагскому конгрессу предстояло закрепить в программных документах Интернационала важнейшие уроки Парижской Коммуны, определить основные задачи международной пролетарской организации, которые, по оценке Генерального Совета, «существенно изменились в связи с происшедшими великими историческими событиями» [2].

Обобщение опыта Парижской Коммуны в работе Маркса «Гражданская война во Франции» и в резолюциях Лондонской конференции 1871 г. во многом определило направление и характер работы конгресса, принятие им важнейших решений, внесших существенный вклад в теорию и практику классовой борьбы пролетариата. Парижская Коммуна, по словам В. И. Ленина, «всколыхнула по Европе социалистическое движение, ...научила европейский пролетариат конкретно ставить задачи социалистической революции» [3].

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 233.
[2] Там же, стр. 1.
[3] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 453.

* * *

Подготовка Гаагского конгресса проходила в обстановке торжествующей международной реакции, жестоких преследований коммунаров, организаций и деятелей Интернационала, обострившейся идейной борьбы в его рядах между революционно-пролетарским крылом и анархистскими и буржуазно-реформистскими элементами. Консервативная и либеральная пресса извергала потоки клеветы на Интернационал, изощрялась в фабрикации всевозможных фальшивок, приписывая Интернационалу преступные заговорщические действия.

В этих условиях большую помощь в разоблачении клеветнических измышлений оказали Марксу, Энгельсу и всему Генеральному Совету бывшие коммунары. Так, коммунар Бенджамен Ле Муссю, находясь в эмиграции в Лондоне, направил 19 августа 1872 г. в редакцию парижской газеты «Corsaire» письмо, в котором выразил протест против напечатанной на ее страницах фальшивки о предстоящем конгрессе в Гааге [1]. Информируя Маркса о той обстановке, в которой проходила подготовка к конгрессу в Голландии, один из его организаторов Бруно Либерс писал 18 августа 1872 г.: «Вы не можете себе представить, какие небылицы преподносят публике здешние газеты... рассчитывая, само собой разумеется, нагнать страх на великих мира сего и натравить на нас народ» [2].

Коммунары приложили немало усилий для возрождения разгромленных секций и создания новых секций Интернационала во Франции. К моменту созыва Гаагского конгресса уже действовали секции в Париже, Тулузе, Нарбонне и в других городах. Из новых секций в числе первых возникла секция имени Ферре, названная в память о расстрелянном версальцами видном деятеле Коммуны Теофиле Ферре. Секциям удавалось не только распространять документы Интернационала, получаемые из Лондона, но и печатать различную информацию о Товариществе, о предстоящем конгрессе во французских газетах. В свою очередь французские секции, готовясь к конгрессу, направляли в его адрес письма, доклады, обращения, в которых вносили предложения по совершенствованию организационной структуры Интернационала, требовали

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 382.
[2] Там же, стр. 378.

расширения полномочий Генерального Совета с целью успешной борьбы против раскольников внутри Интернационала и международной реакции [1]. Представляет интерес, например, доклад Руанской федерации конгрессу, автором которого был ее многолетний (с 1865 г.) руководитель, делегат всех конгрессов и конференций коммунар Э. Обри [2]. В этом докладе, ссылаясь на опыт Коммуны, Обри отмечал, что рабочие обладают «необходимыми качествами для управления и руководства обществом», что они могут «без угрозы хаоса сменить тех, кто поистине создает беспорядок во всех сферах общества» [3].

Следует отметить также обращение к делегатам конгресса, направленное в августе 1872 г. членами секции Ферре. В этом ярком документе члены секции подчеркивали огромную важность предстоящего конгресса, на котором речь пойдет о «самом существовании Товарищества». Они заклеймили убийц, предателей, душителей парижских коммунаров, смело заявили, что гордятся тем, что сражаются «за благородные принципы Парижской Коммуны» [4]. Не имея возможности послать своего делегата, секция уполномочила представлять ее на конгрессе коммунара-эмигранта Г. Ранвье, выразив уверенность, что он «покажет себя достойным и доблестным уполномоченным того героического Парижа, который он столь энергично защищал» [5]. Вместе с мандатом секция Ферре прислала также свои конкретные предложения, касающиеся изменения организационной структуры Товарищества [6].

И другие действовавшие нелегально французские секции Интернационала были представлены на конгрессе, как правило, эмигрантами Парижской Коммуны. Но некоторым

---

[1] Эти документы опубликованы в кн.: Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 192—218.

[2] Сам Обри не смог приехать в Гаагу ввиду угрозы ареста за участие в Коммуне, поэтому Руанскую федерацию на конгрессе представлял другой коммунар — Файе.

[3] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 216.

[4] Там же, стр. 202, 204.

[5] Там же, стр. 202. Пересылка мандата Ранвье была сопряжена с большими трудностями. 6 августа 1872 г. А. Регаль из Парижа сообщал Бруссу, что 3 августа секция Ферре послала мандат для гражданина Ранвье, и просил немедленно уведомить о его получении. «Вы должны понять мое беспокойство о судьбе этого важного документа, снабженного *тремя* подписями»,— писал он (ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 5631).

[6] См. Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 192—194.

секциям все же удалось направить на конгресс своих делегатов, которым приходилось добираться до Гааги нелегальным путем, соблюдая строжайшую конспирацию. В мандатах этих делегатов значились вымышленные фамилии [1], названия и местонахождение пославших их секций не раскрывались. Такого рода мандаты на конгрессе не оглашались, о них знала лишь мандатная комиссия, которая утверждала их лишь после тщательной проверки.

Генеральный Совет и прежде всего Маркс и Энгельс считали весьма важным присутствие на конгрессе делегатов непосредственно из Франции. Они оказывали всяческое содействие в обеспечении безопасности поездки делегатов в Гаагу, а также в сборе денежных средств на их поездку. Об этом свидетельствуют, в частности, письма брюссельского корреспондента Маркса и Энгельса Э. Глязера де Вильброра. Последний писал Марксу 23 августа 1872 г., очевидно, в ответ на его просьбу оказать помощь делегату из Тулузы, направлявшемуся в Гаагу через Брюссель: «Я приму во внимание Ваше сообщение о делегате из Тулузы, во всяком случае, пусть он будет осторожен здесь. Брюссель в настоящее время осчастливлен присутствием целой когорты французских, немецких и бельгийских агентов» [2]. В другом письме, от 27 августа 1872 г., Глязер де Вильброр информировал Энгельса, что тулузский делегат прибыл в Брюссель и тотчас же благополучно отбыл в Гаагу [3].

В период подготовки конгресса немалую роль в идейном воспитании и сплочении эмигрантов Коммуны, в преодолении разногласий в их рядах, в укреплении связей Генерального Совета с французскими секциями сыграло французское издание работы Маркса «Гражданская война во Франции», вышедшее в июне 1872 года. Это издание, отредактированное Марксом, было осуществлено по решению Генерального Совета при активном участии парижских коммунаров Серрайе и Франкеля и предназначалось для распространения его также во Франции [4]. По свиде-

---

[1] На основании переписки и других косвенных данных удалось расшифровать некоторые псевдонимы, под которыми скрывались в официальных документах конгресса настоящие фамилии французских делегатов. Например, коммунар Файе значился как Дюмон, Потель — Люкен, Дантрейг — Вальтер.

[2] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 396.

[3] Там же, стр. 408.

[4] См. Генеральный Совет Первого Интернационала 1871—1872. Протоколы. М., 1965, стр. 100.

тельству дочери Маркса Женни, «французский перевод «Гражданской войны» оказал очень хорошее воздействие на эмигрантов, удовлетворив в одинаковой мере все партии — бланкистов, прудонистов и коммунистов» [1].

В результате огромной подготовительной работы, проделанной под руководством Маркса и Энгельса членами Генерального Совета из числа французских эмигрантов, а также самими французскими секциями, обеспечено довольно широкое представительство на конгрессе в Гааге. Среди 65 делегатов конгресса было 18 парижских коммунаров; из них 11 являлись видными деятелями Коммуны (Серрайе, Лео Франкель, Валерий Врублевский, Эдуар Вайян, Ш. Лонге и другие). Кроме того, некоторые коммунары присутствовали на конгрессе в качестве гостей, среди них Лиссагаре, автор первой работы о Парижской Коммуне, П. Лефевр-Ронсье [2] и другие.

Присутствие на конгрессе видных деятелей Коммуны придавало ему особую торжественность и значимость. Окруженные ореолом славы участников первой пролетарской революции коммунары пользовались у делегатов конгресса большим уважением и авторитетом. Делегат конгресса Теодор Куно вспоминает, что французские делегаты — члены Парижской Коммуны «производили впечатление людей умных, вдумчивых и логично мыслящих» [3].

Об уважении к Коммуне и ее представителям свидетельствует тот факт, что некоторые коммунары прибыли на конгресс с мандатами, полученными не только от французских секций, но и от федераций и секций Интернационала других стран — Англии, Германии, Дании, Швейцарии, Испании, США и др. Согласно решению съезда Североамериканской федерации, ее делегатом на конгресс был, наряду с Ф. А. Зорге, и коммунар Симон Дерёр. «Если Америка пошлет на конгресс бывшего члена Парижской Коммуны,— писал член федерации Л. Дагбер,— то этим она по сути дела выразит свою солидарность с ее действия-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 33, стр. 573.

[2] П. Лефевр-Ронсье вел записи заседаний конгресса и по просьбе членов комиссии по редактированию протоколов прислал часть их, относящуюся к 15-му заседанию, на котором обсуждался вопрос об Альянсе (см. Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 173—174).

[3] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 532.

ми»[1]. Ф. А. Зорге также сообщал Марксу, что Дерёр избран делегатом конгресса от Коммуны[2].

Делегатом Гаагского конгресса от одной из французских секций и от Генерального Совета был видный деятель Парижской Коммуны, венгерский революционер Лео Франкель. Находясь в начале 70-х годов в эмиграции во Франции, он принимал активное участие в деятельности I Интернационала, в борьбе за Французскую республику, стал одним из руководителей пролетарской революции 18 марта 1871 года, а затем и возникшей в результате ее Парижской Коммуны. В составе Коммуны Франкель возглавлял комиссию труда и обмена, участвовал в работе других комиссий (финансовой, исполнительной), всемерно содействовал проведению социальных реформ, рассматривая заботу о нуждах простого народа как первейшую обязанность члена Коммуны. Как пролетарский революционер-марксист Франкель сумел правильно понять характер и важнейшие задачи совершившейся революции. Обосновывая, например, необходимость и важность декрета об отмене ночного труда в пекарнях, он заявил на одном из заседаний Коммуны: «Мы не должны забывать, что революция 18 марта совершена исключительно рабочим классом. Если мы, чей принцип — социальное равенство, ничего не сделаем для этого класса, то я не вижу смысла в существовании Коммуны»[3].

Из сохранившихся писем Франкеля видно, что он поддерживал связь с Марксом, советовался с ним по вопросу о рабочем законодательстве, о том, как «осуществить коренное преобразование социальных отношений»[4].

В. И. Ленин очень высоко ценил тот факт, что иностранец Лео Франкель стал министром Коммуны, олицетворяя пролетарский интернационализм. «Знамя Коммуны,— отмечал он,— есть знамя всемирной республики»[5].

После поражения Коммуны Франкель, заочно приговоренный к смертной казни, эмигрировал в Лондон. Здесь он был введен в состав Генерального Совета, исполнял обязанности секретаря-корреспондента для Австрии и Вен-

---

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 307.
[2] Там же, стр. 313.
[3] Протоколы заседаний Парижской Коммуны 1871 года. Т II. М., 1960, стр. 268.
[4] Интернационал и Парижская Коммуна. М., 1972, стр. 453.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 8, стр. 487.

грии, участвовал в работе Лондонской конференции 1871 года. В качестве делегата Гаагского конгресса Франкель проявлял большую активность как на общих заседаниях, так и в комиссиях, в которые он был избран (мандатная комиссия, комиссия для рассмотрения писем, телеграмм, докладов, комиссия по редактированию и публикации протоколов конгресса). На предварительном заседании 1 сентября 1872 г. Франкель внес предложение начать работу конгресса с избрания мандатной комиссии, заметив при этом, что не следует требовать от делегатов, прибывших из тех стран, где Интернационал поставлен вне закона, раскрывать местонахождение их секций. «Ведь мы окружены шпионами»,— заявил Франкель в обоснование своего предложения [1].

Как член мандатной комиссии [2] он вместе с Марксом и другими ее членами тщательно проверял подлинность делегатских мандатов, о чем свидетельствуют его пометки на некоторых из них [3]. При обсуждении мандатов на конгрессе Франкель занимал твердую принципиальную позицию, требуя строгой дисциплины от каждого члена организации, подчинения меньшинства большинству. Он выступал против анархистских догм об автономии, федерализме и антиавторитаризме. Примером тому служит его яркое выступление на заседании конгресса 3 сентября 1872 г. по поводу мандата делегата Сова от нью-йоркской секции № 2, которая не подчинилась решению съезда Североамериканской федерации и тем самым нарушила Общий Устав Интернационала [4]. Франкель заявил, что «будет голосовать против мандата автономной секции,

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 82.

[2] Отчет мандатной комиссии за подписями ее членов см. там же, стр. 257—261.

[3] Сохранилась, например, его пометка на мандате австрийского делегата Г. Обервиндера (в списках делегатов значился под псевдонимом Хейм): «Опубликованию не подлежит. Австрия» (там же, стр. 278). Как секретарю-корреспонденту Франкелю было известно, что и в этой стране члены Интернационала преследовались с не меньшей жестокостью, чем во Франции.

[4] Съезд Североамериканской федерации, состоявшийся в начале июля 1872 г., вынес решение о дополнительном взносе в 55 центов с каждого члена Интернационала для покрытия расходов на поездку американских делегатов на конгресс в Гаагу. Секция отказалась выполнить это решение, за что была исключена из Североамериканской федерации. Генеральный Совет также не признал ее в качестве независимой секции.

которая из-за каприза порывает с Центральным советом, выпускает плакаты по своему усмотрению, как это делали некоторые члены Коммуны, которых он не хочет называть, так как они отсутствуют.— Подобный прецедент увлек бы Интернационал на наклонную плоскость» [1]. Этим выступлением Франкель по существу призвал делегатов конгресса извлечь урок из событий Коммуны, использовать ее опыт для укрепления организации Интернационала, усиления полномочий его руководящего органа — Генерального Совета.

Стремлением повысить роль и авторитет Генерального Совета и расширить влияние Интернационала в целом, обеспечить материальную поддержку его деятельности было продиктовано и предложение Франкеля об увеличении членских взносов. Это предложение, согласно протокольной записи, Франкель мотивировал тем, что Генеральному Совету требуется большая сумма денег для посылки эмиссаров в города и деревни и издания брошюр с целью пропаганды.

По всем основным вопросам Лео Франкель отстаивал на конгрессе последовательную революционную линию Генерального Совета, поддерживал его в борьбе против анархистских элементов, голосовал, как правило, вместе с делегатами большинства. Его подпись стояла под материалами следственной комиссии по делу об Альянсе, разоблачающими действия бакунистов. Единственным вопросом, по которому Франкель разошелся с большинством, явилось предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Подавая свой голос за оставление Генерального Совета в Лондоне, Франкель, как и некоторые другие делегаты большинства, очевидно, не понял глубокого смысла этого предложения Маркса и Энгельса, которое было продиктовано усилением реакции в Европе и необходимостью оградить Интернационал от влияния ли-

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 24. Делегат конгресса Ф. Зорге в своей протокольной записи передал это выступление Франкеля следующим образом: «Франкель решительно против допуска секции № 2 и ссылается на события во время Коммуны, когда отдельные секции посредством афиш на стенах и т. д. тоже интриговали против федерального совета. Он говорит также в пользу централизации против так называемой «автономии», то есть *честолюбия*. Невозможно дальше терпеть противодействие каждому решению, дисциплина *должна* поддерживаться» (там же, стр. 102).

беральных тред-юнионистов и других разлагавших его элементов.

Своим деятельным участием в Гаагском конгрессе, аргументированными выступлениями и предложениями, решительной защитой марксистских положений Франкель, по воспоминаниям Т. Куно, привлекал внимание, производил впечатление «человека большого ума и обширных знаний» [1].

В документах Гаагского конгресса исследователи жизни и деятельности Франкеля несомненно найдут новые штрихи к характеристике этого видного представителя венгерского и международного рабочего движения, героя Парижской Коммуны, соратника Маркса и Энгельса.

Достойно представлял на Гаагском конгрессе польскую секцию в Лондоне и Генеральный Совет другой прославленный коммунар, генерал Коммуны Валерий Врублевский. Страстный революционер и демократ, один из руководителей польского восстания 1863 г., Врублевский был вынужден многие годы находиться за пределами родины. Но и живя в эмиграции (во Франции, Англии), он продолжал поддерживать связь с польским революционным движением и русскими революционерами. Вместе с генералом Домбровским Врублевский организовал большой отряд польских революционеров-эмигрантов для поддержки Парижской Коммуны. Обладая незаурядным военным талантом, он руководил разработкой плана военных действий Коммуны. В. И. Ленин отмечал: «Память Домбровского и Врублевского неразрывно связана с величайшим движением пролетариата в XIX веке, с последним — и, будем надеяться, последним неудачным — восстанием парижских рабочих» [2].

Обосновавшись с лета 1871 г. в Лондоне, Врублевский стал последователем Маркса, активным членом Генерального Совета, выполняя обязанности секретаря-корреспондента для Польши, был в числе делегатов Лондонской конференции 1871 года. На Гаагском конгрессе Врублевский при решении важнейших вопросов неизменно поддерживал Генеральный Совет и Маркса. Он проголосовал вместе с большинством делегатов за предложение о перенесении местопребывания Генерального Совета из Лондо-

---

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 531.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 237—238.

на в Нью-Йорк. Большая роль принадлежала Врублевскому в разоблачении Бакунина и его сторонников. Располагая информацией о тайных происках бакунистов в России, Врублевский считал своим долгом дать о них показания комиссии конгресса по расследованию дела об Альянсе и тем самым способствовать принятию важного решения об исключении главарей Альянса из Интернационала. Врублевский заявил следственной комиссии, что твердо убежден в существовании тайного Альянса, возглавляемого Бакуниным, располагает неоспоримыми доказательствами дезорганизаторских действий альянсистов. Еще накануне конгресса Врублевский вел активную борьбу с бакунистами, которые, используя самые недостойные приемы, вплоть до прямой фальсификации, пытались привлечь на свою сторону польскую эмиграцию.

Врублевский выступил с речью на митинге в Амстердаме, посвященном итогам Гаагского конгресса. В кратком репортаже об этом митинге корреспондент голландской газеты «Algemeen Handelsblad» сообщал о речи Врублевского: «Представитель от Польши, гражданин с непроизносимой фамилией, оканчивающейся на «кий», который был генералом Коммуны, говорит, что его соотечественники должны сражаться против трех видов тирании: политической, духовной и экономической, но независимо от этого их всегда найдут в первых рядах борцов» [1].

Заметную роль в подготовке и работе конгресса сыграл рабочий-формовщик Огюст Серрайе, деятельность которого неразрывно связана с Генеральным Советом Интернационала: он был секретарем-корреспондентом для Бельгии и Испании, затем для Франции. Серрайе приходилось выполнять ряд ответственных поручений Совета во Франции. После событий 4 сентября 1870 г. он был направлен Советом в Париж со специальным поручением активизировать деятельность членов Интернационала во Франции по защите Французской республики. Серрайе участвовал в организации окружных комитетов бдительности и Центрального республиканского комитета 20 округов. Его усилия увенчались созданием нового Федерального совета Интернационала. С провозглашением Коммуны Серрайе

---

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 539. К сожалению, мы не располагаем какими-либо дополнительными сведениями о речи Врублевского и выступлениях других ораторов на митинге в Амстердаме.

стал ее членом. Вместе с Лео Франкелем он работал в комиссии труда и обмена, проводя в жизнь важные социальные декреты Коммуны, в частности, декрет о передаче рабочим ассоциациям бездействующих мастерских. Серрайе одним из последних покинул баррикады Коммуны, а затем нелегально выехал из Парижа, будучи заочно приговорен версальцами к смертной казни. Выполняя функции секретаря-корреспондента Генерального Совета для Франции (с осени 1871 г.), Серрайе проявил огромную энергию для возрождения и укрепления французских секций Интернационала. Он был также делегатом Лондонской конференции. Как делегат Гаагского конгресса от французской секции в Монпелье и Генерального Совета Серрайе активно участвовал в обсуждении всех вопросов на конгрессе, умело парировал нападки бакунистов на Генеральный Совет. Благодаря его обоснованным доводам конгресс не утвердил несколько мандатов, незаконно полученных бакунистами (Алерини от Марсельской секции, Н. Жуковского от Женевской секции пропаганды и революционного действия и др.), и в то же время признал действительными мандаты ряда делегатов, которые оспаривались представителями меньшинства. Серрайе давал решительный отпор бакунистам, обвинявшим делегатов большинства в том, что они заранее договорились между собой по всем вопросам и в силу этого всякая дискуссия на конгрессе бесполезна. «Мы приехали сюда как люди свободные и добросовестные и... представляем тридцать департаментов» [1],— отвечал Серрайе на обвинения Гильома. Горячо выступал Серрайе и в защиту организационных принципов Интернационала, закрепленных в Общем Уставе Товарищества, подчеркивал важность усиления полномочий Генерального Совета. Он содействовал разоблачению раскольнических действий бакунистского Альянса во Франции. Данные им показания следственной комиссии по этому делу были использованы ею при подготовке доклада об Альянсе. После конгресса Серрайе вместе с другими членами комиссии по редактированию протоколов конгресса участвовал в подготовке их к публикации.

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 47. В записи Ф. Зорге сказано еще: «члены Интернационала во Франции полностью одобряют постановление конференции о политике и деятельность Генерального Совета» (там же, стр. 122—123).

Делегатом Гаагского конгресса от одной из французских секций был Шарль Лонге, журналист, член Парижской Коммуны, редактор ее официального печатного органа «Journal officiel». 5 сентября 1872 г. на открытом заседании конгресса Лонге огласил на французском языке отчетный доклад Генерального Совета, написанный К. Марксом. Он же, выступая в защиту Общего Устава Товарищества против попыток бакунистов навязать конгрессу принцип голосования не по наличным делегатским мандатам, а по федерациям, заявил на одном из заседаний, что представитель каждой секции, пусть даже небольшой и единственной в той или иной местности или даже стране, имеет такие же делегатские права, как и представитель крупной федерации, что «федерации не могут помешать отдельной секции высказывать свою точку зрения и голосовать самостоятельно» [1]. Лонге участвовал также в дискуссии о полномочиях Генерального Совета. Полемизируя с делегатами меньшинства, стремившимися низвести руководящий орган Интернационала до уровня корреспондентского бюро или простого «почтового ящика», Лонге заявил в своей речи, что подобно тому, как федеральные советы являются руководящими органами федераций, «Генеральный Совет должен иметь возможность воздействовать на федерации, чтобы добиться выполнения решений конгресса. В этом заключается задача управления, о котором здесь идет речь» [2]. Большая заслуга принадлежит ему и в защите резолюции Лондонской конференции о политическом действии рабочего класса против анархистского принципа воздержания от политики. Именно вокруг этого коренного вопроса происходила на Гаагском конгрессе острая борьба Маркса и его сторонников против анархизма и мелкобуржуазного реформизма. Лонге, выступая в поддержку предложения марксистов о включении в Устав Интернационала пункта о политической организации пролетариата, сослался при этом на урок Парижской Коммуны. «Коммуна,— заявил он,— пала вследствие недостатка политической организации!» [3]. «Если бы в нашей программе была

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 169.

[2] Там же, стр. 47. В записи Ф. Зорге: «Лонге полагает, что народ все же не может быть вездесущим, он должен иметь своих уполномоченных, выполняющих известные работы, которые не всякий может сделать» (там же, стр. 122).

[3] Там же, стр. 132.

статья IX, мы были бы вооружены для борьбы»[1]. Заслуживает внимания замечание Лонге об отсутствии у парижских рабочих в период Коммуны политического опыта, что сковывало их действия. Рабочим, подчеркивал Лонге в одной из своих речей, «не хватило умения использовать авторитет, который оказался в их руках, и поэтому они потерпели поражение»[2]. Опыт Парижской Коммуны, активное участие в работе Генерального Совета, а также личное общение с Марксом и Энгельсом способствовали переходу Лонге от левого прудонизма к марксизму.

В документах Гаагского конгресса нередко встречается имя коммунара Бенджамена Ле Муссю, представлявшего французскую секцию Интернационала в Лондоне. Он был избран официальным секретарем конгресса для французского языка и начиная с третьего заседания вел протоколы конгресса[3]. Будучи секретарем-корреспондентом Генерального Совета для США, Ле Муссю сыграл значительную роль при подготовке конгресса. Он боролся с американскими мелкобуржуазными и буржуазными реформаторами, стремившимися проникнуть в Интернационал и превратить его в буржуазную организацию, а также против их блока с раскольниками-бакунистами. В качестве члена комиссии по редактированию протоколов и документов Гаагского конгресса Ле Муссю провел большую работу по собиранию и подготовке этих документов к печати.

Из бывших коммунаров, оставивших заметный след в работе Гаагского конгресса, следует отметить также двух французских рабочих — Симона Дерёра (по профессии сапожник) и Жюля Жоаннара (литограф). Оба они были деятельными борцами за установление Французской республики, сражались за нее на парижских баррикадах, были избраны в состав Парижской Коммуны, работали в ряде ее комиссий, а в тяжелые майские дни 1871 г. выполняли функции гражданских комиссаров при армии защитников Коммуны. Дерёр занимался и журналистикой, был членом редакции газеты «Marseillaise», органа левых республиканцев, которая широко освещала деятельность I Интернационала, помещала материалы о рабочем движе-

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 60.
[2] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 57.
[3] К сожалению, эти протоколы сохранились только в черновом виде.

нии. Он сотрудничал также в нескольких бланкистских газетах.

На конгрессе в Гааге, будучи делегатом от Североамериканской федерации, Дерёр выступал в защиту позиции Генерального Совета в вопросе о расколе в Североамериканской федерации. Как и другие делегаты-коммунары, Дерёр требовал соблюдения всеми членами Интернационала Общего Устава, Регламента и решений как общих конгрессов, так и федеральных съездов. Он был избран на конгрессе членом ряда комиссий — мандатной, комиссии для рассмотрения телеграмм, писем и докладов в адрес конгресса, комиссии по проверке финансовой отчетности Генерального Совета. Как член последней, Дерёр энергично требовал заклеймить альянсистских клеветников из Юрской федерации, которые в унисон с буржуазными репортерами писали на страницах своей газеты «Bulletin de la Fédération jurassienne», будто бы члены Генерального Совета живут за счет средств, собираемых у рабочих в виде членских взносов. Комиссия убедительно, с цифрами в руках опровергла эти измышления и отметила в своем докладе, что Генеральный Совет даже остался должен отдельным его членам, в том числе Марксу и Энгельсу.

По основным обсуждавшимся на конгрессе вопросам (кроме перенесения Генерального Совета в Нью-Йорк) Дерёр голосовал вместе с делегатами большинства. Гаагский конгресс избрал Дерёра в состав нового Генерального Совета.

Имя коммунара Жюля Жоаннара, представлявшего на Гаагском конгрессе одну из французских секций, также довольно часто встречается в протокольных записях конгресса. Вместе с Марксом он работал в комиссии для выяснения обстоятельств публикации в «Bulletin de la Fédération jurassienne» клеветнического материала против Генерального Совета[1]. Жоаннар решительно осуждал измышления и раскольнические действия альянсистов и голосовал за исключение из Интернационала Бакунина и Гильома, которые «всегда казались ему нашими врагами, прибегающими к оружию клеветы; он им высказал то, что о них думает, он их не защищает»[2]. Вместе с тем Жоаннар не был согласен с некоторыми положениями доклада

[1] Ни в протоколах, ни в материалах конгресса не сохранилось доклада этой комиссии.

[2] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 75.

следственной комиссии по делу об Альянсе. В частности, он выступил против предложения об исключении из рядов Товарищества примкнувшего к анархистам французского социалиста, участника Парижской Коммуны Бенуа Малона, приведя в его защиту несколько веских доводов [1]. При решении такого важного вопроса, как исключение из организации, Жоаннар предлагал действовать с надлежащей осмотрительностью. Ведь исключение из Международного Товарищества Рабочих, отмечал он, «представляет собой худшую, наиболее позорную кару, какой можно подвергнуть человека; он никогда уже не сможет участвовать в достойной уважения организации» [2]. Конгресс принял во внимание соображения Жоаннара, и Малон был оставлен в рядах Интернационала.

Представляют интерес письма Жоаннара, которые он послал из Гааги в начале сентября 1872 г. в Лондон на имя Германа Юнга. В них содержится ряд подробностей о конгрессе, раскрывающих происходившую на нем внутреннюю борьбу, дается характеристика отдельным участникам конгресса и т. д.

На конгрессе присутствовал еще ряд делегатов — Вильмар (от Бордо), Файе (Руанская федерация), Люкен (псевдоним Потеля) и др., которые также были участниками Коммуны. Некоторые из делегатов, хотя и не были непосредственными участниками Коммуны, стояли близко к Коммуне и поддерживали с нею тесную связь. В их числе были Поль Лафарг, Эжен Дюпон и другие.

Все коммунары-делегаты конгресса, о которых шла до сих пор речь, выражали в основном взгляды Маркса и Энгельса и входили в так называемое большинство конгресса. К этому большинству делегатов принадлежала и группа эмигрантов коммунаров-бланкистов (Вайян, Ранвье, Арно, Курне). В теории бланкисты разделяли взгляды, изложенные Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистиче-

---

[1] Участник конгресса П. Лефевр-Ронсье в своих записях следующим образом изложил это выступление Жоаннара: «Малон — бывший член Парижской Коммуны и один из старейших членов Товарищества. Несомненно,— продолжает Жоаннар,— Малон уже в течение года не идет по прямому пути и, по-видимому, заключил союз с нашими врагами, но есть основания надеяться, что решение конгресса его образумит и что он откажется от заблуждений, о которых сожалеют его старые друзья» (Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 173).

[2] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 139.

ской партии», то есть социалистическую программу [1]. Как члены Генерального Совета, бланкисты накануне конгресса и на самом конгрессе являлись надежной опорой Маркса, Энгельса и их сторонников в борьбе как против бакунистов, так и против английских и других реформистских элементов, входивших в Генеральный Совет.

Немалая заслуга в этой борьбе принадлежала прежде всего известному публицисту Эдуару Вайяну. Прожив продолжительное время в Германии, он хорошо изучил немецкий язык и социалистическую литературу, стал последовательным и страстным интернационалистом. Не случайно накануне конгресса социалисты Лейпцига обратились к Вайяну с просьбой быть их представителем на конгрессе. В письме на имя В. Либкнехта и А. Бебеля от 30 августа 1872 г. Вайян расценил эту просьбу как «свидетельство доверия партии, которая не пасует перед прусской империей и представляет в Германии революцию, подобно тому как Коммуна представляла ее во Франции» [2]. Вместе с тем он привел в этом письме веские мотивы, которые не позволили ему принять мандат немецких социалистов. Вайян считал более целесообразным, чтобы бывшие коммунары явились на конгресс с французскими мандатами и могли с должным авторитетом провозгласить свои цели.

Вайян был видным деятелем Парижской Коммуны, занимал в ней ответственные посты — члена Исполнительной комиссии и министра просвещения. В лондонской эмиграции он стал членом Генерального Совета, активно участвовал в работе Лондонской конференции Товарищества в сентябре 1871 г., в подготовке и в работе Гаагского конгресса, поддерживая по основным вопросам позицию Маркса и Энгельса. Вайян был автором или соавтором ряда заявлений и предложений, обсуждавшихся на заседаниях конгресса [3]. Он, в частности, принял непосредственное участие в составлении дополнений к Общему Уставу Интернационала, в написании первого варианта резолюции о политической деятельности рабочего класса, выступал на кон-

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Эмигрантская литература. II. Программа бланкистских эмигрантов Коммуны. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 510—517.

[2] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 415.

[3] См. Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 150—152, 153, 154, 155, 157, 158, 164.

грессе в поддержку предложения об усилении полномочий Генерального Совета.

Обосновывая предложение о включении в Устав Интернационала новой статьи о политическом действии рабочего класса, Вайян в своей речи на конгрессе говорил: «Против нас применяют силу, а против силы можно действовать только силой. Экономическая борьба должна быть неотделимой от политической борьбы, и в процессе революции путем диктатуры пролетариата должно быть осуществлено уничтожение классового господства». И далее: «Мы должны образовать собственную партию, противостоящую всем партиям господствующих и имущих классов, не имеющую ничего общего с буржуазными классами» [1].

Другой активный участник Коммуны (член Военной комиссии и Комитета общественного спасения) бланкист Габриэль Ранвье (рисовальщик по фарфору) представлял на Гаагском конгрессе упоминавшуюся выше парижскую секцию, носившую имя расстрелянного коммунара Ферре. Ранвье был восторженно встречен делегатами и единодушно избран председателем конгресса. Принимая этот почетный пост, он заявил, что свое избрание рассматривает как честь, оказанную не ему лично, а секции имени Ферре. Он поблагодарил конгресс от имени Парижской Коммуны, назвал себя и других французских делегатов ее представителями [2].

На первом же открытом заседании конгресса 5 сентября 1872 г. Ранвье в присутствии многочисленных гостей отметил подвиг Коммуны, почтил память павших героических коммунаров, выразил благодарность тем странам и правительствам, которые, невзирая на злобные вымыслы врагов, предоставили политическое убежище эмигрантам Коммуны. Речь Ранвье была встречена бурными аплодисментами, о чем свидетельствуют как протокольные записи конгресса, так и многочисленные газетные отчеты [3].

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 129—130.

[2] См. там же, стр. 32.

[3] Правда, в официальных протоколах конгресса эта речь Ранвье была записана очень кратко. Несколько подробнее она была передана в рукописном отчете бельгийского делегата П. Флюза: «Вы знаете, какие причины помешали нам собраться раньше. Версальские избиения произвели громадные опустошения в наших рядах; непрерывно возобновляемые преследования надолго лишили нас всякого пристанища и всякой безопасности. Нам удалось со-

Вместе с Ранвье и другими коммунарами-бланкистами активно участвовал в работе конгресса Антуан Арно, служащий железнодорожных компаний (по профессии химик). Член Интернационала, руководитель одной из парижских секций Арно и до Коммуны играл видную роль в революционном движении. Он был членом ЦК Национальной гвардии, членом Парижской Коммуны, где выполнял ряд обязанностей — секретаря, члена комиссии внешних сношений, комиссии общественных служб, в мае 1871 г. работал в Комитете общественного спасения. В период эмиграции в Лондоне стал членом административной комиссии Общества эмигрантов Коммуны. В ноябре 1871 г. вместе с другими коммунарами был введен в состав Генерального Совета Интернационала. На конгрессе в Гааге Арно представлял швейцарскую секцию в Каруже.

Коммунар-бланкист Фредерик Курне был делегатом от Датского федерального совета и Генерального Совета. В период Второй империи Курне не раз подвергался преследованиям и арестам за свою революционную и политическую деятельность в качестве журналиста, одного из редакторов газеты «Le Réveil». В Коммуне Курне входил в состав ряда комиссий — Исполнительной, Военной и комиссии по разработке программы. Он принимал самое активное участие в подготовке Гаагского конгресса, не раз председательствовал на его заседаниях.

Как видно из многих документов, делегаты-бланкисты немало содействовали успешной работе конгресса, активно поддерживали сторонников Маркса и Энгельса в идейной борьбе против бакунистов и реформистов по важнейшим вопросам, обсуждавшимся на конгрессе. Некоторые из бланкистов близко подошли к позициям научного коммунизма, признали на основании опыта Коммуны необходимость широкой политической деятельности пролетариата, создания самостоятельной пролетарской партии. Тем

звать только негласную конференцию в Лондоне в 1871 г. Но эта конференция не повредила, напротив, Интернационал укрепился повсюду; главное, мы привлекли к нашему делу значительную часть земледельцев, которые вместе с нами ускорят приближение дня социального освобождения... Вы знаете, какова наша цель, мы хотим торжества трудящихся классов и мы от этого не так далеки, как кое-кто изображает. Доказательством служит то, что, несмотря на все законы Дюфора, Интернационал продолжает организовываться и с каждым днем становится все сильнее и могущественнее» (Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 195—196).

не менее они не могли полностью преодолеть свойственных бланкизму элементов волюнтаризма, склонности к авантюристической тактике и мелкобуржуазному революционаризму. Поэтому, в частности, они голосовали против предложения большинства о перенесении местопребывания Генерального Совета в Нью-Йорк. Это решение Гаагского конгресса бланкисты расценили как отказ Интернационала от роли инициатора политической борьбы и организатора «революционной интернациональной партии рабочих», как отказ от подготовки новой решающей битвы. Такая позиция бланкистов была осуждена уже на самом конгрессе другими французскими делегатами, которые составили от имени парижских секций декларацию, зачитанную на конгрессе Дюмоном. В ней подвергались критике иллюзии бланкистов о «реванше», о «близкой и окончательной победе», отвергались авантюристические по своей сути призывы к более энергичным действиям, к превращению Интернационала «в комитет по баррикадам». После оглашения этой декларации бланкисты демонстративно покинули Гаагу, не дождавшись окончания работы конгресса. Жюль Жоаннар сообщил 8 сентября 1872 г. Г. Юнгу в Лондон: «Бланкисты уехали сегодня утром, была страшная атака против них вчера вечером» [1].

Вскоре после конгресса (15 сентября 1872 г.) бланкисты составили манифест, в котором обвинили большинство Гаагского конгресса в «бегстве от революции». Этот манифест появился затем в виде брошюры под названием «Интернационал и революция», автором его был Э. Вайян, подписан также бланкистами Ранвье, Арно, Курне. Хотя манифест был написан, по оценке делегата конгресса И. Ф. Беккера, «откровенно и с достоинством» [2], в нем наглядно проявились сектантский характер бланкизма, ошибочная оценка движущих сил революции, несостоятельность тактики бланкистов, которые не желали считаться с изменившимися условиями революционной борьбы, проявляли чреватое ненужными жертвами нетерпение. В духе идей Бланки его последователи рассматривали организованное и энергичное меньшинство городского пролетариата как единственную революционную силу. Сельский пролетариат в их представлении являлся опорой реакции. Бланкисты не допускали даже кратковременного сближе-

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 441.
[2] Там же, стр. 158.

ния и союза с радикальными буржуазными партиями, игнорировали буржуазно-демократический этап революции.

В понимании условий подготовки революции, ее характера и движущих сил бланкисты принципиально расходились с марксистами, смыкались по существу с бакунистами.

И. Ф. Беккер в отчете о Гаагском конгрессе в газете «Tagwacht», анализируя борьбу течений в Интернационале, писал о сектантской заговорщической тактике бланкистов: «Да, они пока не чувствуют и не понимают, что историческое движение нашего времени переросло этап тайных собраний и клубов... Они не понимают, что это движение основано на развивающейся одновременно с ним общественной науке, а тем самым на политической и экономической реальности» [1].

Позиция делегатов-бланкистов получила всестороннюю объективную оценку в статье «Конгресс Интернационала», опубликованной в венской газете «Neue Freie Presse» 10 сентября 1872 года. Автором этой весьма содержательной статьи, как теперь доказано, был Карл Маркс [2]. Маркс подчеркнул здесь, что бланкисты «во многих вопросах выступают с немцами, но отнюдь не полностью согласны с ними. Сами бланкисты благодаря горькому опыту последних лет стали, правда, как-то трезвее, но они, к сожалению, все еще страдают известным национальным высокомерием и влечением к действию, которое они пытаются удовлетворить, поступая опрометчиво и прямо-таки нелепо» [3].

Понимая неизбежность идейного размежевания с бланкистами и подвергая в ряде случаев острой критике их сектантские взгляды и тактику, Маркс и Энгельс вместе с тем высоко ценили участие видных коммунаров-бланкистов в Гаагском конгрессе, считали их своими союзниками в борьбе против главных идейных противников в Интернационале — анархистов и реформистов.

Весь ход работы Гаагского конгресса и его итоги явились яркой иллюстрацией органической связи между

---

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 154.

[2] Обоснование авторства Маркса см. «Научно-информационный бюллетень Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса», № 22, стр. 125—128.

[3] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 113.

I Интернационалом и Парижской Коммуной, влияния Коммуны на дальнейшую деятельность I Интернационала. Уже в отчете Генерального Совета конгрессу отмечалось: «Различие между рабочим классом, не имеющим международной организации, и рабочим классом, имеющим Интернационал, становится особенно очевидным, если мы обратимся назад к периоду 1848 года. Потребовались долгие годы, пока сам рабочий класс понял, что июньское восстание 1848 г. является делом его собственных передовых борцов. А Парижская Коммуна немедленно же была встречена радостными криками одобрения всего международного пролетариата» [1].

На опыт Парижской Коммуны делегаты конгресса ссылались при обсуждении и принятии важнейших решений о партии и диктатуре пролетариата. В полемике с анархистами по поводу их тезиса об «антиавторитарности» немецкий делегат Гепнер заявил: «Как могут «антиавторитаристы» перед лицом страшных уроков, преподнесенных нам Парижской *Коммуной,* требовать от данного конгресса, чтобы он ликвидировал руководство Интернационалом или, по крайней мере, связал ему руки» [2].

Основной урок Коммуны — необходимость создания организационно и идейно сплоченной самостоятельной пролетарской партии в каждой стране — был правильно понят передовыми рабочими, объединенными в Интернационал. Гаагский конгресс решительно отверг попытки анархистов извратить опыт Парижской Коммуны, представить ее как образец федерализма и децентрализации [3].

Необходимо было показать теоретическую и практическую несостоятельность тезиса о федерализме Коммуны, тем более, что это утверждение находило поддержку и у прудонистов и у мелкобуржуазных демократов, составлявших большинство Коммуны. Не случайно поэтому

---

[1] Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 185.

[2] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 94.

[3] Лидер анархистов Джемс Гильом, выступая на конгрессе против резолюции IX Лондонской конференции о политическом действии, прямо заявил: «Мы, федералисты, а не централисты, мы хотим добиться исчезновения государства, поэтому мы против резолюции IX». Гильом выступил не только против этой резолюции, но и против приведенных в конце II главы «Манифеста Коммунистической партии» 10 программных пунктов коммунистической программы, созвучных с нею (Гаагский конгресс. Протоколы и документы, стр. 59).

К. Маркс критике этого тезиса уделил значительное место в упомянутой обобщающей статье о Гаагском конгрессе в венской газете «Neue Freie Presse».

В полемике с анархистами о значении опыта Коммуны активно выступали на конгрессе и ее непосредственные борцы, защитники первого в мире пролетарского государства. Опровергая мелкобуржуазные теории прудонистов и бакунистов, они отмечали в то же время просчеты и ошибки Коммуны, которые проистекали, в частности, из недостаточного использования ею своего авторитета и власти.

В оценке Парижской Коммуны, значения ее опыта и уроков для освободительной борьбы пролетариата особенно наглядно проявился принцип пролетарского интернационализма. Обращаясь к делегатам-коммунарам, делегат от немецкой Социал-демократической партии Адольф Гепнер заявил на одном из заседаний конгресса: «Пусть присутствующие члены Коммуны скажут мне, прав я или нет, если я, хотя и не по поручению, однако в *духе* немецкой социал-демократии, заявляю, что Коммуна слишком *мало* использовала авторитет; что для нее было бы лучше, если бы она употребляла свой авторитет в несколько *большей* степени» [1].

Гаагский конгресс закрепил в программе международного рабочего движения важнейшие теоретические положения — о необходимости политической борьбы и завоевания пролетариатом политической власти, о создании самостоятельных партий пролетариата. Тем самым была одержана решающая победа над анархизмом и другими формами домарксовского социализма (прудонизмом, бланкизмом, лассальянством) и буржуазным реформизмом, сделан огромный шаг вперед в процессе соединения марксизма с рабочим движением.

---

[1] Гаагский конгресс. Отчеты и письма, стр. 94—95.

В. Ю. САМЕДОВ

«ЗНАМЯ» — РУССКАЯ ГАЗЕТА СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ В НЬЮ-ЙОРКЕ (1889—1890 годы)

В истории русской социал-демократической печати есть полузабытая страница, которая еще не привлекла внимание исследователей. А между тем, она связана с весьма любопытным эпизодом, с примечательной вехой на сложном и тернистом пути зарождения русской социал-демократии. Имеется в виду издание в 1889—1890 годах в Нью-Йорке на русском языке газеты социал-демократического направления под названием «Знамя». О том, при каких обстоятельствах она возникла и что освещала на своих страницах, и пойдет речь в данном сообщении.

* * *

После того, как общественный подъем конца 70-х годов в России не смог вылиться в революцию и высокая волна революционного прибоя была вновь отбита царизмом, в стране наступила длительная полоса политической реакции. Царизм жестоко мстил революционерам за героическую попытку добиться свободы для трудового народа, обрушив на них и прогрессивные общественные круги свирепые репрессии и преследования. Он резко усилил социальное и национальное угнетение трудящихся, религиозную нетерпимость к иноверцам. Политикой «контрреформ» царизм восстанавливал и упрочивал привилегии и позиции дворян-помещиков, ущемлял и ограничивал права национальностей, душил общественную и культурную жизнь, малейшие проявления свободомыслия.

В этих тяжелых условиях большие размеры приобрела эмиграция из России городской бедноты, ремесленников и кустарей, малоземельных крестьян.

В поисках лучшей доли широкий поток российской эмиграции направлялся в 80-х годах за океан, главным

образом в США, страну, казавшуюся издали «землей обетованной», манившей призраком настоящей свободы и привольной, зажиточной жизни [1].

Но «страна свободы и золота» встречала переселенцев из России сурово и неприветливо. Незнание языка, обычаев и законов страны, отсутствие материальных средств, непривычные условия и стремительный ритм жизни и труда, безжалостное давление экономического строя капитализма с его неумолимыми хищническими законами — все это быстро разбивало идиллические представления и надежды русских переселенцев. Почти все они были вынуждены становиться наемными рабочими, пролетариями, вливаться в ряды рабочего класса. Глубоко окунувшись в водоворот жизни в условиях капиталистической действительности, изобиловавшей острейшими социальными конфликтами и классовыми противоречиями, российские рабочие постепенно втягивались в классовую борьбу, профессиональное движение, в общественно-политическую жизнь.

В эти годы за океан эмигрировала из России также революционно настроенная молодежь, перебрались из Европы и обосновались здесь некоторые русские революционеры-эмигранты, деятели российского освободительного движения, в надежде развернуть среди русских переселенцев революционную работу, организовать их силы на поддержку борьбы за свободу народа на родине.

Еще в 70-х годах в Америку из Европы переселился С. Е. Шевич, вскоре ставший здесь видным деятелем американского социалистического рабочего движения, социал-демократом. В начале 80-х годов в Нью-Йорк из Англии перебрался Л. Н. Гартман — видный деятель партии «Народная воля», ее заграничный представитель, которого хорошо знали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1886 г. в США переехал из Европы революционер-эмигрант В. А. Столешников, бывший сподвижник П. Н. Ткачева, участвовавший в выпуске его газеты «Набат»; в Нью-Йорке он стал деятельным социал-демократом.

В 1886—1887 гг. в Нью-Йорк прибыли: из Вильно — А. О. Каган, ставший вскоре видным литератором-журналистом и социалистическим деятелем; из Европы — братья

[1] С 1881 по 1890 г. в США из России прибыло 213 тысяч переселенцев, а в следующее десятилетие — еще 505 тысяч (см. *Л. А. Баграмов*. Иммигранты в США. М., 1957, стр. 31).

Л. С. и Е. С. Бандасы — участники революционного движения в Вильно и Одессе, вынужденные бежать от полицейских преследований из России в Швейцарию; из Риги — М. Гилькович, который стал здесь (под именем Мориса Хилквита) видным деятелем американского социалистического движения, вначале примыкал к марксизму, а в дальнейшем скатился к реформизму. В конце 80-х — начале 90-х годов в Америку прибыли: русский политический эмигрант С. Поляк, ставший в Нью-Йорке активным социал-демократом; бывший народоволец В. П. Маслов-Стокоз, примкнувший здесь к социал-демократам и сотрудничавший в их печати; один из первых русских марксистов, экономист и литератор И. А. Гурвич, автор ряда марксистских исследований, получивших высокую оценку В. И. Ленина.

Таким образом в Нью-Йорке и других городах США в среде русских переселенцев исподволь накапливались революционные силы, выросшие в недрах российского освободительного движения и продолжавшие вдали от родины работать во имя его победы. Связанные теперь также с западноевропейским и американским рабочим и социалистическим движением, они стремились внести свой посильный вклад в международную освободительную борьбу трудящихся.

«Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине,— отмечал В. И. Ленин,— революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [1].

Первая русская марксистская группа «Освобождение труда» вскоре после своего образования и по мере развертывания своей деятельности завязывала связи, наряду с единомышленниками и революционерами в других странах Европы, также с русской революционной эмиграцией в Америке. Эти связи стали налаживаться уже в 1885—1886 годах [2].

В феврале 1886 г. группа «Освобождение труда» обратилась со специальным обращением «К русским рабочим в Америке».

---

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 41, стр. 8.

[2] См. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1. М., 1925, стр. 30.

Напомнив русским переселенцам, что вынужденные диким деспотизмом царизма покинуть Россию и переехать на чужбину, они и вдали от родины не должны оставаться равнодушными к ее дальнейшей судьбе, группа «Освобождение труда» призывала российских рабочих, независимо от их национальности, поддерживать отважную борьбу русских революционеров, самим становиться революционерами. Условия США — самой свободной из республиканских стран, гласило обращение, убеждают каждого, что и там, как и в других буржуазных странах Запада, иго капитала тяжелым гнетом лежит на рабочем классе, обрекая его и в условиях политической свободы на нищету и прозябание. Поэтому всюду — в Америке и в Европе — рабочие собираются под знамя социал-демократии, чтобы совместно бороться против всякой эксплуатации и угнетения.

«Мы уверены, товарищи,— писали члены группы «Освобождение труда»,— что, раз уяснив себе смысл этой великой борьбы, вы целиком станете на сторону того класса, к которому вы принадлежите сами; мы думаем, что и теперь уже многие из вас с полным правом называют себя *социал-демократами.*

Мы также сочувствуем всемирной борьбе рабочего класса против буржуазии; мы также имеем честь принадлежать к социальной демократии. Уже по одному этому мы желали бы войти с вами в более близкие сношения, чтобы общими силами работать для успеха общего дела».

Далее в обращении сообщалось об основании социал-демократической группы «Освобождение труда», поставившей своей главной целью издание марксистской литературы и распространение ее среди рабочих и революционной интеллигенции, о первых успехах в этом направлении, о возникновении в России нескольких подпольных рабочих кружков, принявших социал-демократическую программу, об издании нелегальной социал-демократической газеты «Рабочий».

Члены группы обращались к российским рабочим в Америке с призывом поддержать начатое ею дело, оказать ей братскую моральную и материальную помощь, подобно тому как оказывали в то время поддержку ирландские эмигранты в Америке революционному движению в Ирландии, немецкие переселенцы — рабочему движению в Германии.

«Последуйте же их примеру: организуйте русский рабочий социал-демократический союз и постарайтесь войти в федеративную связь с группой «Освобождение труда», издания и программу которой мы вам посылаем. Через посредство этой группы вы войдете также в сношение с действующими в России социал-демократами» [1].

Это обращение, подписанное П. Б. Аксельродом и Г. В. Плехановым, было издано группой «Освобождение труда» в виде отдельного листка и вместе с ее программой и другими изданиями переправлено в США [2]. Обращение сыграло определенную роль в расширении связей группы «Освобождение труда» с русской революционной эмиграцией в Америке.

В декабре 1887 г. П. Б. Аксельрод в одном из писем Г. В. Плеханову между прочим сообщал: «Один собирается к лету поехать месяца на 3 в Америку, агитировать среди русско-амер[иканских] раб[очих], с которыми он имеет связи, в пользу образования секций и поручения нам издавать рабочую газету» [3]. Возможно, П. Б. Аксельрод имел в виду поездку в Нью-Йорк одного из упомянутых выше братьев Бандасов.

Во второй половине 1888 г. П. Б. Аксельрод переписывался с жившими в Нью-Йорке русскими социал-демократами. Получив одно из писем П. Б. Аксельрода и В. И. Засулич, в котором сообщалось, что Г. В. Плеханов тяжело заболел и сильно нуждается, С. Е. Шевич и Д. Меркин обратились к русским и немецким рабочим в США с призывом организовать сбор средств для оказания братской рабочей помощи Г. В. Плеханову. Это обращение было опубликовано в «New Yorker Volkszeitung» [4], одним из редакторов которой долгое время являлся С. Е. Шевич.

Наконец, в марте 1891 г. в Нью-Йорк переехал из Швейцарии и обосновался здесь С. М. Ингерман — участник революционного движения в России, бежавший в свое время от ареста за границу, с лета 1888 г.— член группы «Освобождение труда» [5]. После переезда в Нью-Йорк

---

[1] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1, Приложения, стр. 218—221.

[2] См. там же, стр. 218, 221.

[3] Там же, стр. 27.

[4] См. «New Yorker Volkszeitung», 31. X. 1888.

[5] См. Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода, т. 1, стр. 29, 101; Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник I, М., 1934, стр. 252; Сборник IV, М., 1937, стр. 280.

С. М. Ингермана социал-демократическая работа среди русской революционной эмиграции приняла более организованный характер, связи русско-американских социал-демократов с группой «Освобождение труда» заметно укрепились.

Но первые социалистические рабочие кружки и группы среди русских эмигрантов в США, и в частности в Нью-Йорке, возникли еще в 1887—1888 годах.

Здесь нужно отметить, что в сентябре — декабре 1886 г. в США побывал видный деятель германского и международного революционного рабочего движения — В. Либкнехт. Он совершил по стране трехмесячную агитационную поездку для сбора средств в избирательный фонд Германской социал-демократии. Вместе с ним по приглашению Исполнительного комитета Социалистической рабочей партии США поездку совершили Э. Маркс-Эвелинг и Эд. Эвелинг. С их участием в ряде городов страны состоялось около 50 массовых митингов и собраний, на которых они выступали с речами, докладами и лекциями по теории и истории социализма, о состоянии рабочего движения в Европе. Кроме того, Э. Маркс-Эвелинг и Эд. Эвелинг написали для нью-йоркской еженедельной газеты «Workmen's Advocate» — органа Социалистической рабочей партии — серию статей, которые позднее в переработанном виде были изданы в виде книги «Рабочее движение в Америке» [1]. Поездка В. Либкнехта, Э. Маркс-Эвелинг и Эд. Эвелинга внесла оживление в социалистическое движение в США.

Через год, в августе — сентябре 1888 г., Америку посетил один из основоположников марксизма — Ф. Энгельс. В поездке его сопровождали Э. Маркс-Эвелинг, Эд. Эвелинг и немецкий социал-демократ и ученый К. Шорлеммер. В США Ф. Энгельс пробыл более месяца, побывав в Нью-Йорке, Бостоне и ряде других городов и местностей страны. В конце своего путешествия он дал интервью, которое было опубликовано в «New Yorker Volkszeitung» [2].

К 1887—1888 гг. и относится образование первых рабочих объединений русских переселенцев в Нью-Йорке.

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 345; т. 36, стр. 459, 465, 482, 492, 500, 683; *Л. И. Зубок.* Очерки истории рабочего движения в США. 1865—1918. М., 1962, стр. 213—214.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 21, стр. 519—520, 641, 644—645.

Вначале они создавались по профессиональному признаку и ставили в основном экономические цели. Этот путь был вообще характерен для американского рабочего движения, что отмечал Ф. Энгельс в своей известной статье «Рабочее движение в Америке», написанной в качестве предисловия к американскому изданию его произведения «Положение рабочего класса в Англии» (вышедшему в Нью-Йорке в мае 1887 г.). «В Нью-Йорке и в других больших городах Востока (США — *В. С.*),— писал он,— организация рабочего класса шла по линии профессиональных объединений путем образования в каждом городе сильного Центрального рабочего союза» [1].

Так обстояло дело и у российских переселенцев. Они создавали землячества, союзы взаимопомощи, объединения союзов. В 1887 г. в Нью-Йорке возник первый профессиональный союз русских рабочих [2]. В следующем году здесь было создано объединение еврейских профсоюзов; такие объединения вскоре образовались в Ньюарке, Филадельфии [3]. Соединенные еврейские рабочие союзы в Нью-Йорке к середине 1889 г. насчитывали уже около 1500 членов [4].

Революционно настроенные эмигранты, на родине примыкавшие в большинстве своем к народовольческим кружкам, здесь, в Америке, группировались в кружки саморазвития и вступали в Социалистическую рабочую партию США [5], образовавшуюся в 1876 г. при активном участии Ф. А. Зорге — немецкого марксиста, ученика и соратника К. Маркса и Ф. Энгельса, видного деятеля Первого Интернационала [6].

К началу 1889 г. в Нью-Йорке существовали уже Русская (российская, интернациональная) и Еврейская ветви (секции) Социалистической рабочей партии, которые регулярно проводили массовые собрания, а также митинги и вечера. На собраниях заслушивались лекции и доклады,

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 21, стр. 348.

[2] См. Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris. Abgehalten vom 14. bis 20. Juli 1889, Nürnberg, 1890, S. 35.

[3] См. *М. Хилквит*. История социализма в Соединенных Штатах. П., 1919, стр. 200, 201.

[4] См. Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris, S. 35, 130, 131.

[5] См. «Новый мир», 24. XII. 1914.

[6] См. *Н. С. Румянцева*. Фридрих Зорге — человек упрямой справедливости. М., 1966.

знакомившие рабочих-переселенцев с американским и западноевропейским рабочим и социалистическим движением, революционным движением в России, с идеями марксизма, программой социал-демократии.

Наряду с работой в секциях Социалистической рабочей партии США, русские революционеры создавали кружки, имевшие своей целью изучение социалистических теорий. Один из социалистических рабочих кружков, образовавшийся еще в 1888 г., оформился к 1890 г. в Русское рабочее общество саморазвития (секретарем его был русский эмигрант С. Поляк), которое поддерживало через П. Б. Аксельрода письменную связь с группой «Освобождение труда» [1].

В начале апреля 1889 г., в обстановке идейных шатаний и разброда, сложившейся в Нью-Йоркской организации Социалистической рабочей партии США, Русская ветвь решила выделиться в самостоятельную организацию под названием «Русский социалистический клуб» [2]. Клубом устраивались массовые собрания, лекции и доклады, литературно-художественные вечера со сбором средств на нужды революционного движения в России [3]. В качестве лекторов и докладчиков выступали Е. С. Бандас (Л. Миллер), В. А. Столешников, А. О. Каган, М. Гилькович (М. Хилквит), М. Заметкин, а также Александр Ионас — немецкий социал-демократ, видный деятель Социалистической рабочей партии США, редактор «New Yorker Volkszeitung».

* * *

Еще до этого, к началу 1889 г., в Нью-Йорке образовалась социалистическая группа, в которую вошли как социал-демократы, так и революционеры, переживавшие идейную эволюцию от народничества к марксизму. Активными участниками ее были братья Л. С. и Е. С. Бандасы, В. А. Столешников, Каплан, Никольский, Горвиц, в дальнейшем — Я. Б. Ромбро (Ф. Кранц) [4]; участвовал в ее работе и С. Е. Шевич. Эта группа и предприняла издание

---

[1] См. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сборник I, стр. 249, 252.

[2] См. «Знамя», 13. IV. 1889.

[3] См. «Знамя», 18. V. 1889 и след.; *М. Вильчур.* Русские в Америке, Нью-Йорк, [б. г.], стр. 120.

[4] См. Из архива П. Б. Аксельрода. Берлин, 1924, стр. 236.

газеты «Знамя». Организатором и душой издания явился Лев Бандас, а после его смерти (в марте 1889 г.) дело продолжил его младший брат — Ефим Бандас, принявший в США имя Луи Миллер [1].

Первый номер газеты вышел в свет 5 января 1889 года. Вначале она выходила раз в неделю, а с № 13 от 4 мая — раз в две недели. До 15 июня 1889 г., то есть почти за полгода, вышло всего 16 номеров. Первое время газета имела небольшой формат (38 × 26 см), печаталась на четырех полосах, в три колонки каждая. С № 6 от 23 февраля формат ее несколько увеличился (до 45 × 32 см), на каждой полосе прибавилось еще по колонке. Печаталась газета в собственной типографии. Со второго номера внизу последней полосы ее появилось обозначение: «Типография группы «Знамя»». Газета имела художественно оформленный заголовок на фоне развевающегося знамени с написанным на нем боевым призывом из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса — «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!» и подзаголовок: «Рабочая газета».

Идейное направление газеты было довольно четко выражено в передовой статье первого номера, озаглавленной «Наше Знамя». Обратив внимание читателя на происходящую всюду ожесточенную классовую борьбу между трудом и капиталом, передовица подчеркивала, что в этой борьбе *«рабочим* необходимо иметь свое *знамя.* Выступая перед русскими рабочими с этим знаменем, мы считаем нужным заявить теперь же его *девиз и направление».*

Характеризуя непримиримые противоречия капиталистического строя, статья отмечала: «За сто лет своего самодержавия буржуазия успела убить все иллюзии, все надежды, вызванные ею у народа при своем восшествии на престол. Развив до неслыханных размеров производительность труда, эксплуатацией его увеличив до невероятия богатства страны, она, присвоив эти богатства себе, оставила народ в той же нищете, в тех же страданиях, в которых он находился раньше. Она бросила его еще ниже... В своей вечной погоне за наживой, в своем вечном поклонении золотому тельцу, она постепенно отреклась от всего того, чему когда-то сама же искренне поклонялась. Сво-

[1] См. «Знамя», 16. III. 1889; Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. III, вып. 1, М., 1933, стр. 176—177.

бода совести, слова, печати, собраний, права человека, права народа — принципы, за которые она вначале сама боролась и страдала, вызывают теперь у нее лишь вражду и отвращение».

Нетрудно заметить, что приведенный отрывок есть изложение в характерных выражениях идей «Манифеста Коммунистической партии» и других произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Отметив вопиющие противоречия капиталистического строя, перечислив неизлечимые язвы и пороки буржуазного общества, статья продолжала: «Ввиду всего этого рабочему нечего ожидать чего-нибудь для себя от буржуазии. Класс с подобным прошлым и настоящим не способен ни на что и в будущем. Надеяться на его «исправление» — значит признать свою собственную безнадежность. Поэтому *освобождение рабочих должно быть делом лишь самих рабочих*».

Заключительная фраза этой выдержки, как известно, есть коренное положение написанного К. Марксом Общего устава Международного Товарищества Рабочих — Первого Интернационала.

Передовица далее отмечала, что рабочие начинают все более осознавать свое положение. Классовое самосознание, понимание классовых антагонизмов и непримиримости интересов эксплуатируемых и эксплуататоров, классовая солидарность рабочих развиваются по мере обострения противоречий капитализма и классовой борьбы. «Поддерживать рабочих в этом движении на всех ступенях его развития, их организации как класса,— говорилось в статье,— объяснять им цель и смысл этого движения и, в то же время, воодушевлять их на борьбу за строй, в котором *все общество* является единственным собственником орудий труда, единственным хозяином его продукта, за строй без богачей и нищих, без дворцов и лачуг, без сытого безделья и голодного труда, без рабов и господ, без угнетателей и угнетаемых, строй без войн, без виселиц, без тюрем, без проституции, строй, в котором счастье и свобода каждого — круговая порука счастья и свободы всех,— вот девиз и направление нашего «Знамени»».

В заключение передовица особо останавливалась на задачах рабочих-переселенцев в отношении революционного движения в России. «Но мы не только рабочие,— гласила статья,— мы русские рабочие и притом в Америке. Отре-

занные целым океаном от России материально, мы не можем чувствовать себя отрезанными от нее и духовно. Лучшие воспоминания и надежды, лучшие друзья являются той органической нитью, которая продолжает связывать нас с нашей несчастной родиной, и если для многих из нас она не была ни чем иным, как «злой мачехой», то все мы знаем, кому мы этим обязаны... И ввиду этого наше *Знамя* является также знаменем объединения *всех* русских рабочих для святого дела помощи революционной России. Крепко, прямо, честно и высоко держать это *Знамя* — цель нашей борьбы... Рабочие, крепко стойте за это *Знамя!*».

Как видим, передовая статья была выдержана в социал-демократическом духе, проводила марксистские идеи, выдвигала по существу те же положения и призывы, что и цитированное выше обращение группы «Освобождение труда» «К русским рабочим в Америке».

Для того, чтобы полнее составить представление о газете, ее профиле и тематике, перечислим и другие материалы ее первого номера. В нем были помещены: начало большой статьи «За год» А. Ратмовского (псевдоним Л. С. Бандаса) с обзором рабочего движения в США в 1888 году и критическим анализом его перспектив, «Русское обозрение» (подпись — Л. Колин [1]), рассказывавшее о положении в России, о народных волнениях и выступлениях в Воронеже, в Казанской, Самарской и Ставропольской губерниях, а также напечатан ряд небольших заметок и сообщений из западноевропейской и русской жизни.

Кроме того, в номере было опубликовано большое (на целую колонку) стихотворение Д. Эйдельштадта «Пролетарию», призывавшее рабочих пробудиться, воспрянуть духом, объединяться и подниматься на борьбу за уничтожение эксплуатации и угнетения, за создание нового мира, мира свободы, труда и счастья для всех людей. В номере напечатано еще одно небольшое сатирическое стихотворение, едко обличавшее царское самодержавие в России.

На последней странице были помещены объявления: о вечере во Флоренц-холле, проводимом Русской ветвью Социалистической рабочей партии со сбором средств на нужды революционного движения в России, о спектакле, устраиваемом с той же целью Русским литературно-драматическим клубом.

---

[1] — возможно, псевдоним члена группы «Знамя» Никольского.

Таково было содержание первого номера «Знамени».

Последующие номера газеты были не менее содержательны и интересны. С № 7 от 2 марта 1889 г. в газете начало печататься произведение К. Маркса «Гражданская война во Франции» в переводе Луи Миллера. Ему было предпослано небольшое редакционное предисловие, в котором говорилось:

««Гражданская война» К. Маркса, изданная в виде адреса к секциям Интернационала его Генеральным Советом, есть одна из самых блестящих характеристик тех полубогов буржуазии, которые после падения второй империи захватили Францию в свои руки. Будучи в то же время весьма сжатой историей Парижской Коммуны 71 года, она, мы думаем, не покажется безынтересной нашим читателям, особенно теперь, когда «пролетарии всех стран» готовятся праздновать свою первую великую победу — 18 марта» [1].

Публикация «Гражданской войны во Франции» продолжалась до № 12 от 13 апреля. За это время были переведены и напечатаны, с некоторыми сокращениями, первые два раздела и начало третьего, т. е. около половины всей работы, но по неизвестной причине печатание не было завершено, возможно, потому, что через четыре номера выпуск газеты надолго (до конца года) прекратился.

После народнического издания 1871 г., осуществленного в переводе С. Л. Клячко и отпечатанного в типографии кружка чайковцев в Цюрихе [2], а затем воспроизведенного с него нелегального литографского издания 1884 г., выпущенного в Москве Центральным кружком Общестуденческого Союза [3], перевод «Гражданской войны во Франции», предпринятый редакцией газеты «Знамя», был осуществлен заново. Как известно, вторая половина этого произве-

[1] «Знамя», 2. III. 1889.

[2] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 705; *Н. Троицкий.* Об авторе первого русского перевода «Гражданской войны во Франции» К. Маркса.— «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 196.

[3] В «Библиографии произведений К. Маркса и Ф. Энгельса» *Л. А. Левина* (М., 1948, стр. 126) и в т. 1 «Истории КПСС» (М., 1964, стр. 130) ошибочно указано, что издание это осуществлено Московским «Обществом переводчиков и издателей», в то время как на титульном листе его ясно обозначено: «Издание Центрального кружка Студенческого Союза. Москва, 1884 год» (см. экземпляр брошюры в фонде архивного хранения библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

дения К. Маркса была переведена и отпечатана в приложении к плехановскому переводу «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, изданному в Женеве в 1882 году. Сравнение перевода в «Знамени» с народническим и плехановским переводами позволяет заключить, что он сделан довольно сносно, местами в нем применена более зрелая терминология, чем в народническом переводе [1].

На страницах газеты было опубликовано несколько произведений членов группы «Освобождение труда». В пяти ее номерах (№№ 10—14) печаталась большая статья П. Б. Аксельрода «Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу». Статье было предпослано его ответное письмо с согласием на предложение сотрудничать в «Знамени».

В духе произведений Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и «Как добиваться конституции?» (в сборнике «Социал-демократ», кн. I, 1888), с ссылками на две последние работы, статья содержала очерк революционного движения русской интеллигенции в 70—80-х годах, развития ее революционных воззрений, давала анализ причин поражений, неудач и

---

[1] Так, например, если в народническом переводе употребляется выражение «рабочее сословие», то в переводе «Знамени» — «рабочий класс».

Известное положение К. Маркса об отношении пролетариата к буржуазной государственной машине переведено:

— в народническом издании:

«Но рабочее сословие не могло просто-напросто вступить в владение уже готовым государственным механизмом и обратить его на служение своим собственным целям» (*Карл Маркс.* Гражданская война во Франции (1870—71), 1871, стр. 21);

— Г. В. Плехановым:

«Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Манифест Коммунистической партии. Женева, 1882. Приложения, стр. 41);

— в «Знамени»:

«Но рабочий класс не может захватить готовую государственную машину и пустить ее работать для своих собственных целей» («Знамя», 13. IV. 1889);

— в последнем издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса:

«Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей» (т. 17, стр. 339).

Достоинства и недостатки перевода в «Знамени» нетрудно заметить.

отлива освободительного движения в России, имея целью разъяснение правильных путей борьбы против царизма, за социализм. В ней приводилась заключительная часть знаменитой речи рабочего Петра Алексеева на судебном процессе революционеров-народников в 1877 г., говорилось о «Северном союзе русских рабочих», социал-демократических по характеру требованиях в его программе. Единственно правильной идейной основой возрождения революционного движения в России, говорилось в статье, является уяснение революционной интеллигенцией исторического призвания пролетариата в борьбе против старого строя, усвоение научного социализма, переход на позиции социал-демократии и развертывание с этих позиций революционной работы в рабочем классе для пробуждения и организации его на политическую борьбу против царизма.

В №№ 15 и 16 публиковалось, с согласия П. Б. Аксельрода, извлечение из его ответного письма Одесскому революционному кружку социал-демократического направления, написанного в 1887 г. [1], в котором обосновывалась насущная необходимость для русского революционного движения принятия программы социал-демократии, излагались ее основные положения, приводились выдержки из «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, произведения Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба», ссылки на высказывания П. Лафарга и Ж. Геда.

В газете был опубликован также ряд серьезных статей самих ее сотрудников, посвященных идейно-теоретическим и политическим вопросам и написанных в основном с марксистских, социал-демократических позиций. Среди них выделяется большая статья под заглавием «Собственность, религия и семейство» (без подписи), печатавшаяся в №№ 4—7 газеты [2].

В предисловии автор ставил своей задачей сорвать покров святости с собственности, религии и буржуазной семьи — этих трех основ современного буржуазного обще-

---

[1] См. Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 231—237.

[2] Статья осталась незаконченной. Можно предположить, что автором ее является Л. С. Бандас. Это предположение основано на том, что в № 8 было объявлено, что печатание продолжения статьи откладывается ввиду болезни автора, а в № 9 сообщалось о смерти Л. С. Бандаса; в дальнейшем о судьбе статьи в газете больше не упоминалось.

ства. Его статья примечательна тем, что содержит исторический очерк возникновения семьи и частной собственности в духе произведения Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», доходчиво пропагандирует материалистическое понимание истории. Так, в статье говорится, что «первая и главная потребность человека — это потребность есть и что для удовлетворения этой потребности человек непременно должен производить, поэтому, вполне ясно, понятно и логично, что *производство* должно явиться краеугольным камнем всего человеческого существования,— основанием всей его истории и что только поняв законы развития производства, его историю, мы можем верно понять законы и историю развития человечества» [1].

Большой интерес представляет передовая статья № 9, озаглавленная «Мартовская годовщина», которой газета отметила 18-ю годовщину Парижской Коммуны [2]. Над заголовком статьи крупным шрифтом был напечатан лозунг: «Да здравствует Коммуна!».

В статье говорится, что годовщину Парижской Коммуны «пролетариат празднует и будет праздновать до тех пор, пока цель великой социальной борьбы нашего времени не достигнута». Значение героической борьбы парижских пролетариев состоит в том, что «Парижская Коммуна представляет первое великое, истинно народное движение, объявившее войну не только правительственному или сословному деспотизму, не только существующим политическим формам народной жизни, но всему современному социальному строю, коренной причине всякого неравенства, невежества и неправды,— одним словом, частной собственности в орудиях производства. Парижская Коммуна — первый акт *социальной революции*».

Несмотря на кратковременность своего существования и поражение, Парижской Коммуне удалось «раз навсегда поднять красное знамя социальной революции, то есть революции, стремящейся не к возвышению одного класса за

---

[1] «Знамя», 9. II. 1889.

[2] Автором статьи является, по-видимому, С. Е. Шевич. Именно он указан в качестве докладчика на тему «Исторические события марта» на вечерах, проведенных Русской и Еврейской ветвями Социалистической рабочей партии США 2 и 23 марта 1889 г. со сбором средств на издание газеты «Знамя» (см. «Знамя», 23. II, 2, 16 и 23. III. 1889).

счет прочих, а к уничтожению классовых различий вообще посредством упразднения частной собственности в орудиях производства... Указать направление будущему развитию человечества... В этом заключается поистине всемирно-историческое значение Парижской Коммуны».

В заключении статьи говорилось: «Коммуна, умирая, оставила по себе бессмертное, неоценимое наследство. Она открыла глаза миллионам пролетариев, она сорвала раз навсегда маску с мнимого политического либерализма и радикализма и показала рабочему народу истинную цель, к которой он должен стремиться, если в нем живет еще надежда на лучшее будущее». Заветы борцов и героев Парижской Коммуны пролетариям всего мира — это: «Лишь сам, собственными силами ты в состоянии завоевать счастье и свободу!», «Готовься на гигантскую борьбу, лишь незначительным предвестником которой была Парижская Коммуна, и когда придет твой час, будь готов положить жизнь за наше, обагренное нашей кровью красное знамя, как мы ее положили!» [1].

Несмотря на некоторые пережитки народнической идеологии и терминологии, статья в целом была написана ярко, проникнута революционным пафосом.

В этом же номере напечатана подборка замечательных мыслей и изречений. Наряду с высказываниями Ф. Лассаля, Н. Г. Чернышевского, А. И. Желябова, С. Л. Перовской, Л. Сент-Жюста, Г. Бабефа, Ф. Вольтера, Н. А. Некрасова и других — здесь были марксистские лозунги и положения:

«Пролетарии всех стран, объединяйтесь! («Коммунистический Манифест»)».

«Освобождение рабочих — дело самих рабочих (Интернационал)».

«Что принципиально верно, то всегда практически хорошо. Верность принципу — вот самая лучшая политика (В. Либкнехт)» [2].

Номер 10-й газеты открывался содержательной передовой статьей Л. Миллера «Парижский конгресс», посвященной предстоявшему летом 1889 г. в Париже Международному социалистическому рабочему конгрессу. Задачей конгресса, говорилось в статье, является «восстановле-

---

[1] «Знамя», 16. III. 1889.
[2] Там же.

ние интернационального общества рабочих на началах, соответствующих современному положению рабочего дела». Развивая и обосновывая эту мысль, статья указывала: «Ввиду превосходно организованного союза капитала, не знающего ни национальных границ, ни различий в языке, более прочное и тесное соединение рабочих всех стран и всех направлений для борьбы против общего врага представляется насущной потребностью. Эта потребность может и должна быть удовлетворена организацией, начало которой должно быть положено на Парижском конгрессе».

При этом автор высказывал соображение о том, что огромный размах и различный уровень развития рабочего движения в разных странах не позволяют создать централизованную организацию, подобную Первому Интернационалу. Для отрядов международного рабочего движения в каждой стране в современных условиях нужна большая автономия в выборе методов пропаганды и действия. В заключении статьи говорилось, что «предстоящий конгресс будет знаменательным явлением в истории всемирного рабочего движения»[1].

В четырех номерах газеты (№№ 7, 8, 12, 14) публиковалась статья М. Заметкина «Trusts»[2], рассказывавшая о концентрации производства и централизации капитала и усилении эксплуатации рабочих монополистическими объединениями капиталистов. В статье высмеивались как идеологи мелкой буржуазии «с Прудоном в голове», мечтающие об уничтожении монополий и возврате к свободной конкуренции, так и «увлекающиеся социалисты», видящие в трестах зачатки социалистического хозяйства. Трест, отмечала статья, это «предсмертные судороги разлагающейся буржуазии; он — проявление процесса постепенного, но неизбежного умирания старого; а социализм — начало новой жизни. И между трестом и социализмом есть столько же сходного, сколько между смертью и жизнью; оба они неизбежные результаты развития»[3].

В меру своих возможностей, используя главным образом революционные связи русских переселенцев с родиной, газета старалась освещать политическое положение в России, вспышки освободительного движения в стране, сообщала о репрессиях царских властей против революционе-

[1] «Знамя», 23. III. 1889.
[2] — «Тресты».
[3] «Знамя», 18. V. 1889.

ров, обличала царизм, его внутреннюю и внешнюю политику. Так, на ее страницах были опубликованы: «Русское обозрение» (№№ 1 и 2), большие корреспонденции «Западная Сибирь» (№ 2) и «Восточная Сибирь» (№ 3), обширное обозрение «Сибирь и ссылка» (№№ 3—6), составленное по очеркам о сибирской ссылке американского журналиста и путешественника Д. Кеннана, передовица «Опять виселица» (№ 6) — о политическом процессе в России над группой Б. Д. Оржиха и других народовольцев, заметка «Из России» (№ 8) — об усилении в стране национального гнета, религиозной нетерпимости, гонений против иноверцев, короткие сообщения о покушениях на царя, передовица (№ 14) о смерти Д. Толстого — министра внутренних дел, ярого реакционера и душителя освободительного движения, сатирическое стихотворение В. А. Столешникова (Веди Слово) «Плач Александра III (на смерть Д. Толстого)» (№ 15), сообщение с Урала о стачке рабочих рудников близ Екатеринбурга (№ 16) и другие.

В № 7 был помещен некролог «Осип Цеткин», извещавший о смерти в Париже русского революционера-эмигранта, а в № 16 — некролог «М. Е. Салтыков» — о кончине великого русского писателя-сатирика, революционного демократа.

В годовщину казни народовольцами Александра II газета почтила память героев, отдавших свою жизнь в неравной борьбе против царизма, за свободу народа, поместив в № 9 по этому поводу статью «Первое (13) марта». Говоря о надеждах на победу, питавшихся революционерами в конце 70-х годов, статья отмечала: «Но, бросая теперь ретроспективный взгляд на этот мимолетный момент проснувшейся было надежды, горько и больно становится тебе, когда знаешь ты, что была эта надежда мимолетна и неосновательна была она. Страшное и безжалостное разочарование уж и тогда подкарауливало могучих борцов за великое дело освобождения народа». Статья заканчивалась словами: «Борьба предстоит долгая, жестокая, мучительная. Будем же трудиться, будем работать» [1]. В том же № 9 было опубликовано большое стихотворение Д. Эйдельштадта «В память павших за свободу», а в следующем номере — стихотворение В. А. Столешникова «Борцам за свободу», посвященное памяти революционеров, участников

---

[1] «Знамя», 16. III. 1889.

знаменитого процесса 50-ти (Софьи Бардиной, Петра Алексеева и др.).

Весьма содержательна большая статья Л. Миллера «Печальная реакция», опубликованная в №№ 13—15. Поводом для ее написания послужил выход в свет в Женеве первого номера журнала «Свободная Россия», вокруг которого сгруппировались бывшие народовольцы и представители либеральной интеллигенции, ратовавшие за союз революционеров с либералами. В статье был дан анализ происхождения русского либерализма, раскрыты его буржуазная природа и реакционная суть, рассмотрены перспективы освободительного движения в России. При этом автор исходил из основного принципа исторического материализма, из диалектики базиса и надстройки. «Стремления и потребности данного общества,— говорилось во вступительной части статьи,— всегда тесно связаны с существующими в нем экономическими отношениями; общественные идеалы страны суть не что иное, как выражение или отражение действительных интересов класса или уже господствующего, или же близкого к тому, чтобы начать господствовать в этой стране; и так как критерий для оценки этих общественных стремлений и идеалов вырабатывается под влиянием тех же исторических факторов, которые создают эти самые стремления и идеалы, то и естественно, что последние кажутся в такой момент самыми передовыми и самыми революционными. В сущности они и суть самые революционные, так как историческая эволюция данного общества других не создала».

Переходя к характеристике социально-экономического развития России, автор отмечал: «Хотя капитализм (буржуазия) в России развивается довольно медленно, но, тем не менее, он развивается. Буржуазии в России нельзя ни отрицать, ни игнорировать. Ее существование — факт, с которым приходится считаться» [1]. Попутно автор пытался объяснить социальные корни революционного народничества. Каждая страна, писал он, имеет свои особые условия развития, в соответствии с которыми она особенно развивается. В России с самого начала против капитализма было то, что в странах Западной Европы шло вместе с ним — интеллигенция, так как разночинная, служилая интеллигенция в России сложилась до развития капитализма. Пе-

[1] «Знамя», 4. V. 1889.

редовая ее часть, борясь против абсолютизма и крепостничества, первоначально вместе с тем отрицательно относилась и к капитализму. Это противоречивое положение интеллигенции порождало с течением времени все большую путаницу в умах, о чем свидетельствует появление ныне журнала «Свободная Россия».

В статье подвергались критическому рассмотрению призывы «Свободной России» к союзу революционеров с либералами, содержащиеся в статьях В. Бурцева, В. Дебагория-Мокриевича, М. Драгоманова, И. Добровольского. Разоблачая природу всякого либерализма как идеологии буржуазии, статья указывала: «Везде, где затрагивается «священная» основа буржуазного строя — буржуазная собственность, либерал-буржуа моментально превращается в буржуа-палача, огнем и мечом восстанавливающего свои «неприкосновенные» права. И если русский либерал еще не обнаружил этих ближайших и конечных тенденций своего европейского собрата, то это просто потому, что ему для этого еще не представился достаточно удобный случай» [1].

Автор солидаризировался с критикой русского либерализма, данной в упомянутой выше статье П. Б. Аксельрода «Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу».

Союз революционеров с либералами, рассуждал автор, не выгоден для обеих сторон, фактически невозможен. Ибо «если социалистам, в самом деле, удастся в союзе с либералами свергнуть самодержавие, то, по условиям задачи, вслед за этим они берутся и за либералов...». И далее, весьма убедительно, автор разъяснял: «Принцип социализма гораздо враждебнее интересам буржуа, чем принцип самодержавия. При последнем — он кое-как, с грехом пополам, да перебивается. При первом же — для него нет места совсем. И если он, тем не менее, для борьбы с абсолютизмом все-таки решается на союз с социалистами, то это только тогда, когда он убежден, что последние для него не опасны, что он их всегда сумеет сократить, когда это ему нужно будет, и если он верно рассчитал; какая, спрашивается, выгода в этом союзе для социалистов?» [2].

«Свободная Россия», указывалось в заключении статьи, отражает дух разложения в среде революционной интелли-

[1] «Знамя», 1. VI. 1889.

[2] Там же.

генции, идейного брожения в условиях политической реакции.

На страницах газеты публиковалось много небольших заметок и коротких сообщений о рабочем движении, событиях политической и общественной жизни в Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Болгарии, Сербии, а также в Тунисе и Китае.

Несравнимо более подробно и обстоятельно освещалась в газете политическая жизнь, рабочее и социалистическое движение в США. Газета выступала с обличением «грубой прозы американской действительности» [1], американского образа жизни, хваленой американской демократии, предоставляющей капиталистам неограниченную свободу эксплуатации трудящихся. В ряде коротких заметок и в большом фельетоне М. Заметкина «Из наблюдений искателя следов» (№№ 6 и 7) разоблачались нравы буржуазного общества, волчьи законы капиталистического строя, безудержная погоня за наживой. Передовая статья «С новым... президентом!» в № 8, написанная в связи с вступлением на пост президента США республиканца Б. Гаррисона, резко критиковала политический строй Соединенных Штатов, надежно обеспечивающий капиталистам эксплуатацию и угнетение неимущих классов. Статья Л. Миллера «Последняя катастрофа» (№ 16), сообщая о гибели 10 тысяч жителей в результате прорыва плотины в г. Джонстауне (штат Пенсильвания), на укрепление которой власти не пожелали выделить 5 тысяч долларов, указывала на лицемерие американской буржуазии, ханжество ее запоздалой благотворительности, характерное для «свободной и благодатной Америки».

Передовая статья № 13, озаглавленная «Как и кому праздновать?», была написана в связи с празднованием столетия победы американского народа в войне за независимость и принятия конституции, установившей в США строй буржуазной демократии. Отмечая это событие, указывала статья, не следует забывать, что «сравнение между Америкой Вашингтона и Америкой Гаррисона показывает нам полнейшее банкротство политических учреждений на почве частного капитализма. Мы, социалисты, имеем полное основание праздновать факт этого банкротства. Все,

---

[1] См. «Знамя», 30. III. 1889.

что нам остается желать, это чтобы процесс разложения этого политического строя совершался как можно скорее, чтобы рабочий народ в Соединенных Штатах дошел до сознания истины, что его хваленая свобода ни гроша медного не стоит без экономической свободы и что завоевать эту последнюю он может только путем, указанным героями первой американской революции,— открытой и беспощадной борьбой с угнетателями» [1]. Указывая, что американская свобода — это на деле прежде всего свобода эксплуатации рабочих капиталистами, статья призывала пролетариат к продолжению борьбы, чтобы добиться социального освобождения, подчеркивая, что завоевать его можно лишь революционным путем.

Обстоятельно в газете освещалось рабочее и социалистическое движение в США. Так, упомянутая большая статья Л. С. Бандаса «За год» (№№ 1—3) содержала обзор рабочего движения в 1888 году и критический анализ его перспектив. Опыт движения за истекший год свидетельствует о том, делал вывод автор, что «даже самые сильные организации рабочих, основанные на исключительно экономических началах и не стремящиеся к приобретению политической власти, оказываются бессильными в борьбе против ухудшения уровня жизни пролетариев» [2].

Ряд статей в газете был посвящен развертывавшемуся в США движению за 8-часовой рабочий день. Большая передовая статья «Предстоящее восьмичасовое движение» (№№ 2 и 3) рассказывала об истории и перспективах борьбы за установление 8-часового рабочего дня, отмечала, что непременным условием его завоевания является переход пролетариата от экономической классовой борьбы к политической, под руководством самостоятельной политической партии, указывала на необходимость и неизбежность перерастания борьбы за 8-часовой рабочий день в борьбу за социализм. В статье говорилось, что развертывающееся движение нужно использовать для пропаганды идей социализма. Передовая статья «Перчатка брошена!» № 7 (в которой сообщалось о массовом митинге 23 февраля 1889 г. в Нью-Йорке, положившем начало новому подъему движения за 8-часовой рабочий день) указывала: «Думать, что восьмичасовой рабочий день однозначащ с социальной

---

[1] «Знамя», 4. V. 1889.
[2] «Знамя», 26. I. 1889.

революцией и что он — средство от всех зол, по нашему мнению, просто дико. Но движение в пользу сокращения рабочего дня — движение, несомненно, прогрессивное. Оно лежит и ведет по пути дальнейшего развития классовой борьбы и создания сознательного пролетариата. Это — первое сражение или, вернее, стычка из целого ряда, который предстоит еще организованному труду в борьбе с организованной эксплуатацией» [1].

Заметка в № 8 и передовая статья «Предстоящий диспут о восьмичасовом движении» № 11 раскрывали несостоятельность доводов противников движения за сокращение рабочего дня, в частности местных анархистов, всячески умалявших значение этого движения. Газета доказывала важность движения для пробуждения и развития классового самосознания рабочих масс, отмечала, что оно является конкретным проявлением классовой борьбы пролетариата против буржуазии, способствует дальнейшему развертыванию этой борьбы. Обосновывая неизбежность и правомерность этой формы классовой борьбы, автор передовой статьи в № 11 ссылался на учение К. Маркса и Ф. Энгельса об исторической закономерности.

Передовая статья № 15 — «Рабочая пресса» была посвящена «New Yorker Volkszeitung». Отметив, что эта газета существует уже 11 лет, имеет до 20 тысяч подписчиков, является боевым органом нью-йоркских рабочих, статья сообщала, что капиталисты объявили ей войну, чинят финансовые затруднения, стремясь подорвать ее материальную базу и добиться закрытия. «Знамя» призывало русских рабочих в Америке поддержать газету, не дать капиталистам ее одолеть.

В большой корреспонденции М. Заметкина из Бостона (№ 5) критиковался мелкобуржуазный интеллигентский радикализм, выступающий здесь под флагом национал-социализма. В другой заметке без заглавия в № 6 острой критике подвергалась речь эмигрировавшего в США немецкого анархиста И. Моста, опубликованная в анархистской газете «Freiheit».

На страницах газеты из номера в номер освещалась деятельность Социалистической рабочей партии (СРП) и ее местных организаций. В заметке «Неизбежная развязка» (№ 6) рассказывалось о кризисном состоянии, в котором находится в течение последних двух лет Нью-Йорк-

[1] «Знамя», 2. III. 1889.

ская организация СРП, о большом ущербе, нанесенном ей мелкобуржуазным экономистом Генри Джорджем и его последователями. В № 11 публиковалась заметка о предстоящей реорганизации Нью-Йоркской организации СРП. А в следующем номере сообщалось о том, что «Русская ветвь СРП решила реорганизоваться в самостоятельную и независимую организацию под названием «Русский социалистический клуб»» [1].

Почти во всех номерах газеты печатались объявления, сообщавшие о предстоящих массовых собраниях Русской ветви СРП, а в дальнейшем — о собраниях и литературных вечерах в Русском социалистическом клубе. При этом сообщались темы лекций и докладов, имена лекторов и докладчиков. Из этих объявлений мы узнаем, что на массовых собраниях и вечерах, проводимых Русской ветвью СРП, должны были состояться лекции и доклады на темы: 27 января 1889 г. — «О восьмичасовом движении» (лектор — Реймер), 10 февраля — «Религия и социализм» (Грейе), 10 и 17 марта — «Социальное положение Европы» (А. Ионас), 23 марта — «Исторические события марта» (С. Е. Шевич), 31 марта — «Во что я верю» (М. Заметкин); на собраниях и литературных вечерах в Русском социалистическом клубе: 14 апреля — «Во что я не верю» (Л. Миллер), 22 мая — «Типы различных историков» (М. Заметкин). Все эти и другие объявления, взятые в совокупности, дают некоторое представление о размахе и характере организационной и пропагандистской работы Русской ветви СРП, в дальнейшем — Русского социалистического клуба в Нью-Йорке.

На своих страницах газета опубликовала ряд довольно зрелых в идейно-художественном отношении произведений революционной поэзии. Кроме уже упомянутых выше стихотворений, в № 2 было напечатано стихотворение Д. Эйдельштадта под аллегорическим названием «Ноги», а в № 6 — В. А. Столешникова «Идея» — о неодолимости идеи свободы народа.

Начиная с № 5 и до последнего номера в 1889 г. на последней полосе газеты печаталось объявление о продаже фотопортрета К. Маркса.

В № 13 газеты от 4 мая 1889 г. опубликовано краткое приветственное письмо П. Л. Лаврова «В редакцию

---

[1] «Знамя», 13. IV. 1889.

«Знамени»», с пожеланием успехов газете в пропаганде социализма на русском языке в Америке для подготовки новых борцов и пополнения сил освободительного движения в России.

Следует вспомнить, что в конце 80-х — начале 90-х годов русские революционеры и социалисты, находившиеся за границей, неоднократно предпринимали попытки для объединения и сплочения всех революционных сил, боровшихся против общего врага — царизма, за политическую свободу и социализм, чтобы добиться нового подъема освободительного движения в России. Известно, например, что в этих целях и одновременно для пропаганды программы русской социал-демократии Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич опубликовали коллективное письмо в вышедшем в декабре 1887 г. № 1 журнала «Самоуправление», объявившего себя органом *социалистов-революционеров* России. В тех же целях Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод приняли участие, опубликовав три большие статьи, в № 1 политического *социально-революционного* обозрения «Социалист», вышедшего в свет в виде журнала в Женеве в июне 1889 г., хотя и это издание не было социал-демократическим,— в нем участвовали старые народники и народовольцы (П. Л. Лавров, Е. А. Серебряков, И. Н. Кашинцев, Н. С. Русанов (К. Тарасов) и др.). В ряду этих попыток, видимо, следует рассматривать также и опубликование в газете «Знамя» письма П. Л. Лаврова, который хотя и не был социал-демократом, но имел солидную репутацию ветерана русского революционного движения, находившегося долгие годы в дружеских отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом и в деловых связях с группой «Освобождение труда».

Кстати, сам П. Л. Лавров, выступая через два месяца, 17 июля 1889 г., на первом конгрессе II Интернационала в Париже, перечисляя и характеризуя в своей речи представленные на конгрессе организации русских революционеров и их печатные органы, назвал «Знамя» не социально-революционной и даже не социалистической, а именно *социал-демократической* газетой [1]. Стало быть, сам он ни-

---

[1] См. Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris, S. 35; Situation du socialisme en Russie. Rapport lu au Congrès ouvrier socialiste international de Paris le 17 Juillet 1889 par *P. Lavroff*. Bruxelles, 1889, p. 9.

сколько не заблуждался относительно идейного направления газеты «Знамя».

В виде приложения к газете, с первого ее номера, стала печататься первая часть романа Н. Г. Чернышевского «Пролог», имеющая заглавие «Пролог пролога». Наряду с романом «Что делать?» это было одно из выдающихся произведений великого русского революционного демократа. В нем воссоздавалась картина общественной борьбы в России накануне крестьянской реформы 1861 г. и нашли отражение революционная позиция Н. Г. Чернышевского в этой борьбе, его враждебность либерализму. Написанный на каторге в Сибири в 1867—1870 гг. «Пролог пролога» впервые был опубликован в 1877 г. в Лондоне в издании редакции «Вперед!» П. Л. Лаврова. «Пролог» высоко ценил В. И. Ленин и неоднократно цитировал его в своих произведениях [1]. Начиная с № 6 печатание романа было перенесено непосредственно на газетные страницы, что и вызвало увеличение формата газеты.

Завершая обозрение «Знамени» за 1889 г., следует отметить, что редакция газеты работала в трудных условиях, испытывала серьезные материальные затруднения, еле сводя концы с концами. Уже в апреле 1889 г. в выходе газеты начались перебои. В № 13 на первой полосе было опубликовано обращение «Читателям «Знамени»», в котором группа «Знамя», сообщая о сокращении периодичности газеты и о превращении ее из еженедельной в двухнедельную, просила читателей оказать ее изданию материальную поддержку. ««Знамя»,— гласило обращение,— не частное предприятие частных лиц с частными интересами. Оно — оружие для распространения наших социалистических идей и принципов среди русских в Америке...» [2].

Наконец, помещенное на первой полосе № 16 от 15 июня 1889 г. обращение «Читателям «Знамени»» извещало их, что «Знамя» — «пионер русской социалистической мысли в Америке» [3] — вынуждено приостановить свой выход на 3 месяца, с тем чтобы собраться с силами для дальнейшей работы. В опубликованной в этом же номере информации под заглавием «Отчет «Знамени»», подписан-

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 1, стр. 290—292; т. 6, стр. 239; т. 15, стр. 152—153; т. 19, стр. 214; т. 20, стр. 175; т. 26, стр. 107.

[2] «Знамя», 4. V. 1889.

[3] См. «Знамя», 15. VI. 1889.

ной секретарем М. Линтваревым, сообщалось о том, что 2 июня 1889 г. состоялось первое полугодовое генеральное собрание группы «Знамя», рассмотревшее финансовый отчет. Группа решила временно приостановить издание газеты, с тем чтобы приобрести новый шрифт, «снестись с литературными силами в Европе», «главное же, направить все силы на установление сношений с Россией» [1].

Принимая такое решение, группа «Знамя», возможно, возлагала некоторые надежды на предполагавшуюся поездку ее представителя в Париж на Международный социалистический рабочий конгресс. Участие в работе конгресса, встречи и общение с делегатами от революционных организаций России, установление контактов с русской революционной эмиграцией в Европе — все это могло способствовать реализации планов группы.

* * *

Хотя группа и газета «Знамя» имели основания для самостоятельного представительства на Парижском международном рабочем конгрессе, представитель ее, Л. Миллер, направился на конгресс как делегат от Соединенных еврейских рабочих союзов Нью-Йорка. Вместе с другим делегатом от Соединенных еврейских рабочих союзов, И. Барским, он входил в состав делегаций социалистических рабочих организаций одновременно и России и США [2].

Делегацию социалистических рабочих организаций России на конгрессе возглавлял П. Л. Лавров. В речи на конгрессе 17 июля 1889 г., перечисляя и характеризуя представленные на нем русские социалистические рабочие организации и их печатные органы, он назвал как газету «Знамя», так и Соединенные еврейские рабочие союзы Нью-Йорка [3].

По-видимому, осуществить планы, намеченные группой «Знамя», оказалось не легко, да и сама группа за истекшее время претерпела изменения. Выпуск газеты возобновился лишь через полгода. 26 января 1890 г. вышел первый номер «Знамени». Но это было не продолжение прежней

---

[1] «Знамя», 15. VI. 1889.

[2] См. Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris, S. 130, 131.

[3] См. там же, стр. 35.

газеты, а скорее новая газета. Объявление об издании, напечатанное на первой полосе первого номера, было дано не от имени *группы* «Знамя». С последней полосы исчезло прежнее обозначение: «Типография группы «Знамя»» и вместо него появилось другое: «Типография газеты «Знамя»».

Газета стала выходить еженедельно, печаталась в уменьшенном формате (33 × 24 *см*), каждая полоса состояла из трех колонок, но количество полос увеличилось с четырех до восьми. Тираж ее превышал 600 экземпляров. До 8 марта 1890 г. вышло 6 номеров, после чего газета прекратила существование.

Редактирование газеты осуществлял комитет [1]. Из прежних ведущих сотрудников редакции продолжали работать В. А. Столешников и Л. Миллер, но роль их, особенно второго, по всему видно, сильно уменьшилась. Участие в газете В. А. Столешникова свелось к двум стихотворениям, а Л. Миллера — к двум обозрениям и фельетону. В редакцию пришли новые люди. Ведущую роль приобрел переехавший из Лондона русский эмигрант Я. Б. Ромбро (Филипп Кранц), бывший редактор выходившей там еврейской рабочей газеты «Arbeiterfreund», на Парижском конгрессе делегат от Интернационального клуба просвещения русских рабочих в Лондоне, давний знакомый П. Л. Лаврова по парижской эмиграции.

Злободневность и прежний боевой публицистический дух газеты теперь заметно ослабли, социал-демократическая направленность ее стала проявляться менее определенно. Своим содержанием и академической сухостью многих статей «Знамя» более походило на журнал или литературно-политическое обозрение, чем на газету.

Положение, занятое П. Л. Лавровым на Парижском конгрессе (он возглавлял российскую делегацию, был избран одним из вице-председателей конгресса, в состав мандатной комиссии и бюро конгресса, и на одном из заседаний выступил с докладом о состоянии освободительного движения в России [2]), вероятно, произвело впечатление и склонило симпатии членов группы «Знамя» в его сторону. К этому надо добавить и старые связи с ним Ф. Кран-

---

[1] См. «Знамя», 8. II. 1890.

[2] См. Protokoll des Internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris, S. 2, 5, 8, 31—36, 131.

ца и других работников редакции газеты (В. А. Столешникова, Л. Миллера).

Первый номер газеты за 1890 г. открывался большой статьей П. Л. Лаврова «Наши задачи. Письмо товарищам в Америку», в которой он призывал русских революционеров-эмигрантов и в Новом Свете работать на пользу дела освобождения родины, готовиться к участию в борьбе за победу социализма в России. В последующих номерах были напечатаны также речь П. Л. Лаврова на собрании русских в Париже 29 ноября 1889 г., посвященном памяти Н. Г. Чернышевского — «Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли» (№№ 4—6) и его речь на собрании 30 октября 1889 г. о жертвах якутской трагедии — кровавой расправы царских властей над группой политических ссыльных в Якутске (№ 5).

На страницах газеты было опубликовано еще несколько материалов, посвященных скончавшемуся в октябре 1889 г. Н. Г. Чернышевскому: обширная статья «Н. Г. Чернышевский» (№№ 2 и 3) — о его жизни и деятельности, большие корреспонденции из России: «Похороны Н. Г. Чернышевского в Саратове и манифестация по поводу их в Петербурге» (№ 1) и «С родины» (№ 6) — об откликах прогрессивной интеллигенции России на смерть великого русского революционного демократа и социалиста.

Много места газета отводила положению политических каторжан, заключенных и ссыльных в России. Так, на ее страницах были помещены: большая корреспонденция «Последняя трагедия в Сибири. Якутская история со слов очевидцев» (№№ 1—4), передовая «Новое злодеяние самодержавия» (№ 3) — об издевательствах и расправе властей над политическими заключенными в Карийской каторжной тюрьме в Сибири, заметка «Также знамение времени» (№ 5) — об обращении американских граждан из г. Филадельфии к Александру III по поводу бесчеловечного отношения царских властей к политическим заключенным, отчет о проведенном русскими социалистами в Нью-Йорке многотысячном митинге протеста против зверского обращения царских властей с политическими заключенными (№ 6), а также краткая информация о ходе обсуждения в конгрессе США законопроекта о выдаче России ее государственных преступников (№ 1), небольшое сообщение об узниках Шлиссельбургской крепости (№ 3).

Вообще удельный вес материалов из России и о России в газете, по сравнению с 1889 г., заметно возрос[1], но они были обращены в прошлое и мало касались перспектив российского освободительного движения, его идейно-политических проблем.

Правда, наряду с перечисленными материалами, в газете в этот период было опубликовано несколько содержательных статей и заметок, написанных с социал-демократических позиций. Две из них принадлежали членам группы «Освобождение труда». В трех номерах (№№ 2—4) публиковался написанный П. Б. Аксельродом специально для «Знамени» большой отчет «Интернациональный конгресс социалистического пролетариата в Париже», в котором давалась оценка значения конгресса и принятых им резолюций, а в № 6 — обращение В. И. Засулич от имени «Русского социал-демократического союза» — «К русским друзьям политической свободы» — с призывом принять участие в сборе средств в избирательный фонд социал-демократической партии Германии для обеспечения успешной борьбы ее против блока реакционных партий на выборах в рейхстаг. В № 4 была помещена статья «Восьмичасовой рабочий день» Г. Девиля — известного французского социалиста и публициста, популяризатора экономического учения марксизма, делегата Парижского конгресса.

В №№ 1 и 2 газеты были помещены два политически заостренных обозрения Л. Миллера «По белу свету»,

---

[1] В Париже Л. Миллер познакомился с Е. Г. Бартеневой — известной русской социалисткой и писательницей, которая в 1870—1871 г. в Женеве входила в Русскую секцию I Интернационала, затем, по возвращении на родину, вела работу в петербургских рабочих кружках, составивших в дальнейшем группу Бруснева, а на Парижском международном социалистическом рабочем конгрессе 1889 г. являлась одним из его секретарей. Видимо, по просьбе Л. Миллера, Е. Г. Бартенева по возвращении в Петербург (в конце сентября 1889 г.) посылала для «Знамени» материалы из России. Когда в декабре следующего, 1890 г. власти, произведя у Е. Г. Бартеневой обыск, начали расследование ее революционной деятельности, то под давлением явных улик она вынуждена была на допросе признать: «Письмо из Нью-Йорка, начинающееся словами: «Дорогой друг», писано Ефимом Миллером, с которым я познакомилась впервые на выставке в Париже. Насколько мне известно, этот Миллер выселился из России лет 12 тому назад и получил американское гражданство. Писала ему раза два на адрес: «Hilkowitz» в Нью-Йорк, по данному им адресу. Сообщала ему о внутренних русских делах, касающихся положения русских евреев» (ЦГАОР, ф. ДП, VII дел-во, 1890 г., д. 225, т. 1, л. 273 об.).

освещавшие тяжелое положение трудящихся под ярмом капиталистической эксплуатации, их борьбу за свои права и интересы; статьи обличали хищнический характер долларовой демократии США, являющейся удобной формой для угнетения рабочего класса, подчинения его власти капитала. Передовая статья «Накануне» № 5 с одобрением рассказывала об успехах германской социал-демократии на выборах в феврале 1890 г., получившей 1330 тысяч голосов избирателей и завоевавшей по меньшей мере 20 мест в рейхстаге. Внимание привлекали также информация об отказе германского рейхстага продлить действие «исключительного закона» против социалистов (№ 2), заметка о предстоящей международной выставке в Чикаго (№ 5), в которой резко критиковался капиталистический строй, американская буржуазная демократия.

Интерес представляет содержащийся в «Почтовом ящике» газеты (№ 3) краткий, но выразительный ответ редакции одному из читателей (М. К.), гласивший: ««Беспартийность» в принципиальных вопросах — это та же беспринципность. Впрочем, весь шум об этой беспартийности — маневр» [1]. Редакция, таким образом, осуждала объективистскую, буржуазную идею «беспартийности», давала ей верную, по существу марксистскую оценку.

В газете из номера в номер по-прежнему печатались краткие сообщения и известия о событиях политической жизни и рабочего движения в США, а также в Англии, Германии, Бельгии, Франции, Голландии, Австро-Венгрии.

Материалы «Знамени» за 1890 г. в одном отношении заслуживают особого внимания и имеют большую познавательную ценность: в ряде заметок газеты довольно обстоятельно освещаются (иногда с почти протокольной точностью) отдельные важные моменты деятельности социалистических организаций российских переселенцев в США в этот период.

Так, в заметке «Русский социалистический союз» (№ 2) сообщалось, что 1 февраля 1890 г. на квартире В. А. Столешникова состоялось собрание свыше полутора десятков здешних русских социалистов, обсудившее «меры и средства для более систематической пропаганды идей социализма между местным русским населением и для более энергичной помощи революционерам в России».

[1] «Знамя», 15. II. 1890.

Председателем собрания был Каплан, секретарем — Л. Миллер. «Объяснив цель этого собрания, инициаторы мотивировали его тем, что из всех существующих здесь русских кружков ни один не в силах выполнить те задачи, которые они себе поставили. Дальше было указано на антагонизм и крайнее недружелюбие, которые господствуют не только между отдельными личностями отдельных организаций, но и между самими организациями, и на необходимость, поэтому, создать один новый, цельный и единый союз, который охватил бы собою всех русских социалистов в Америке.— Созвавшие это собрание, обратившись с циркуляром ко всем более или менее известным деятелям в здешнем русском движении, выразили надежду, что каждый искренний и честный социалист, ввиду такого дела, забудет свои личные симпатии и антипатии и примкнет к ним для того, чтобы совместно работать в этом направлении.— После долгих дебатов о началах и шансах существования такой организации была принята резолюция (Никольского), по которой все присутствующие на этом собрании решают образование нового союза для пропаганды социализма в Америке и помощи в России тем, которые там борются за ее политическую и экономическую свободу. Столешников, Горвиц и Миллер выбраны, чтобы составить программу для новой организации, которую решено назвать: *«Русский социалистический союз»*» [1].

Эта заметка хорошо отражает внутреннюю обстановку, сложившуюся к тому времени в социалистическом движении русской эмиграции в США, и в какой-то мере проливает свет на те изменения, которые произошли с группой «Знамя» и ее газетой.

В следующем номере, в заметке под тем же заголовком сообщалось, что 8 февраля 1890 г. состоялось второе собрание Русского социалистического союза. «Столешников прочел выработанную им по поручению комитета программу союза, которая после долгих теоретических дебатов была принята с некоторыми изменениями, предложенными Кранцем:

Признавая, что борьба за экономическую и политическую свободу человечества есть непременный долг всякого мыслящего человека, но что вместе с тем борьба эта может быть ведена успешно только посредством строгой клас-

---

[1] «Знамя», 8. II. 1890.

совой организации пролетариата с точно определенной программой на началах научного социализма; — что так как труд есть единственный источник богатств, то и распределение этих богатств должно производиться только между участвующими в труде; — что так как частная собственность и производство на началах конкуренции являются главнейшими источниками бедствий и рабства народов, то земля и все орудия и продукты производства должны стать коллективной собственностью;

Но, принимая во внимание, что существующий ныне общественный строй стоит на диаметрально противоположных всему сказанному началах, — что в настоящее время наибольшим количеством богатств пользуются или наименее, или вовсе не участвующие в производстве и — что история доказывает, что эта незначительная группа тунеядцев никогда не согласится добровольно уступить захваченные ею богатства и привилегии;

Мы, члены Русского социалистического союза, находим своею обязанностью вести энергичную пропаганду словом и делом всех идей научного социализма, не останавливаясь ни перед какими затруднениями, — поддерживать рабочий народ в его борьбе за экономическую и политическую свободу на всех стадиях развития этой борьбы, как то: стачки, движение за сокращение рабочего дня, избирательная борьба и т. д. Одним словом, Союз признает своим долгом пропагандировать и агитировать за низвержение существующего общественного строя и создание нового, основанного на началах любви, братства и равенства.

Но этого мало: сознавая, что общие идеи социализма, не относясь отдельно к какой бы то ни было одной нации, составляют достояние всего человечества, мы вместе с тем не можем не признать, что всякий член той или другой нации, оставляя свою родину, не может отречься от окончательной связи с нею, — что и мы, находящиеся здесь русские, связаны неразрывными узами с нашей несчастной отдаленной родиной по воспоминаниям и выработавшимся в нас на этой родине взглядам и понятиям. Вследствие этого мы ставим также своею программой и помощь, как материальную, так и нравственную, всем, борющимся за экономическое и политическое освобождение России» [1].

И эта заметка приведена здесь почти полностью в ин-

---

[1] «Знамя», 15. II. 1890.

тересах возможно более тщательного выяснения и определения общих идеологических позиций группы «Знамя»; ведь в составлении и окончательном редактировании программы Русского социалистического союза участвовали четыре деятельных ее члена (В. А. Столешников, Л. Миллер, Горвиц и Ф. Кранц).

На программе не трудно заметить влияние и «Манифеста Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, и написанного К. Марксом Общего устава Международного Товарищества Рабочих, и составленной под руководством В. Либкнехта Готской программы германской социал-демократии с известными ее недостатками, и призывов П. Л. Лаврова. Есть в ней существенные теоретические слабости. Но одно несомненно: по своим коренным положениям, по своему духу это социал-демократическая программа.

Газета регулярно помещала информацию о собраниях, проводимых организациями российских рабочих. Так, в № 3 сообщалось о состоявшемся 9 февраля 1890 г. под председательством В. А. Столешникова массовом собрании Русского рабочего общества саморазвития, на котором присутствовало свыше 400 человек. Собравшиеся заслушали и обсудили лекцию Яновского об анархизме. В следующем номере газета сообщала об обсуждении на собрании Общества 16 февраля 1890 г. лекции А. Кагана на тему «Что такое государство?». В № 5 сообщалось о состоявшемся 23 февраля 1890 г. очередном собрании Русского рабочего общества саморазвития, на котором была заслушана и обсуждена лекция Каспэ об отношении биологии к социологии, а также о намерении Общества в ближайшее время провести ряд собраний для обсуждения вопроса о борьбе за 8-часовой рабочий день. В этом же номере сообщалось о состоявшемся 24 февраля 1890 г. в редакции «Знамени» собрании Русского социалистического союза, на котором были рассмотрены мероприятия по подготовке и организованному проведению 28 февраля в Нью-Йорке массового митинга протеста против бесчеловечного отношения царских властей к политическим каторжанам и ссыльным в Сибири. На страницах газеты помещались также объявления, извещавшие о вечерах и других мероприятиях, устраиваемых организациями российских переселенцев в США со сбором средств на нужды революционного движения в России.

Наконец, в № 6-м от 8 марта, последнем в 1890 г., на первой полосе было опубликовано обращение «Читателям «Знамени»», в котором редакция объясняла обстоятельства, побуждавшие превратить «Знамя» из еженедельной газеты в ежемесячный журнал. «Мы не хотим скрыть ни от себя, ни от наших читателей,— говорилось в обращении,— что эта перемена есть шаг назад по отношению к нашей задаче, но мы и не можем умолчать о том, что характер статей, их объем и многие другие условия нашего издания более соответствуют ежемесячному, чем еженедельному изданию. Во всяком случае, делая этот шаг, мы не теряем надежды, что в будущем мы еще успеем наверстать прошедшее. Те силы, которых у нас нет для еженедельного «Знамени» сегодня, могут явиться завтра».

Первый номер журнала «Знамя» редакция обещала выпустить в середине апреля 1890 года. Однако он не вышел ни в указанный срок, ни позже. Издание «Знамени» прекратилось навсегда.

* * *

Газета «Знамя» представляет большую библиографическую редкость. Она упоминается в дореволюционных справочных изданиях, например, в сборнике В. Л. Бурцева «За сто лет» [1] и в указателе «Социал-демократические издания» [2], а также в советском издании этого указателя [3] и в «Словарном указателе по книговедению» А. В. Мезьер [4]. Что же касается вышедшего в 1959 г. объемистого аннотированного справочника «Русская периодическая печать (1702—1894)», то в нем «Знамя» вовсе не упомянуто. Газета эта начинает забываться.

В исторической литературе упоминание «Знамени» еще встречается, но оценка направления газеты дается в редких случаях. Выше уже приводилась оценка газеты как

---

[1] См. *В. Бурцев.* За сто лет (1800—1896). Сборник по истории политических и общественных движений в России. Ч. II. Лондон, 1897, стр. 135.

[2] См. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 гг. Париж, 1913, стр. 6, 49.

[3] См. Социал-демократические издания. Указатель социал-демократической литературы на русском языке. 1883—1905 гг. [Б. м.] 1922, стр. 6, 51.

[4] См. *А. В. Мезьер.* Словарный указатель по книговедению. Ч. I. М.— Л., 1931, стр. 934.

социал-демократического издания, данная П. Л. Лавровым в речи на Парижском конгрессе. В сборнике «Из архива П. Б. Аксельрода», в примечаниях к тексту составители, упоминая газету «Знамя», отмечают: «Газета была беспартийная, но близкая к социал-демократическому направлению» [1]. Эта характеристика, на наш взгляд, не совсем точна, тем более, что мы видели, как принципиально верно газета оценивала беспартийность.

М. Е. Вильчур, автор примечательного исследования, в своей книге «Русские в Америке», изданной после 1918 г. и написанной в интересующей нас части на основе воспоминаний и сведений И. А. Гурвича, С. М. Ингермана, Л. Миллера и других участников событий того времени, дает «Знамени» такую характеристику: «Это был яркий орган русской революционной мысли, к участию в котором были привлечены такие деятели революции и русского общественного движения, как Петр Лавров, Г. В. Плеханов[2], Вера Засулич и П. Аксельрод. «Знамя» называло себя «рабочей газетой». В отношении к американскому движению «Знамя» являлось социалистическим и марксистским органом, но по отношению к России газета, в значительной степени, отражала народовольческие веяния, сильно еще тяготевшие в то время над русской революционной интеллигенцией» [3].

Пожалуй, М. Е. Вильчур ближе к истине, хотя его характеристика больше подходит к газете периода 1890 г. и в меньшей степени — к газете периода 1889 года.

А в био-библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» «Знамя» вообще названо «русской социал-демократической газетой» [4].

Разноречие в оценке идейного направления газеты объясняется, пожалуй, тем, что «Знамя» представляло собой

---

[1] Из архива П. Б. Аксельрода, стр. 236.

[2] Статьи Г. В. Плеханова в «Знамени» обнаружить не удалось. В № 4 «Знамени» за 1889 г. опубликована большая корреспонденция из Женевы, помеченная январем того года и подписанная инициалом *П.*, в которой раскрывалась трусливость и бездеятельность русских либералов, уповавших на реформы «сверху», однако терминология статьи, в целом содержательной, показалась нам не плехановской (в ней автор, например, называет себя и своих единомышленников социалистами-революционерами).

[3] *М. Вильчур.* Цит. соч., стр. 104.

[4] См. Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь, т. III, вып. I, стр. 176, 177.

необычное явление. Оно было одним из конкретных проявлений происходившего в то время процесса перехода русской революционной мысли от народничества к марксизму. Своеобразие его определялось особыми эмигрантскими условиями, причем не где-нибудь в старой Европе, а в США — тогда уже самой развитой капиталистической стране. Эти условия, с одной стороны, благоприятствовали более быстрому изживанию народнических иллюзий и переходу к марксизму, так как издававшие газету русские эмигранты действовали в обстановке крайне резкой классовой дифференциации общества, упростившей общественные отношения, повседневно и непосредственно сталкивались с вопиющими противоречиями капиталистического строя, что способствовало наглядному, предметному усвоению марксизма.

С другой стороны, положение русской эмиграции в далекой Америке осложняло эту эволюцию вследствие оторванности от российского освободительного движения, слабости и эпизодичности связей с теоретическими силами русских марксистов — группой «Освобождение труда» и пионерами марксизма в самой России. Собственных же теоретических сил издателям «Знамени» не хватало. Поэтому их развитие от народничества к марксизму носило характер скорее стихийного перехода к социал-демократии, который не был теоретически так же четко осознан и обоснован, как у членов группы «Освобождение труда».

Однако, несмотря на переходный характер идеологии некоторых издателей газеты, ее сотрудников, пережитки и следы народнической идеологии, заметные в отдельных ее статьях и материалах,— в общем и целом «Знамя», особенно в первый период своего существования, определенно тяготело к марксизму, придерживалось социал-демократического направления.

Как явственно видно из опубликованных в газете материалов, нарождавшаяся русская социал-демократия в США в 1890 г. сделала по сравнению с предыдущим годом значительный шаг вперед в своем идейном развитии. Редакция же «Знамени» (в обновленном составе) этого шага сделать не смогла. Газета отстала от движения, поблекла, стала менее последовательно выражать социал-демократическую линию, однако в общем не изменила своему идейному знамени, не сошла с пути к социал-демократии, по которому год назад столь уверенно шла.

Недолог был век «Знамени», но тем не менее эта газета остается любопытной вехой на пути развития русской социал-демократии. Это, безусловно, ценный исторический источник, в особенности для исследования деятельности и связей группы «Освобождение труда», а также истории социалистических рабочих организаций российских эмигрантов в США.

С. З. ЛЕВИОВА

БУРЖУАЗНАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА В РЕВОЛЮЦИИ 1848—1849 ГОДОВ

Исследование деятельности Маркса и Энгельса в 1848—1849 гг. представляет большую важность для истории марксизма и международного рабочего движения. Без изучения этой проблематики не могут быть должным образом освещены такие методологические вопросы, как соотношение стихийного и сознательного элементов в рабочем движении, связь демократических и социалистических задач пролетариата, борьба основоположников научного коммунизма за создание партии рабочего класса, тактика пролетарской партии в буржуазной революции. Вот почему в идеологической борьбе, которая происходит на фронте исторической науки в течение многих десятилетий, столь существенное место занимает трактовка роли Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 гг. По этим вопросам существует обширная литература, и дискуссии по наиболее острым проблемам не теряют своей политической актуальности.

Специальные работы по историографии раннего периода истории марксизма до сих пор отсутствуют. В известной степени этот вопрос освещается в общих историографических работах, вышедших в нашей стране и в Германской Демократической Республике. Историографией германской революции 1848—1849 гг. много и плодотворно занимался советский историк С. Б. Кан. Отдельные статьи, опубликованные им в разное время, затем вошли в его книгу, которая была издана посмертно[1]. С. Б. Кан

---

[1] *С. Б. Кан.* Столетний юбилей революции 1848 г. в немецкой исторической литературе.— «Вопросы истории», 1950, № 11, стр. 126—138. *Его же.* Начало юнкерско-буржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг.— «Из истории социально-политических идей». М., 1955, стр. 537—547. *Его же.* Новейшая не-

рассматривает различные направления в историографии революции, но, к сожалению, он не исследовал специально проблемы истории марксизма и рабочего движения. Книга была закончена в 1951 г., и потому в ней нашли лишь очень незначительное отражение труды историков ГДР, а также критика современной западногерманской историографии.

Анализ современной буржуазной и ревизионистской литературы о жизни и деятельности Маркса и Энгельса в этот период дается в ряде статей Е. П. Канделя [1].

Весьма плодотворно занимаются проблемами историографии историки ГДР. Появился ряд статей, посвященных этим вопросам [2]. Недавно вышла обширная коллективная монография, где дается систематизированный обзор и критика буржуазной и социал-демократической литературы по различным проблемам истории [3].

* * *

В буржуазной историографии германской революции 1848—1849 гг. деятельность Маркса и Энгельса и их соратников — коммунистов рассматривается обычно как один из моментов второстепенного характера. Такая тен-

---

мецкая литература о революции 1848—1849 годов в Германии.— «Вопросы истории», 1957, № 7, стр. 149—161. *Его же.* Немецкая историография революции 1848—1849 гг. в Германии. М., 1962.

[1] *Е. П. Кандель.* Искажение истории борьбы Маркса и Энгельса за пролетарскую партию в работах некоторых правых социалистов.— «Вопросы истории», 1958, № 5, стр. 120—130. *Его же.* Маркс и Энгельс о партии и современная буржуазная и ревизионистская историография.— «Вопросы истории КПСС», 1968, № 3, стр. 34—46. *Его же.* К критике буржуазных и ревизионистских концепций о теоретической и революционно-практической деятельности Ф. Энгельса.— «Вопросы истории КПСС», 1970, № 11, стр. 87—100.

[2] *H. Bleiber.* Literatur zur Geschichte der Revolution von 1848/49.— «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее — ZfG), 1960, Sonderheft, S. 212—228. *W. Schmidt.* Zur historisch-politischen Konzeption des Heidelberger «Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte».— «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» (далее — BzG), 1967, H. 4, S. 626—635. *E. Kundel, W. Schmidt.* Karl Marx und Friedrich Engels im Zerrspiegel der westdeutschen Historiographie.— «Einheit», 1968, H. 4—5, S. 563—574.

[3] «Unbewältigte Vergangenheit. Handbuch zur Auseinandersetzung mit der westdeutschen bürgerlichen Geschichtsschreibung». Hrsg. von G. Lozek, H. Meier, W. Schmidt, W. Berthold. 2. Auflage. Berlin, 1971. См. также рецензии Г. Шлейера (ZfG, 1970, H. 12, S. 1621—1624) и В. И. Салова («Новая и новейшая история», 1971, № 6, стр. 186—187).

денция наблюдается у историков различных школ и политических направлений.

Крупным исследованием по истории германской революции является монография Фейта Валентина, вышедшая в самом начале 30-х годов[1]. Это фундаментальная работа, основанная на огромном фактическом материале.

Однако освещению рабочего движения в этой монографии уделено очень мало места. То немногое, что можно там найти, относится в основном к деятельности представителя реформистского направления Стефана Борна. Валентин готов признать, что члены Союза коммунистов принимали активное участие в революции и способствовали росту классового сознания рабочих, но в общем одной из доминирующих черт его концепции является неприязнь к коммунизму, как пролетарской идеологии. Объективность изменяет ему, когда речь идет о Марксе, и он готов повторять обычные измышления буржуазных авторов о неуживчивости и нетерпимости Маркса и т. п. Валентин всячески отрицает влияние идей и программы Маркса на германскую революцию.

Это особенно проявилось в оценке такого программного документа, как «Требования Коммунистической партии в Германии».

Игнорируя факты, Валентин утверждает, что «Требования» не оказали, в сущности, никакого влияния на общественное мнение и остались почти незамеченными. Что же касается деятельности коммунистов, то единственным ее результатом, по мнению Валентина, было то, что она разрушила единство между буржуазией и пролетариатом, существовавшее в начале революции. Буржуазия, напуганная коммунистическим движением, повернула вправо и только по этой причине заключила союз с контрреволюцией. Тем самым Валентин прямо возлагает на Маркса и коммунистов вину за поражение революции.

К столетию революции в Западной Германии вышла книга Штадельмана[2]. По словам автора, он не стремился

---

[1] *V. Valentin.* Geschichte der deutschen Revolution von 1848—1849, Bde I—II. Berlin, 1930—1931. В 1970 г. книга была переиздана в ФРГ. См. также рецензию *Г. Беккера* (ZfG, 1970, H. 8, S. 1098—1099).

[2] *R. Stadelmann.* Soziale und politische Geschichte der Revolution von 1848. München, 1948. *Его же.* Das Jahr 1848 und die deutsche Geschichte.— «Deutsche Rundschau», 1948, H. 5, S. 99—110.

привлечь новый материал, а видел свою задачу в обобщении уже известных фактов и выяснении общих закономерностей германской революции. Однако такого рода задача оказалась ему не по плечу. Несмотря на неоднократно выраженное намерение подняться над общепринятыми в исторической литературе буржуазного Запада взглядами и вскрыть истинные пружины исторических событий, Штадельман остается в порочном кругу трафаретных концепций буржуазной историографии и не способен понять внутренние закономерности исторического процесса.

Он не пошел дальше избитых утверждений о мнимом благополучии в Германии накануне революции, о «беспочвенности» рабочего движения, упорно игнорирует роль Маркса и его соратников в событиях 1848—1849 гг. Книга проникнута откровенно националистическим духом. Главная направленность работы Штадельмана — это антимарксизм и антикоммунизм, она изобилует клеветническими выпадами против Маркса и Энгельса. Он обвиняет коммунистов в том, что они не понимали насущных интересов рабочих, а христианских политиков и правительственных чиновников фарисейски именует радетелями о нуждах рабочих. В изображении Штадельмана Маркс и Энгельс выглядят как беспочвенные фантазеры, носившиеся с химерическими планами европейской войны. Он уверяет, что Маркс и Энгельс не понимали реальной обстановки в Европе, и потому поражение революции было для них неожиданным и горьким разочарованием. Для самого Штадельмана, как и для многих его единомышленников, причиной поражения революции является пагубная, по их мнению, деятельность республиканцев и коммунистов, внушившая такой страх буржуазии, что это заставило ее броситься в объятия контрреволюции. Таким образом, книга Штадельмана — это одна из многочисленных попыток консервативной буржуазной историографии фальсифицировать подлинную историю революции в угоду антикоммунизму.

Все сказанное о книге Штадельмана относится также к другим книгам и брошюрам, которые появились на Западе к столетию германской революции 1848 г. Наиболее известна среди них книга Г. Мейера[1]. В центре внима-

[1] *H. Meyer*. 1848. Studien zur Geschichte der Deutschen Revolution. [West-] Berlin, 1949.

ния автора — радикальное движение в годы революции, рассматриваемое в узких рамках столиц двух германских государств — Пруссии и Австрии. Автор видит причины неудачи германской революции в политико-психологических, т. е. субъективных факторах. Столь же несостоятельно представление Г. Мейера о тактике Маркса. Он повторяет ходячее утверждение буржуазной историографии о мнимом противоречии между теорией Маркса и его практической деятельностью в революции, видя проявление этого противоречия в том, что Маркс ориентировал рабочих на участие в выборах в Национальное собрание. Характеризуя позицию Маркса по отношению к рабочему движению, Мейер отождествляет тактику Маркса и Борна. Он уверяет, будто, идя на компромисс и сотрудничество с либеральной буржуазией, Борн лишь выполнял указания Маркса. Таким образом, в представлении Мейера «тактический оппортунизм» (так он характеризует политику Борна) полностью отражал позицию Маркса. Иными словами, Мейер приписывает марксизму конформистские тенденции, стремится выхолостить его революционную суть.

В статье Г. Мейера о Марксе и «Neue Rheinische Zeitung» [1], написанной несколькими годами позже, содержатся утверждения о нереальности программы Маркса, которая-де не оказала никакого влияния на развитие революции. Автор уверяет, будто позиция пролетарских революционеров была лишь наруку реакции и содействовала поражению революции. Насколько далек Мейер от понимания сущности политики и тактики Маркса, можно судить хотя бы по тому, что весь смысл «Требований Коммунистической партии в Германии» он видит в «экономических лозунгах», направленных против буржуазии. Он сводит разногласия между Марксом и Гервегом к противоречиям между буржуа и рабочими и демагогически упрекает Маркса в отсутствии патриотизма.

Книга немецкого журналиста Л. Шварцшильда о жизни и деятельности Маркса написана в откровенно антикоммунистическом духе [2]. Раздел, в котором идет речь о дея-

---

[1] *H. Meyer*. Karl Marx und die deutsche Revolution von 1848. «Historische Zeitschrift», 1951, Bd. 172, № 3, S. 517—534.

[2] *L. Schwarzschild*. Der rote Preuße. Leben und Legende von Karl Marx. Stuttgart, 1954. Первоначально книга Шварцшильда была опубликована в 1947 г. в США.

тельности Маркса в годы революции, озаглавлен «Под фальшивым флагом». Подобно другим буржуазным фальсификаторам, автор оценивает тактику Маркса, предусматривавшую участие пролетарских революционеров в демократическом движении, как камуфляж и маневр, направленный на «улавливание» масс.

В действительности борьба пролетарских революционеров во главе с Марксом за демократическую программу в германской революции объективно соответствовала насущным задачам немецкого народа — ликвидации феодально-абсолютистского строя, завоеванию демократических свобод, удовлетворению требований широких слоев трудящихся города и деревни. Это была борьба за победу буржуазно-демократической революции, без которой невозможно было создать условия для социального освобождения пролетариата. Изображая в искаженном виде всю тактику Маркса, Шварцшильд настолько не брезгует средствами, что обвиняет коммунистов в обмане рабочих лозунгами демократии, поскольку в их намерения-де входила «война против демократии». Суровая и беспощадная критика Марксом и Энгельсом ошибок, непоследовательности и колебаний мелкобуржуазных демократов в ходе революции трактуется Шварцшильдом как возбуждение разногласий и раздоров в лагере демократии, что якобы наносило вред борьбе против контрреволюции. В целом книга Шварцшильда преследует откровенно политические цели. Ее тенденциозность была отмечена даже социал-демократическим исследователем В. Блюменбергом, который писал о том, что эта работа проникнута духом «холодной войны» [1].

Оценка характера революции 1848 г. и роли Маркса и Энгельса современной западногерманской буржуазной историографией сравнительно мало отличается от концепций буржуазной науки 30—40-х гг. Видный западногерманский историк Теодор Шидер, главный редактор «Historische Zeitschrift», один из авторов коллективного труда по истории Германии [2], повторяет утверждения Валентина о том, что главной причиной поражения революции явились противоречия между «демократическим радикализ-

[1] *W. Blumenberg.* Karl Marx in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Reinbeck bei Hamburg, 1962, S. 9.

[2] *B. Gebhardt.* Handbuch der deutschen Geschichte. Bd. III. Stuttgart, 1960, S. 125—140.

мом» (к которому он причисляет и коммунистов) и германской буржуазией. Роли Маркса в революции Т. Шидер касается в другой своей работе, посвященной проблеме революции в XIX веке[1]. Здесь Маркс и его учение характеризуются в духе обычных штампов современной «марксологии». Шидер готов признать «революционную динамику» теории классовой борьбы. Однако смысл туманных фраз вроде того, что пролетарская революция является «актом человеческого избавления», сводится в конечном счете к отрицанию действенности марксизма как революционного пролетарского учения и его исторической роли в формировании классового сознания пролетариата. Т. Шидер стремится затушевать революционную деятельность Маркса. Он утверждает, что Маркс не был баррикадным борцом, что ему чужды вопросы политической тактики. Столь же мало оригинальны и попытки Т. Шидера противопоставить Энгельса (якобы более близкого к реальной действительности) Марксу.

Отто Фослер в работе о революции 1848 г.[2] стремится оправдать позицию германской буржуазии. Он видит в «социально-республиканском движении», к которому причисляет Маркса и Энгельса и их сторонников, угрозу слева и помеху деятельности Франкфуртского собрания, а тем самым одну из причин поражения революции.

В течение многих лет занимается изучением жизни Маркса и его произведений французский социолог и историк М. Рубель, один из наиболее известных на Западе буржуазных «интерпретаторов» марксизма. Научная ценность исследований Рубеля значительно снижается из-за их грубой тенденциозности. Он глубоко враждебен марксизму и употребил немало усилий для искажения его революционных идей, его характера, как цельного и развивающегося интернационального учения.

В биографии Маркса Рубель уделяет весьма незначительное место периоду революции 1848—1849 гг. Он признает политическую роль Маркса в годы революции как редактора «Neue Rheinische Zeitung», как руководителя

---

[1] *Th. Schieder.* Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert. «Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts». München, 1958, S. 11—57.

[2] *O. Vossler.* Die Revolution von 1848 in Deutschland. Frankfurt am Main, 1967. См. также рецензию *Г. Беккера* (ZfG, 1969, H. 7, S. 928—929).

кёльнского Демократического общества и Рабочего союза. Вместе с тем Рубель тенденциозно изображает Маркса как некоего «ментора», пытавшегося навязать свои взгляды германской буржуазии и мелкобуржуазным демократам. Он не видит принципиального отличия политических идей Маркса от понятий буржуазной демократии. Поэтому он считает, например, что Маркс в сентябре 1848 г. добивался установления буржуазной власти, тогда как на деле выдвинутый Марксом лозунг революционной диктатуры имел целью организацию отпора контрреволюции и осуществление широкой программы демократических преобразований в интересах народных масс.

Рубель уверяет, будто выводы, содержащиеся в работе Маркса «Буржуазия и контрреволюция», носят «более умеренный и более реалистический характер» [1], чем высказывания Маркса на предыдущем этапе революции. И это говорится о произведении, где сформулирована мысль о невозможности компромисса между буржуазией и королевской властью в Пруссии в форме конституционной монархии и о неизбежности социально-республиканской революции! Характеризуя политическую линию Маркса в германской революции 1848—1849 гг., Рубель подчеркивает лишь его несбывшиеся надежды на победоносный исход революции, полностью игнорируя научную глубину и точность анализа предпосылок, задач и движущих сил революции, данного Марксом на страницах «Neue Rheinische Zeitung» и подтвердившегося ходом дальнейших событий. О непонимании самой сути марксизма свидетельствует утверждение Рубеля, будто поражение июньского восстания 1848 г. в Париже заставило Маркса принять бланкистскую программу.

В статье, специально посвященной понятию пролетарской партии у Маркса [2], Рубель тщится доказать, будто над Марксом довлели идеи буржуазного либерализма и связанные с ними этические понятия, и это якобы объясняет разрыв между теоретическими идеями Маркса и его практической революционной деятельностью. Согласно Рубелю, деятельность Маркса в рабочем движении носила

---

[1] *M. Rubel.* Karl Marx. Essai de biographie intellectuelle. Paris, 1957, p. 265.

[2] *M. Rubel.* Remarques sur le concept du parti prolétarien chez Marx.— «Revue française de sociologie», 1961, vol. 2, No. 3, p. 166—176.

двойственный характер; он усматривает противоречия во взглядах Маркса на задачи пролетарской партии в рамках буржуазного общества и на конечную цель ее борьбы — освобождение рабочего класса.

Рубель изображает коммунистов как некую интеллектуальную элиту, стоящую вне рабочего движения и диктующую ему какие-то догмы, как некую секту, не подчиняющуюся законам революционной борьбы. Рубель противопоставляет пролетарскую партию, непосредственно связанную с рабочим классом, коммунистам как носителям теоретических взглядов[1]. Характерен для буржуазной историографии и тезис Рубеля, будто Маркс отдавал предпочтение стихийному движению рабочего класса перед организованной деятельностью пролетарской партии. Этот прием имеет целью отождествить марксизм с реформизмом.

Рубель настаивает на мнимом противоречии между борьбой Маркса за демократию и борьбой за пролетарскую революцию, не видя диалектической связи и взаимной обусловленности этих задач. Поэтому он приписывает Марксу несуществующее разграничение между «политической» (т. е. социалистической) и социальной революцией (постепенным преобразованием капиталистического общества). Тем самым делается попытка протащить тезис о том, будто Маркс считал необходимой только борьбу за пролетарскую революцию и не уделял внимания насущным задачам улучшения положения рабочих. Искусственно отрывая друг от друга две стороны деятельности пролетарской партии — руководство массовым рабочим движением и теоретическую работу,— Рубель фактически отрицает авангардную роль коммунистической партии и исторические заслуги марксизма перед рабочим движением.

В послевоенные годы заметно увеличился интерес буржуазных историков США к истории марксизма, продиктованный стремлением противопоставить марксистской историографии нарочито искаженное освещение жизни и деятельности Маркса и Энгельса. Весьма типична для американской марксологической литературы работа профессора Йельского университета А. Уитриджа[2]. В его книге

---

[1] *M. Rubel.* Karl Marx, p. 288—290.

[2] *A. Whitridge.* Men in Crisis. The Revolutions of 1848. New York, 1949.

о деятелях революции 1848 г. одна из глав посвящена Марксу. Враждебное отношение автора к марксизму проглядывает в каждой строке. Помимо обычных для антимарксистской литературы клеветнических отзывов о личных качествах Маркса и стремления опорочить его дружбу с Энгельсом, Уитридж фальсифицирует представление о тактике Маркса в германской революции. Он считает участие Маркса в демократическом движении всего лишь маскировочной тактикой, цель которой — приобрести влияние на массы. Автор уверяет, будто Маркс и Энгельс безразлично относились к вопросу о единстве Германии, хотя последовательный характер программы коммунистов в этом кардинальном вопросе германской революции признают многие буржуазные историки. Уитридж стремится дискредитировать и политику Маркса и Энгельса в национальном вопросе, утверждая, будто они не заботились о судьбах угнетенных народов.

Теодор Хемроу, автор книги по истории Германии XIX в., вышедшей в издательстве Принстонского университета [1], поставил своей задачей доказать отсутствие связи между марксизмом и рабочим движением. Он заявляет, что рабочих не интересовало ничего, кроме насущных экономических требований, и потому они якобы были глухи к пропаганде коммунистов, пытавшихся втянуть их в политическую борьбу. Влиянием на рабочих пользовались, по мнению Хемроу, лишь руководители Рабочего братства Борн и Неез фон Эзенбек (которых он называет «умеренными социалистами»), поскольку они-де стояли на почве реальной действительности. Таким образом, американский историк стремится принизить уровень политического сознания германского пролетариата в годы революции и пытается доказать, что рабочие не принимали участия в восстаниях за имперскую конституцию, которые развернулись в Юго-Западной Германии в мае 1849 г.

С несколько иных позиций написана книга профессора О. Дж. Хаммена о деятельности Маркса и Энгельса в годы революции [2]. Этот американский ученый в течение ряда лет занимается исследованием истории германской обще-

---

[1] *T. S. Hamerow.* Restoration, Revolution, Reaction. Economics and Politics in Germany, 1815—1871. Princeton University Press, 1958.

[2] *O. J. Hammen.* The Red '48ers Karl Marx and Friedrich Engels. New York, 1969.

ственной мысли середины XIX в. Он изучил произведения Маркса и Энгельса и обширную литературу, в том числе и работы германских историков-марксистов.

Определяя задачи своей работы, Хаммен подчеркивает значение революционной деятельности Маркса и Энгельса. Он считает, что их нельзя характеризовать только как теоретиков, поскольку они были прежде всего и главным образом революционерами. Однако несмотря на такого рода справедливые суждения, свидетельствующие о стремлении к объективному освещению деятельности Маркса и Энгельса, авторская концепция в целом находится в русле современной буржуазной марксологии. Хаммен придерживается той точки зрения, что позиция Маркса и Энгельса в революции определялась исключительно соображениями политической целесообразности. Именно под этим углом зрения он расценивает такие документы Союза коммунистов, как его Устав и «Требования Коммунистической партии в Германии». Тем самым он отрицает, что тактика Маркса и Энгельса в 1848—1849 гг. была нацелена на претворение в жизнь программы коммунистов в буржуазной революции.

Автор далек от объективности и в освещении тактики Маркса в рабочем движении. Он не понимает принципиальной разницы между позицией пролетарских революционеров и сектанта Готшалька. По его мнению, такие деятели, как Готшальк, являлись подлинными выразителями непосредственных нужд и интересов рабочих. Подобно другим буржуазным авторам, Хаммен считает тактику Маркса в демократическом движении просто хитроумным маневром. Так, он приписывает Марксу намерение разъединить демократические и рабочие союзы Кёльна, чтобы воздействовать в отдельности на те и на другие (в связи с предложением Готшалька о слиянии трех демократических союзов Кёльна в июне 1848 г.).

Принижая позицию Маркса и Энгельса как пролетарских революционеров в важнейших вопросах революции, Хаммен, например, пишет, что Маркс — не единственный публицист того времени, отметивший пролетарский характер июньского восстания парижских рабочих (об этом-де писал и Токвиль). Между тем в данном случае дело не только в прозорливости Маркса, а в его горячей, безоговорочной поддержке борьбы рабочих, на которую, конечно, не был способен ни Токвиль, ни другие идеологи господ-

ствующих классов,— те самые «порядочные», которые, как указывал Маркс, всячески оплевывали и поносили истерзанных голодом плебеев — действительных героев и подвижников революции [1].

Симпатии Хаммена целиком на стороне германской либеральной буржуазии, стремившейся «стабилизировать» революцию конституционным путем. Он приписывает редакторам «Neue Rheinische Zeitung» преувеличение угрозы реакции и чрезмерную подозрительность, хотя вслед за этим вынужден признать, что уже в июле 1848 г. имелись налицо признаки консолидации реакции в Германии. Оценивая знаменитую статью Маркса «Буржуазия и контрреволюция», где подводятся итоги первого этапа германской революции, Хаммен приписывает Марксу манипуляцию историческими фактами в угоду своим доктринам. Общий вывод книги сводится к тому, что революция показала нереальность программы Маркса и Энгельса. Автор рисует основоположников научного коммунизма некими Дон Кихотами, которые были далеки от реальной действительности и жили в мире иллюзий.

* * *

Германские буржуазные историки неоднократно обращались к рассмотрению позиции Маркса и Энгельса по отношению к демократическому движению в Германии 1848—1849 гг. Одной из первых работ такого рода является исследование Г. Людерса [2].

Несомненной заслугой Людерса является то, что он обратил внимание на разнородную структуру демократического движения в период германской революции. Не понимая классовой природы расхождений между различными направлениями внутри этого движения, он все же признал, что коммунисты представляли наиболее решительное направление, отстаивавшее революционный путь осуществления главной задачи национального развития Германии — объединения страны в единую демократическую республику. Людерс первым отметил, что программа, выдвинутая делегатом кёльнского Рабочего союза Бейстом на Берлинском демократическом конгрессе, была заимст-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 5, стр. 142.

[2] *G. Lüders*. Die demekratische Bewegung in Berlin im Oktober 1848.— «Abhandlungen zur Mittleren und Neueren Geschichte». H. 11. Berlin und Leipzig, 1909.

вована из «Требований Коммунистической партии в Германии».

Весьма близок к позиции Людерса Ганс Краузе [1]. Автор рассматривает социальную политику демократических организаций и их парламентских представителей в период германской революции. Анализируя сущность так называемого «социального вопроса», Краузе отмечает, что в основе его лежало стремление разрешить противоречие между трудом и капиталом, причем буржуазия и ее идеологи, опасаясь революционного выступления рабочих, пытались успокаивать их уступками и полумерами. Поэтому они заигрывали с такими рабочими лидерами, как Борн, который, со своей стороны, охотно шел на соглашение с буржуазией. Краузе с одобрением отзывается о реформистской политике Борна, говоря, что он «прочно стоял на реальной почве». Отмечая, что на Берлинском демократическом конгрессе проявилось влияние социалистических идей, Краузе отождествляет программу, выдвинутую Бёйстом, и «Требования» (он даже полагает, что Маркс принимал участие в ее выработке). В действительности, однако, доклад комиссии по социальному вопросу, с которым выступил на конгрессе Бёйст, наряду с положениями, заимствованными из программных документов Союза коммунистов, содержал рассуждения, навеянные идеями мелкобуржуазного социализма [2].

Но оба они, и Людерс и Краузе, видят в демократическом движении важный фактор германской революции. Краузе считал исторической особенностью революции 1848 г. то, что в ней приняли непосредственное участие широкие народные массы, оказавшие значительное влияние на ее развитие.

Германский буржуазный историк Дёль избрал темой своей диссертации освещение на страницах «Neue Rheinische Zeitung» деятельности Франкфуртского собрания [3]. Автор вынужден признать, что события подтвердили правильность той оценки, которую Маркс и Энгельс дали

---

[1] *H. Krause.* Die Demokratische Partei von 1848 und die soziale Frage. Ein Beitrag zur Geschichte der ersten deutschen Revolution. Frankfurt am Main, 1923.

[2] Подробнее об этом см. *С. З. Левиова.* Маркс в германской революции 1848—1849 годов. М., 1970, стр. 219—221.

[3] *W. Döhl.* Die deutsche Nationalversammlung von 1848 im Spiegel der «Neuen Rheinischen Zeitung». Diss. Bonn, 1930.

политике Франкфуртского собрания. Однако при этом Дёль впадает в ошибку многих буржуазных исследователей, которые видят в резкой критике Марксом и Энгельсом германского Национального собрания проявление их отрицательного отношения ко всякой парламентской деятельности. Между тем, статьи Маркса и Энгельса в «Neue Rheinische Zeitung» свидетельствуют о том, какое большое значение они придавали решительным выступлениям левых депутатов против контрреволюционной политики правительства. Если Маркс и Энгельс критиковали непоследовательность и ошибки мелкобуржуазных демократов и их парламентских лидеров, то только потому, что считали долгом революционных демократов мужественное и решительное отстаивание интересов народа в парламенте. Красной нитью через статьи газеты, начиная с ее первого номера, проходит мысль о том, что Национальное собрание должно стать на защиту народного суверенитета, отстаивать завоевания революции в противовес контрреволюционной политике германских правительств. Известно, как высоко ценил В. И. Ленин эти высказывания Маркса и Энгельса.

Вопрос о взаимоотношении «Neue Rheinische Zeitung» и демократического движения рассматривает в своей диссертации западногерманский историк Г. Кюмхоф [1]. Он не скрывает своих политических целей. Он прямо указывает, что его работа задумана как противовес оценке деятельности «Neue Rheinische Zeitung» в марксистской историографии. Как и другие буржуазные авторы, он уверяет, будто демократическая программа газеты была всего лишь тактическим маневром и имела намерение ввести в заблуждение читателей, поскольку истинная цель газеты была коммунистической. Это дает ему основание говорить о двойственном характере позиции «Neue Rheinische Zeitung» по отношению к демократическому движению. Разумеется, тезис Кюмхофа не выдерживает критики. Ведь редакция «Neue Rheinische Zeitung» с самых первых дней не скрывала своего критического отношения к буржуазной и мелкобуржуазной демократии, а в дальнейшем совершенно недвусмысленно заявляла, что установление «трехцветной», т. е. буржуазной республики она рассматривает

[1] *H. Kümhof.* Karl Marx und die «Neue Rheinische Zeitung» in ihrem Verhältnis zur demokratischen Bewegung der Revolutionsjahre 1848/49. Phil. Diss. [West-] Berlin, 1961 (MS).

не как конечную цель, а лишь как начало нового этапа борьбы, когда пролетарская партия будет находиться в официальной оппозиции[1]. Спрашивается, о какой же дезориентации читателей может идти речь?

Другой тезис Кюмхофа, который также не отличается оригинальностью (он был высказан еще Штадельманом), заключается в том, что решительная и бескомпромиссная позиция газеты и критика в адрес мелкобуржуазной демократии объявляется пагубной для дела демократии в целом, поскольку она-де заставила буржуазию отшатнуться от революции. Отсюда делается столь же парадоксальный, сколь абсурдный вывод, будто деятельность «Neue Rheinische Zeitung» способствовала консолидации реакции и ускорила поражение революции. Кюмхоф, правда, не отрицает, что в критические моменты революции газета играла весьма действенную роль в демократическом движении (во время кампании против налогов, во время выборов в прусский ландтаг, в движении за имперскую конституцию). Однако вопреки многочисленным фактам, свидетельствующим о широкой популярности газеты среди народных масс, о ее влиянии на демократическое движение, он все же твердит о мнимой изоляции газеты. Вслед за другими буржуазными авторами он повторяет версию о том, что Маркс-де не был настоящим журналистом, что он, как кабинетный ученый, не обладал необходимыми качествами для оперативной работы в газете.

Наряду с явной тенденциозностью работы Кюмхофа необходимо отметить позитивную особенность его исследования. В отличие от подавляющего большинства буржуазных и социал-демократических авторов он признает, что с первого своего номера «Neue Rheinische Zeitung» отстаивала интересы пролетариата, рисовала его тяжелое положение, указывала на непримиримые противоречия между пролетариатом и буржуазией, а в связи с июньским восстанием в Париже решительно встала на защиту рабочих.

* * *

Спекулируя на сложном и противоречивом характере национальных движений в европейских странах в 1848—1849 гг., буржуазные и реформистские историки представ-

---

[1] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 5, стр. 477; т. 6, стр. 547—548.

ляют в искаженном виде отношение Маркса и Энгельса к национальному вопросу, обвиняя их то в национализме и шовинизме, то в пренебрежении к национальным правам малых народов. Они усиленно атакуют внешнеполитическую линию «Neue Rheinische Zeitung», главной целью которой была борьба против оплотов европейской реакции того времени — Пруссии, Австрии и царской России — во имя победы буржуазно-демократической революции. Призыв Маркса и Энгельса к революционной войне европейских народов против этих феодальных монархий, и в первую очередь против наиболее мощного тогда оплота европейской реакции, ее жандарма — царской России, толкуется как проявление «русофобства» и «шовинизма». Между тем основоположникам марксизма было абсолютно чуждо какое бы то ни было враждебное чувство по отношению к русскому народу, и великий сын этого народа Ленин вполне справедливо считал позицию Маркса и Энгельса по отношению к царской России образцом последовательно революционной тактики [1].

С большой яростью обрушился на позицию редакции «Neue Rheinische Zeitung» в национальном вопросе «марксолог» Роман Роздольский [2]. Он стремился доказать, что программа газеты по национальному вопросу носила антиславянский характер, а ее оценки расходились с реальной действительностью. Автор утверждает, будто редакция газеты, и в первую очередь Энгельс, безразлично относилась к судьбам угнетенных национальностей, занимая позицию национального нигилизма. Роздольский подвергает ревизии марксистский подход к национальному вопросу с точки зрения интересов революционно-демократической борьбы народов. В своем стремлении очернить позицию редакторов «Neue Rheinische Zeitung» он уверяет, будто «Neue Rheinische Zeitung» была рупором венгерской и польской дворянско-буржуазной демократии, разделяя ее предрассудки и иллюзии.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 37—38.

[2] *R. Rosdolsky.* Friedrich Engels und das Problem der «geschichtslosen» Völker (Die Nationalitätenfrage in der Revolution 1848—1849 im Lichte der «Neuen Rheinischen Zeitung»).— «Archiv für Sozialgeschichte», Bd. IV. Hannover, 1964, S. 87—282. Роздольский был деятелем австрийской социал-демократии. После второй мировой войны он эмигрировал в США, где умер в 1967 г.

* * *

С конца 50-х — начала 60-х годов заметно возрастает интерес буржуазной историографии к истории марксизма и рабочего движения. Причины этого следует искать в неоспоримых всемирно-исторических достижениях социализма, в углублении общего кризиса мировой капиталистической системы, в небывалом обострении ее внутренних противоречий, в развале ее колониальных тылов. Прямым выражением этих объективных процессов является как никогда широкое распространение марксизма в качестве господствующей идеологии международного рабочего движения.

Не удивительно, что современная буржуазная историография тем активнее стремится тенденциозно интерпретировать историю классовой борьбы пролетариата и развития общественной мысли. Это в полной мере относится к освещению раннего периода германского рабочего движения.

Проблемами этого периода больше всего занимается группа, которую возглавляет историк и социолог Вернер Конце в Гейдельберге[1]. Ее представители по существу отрицают классовую и политическую самостоятельность рабочего движения и стремятся превратить его в послушный придаток буржуазной политики и идеологии. Этим целям призвана служить пресловутая теория интеграции.

С позиций теории интеграции разных классов общества написана работа Фролинды Бальзер[2]. При рассмотрении рабочего движения периода германской революции в центре ее внимания оказывается Рабочее братство Борна, которое она считает прямым предшественником лассалевского Всеобщего германского рабочего союза. Бальзер превозносит Рабочее братство за его стремление действо-

---

[1] См. об этом подробнее: *W. Schmidt.* Zur historisch-politischen Konzeption des Heidelberger «Arbeitskreises für moderne Sozialgeschichte». Neuerliche Verfälschungen der Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung in der ersten Hauptperiode.— BzG, 1967, H. 4, S. 626—635. *Его же.* Фальсификация истории немецкого рабочего движения западногерманской буржуазной историографией.— «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1, стр. 57—68. *А. Б. Чернов.* Центры по изучению истории рабочего движения в ФРГ и Западном Берлине. «Новая и новейшая история», 1972, № 5, стр. 194—197.

[2] *F. Balser.* Sozial-Demokratie 1848/49—1863. Die erste deutsche Arbeiterorganisation «Allgemeine deutsche Arbeiterverbrüderung» nach der Revolution. Stuttgart, 1962.

вать в рамках существующего строя. Она начисто отрицает какое-либо влияние Маркса и Союза коммунистов на эту организацию, более того — считает идеологическую основу марксизма чуждой развитию рабочего движения. Бальзер уверяет, будто Маркс игнорировал существование Рабочего братства и не придавал никакого значения его деятельности. Но это такое же искажение исторических фактов, как и утверждение автора, будто на страницах «Neue Rheinische Zeitung» не сообщалось о региональных конгрессах Рабочего братства зимой 1848—1849 гг.

Совершенно несостоятельны попытки Бальзер противопоставить оценки Борна, данные Энгельсом и Лениным, ибо совершенно очевидно, что ленинская оценка опирается на положения Энгельса и развивает его мысли. Стремясь умалить роль Маркса в рабочем движении, Бальзер отрицает, вопреки общеизвестным фактам, его влияние на кёльнский Рабочий союз. Поскольку намерение Маркса действовать совместно с Рабочим братством весной 1849 г. противоречит тому, что было сказано автором об отношении Маркса к этой организации, Бальзер утверждает, что инициатива здесь исходила от Рабочего союза и от Шаппера.

Бальзер фальсифицирует не только историю марксизма, но представляет в превратном свете и само Рабочее братство, игнорируя его роль в развитии классового сознания рабочих, его поворот в сторону политической борьбы, т. е. те моменты, которые свидетельствуют о влиянии программы и тактики коммунистов.

Что касается исторического значения Союза коммунистов, то Бальзер не стесняется утверждать, что марксистская историография заимствовала представление о влиянии Союза коммунистов... из полицейской книги Штибера! Неумеренное рвение Бальзер вызвало нарекания даже со стороны ее ближайшего окружения [1].

В статьях самого Конце и в работе, написанной им совместно со своим учеником Д. Гроу [2], весьма отчетливо

---

[1] *W. Schieder.* Bund der Kommunisten.— «Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft». Bd. 1. 1966, Sp. 905. См. также *W. Conze, D. Groh.* Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Stuttgart, 1966, S. 34.

[2] *W. Conze.* Der Beginn der deutschen Arbeiterbewegung.— «Geschichte und Gegenwartsbewußtsein. Historische Betrachtungen». Göttingen, 1963. *Его же.* Vom «Pöbel» zum «Proletariat». Sozial-

выражена его концепция по вопросам истории германского рабочего движения и истории марксизма. Основное положение Конце заключается в том, что в период революции 1848 г. марксизм не соприкасался с рабочим движением[1]. Внедрение марксизма в рабочее движение относится, по его мнению, лишь к 60-м годам прошлого века.

Второй тезис Конце сводится к тому, что рабочему движению как таковому чужды идеи научного социализма. Распространение этого учения среди рабочих является, с его точки зрения, лишь результатом недальновидной политики господствующих классов Германии, которые не пошли вовремя на уступки рабочим (в виде либеральных реформ) и тем самым не предотвратили рост революционного сознания пролетариата. Главная цель рабочего движения, по мнению Конце,— способствовать примирению классов в буржуазном обществе. Он приписывает Борну идею интеграции рабочего класса в буржуазном обществе. Весь смысл его деятельности Конце сводит к тому, чтобы превратить рабочих в верную опору «спокойствия и порядка».

В совместной работе Конце и Гроу, признавая политическое значение деятельности Маркса и Энгельса в годы германской революции, пытаются представить их программу как разновидность некой национально-демократической платформы, рассчитанной на поддержку буржуазной демократии и не отличающейся от нее в принципиальном отношении. В этом духе они интерпретируют «Требования Коммунистической партии в Германии» как документ, имевший главной целью осуществление национального единства страны. На первый взгляд эта точка зрения в корне отличается от традиционного тезиса буржуазной историографии, многие годы твердившей о том, что Маркс и Энгельс в 1848—1849 гг. стремились к осуще-

---

geschichtliche Voraussetzungen für den Sozialismus in Deutschland.— «Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte», Bd. 41, 1954, S. 332—364. *W. Conze, D. Groh.* Die Arbeiterbewegung in der nationalen Bewegung. Die deutsche Sozialdemokratie vor, während und nach der Reichsgründung. Stuttgart, 1966.

[1] Ему вторит его единомышленник В. Шидер, который считает признаком «односторонности» марксистской историографии признание руководящей роли Маркса и Энгельса в рабочем движении (см. *W. Schieder.* Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung im 19. Jahrhundert.— «Neue Politische Literatur», 1964, H. 5, Sp. 323—338).

ствлению задач пролетарской революции и что по этой причине их агитация не имела успеха среди рабочих. Однако «новизна» концепции Конце обманчива. На деле она преследует ту же политическую цель — дискредитацию марксизма, как революционной пролетарской идеологии, отрицание его влияния на рабочее движение. Изображая тактику Маркса и Энгельса в революции как разновидность мелкобуржуазного радикализма, Конце и его последователи не видят временного характера совместных действий коммунистов с мелкобуржуазными демократами.

Тот же подход у Конце и Гроу к истории Союза коммунистов. Они критикуют Бальзер за недооценку значения Союза, но вместе с тем противопоставляют Маркса и Энгельса пролетарским элементам внутри Союза коммунистов. Больше всего они ополчаются на тезис марксистской историографии о руководящей роли Маркса и Энгельса в рабочем движении, приписывая основоположникам научного коммунизма безразличное отношение к рабочему движению и непонимание его нужд. Признавая широкое распространение и общественное звучание «Neue Rheinische Zeitung», Конце и Гроу не видят разницы между редактируемой Марксом газетой и другими демократическими органами печати.

Примыкающий к той же школе западногерманский историк Вольфганг Шидер посвятил ряд работ проблемам раннего периода истории германского рабочего движения. Он обвиняет марксистских историков в создании «легенды» о причастности Маркса и Энгельса к рабочему движению, о борьбе Маркса и Энгельса за массовую пролетарскую партию в период революции[1]. Полемизируя с известным историком ГДР Г. Беккером, автором исследования о деятельности Маркса и Энгельса в Кёльне в 1848—1849 гг.[2], В. Шидер уверяет, что деятельность Маркса в Рабочем союзе не была направлена на решение организационных задач рабочего движения, а имела целью использование союза для поддержки буржуазно-демократического движения. Он не согласен с тем, что члены Союза коммунистов Молль и Шаппер проводили в Рабочем союзе линию Маркса. В. Шидер утверждает, что во время дискуссий в

---

[1] *W. Schieder.* Auf dem Wege zu einer neuen Marx-Legende.— «Neue Politische Literatur», 1965, H. 5, Sp. 259—270.

[2] *G. Becker.* Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849. Berlin, 1963.

Рабочем союзе летом 1848 г. Шаппер и Молль стояли на тех же позициях, что и во время дискуссий в Лондонском просветительном обществе в 1845 г. Он не заметил исторической эволюции взглядов руководителей Союза справедливых. В действительности большая дистанция отделяет лондонские дискуссии, когда руководители Союза справедливых находились на позициях утопического социализма, и дискуссии 1848 г., в которых обнаруживается сильное влияние идей научного социализма и главным содержанием которых являлась популяризация программы «Требований Коммунистической партии в Германии».

Шидер пытается свести на нет значение плана создания общегерманской рабочей организации, намеченного Марксом весной 1849 г. При этом он весьма произвольно толкует факты. Он видит в намеченном объединении рабочих организаций Германии лишь присоединение кёльнского Рабочего союза к Рабочему братству и уверяет, как и Бальзер (без всяких на то оснований), будто эти шаги были предприняты скорее Шаппером, чем Марксом и Энгельсом. Шидер ополчается также на весьма плодотворные исследования историков ГДР, убедительно доказывающих влияние Союза коммунистов и его членов на деятельность и программу Рабочего братства.

В другой своей работе[1] В. Шидер признает, что Союз коммунистов являлся «ранней формой политической рабочей партии» и потому его следует рассматривать как составную часть германского рабочего движения[2]. Однако это отнюдь не означает отказа от принципиальных позиций буржуазной историографии. Он по-прежнему отрицает роль Маркса и Энгельса как революционных вождей рабочего класса, совершенно игнорирует значение «Neue Rheinische Zeitung» как органа революционного пролетариата в 1848—1849 гг. и продолжает утверждать, что

[1] *W. Schieder*. Bund der Kommunisten.— «Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft. Eine vergleichende Enzyklopädie». Bd. I. Freiburg, Basel, Wien, 1966, Sp. 900—909. См. также его рецензию на книгу американского историка Нойза («Historische Zeitschrift», Bd. 205, 1967, H. 2, S. 407—409).

[2] Такое же признание вынужден сделать и западногерманский историк Г. Моммзен (*H. Mommsen*. Arbeiterbewegung.— «Sowjetsystem und demokratische Gesellschaft». Bd. I, Sp. 277). Он утверждает, что Маркс и Энгельс не придавали значения конкретной организации пролетарского движения (ibid., Sp. 303), а значит, и не участвовали в ее создании.

Маркс и Энгельс в годы революции совершенно не заботились о создании самостоятельной пролетарской организации.

В работах В. Шидера фигурирует и другое тенденциозное утверждение — будто участие членов Союза коммунистов (Шаппера и других) в рабочем движении отнюдь не соответствовало тактике Маркса и Энгельса и совершалось помимо их воли [1].

Концепции буржуазной историографии в отношении раннего периода истории германского рабочего движения получили отражение и в работе американского историка П. Нойза [2]. В его книге фигурирует ряд положений, сформулированных западногерманскими авторами, в первую очередь представителями школы Конце. Нойз не скрывает, что его целью является опровержение марксистской интерпретации истории революции 1848 г. Он упрекает марксистских историков не только в преувеличении роли Маркса, но и в недооценке удельного веса ремесленников в германском рабочем движении в 1848—1849 гг., а также стихийного стремления рабочих к созданию своей организации. Сам он уделяет главное внимание тому направлению в стихийном рабочем движении Германии, которое отражало интересы отсталых ремесленных слоев. Он подробно останавливается на ремесленных конгрессах 1848 г., обходя молчанием деятельность передовых организаций германских рабочих, в том числе рабочих союзов, принимавших активное участие в политической борьбе (кёльнский Рабочий союз). Согласно концепции Нойза, стремление рабочих к самостоятельной организации оказало пагубное влияние на исход германской революции, так как вызвало «дезинтеграцию», т. е. разрыв между рабочими и буржуазией.

Оценка Нойзом программы и тактики Маркса отнюдь не оригинальна. Полностью отрицая участие Маркса в рабочем движении и его влияние на развитие революции, Нойз утверждает, что Маркс стоял в стороне от револю-

---

[1] См. сообщение *Г. Скшипчака* о выступлении В. Шидера на конференции в Вуппертале в мае 1970 г. в ознаменование 150-летия Энгельса («Internationale Wissenschaftliche Korrespondenz», H. 10, 1970, S. 80).

[2] *P. H. Noyes*. Organisation and Revolution. Working-class associations in the German revolutions of 1848—1849. Princeton (New Jersey), 1966. См. также рецензию *В. Шмидта* (ZfG, 1968, H. 2, S. 234—236).

ции, выступая в роли некоего «комментатора» событий. Политическую программу Маркса, выраженную в «Требованиях» и в статьях «Neue Rheinische Zeitung», американский историк отождествляет с позицией буржуазных радикалов. В полном соответствии со своей общей концепцией Нойз отрицает роль Союза коммунистов в истории германского рабочего движения и повторяет излюбленную версию буржуазных историков о роспуске Марксом Союза в 1848 г. План создания самостоятельной пролетарской партии, выдвинутый Марксом весной 1849 г., объявляется запоздалой попыткой, предпринятой якобы под впечатлением наступления контрреволюции и заранее обреченной на провал.

Книга Нойза была с одобрением встречена американской буржуазной историографией [1], однако его упрощенная и неубедительная аргументация, огульное отрицание всякого влияния Маркса на рабочее движение вызвали некоторые критические упреки даже со стороны буржуазных историков [2].

* * *

В работах ряда социал-демократических историков нашли совершенно определенное выражение довольно распространенные догмы реформизма — отрицание или непонимание задач пролетарской партии по отношению к демократическому движению, превознесение представителей оппортунистического направления в рабочем движении Германии 40-х годов XIX века.

Работа историка Ганса Штейна [3] была одним из первых исследований истории рабочего движения в Германии в период революции 1848—1849 гг. Штейн впервые ввел в научный оборот большой и ценный материал, почерпнутый из архивов Рейнской провинции, он тщательно изучил рабочую прессу революционных лет. Собранные им факты проливают свет не только на историю кёльнского Рабочего союза, которая являлась непосредственным предметом его исследования, но и на деятельность Маркса и его соратников в рабочем и демократическом движении 1848—

---

[1] *G. D. Feldman.* «Labor History», 1966, vol. 7, No. 3, p. 376—378.

[2] *W. Schieder.* «Historische Zeitschrift», Bd. 205, 1967, H. 2, S. 407—409.

[3] *H. Stein.* Der Kölner Arbeiterverein (1848—1849). Ein Beitrag zur Frühgeschichte des rheinischen Sozialismus. Köln a. Rh., 1921.

1849 гг. Так, например, из его работы впервые стало известно, что Маркс был председателем Рабочего союза. К числу позитивных моментов книги Штейна относится то, что он признает участие Маркса в рабочем движении в годы революции. В отличие от других буржуазных и социал-демократических историков Штейн отмечал, что «Neue Rheinische Zeitung» отстаивала интересы рабочих. Работа Штейна получила широкую известность в ряде стран и в течение десятилетий служила главным источником для изучения истории германского рабочего движения и деятельности Маркса в годы революции.

Концепция Штейна оказала значительное влияние на освещение ряда проблем в западной литературе[1]. Это касается в основном трех вопросов — характеристики Готшалька и его роли в истории кёльнского Рабочего союза, внутренней борьбы в этой организации и деятельности Маркса в рабочем движении.

Готшальк находится в центре всего изложения Штейна. Автор, стремясь преуменьшить роль Маркса, идеализирует Готшалька и превозносит его заслуги перед рабочим движением. Штейн не видит сектантских черт тактики Готшалька, его реформизма. Противопоставляя взгляды Готшалька, которые он называет «идеологическим социализмом», и мировоззрение Маркса (которое он именует «эволюционизмом»), Штейн замалчивает эклектический, противоречивый характер воззрений Готшалька, характерное для него сочетание политического авантюризма и социальной демагогии. Весьма путаным является определение политических взглядов Готшалька, которое дает Штейн. На том основании, что Готшальк представлял себе будущее единство Германии как «свободу всех немецких племен», Штейн счел возможным говорить о «федерализме» Готшалька в противовес «унитаризму» «Neue Rheinische Zeitung». Однако выспренняя и туманная фразеология Готшалька отнюдь не дает оснований для такого заключения, тем более, что его политическая позиция отличалась крайней неустойчивостью и противоречивостью. Не внес ясности Штейн и в расшифровку преслову-

---

[1] На некоторые из этих моментов указали *Э. Цобель* («Der Kölner Arbeiterverein 1848/49».— «Marx — Engels — Archiv», Bd. I. Frankfurt a. M., 1926, S. 429—437) и *Г. Беккер* («Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849». Berlin, 1963, S. 6—7 и др.).

того лозунга «рабочей республики», который выдвигал Готшальк. Вряд ли правомерно отождествлять его (как это делает Штейн) с требованием «социальной республики», которое выдвигали Маркс и Энгельс. Редакторы «Neue Rheinische Zeitung» понимали под «социальной республикой» революционно-демократические преобразования в интересах народа, в том числе рабочих, тогда как путаный лозунг Готшалька предполагал немедленный приход к власти рабочих, игнорируя объективные исторические условия.

Непомерно преувеличивая роль Готшалька в демократическом движении, Штейн изображает его центральной фигурой на Франкфуртском демократическом конгрессе и одним из руководителей демократической партии, в то время как в действительности Готшальк лишь тщетно стремился к такой роли. Штейн приписывает одному Готшальку заслугу создания кёльнского Рабочего союза, хотя на самом деле его деятельность в начале революции непосредственно связана с историей кёльнской общины Союза коммунистов до 1848 г.[1] Рассматривая деятельность Готшалька как председателя Рабочего союза, Штейн считает период его руководства временем расцвета этой организации, а рост влияния коммунистов привел, по его мнению, к застою, а затем к упадку союза.

Штейн останавливается главным образом на том периоде истории союза, когда его возглавлял Готшальк, а в последующем периоде выделяет преимущественно те моменты, которые связаны с фракционной борьбой сторонников Готшалька против руководства коммунистов. Между тем подробное освещение истории Рабочего союза после ареста Готшалька, которое дает в своей книге германский историк-марксист Г. Беккер[2], показывает, что только после того как руководство союзом перешло к соратникам Маркса, членам Союза коммунистов, Рабочий союз приобрел черты политической пролетарской организации и стал оказывать возрастающее влияние на рабочее движение Кёльна и Рейнской провинции.

---

[1] На это, в частности, указывал в своей рецензии Фелинг («Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche». Jg. 46, München und Leipzig, 1922, S. 285—287).

[2] *G. Becker*. Karl Marx und Friedrich Engels in Köln 1848—1849. Zur Geschichte des Kölner Arbeitervereins. Berlin, 1963.

Штейн считал, что руководители Рабочего союза Шаппер и Молль еще в 1848 г. находились в оппозиции к Марксу и редакции «Neue Rheinische Zeitung». Этот тезис получил большое распространение в социал-демократической историографии. Цель подобного рода рассуждений заключается в том, чтобы создать впечатление противоречия между основоположниками марксизма и рабочим движением. Штейн не смог дать правильную оценку деятельности Маркса в кёльнском Рабочем союзе и его тактики на последнем этапе революции. Говоря (бегло и вскользь) о подготовке общегерманской рабочей партии, он сводит суть позиции Маркса в революции к поддержке буржуазии и утверждает, будто эта тактика наносила ущерб интересам рабочего класса.

Раннему периоду истории рабочего движения Германии посвящена диссертация Фелинга о Шаппере[1]. Это оригинальное исследование, основанное на обширных архивных источниках и материалах прессы, содержит много новых фактических сведений. Однако концепция истории Союза коммунистов до 1848 г. в работе Фелинга в целом несостоятельна.

Фелинг развивает положение о том, что образование Союза коммунистов в 1847 г. и вступление в эту организацию Маркса и Энгельса означало компромисс между прежней идеологической платформой Союза справедливых (которую он называет «ремесленным коммунизмом») и учением Маркса и Энгельса (которое он именует «политическим и экономическим радикализмом»). Этот компромисс, утверждает Фелинг, оказался недолговечным, не выдержав испытания в годы революции. В разногласиях между Марксом и Энгельсом, с одной стороны, и прежними руководителями Союза справедливых — с другой, а также в борьбе Готшалька против Маркса следует, по мнению Фелинга, искать истоки последующих противоречий внутри Союза, которые в 1850 г. привели к его расколу. Вся работа Фелинга имеет целью доказать, что не Маркс, а деятели-практики типа Шаппера, Молля или Готшалька являлись подлинными вождями рабочего движения.

Весьма близка к изложенным концепциям позиция Б. Николаевского. Бывший русский меньшевик, окончивший свою жизнь в эмиграции, Николаевский выступил

[1] *A. W. Fehling*. Karl Schapper und die Anfänge der Arbeiterbewegung bis zur Revolution von 1848. Diss. Rostock, 1922 (MS).

в 30-е годы как один из авторов биографической книги о Марксе[1]. Глава книги, посвященная деятельности Маркса в 1848—1849 гг., озаглавлена «Безумный год в Кёльне», что вполне соответствует буржуазной трактовке истории германской революции. Освещая политику Маркса в этот период, Николаевский игнорировал самую суть тактики коммунистов: временный союз с либеральной буржуазией на отдельных этапах революции, совместные действия с мелкой буржуазией, но при условии отстаивания интересов пролетариата, разоблачение ошибок, трусости, непоследовательности мелкобуржуазных демократов. Николаевский отстаивал версию о мнимом роспуске Союза коммунистов Марксом в 1848 г., основываясь на показаниях Рёзера, данных в прусской тюрьме после кёльнского процесса коммунистов 1852 г. Он утверждал, будто «Neue Rheinische Zeitung» не представляла интересы рабочего класса и была оторвана от рабочего движения.

В 50—60-х годах он продолжал отстаивать версию о роспуске Союза коммунистов в мае — июне 1848 г., игнорируя известные к тому времени документальные доказательства существования организации Союза в 1848 г.— например, письмо Эвербека Гессу 1 ноября 1848 г. и опубликованный самим Николаевским квартальный отчет Лондонского округа Центральному комитету Союза коммунистов 18 июня 1848 г. Николаевский трактует мнимый роспуск Союза как единоличные, диктаторские действия Маркса. При этом он проводит ничем не обоснованную параллель между мнимым роспуском Союза коммунистов в 1848 г. и роспуском Союза в 1852 г. по решению его лондонской организации.

Противопоставляя аргументированным положениям марксистских историков о прекращении существования тайной организации Союза коммунистов в годы революции и об изменении характера его деятельности свою формулировку о роспуске Союза Марксом, Николаевский обвинял советских исследователей в том, что они якобы руководствуются исключительно партийно-политическими соображениями, а не научными аргументами. Однако он именно потому придавал такое значение показаниям Рё-

---

[1] *B. Nicolajevsky, O. Mänchen-Helfen.* Karl und Jenny Marx. Ein Lebensweg. Berlin, 1933. *Они же.* Karl Marx: Man and Fighter. London, 1936. Современное немецкое издание: *B. Nikolaevsky, O. Mänchen-Helfen.* Karl Marx. Eine Biographie. Hannover, 1963.

зера, что это свидетельство[1] дало ему возможность построить искусственную схему и использовать ее в целях, весьма далеких от добросовестного научного исследования. По мнению Николаевского, роспуск Марксом Союза коммунистов в 1848 г. является доказательством того, что Маркс не придавал большого значения существованию Союза как партийной организации.

Главная цель всех этих казуистических рассуждений и аргументации Николаевского — доказать, что в 40-е годы XIX в. и, в частности, в период германской революции Маркс не стремился к созданию самостоятельной политической партии пролетариата. Он совершенно игнорирует высказывания Маркса и Энгельса о необходимости сочетания различных форм деятельности пролетарской партии. Он отказывается признать, что «Neue Rheinische Zeitung» была не только орудием революционной пропаганды, но и организационным центром, фактически выполнявшим функции руководящего центра Союза коммунистов. Он оперирует лишь несостоятельным аргументом, будто газета выражала не линию Центрального комитета, а личную позицию Маркса. И это несмотря на то, что в редакцию газеты входили два члена ЦК (Энгельс и В. Вольф) и несколько членов Союза, которые в своих статьях отстаивали ту же точку зрения, что и Маркс, по всем важнейшим политическим вопросам. В ущерб исторической правде Николаевский настойчиво противопоставлял «партию Маркса» и «линию Маркса» позиции Союза коммунистов в целом.

Главное внимание Николаевского устремлено на то, что он называет конфликтом между Марксом и Энгельсом (как

---

[1] Отступая под давлением аргументированной критики Е. П. Канделя (*Е. П. Кандель.* Не от хорошей жизни... По поводу статьи Б. Николаевского «Кто искажает историю?» — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3, стр. 180—189), Николаевский вынужден был признать, что Рёзер был предателем и что его показания носят в какой-то степени субъективный (иными словами, недостоверный) характер. Однако это не мешало ему по-прежнему утверждать, что этот документ заслуживает полного доверия как исторический источник. Он уверял, будто Рёзер продолжал быть сторонником Маркса и стремился оправдать его действия. Разумеется, и советские историки не отрицают важности показаний Рёзера. Вся разница в том, что они настаивают на критическом отношении к этому источнику, на необходимости исторического анализа и проверки сообщаемых им фактов путем сопоставления с другими документами.

«теоретиками») и бывшими руководителями Союза справедливых Моллем и Шаппером (как «практиками»). Желая подчеркнуть глубину этих расхождений, он говорит о «кризисе» и «тупике» в развитии Союза коммунистов в 1848 г. Николаевский именует Маркса и Энгельса «демократическими коммунистами», намекая на то, что Молль и Шаппер не были согласны с тактикой Маркса по отношению к демократическому движению. Между тем, если обратиться к фактам, то окажется, что Шаппер вместе с Марксом входил в состав Рейнского окружного комитета демократов и вместе с ним подписывал документы этой организации, руководившей демократическим движением Рейнской провинции в самые критические моменты революции (в частности, во время кампании против уплаты налогов в ноябре 1848 г.). Что касается Молля, то он, так же как Энгельс и другие члены Союза коммунистов, участвовал в майском восстании в Юго-Западной Германии, которое преследовало демократические цели, и в одном из боев пал смертью храбрых.

Поскольку выдвинутая Николаевским версия не согласуется с такими документами Союза коммунистов, как мартовское «Обращение» 1850 г., он прибегает к передержке, заявляя, будто «Обращение» не отражает позиции Маркса, а представляет собой результат компромисса с Виллихом и другими членами Центрального комитета в Лондоне и даже содержит осуждение тактики Маркса по отношению к Союзу коммунистов в 1848 г. Он доходит до абсурдного утверждения, будто свидетельством этого компромисса является фигурирующий в этом документе термин «непрерывная революция».

Утверждения Николаевского о внутренних конфликтах в Союзе коммунистов имеют целью доказать, что взгляды Маркса и его тактика не пользовались поддержкой со стороны руководящих деятелей Союза, что эта организация представляла собой весьма непрочное соединение разнородных элементов, что она не выдержала испытания в период революции и что внутренняя борьба привела к ее распаду. А отсюда — прямой путь к отрицанию роли Маркса как руководителя первой в истории пролетарской организации, основанной на принципах научного коммунизма, отсюда пресловутый тезис о том, будто марксизм не оказал никакого влияния на рабочее движение и не был связан с ним. Недаром эта схема Николаевского получила

столь широкое распространение среди западных марксологов.

Современная буржуазная и реформистская историография вынуждена считаться с новой обстановкой, сложившейся в мире за последние десятилетия. Она не может игнорировать результаты документально аргументированных исследований ученых социалистических стран в области раннего периода истории марксизма и рабочего движения. Не изменяя своих общих идеологических позиций, многие социал-демократические историки более гибко подходят к трактовке отдельных проблем, отказываются от наиболее одиозных формулировок, признают ряд фактов и положений, бесспорно установленных марксоведением Советского Союза и ГДР.

Учение Маркса и Энгельса о партии явилось предметом рассмотрения западногерманского историка У. Хауфшильда[1]. Хауфшильд жил и учился в ГДР, а затем уехал в Западную Германию. Тема его диссертации инспирирована его научным руководителем, одним из лидеров германской социал-демократии Карлом Шмидом. Среди наставников Хауфшильда фигурируют также П. Клуке и известный своими антикоммунистическими взглядами И. Фетчер.

Хауфшильд не отрицает тесной связи между политической теорией марксизма и практической деятельностью Маркса и Энгельса. Он стремится сконструировать «расхождения» между учением Маркса о партии и концепцией, которую якобы развивал Энгельс в последние годы своей жизни. Правильно отмечая, что учение Маркса и Энгельса о партии сложилось не сразу, он весьма тенденциозно трактует развитие этого учения. Хауфшильд пытается опровергнуть известное высказывание Энгельса о том, что он и Маркс уже в 1847 г. считали необходимым создание самостоятельной пролетарской партии. Хауфшильд утверждает, будто до 1848 г. у Маркса и Энгельса не было никакого представления о партии и ее задачах. Что касается периода революции 1848—1849 гг., то в это время Маркс и Энгельс будто бы отрицали необходимость самостоятельной пролетарской партии. Хауфшильд объявляет «роковой ошибкой» Маркса и Энгельса то, что они якобы «упустили

---

[1] *U. Haufschild.* Partei und Klasse bei Marx und Engels. Diss. Frankfurt a. M., 1965 (MS).

возможность» создать весной 1848 г. самостоятельную организацию и дали рабочим — членам Союза коммунистов рассеяться по всей Германии. Тем самым, дескать, Маркс и Энгельс добровольно отказались от своего руководящего положения в рабочем движении и позволили другим лицам заняться созданием рабочих организаций (имеется в виду Борн и Рабочее братство). В соответствии с этим Хауфшильд считает, что план объединения рабочих союзов, намеченный в Майнце в апреле 1848 г., не имел никакого отношения к Марксу и Энгельсу и исходил от членов Союза коммунистов, действовавших по собственной инициативе. При этом он обходит молчанием участие членов Центрального комитета Союза коммунистов Валлау и В. Вольфа в составлении и распространении майнцского воззвания.

Характеризуя тактику Маркса и Энгельса в революции, их участие в демократическом движении, Хауфшильд считает «ошибкой» Маркса и Энгельса то, что они вошли в состав Демократического общества и основали «Neue Rheinische Zeitung» как демократический орган, вместо того чтобы консолидировать пролетарскую партию, руководить ее членами из единого центра и пропагандировать в печати коммунистические идеи. Касаясь изменений в тактике Маркса в 1849 г., Хауфшильд заявляет, что план Маркса был направлен на усиление его личной власти и подчинение Рабочего братства его диктату. Он считает этот план нереальным и запоздалым. Тем не менее в ходе дальнейшего изложения автор вынужден признать, что новая тактика Маркса определялась целой совокупностью объективных обстоятельств. Выводы Хауфшильда столь же тенденциозны, как и его аргументация. Он утверждает, что в ходе революции оказались несостоятельными представления Маркса и Энгельса о пролетарской партии и ее задачах.

Если Хауфшильд выступает против марксистского учения о партии, то израильский историк Ш. Нааман подвергает ревизии историю Союза коммунистов, в искаженном виде изображая деятельность Маркса и Энгельса. В своей пространной статье[1] Нааман рассматривает историю Союза коммунистов начиная со вступления Маркса и Энгельса

---

[1] *Sh. Na'aman.* Zur Geschichte des Bundes der Kommunisten in Deutschland in der zweiten Phase seines Bestehens.— «Archiv für Sozialgeschichte», Bd. V, 1965, S. 5—82.

в Союз справедливых. Основной тезис Наамана заключается в том, что Союз коммунистов с самого своего возникновения был неоднородной организацией, и внутри него существовали противоречия между прежними руководителями Союза справедливых (Шаппером, Моллем, Бауэром — Нааман называет их лондонцами) и Марксом и Энгельсом и их сторонниками (В. Вольфом и некоторыми другими), которых он называет «партией «Neue Rheinische Zeitung»». Эти противоречия на время отошли на второй план в результате компромиссных решений (таким компромиссом Нааман вслед за Фелингом считает вступление Маркса и Энгельса в Союз справедливых), но они проявлялись в кризисные моменты истории Союза коммунистов — в период революции 1848 г., а затем, в 1850 г., привели к расколу. Концепция Наамана не отличается оригинальностью. Это слегка подновленная версия о противоречиях между «образованными» (т. е. интеллигентами) и рабочими в Союзе коммунистов, которая давно имеет хождение в реформистской литературе (достаточно вспомнить Штейна, Фелинга и Николаевского).

Вся аргументация Наамана направлена против марксистской трактовки истории Союза коммунистов и, в частности, против положений работы Энгельса «К истории Союза коммунистов». Это произведение он называет «гармонизированным изложением» истории Союза, обвиняя Энгельса в затушевывании противоречий внутри Союза коммунистов. В противовес Энгельсу, характеризующему Союз как организацию, которая выросла из рабочего движения и в недрах которой воспитались первые пролетарские революционеры, Нааман утверждает, что Союз был группировкой интеллигентов, что там существовала лишь небольшая прослойка образованных ремесленников, и противопоставляет его Рабочему братству как стихийной организации рабочих. Это не что иное, как попытка поставить Союз коммунистов вне истории рабочего движения, изобразить его как верхушечную организацию, чуждую интересам массы рабочих. Подобно другим авторам, Нааман поднимает на щит Борна и защищает его от обвинений в реформизме. Он объявляет Борна первым социалистическим и демократическим политиком и воспитателем рабочих, т. е. прямым основателем германской социал-демократии.

Не отличаются новизной и взгляды Наамана на историю Союза коммунистов в годы революции. Здесь он разде-

ляет концепцию Николаевского, несколько видоизменив ее, так как не может не считаться с наличием вновь обнаруженных документов и с исследованиями ученых-марксистов.

«Новая» версия Наамана по сравнению с Николаевским заключается в утверждении, что Маркс распустил не весь Союз коммунистов, а только его кёльнскую организацию. Однако представляется совершенно невероятным, чтобы частичный роспуск Союза мог остаться неизвестным таким его членам, поддерживавшим постоянные связи с Марксом, как Эвербек в Париже или Д'Эстер в Берлине. Между тем из письма Эвербека Гессу 1 ноября 1848 г. неопровержимо следует, что осенью 1848 г. продолжала существовать организация Союза коммунистов и его Центральный комитет [1]. Версия Наамана о частичном роспуске Союза коммунистов Марксом преследует ту же цель, что и схема Николаевского — свести на нет роль Союза коммунистов в годы революции и изобразить Маркса единоличным диктатором, грубо нарушавшим всякие демократические нормы.

Тенденциозность позиции Наамана проявляется и в освещении им тактики Маркса и Энгельса в революции 1848—1849 гг. Главная его цель — во что бы то ни стало доказать неосуществимость политики Маркса. Поэтому он объявляет «Требования Коммунистической партии в Германии» «самой нереальной из всех политических программ». Само появление «Требований» Нааман без всяких на то оснований считает уступкой Маркса «лондонцам», т. е. Моллю и его друзьям.

Отрицательно оценивает Нааман роль «Neue Rheinische Zeitung». Как и многие другие западные авторы, он упрекает редакцию газеты в игнорировании рабочего движения и фактам вопреки утверждает, что осуждение Марксом и Энгельсом Борна и Готшалька оказало пагубное действие на рабочее движение. Нааман осуждает стремление Маркса и Энгельса и их соратников вовлечь рабочие союзы в политическую борьбу, уверяя, будто такая ориентация наносила ущерб специфическим интересам рабочих.

Вопросы развития социалистического и рабочего движения в Рейнской провинции в 40-х годах XIX века рассматриваются в обстоятельной работе западногерман-

[1] Сб, «Союз коммунистов», стр. 216.

ского историка Д. Дове[1]. Книга Дове написана на основе обширного документального материала и выгодно отличается от большей части исследований современных буржуазных авторов. Он весьма критически относится к концепциям таких признанных на Западе авторитетов, как Штейн и Николаевский, и с большим одобрением отзывается о работах историков СССР и ГДР. Дове признает историческое значение деятельности Маркса и его соратников по Союзу коммунистов в развитии рабочего движения и их влияние на формирование классового и политического сознания рабочих. Он внимательно прослеживает рост влияния коммунистов в кёльнском Рабочем союзе и их борьбу против тактики Готшалька.

Однако в ряде вопросов Дове стремится занять некую промежуточную позицию. Признавая непоследовательность взглядов и действий Готшалька, он считает несомненными его заслуги как практика, стремившегося действенно облегчить нужду рабочих, и уверяет, будто в основе разрыва между Марксом и Готшальком лежали не принципиальные разногласия, а мотивы личного соперничества; в частности, не последнюю роль сыграло озлобление Готшалька в связи с его неудавшейся попыткой издания демократической газеты в Кёльне, вместо которой стала выходить под редакцией Маркса «Neue Rheinische Zeitung».

* * *

На протяжении ста лет авторы, принадлежащие к различным историческим и социологическим школам и политическим направлениям, исследуют те или иные стороны деятельности Маркса и Энгельса в период германской революции 1848—1849 гг., их роль в германском и международном рабочем и социалистическом движении. За это время произошли колоссальные исторические сдвиги. Мир капитализма, который казался его апологетам столь устойчивым и незыблемым в конце прошлого столетия, испытал сокрушительный натиск со стороны революционного рабочего класса. Пролетарская революция, неизбежность которой предвидели Маркс и Энгельс и наступления которой они с таким горячим нетерпением ожида-

[1] *D. Dowe*. Aktion und Organisation. Arbeiterbewegung, sozialistische und kommunistische Bewegung in der preußischen Rheinprovinz 1820—1852. Hannover, 1970.

ли всю жизнь, совершилась в России, а дальнейший ход исторического развития привел к созданию мировой системы социализма. Наступила новая историческая эпоха.

Разумеется, эти переломные события не могли не оказать влияния и на развитие исторической науки. Мощного расцвета достигла историческая наука в социалистических странах. С серьезными исследованиями выступают историки-марксисты и в капиталистических странах. Прогрессивные исследователи на Западе под несомненным воздействием марксизма-ленинизма стремятся к объективному освещению деятельности Маркса и Энгельса и их влияния на современное им рабочее и демократическое движение. Между тем противники марксизма не намерены складывать оружие. Они подходят с предвзятых позиций к истории рабочего движения, стремятся воздвигнуть стену между стихийной борьбой пролетариата за свои права и революционной теорией научного коммунизма, стараются, как это можно наблюдать в последнее время, вообще отлучить рабочий класс от революционного движения, зато приписывают исключительные революционные потенции отдельным слоям интеллигенции, в частности студенчеству, и деклассированным элементам. Нередки утверждения об исчезновении рабочего класса и превращении его в некое «среднее сословие».

Развенчивание антимарксистских теорий способствует распространению правильных представлений о жизни и борьбе вождей международного пролетариата, об их бесценном опыте, вооружает рабочий класс — главную революционную силу в борьбе с капиталом — сознанием своего положения и своих исторических задач.

Л. И. ГОЛЬМАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАРКСА в 1852—1864 гг. В ИСКАЖЕННОМ ИЗОБРАЖЕНИИ ПРОТИВНИКОВ КОММУНИЗМА

Борьба идеологов буржуазии против революционного пролетарского мировоззрения приобретает по мере роста успехов социализма все более разнообразные и изощренные формы. Одним из распространенных проявлений этой борьбы служат попытки извратить историю марксизма и деятельность его основоположников, чтобы тем самым подорвать доверие к марксистской теории и воспрепятствовать распространению коммунистических идей.

Антикоммунистические тенденции — и явные и завуалированные — можно обнаружить при рассмотрении буржуазной и реформистской литературы, посвященной любому из периодов биографии Маркса. Не оставили без внимания буржуазные и реформистские авторы и деятельность Маркса в 1852—1864 годах, в период между Союзом коммунистов и Первым Интернационалом.

Эти двенадцать лет составляют определенный этап в развитии марксистской мысли и революционно-практической деятельности Маркса и Энгельса. В области теории они были отмечены величайшим достижением — завершением формирования марксистской политической экономии. Именно на эти годы приходится создание первоначальных рукописных вариантов «Капитала», разработка Марксом теории прибавочной стоимости и других узловых проблем его экономического учения, сопровождавшаяся обогащением остальных составных частей марксизма — марксистской философии и социологии, теории научного коммунизма. Тем самым был значительно расширен и упрочен теоретический фундамент освободительной борьбы рабочего класса. Плодотворным было в эти годы и творчество основоположников марксизма как публицистов, их сотрудничество преимущественно в прогрессивной буржуазной

печати (рабочая печать в эти годы не могла получить сколько-нибудь широкого распространения). Публицистика отражала развитие Марксом и Энгельсом многих сторон революционной теории, в частности, их учения по национально-колониальному вопросу, и выработку ими тактической платформы рабочего класса в многочисленных вопросах внутренней и внешней политики (отношение к существующим режимам, к буржуазному государству, в том числе к бонапартистской империи, к революционному и национально-освободительному движениям, к международным конфликтам и войнам и т. д.). Она являлась в эти годы главной формой воздействия в революционно-коммунистическом духе на прогрессивные общественные круги Старого и Нового Света.

Не был «мертвым сезоном» рассматриваемый период и с точки зрения практической борьбы Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии. Несмотря на крайне неблагоприятные условия для революционной деятельности, идейную незрелость масс, влияние мелкобуржуазного социализма, немногочисленность соратников, отсутствие собственного печатного органа (редактировавшаяся Марксом в 1859 г. лондонская газета «Das Volk» выходила всего несколько месяцев), усилия основоположников марксизма, направленные на развитие традиций Союза коммунистов, сплочение и воспитание вышедших из его рядов пролетарских революционеров, налаживание интернациональных связей, поддержку попыток участников пролетарской борьбы создать свои организации, осуществить издание газет и журналов, не пропали даром. В целом благодаря теоретической и практической деятельности Маркса и Энгельса в 1852—1864 гг. была обеспечена преемственная связь между Союзом коммунистов и Международным Товариществом Рабочих, созданы предпосылки для основания и конституирования Интернационала как революционной пролетарской организации, для утверждения принципов марксизма в качестве его программных, тактических и организационных основ.

Однако буржуазные и реформистские авторы изображают как общий характер и историческое значение деятельности Маркса в рассматриваемые годы, так и отдельные ее стороны, его научные занятия и публицистику, его взгляды по различным вопросам в весьма тенденциозном виде. Их работы отражают и характерные общие черты

буржуазного и реформистского толкования истории марксизма и специфику тенденциозного подхода именно к этому этапу биографии Маркса. Выяснение и критика этих тенденций имеют поэтому немаловажное значение как для опровержения общих концепций буржуазной и реформистской «марксологии», так и для разоблачения некоторых конкретных приемов фальсификации истории марксизма и международного коммунистического движения.

* * *

Специфические черты, которые приобрела деятельность Маркса в условиях реакции 50-х годов, решительное размежевание его с эмигрантскими мелкобуржуазными группировками, подменявшими действительную революционную работу бесплодной шумихой, роспуск Союза коммунистов, продиктованный опасностью вырождения его в этой обстановке в секту,— все это используется буржуазными и реформистскими историками для создания легенды о политической самоизоляции Маркса в эти годы, об уходе его в «чистую науку».

Одним из первых создателей этого мифа был американский реформист Джон Спарго. В выпущенной в 1910 г. биографии Маркса Спарго писал, что после роспуска Союза коммунистов в 1852 г. Маркс вел жизнь, свободную от «политических интриг», волнений и забот. Единственной борьбой в эти годы была для него якобы борьба с нуждой, а в политическом отношении его жизнь в это время была безмятежной [1].

Правда, Спарго должен был все же признать, что иногда развитие политических событий или столкновения в эмигрантской среде заставляли Маркса отказываться от инертности. Так было в период итальянской авантюры Луи-Наполеона в 1859 г., в момент издания эмигрантской газеты «Volk» и «дела Фогта», во время кампании солидарности английских рабочих с Северными штатами Америки в 1862 г. и польскими повстанцами 1863 года. Однако такое проявление политической активности Маркса в изображении Спарго было кратковременным и эпизодическим.

---

[1] *John Spargo.* Karl Marx. His life and work. New York, 1910, p. 190—193 (русский перевод: *Д. Спарго.* Карл Маркс. Жизнь и деятельность. Л., 1924).

Появление первых марксистских исследований — Ф. Меринга, Д. Б. Рязанова — о деятельности Маркса в 50-х — начале 60-х гг. и публикация части его журналистского наследства этих лет не позволяли безоговорочно отстаивать тезис о затворничестве Маркса в рассматриваемый период. Но в том или другом виде он все же упорно проводился в буржуазной и реформистской литературе, в частности, такими правосоциалистическими биографами Маркса, как Ф. Тённис, К. Форлендер, Э. Дран, М. Бер и др. Публицистика Маркса выдавалась в их работах за нечто второстепенное в его творчестве, обращение его к политическим вопросам в статьях и корреспонденциях изображалось как чисто журналистское занятие, не имевшее ничего общего с выработкой тактики рабочего движения.

Так, например, Фердинанд Тённис, признавая, что статьи Маркса содержат важные социологические обобщения, старался всячески умалить их значение для обоснования позиции пролетарских революционеров и революционной демократии в актуальных политических вопросах. Тённис даже утверждал, что Маркс и не мог тогда в своих статьях выступать глашатаем определенного классового и политического направления, так как его немногочисленные сторонники были в те годы всего лишь «статистами». Поэтому по политическим вопросам Маркс выступал в печати по существу якобы как «беспартийный», частный и пассивный наблюдатель [1].

Сходные идеи развивал Карл Форлендер. Он считал публицистическое творчество Маркса 50-х — начала 60-х гг. малозначащим и малоинтересным, одновременно уверяя, будто Маркс в эти годы совершенно отошел от «внешнего движения», то есть от участия в рабочем движении [2].

Версию о том, будто теоретические занятия Маркса были для него средством избавления от партийной борьбы, повторил и левый социал-демократ Отто Рюле. Только настоятельные просьбы друзей и интриги прямых врагов (Фогта и т. п.), утверждал он, вынуждали Маркса в отдельных случаях нарушать уединение и заниматься политическими делами. Появились у Рюле и некоторые новые мотивы в интерпретации деятельности Маркса, широко подхваченные позднее многими буржуазными и реформи-

---

[1] *F. Tönnies.* Karl Marx. Leben und Lehre. Berlin, 1919, S. 50.

[2] *K. Vorlender.* Karl Marx. Sein Leben und sein Werk. Leipzig, 1929, S. 153.

стскими «марксологами», а именно выдвижение причин психологического толка для «объяснения» пресловутой самоизоляции Маркса в 50-е годы и в начале 60-х годов. Рюле пытался изобразить его человеком необщительным и нелюдимым, да к тому же еще весьма завистливым, честолюбивым, претендовавшим всегда на главную роль. Именно этим объясняет Рюле разногласия Маркса с Лассалем, к которому он якобы относился неприязненно из-за его руководящего положения в немецком рабочем движении[1].

Начиная с 30-х годов, а особенно после второй мировой войны, книжный рынок Западной Европы и США оказался буквально наводненным литературой о Марксе. Появились книги о нем бывшего меньшевика Б. Николаевского и его немецкого коллеги О. Менхен-Хельфена, английского автора по вопросам истории социалистического движения И. Берлина, немецко-американского социолога Р. Шлезингера, католического теолога Ж.-И. Кальвеза, одного из западногерманских провозвестников антисоветизма Ф. Боркенау, социал-демократа В. Блюменберга, швейцарского философа и социолога А. Кюнцли, английского журналиста Р. Пейна и т. п. В распоряжении авторов этих работ имелись значительно более богатые материалы о политической деятельности Маркса, чем те, которыми располагали их предшественники. Тем не менее их усилия направлялись не на объективное осмысление новых биографических данных, а на «усовершенствование» старых избитых аргументов, якобы подтверждающих версию об отходе Маркса от политики в 1852—1864 гг., на изобретение новых «теоретических», «политических», «психологических» и т. п. доводов в ее пользу.

Так, И. Берлин, повторяя утверждения о неуживчивости Маркса, о его «растущей с годами прирожденной резкости, воинствующей нетерпимости, стремлении сокрушить любого соперника», пытался создать впечатление, что «самоустранение» Маркса от политики было вызвано коренным изменением в его политической доктрине, в понимании задач рабочего движения и путей достижения его целей. До революции 1848 г. и во время революции Маркс, в изображении Берлина, считал, что путем к освобождению пролетариата должно быть завоевание власти революционным меньшинством. После 1848 г. он стал

[1] *O. Rühle*. Karl Marx. Leben und Werk. Hellerau bei Dresden, 1928, S. 253—257.

якобы проникаться идеей улучшения положения рабочего класса посредством развертывания деятельности тред-юнионов и других массовых рабочих организаций, постепенно ведущей к установлению и политического господства рабочих. Эволюцию политических воззрений Маркса Берлин рисует как некий переход от «догматических» бланкистских позиций на позиции по существу реформистские [1].

Разочарование Маркса в прежних взглядах на тактику борьбы рабочего класса, утверждает Берлин, побудило его отвернуться от той революционной среды, которая в пору деятельности Союза коммунистов находилась во власти заговорщических иллюзий. Поэтому до 1864 г. Маркс оставался на положении безвестного эмигранта, прозябавшего «в глухом уголке Лондона» [2]. Это стало особенно ощутимым на фоне успехов и популярности Лассаля. Известие о смерти последнего «внезапно заставило его [Маркса] с подавляющей силой почувствовать собственную полную изоляцию» и послужило для него побудительным толчком принять участие в деятельности основанного в 1864 г. (отнюдь не им!) Интернационала [3].

Не приходится говорить, насколько фальшивы все эти утверждения. К тому же концепция Берлина, как и многих его предшественников, не только противоречит фактам, но и страдает внутренними противоречиями. В самом деле, если Маркс переориентировался на тред-юнионы, ему вовсе не было необходимости ждать основания Интернационала для того, чтобы принять участие в их деятельности. Если он был настолько неизвестен, как утверждает Берлин, то почему из многочисленных немецких эмигрантов именно он получил приглашение на учредительное собрание Интернационала. Берлин, разумеется, не может привести ни одного документа, свидетельствующего об отречении Маркса и Энгельса от их революционных политических взглядов, развиваемых до и во время революции 1848 г. Нет ни малейших оснований рассматривать эти взгляды как бланкистские и утверждать, что последующие высказывания Маркса о тактике классовой борьбы пролетариата были не развитием этих взглядов, а заменой их другими.

---

[1] *I. Berlin.* Karl Marx. His life and environment. Third ed. London, 1963, p. 182—194. (Первое издание вышло в 1939 г.)

[2] Ibid., p. 218.

[3] Ibid., p. 215—218.

В книге Б. Николаевского и О. Менхен-Хельфена версия о Марксе как об одиночке, затерявшемся в 50-е и начале 60-х годов в закоулках лондонской эмиграции, фигурирует в менее обнаженной форме. Легенду о самоустранении Маркса от участия в политической борьбе авторы пытались подкрепить ссылками на обстановку 50-х — начала 60-х годов, которая вообще якобы не оставляла никакой возможности для «непосредственной политической деятельности». Поэтому в политическом отношении с эмиграцией в Лондон для Маркса началась беспросветная «ночь изгнания» [1].

Общественное значение любого проявления политической активности Маркса в эти годы авторы книги всячески преуменьшают. Его корреспондентская деятельность изображается работой только для заработка. Научные занятия Маркса были будто бы обусловлены только личными склонностями, а отнюдь не объективными потребностями рабочего движения. Некоторые шаги в поддержку этого движения, которые Маркс все же предпринимал, например, его содействие агитации чартиста Джонса, были-де абсолютно эфемерными. Голос Маркса в эти годы якобы вообще не доходил до английских и немецких рабочих. В вопросах борьбы за национальное единство Италии и Германии Маркс и Энгельс, уверяют авторы, высказывали точку зрения, далекую от взглядов других представителей революционного лагеря [2].

Книга Вернера Блюменберга, в которой ряд сторон биографии Маркса освещен объективно, также создает впечатление, будто великий ученый и революционер в 50-е годы сам себя подверг некоему остракизму. С современным политическим миром он в эти годы вступал в контакт лишь как газетный корреспондент, не имея якобы призвания к этой работе. Поэтому из-под его пера, утверждает Блюменберг, чаще всего выходили весьма ординарные корреспонденции, не оставившие заметного следа в разви-

---

[1] *B. Nicolaevsky, O. Mänchen-Helfen.* Karl Marx. Hannover, 1963, S. 235. (Первое издание книги вышло в Берлине в 1933 г.)

[2] Ibid., S. 239, 257, 263. Напомним читателю, что — вопреки последнему утверждению — позиция Мадзини и действия Гарибальди в 1859—1860 гг. во многом соответствовали линии Маркса и Энгельса в итальянском вопросе, а высказывания русских революционных демократов по этому, а также по германскому вопросу имеют еще больше точек соприкосновения с их линией.

тии общественной и политической мысли. Лишь иногда Марксу удавалось создать нечто значительное, вроде серии статей об Индии [1]. Практические связи Маркса с революционными кругами в эти годы Блюменберг по существу игнорирует.

В ряде современных биографических работ о Марксе легенда о его длительной общественной изоляции выступает в грубо клеветнической форме. И по сей день в буржуазной среде находятся литераторы, которые свою ненависть к коммунизму выражают путем грязных инсинуаций и сплетен в адрес Маркса. Нередко собранию этих вымыслов, относящихся в значительной мере и к рассматриваемому периоду жизни Маркса, придается наукообразный вид.

Одним из образчиков подобного сорта произведений является книга швейцарца Арнольда Кюнцли «Карл Маркс. Психография» [2]. Используя возросший интерес не только к учению, но и к личности Маркса, Кюнцли вознамерился дать психологический портрет великого мыслителя и борца, как бы пропустив его жизнь и творчество сквозь призму законов психологии, сформулированных Фрейдом и другими буржуазными учеными. Однако, не говоря уже о сомнительности намерения превратить личность масштаба Маркса в подопытный объект психоаналитических упражнений в духе фрейдизма, сама манера, в которой Кюнцли проводит свой, с позволения сказать, психографический эксперимент, является профанацией не только истории марксизма, но и психологии как науки. Кюнцли, собственно, и не оперирует научными категориями психологии. Его аргументы и рассуждения состоят из груды бездоказательных, по существу злобных измышлений, прикрываемых ссылками на психологический метод.

О «научном» уровне книги Кюнцли свидетельствуют хотя бы следующие моменты его «психографической» концепции. Доминирующей чертой характера Маркса он объявляет отчужденность. Истоки ее якобы лежат в отречении семьи Маркса от религии своих предков. Как и у многих религиозных отступников, у Маркса этот акт породил ненависть крещенного еврея ко всему еврейскому, в том

[1] *W. Blümenberg.* Marx in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg, 1962, S. 118—120.

[2] *A. Künzli.* Karl Marx. Eine Psychographie. Wien — Frankfurt — Zürich, 1966.

числе и к самому себе, что явилось якобы причиной его психологической раздвоенности и неуравновешенности[1]. Это чувство, уверяет Кюнцли, лежало в основе многих поступков Маркса и его отношения к современникам, в частности, в первые пятнадцать лет лондонской эмиграции. Разрыв с Лассалем в начале 60-х годов, по Кюнцли, был вызван не только завистью Маркса, но и неприязнью его к Лассалю как к еврею. Отчужденно держал себя Маркс даже со своими друзьями и соратниками, не говоря уже о противниках. Из-за этой патологической особенности своей психологии Маркс якобы не мог прижиться ни в одной стране, стать гражданином какого-нибудь государства[2].

Если отбросить псевдонаучную мишуру, книга Кюнцли предстанет в глазах любого объективного читателя как настоящий пасквиль на Маркса. Это сочинение тенденциозно в каждой своей строчке. Почти каждый факт биографии Маркса, каждый биографический документ Кюнцли извращает, переворачивает, перетолковывает с целью очернить великого ученого и революционера. Он приписывает Марксу такое количество отрицательных и порочных качеств, которое не укладывается даже во фрейдовские комплексы применительно к одной личности. Маркс у него

---

[1] Один из параграфов книги так и назван: «Ненависть еврея к себе как к еврею». Из «еврейства» Маркса Кюнцли пытается вывести и происхождение ряда положений марксистской теории. Так, идею об исторической миссии пролетариата и социалистической революции он изображает некоей вариацией ветхозаветных пророчеств и притч об избранном народе, о страшном суде и т. д., словом, разновидностью мессианства (*A. Künzli.* Op. cit., S. 195—199, 634—636, 644, 713, 798—809). Весьма карикатурно выглядят также попытки Кюнцли связать марксово учение об отчуждении с отчужденностью как якобы чертой его характера.

[2] *A. Künzli.* Op. cit., S. 193, 216—217. На страницах загребского печально известного журнала «Praxis» Кюнцли выставлял себя в роли противника национализма. Однако «опиуму национализма», «фальшивому сознанию», которое превращено им чуть ли не в главную пружину всемирной истории и, в частности, основную причину происхождения второй мировой войны, Кюнцли противопоставляет космополитическую идею выработки некоего общечеловеческого «глобального сознания», в котором стерлись бы все элементы национального индивидуализма (*A. Künzli.* Opium Nationalismus. «Praxis», 1968, №№ 3—4). Из статьи видно, что Кюнцли вообще склонен чрезвычайно раздувать так называемые национально-психологические мотивы в действиях как отдельных выдающихся личностей, так и целых народов. В применении к Марксу космополитический «антинационализм» Кюнцли на деле превращается в антисемитизм.

то обуреваем демоническими страстями, то поражен рефлексией, то безудержно насмешлив, то впадает в ипохондрию и т. п. В кривом зеркале Кюнцли он выглядит человеком циничным, склонным к порнографии, невоздержанным, завистливым, честолюбивым, снедаемым жаждой власти, нетерпимым к людям, равнодушным к друзьям. Именно этими чертами Кюнцли спешит «объяснить» мнимое одиночество и изолированность Маркса, особенно в 50—60-е годы. В довершение всего Кюнцли объявляет Маркса вообще психически неполноценным [1].

Весьма неблаговидны и попытки Кюнцли опорочить Маркса как ученого, в том числе представить почти бесплодной его научную деятельность в 50-е годы. Здесь Кюнцли в своих выпадах тоже переходит всякую грань, даже по сравнению с многими буржуазными антимарксистами. Отрицательно относясь к марксистской теории, а часто и к личности Маркса, они не могли не признавать его одаренности, эрудированности и трудолюбия. Кюнцли же стремится подорвать мнение о Марксе как о великом труженике науки. Он злословит по поводу того, что за 14 лет, с момента зарождения замысла его экономического труда в 1845 г., Маркс якобы сумел опубликовать «только 2 главы» (имеется в виду первый выпуск «К критике политической экономии», вышедший в 1859 г.) [2]. О том гигантском труде, который предшествовал написанию этого произведения, о создании Марксом «Экономических рукописей 1857—1859 гг.», о марксовых тетрадях с выписками Кюнцли либо говорит мимоходом, либо вообще умалчивает. Зато весьма развязно разглагольствует он относительно мнимой нецелеустремленности и разбросанности Маркса, неспособности его доводить до конца начатое дело. Журналистскую работу Маркса 50—60-х годов Кюнцли изображает как чисто дилетантское занятие, ничего общего не имеющее с тяжелым трудом корреспондентов и репортеров по призванию [3].

Книга Кюнцли явно рассчитана на то, чтобы создать у читателя самое отрицательное впечатление о Марксе. Но в отталкивающем виде предстает в этом объемистом произведении не герой книги, а ее автор. В своем «психографи-

---

[1] *A. Künzli.* Op. cit., S. 480—491.
[2] Ibid., S. 269, 274.
[3] Ibid., S. 258, 262.

ческом труде» Кюнцли выступил в поистине комической роли ничтожного злопыхательствующего буржуазного обывателя, заурядного филистера, вознамерившегося учинить моральный суд над исполином революционной мысли и действия.

И тем не менее в антикоммунистических кругах книгу Кюнцли, несмотря на ее низкопробность, пытаются выдать за научный вклад в разработку биографии Маркса. На опус Кюнцли ссылается, например, автор недавно изданной книги «Маркс, Энгельс, революция» Генрих Скшипчак, один из руководителей западноберлинского центра по изучению истории рабочего движения. В этой работе, представляющей собой апологию ревизионизма, Скшипчак старается представить измышления Кюнцли как истину, хотя и несколько утрированную[1].

У Кюнцли нашелся и прямой подражатель — упомянутый выше английский антикоммунист Роберт Пейн, в прошлом выступивший с тенденциозной книгой о В. И. Ленине. На этот раз он решил пополнить антикоммунистическую литературу обширной биографией Маркса, изданной в Нью-Йорке в юбилейном году[2]. Идя по стопам Кюнцли, Пейн сосредоточил главное внимание на личных сторонах жизни творца научного коммунизма. Роднит его с Кюнцли и стремление представить дело таким образом, будто учение Маркса является не столько результатом научного анализа общественных явлений, сколько отражением его личных качеств, черт его характера. Как и у Кюнцли, за этой попыткой Пейна скрывается определенная цель: убедить читателя в том, что марксизм как таковой не имеет объективной научной ценности, что он представляет собой плод субъективного мышления и психики человека, наделенного весьма сомнительными личными достоинствами.

В отличие от Кюнцли Пейн обещает нарисовать не психологический портрет Маркса, а якобы просто его человеческий портрет. Во введении он уверяет, что его цель — развенчать коммунистическую легенду о Марксе как о «непогрешимом оракуле, превращенном в объект религиозного культа», очистить его облик от тех мнимых добродетелей, которыми наделила его коммунистическая пропа-

---

[1] *Henryk Skzrypczak*. Marx, Engels, Revolution. Standortbestimmung des Marxismus der Gegenwart. Berlin, 1968, S. 19—20.

[2] *R. Payne*. Marx. Biography. New York, 1968.

ганда, восстановить этот облик в его земном виде, «гораздо более интересном, хотя и более уязвимом» [1].

Каким же путем этот «борец за воссоздание образа живого, человеческого Маркса» выполняет свое обещание? Он воспроизводит в своей книге не действительные черты Маркса, а многочисленные инсинуации, распространявшиеся его врагами, в том числе пресловутым Карлом Фогтом, добавляя к ним свои собственные измышления, основанные либо на искажении биографических документов и литературного наследства, либо на чистом изобретательстве. Пейн повторяет и многие вымыслы Кюнцли. Подобно Кюнцли, он стремится всячески опорочить Маркса, представить в неприглядном виде его личные качества. Пейн утверждает, будто «подлинный», а не «мифологический» Маркс был человеком тиранического склада, неразборчивым в средствах, деспотом в своей семье, эксплуатировавшим своих домашних как феодал, будто он был завсегдатаем питейных заведений Лондона, занимался игрой на бирже, стремился к буржуазному комфорту, поддерживал знакомства в аристократической среде и т. п. Он был якобы наделен демонической жаждой власти, мечтал стать революционным диктатором Германии и т. п. [2]

Жизнь Маркса в 50-е и начале 60-х годов Пейн описывает в двух главах с характерным названием «Темная

---

[1] *R. Payne*. Op. cit., p. 13.

[2] Ibid., p. 11—12. Инсинуации Пейна основаны на беззастенчивых передержках. Упоминание, например, Либкнехтом в его воспоминаниях о посещении в 50-е годы компанией, в которой присутствовал Маркс, одной лондонской пивной, используется Пейном для заявления о том, что Маркс предавался систематическому пьянству. Воскресные прогулки Маркса с семьей и друзьями в Хэмпстед-хис толкуются как проявление буржуазных нравов. Полушутливое сообщение Маркса в письме дяде Лиону Филипсу от 25 июня 1864 г. о том, что на часть суммы из материнского наследства он приобрел процентные бумаги, Пейн обратил в свидетельство участия Маркса в биржевых спекуляциях. Особенно наглядным примером фальсификаторских приемов Пейна является приписывание Марксу выдачи английским властям секретных документов Интернационала (Ibid., p. 427—428). На самом деле, письмо Маркса секретарю министра внутренних дел А. О. Ратсону от 12 июля 1871 г., на которое ссылается Пейн, выдвигая свое грязное обвинение, содержало перечень лишь уже опубликованных и широко известных материалов Международного Товарищества Рабочих, приведенный в данном случае с целью опровержения версии о его якобы заговорщической деятельности (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 33, стр. 208).

ночь изгнания» и «Демоны». В первые месяцы эмиграции, повествует он, Маркс продолжал носиться с планами ниспровержения и устранения (в том числе физического!) существующих правителей. Изображая Маркса главой международного коммунистического заговора, Пейн повторяет полицейскую провокаторскую версию известного Штибера на кёльнском процессе 1852 г. Позднее, пишет Пейн, у Маркса хватило все же трезвости убедиться в нереальности этих подрывных замыслов. На этой почве вспыхнули разногласия с Виллихом и Шаппером: Маркс якобы не мог простить им иллюзий, которые он сам незадолго до этого питал.

После роспуска Союза коммунистов Маркс остался «без партии, одиночкой в пустыне» [1]. Крушение планов, уверяет Пейн, вызвало у Маркса бессильную ненависть ко всем на свете, озлобило человека, который привык повелевать и командовать. Деспотизм его характера еще больше усилился. В фогтовской клевете на Маркса Пейн поспешил усмотреть зерна истины; раздражение Маркса против Фогта объясняется якобы тем, что тот разбередил его уязвленное самолюбие намеком на неосуществившиеся замыслы свержения всех правительств [2]. До Интернационала Маркс жил в полной изоляции, воспроизводит Пейн пресловутую легенду в весьма огрубленной форме. У него не было не только последователей и органов печати, но даже «развитой революционной теории». В превращении Маркса из совершенно неизвестного эмигранта в знаменитого вождя Интернационала Пейн видит некий загадочный и непостижимый феномен. Это, уверяет он, одна из тех исторических случайностей, которые якобы опровергают марксистский тезис о закономерной обусловленности исторического развития общества экономическими и социальными факторами [3].

Книга Пейна показывает, как далеко может завести буржуазных авторов на пути пасквилянтства и извращения фактов ненависть к коммунизму. Даже в буржуазной печати было отмечено, что Пейн переусердствовал в своем стремлении свести счеты с Марксом. Газета «Times» в

---

[1] *R. Payne*. Op. cit., p. 247.
[2] Ibid., p. 320.
[3] Ibid., p. 363—364.

своем литературном приложении осудила эту книгу как произведение весьма нечистоплотное[1].

Из приведенного обзора явствует, что утверждение о самоизоляции Маркса в 50-е годы не случайно присутствует в работах буржуазных и реформистских «марксологов». Эта версия, независимо от того, сопровождается она личными выпадами против Маркса или нет, представляет собой существенный элемент общей реформистской и буржуазной концепции, целью которой является умаление роли марксизма в общественной жизни и в развитии рабочего движения. Из процесса взаимодействия марксизма, сложившегося во второй половине 40-х годов, и рабочего движения искусственно вычеркивается свыше десятка лет.

* * *

Тенденция к умалению влияния марксистских идей на формирование и развитие освободительной борьбы пролетариата, с которой тесно связан миф о самоустранении Маркса от политической жизни в 50-х — начале 60-х гг., доминирует и у буржуазных и реформистских историков рабочего движения.

Такие авторы, как Э. Доллеан, Т. Рюйсен, Г. Ноллау, А. Криежель и др., чаще всего вообще игнорируют участие основоположников научного коммунизма в рабочем движении до Интернационала. Тем самым они пытаются доказать неправомерность постановки вопроса о Марксе как основателе Интернационала, о ведущей роли марксизма в создании его теоретической, идейной и тактической платформы, о значении в этом плане деятельности Маркса в 50-е и начале 60-х гг. Интернационал объявляется детищем исключительно английских тред-юнионистов, французских, бельгийских и швейцарских прудонистов. Преемственность между Союзом коммунистов, деятельностью Маркса и его учеников после роспуска Союза и Международным Товариществом Рабочих отрицается.

Типичное выражение указанная концепция получила в книге бывшего секретаря Социалистического Интернацио-

---

[1] «The Times Literary Supplement», 15. VIII. 1968. О тенденциях книги Пейна см. также *А. И. Малыш.* Актуальные проблемы научной разработки идейного наследства К. Маркса и Ф. Энгельса. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 5.

нала Ю. Браунталя «История Интернационалов»[1]. Браунталь пытается представить возникновение Интернационала как результат развития буржуазно-демократических идей свободы, равенства и братства, распространявшихся со времени французской буржуазной революции. Подобно многим другим буржуазным и реформистским авторам, он не делает различий между буржуазным космополитизмом и пролетарским интернационализмом. Интернационал Браунталь объявляет прямым преемником Международной ассоциации, основанной в 50-е годы в Лондоне французскими, польскими и другими мелкобуржуазными эмигрантами в сотрудничестве с чартистами. Союз коммунистов Браунталь не исключает из предшественников Интернационала. Но он отводит его революционным традициям второстепенную роль в подготовке идейной почвы для основания Интернационала. Еще более принижается им значение борьбы Маркса и Энгельса в 1852—1864 гг. за сохранение и развитие этих традиций. Кроме того, и сам Союз коммунистов, и Международное Товарищество Рабочих Браунталь рисует провозвестниками не пролетарских, а буржуазно-демократических принципов. Марксизм, по мнению Браунталя, ничем не выделялся в то время среди других течений, и его роль была аналогична роли разных направлений мелкобуржуазного социализма. Платформа Интернационала изображена в книге Браунталя как соединение различных марксистских и немарксистских доктрин.

На позиции отрицания ведущей роли марксизма в создании Интернационала стоят и представители так называемых «левых» течений в историографии. Бывший секретарь анархистского Интернационала, издатель «Архива Бакунина» А. Мюллер-Ленинг еще в 1938 г. в работе об упомянутой Международной ассоциации 50-х годов пытался представить ее как непосредственную предшественницу Международного Товарищества Рабочих, игнорируя значение деятельности Маркса и его соратников в эти годы в деле идейной подготовки основания Товарищества[2].

---

[1] *J. Braunthal.* Geschichte der Internationale. Bd. I—II. Hannover, 1961—1963. Критику см. *И. А. Бах, В. Э. Кунина, Б. Г. Тартаковский.* О некоторых вопросах истории Первого и Второго Интернационалов. «Вопросы истории», 1962, № 6, а также «Первый Интернационал в исторической науке». М., 1968.

[2] *A. Müller-Lehning.* The International Association 1855—1859. «International Review of Social History». Vol. III, 1938, p. 185—238.

В своей лекции об Интернационалах и интернационализме в Лондонском университете 22 октября 1964 г. троцкист И. Дейчер (текст лекции был опубликован позднее[1]) утверждал, что «корни Интернационала были, можно сказать, почти целиком тред-юнионистскими в узком смысле слова». Деятельность Маркса в предшествующие годы не имела якобы никакого значения, да и не могла принести никакого эффекта, поскольку все время после 1848 г. было полосой сплошного упадка и деморализации рабочего движения. На учредительном собрании 28 сентября 1864 г. Маркс оказался случайно. Вслед за буржуазными авторами Дейчер представляет пролетарский интернационализм продолжением буржуазного космополитизма, смазывая роль марксизма в научном обосновании принципов международной пролетарской солидарности.

Выражая общую точку зрения буржуазно-реформистских, а также «левых» и анархистских историков, Х. Абрамский в ноябре 1964 г. на международном коллоквиуме в Париже, посвященном 100-летию Интернационала, прямо заявил в своем докладе: «Карл Маркс стоял совершенно в стороне от всех событий (приведших к основанию Интернационала.— *Л. Г.*) и был приглашен на учредительное собрание Интернационала буквально в последний момент... С 1850 г., окончательно поселившись в Лондоне, он все больше и больше оказывался в положении изоляции, продолжал занятия в Британском музее и был известен только немецким эмигрантам и немногим чартистам... До Интернационала Маркс принимал участие в политической борьбе лишь в течение очень короткого периода, во время революции 1848 года, и только Интернационалом он занимался в течение 8 лет, которые были, возможно, самыми плодотворными в его политической жизни»[2].

Этот тезис игнорирует то, что всей своей предшествовавшей 28 сентября 1864 г. деятельностью Маркс подготовил себя к роли руководителя Интернационала, что воспитанная им плеяда пролетарских революционеров образовала вскоре руководящее ядро новой организации, что

---

[1] *I. Deutscher.* On Internationals and Internationalism. «Socialist Revolution». San Francisco, 1970, vol. 1, № 1.

[2] *Ch. Abramsky.* Marx and the General Council of the International Workingmen's Association. In: La Première Internationale. Actes du Colloque International du Centre National de la recherche scientifique. Paris, 1968, p. 74, 76.

первые же программные документы Международного Товарищества Рабочих, определившие направление его дальнейшего развития, были составлены в духе марксизма.

Умаление влияния марксизма на рабочий класс, особенно в период между Союзом коммунистов и Первым Интернационалом, свойственно буржуазным и реформистским историкам рабочего движения в отдельных странах. На локальном материале им представляется даже более удобным доказывать невосприимчивость рабочего класса к марксистским идеям. Здесь всегда можно сослаться на местные особенности рабочего класса, на его национальные задачи, якобы игнорировавшиеся марксизмом, и т. д. В общей форме эта тенденция очень ясно выражена в недавно выпущенной в ФРГ под редакцией антикоммуниста Иринга Фетчера, социал-демократического историка Хельги Гребинг и Гюнтера Диля книге «Социализм. От классовой борьбы до государства всеобщего благоденствия». В этой книге Марксу отведена роль общего теоретика международного социализма и организатора международных акций пролетариата разных стран. Однако на местах, в национальном масштабе, утверждают авторы, марксизм, являясь якобы чересчур абстрактной и сложной доктриной, не мог выполнять по отношению к рабочему движению соответствующих идейно-политических и организационных функций. Он должен был здесь уступить место течениям, прочнее стоявшим на национальной почве (в Англии — тред-юнионизму, в Германии — лассальянству и т. д.) [1].

Искусственность и тенденциозность попыток изгнать марксизм с арены национального рабочего движения особенно наглядно видны на примере буржуазной и реформистской литературы по истории рабочего вопроса в Англии и Германии, а также США.

Именно в этих странах в 50—60-е годы были достигнуты ощутимые результаты в деле распространения идей научного коммунизма среди передовых элементов рабочего движения. Маркс и Энгельс в течение всего рассматриваемого периода активно помогали Э. Джонсу и его соратни-

---

[1] Der Sozialismus. Vom Klassenkampf zum Wohlfahrtsstaat. Herausgegeben von Iring Fetscher, Helga Grebing und Günter Dill. München, 1968, S. 129—133. Вторая книга «Der Kommunismus», выпущенная там же в 1969 г. под той же редакцией, призвана представить коммунистическое движение, в противовес социалистическому, течением, раздираемым внутренними раздорами.

кам в их борьбе за возрождение чартистского движения на социалистической основе, сотрудничали в чартистской печати, вели работу в немецких рабочих эмигрантских организациях (лондонское Просветительное общество немецких рабочих и др.), связанных с тред-юнионами. В Германии предпосылки для усвоения революционного учения были созданы еще в период деятельности Союза коммунистов, традиции которого продолжали и в последующие годы жить в сознании передовых рабочих и революционной интеллигенции, рассматривавших Маркса и Энгельса как учителей немецкого пролетариата. В США уже в 50-е годы развернулась пропагандистская и организаторская деятельность, преимущественно среди немецких рабочих-эмигрантов, составлявших значительную и весьма активную часть формировавшегося американского пролетариата, учеников Маркса и Энгельса — И. Вейдемейера, А. Клусса, позднее Ф. А. Зорге и других. Все это в той или другой степени подготавливало почву для последующего создания организаций Интернационала в этих странах и формирования в его рядах революционно-пролетарского направления, стоявшего на позициях марксизма или тяготевшего к нему. Однако как раз эта сторона процесса развития рабочего движения в указанные, да и в последующие годы, игнорируется большинством английских, немецких и американских буржуазных и реформистских историков.

В английской реформистской литературе со времен Сиднея и Беатрисы Вебб сложилась прочная традиция изображать выразителем истинной сущности английского рабочего движения либеральный тред-юнионизм. Марксизм рассматривался представителями этого направления как нечто абсолютно чуждое интересам и чаяниям английского рабочего класса. Они отрицали наличие в рабочем движении Англии революционного течения, с которым в той или другой степени были лично связаны Маркс и Энгельс, в частности, не усматривали никакого исторического смысла в деятельности левого крыла чартизма в 50-е годы XIX века. «Островными особенностями» английского рабочего класса, чуть ли не его органическими национальными чертами провозглашались — в противоположность склонным к революционным увлечениям рабочим европейского континента — «трезвость», «умеренность», «практицизм», невосприимчивость к социалистиче-

ским идеям вообще, к марксизму в первую очередь. Не удивительно, что стремление Маркса и его соратников повлиять на английских рабочих в 50-е и начале 60-х годов в революционном духе, а затем вовлечь их в ряды международного пролетарского объединения воспринималось английскими реформистскими историками как бесплодная попытка, едва ли заслуживающая даже упоминания. Сами Веббы, в частности, в своей основной работе коснулись Интернационала лишь в подстрочном примечании [1], а предысторию его, связанную с деятельностью Маркса в рассматриваемый период, вообще не удостоили рассмотрения.

Черты подобной концепции можно проследить и в работе об Интернационале лейбористского историка Р. Постгейта [2]. Постгейт в некоторых пунктах отошел от взглядов Веббов. В противовес им, он признавал крупную роль Интернационала в вовлечении английских тред-юнионов в политическую борьбу, толкуемую им, правда, в реформистском духе, как борьба прежде всего за рабочее законодательство. Отдавал Постгейт должное и Марксу как социалистическому мыслителю. Однако он не считал его основателем Международного Товарищества Рабочих, предшественником которого объявлял упоминавшуюся уже мелкобуржуазную Международную ассоциацию.

Продолжателем традиции Веббов в английской историографии рабочего движения, внесшим в их концепцию ряд коррективов в таком же плане, как это сделал Постгейт (этого требовали и политическая эволюция лейборизма, и появившийся новый фактический материал), был известный лейбористский историк Дж. Д. Г. Коул. Коул — автор многочисленных трудов по истории рабочего движения, а также «Истории социалистической мысли», второй том которой посвящен марксизму и анархизму [3]. Он никогда не допускал антимарксистских выпадов, Маркса всегда высоко ставил как выдающегося теоретика, хотя и не разделял его революционных взглядов. И тем не менее книга Коула явно проникнута тенденцией принизить роль марксизма. Марксизм в глазах Коула лишь одно из мно-

---

[1] См. *С.* и *Б. Вебб.* История английских тред-юнионов. Вып. III. М., 1924, стр. 5—6.

[2] См. *R. W. Postgate.* The Worker International. London, 1920.

[3] *G. D. H. Cole.* A History of socialist thoughts, vol. II. Marxism and Anarchism. 1850—1890. London, 1954.

гих якобы равноценных для рабочего класса направлений прогрессивной социалистической мысли. На английское рабочее движение 50-х — 60-х годов он не оказал, да и не мог оказать, какого-либо влияния, не сыграл никакой роли в создании предпосылок для основания Интернационала. Интернационал Коул рассматривал как чисто тред-юнионистскую организацию. Главную заслугу в его основании он приписывал английским тред-юнионистам. В их платформе он видел воплощение трезвости и реалистичности, что будто бы получило под конец деятельности Интернационала признание самого Маркса.

Буржуазная и правосоциалистическая историография германского рабочего движения ради умаления степени воздействия на него марксизма чаще всего прибегает к противопоставлению Марксу Лассаля. Лассаль провозглашается родоначальником немецкой социал-демократии, за исходную дату создания которой берется 1863 г.— год основания лассальянского Всеобщего германского рабочего союза. Лассалю целиком приписывается заслуга развития самостоятельного рабочего движения, его «политизирования». Лассальянство объявляется чуть ли не главной и во всяком случае первоначальной идейной основой этого движения. За марксизмом признается в лучшем случае роль одного из поздних (начало его влияния на немецкое рабочее движение относится лишь к концу 60-х годов) компонентов — наряду с лассальянством и другими социалистическими доктринами — идеологии немецкой социал-демократии. Западногерманский автор К. И. Штейнберг считает, например, что лучше всего эту идеологию характеризует высказывание Эд. Бернштейна: «В сущности почти все мы являемся социалистическими эклектиками» [1].

К создателям традиции возвеличения Лассаля относятся буржуазный историк Г. Онкен и ревизионист Эд. Бернштейн [2]. За Бернштейном следовала целая плеяда апологетов Лассаля из лагеря правых социал-демократов (Б. Хармс, П. Кампфмейер, К. Хениш и др. [3]). Культ Лас-

[1] *K. I. Steinberg*. Sozialismus und deutsche Sozialdemokratie. Zur Ideologie der Partei vor dem I. Weltkrieg. 2. Auflage. Hannover, 1969, S. 13.

[2] *H. Onken*. Lassalle. Stuttgart, 1904 (Fünfte Auflage. Berlin (West), 1966); *Ed. Bernstein*. Ferdinand Lassalle und seine Bedeutung für die Arbeiterbewegung. Berlin, 1904.

[3] *B. Harms*. Ferdinand Lassalle und seine Bedeutung für die deutsche Sozialdemokratie. Jena, 1909; *P. Kampfmeyer*. Die Sozial-

саля жив и ныне среди представителей современной западногерманской социал-демократии и правых социалистов других стран. В той или другой степени он пронизывает книги таких историков, как В. Матуль, В. Таймер, В. Эйхлер, К. Андерс, Ф. Остеррот, Х. Гребинг, Х. Вахенхейм и др.[1]. К той же категории относятся работы израильского реформиста Ш. Наамана[2].

В их работах преобладает стремление прочно связать историю германского рабочего движения 60-х годов, да и в значительной мере последующих периодов, только с именем Лассаля. Первый период в истории рабочего движения в Германии, отмеченный деятельностью Союза коммунистов, рассматривается лишь как малозначащий эпизод, не оставивший глубоких следов. По существу отрицается какая-либо преемственность между Союзом коммунистов и возрождением политической активности немецких рабочих в начале 60-х годов, равно как и влияние Маркса на их передовых представителей в эти годы. Ученики и соратники Маркса, действовавшие тогда в Германии — В. Либкнехт, А. Фогт, Т. Метцнер, П. Штумпф, К. Клингс, К. Клейн, Л. Кугельман и др.— не признаются представителями формирующегося марксистского направления. В изображении указанных историков даже Либкнехт никогда не был последовательным марксистом. Сам Маркс в 50-е и начале 60-х годов, как правило, рисуется кабинетным ученым, стоявшим совершенно в стороне от немецкого рабочего движения. Если он и повлиял на него каким-то образом, то не раньше, чем со времени Интернационала, да и то это влияние оказывало скорее отрицательное действие, мешая немецким рабочим встать под на-

---

demokratie in der deutschen Geschichte bis zur Reichsgründung. München, 1926; *K. Hänisch.* Lassalle. Mensch und Politiker. Berlin, 1929.

[1] *W. Matull.* Werden und Wesen der deutschen Sozialdemokratie. Berlin und Hannover, 1957; *W. Theimer.* Von Bebel bis Ollenhauer. München, 1957; *W. Eichler.* Hundert Jahre Sozialdemokratie. Bonn, 1962; *K. Anders.* Die ersten hundert Jahre. Zur Geschichte einer demokratischen Partei. Hannover, 1963; *F. Osterroth, D. Schuster.* Chronik der deutschen Sozialdemokratie. Hannover, 1963; *H. Grebing.* Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. München, 1966; *H. Wachenheim.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844—1914. Köln und Opladen, 1967.

[2] *Sh. Na'aman.* Ferdinand Lassalle. Eine politische Biographie. Berlin, 1966; Ferdinand Lassalle. Deutscher und Jude. Hannover, 1968.

циональное знамя, к чему призывали их Лассаль и лассальянцы.

Лассаль обычно противопоставляется Марксу как трезвый политический деятель, глашатай национальной интеграции рабочего движения, противник крайностей. Онкен, в частности, подчеркивает преимущество провозглашенного Лассалем среднего пути — между Марксом и Бисмарком. Современным буржуазным историкам, продолжающим линию Онкена,— Г. Хайдеггеру, Г. Манну, В. Моммзену — особенно импонирует поддержка Лассалем бисмарковской политики объединения Германии под эгидой Пруссии. Принципиальные разногласия между Марксом и Лассалем нередко сводятся к личному соперничеству [1].

В американской буржуазной историографии, в частности, у историков школы Дж. Р. Коммонса, давно бытует тезис о невосприимчивости к марксизму американских рабочих, в силу якобы специфически демократических черт американского капитализма. Поэтому попытки пропаганды марксистских идей всегда — в том числе и в середине XIX в.— якобы терпели в США неуспех. Одним из последних выступлений на тему о «крушении марксизма в США» является книга Д. Белла «Марксистский социализм в Соединенных Штатах» [2]. В ней сделана попытка объяснить этот «неуспех» не только американскими условиями, но и чертами, свойственными самому марксизму, которому автор приписывает сектантский экстремизм, абсолютную бескомпромиссность, уход от этических проблем и т. д. Даже прогрессивный автор Д. Херрешоф в книге «Американские ученики Маркса» [3], в которой рассказывается и о деятельности пионеров американского марксизма Вейде-

---

[1] Подробнее см. *Н. Д. Мартынов.* К вопросу об оценке исторической роли Ф. Лассаля западногерманской буржуазной и социал-демократической историографией. «Сборник студенческих работ Воронежского государственного университета». Вып. I. Воронеж, 1968; *его же.* Основные тенденции буржуазной историографии ФРГ в освещении исторической роли Лассаля. «Ученые записки Воронежского государственного университета». «Из истории нового и новейшего времени». Вып. II. Воронеж, 1969; *H. J. Friederici.* Zur Einschätzung Lassalles und des Lassalleanismus in der bürgerlichen und rechtssozialistischen Geschichtsschreibung. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», 1959, № 3.

[2] *D. Bell.* Marxian socialism in the United States. Princeton, 1967.

[3] *D. Herreschof.* American disciples of Marx from the Age Jackson to the Progressive Era. Detroit, 1967.

мейера и Зорге в рассматриваемые годы, старается доказать, что в Северной Америке марксистское учение могло привиться только в видоизмененной форме. Эти модификации трактуются им в духе устранения из марксистской теории ее революционных выводов.

Таким образом, ясно прослеживается тенденция представителей современной буржуазной и реформистской идеологии искусственно оторвать марксизм от освободительной борьбы рабочего класса. Марксизм отлучают как раз от той сферы общественной жизни — классовой борьбы пролетариата,— в которой с особенной эффективностью проявлялось его воздействие на общественные процессы.

* * *

В буржуазной и реформистской «марксологии» заметное место занимают работы, авторы которых задаются целью показать — нередко и на примере творчества Маркса в период 1852—1864 гг.— несостоятельность марксизма как метода исследования общественных явлений. Логика этих «марксологов» достаточно проста: если удастся убедить читателя в том, что с позиций марксистского учения нельзя уяснить смысл основных явлений истории и текущей жизни, что сам Маркс постоянно оказывался беспомощным перед лицом этих явлений, то тем самым открывается возможность для отрицания научного характера всего марксистского мировоззрения и самой марксистской методологии. Марксизм можно объявить тогда учением, не имеющим объективной и тем более универсальной научной ценности, а марксистов, включая сюда и самого Маркса, обвинить в субъективизме, эклектизме, утопизме и т. д. Такой вывод, если даже он не всегда открыто формулируется, напрашивается из самого изображения «беспочвенности» суждений Маркса о современных ему событиях.

Разумеется, доказать «иррациональность» взглядов Маркса на ту или другую современную ему историческую проблему не так-то легко. Для этого нужно соответственно препарировать и исказить эти взгляды. Но именно на такой путь и встали многие западные авторы.

Один из них — французский «марксолог» Максимилиан Рубель — приобрел известность на Западе как составитель библиографии произведений Маркса и Энгельса, автор «Опыта духовной биографии Маркса» и довольно много-

численных статей по разным проблемам истории марксизма, публикатор экономических и других произведений Маркса. Почти каждая работа Рубеля носит отпечаток антимарксистской и антикоммунистической направленности.

Творчеству Маркса как публициста в 50-х — начале 60-х годов посвящена книга М. Рубеля «Карл Маркс перед лицом бонапартизма». Лейтмотив этой книги — попытка доказать односторонность и субъективизм суждений Маркса о Второй империи. В своем мнении о бонапартизме Маркс, согласно Рубелю, руководствовался не научными критериями, а политическими антипатиями.

Через всю работу проходит избитый тезис буржуазной марксологии об отказе Маркса от самого метода исторического материализма при оценке конкретных исторических явлений. Тем самым делается попытка не только представить суждения Маркса по каждому конкретному вопросу поверхностными, но и создать впечатление об ограниченных научных возможностях самого метода. Рубель уверяет, что Марксу ничего не оставалось, как отказаться от принципов материалистического понимания истории при соприкосновении со сложными историческими феноменами типа бонапартизма. Он, в частности, силится уверить читателя, будто признание Марксом милитаристско-полицейского характера бонапартистского режима ставит под вопрос определяющее значение экономики[1].

Интерес, который проявлял Маркс к политическим формам бонапартистской империи, трактуется чуть ли не как свидетельство пренебрежения экономическим фактором. Промышленному развитию Франции Маркс, уверяет Рубель, не уделил должного внимания[2]. Статьи Маркса о «Crédit Mobilier», содержащие проницательные выводы о возрастающей роли банков, акционерного капитала, в том числе и в такой сфере приложения капиталов, как промышленность, железнодорожное строительство и т. д., Рубель изображает лишь как несущественный экскурс в область финансовой политики[3]. Таким образом, для того чтобы представить работы Маркса о бонапартистской Второй империи чем-то противоречащим теории исторического

[1] *M. Rubel.* Karl Marx devant le bonapartisme. Paris, La Haye, 1960, p. 50.
[2] Ibid., p. 149.
[3] Ibid., p. 40—41, 63—64.

материализма, нарочито сужается их содержание, выкидывается из них анализ экономического развития Франции в рассматриваемые годы. К тому же и само материалистическое понимание истории выступает в явно вульгаризированном виде, сводится по существу к экономическому материализму, игнорирующему роль политических и идеологических надстроек.

Всячески старается Рубель показать, что марксизм не способен дать правильный ключ к научному прогнозированию будущего. Он то и дело выставляет Маркса в роли лжепророка, заявляя, что его предсказания о крахе Второй империи не сбылись в сроки, о которых шла речь [1]. На деле, в основе прогнозов Маркса лежал научный анализ, и он никогда не считал сроки гибели Второй империи чем-то фатально предопределенным. Достаточно сказать, что его уверенность в недолговечности Второй империи, в неизбежности ее кризиса в результате роста внутренних противоречий, была целиком подтверждена историей. Режим Наполеона III не продержался и 19 лет.

В искаженном виде изображает Рубель антибонапартистскую позицию Маркса и Энгельса в период Итальянской войны 1859 г. Он пытается приписать им австрофильский национализм, представить их ориентацию на объединение Германии демократическим путем противоречащей их собственным взглядам на классовую борьбу между буржуазией и пролетариатом [2].

Тенденция представить Маркса утопистом характерна и для работ о Марксе цюрихского профессора новой истории Петера Штадлера, автора статьи «Экономические кризисы и революция в понимании Маркса и Энгельса» и книги «Карл Маркс. Идеология и политика» [3]. У Штадлера заметно стремление объективно подойти к Марксу. Автор отдает ему дань как глубокому и оригинальному мыслителю. Принижая значение его деятельности для развития рабочего движения, Штадлер все же признает, что Маркс в большей мере, чем другие выдающиеся деятели его времени, оказал идейное влияние на современников и последующие поколения. Он объясняет это, правда, не столько

---

[1] *M. Rubel*. Op. cit., p. 68, 77.

[2] Ibid., p. 76. 104.

[3] *Peter Stadler*. Wirtschaftskrise und Revolution, bei Marx und Engels. «Historische Zeitschrift», Bd. 199, Heft I, August 1964; Karl Marx. Ideologie und Politik. Göttingen — Frankfurt — Zürich, 1966.

научным характером, сколько нетрадиционностью воззрений Маркса. В отдельных случаях Штадлер высоко оценивает и научные выводы Маркса. Он, например, считает весьма проницательными статьи Маркса о французском «Crédit Mobilier», его мысли об акционерном капитале [1].

И тем не менее методология Штадлера порочна, и он в целом приходит к односторонним и тенденциозным заключениям.

Уже в самом начале своей большой работы Штадлер заявляет, что вера Маркса в возможность предугадывать ход событий, основываясь на выработанном им понимании законов истории (по терминологии Штадлера, «детерминистском понимании истории»), постоянно приводила его к заблуждениям и ошибкам. Особенно часто эти ошибки Маркс, по мнению Штадлера, допускал именно в годы лондонской эмиграции. Идея о союзе рабочего класса с крестьянством, высказанная в работах Маркса, посвященных революции 1848—1849 гг., говорит якобы о непонимании им природы «среднего сословия». Характер экономического кризиса 1857 г., согласно Штадлеру, Маркс не уяснил: причинами его явились якобы не противоречия капиталистического способа производства, как считал Маркс, а финансовые спекуляции, перенапряжение кредита. Отсюда и переоценка им революционных последствий кризиса. Представление Маркса и Энгельса о закономерной смене контрреволюционных и революционных периодов в истории Штадлер объявляет вообще некой надуманной конструкцией, искусственной модификацией пресловутых гегелевских триад. Характеристика, которую Маркс давал политическим событиям в Европе, наступившим после кризиса, также будто бы не имела реальных оснований [2].

Как целую цепь иллюзий рисует Штадлер ориентацию Маркса на революционное объединение Германии снизу в период Итальянской войны и польского восстания 1863—1864 гг. Чрезвычайно далекими от подлинных исторических возможностей, уверяет швейцарский профессор, были расчеты Маркса на то, что национально-освободительное движение в Индии и Китае окажет революционизирующее влияние на страны Европы [3].

---

[1] «Historische Zeitschrift», Bd. 199, Heft I, S. 118.

[2] *P. Stadler*. Karl Marx. S. 85—92; «Historische Zeitschrift», Bd. 199, Heft I, S. 114, 140—141, 143.

[3] *P. Stadler*. Karl Marx. S. 94—100.

Практическую деятельность Маркса в 50-е и начале 60-х гг., направленную на сплочение рабочего движения, Штадлер склонен изображать как пустую трату времени, свидетельствующую о том, как мало понимал Маркс тогдашнюю обстановку. Штадлер повторяет банальные утверждения о политической изоляции Маркса в этот период. Он, как и другие буржуазные авторы, отрицал преемственную связь между Союзом коммунистов и Интернационалом, а также роль Маркса в основании Международного Товарищества Рабочих. Идейные истоки Товарищества Штадлер вообще видит не в пролетарском интернационализме, а в неких расплывчатых космополитических, надклассовых идеалах международной общности, чуть ли не близких тем, которые вдохновляли организаторов Священного союза 1815 года [1].

Концепция Штадлера не выходит, таким образом, за рамки обычных буржуазных тенденций умаления роли марксизма и как течения, оказавшего формирующее влияние на рабочее движение, и как научной теории, обладающей первоклассным методом анализа исторических событий.

Немало буржуазных авторов стремятся доказать несостоятельность воззрений Маркса по отдельным крупным историко-социологическим вопросам. Одним из таких является западногерманский историк Вернер Конце, возглавляющий так называемую гейдельбергскую школу историков рабочего движения [2]. Как знаток истории германо-польских отношений Конце выступил в роли комментатора рукописей Маркса 1863—1864 гг. по польскому вопросу в издании, опубликованном в 1961 г. амстердамским Институтом социальной истории. К этому изданию он написал предисловие.

Эти рукописи представляют собой наброски и подготовительные материалы к задуманной Марксом и Энгельсом брошюре о военно-политических аспектах польского восстания 1863 г., а также наброски выступлений Маркса в Подкомитете и Генеральном Совете Интернационала (конец 1864 — начало 1865 г.) по польскому вопросу. Бро-

---

[1] *P. Stadler.* Op. cit., S. 105—106.

[2] О характерных чертах концепции этой школы см. статью *В. Шмидта* «Фальсификация истории немецкого рабочего движения западногерманской буржуазной историографией». «Вопросы истории КПСС», 1969, № 1.

шюра не была закончена Марксом. Однако сохранившиеся материалы ярко отражают дальнейшую разработку и историко-материалистическое обоснование им интернационалистской позиции в польском вопросе. Во время польского восстания, как и в предыдущие и последующие годы, Маркс и Энгельс выступали с позиций последовательной защиты интересов угнетенного польского народа. Восстановлению независимой Польши они придавали особое значение, считая, что оно нанесло бы удар трем реакционным монархиям: царской России, Пруссии и Австрии и облегчило бы решение других задач буржуазно-демократической революции в Европе, в том числе объединения Германии революционным путем. В набросках брошюры Маркс прямо рассматривал освобождение Польши как альтернативу установления гегемонии в Германии контрреволюционной Пруссии. В своих рукописях он страстно разоблачал сотрудничество царизма и прусской монархии в подавлении польского национально-освободительного движения, а также лицемерную, провокационную политику мнимых друзей Польши — правящих буржуазных кругов Франции и Англии. Подлинным союзником борцов за независимость Польши является европейский пролетариат — таков был вывод Маркса.

Совершенно иное истолкование содержания польских рукописей и взглядов их автора дает Конце. Марксизм как теория, старается доказать он, мог найти приложение только в узкоэкономической сфере, во всех других областях от его применения нельзя ждать никаких положительных результатов. Сами Маркс и Энгельс, столкнувшись с конкретными историческими явлениями, должны были якобы исходить из посылок, далеких от исторического материализма. Так, дескать, обстояло дело и в польском, да и вообще в национальном вопросе. Конце изобразил взгляды Маркса и Энгельса по этому вопросу как нечто эклектичное, противоречивое. Он стремился противопоставить их высказывания различных лет, касающиеся разных аспектов проблемы, убеждая читателей, что здесь-де проявлялась их непоследовательность. Так, например, письмо Энгельса Марксу от 23 мая 1851 г. с критикой слабостей шляхетского движения изображено Конце как выражение отказа от борьбы за независимость Польши [1].

[1] См. *K. Marx.* Manuskripte über die polnische Frage. Einleitung. Leiden, 1961, S. 25.

Стремление основоположников научного коммунизма связать решение проблемы ликвидации национального гнета с более широкой исторической задачей революционно-демократических преобразований в Европе, а также с борьбой за освобождение рабочего класса Конце рисует как некое втискивание национального вопроса в надуманную политическую революционную схему. Нереальной объявляет он и ориентацию Маркса на сочетание борьбы за национальную независимость с борьбой за демократизацию внутреннего строя самих угнетенных стран.

Национальная свобода, независимость и равноправие, утверждает Конце, для Маркса вообще были пустыми, бессодержательными понятиями[1]. Угнетенным нациям он отводил лишь роль вспомогательных орудий в своих планах мировой революции. Маркс и Энгельс, пишет Конце, в сущности придерживались гегелевской концепции исторических и неисторических народов. Конце старается уверить читателей, будто критерием отрицательного отношения Маркса и Энгельса к национальному движению ряда малых народов Центральной Европы в 1848 г. служил не его объективно контрреволюционный характер, а именно гегелевская концепция всемирной истории, отводившая одним народам роль носителей абсолютной идеи, а другим — чего-то инертного, подчиненного.

Освещение Марксом польской и европейской истории в его рукописях 1863—1864 гг. Конце объявляет чисто компилятивным. Он упрекает Маркса в якобы односторонней характеристике политики Пруссии по отношению к Польше, в отрицании «объединительной» миссии прусского государства, в умалении заслуг Фридриха II[2].

Таким образом, выступление Конце представляет собой попытку дискредитировать марксистское учение по национальному вопросу. Разработанная Марксом и Энгельсом платформа рабочего класса по отношению к национально-освободительному движению, в том числе и польскому, выглядит в искаженном изображении лишенной историко-научного фундамента, основанной на субъективных и довольно часто меняющихся взглядах, на односторонних и

---

[1] *K. Marx.* Manuskripte. Einleitung, S. 19.

[2] Ibid., S. 40. Критику взглядов Конце см. в статье: *П. Н. Поспелов* и *А. Ф. Смирнов.* Карл Маркс о роли польского вопроса в европейской политике. «Новая и новейшая история», 1967, № 2.

поверхностных суждениях об историческом прошлом Польши, Германии и других стран.

Задачу подорвать доверие ко взглядам Маркса по колониальному вопросу, получившим, как известно, всестороннее развитие именно в 50-е годы, взял на себя преподаватель новой истории в Эдинбургском университете Виктор Кирнен. В 1967 г. он опубликовал в лондонском ежегоднике «The Socialist Register» статью «Маркс и Индия». Внешне Кирнен как бы воздает должное Марксу как ученому. Но тут же он заявляет, будто ни один философ не излагал своих взглядов столь несистематично, будто в своем творчестве Маркс постоянно перебрасывался от одной темы к другой [1]. При такой разбросанности ему якобы не удавалось справляться с задачами научного истолкования тех многочисленных проблем, за которые он брался.

Разбор взглядов Маркса по индийскому вопросу фактически подменяется у Кирнена сплошной полемикой с этими взглядами. Кирнен старается доказать, что они были «поспешными», «импровизированными», «односторонними» и даже «грубыми» [2]. Все написанное Марксом не только об Индии, но и об Азии объявляется плодом субъективного восприятия, побочным продуктом надуманных, далеких от действительности общих революционных схем. Произведения Маркса, посвященные Азии, «проливают больше света на него, чем на нее»,— утверждает Кирнен [3]. К вопросу о настоящем и особенно будущем Индии Маркс якобы подходил как «романтический писатель». Ни один из его прогнозов на этот счет не оправдался. Национальную неоднородность, кастовые и религиозные противоречия он недооценивал, восстание 1857—1859 гг. ошибочно рассматривал как национальное [4]. Наоборот, разрушительные последствия английского колониального владычества Маркс якобы преувеличивал. Он был во власти будто бы наивного представления о возможности освобождения этой страны от пережитков патриархальщины и варварства в случае, если бы ей удалось сбросить господство англичан и обрести независимость [5].

Идеи Маркса о назревании революционных потрясений

---

[1] *V. G. Kiernen.* Marx and India. «Socialist Register», 1967, p. 159.
[2] Ibid., p. 159, 186.
[3] Ibid., p. 185.
[4] Ibid., p. 166.
[5] Ibid., p. 170.

в Азии и их взрывном воздействии на европейский капитализм Кирнен спешит объявить чем-то близким программе современных маоистов. При этом во взглядах Маркса якобы соединялось несовместимое: надежда на революционную вспышку в Азии и убеждение, будто азиатское общество само не в состоянии преодолеть присущую ему неподвижность и нуждается для этого во внешнем толчке[1]. Таким образом, Кирнен приписывает Марксу, с одной стороны, абсурдные авантюристические планы превращения отсталых стран Азии в главную силу мировой революции, а с другой,— европоцентризм, взгляд на колониальные страны как на сферу абсолютного застоя и пассивности.

Кирнен неоригинален в применяемых методах «критики» взглядов Маркса. Она состоит у него главным образом в утрировании и окарикатуривании этих взглядов, после чего они объявляются исторически неоправдавшимися. Как и многие другие «опровергатели» марксизма, Кирнен ведет спор фактически не с настоящим Марксом, а опровергает собственные измышления. Так, например, мысли Маркса о зачатках капиталистической промышленности, которые англичане в интересах своего господства должны были насадить в Индии, преподнесены Кирненом как некая «теория индустриализации» Индии. Констатация Марксом того факта, что распространение английского господства на всю территорию Индии привело к ее известной централизации, дает Кирнену повод изображать Маркса чуть ли не апологетом английских колонизаторов. Марксова характеристика азиатского общества при господстве патриархальных общинных порядков и восточных деспотий толкуется Кирненом как отрицание для стран Азии возможности всякого самостоятельного прогрессивного развития[2].

Из другой статьи Кирнена «Заметки о марксизме в 1968 г.», опубликованной в следующем выпуске «The Socialist Register», ясно видно, что искажение автором точки зрения Маркса по колониальному вопросу и содержания его литературного наследия 50-х годов XIX в. по этой теме закономерно вытекает из всего его антимарксистского мировоззрения. В новой статье Кирнен со-

---

[1] *V. G. Kiernen.* Op. cit., p. 184—185.
[2] Ibid., p. 163, 166.

вершает переход от частного к общему, от выпадов против взглядов Маркса на страны Востока к атакам на его учение в целом.

Марксизм, рассуждает Кирнен в духе известных откровений Маркузе и его почитателей, является теорией несбывшейся революции, получившей якобы лишь частичное и неадекватное осуществление только в Восточной Европе. Рабочий класс, на который Маркс возлагал главные надежды, превратился, по Кирнену, в антиреволюционную силу. Кирнен старается умалить роль Маркса и как ученого. Марксистское понимание истории, по его словам, страдает односторонним выпячиванием экономического фактора, недооценкой роли религии, проблем секса и связанной с ними социальной психологии. В дальнейшем марксизм будет иметь перспективу, заявляет Кирнен, лишь в том случае, если будут устранены его односторонности и теория Маркса будет дополнена психоаналитическим методом Фрейда [1].

Таким образом, Кирнен выступил в качестве одного из выразителей стремления современных буржуазных кругов обезвредить марксистское учение путем выхолащивания его революционного содержания и «конвергенции» его с модными буржуазными теориями: фрейдизмом, теорией трансформации современного капитализма и т. д.

* * *

Одним из излюбленных приемов современных антикоммунистов является противопоставление взглядов Маркса воззрениям Ленина, а также принципам современного международного коммунистического движения. Теория и практика социалистических стран, коммунистических и рабочих партий изображается буржуазными и ревизионистскими «марксологами» как якобы искажение учения Маркса, в частности, идей, которые он развивал в середине прошлого столетия. Создается поистине парадоксальное положение: буржуазные противники марксизма, реформисты и ревизионисты, правые и «левые», становятся в позу блюстителей «чистоты» марксистской теории. Даже авторы типа Пейна, всячески чернящие Маркса и как ученого, и как человека, не упускают случая упрекнуть его современных учеников в отступничестве.

[1] *V. G. Kiernen.* Notes on Marxism in 1968. «Socialist Register», 1968, p. 177—206.

Подобными тенденциями отличается прежде всего литература, принадлежащая представителям так называемых левых течений. Современный лефтизм, или гошизм — явление сложное. В нем часто подлинный протест интеллигенции, студенчества, средних слоев против империализма сочетается с анархистскими настроениями, увлечением радикальными лишь по внешности буржуазными теориями. В ультрарадикальную маску по-прежнему рядятся троцкисты, продолжающие играть роль дезорганизаторов освободительной борьбы рабочего класса, глашатаев антисоветизма и антикоммунизма. Из этой среды и выходят произведения, в которых толкованию трудов Маркса, в том числе его публицистики и экономических исследований 50-х — начала 60-х годов, искусственно придается антикоммунистическая направленность.

Так, например, в статье одного из теоретиков американских «левых» М. Николауса «Неизвестный Маркс», опубликованной в 1968 г. в лондонском журнале «New Left Review», марксистское учение середины XIX в., изложенное в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.», противопоставляется марксизму конца XIX и XX века. Хотя автор и протестует против попыток буржуазных марксологов провести грань между «ранним» и «поздним» Марксом, сам он по существу становится на такой же путь выделения одних работ Маркса как совершенных и адекватных его истинному учению в противовес другим, якобы односторонним и устаревшим. Источником ленинизма и современного коммунизма объявляются эти последние, а такие работы, как «Экономические рукописи 1857—1859 гг.», провозглашаются теоретической базой «истинных марксистов» — «новых левых». Современные «левые», таким образом, изображаются подлинными наследниками марксизма XIX в., а идейный арсенал коммунистических и рабочих партий выдается за нечто узкое и упрощенное [1].

Стремление закамуфлировать «леворадикальной» интерпретацией взглядов Маркса выпады против коммунистического движения и социалистической системы характерно для книги одного из идеологов современного троцкизма Эрнеста Манделя «Формирование экономической мысли Маркса с 1843 г. до редактирования «Капитала»»,

---

[1] См. *M. Nicolaus*. The unknown Marx. «New Left Review», 1968, № 48.

изданной в Париже в 1967 г. В ней Мандель претендует на роль подлинного истолкователя эволюции экономических взглядов Маркса и вообще марксистской теории в противовес как буржуазным и реформистским «марксологам», так и ученым-коммунистам[1]. Читатель найдет в книге немало резких высказываний в адрес буржуазных идеологов, стремящихся «интегрировать» Маркса с Гегелем и «переинтерпретировать марксизм в антиреволюционном духе». Это, однако, не мешает автору в своих суждениях о ранних произведениях Маркса солидаризироваться с псевдорадикальной, во многом совпадающей с мнениями буржуазных «марксологов» точкой зрения Г. Маркузе[2]. В вопросе о взглядах Маркса на отчуждение главным авторитетом для Манделя является ревизионист А. Лефевр[3]. Так за «левыми» фразами Манделя скрывается идейная близость с откровенным ревизионизмом.

Развитие экономического учения Маркса Мандель излагает весьма поверхностно и фрагментарно. Вполне в духе буржуазной марксологии, против которой он на словах воюет, Мандель подменяет анализ произведений Маркса бездоказательными рассуждениями и декларациями, вроде утверждения, будто Маркс не признавал абсолютного обнищания рабочего класса при капитализме[4].

Весьма сомнительной является попытка истолковать выдвинутое Марксом в 50-е годы понятие азиатского способа производства не как обозначение определенной стадии исторического развития, а как якобы выражение органической застойности восточных стран. Такая интерпретация по существу приписывает Марксу противопоставление Запада Востоку[5]. Мандель склонен переоценивать степень зрелости ранних экономических трудов Маркса — «Наемный труд и капитал», «Заработная плата». В них, заявляет он, уже содержится существо теории прибавочной стоимости. Поэтому «Экономические рукописи 1857—

---

[1] Мандель полемизирует и с антимарксистами Фроммом, Рубелем, Попицем и др., и с философами-марксистами — Адоратским, Корню, Ботижелли, Яном, объявляя, что все они «мистифицируют» Маркса. *E. Mandel.* La formation de la pensée économique de Karl Marx de 1843 jusqu'à la redaction du «Capital». Paris, 1967, p. 161—179.

[2] Ibid., p. 154.

[3] Ibid., p. 184.

[4] Ibid., p. 149.

[5] Ibid., p. 121, 127.

1859 гг.» представляют собой, согласно Манделю, не первую разработку этой теории, а ее усовершенствование[1]. Содержания рукописи 1861—1863 гг., без которой невозможно уяснить процесс развития марксистской политической экономии, Мандель вообще не касается.

Основной прогресс экономической мысли Маркса в 1857—1859 гг. по сравнению с 1844 г. Мандель склонен усматривать в превращении теории отчуждения из антропологической и метафизической, каковой она, по его мнению, выступает в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.», в историческую и диалектическую[2]. Незачем, однако, говорить, что и в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» отчуждение, в частности отчуждение труда, рассматривается Марксом не как антропологическая, а как историческая категория, как порождение частной собственности на средства производства. Таким образом, эволюция взглядов Маркса на отчуждение с 1844 по 1857 г. происходила отнюдь не в том плане, как представляет ее Мандель. Грубо искажая подлинного Маркса, который первопричину отчуждения видел в частной капиталистической собственности, Мандель старается доказать наличие отчужденных форм и в условиях социалистических стран. Он отрицает социалистическую природу советского общества, объявляет его разновидностью того искусственного общественного гибрида, который многие современные буржуазные социологи под маркой «индустриального общества» выдают за некую идеальную современную общественную модель, синтезирующую черты капитализма и социализма[3].

Обернуть учение Маркса против реального социализма, против коммунистических и рабочих партий — такова цель «левых» интерпретаторов теории Маркса типа Манделя.

В 1968 г. в ФРГ был издан посмертно объемистый труд Романа Роздольского «К истории возникновения «Капитала» Маркса. Черновой набросок «Капитала» 1857—

---

[1] *E. Mandel.* Op. cit., p. 53, 76—79.

[2] Ibid., p. 151—159.

[3] Ibid., p. 183. Еще раньше попытка опорочить экономику Советского Союза и других социалистических стран была сделана Манделем в другой его книге «Марксистская политическая экономия». См. критику этой книги в западногерманском журнале «Marxistische Blätter», 1968, № 5.

1858 гг.»[1]. Значительная часть работы содержит анализ главной рукописи Маркса из цикла рукописей 1857—1859 гг. В этих разделах автор придерживается в основном научно-объективного подхода к разбираемым проблемам. Благоприятное впечатление производит аргументированная защита Роздольским экономической теории Маркса от ее буржуазных «критиков», в частности, от нападок на нее современных кейнсианцев (Джоан Робинсон).

Правильно указав, что рукопись 1857—1858 гг. представляет собой первоначальный набросок «Капитала», автор затем без всякой логической связи с предметом своего рассмотрения начинает предаваться домыслам относительно положения дел в экономике и экономической науке социалистических стран. Все его рассуждения и «экскурсы» в этой части представляют собой избитые штампы буржуазной и троцкистской пропаганды, демонстрируют не более чем дилетантизм в подходе к серьезным проблемам и весьма плоскую, то и дело повторяющуюся «аргументацию» современных антикоммунистов и «советологов»[2].

Антисоветская и антикоммунистическая направленность в современной буржуазной литературе придается интерпретации не только экономического учения, но и политических взглядов Маркса, его высказываний по вопросам тактики. Одним из примеров в этом отношении является вышедшая во Франции книга Никола Боди «Марксизм. Столетие «Капитала»».

Влияние марксизма на рабочее движение Боди отрицает. Он поддерживает версию об общественной самоизоляции Маркса в 50-е и 60-е годы, объявляет его лишенным чувства реального. Утопизм Маркса проявлялся и в якобы проникнутых фантазией статьях об Итальянской войне 1859 г., и в спорах с Лассалем, и во многих других вопросах[3].

---

[1] *R. Rosdolsky.* Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital». Der Rohentwurf des «Kapitals» 1857—1858. Frankfurt am Main, 1968.

[2] Двойственный характер книги Роздольского показан в критической рецензии на нее А. И. Малыша в журнале «Marxistische Blätter», 1969, № 2.

[3] *Nicolas Baudy.* Le marxisme. Le centenaire du «Capital». Paris, 1967, p. 140, 142—144. Деятельность Маркса в Союзе коммунистов и I Интернационале в трактовке Боди была лишь нетипичным для него эпизодом, не принесшим никакой пользы рабочему движению.

Смысл рассуждений Боди заключается в попытке доказать, будто с самого своего зарождения марксистская политическая мысль не опиралась на учет объективных общественных процессов. Политические идеи Маркса представляли собой якобы искусственную конструкцию над его экономическим учением и поэтому не могли служить ориентиром для рабочего движения в прошлом, а в последующие периоды породили лишь заблуждения и разброд среди приверженцев марксизма. Протягивая нить к современности, Боди, как и многие другие антикоммунисты, силится изобразить ленинизм бланкистско-заговорщическим истолкованием этих идей. Он клевещет на советский строй, рисуя его тоталитарно-бюрократическим режимом, твердит о дезинтеграции, многовариантности современного марксизма, старается очернить теорию и практику международного коммунистического движения. К буржуазной клевете Боди присовокупляет антисоветские инсинуации маоистов и троцкистов.

В 1967 г. профессор Еврейского университета в Иерусалиме Шломо Авинери выступил со статьей «Маркс и интеллигенция», а в 1968 г. с книгой «Социальная и политическая мысль Карла Маркса».

Основной чертой политических взглядов и политической деятельности Маркса, в том числе и в рассматриваемые годы, Авинери считает борьбу против якобинских традиций, против заговорщичества. Столкновения Маркса с левосектантскими элементами в Союзе коммунистов и Интернационале он всячески выпячивает, борьбу Маркса с реформистскими течениями замалчивает. В духе этой концепции Авинери стремится истолковать и появление в 1860 г. памфлета Маркса «Господин Фогт». Опасность клеветы Фогта, уверяет он, Маркс увидел прежде всего в том, что в глазах широкой публики она представляла его самого и его соратников революционными заговорщиками,

---

«Манифест Коммунистической партии»,— заявляет Боди,— это не столько научное обоснование борьбы пролетариата, сколько «роман», не содержащий к тому же ничего нового по сравнению с юношескими работами Маркса, за исключением положения о люмпен-пролетариате (ibid., p. 108—109). В Интернационале Маркс выступал лишь в роли «переводчика» тред-юнионистских идей для рабочих континента и идей рабочего класса континентальной Европы для английских тред-юнионистов. При этом он якобы безуспешно пытался революционизировать эту чисто реформистскую организацию (ibid., p. 146, 185).

конспираторами, в то время как он якобы был сторонником реформ [1].

Взглядам Маркса на возможность мирного перехода к социализму в Англии, впервые сформулированным в 1852 г. в статье «Чартисты» и позднее развитым в других работах, Авинери стремится придать универсальный характер. Они якобы отражали не особенности исторических условий Англии, а самую суть учения Маркса о смене капиталистического общества социалистическим вообще. Маркс, уверяет Авинери, безоговорочно осуждал революционный террор, о революционном насилии вообще избегал говорить [2], революционный процесс в целом представлял как мирную эволюцию, не связанную с завоеванием власти пролетариатом и с вооруженной борьбой.

В толковании политических идей марксизма Авинери, таким образом, подражает Каутскому, который, после своего отречения от революционной теории, превратил Маркса «в дюжинного либерала» [3]. Под пером Авинери Маркс предстает перед читателями не как провозвестник пролетарской революции и диктатуры рабочего класса, великий стратег и тактик революционной борьбы, а как некий идеолог постепеновщины и эволюционизма. В работах 50-х годов (рецензии в «Neue Rheinische Zeitung. Politisch-ökonomische Revue», «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», статьи и письма против мелкобуржуазных эмигрантов, с осуждением тактики Мадзини и т. д.), а также последующих лет (выступления против Бакунина, бланкизма) Маркс действительно подвергал решительной критике сектантство, волюнтаризм и авантюризм. Но эта борьба с «левым» экстремизмом велась с последовательно революционных позиций. Авинери же тенденциозно изображает ее как осуждение всяких революционных действий. Карикатурно выглядит и приписывание Марксу нигилистического отношения к якобинству. Маркс ясно видел

---

[1] *Sh. Avineri.* The social and political thought of Karl Marx. Chambridge, 1968, p. 197, 198. (В 1969 г. под редакцией и с предисловием Ш. Авинери была выпущена хрестоматия: Karl Marx on colonialism and modernisation. New-York, 1969. Об умалении значения и искажении взглядов Маркса по колониальному вопросу в этом издании см. рецензию К. Л. Селезнева в журнале «Народы Азии и Африки», 1972, № 2.)

[2] *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 217.

[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 37, стр. 240.

историческое значение опыта якобинской диктатуры при всей ограниченности якобинцев как буржуазных революционеров, высоко ценил плебейские методы ликвидации феодальных институтов во Франции в период пребывания якобинцев у власти.

В унисон с другими антикоммунистами Авинери пытается обвинить В. И. Ленина и большевиков в вульгаризации политических идей марксизма, в смешении их с якобинскими тенденциями, против которых сам Маркс якобы постоянно вел борьбу. При этом под флагом критики «якобинства» и «бланкизма» Ленина израильский профессор по существу стремится опорочить такие основополагающие стороны марксистско-ленинской теории, как учение о социалистической революции, о всемирно-исторической миссии пролетариата, о руководящей роли пролетарской партии в осуществляемом рабочим классом революционном процессе коммунистического преобразования общества.

Стараясь воздвигнуть стену между марксизмом и ленинизмом, Авинери, однако, не очень полагается на убедительность пущенной им в ход версии о реформистском характере политических взглядов Маркса. Эти взгляды, пишет Авинери, все же поддаются трактовке в якобинско-бланкистском духе [1]. Политическое наследство Маркса изображено, таким образом, чем-то несовершенным, непоследовательным, допускающим разные выводы, разное толкование. Избегая прямых и откровенно грубых выпадов против марксистского учения, Авинери фактически ведет многосторонний подкоп под него. Он предпринимает попытку, с одной стороны, представить Маркса реформистом, чуждым революционности и ложно истолкованным его революционными преемниками, с другой — скомпрометировать именно те политические идеи Маркса, которые выдержали проверку временем и получили свое дальнейшее развитие в трудах Ленина.

Работы Манделя, Боди, Авинери, отчасти Роздольского являются характерными примерами попыток современных антикоммунистов разных оттенков, «левых» и правых, превратить историю марксизма, экономическую теорию и политические идеи Маркса в отправной пункт антикоммунистической и антисоветской пропаганды.

---

[1] *Sh. Avineri.* Op. cit., p. 258.

* * *

Специальным объектом буржуазной фальсификации сделалась позиция Маркса и Энгельса по вопросам международных отношений. Эта область стала даже своего рода любимым коньком для западных антимарксистов и антикоммунистов. Им представляется весьма удобным, спекулируя на вульгарном отождествлении марксизма с экономическим материализмом, изображать высказывания Маркса и Энгельса о дипломатии и внешней политике — сфере, очень часто непосредственно не связанной с экономикой,— как якобы отступление от метода исторического материализма. Широко используются при этом пробелы в марксистской, в том числе в советской, литературе по части освещения внешнеполитических взглядов Маркса и Энгельса.

Главная причина активного обращения западных «марксологов» к внешнеполитическим работам Маркса и Энгельса, особенно к их произведениям о внешней политике царской России, заключается в антисоветизме. Использовать работы Маркса в борьбе против социалистического государства, где впервые стали претворяться в жизнь его идеи, создать легенду о «запрещении» в СССР якобы антирусских произведений Маркса, представить его самого как непримиримого врага всего русского — такова очевидная цель писаний и публикаций на данную тему, выходящих на Западе.

В чрезмерном выпячивании места России в системе внешнеполитических взглядов Маркса и Энгельса, в стремлении представить дело так, будто на любой современный им внешнеполитический вопрос они смотрели только сквозь призму своего отношения к России, уже содержится искажение точки зрения основоположников марксизма. Объектом их разоблачения была, как известно, внешняя политика всех контрреволюционных государств — бонапартистской Франции, пальмерстоновской Англии, гогенцоллернской Пруссии, Австрийской империи,— а отнюдь не одной царской России. В своих работах они затрагивали с революционно-пролетарских позиций все основные узлы международных противоречий, в том числе и те, в которых Россия либо вообще не играла никакой роли, либо играла отнюдь не главную (например, интервенция западных держав в Мексику, дипломатические

конфликты Англии и Франции с Севером во время Гражданской войны в США).

Основные тенденции фальсификации взглядов Маркса и Энгельса в области внешней политики состоят в попытке приписать им, с одной стороны, отказ от историко-материалистической интерпретации роли дипломатии и внешнеполитического фактора в историческом процессе, а с другой — замену классового и интернационалистского критерия при выработке собственной платформы в этой области критериями, которыми пользовались многие их буржуазные современники. Маркс и Энгельс будто бы, как и они, исходили из противопоставления «западной цивилизации» восточному, прежде всего русскому, «варварству», руководствовались не принципами революционной стратегии и задачами отстаивания самостоятельной линии пролетариата в международных конфликтах, а геополитическими, национальными и даже расовыми соображениями. Резкие высказывания Маркса и Энгельса о царизме без всяких обиняков переносятся на русский народ, что нередко сопровождается и злостными попытками поставить знак равенства между внешней политикой царской и Советской России и объявить марксову критику царской дипломатии применимой и к советской дипломатии. Излюбленным стал также и тезис о зависимости Маркса во взглядах на внешнюю политику от русофоба и туркофила Уркарта [1].

Подобная трактовка точки зрения основоположников научного коммунизма в области международных отношений получила весьма широкое распространение на Западе [2]. Так, в разгар холодной войны против Советского Союза и других стран социализма в Англии в 1953 г. была издана книга под броским названием: «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Русская угроза Европе» [3]. Она включила подборку текстов, преимущественно из статей Маркса и Энгельса в «New-York Daily Tribune» периода восточного кризиса и Крымской войны. Составители П. Блексток и

[1] Приписывание Марксу уркартизма свойственно даже серьезным буржуазным историкам, см., напр. *Charles Webster*. The Foreign Policy of Palmerston. 1830—1841. Vol. II. London, 1951, p. 780.

[2] См. *Е. Г. Плимак*. Маркс и Энгельс о России XIX столетия. (Заметки о современной буржуазной историографии.) «История СССР», 1966, № 4.

[3] *Karl Marx* and *Friedrich Engels*. The Russian menace to Europe. A Collection of articles, speeches, letters. Selected and edited by Paul W. Blackstock and Bert F. Hoselitz. London, 1953.

Б. Хозелиц подобрали материал таким образом, чтобы по возможности устранить все, что относится к критике Марксом и Энгельсом внешней политики западных держав (отсутствуют даже выдержки из памфлета Маркса «Лорд Пальмерстон»). Издание должно было убедить читателей в том, что Россия в глазах Маркса и Энгельса была единственным врагом. Разумеется, редакторы не привели ни одного из многочисленных документов, свидетельствующих о высоких оценках Марксом и Энгельсом русской науки и культуры, об их связях с русскими революционерами. Материал сборника был призван затушевать различное отношение основоположников марксизма к России царской и к России революционной.

Откровенно антисоветский характер носит предисловие составителей к сборнику. Возводя хулу не только на внешнюю политику СССР, но и на весь советский строй, они не остановились перед прямой ложью, заявив, что в Советском Союзе произведения Маркса и Энгельса, осуждающие политику царизма, могут распространяться лишь нелегально[1]. Между тем в сборнике нет ни строчки из действительно принадлежащих Марксу и Энгельсу работ (составители помимо этого включили и несколько отрывков из приписываемых, но не принадлежащих им статей), которые не были бы к этому времени опубликованы в СССР. Причиной этого мнимого утаивания произведений Маркса и Энгельса авторы клеветнически объявляют преемственность между царской внешней политикой и политикой Советского государства.

В 1954 г. в Париже вышел в свет первый перевод на французский язык работы Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». Автор обширного предисловия — оно опубликовано под заглавием «Маркс и русская держава» — Бенуа Гепнер прежде всего всячески постарался «доказать», что в толковании Марксом внешнеполитических проблем нельзя обнаружить каких-либо следов исторического материализма[2]. Гепнер даже готов похвалить Маркса за то, что он вышел за рамки «узкой доктрины». В изображении французского комментатора Маркс выглядит как идеалист, «придававший державной

---

[1] См. *Karl Marx* and *Friedrich Engels*. Op. cit. Introduction by editors, p. 12.

[2] *K. Marx*. La Russie et l'Europe. Paris, 1954. Introduction, p. 68.

воле, интригам, продажности, человеческой глупости, случаю большее значение, чем экономическим мотивам»[1]. Отход от материализма Гепнер приписывал Марксу и в интерпретации внутренней истории России. В частности, различение им готического периода (периода Киевской Руси) и периода монгольского владычества изображено Гепнером как некое подобие и предвосхищение теории современного историка-идеалиста и теософа Арнольда Тойнби о смене замкнутых культурно-исторических циклов или цивилизаций[2].

Одной из главных своих задач Гепнер провозгласил опровержение коммунистического мифа о «русофильстве Маркса». В действительности, заявляет он, Маркс был противником не только царской России, но России вообще. «Нет никаких оснований утверждать, что Маркс заботился о том, чтобы проводить различие между империей и русским народом»[3]. В глазах Маркса Россия якобы всегда была оплотом варварства, очагом отсталости и азиатчины. К оценке ее роли на международной арене он подходил будто бы не с позиции «шестой державы» — европейской революции, а как поборник западной цивилизации. «Маркс,— уверяет Гепнер,— оставался, как и все мыслящие люди своего времени, европоцентристом»[4].

Таким образом, посредством грубого искажения подлинных революционных и интернационалистских взглядов Маркса Гепнер пытается превратить его в идеолога противопоставления Запада Востоку, Западной Европы России. Он стремится изобразить его чуть ли не идейным предтечей современных поборников империалистической политики «отбрасывания» Советского Союза и стран социалистического содружества, антикоммунистических мистификаторов, распространяющих ложь об опасности для западной цивилизации со стороны Советского государства.

Широкую рекламу на Западе получил выпущенный в 1960 г. швейцарским профессором И. А. Дёригом сборник под названием «Маркс против России»[5]. Дёригу расточали

---

[1] *K. Marx*. La Russie et l'Europe. Introduction, p. 12.
[2] Ibid., p. 68, 69.
[3] Ibid., p. 14.
[4] Ibid., p. 32.
[5] «Marx contra Rußland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte». Herausgegeben von Professor Dr J. A. Doerig. Stuttgart, 1960.

похвалы как чуть ли не новооткрывателю забытых статей Маркса. Между тем сборник швейцарского профессора низкопробен не только с политической, но и с научно-публикаторской точки зрения. Отбор текстов Маркса он произвел не из первоисточника — «New-York Daily Tribune», а из выпущенного в 1897 г. Элеонорой Эвелинг издания статей своего отца по восточному вопросу [1]. Готовя это издание, Элеонора Эвелинг не располагала многими материалами, необходимыми для установления авторства (в частности, переписка между Марксом и Энгельсом была издана лишь в 1913 г.). Поэтому некоторые корреспонденции Энгельса были ею опубликованы как статьи Маркса; включила она и ряд статей, не принадлежащих, как выяснилось позднее, ни тому, ни другому. Полностью игнорируя результаты развития марксоведения за протекшие с тех пор 60 лет, Дёриг воспроизвел многие из этих ошибок. Но если при всех недостатках сборник Элеоноры Эвелинг всесторонне отражал взгляды Маркса и Энгельса на восточный вопрос, воспроизводя статьи с оценкой политики как царской России, так и западных держав, то швейцарский «новооткрыватель» произвольно извлек из этого издания отрывки и сгруппировал их таким образом, чтобы искусственно придать этим оценкам антирусский крен. Этой цели служили и редакционные подзаголовки, сформулированные в модернизаторском стиле («Методы русской пропаганды», «Идеологическое прикрытие русской экспансии» и т. д.).

Мотивы, которые побуждали Дёрига прибегнуть к такой дешевой подтасовке, ясно выражены в его предисловии и комментариях. Автор открыто заявляет, что в наши дни якобы, так же как во времена Маркса и Энгельса, стоит задача оградить Запад от русского «Drang nach Westen» [2]. Маркса Дёриг, разумеется, рисует ярым защитником интересов Запада, без конца призывавшим к военному отпору России. Швейцарский профессор с претензией на иронию даже заявляет, что, употребляя современную терминологию, Маркса можно было бы назвать «поджигателем войны». Дёриг отнюдь не испытывает симпатий к Марксу. Стремление представить Маркса предшественником современных пропагандистов антикоммунистического

---

[1] *K. Marx.* The Eastern Question. London, 1897.
[2] «Marx contra Rußland». Einleitung, S. 11, 19.

крестового похода борется у него с чисто буржуазной неприязнью к пролетарскому революционеру. Под влиянием этих противоречивых побуждений он то пытается использовать высказывания Маркса против царизма для наветов на русский народ и Советский Союз, то клевещет и на самого Маркса, обвиняя его в «диктаторском языке», в германском национализме и т. д. [1]

От приведенных выше изданий несколько отличается книга Хельмута Краузе «Маркс, Энгельс и современная им Россия», изданная в ФРГ в 1958 году. Автор старался придать своей работе видимость объективного исследования. Он оперирует документами, отражающими отношение Маркса и Энгельса не только к внешней политике России, но и к русскому революционному движению, а также изучение ими русской экономики и социальных отношений. Маркса, заявляет он, нельзя рассматривать ни как последовательного русофоба, ни как русофила. Избегая прямых антисоветских выпадов, Краузе протестует как против «пропагандистских» попыток отождествить современное Советское государство с Россией периода царизма, так и, с другой стороны, против стремления коммунистов объявить Советскую Россию воплощением идей марксизма. Однако эта «нейтралистская» позиция является чисто показной. На деле Краузе целиком разделяет упомянутую интерпретацию внешнеполитических взглядов Маркса в духе противопоставления «передового» Запада «отсталой» и «варварской» России, стараясь, однако, избавить эту интерпретацию от бросающихся в глаза нелепостей, прибегнуть к более гибким формулировкам и оговоркам, позволяющим отвести обвинение в односторонности. Короче говоря, он пользуется более тонкими методами фальсификации взглядов Маркса и Энгельса.

Предвзятость Краузе видна уже из распределения материала и расстановки акцентов в его книге. Внешне он

---

[1] «Marx contra Rußland», S. 109, 117. В 1962 г. книга Дёрига была переиздана в Нью-Йорке с послесловием профессора истории Ганса Кона. Американский коллега Дёрига решил дополнить его комментарии собственными антисоветскими соображениями о чертах сходства, которые будто бы имеются между внешней политикой царской России и России коммунистической. Маркса Кон поставил на одну доску с западноевропейскими русофобами (с маркизом Костином, Уркартом и т. д.). См. «Marx versus Russia». Edited by I. A. Doerig. Afterword by Hans Kohn. New-York, 1962, p. 188—193.

как бы стремится охватить все аспекты отношения Маркса и Энгельса к России. Однако упор делается именно на осуждении ими ее внешней политики. Даже взаимоотношения основоположников марксизма с деятелями русского революционного движения Краузе освещает однобоко, дабы и здесь создать у читателя впечатление о преобладающей якобы у Маркса и Энгельса антипатии ко всему русскому. Он подробно распространяется о разногласиях Маркса и Энгельса с Герценом, Бакуниным, Ткачевым и лишь скороговоркой упоминает о дружеских связях их с другими представителями революционной России [1].

В толковании отношения Маркса и Энгельса к внешней политике России Краузе пытается прежде всего представить в ложном свете методологические основы их позиции. Отправным пунктом их взглядов по этому вопросу объявляется не историко-материалистический и революционно-пролетарский подход к общественным явлениям, а традиции философии истории Гегеля, рассматривавшего Россию как отсталое, неевропейское государство, русофобство европейских либералов, враждебные России взгляды Уркарта и т. д. Представления о России («Rußlandsbild») у Маркса складывались якобы также под влиянием работ ориенталиста Фаллмерайера, утверждавшего, что русская угроза Европе существует чуть ли не с IX века, теории поляка Духинского о происхождении русских не от славян, а от финнов и монголов и т. д. [2] Россия в глазах Маркса, уверяет Краузе, была воплощением азиатской неподвижности. Только после реформы 1861 г. он стал считать ее страной, вступившей на путь «исторического развития». Только с этого момента Маркс и Энгельс якобы допустили включение общественной системы России в «диалектико-материалистическую картину исторического процесса» [3].

Приписывание Марксу и Энгельсу представления о России до 1861 г. как о стране, застывшей на низком уров-

---

[1] *H. Krause*. Marx und Engels und das zeitgenössische Rußland. Giessen, 1958, S. 123—139.

[2] Ibid., p. 13—14, 49—55. Автор книги при этом ссылается на упоминание Марксом об этой теории в письме Энгельсу от 24 июня 1865 г. Он, однако, как и другие западные «марксологи», «забывает» о другом письме Маркса его другу от 7 августа 1866 г., в котором сообщается об опровержении теории Духинского французским исследователем Тремо (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 31, стр. 106—107, 209).

[3] *H. Krause*. Op. cit., S. 88, 97.

не развития, является явным искажением истины. Уже в работе «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» ясно различаются определенные стадии исторической эволюции страны, совпадающие во многом с аналогичными ступенями в развитии Западной Европы, хотя поступательное движение долгое время и тормозилось господством завоевателей — монголов. Маркс пишет о периоде раннего феодализма, о складывании абсолютной монархии, о прогрессивных реформах Петра I. В последующие годы Маркс значительно пополнил и уточнил свое понимание русского исторического процесса не только после, но и до 1861 г.

Между тем именно на фальшивом постулате, будто Маркс и Энгельс видели в России азиатскую окаменелость, больше того, будто чуть ли не до 70-х годов XIX в. они рассматривали ее как некий монолит, не различая в ней господствующих классов и народных масс и одинаково относясь как к тем, так и к другим, Краузе пытается построить псевдонаучное обоснование пресловутой концепции об ориентации основоположников марксизма во внешней политике на Западную Европу. Краузе пытается уверить читателя в том, будто эта западная ориентация согласовывалась с их революционными убеждениями. Как диалектики, Маркс и Энгельс во всем видели антагонизмы и одним из главных считали якобы не борьбу классов, а противоречия между славянством и народами западного мира. Запад, уверяет Краузе, стремясь подсунуть Марксу и Энгельсу по существу расистскую точку зрения, в их глазах был всегда воплощением революции, а славянские народы (исключая Польшу) во главе с Россией — постоянным оплотом контрреволюции [1].

Таким образом, в искаженном изображении Краузе великие пролетарские революционеры и интернационалисты, последовательные борцы против всех эксплуататорских классов, против всякой националистической и расистской идеологии, против пангерманизма, скандинавизма и т. п., в равной степени как и против панславизма, предстают некими провозвестниками освободительной миссии западноевропейской буржуазии в противовес славянам и России, выразителями европоцентристской точки зрения.

---

[1] *H. Krause*. Op. cit., S. 16—18.

Краузе пытается представить дело так, будто не только Россию, но и Западную Европу Маркс и Энгельс воспринимали как нечто единое и гармоничное. Он тщательно избегает затрагивать те стороны воззрений Маркса и Энгельса, которые наглядно показывают, что препятствия для осуществления подлинно демократических преобразований в Европе они видели не в одном царизме, а и в буржуазных режимах Запада, не говоря уже о полуфеодальных Австрии и Пруссии. Краузе, по существу, обходит вопрос о разоблачении Марксом и Энгельсом контрреволюционной роли западноевропейской буржуазии в области международных отношений, в том числе ее стремления использовать царизм в полицейских целях. Он ничего не пишет о борьбе основоположников марксизма против внешней политики французских бонапартистских кругов и английской буржуазно-аристократической олигархии. Не обмолвился он ни словом, в частности, о беспощадном обличении ими провокационной позиции в польском вопросе Луи Бонапарта и Пальмерстона. С Пруссии и Австрии, пишет он вопреки истине, Маркс и Энгельс вообще были готовы снять ответственность за раздел и угнетение Польши, требование восстановления которой они выдвигали будто бы лишь во имя создания своего рода пограничного барьера между Россией и Западом[1]. Ликвидации турецкого владычества на Балканах они добивались, по утверждению Краузе, опять-таки не для того, чтобы открыть для народов Балканского полуострова путь к независимости и прогрессу, а лишь с целью образования в этом районе некоего противовеса влиянию России[2].

Вся модификация, которую Краузе вносит в указанную концепцию «западнической» ориентации Маркса и Энгельса, заключается, в сущности, в попытке приписать им разные критерии в оценке внутреннего развития и внешнеполитической роли России. Если, согласно его утверждению, к внутренней эволюции этой страны после 1861 г. они изменили свое отношение, стали подходить под углом

---

[1] *H. Krause*. Op. cit., S. 27—34.

[2] Ibid., S. 45. Мы встречаем у автора книги и другие искажения взглядов Маркса и Энгельса; так, например, их позиция в период итальянского кризиса 1859 г., по заявлению Краузе, была австрофильской, в противовес Фогту и Лассалю, ориентация которых на «объединительную миссию» Пруссии якобы больше соответствовала немецким национальным интересам (ibid., S. 70—71).

зрения своей материалистической теории и учения о классовой борьбе, то их взгляд на ее внешнюю политику как на угрозу западной цивилизации оставался неизменным до конца их дней.

Правдоподобие этой концепции должно придать и выделение двух стадий в развитии взглядов Маркса и Энгельса на Россию. Ведь, действительно, с усилением в России революционного движения во второй половине XIX в. их интерес к ней резко возрос и начался новый этап изучения ее экономики и истории. Однако сама интерпретация этих этапов у Краузе глубоко фальшива, особенно попытка приписать Марксу и Энгельсу недифференцированный подход к России на первой стадии, отсутствие какого-либо различения классовых противоречий в русском обществе. Весьма тенденциозный характер носит и стремление изобразить отношение Маркса и Энгельса к внешней политике России — как на первой, так и на второй стадии — в духе противопоставления «культурного» Запада «варварскому» Востоку.

Такова схема Краузе, призванная придать бо́льшую эластичность версии о «западничестве» Маркса и Энгельса. Однако и до сих пор находятся сторонники этой версии в ее первозданной, грубой форме. Таковым является, например, проживающий во Франции греческий философ и публицист Костас Папаиоанну. В 1967—1968 гг. он опубликовал в антисоветском и антикоммунистическом журнале «Le Contrat social» две серии статей на тему о внешнеполитических взглядах Маркса. Первая из них носит заглавие «Маркс и международная политика» (центральным пунктом является отношение к России), вторая — «Запад и Россия» с характерными подзаголовками: «Введение к проблеме русофобства Маркса» и «Маркс-русофоб» [1].

В толковании внешнеполитических взглядов Маркса Папаиоанну почти во всем следует по стопам уже упоминавшихся выше авторов, повторяет их фальсификаторские утверждения. Крайне раздувается им версия об уркартизме Маркса. Согласно его утверждению, Маркс исключительно

---

[1] *K. Papaioannou*. Marx et la politique internationale. «Le Contrat social», 1967, vol. XI, №№ 3—5; L'Occident et la Russie. «Le Contrat social», 1968, vol. XII, №№ 1, 2-3. Выступление К. Папаиоанну по данному вопросу представляет собой звено в той антисоветской и антикоммунистической кампании, которую в последние годы ведет этот оголтелый антимарксист.

из неприязни к славянским народам оправдывал, вслед за Уркартом, порядки Османской империи [1].

На Западе уже предпринимались попытки сблизить внешнеполитическую точку зрения Маркса с позицией европейских либералов. Папаиоанну и здесь избирает наиболее нелепый вариант этого вымысла, стараясь приписать Марксу взгляды того из либеральных течений, которое он больше всего критиковал,— фритредерства. Русофобство Маркса, заявляет он, было отражением его либерального космополитизма фритредерско-манчестерского толка. Подобно манчестерцам, Маркс и Энгельс в мировом распространении капитализма, в его нивелирующем, ломающем все национальные границы действии видели один только прогресс. Все преграды этому процессу, в частности, «варварскую» Россию, считали они, следовало смести. В изображении Папаиоанну Маркс и Энгельс вслед за фритредерами даже оправдывали колониальную политику, восхваляя «цивилизаторскую миссию» Англии в Индии, Франции в Алжире, США в Мексике [2].

Поистине нужна полная бесцеремонность в обращении с фактами, чтобы представить Маркса не только воинствующим русофобом, но и идеологом колониального господства. В своих писаниях Папаиоанну преследовал двоякую цель: оценки Марксом политики царской России, вытекающие якобы из «извечности» конфликта между Западом и Востоком, распространить на Советский Союз, и, с другой стороны, изобразить Маркса апологетом колониализма. Эти тенденции еще раз доказывают, что антисоветизм является родным братом антимарксизма, что они органически сливаются в любых фальсификациях творчества и деятельности идеологов и вождей рабочего класса.

* * *

Таким образом, рассмотрение основных тенденций в освещении деятельности Маркса в годы между Союзом коммунистов и Первым Интернационалом, присущих буржуазным и реформистским авторам, а также представителям современных так называемых «левых» течений, показывает, что эти тенденции в той или другой степени носят фальсификаторский характер и направлены на искажение

---

[1] «Le Contrat social», 1967, vol. XI, № 4, p. 227.
[2] «Le Contrat social», 1967, vol. XI, № 4, p. 221, № 5, p. 301—304.

биографии Маркса, его творчества, его взглядов по разным вопросам, а также роли марксизма в развитии рабочего движения. В основе этой фальсификации лежат либо чуждые марксизму методологические и мировоззренческие позиции, порождающие тенденциозный подход к истории марксизма, либо откровенно антикоммунистические, антисоветские побуждения, либо — и это наблюдается чаще всего — и то и другое.

Общий реакционный смысл такого подхода очевиден. Попытки опорочить личности основоположников марксизма, доказать «бесплодность» их деятельности для рабочего движения, нападки на их идейное наследие и их научный метод, фальшивое противопоставление их идей ленинизму, современной практике социалистических государств и коммунистическому движению отражают лишь бессилие идеологов буржуазии перед лицом беспримерного роста мирового влияния всепобеждающего марксистско-ленинского учения.

ДОКУМЕНТЫ

О РАБОТЕ В. И. ЗАСУЛИЧ ПО ИСТОРИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

В данном разделе впервые публикуется рукопись второй части работы В. И. Засулич «Очерк истории Международного общества рабочих».

Произведения Веры Ивановны Засулич, выдающейся русской женщины-социал-демократа, одной из основателей марксистской группы «Освобождение труда», сыграли немалую роль в пропаганде учения Маркса и Энгельса в России. Кроме публицистики на темы текущей политической жизни, она весьма успешно занималась исследовательской работой, писала статьи и книги, посвященные литературоведческим, философским, экономическим и историческим проблемам. Заметное место в ее наследии занимает «Очерк истории Международного общества рабочих», написанный в 1886—1887 годах.

Попытки осветить деятельность Интернационала для русских революционеров предпринимались и ранее. В 1873—1874 гг. в журнале «Вперед!» печатались «Очерки по истории Интернационала» П. Л. Лаврова, в первых двух номерах «Вперед!» за 1873 г. была напечатана незавершенная работа С. А. Подолинского «Очерк развития Международной ассоциации рабочих». Но работа П. Л. Лаврова освещала только последний этап деятельности Интернационала — 1872—1874 гг., а «Очерк» С. А. Подолинского — лишь образование его.

Исследование В. И. Засулич, в отличие от работ П. Л. Лаврова и С. А. Подолинского, охватывает всю историю Международного Товарищества Рабочих. Главным же преимуществом этого исследования является то, что Засулич полностью и горячо разделяла взгляды Маркса и Энгельса. Это первая работа русского автора по истории Интернационала, написанная с марксистских позиций.

В. И. Засулич писала свой «Очерк...» в тяжелое для группы «Освобождение труда» время. Один за другим были разгромлены социал-демократические кружки в России, под угрозой находились и без того непрочные связи с революционным движением на родине. В России царила реакция, еще более усилившаяся после убийства Александра II народовольцами. Большинство эмигрантов в Швейцарии были народниками, они недоброжелательно, а часто и враждебно смотрели на маленькую группу марксистов, которые в своих произведениях выступали с критикой их мировоззрения и деятельности.

Тогда из членов группы «Освобождение труда» осталось всего трое — Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и П. Б. Аксельрод, так как в 1884 г. Л. Г. Дейч был арестован при попытке переправить нелегальным путем революционную литературу в Россию и сослан на каторгу в Сибирь, а В. Н. Игнатов в 1885 г. умер от туберкулеза. К тому же Г. В. Плеханов и В. И. Засулич жили в Женеве, а П. Б. Аксельрод в Цюрихе.

К чести В. И. Засулич, несмотря на огромные трудности борьбы, ее не покидала вера в неизбежность революционного возрождения России, убежденность в силе марксистских идей. Переводы на русский язык произведений основоположников научного коммунизма, сделанные Засулич в эти годы (в 1884 г. она перевела «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельса с приложением отрывка из «Анти-Дюринга», в 1886 г.— работу Маркса «Нищета философии» с приложением речи Маркса перед судом присяжных в Кёльне в 1849 г. и отрывка из его книги «К критике политической экономии») и впоследствии неоднократно переиздававшиеся, сыграли важную роль в идейном формировании русских марксистов.

Приобретя опыт и известность переводчика произведений Маркса и Энгельса, Вера Засулич решила выступить в печати с самостоятельной работой. Она задумала написать историю Интернационала, так как понимала значение, которое будет иметь ознакомление революционных кругов России с деятельностью этой организации международного пролетариата, руководимой непосредственно Марксом и Энгельсом. Критика мировоззрения М. А. Бакунина и разоблачение с марксистских позиций его раскольнической деятельности в Интернационале наносили удар по народнической и анархистской идеологии

и тем самым расчищали дорогу научному социализму в России.

Возможно, что эту тему подсказал Засулич Г. В. Плеханов. Во всяком случае, он одобрял и поддерживал ее замысел.

Задача Засулич была чрезвычайно сложна. Круг источников, которыми она могла пользоваться, был весьма ограничен, документы Интернационала распылены и малодоступны. В. И. Засулич в начале работы с огорчением писала об этом: «Полная история Международного общества рабочих еще невозможна. Архив Генерального Совета, его переписка с местными федерациями и секциями не обнародованы. Источниками для знакомства с этим обществом остаются лишь появлявшиеся в печати, во время его существования, отчеты конгрессов, процессы, некоторые журналы того времени, вышедшие тогда же брошюры и проч.» [1]. Большую сложность представляло критическое изучение анархистской и буржуазной литературы об Интернационале.

В архиве В. Засулич сохранились 10 тетрадей с выписками, которые она делала при подготовке своего «Очерка...». Судя по этим выпискам, она изучила и использовала совместные труды К. Маркса и Ф. Энгельса — «Манифест Коммунистической партии», «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», «Мнимые расколы в Интернационале», работы Маркса «Бельгийские избиения», «Разоблачения о кёльнском процессе коммунистов», работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», «К годовщине Парижской Коммуны», «Карл Маркс», а также многие документы Интернационала, написанные Марксом и Энгельсом от имени или по поручению Генерального Совета. Особенно полно была использована брошюра «Альянс социалистической демократии».

В. Засулич использовала все доступные в то время источники. Она привлекла отчеты Брюссельского и Базельского конгрессов, материалы судебных процессов над деятелями Интернационала, листовки, изданные в Швейцарии, Франции и США местными секциями. Использовала она и документы анархистских организаций. Были изучены периодические органы, издававшиеся секциями и

---

[1] *В. И. Засулич.* Сборник статей. Т. I [Пб., 1906], стр. 247.

федерациями Интернационала в разных странах, а также другие издания, в которых печатались статьи и воспоминания об Интернационале,— «Der Vorbote», «Égalité», «Progrès», «Der Social-Demokrat», «Le Socialiste» и другие. С марксистских позиций, опираясь на произведения Маркса и Энгельса, Засулич проштудировала книги и статьи Э. Фрибура, О. Тестю, Р. Мейера, Б. Малона, К. Родбертуса-Ягецова, Э. Бизли, Ш. Молинари, П. Лиссагаре, Т. Делора и других авторов.

Правда, надо сказать, что ограниченность источников, их зачастую неверная или тенденциозная интерпретация как в анархистской, так и в буржуазной литературе в известной мере сказались на некоторых общих положениях работы В. Засулич, которые расходятся с правильной трактовкой тех или иных событий современными авторами-марксистами. В частности, неточны оценки позиции членов Интернационала во Франции по отношению к бонапартистской империи, а также в дни осады Парижа и Коммуны, оценка революции 18 марта. Также не совсем верно В. Засулич представляет картину деятельности Интернационала после Коммуны, причины его роспуска, деятельность в тот период Маркса и Энгельса. Однако эти погрешности в освещении отдельных вопросов, которые легко заметит современный читатель, никоим образом не умаляют общего научного значения этой серьезной и основательно документированной работы.

* * *

Исследование В. И. Засулич состоит из 17 глав, освещающих историю Интернационала с момента его основания в 1864 г. до последнего конгресса в Женеве в 1873 г. К сожалению, свет увидела только меньшая часть исследования — первые 9 глав (приблизительно 35%), а остальное так и осталось неопубликованным.

В начале 1888 г. Засулич вместе с Плехановым готовила сборник «Социаль-демократ», который задуман был как периодический орган. Решено было, что в сборнике будут напечатаны и первые главы ее работы, чтобы привлечь к этому произведению внимание читателей.

В то же время Плеханов и Засулич искали возможность напечатать «Очерк истории Международного общества рабочих» целиком. Они обратились к народовольцам с просьбой издать эту работу на средства, собранные «Сою-

зом социалистического литературного фонда», во главе которого стоял П. Л. Лавров. Подключили к этим хлопотам П. Б. Аксельрода. Плеханов писал ему в июне 1888 г.: «Дорогой Павел, одновременно с письмом к Вам посылаю письмо в Женеву с тем, чтобы Вам выслали два экземпляра отпечатанных листов «Очерка истории Интернационала» — Веры Ивановны. Я придумал следующее:

Предложим цюрихскому фонду напечатать рукопись Веры (остается еще *листов 8*). Предмет ее ручается за то, что не будет в ней никакой «полемики». Имя автора придает большой интерес произведению, так что оно наверное сильно будет расходиться в продаже. Лаврову можно было бы послать для просмотра отпечатанные 2 листа или даже посылать рукопись по мере ее подготовки к печати (она, собственно, готова, но Вера сделает еще кое-какие поправки)... Интернационал Веры написан так хорошо, что я не знаю другой подобной работы в европейской литературе...» [1].

Плеханов своим лестным отзывом о ее работе очень подбодрил и обрадовал начинающего автора. В июне 1888 г. он писал Засулич: «Ваш Интернационал должен быть напечатан во что бы то ни стало.

Интернационал написан хорошо, если не по внешности, то по *содержанию:* такой работы еще нет в социалистической литературе» [2].

Через несколько дней он опять пишет Вере Ивановне: «Насчет Интернационала из Цюриха мне ничего не пишут. Ради всего святого, напишите Вы Павлу (П. Б. Аксельроду.— *И. К.*), чтобы он торопил народовольцев и хотя бы силой взял у них деньги на издание, это необходимо. Пора напечатать Интернационал, а то Вы не возьметесь за другое раньше его выхода» [3].

Пока шли переговоры, вышел сборник «Социаль-демократ», где были напечатаны первые 3 главы «Очерка...». В. Засулич сразу же послала 2 экземпляра сборника в Лондон С. М. Кравчинскому — ему самому с женой и один для передачи Ф. Энгельсу. В сопроводительном письме она писала: «Не произносите приговора о моем Интернационале по этим главам. Дальше у меня идет, право же,

---

[1] Литературное наследие Г. В. Плеханова, сб. 8. М., 1940, стр. 245—246.

[2] Там же, стр. 244—245.

[3] Там же, стр. 246—247.

гораздо лучше. Тут всего какая-нибудь $^1/_7$ часть, а я так-таки и не умею начинать, как прежде не умела»[1].

Переговоры с народовольцами не увенчались успехом. Но в следующем, 1889 г. группе «Освобождение труда» удалось все же выпустить в Женеве отдельным изданием часть «Очерка...» от имени «Русского социал-демократического союза». В это издание вошли уже 9 глав, освещающие историю Интернационала с его основания в 1864 г. до 1868 г.

В вышедшем в 1906—1907 гг. в Петербурге в издательстве О. Н. Рутенберг («Библиотека для всех») двухтомном «Сборнике статей В. И. Засулич» были перепечатаны уже опубликованные первые 9 глав «Очерка...». Вера Ивановна тогда жила в Петербурге и принимала участие в подготовке этого издания. Она сделала на первой странице «Очерка...» следующее примечание: «По различным причинам очерк остался незаконченным. Нечто цельное он все-таки дает, мне кажется, охватывая период развития Интернационала от кружков самообразования к движению и организации рабочих масс и разложению прудонизма, господствовавшего над умами рабочей интеллигенции стран французского языка»[2].

Чем вызвано такое заявление В. Засулич и почему «Очерк...» не был напечатан полностью в 1906 г., когда были возможности это сделать? По-видимому, это можно объяснить таким образом.

В. И. Засулич вернулась в Россию сразу же после Манифеста 17 октября 1905 года. Все ее бумаги остались в семье Плехановых в Женеве, так как ехала она, не дождавшись официального разрешения, без паспорта, не зная, что ее ждет на родине. А медлить с выпуском двухтомника было нельзя, учитывая наступление реакции. Чтобы получить рукопись из-за границы и доработать ранее не публиковавшуюся часть, у Засулич не было ни возможности, ни времени. Поэтому и пришлось пойти на паллиативное решение — печатать только часть работы.

В настоящее время вся рукопись «Очерка истории Международного общества рабочих» хранится в Доме Плеханова, основанном в 1928 г. при Государственной

---

[1] Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М., 1969, стр. 213.

[2] *В. И. Засулич.* Сборник статей, т. 1, стр. 247.

публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Вторую часть рукописи [1], которая ниже впервые публикуется, можно датировать довольно точно. Иногда В. Засулич сама отмечала на полях точные даты. По ним мы узнаем, что главу 13 она писала в конце 1886 — начале 1887 г. На это указывают пометы — 30 ноября 1886 г., 3 декабря 1886 г., 1 февраля 1887 г. На листах главы 14 помечены только дни недели и числа без указания месяца. Зато на листах глав 15 и 17 отмечен почти каждый день. Главу 15 Засулич писала с 25 февраля до середины марта 1887 г., так как за 6 страниц до конца главы она записала — «Суббота 12». А глава 17 писалась с 14 марта 1887 г. по конец месяца, последняя дата — 25 марта. Значит, Засулич писала эту главу сразу же после 15 главы, а уже потом приступила к главе 16 [2]. На полях главы 16 нет обозначения дат, но на обороте одного листа записаны финансовые расходы за апрель — июль месяцы, вероятно, 1887 года.

В. Засулич дала названия только двум главам — 11 и 15 и поставила номера перед 10 и 11 главами. Остальная нумерация и названия глав даны редакцией.

В процессе работы Вера Ивановна перекладывала и перенумеровывала страницы. На некоторых страницах ею проставлены 3—4 цифры [3].

Главы 10, 13, 14, 15 и 17 имеются только в одном варианте. Это — первая редакция. Страницы этих глав перенумерованы большими цифрами, начиная со стр. 108, так как счет страниц идет с 1-ой страницы 1-ой части, по 392 (вернее, по 402, так как В. Засулич в одном месте ошиблась на 10 номеров). Этот черновой автограф написан неразборчивым почерком, однако его удалось прочесть почти полностью, за исключением нескольких слов. Особенно трудно читаются вставки на полях, написанные очень мелко и с совершенно неожиданными сокращениями.

Главы 11, 12 и 16 имеются в двух редакциях. Нумерацию страниц окончательной редакции в каждой главе

[1] Архив Дома Плеханова, ф. 1098, ед. хр. 50—61.

[2] О таком же порядке написания глав (15, 17, 16) говорит и нумерация их страниц.

[3] Поэтому при публикации рукописи мы не отмечали номер страницы, так как это только запутало бы читателя.

автор дает с 1-ой страницы. Те части рукописи в первой редакции, которые Засулич уже переработала, перечеркнуты ею.

Довести авторскую работу по всем главам до конца Вера Ивановна не смогла, поэтому большинство глав 2-ой части имеют отдельные стилистические погрешности. Некоторые фамилии, слова и даже фразы написаны на французском или немецком языках, а некоторые слова написаны по-русски, но фактически не переведены — «локаль» (помещение), «вот» (голосование), «котизация» (уплата членских взносов), «камера» (палата).

Кроме того, В. Засулич не дописала главу, посвященную Парижской Коммуне. В конце 15 главы на полях она написала: «Коммуну пропускаю». Можно предположить, что она хотела еще поработать над 16 главой, сделать ее более обстоятельной и довести рассказ до падения Коммуны. Судя по тому, как интересно и глубоко освещена в «Очерке...» история Франции накануне Коммуны, эта глава была бы очень важной для всей работы. Чувствуется также и отсутствие заключения, хотя, возможно, имелось в виду ограничиться заключением к 17 главе.

При подготовке настоящей публикации мы придерживались следующих правил:

Отрывки из первоначальной редакции, зачеркнутые автором, но представляющие интерес, приводятся в подстрочных примечаниях.

Имена и географические названия печатаются в современной транскрипции, весь текст — в современной орфографии. Слова, написанные автором сокращенно, если их прочтение не вызывает сомнения, печатаются полностью.

Примечания В. Засулич, переводы иностранных слов и выражений, а также текстологические пояснения даются в подстрочных примечаниях. Примечания В. Засулич специально оговорены, все остальные пояснения принадлежат подготовителю публикации.

Фактические разъяснения помещены после текста в примечаниях.

В подготовке рукописи к печати принимали участие Н. П. Дюжева (гл. 10—11) и А. В. Сиротова (гл. 12—17).

И. Н. КУРБАТОВА

В. И. ЗАСУЛИЧ

ОЧЕРК ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА РАБОЧИХ

Гл. X

[ИНТЕРНАЦИОНАЛ В БЕЛЬГИИ ПОСЛЕ БРЮССЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА]

В Бельгии основателями Интернационала и его главными деятелями были не рабочие, как во Франции, а по преимуществу люди из буржуазной среды, бывшие студенты, как Дени, Гинс, Брисмс, Робен. Они также почерпнули все свои социальные теории исключительно из Прудона. Но если в Париже с его сравнительно мелким производством планы экономического переустройства, основанные на самопомощи рабочих, могли не сразу бросаться в глаза своим противоречием с действительностью, то в Бельгии с ее крупной промышленностью их неосуществимость была слишком очевидна, и бельгийцы внесли в них, как мы знаем, различные видоизменения.

Свобода слова в Бельгии дозволила основать здесь несколько журналов, читавшихся также и во Франции, где до 1870 года Интернационал не имел собственного органа. После парижских процессов, когда руководство движением ускользнуло из рук Толена и его единомышленников [1], бельгийские вожаки Интернационала стали на время самыми видными теоретиками говорящей по-французски части Международного общества.

Тем не менее различие элементов, входивших в Интернационал во Франции и Бельгии, придало различный характер и самому движению обеих стран.

Рабочий больших городов Франции, парижский в особенности, занятый в местных отраслях промышленности, требующих тонкого вкуса, специального умения, ловкости, не задавлен нуждою, как бельгийский. Он получает хорошую заработную плату; уровень его потребностей и уровень развития сравнительно очень высок. Малоспособный к дисциплине и организации, подвижный и увлекающийся французский рабочий сам направляет движение, вносит в него свой готовый склад мыслей, вкусы, симпатии. Это

уже выработанный, тонко отделанный историей материал, к которому должны приноравливаться, которому принуждены в сущности подчиняться вожаки и инициаторы. Страстный интерес к политике, выработанный историей в рабочей среде больших городов Франции и с каждым годом все усиливающийся по мере приближения к концу бонапартовского режима, отвращение к этому режиму, республиканские традиции — все толкало французский Интернационал на политическую почву. От нее не могли, как увидим, удержать его никакие теории, едва лишь движение начало принимать там массовый характер.

Другое дело в Бельгии. Здесь Интернационал имел дело с сырым, так сказать, историческим материалом. Общество распространилось здесь шире, чем где-либо, больший, чем где-либо, процент рабочего населения заявил о своем присоединении к Интернационалу. Уже в 1869 году в одном бассейне Шарлеруа образовалось до 42 секций. В Боринаже к обществу присоединилось до 30 000 углекопов. Про эти каменноугольные бассейны и про округ долины Ведры бельгийский отчет Базельскому конгрессу говорит, что здесь рабочее население целиком принадлежит Интернационалу. Не только рабочие, вошедшие в секции, но и не успевшие еще запастись членскими билетами, ждут его защиты и возлагают на него все надежды. Но задавленный ничем не сдерживаемой эксплуатацией, устраненный высоким избирательным цензом от всякого участия в политической жизни страны, в большинстве безграмотный бельгийский рабочий вступал массами в Интернационал, отдавался ему как готовой великой силе, появившейся для его спасения. Для парижанина, для интернационалиста Марселя или Брюсселя Международное общество представлялось орудием, при помощи которого он вместе с другими намеревался бороться и действовать. Для провинциальных, менее развитых, более задавленных рабочих, для углекопов в особенности, из которых состояло большинство бельгийской части Общества, Интернационал представлялся мессией, который выведет их на свет.

Придать движению то или иное определенное содержание, добиться при его помощи существенных результатов для рабочего класса, в Бельгии, больше чем где-либо, зависело от вожаков и пропагандистов Интернационала. Этими вожаками были, как мы знаем, прудонисты. Если их первоначальные планы переустройства экономических отно-

шений подверглись некоторым изменениям, то их политические воззрения остались совершенно нетронутыми. Необходимость участия рабочих в политической жизни страны отрицалась бельгийскими прудонистами самым решительным образом. Ими не было сделано также ни малейшей попытки воспользоваться движением, охватившим рабочий класс, для агитации за даровое и обязательное обучение и за фабричное законодательство, несмотря на рабочий день, достигавший в копях чудовищных размеров — 18 часов в сутки. «Надо предоставить государствам разлагаться, а не вливать в них новую жизнь улучшениями в законодательстве»,— говорят бельгийцы на Базельском конгрессе. Практически это равносильно правилу мютюэлистов: государство не должно ни во что вмешиваться. И бельгийское правительство, по всему вероятию, не прочь было согласиться с ними, но на деле в конституционной и либеральной Бельгии невозможна была даже та борьба посредством стачек за свои текущие интересы, которая велась в бонапартовской Франции. При каждой значительной стачке, а при крупном типе бельгийской промышленности каждая стачка превращалась в значительную, правительство посылало войска, массами арестовывало зачинщиков, штыками и пулями загоняло остальных на работу.

Весною 1869 года поводом к избиению рабочих послужила стачка на железном заводе Кокериль в Séraing *, распространившаяся и на обширные каменноугольные копи Боринажа. На этот раз рабочие не произвели никаких беспорядков и тем не менее посланные при первом известии о стачке войска усердно действовали штыками и пулями, производя бесчисленные аресты и отвечая убийствами на малейшее сопротивление. Изданный по поводу происшествий в Боринаже манифест Генерального Совета так объясняет эту воинственность бельгийского правительства:

«Ни в одной стране цивилизованного мира,— говорится в манифесте **,— не хватаются так жадно и радостно за стачку в качестве предлога для убийства рабочих как в Бельгии, образцовой стране конституционнейшего конституционализма, маленьком рае землевладельца и капиталиста... С первого взгляда трудно понять, зачем понадобились бельгийскому правительству эти избиения, зачем

* — Серене.

** *Testu.* L'Internationale [2] *(прим. В. Засулич).*

посылает оно войска в совершенно спокойные местности против людей, пользующихся своим законным правом? Для объяснения этого факта строились различные предположения... Дело в сущности очень просто: бельгийский капиталист питает безграничную любовь к свободе труда. Он всегда с негодованием отвергал фабричные законы, ограничивающие в более отсталых странах величину рабочего дня. Он хочет рабочего раболепного, униженного, ползающего перед всяким надсмотрщиком. В его глазах стачка — это богохульство, сигнал всеобщего разрушения. Отдайте теперь в руки этого дрожащего, жестокого от страха капиталиста всю государственную власть целиком, как это сделано в Бельгии, и вы перестанете удивляться, что штык и ружье правильно действуют здесь в качестве орудий для понижения заработной платы и повышения прибыли. И зачем существовала бы иначе бельгийская армия, которая в этой нейтральной стране величиною всего в 2500 квадратных лье значительнее армий Великобритании и Соединенных Штатов?»

Бельгийские прудонисты оставались глухи к этим урокам, преподаваемым самим правительством и сопровождаемым комментариями Генерального Совета.

Интернационал должен оставаться государством в государстве и не вмешиваться в политику, пока сила не будет на его стороне, говорит Гинс на Базельском конгрессе. Самое счастливое обстоятельство для Бельгии заключается, по его мнению, именно в том, что рабочий класс не может принимать здесь никакого участия в выборах. У сил, привлеченных Интернационалом в Бельгии, не оказывалось, таким образом, никакого практического применения, все ограничивалось одним фактом присоединения. Даже общества самообразования *, сыгравшие огромную роль в развитии рабочего движения в Германии, возможны были в Бельгии для самого ограниченного числа наилучше обставленных рабочих. Остальной безграмотной и задавленной массе случалось лишь изредка выслушать речь заезжего агитатора — и только.

Мы уже говорили, что, по нашему мнению, самый факт присоединения к Интернационалу имел для рабочих огромное значение. Но чтобы закрепить это значение, развить и упрочить вдруг охватившее рабочих сознание своей

* — просветительные рабочие общества.

солидарности со всей массой рабочего класса, необходима была практическая почва для ее проявлений, для упражнения рабочих в общей солидарной деятельности, необходимо было, повторяя слова Маркса, чтобы рабочие «не только чувствовали себя товарищами в борьбе, но и действовали как члены одной освободительной армии» [3].

Отсутствие всякой практической деятельности неизбежно должно было отозваться со временем на прочности создаваемой организации, но пока в 1869 году движение, охватившее бельгийских рабочих, привлекало в Интернационал все новых и новых членов.

Небольшие размеры страны, густо покрытой сетью железных дорог, дозволяли вначале вести все дело из Брюсселя. Но уже в конце 1868 года движение начало принимать такие размеры, что у членов Брюссельской секции не стало хватать физической возможности удовлетворять всем потребностям.

По их инициативе был созван национальный конгресс делегатов бельгийских секций, избравший центральный совет из семнадцати членов, на обязанности которого лежала пропаганда, внутренние и внешние сношения, а также издание журнала «Интернационал» *, выходившего с января 1869 года под редакцией Гинса.

Кроме этой национальной организации, представляемой центральным советом и национальными конгрессами, секции каждого промышленного округа соединялись еще в местные федерации, из которых две самые обширные — бассейна Шарлеруа и Боринажа — состояли почти исключительно из углекопов.

Со времени организации центрального совета образование новых секций велось систематически. Каждое воскресенье агитаторы отправлялись из Брюсселя в различные местности, заранее предупрежденные об их приезде. Собирали митинг, приезжий агитатор говорил речь, рассказывал об Интернационале, раздавал членские карты, и новая секция, иногда в несколько сот членов, была основана. И журналы (кроме «L'Internationale», обществу принадлежали: «Mirabeau» в Vervier ** и «Devoir» в Люттихе ***) разносили по всему миру вести об этих новых секциях.

---

* — «L'Internationale».
** — Вервье.
*** — Льеже.

[Гл.] XI
ШВЕЙЦАРИЯ. БАКУНИЗМ

Как французское рабочее движение переросло Толена, так и движение во французской Швейцарии давно уже переросло своего первого умственного представителя Куллери, все еще остававшегося редактором «Voix de l'Avenir», в котором доктор завел понемногу ожесточенную полемику с радикалами и нежную дружбу с консерваторами Шо-де-Фона.

В Женеве не было ничего подобного. Здесь Интернационал жил в дружбе с радикалами, которые после стачки [4] стали в высшей степени любезны с рабочими, особенно в виду приближавшихся выборов в Grand Conseil *, для которых они проектировали союз с Интернационалом против общего врага — консервативной партии, озлобившей рабочих своим поведением во время стачки. В такой же дружбе жил Интернационал с радикалами в Локле, где тоже было несколько секций. Поэтому и тут и там любезности Куллери по отношению к консерваторам вызвали сильное раздражение. Недовольны были многие и в самом Шо-де-Фоне, где издавался орган.

Меру терпения переполнила статья Куллери о «коммунистических, ведущих к деспотизму» и прочее и прочее решениях Брюссельского конгресса.

Женевская центральная секция ** обратилась в журнал с письмом, обвиняя редакцию в противоречии с принципами Интернационала, особенно резко выраженном в «неловкой статье, по поводу решений Брюссельского конгресса, написанной совершенно в духе узкой буржуазной политики».

Куллери вместе с письмом напечатал и свой ответ на него: «Я всегда проповедовал в журнале то же самое, что сказал по поводу Брюссельского конгресса. Я никогда не был сторонником коллективного землевладения. Прочтите все, что я писал в моей жизни, и вы увидите, что у меня нет иных статей, кроме «неловких и совершенно в духе узкой буржуазной политики»».

Куллери был прав: изменился не он — изменились читатели. Часть их в это время начала подпадать другому, совершенно противоположному влиянию.

* — Большой Совет.
** — Центральный комитет секций Романской Швейцарии.

Куллери отказался от редакторства и вместо «Voix de l'Avenir» решено было создать новый журнал «Égalité» — официальный орган Романской федерации, в которую соединились, по примеру Бельгии, все секции французской Швейцарии. И программа журнала, и статуты федерации составлены были при содействии Бакунина, поселившегося в Женеве и устраивавшего там свой Союз Социалистической Демократии *, ядро которого составляло меньшинство, отделившееся от Лиги мира и свободы на втором, Бернском, конгрессе этого общества [5].

Мы видели, с каким сочувствием было встречено основание Лиги большинством собравшихся в Лозанне ** представителей Интернационала. Но первый же конгресс этого союза буржуазной демократии вполне оправдал недоверие Генерального Совета к его намерению бороться с действительными причинами войны. Это была очень и очень разнородная компания, «связанная», по выражению Филиппа Беккера ***, «лишь гумиластиком идеи мира». На конгрессе Лиги было произнесено много прекрасных речей «о мире», о братстве народов, встреченных всеобщим одобрением. Воспевалась также и «свобода вообще», но уже ближайшее определение последнего понятия вызывало некоторые опасения. Заседавший в комитете Лиги Де Молинари, например, настаивал на том, что друзья мира существуют и между монархистами, а потому не следует слишком выдвигать идеи республики. С социальным вопросом дело обстояло еще хуже ****. Рядом с членами Интернационала здесь заседали экономисты, старательно подчеркивающие полную несогласимость социализма с истинами, провозглашаемыми их наукой. Здесь заседал между прочими профессор Дамет, помещавший в это время, по заказу редакции «Journal de Genève», ряд статей, где объяснял рабочим *****, какое преступление против истин политической экономии совершают они, устраивая стачки и пытаясь таким образом нарушить «естествен-

---

* — Альянс социалистической демократии.

** — на конгрессе Интернационала в сентябре 1867 г.

*** «Der Vorbote». Октябрьский номер за 1867 г. *(прим. В. Засулич).*

**** Далее следуют зачеркнутые слова: «какое бы то ни было общее мнение в среде Лиги было окончательно немыслимо».

***** Далее следуют зачеркнутые слова: «которые, впрочем, «Journal de Genève» не читали».

ный закон» спроса и предложения, которым определяется величина заработной платы *.

Мы знаем, правда, что радикальная буржуазия Лиги обещала свое содействие освобождению пролетариата. Но, очевидно, большинство конгресса понимало под этим освобождением совсем не то, что понимали рабочие. По крайней мере, каждое упоминание в речах Лонге, Де Папа и других членов Интернационала о господстве капитала и борьбе против этого господства, встречалось, по заявлению присутствовавшего на конгрессе Беккера **, протестами, топотом ног и проч.

Наилучшее впечатление на членов Интернационала произвел на этом конгрессе Бакунин со своей теорией разрушения государства и свободной федерации общин. Эти взгляды не внушили, очевидно, на первый раз никаких опасений также и буржуазному большинству, избравшему его в постоянный комитет, обязанный вести все предприятия Лиги в промежутках между конгрессами.

Со свойственной ему энергией Бакунин стал душою этого комитета. Но дела Лиги шли плохо, члены относились к ней равнодушно, сборы не поступали. Ее орган «Соединенные штаты Европы» *** вызвал всеобщее разочарование. Он оказался слишком бесцветным, робким и уклончивым, чтобы приобрести какое-нибудь влияние. Бакунин видел, что ничего не выйдет из Лиги, что ею никто серьезно не интересуется. А Интернационал между тем быстро рос и казалось, не будет пределов этому росту, пока не охватит он всего мира. Бакунин надумал поднять дело буржуазной Лиги, тесно связавши ее с этой рабочей организацией. Чтобы убедить членов Лиги в необходимости такого соединения, он разослал им циркуляр, где доказывал, что Лига останется бессильной, если не противопоставить союзу правительств союз народов,— не сделается по-

---

* В первой редакции далее следует: «Наиболее сочувственную, обращенную прямо к рабочим речь сказал на конгрессе Лиги Густав Шоде. «Несомненно,— говорил он,— общество в высшей степени заинтересовано в том, чтобы рабочие шли вместе с ним. Без помощи рабочих нельзя ничего основать. Чего большего можете вы требовать от нас, кроме интереса к вашим делам и помощи в достижении экономических реформ, без которых ничего нельзя организовать?»

** «Vorbote» *(прим. В. Засулич).*

*** — «Les États-Unis d'Europe».

литической руководительницей миллионов рабочих. «Чтобы сделаться реальной и спасительной силой,— говорит циркуляр,— наша Лига должна стать чисто политической выразительницей экономических и социальных интересов и принципов, с таким успехом развиваемых и пропагандируемых теперь великим Международным обществом рабочих». В качестве первого шага для достижения этой цели от комитета Лиги было отправлено составленное Бакуниным обращение к собравшимся в Брюсселе представителям Интернационала, заканчивающееся следующим воззванием: «Вперед, друзья! и все вместе разобьем преграды, воздвигнутые предрассудками и несправедливыми учреждениями между различными частями социального тела, так же точно, как и преграды, воздвигнутые ненавистью, во имя которой сталкиваются друг с другом народы, созданные для взаимной любви и уважения».

Но Интернационал давно уже разочаровался в Лиге, и никто на конгрессе не имел желания «разбивать с нею вместе» что бы то ни было; поэтому в ответ на ее любезности Брюссельский конгресс принял следующее решение: «Конгресс Международного общества рабочих полагает, что существование Лиги мира и свободы не имеет достаточных оснований ввиду деятельности Интернационала, и приглашает поэтому Лигу присоединиться к нему, а ее членов вступить в секции Интернационала».

Собрался второй, Бернский, конгресс Лиги мира и свободы.

Бакунин, очевидно решивший порвать с нею, внес от имени меньшинства проект резолюции по социальному вопросу, требующий «установления экономического и социального равенства классов и индивидуумов». Отвечая на вызванное этим проектом обвинение в коммунизме, он заявил, что ненавидит коммунизм, стремящийся концентрировать все силы общества в государстве, и желает, наоборот, совершенного уничтожения как государства, так и права наследования, являющегося постоянным источником всех общественных неравенств.

Как и следовало ожидать, конгресс отверг огромным большинством предложенную резолюцию. Меньшинство вышло из Лиги и составило новое общество: «Союз социалистической демократии». Это общество объявило себя ветвью рабочего Интернационала, но со своей особой международной организацией, с отдельными конгрессами,

с местными комитетами, особым центром в Женеве и со своею отдельной программой, провозглашающей атеизм, уравнение классов и индивидуумов обоего пола, уничтожение государства и отмену права наследования и отвергающей «всякую политическую деятельность, не имеющую своей прямой и непосредственной целью торжество рабочих над капиталом»[6].

Кроме этой опубликованной программы и гласной организации, этот союз имел еще другую программу и организацию, остававшуюся пока тайной не только для Интернационала, но даже для многих явных членов союза.

В первые месяцы своей деятельности Бакунин имел в Женеве большой успех. Популярный писатель, талантливый оратор, производивший, по всеобщим отзывам, чрезвычайно импонирующее впечатление при личном знакомстве, он, несомненно, не мог иметь в этом городе ни одного соперника. Новый журнал «Égalité» сразу попал в его полное распоряжение и наполнялся его статьями. Его союз быстро навербовал до 100 членов, бывших в большинстве случаев также членами различных секций Интернационала. На заседаниях этого Альянса выбирались и обсуждались, под руководством Бакунина, все темы, развиваемые затем на общих собраниях женевского Интернационала.

Одним из первых проявлений влияния Бакунина была посылка сочиненного им адреса к испанским рабочим (в сентябре 68 года в Испании произошла революция), где от имени Женевской центральной секции, за подписью ее секретаря и президента, он излагал свои взгляды, выдавая их за принципы всего Интернационала.

В этом адресе встречаем и любимую фразу Бакунина об «уравнении классов и индивидуумов», которое должно начаться с уничтожения права наследования и отрицания всякой политической деятельности, не имеющей своей прямой и непосредственной целью всемирное равенство; и определение государства как «макиавеллистической комбинации, все основание и вся цель которой заключается в сохранении наследственной собственности». «Такова цель, таковы принципы Международной ассоциации рабочих»,— добавляет Бакунин к этому изложению своей собственной программы. «Уничтожайте все, что вам противится,— заканчивает он воззвание,— все, что мешает народному пра-

восудию, уничтожайте вещи еще более, чем людей, и пусть ваша революция послужит сигналом освобождения всех угнетенных в мире» *. Подписавшие адрес рабочие ** — представители женевской «фабрики» [8], люди вовсе уж не такие революционные, были в восторге от этого произведения, и секретарь секции Перре искренне сознавался, что сам ни в каком случае не сумел бы написать «de si belles choses» [столь прекрасные вещи] ***. Новое оживление, охватившее Женеву зимою 1868—69 г., распространилось также и на секции в Юрских горах. Выйдя из-под благочестивого влияния Куллери, Локль, Шо-де-Фон и Куртелари сразу попали в руки Бакунина. Там нашел он своих самых верных, самых горячих последователей, как учитель Гильом, Швицгебель и другие. Под их влиянием секции этих городков все более и более проникались резкой революционностью программы Бакунина, тогда как в Женеве, наоборот, за первым восторгом скоро последовало охлаждение.

Вначале женевские члены Интернационала восхищались и программой нового Союза, и воззванием к испанским братьям, и всеми речами Бакунина просто как «прекрасными вещами», не доискиваясь в них определенного смысла, не вдумываясь в вытекающие из них обязательства. Но, как только эти «прекрасные вещи» начали влиять на текущую жизнь женевского Интернационала, как только стали выясняться предъявляемые во имя их требования, рабочие женевской «фабрики» тотчас поняли, что программа Бакунина не может быть их программой. Начать с того, что отрицание всякой политической деятельности, не имеющей своей прямой и непосредственной целью всемирное равенство, оказалось требованием: отказаться от всякого участия в выборах, а женевцы — члены Интернационала именно задумали выставить своим кандидатом при выборах в «Государственный совет» рабочего Гроследа. Затем во имя «равенства», усердно проповедуемого Бакунинским союзом, против рабочих «фабрики» начинаются обвинения: они буржуа, они слишком хорошо

---

* Mémoire de la Fédération Jurassienne [7], стр. 45 *(прим. В. Засулич)*.

** Далее следуют зачеркнутые фамилии — Гроссе (ошибочно: должно быть Броссе) и Перре.

*** Mémoire de la Fédération Jurassienne, стр. 47 *(прим. В. Засулич)*.

живут и одеваются, у них богатые кассы, к распоряжению которыми следовало бы допустить также рабочих «постройки» [9]; они, в сущности, патриоты: любят свою Швейцарию и дорожат женевской конституцией. Но главнейшим, самым непростительным грехом «фабрики» в глазах Бакунина и его последователей оставалось все-таки ее пристрастие к выборам, от которого она не хотела отказаться, несмотря ни на какие доказательства полнейшей нереволюционности и буржуазности такого участия в политике. К этому греху рабочие «постройки» были непричастны: они не имели прав гражданства в Женеве и не были избирателями. Со стороны Альянса начинаются постоянные публичные противопоставления «фабрики» и «постройки», причем последней отдаются все преимущества. Уже по самому своему положению рабочие «постройки» и социалистичнее, и революционнее рабочих «фабрики» *. Она скорее склонна была гордиться своей сравнительной культурностью, искусством, доставлявшим ей большой заработок, своими политическими правами, и никакая проповедь не могла побудить ее отказаться от всего этого. Она усердно помогала своим обделенным собратьям добиваться более высокой заработной платы, лучших условий существования **, и до появления Бакунина Интернационал не требовал от нее ничего другого. Этот долг рабочей солидарности они выполнили с прежней энергией и в марте 1869 г., когда рабочим «постройки» пришлось прибегнуть к новой стачке, вследствие отказа хозяев выполнять заключенное условие. На этот раз буржуазия еще усерднее, чем в прошлом году, добивалась от правительства чрезвычайных мер против Интернационала, без которого ей так легко было управляться со своими бессильными, бесправными рабочими. Рядом с газетной агитацией предпринимались и другие меры, чтобы заставить правительство действовать против стачечников. Под предлогом защиты собственности, на которую никто не нападал, буржуазная молодежь, вооружась револьверами, целыми

---

* В первой редакции далее следует: «А эта последняя не могла допустить и мысли о том, чтобы оборванные, безграмотные итальянцы и савояры «постройки» могли служить образцом для подражания, чтобы во имя чего бы то ни было ей следовало понизить свои потребности до уровня этих чернорабочих».

** Далее следуют зачеркнутые слова: «готова была и впредь их поддерживать в борьбе с хозяевами».

отрядами расхаживала по улицам, задирая рабочих, с целью вызвать беспорядки, которые вынудили бы правительство выйти из его нейтрального положения. Довести рабочих до беспорядков не удалось, но удалось зато до смерти перепугать грозящими собственности опасностями кафетьеров и лавочников, и предприниматели воспользовались этим испугом для созыва «народного собрания», на котором была принята петиция правительству с требованием энергичной защиты отечественной промышленности против иностранных агитаторов. Рабочие Женевы созвали со своей стороны более многочисленное собрание, на котором Грослен, любимый оратор «фабрики» и ее предполагаемый кандидат в «Государственный совет», в длинной речи прекрасно доказал полную законность поведения рабочих и постоянные попытки буржуазии нарушить Женевскую конституцию. Такая именно речь была, конечно, самой подходящей при данных обстоятельствах, самой вредной для той цели, которую преследовали предприниматели. И она оказала свое действие, хозяева сдались и снова уступили по всем пунктам. Но Бакунин и его ближайшие последователи были недовольны речью Грослена, как «проникнутой духом шовинистского патриотизма и пошлой законности» *.

Пред буржуазией Интернационал в Женеве являлся еще единодушным и сильным, но внутри его уже начиналась борьба, окончившаяся лишь распадением всей международной организации.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что пришлые, чернорабочие элементы, из которых состояла «постройка», могли одерживать победы над предпринимателями лишь благодаря энергичной поддержке со стороны женевских граждан-избирателей, из которых состояла «фабрика». Без ее участия правительство давно уступило бы требованиям предпринимателей и принялось бы за очистку Женевы от «иностранных агитаторов». То же самое произошло бы и в том случае, если бы «фабрика», поддавшись доводам Альянса, совершенно слилась с «постройкой», отбросила бы пошлый легализм, перестала бы пользоваться своими политическими правами и устранилась от участия в выборах. Ее устранение дало бы перевес консервативной пар-

---

* Mémoire de la Fédération Jurassienne, стр. 46 *(прим. В. Засулич).*

тии, которой тогда не нужно было бы никаких петиций, чтобы покончить с Интернационалом в Женеве *.

Чем же руководствовался Бакунин, начиная против «фабрики» свою борьбу, успех которой, выразился ли бы он в устранении противника или в подчинении его предъявляемым требованиям, не мог в обоих случаях не нанести большого вреда рабочему движению, успевшему уже, до появления Бакунина, во всех наиболее развитых странах Европы слиться с делом Интернационала?

Чтобы выяснить себе как этот вопрос, так и дальнейшее поведение Бакунина по отношению к Интернационалу, нам придется коснуться его планов и предприятий, в сущности чуждых и, в 1869 г., совершенно неизвестных Интернационалу, придется также поближе присмотреться ко взглядам Бакунина на цели и условия рабочего движения, высказанным во время его деятельности в Интернационале, но не в изданиях этого общества, не для пропаганды в его среде.

Сам Бакунин называл себя анархистом и последователем Прудона, вернее выражающим взгляды учителя, чем мютюэлисты, с которыми ему пришлось столкнуться уже на Бернском конгрессе Лиги. Но если можно сомневаться, согласился ли бы Прудон признать своей программой мютюэлизм в смысле Толена, то уж без всякого сомнения можно утверждать, что он отрекся бы от анархии в смысле Бакунина. Прудон говорил об анархии, но по его определению ** к этой области относятся все частные действия, не предписанные государственной властью и совершаемые по личной инициативе индивидуумов. Эта область постоянно расширяется и со временем должна, по мнению Прудона, охватить все стороны человеческой деятельности, причем государство превратится в простую федерацию связанных контрактами групп и индивидуумов. Но и для Прудона, и по программе мютюэлистов это «уничтожение государства» могло наступить лишь с установлением гармонии экономических отношений, достигнутой целым рядом реформ в сфере обмена, кредита и прочее (причем, однако, право

---

* В первой редакции далее следует: «А между тем Женева и вообще Швейцария имела большое значение для Интернационала, не по числу участвующих в движении рабочих, а по той полной свободе, которой он здесь пользовался, и по своему центральному положению в Европе, очень удобному для созыва конгрессов».

** — Du principe fédératif, стр. 231 [10] *(прим. В. Засулич)*.

наследования оставалось неприкосновенным). Анархия являлась для них конечным результатом, последней ступенью совершившегося переустройства экономических отношений. Для Бакунина, наоборот, его «уравнение классов и индивидуумов» должно было начаться прямо с «уничтожения государства», которое являлось в его глазах единственной причиной неравенства между людьми.

По мнению Бакунина, государство есть не более не менее как заговор ничтожной кучки эксплуататоров против бессознательной, стихийной массы эксплуатируемых. Бакунин не раз возвращался к этой мысли. «Все государства,— говорил он *,— настоящие и прошедшие, имели непременным и главным началом заговор **».

Невежество народа и распространение «злоумышленных религиозных учений» помогало, конечно, порабощению. «Но для того, чтобы глупость была эксплуатируема, непременно нужно, чтобы нашлись эксплуататоры, которые, сговорившись между собою, и создают государство». Начинаясь с заговора, никакое государство не может также и продолжать существовать без постоянного заговора.

По временам рядом с этими правительственными заговорами возникали другие, составляемые недовольными людьми из той же привилегированной среды. Они привлекали на свою сторону народные массы, свергали существующее правительство, ставили на его место свое, но для народа от этой замены не происходило ничего доброго.

Сами народные массы слишком невежественны, чтобы сговариваться, и, по мнению Бакунина, это невежество неустранимо, народ обречен на него своим положением. Но, с другой стороны, народ вовсе и не нуждается в просвещении. «У него есть настольная книга, по которой он учится беспрерывно, это: горький опыт, нужда, притеснения, грабеж... вся история записана на его шкуре». По своим инстинктам он стоит гораздо выше тех просвещенных друзей народа, которые вздумали бы учить его. «Всякий народ и всякий чернорабочий человек из народа — социалист по своему положению». Он также и революционер, в его душе таится «великая страсть к разрушению».

Нужно не учить народ, а суметь вызвать к жизни его инстинкты, разбудить его страсти. «Мы понимаем рево-

* — «Наука и насущное революционное дело». 1870 г., стр. 8 *(прим. В. Засулич)*.

** У Бакунина: «сговор».

люцию,— говорится в сочиненной Бакуниным программе тайного Альянса *,— в смысле разнуздания (déchaînement) того, что называют теперь дурными страстями, и разрушения того, что на том же языке называется общественным порядком...». «Так понимаемая нами революция должна с первого же дня разрушить государство и все государственные учреждения. Естественным и неизбежным следствием этого разрушения будет: банкротство государства, прекращение гарантируемой им уплаты частных долгов.., сожжение и уничтожение всяких документов на владение, актов наследования и покупки, всех процессов — всех юридических и гражданских бумаг, одним словом. Везде и повсюду революционный акт ** займет место прав, созданных и гарантированных государством...».

«Предоставьте полный простор природным инстинктам крестьян,— говорит Бакунин в брошюре «Lettres à un français»,— и знаете ли что из этого выйдет? *** Крестьянин пожелает иметь *всю* землю... Он воспользуется случаем, чтобы захватить земли дворянства и буржуазии. Но, скажут нам, раз крестьянин захватит не принадлежащие ему теперь земли, не получит ли через это принцип частной собственности лишнего подкрепления?..»

«Нисколько»,— отвечает Бакунин на предложенный им вопрос. «Раз уничтожено государство, собственность не имеет уже юридической и политической санкции, она не гарантирована. Она перестает быть правом и сводится к положению простого факта».

«Но это будет междоусобная война, говорите вы. Всякий захочет овладеть чужой собственностью, ничем не гарантируемой, защищаемой лишь личной энергией собственников. Это будет постоянный грабеж».

«Конечно, дела вначале пойдут не совсем мирно и не обойдется без борьбы. *Общественный порядок*, этот ковчег завета буржуазии, будет разрушен... Не бойтесь, однако, что произойдет всеобщее взаимное поедание.., необходимость продолжать производство, гарантировать свои дома и семьи от внезапных нападений заставит их прийти к взаимному соглашению... Нечего опасаться также, чтобы

---

* Alliance de la Démocratie Socialiste. Rapport publié par l'ordre du congrès de la Haye, стр. 129—130 [11] *(прим. В. Засулич)*.

** В оригинале ошибочно: «факт».

*** — Цитировано в брошюре Бакунина же «L'Empire knuto-germanique», стр. 44—45 *(прим. В. Засулич)*.

в этих вновь организующихся обществах наиболее богатые опять приобрели преобладающее значение. Богатство, не гарантированное юридическими учреждениями, теряет свою силу... Я не предполагаю, чтобы эти организованные снизу вверх общества сразу создали идеальную организацию... Общины окажутся в различных положениях, на различных ступенях развития... Но это будет нечто живое и как таковое в 1000 раз лучше существующего».

В цитированной брошюре речь идет главным образом о крестьянах, но и в городах, конечно, дела должны пойти по тому же типу, и здесь богатства конфискуются не государством — оно будет уничтожено,— а местными бедняками, страсти которых разожгутся видом этих богатств, не охраняемых более государством.

Повсюду и в деревнях, и в городах «народная революция создаст свою организацию снизу вверх, от периферии к центру *, а не сверху вниз, не от центра к периферии по способу всех авторитетов, как бы они ни назывались...»

«Новая организация снизу вверх исключает всякую идею диктатуры, но для торжества революции над реакцией необходимо,— говорит программа тайного Альянса,— чтобы среди народной анархии, составляющей самую жизнь и всю энергию революции, единство революционной мысли и действия имело свой орган. Таким органом должна явиться тайная и всемирная ассоциация интернациональных братьев...» (высшая ступень тайного иерархически организованного Альянса). «Все, что может сделать хорошо организованное тайное общество **, это, во-первых, помочь рождению революции, распространяя в народных массах идеи, соответствующие инстинктам самих масс, и, во-вторых, оно может организовать не армию революции — армией должен быть сам народ,— а нечто вроде генерального штаба революции, состоящего из энергичных, преданных, искренних и не честолюбивых друзей народа, способных служить посредниками между революционной идеей и народными инстинктами. Число этих личностей не должно быть велико. Для революционной организации самой большой страны достаточно 200—300 человек. Для международной организации всей Европы (кроме нацио-

---

* — Программа тайного Альянса. Alliance de la Démocratie Socialiste *(прим. В. Засулич)*.

** — Ibid., стр. 132 [12] *(прим. В. Засулич)*.

нальных организаций) нужно не более 100 серьезно организованных революционеров». Эти 100 интернациональных братьев должны были организовать в каждой стране общества «национальных братьев», тоже тайные, но не знающие о существовании руководящих ими интернациональных братьев. И все эти и интернациональные, и национальные братья должны были войти в состав явного Альянса, не подозревающего, в свою очередь, о существовании ни тех, ни других. Явный Альянс «растворялся», по проекту Бакунина, в Международном обществе рабочих, отличаясь от него лишь своею обязательной программой. Руководимый тайными братьями, он должен был революционизировать рабочий Интернационал и заменить его широкую, допускающую всевозможные оттенки мнений программу своей определенной архиреволюционной программой. Интернационалу предназначалась в этих проектах роль «народной массы», снабженной, по предположению, страстями и инстинктами, направлять которые должен будет «генеральный штаб интернациональных братьев».

Это тайное общество никогда не достигло тех размеров, того значения, о котором мечтал Бакунин. Оно действовало главным образом в тех странах, где секций Интернационала вовсе не существовало, как в Италии и России *, или где они были в слабом меньшинстве относительно секций Альянса, как в Испании. Для истории Интернационала Альянс имеет лишь значение проекта, поясняющего взгляды Бакунина на задачи и условия народной революции и повлиявшего на все его отношение к Международному обществу. Все задачи этого Общества, каким оно складывалось до появления Бакунина, все условия, наиболее благоприятные для его успешного развития, были прямо противоположны разнузданию страстей, о котором мечтал Бакунин, и наилучшим условиям для этого разнуздания. Вот как характеризует эти условия Бакунин, говоря об Италии в письме к испанскому альянсисту Франсиско Мора **: «Положение народа здесь совершенно революционное, то есть экономически безнадежное... До сих пор в Италии были революционные инстинкты, но недоставало организации. Теперь она устраивается, так что Италия ста-

---

* — Нечаевское дело [13] *(прим. В. Засулич)*.

** — L'Alliance de la Démocratie Socialiste [14] *(прим. В. Засулич)*.

новится рядом с Испанией наиболее революционною страною. В Италии есть то, чего недостает другим странам: горячая и энергическая молодежь без всякого определенного положения, без карьеры, без выхода, и которая, несмотря на свое буржуазное происхождение, не истощена нравственно как буржуазная молодежь других стран. Теперь она с головою бросается в революционный социализм со всей нашей программой, с программой Альянса».

Из подобной буржуазной молодежи действительно всего легче вырабатываются специалисты заговорщики. Безнадежное экономическое положение, голод и безработица — наилучшие условия для всяких нарушений порядка, для проявлений того, что «принято называть дурными страстями». Италия в этой краткой характеристике является действительно самой удобной страной для осуществления программы Альянса. Для открытой массовой организации пролетариата заговоры, наоборот, могли быть только вредны,— беспорядки по меньшей мере бесполезны. Интернационал, крайне революционный в широком смысле этого слова, вовсе не стремился к революционизированию рабочих масс в смысле Бакунина. Не на инстинкты толпы стремились действовать основатели Интернационала, а наоборот, одной из главных задач этой организации пролетариата было устранение всякой инстинктивности, стихийности и бессознательности в его движении и замена этих качеств, без которых немыслимо подчинение тайному руководству неведомых заговорщиков, уменьем и привычкой солидарно и сознательно преследовать общие цели. До тех пор число придавало рабочему классу силу лишь в моменты восстаний, когда их объединяли инстинкты и страсти, но отсутствие сознательности не давало воспользоваться победой. Интернационал стремился превратить «число» в постоянную сознательную силу, не нуждающуюся в постороннем руководстве, объединенную и умеющую преследовать свои цели, в силу, проявляющуюся не только в праздничные моменты баррикадной битвы, но в течение долгих исторических будней, когда люди работают, борются более мирными средствами за условия своего повседневного существования, выбирают представителей в парламенты, учатся и обсуждают свое положение и прочее. При взглядах и планах Бакунина совершенно понятно, что ему прежде всего требовалось устранить из движения ремесленные организации, подобные

женевской «фабрике». Ни разбудить в них страстей, ни подчинить их своему руководству невозможно. В Интернационале, наоборот, они должны были иметь, и действительно имели, преобладающее значение, являясь по своей прочной организации, по своему политическому весу и материальным средствам естественными представительницами и защитницами своих хуже поставленных, бесправных и плохо организованных собратьев. Для Интернационала было в высшей степени важно добиваться силою организации всевозможных улучшений в текущем ежедневном существовании рабочих, начиная от повышения заработной платы и уменьшения часов труда до расширения политических прав рабочего класса. Для тайного Альянса все это было вредно, так как отдаляло наступление «революционного, то есть экономически безнадежного состояния», убаюкивало рабочий класс «буржуазными» правами, отвлекая от единого спасительного дела восстания.

Беспощадная борьба между этими двумя направлениями была неизбежна, действовать рядом они не могли.

Утвердившись во французской Швейцарии и заведя связи в Италии, Испании и на юге Франции, Альянс обратился к Генеральному Совету за признанием его существования как части Интернационала. К письму была приложена программа и статуты явного Альянса.

В конце декабря 1868 г. получился ответ Генерального Совета, где говорится, что организация Альянса, существующая одновременно и внутри, и вне Интернационала, имеющая свой отдельный центр, свои местные комитеты и отдельные конгрессы, была бы самым верным средством дезорганизовать Интернационал. Поэтому Генеральный Совет не признает Альянса ветвью Интернационала и объявляет все его постановления относительно отношений с этим последним недействительными [15].

Альянс не успел еще к этому времени настолько укрепиться в Интернационале, чтобы взбунтовать его против Генерального Совета и войти в организацию несмотря на его решение. С другой стороны, существование явного Альянса и вне общей организации в тех странах, где Интернационал был силен, не имело смысла, Альянс не смог бы навербовать значительное число членов. Прославленная популярная организация привлекала к себе все силы.

Бакунин тотчас же решил распустить явный Альянс. Простые секции Интернационала, существующие на

общих правах, но признающие программу Альянса, могли под тайным руководством «братьев» с таким же успехом революционизировать рабочие массы, как и Альянс.

В тех же странах, где Интернационал не имел своих секций, ничто не препятствовало заводить какие угодно организации.

Генеральному Совету было послано извещение, что Альянс готов прекратить свое существование в качестве интернациональной организации и закрыть свои комитеты, если Генеральный Совет допускает его принципы и согласится признать основанные им и признающие его программу секции за секции Интернационала.

В марте 1869 г., когда борьба между Альянсом и Интернационалом уже начиналась, но не успела еще выясниться, от Генерального Совета, не подозревавшего в это время о планах Бакунина и о существовании тайного заговора, пришел следующий ответ, о котором, вероятно, не раз пришлось ему пожалеть впоследствии.

«По первому параграфу наших статутов * Международное общество рабочих принимает в свою среду все рабочие общества, стремящиеся к одной с ним цели, а именно к взаимной поддержке, прогрессу и полной эмансипации рабочего класса».

«Секции рабочего класса находятся в различных странах, в различных условиях развития, и из этого неизбежно вытекают также и различия в их теоретических взглядах, отражающих на себе реальные условия существующего движения. Тем не менее, единство действия, установленное Международным обществом рабочих, обмен идей, облегченный органами различных национальных секций, наконец, непосредственные прения на общих конгрессах, несомненно, приведут мало-помалу к установлению общей теоретической программы в среде Интернационала».

«Критический анализ программы Альянса не входит поэтому в число функций Генерального Совета. Нам нет надобности рассматривать, представляет она или не представляет точного выражения движения пролетариата. Мы должны лишь узнать, не содержит ли она чего-либо противоречащего *общей тенденции* нашего Общества, то есть полной эмансипации рабочего класса».

---

* — Mémoire de la Fédération Jurassienne, стр. 52—53 *(прим. В. Засулич).*

«С этой точки зрения Генеральный Совет находит неудовлетворительной лишь фразу программы об «уравнении классов»». Называя это уравнение логической бессмыслицей, неосуществимой на практике, Генеральный Совет замечает, что в буквальном смысле слова под уравнением классов можно подразумевать лишь гармонию между трудом и капиталом, так навязчиво проповедываемую буржуазными социалистами... Не уравнение, а уничтожение классов составляет великую цель движения пролетариата и Международной Ассоциации Рабочих. Но предполагая, что означенная фраза составляет лишь простую описку * (erreur de plume) и Альянс пожелает ее вычеркнуть, Генеральный Совет не видит других препятствий для обращения секций этого общества в секции Интернационала [16].

Слово «уравнение» было заменено в программе Альянса словом «уничтожение», его секции объявлены секциями Интернационала и обо всем этом послано извещение Генеральному Совету.

Распущение Альянса нисколько не повлияло на положение дел в Женеве. Женевская секция Альянса, вошедши в Интернационал, продолжала агитировать против участия в выборах. Каждый номер «Эгалите», все исключительнее развивавший программу Бакунина, вызывал все большее и большее недовольство со стороны женевских

---

* В краткой программе явного Альянса фразу об уравнении можно действительно принять за простую описку, но мы знаем, что эта фраза встречается и в речах Бакунина на конгрессе Лиги мира, и в письме к испанским братьям, и во всех его писаньях этого времени. Да и на самом деле революция в представлении Бакунина уничтожает не классы, а лишь государство, гарантирующее права и имущество частных лиц. Затем уже начинается более или менее долгий процесс уравнения имущих классов с неимущими посредством конфискаций местными бедняками имущества местных богачей, «защищаемого лишь личной энергией собственников». Наиболее энергичные из бедняков могут в течение этого процесса превратиться в имущих («общины окажутся в различных положениях»), но, конечно, ненадолго, лишь до новой конфискации. Нам обещают, что этот процесс завершится «организацией снизу вверх, от периферии к центру». Но какова будет эта организация, неизвестно, так как вполне зависит от «инстинктов» народа, несомненно социалистических, но в сущности неведомых. Для Бакунина несомненно лишь то, что в этой организации не должно быть государства, авторитета, и без него богатство там не будет правом, а лишь простым фактом, подлежащим уравнению. Не более ясности в представлениях о будущем строе остается и до сих пор у анархистов — последователей Бакунина *(прим. В. Засулич)*.

секций. Не только «фабрика», но и «постройка», несмотря на расточаемые ей похвалы, протестует в лице комитетов секций против ведения журнала. Дело доходит до того, что комитет Романской федерации отказывает секции Альянса в приеме ее в свою среду и ждет только случая отнять редакцию журнала у сторонников Бакунина.

К осени 1869 года между женевскими секциями и приверженцами Бакунина образуется непроходимая пропасть, но последние в эту пору еще не распространяли свою вражду на Генеральный Совет, не замечали противоположности между его направлением и своими тенденциями. Они думают, наоборот, найти в нем союзника. Члены Генерального Совета — социалисты и революционеры, и следовательно они будут на нашей стороне и выскажутся против «фабрики», которая ни то, ни другое, полагали новообращенные анархисты. Авторы «Mémoire de la Fédération Jurassienne» рассказывают *, что в это время они мечтали о синтезе, в котором идеи Маркса и Прудона слились бы в одно целое, и по их уверениям не убедились в полной невозможности такого синтеза даже на Базельском конгрессе, где члены Генерального Совета в первый раз открыто настаивают на своих коммунистических воззрениях.

[Гл. XII
ФРАНЦИЯ
ПОСЛЕ БРЮССЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА]

Конец 1868 года был моментом перелома в истории Второй империи. До тех пор открытая республиканская оппозиция правительству вся сосредоточивалась в маленькой парламентской группе, предводительствуемой Жюлем Фавром. Некоторые из членов этой группы были министрами республики в 1848 г., другие членами ее Исполнительной комиссии, и все принадлежали к умеренной буржуазно-республиканской партии, победившей в июне того же года рабочую демократию и удалившей в изгнание всех недостаточно умеренных деятелей республики. Не им пришлось тогда воспользоваться плодами своей победы, совершенной во имя порядка, собственности, семьи и пр. Избранник деревень Бонапарт скоро и их самих удалил от

* — стр. 82 *(прим. В. Засулич)*.

всех дел во имя тех же «прекрасных» вещей и уничтожил республику. Защищать ее было некому. Рабочие были слишком недавно избиты, все недостаточно умеренные деятели республиканской партии были в ссылке или изгнании, а умеренные республиканцы были людьми слишком благовоспитанными, чтобы защищать ее грубой силой. Они протестовали на легальной почве, с точностью указали, какие именно параграфы конституции нарушены государственным переворотом. Большинство выдающихся республиканцев 48 г. не присоединилось к империи. С их известными именами тесно связано имя республики, и их кандидатуры при выборах могли, несмотря на запрещение всяких речей и собраний, служить молчаливой республиканской манифестацией. Уже в 57 г. в Париже были выбраны 5 республиканцев. В 63 г. они получили большинство голосов в этом городе и вместе с несколькими депутатами провинции составили республиканскую группу из 17 членов. Но пока империя оставалась круто реакционной, выборы были единственным гласным публичным проявлением существования республиканской партии во Франции *. Раз попавши в палату и принеся присягу на верность императору, республиканцам приходилось оставаться таковыми лишь в глубине души. Не только всякие республиканские заявления, а даже простое обсуждение конституции было запрещено, а они были слишком почтенными людьми, чтобы делать что-нибудь запрещенное. Все проявления своей оппозиционности они поневоле ограничивали критикой каких-нибудь из ряда вон выходящих злоупотреблений при выборах да заявлениями пожеланий некоторых либеральных мер со стороны правительства, причем и для этих заявлений надо было еще поджидать подходящего случая. Инициатива проектов законов принадлежала не палате, а министрам, и даже дополнения и поправки к этим проектам не обсуждались палатой, а сдавались комиссиям, которые или отвергали их безусловно, или отсылали министру. Все заявления и предложения первой всегда оставались при этом в ничтожнейшем меньшинстве. Их изящные речи (Жюль Фавр считался одним из лучших ораторов Франции) не получали и широкого распространения посредст-

* Далее следуют зачеркнутые слова: «и маленькая парламентская группа республиканцев могла казаться представительницей всех свободных элементов страны».

вом печати. Газеты не имели права делать из официального отчета о парламентских прениях никаких извлечений, не могли перепечатывать из него отдельных речей, а лишь весь отчет за целое заседание, что слишком загромождало их столбцы. 2—3 органа той же политической окраски, как и парламентская оппозиция, были еще бессильнее ее самой. Они возникали лишь с специального дозволения администрации и запрещались административным порядком.

Словом, со стороны республиканской оппозиции империя казалась обеспеченной, демократическая часть ее — рабочий класс молчал, а буржуазная партия говорила ровно настолько, насколько дозволяло правительство. Даже тайные общества и заговоры совсем перестали беспокоить его, так как всегда оказывались известными полиции задолго до их открытия и открывались в какой-нибудь (самый удобный для правительства) момент. Гораздо больше беспокойства причиняли в эту пору его чересчур требовательные союзники ультрамонтане, они заставляли его вечно стоять на страже папской власти, забрали в свои руки все школы, не допуская со стороны министерства никаких преобразований. Они ничуть не стеснялись выходить и за пределы легальности, распространяя вопреки запрещению правительства неприятные ему папские послания.

Они всегда имели против него наготове нешуточную угрозу отказа в поддержке официальным кандидатам при выборах *.

---

* В первой редакции дается более подробный анализ: «Гораздо больше беспокойства причиняли в эту пору правительству его чересчур требовательные союзники ультрамонтане. Они вынудили у правительства 2-ю Римскую экспедицию. Они самым решительным образом заявляли свою волю при малейшей попытке правительства им перечить и ничуть не стеснялись выходить за пределы легальности, распространяя, несмотря на запрещение правительства, папские послания. Имея в своих руках все школы, они упорно противились всякому улучшению в системе образования и не допускали никаких светских школ для девочек, кроме первоначальных. Понемногу они так разлакомились, что поднимали агитацию за изъятие из библиотек и кабинетов для чтений целой массы очень распространенных книг, в том числе Жорж Санд и даже Бальзака. Они имели наготове очень серьезную угрозу, которой не могло не бояться правительство, ненавидимое либеральной буржуазией и городскими рабочими, отнять при выборах свою поддержку у официальных кандидатов. Эта угроза была очень серьезна. Во многих местностях влияние духовенства пересилило бы влияние префектов. Да при серьезной распре с духовенством

Император давно уж подумывал о либеральных реформах, которые примирили бы с династией города, спокойные, по-видимому, но не забывшие республики. Некоторые из его ближайших сподвижников, Флери, например, с самого начала не считали возможным продолжительное личное правление во Франции.

Уже с начала 60-х гг. император начал подготовлять исподтишка партию либеральных бонапартистов и уловил в свои сети одного из членов республиканской парламентской группы Эмиля Оливье, избранного Парижем в качестве крайнего республиканца. Внешние неудачи 66—67 гг., начинающиеся болезнью императора, все возрастающая трудность заменять верными и способными людьми выбывающих из рядов сподвижников государя, перевороты, все это вместе заставляло императора поспешить с либеральными мерами. Между левой республиканской и огромным большинством, скорее склонным противиться, если бы смели, всяким либеральным начинаниям, в палате образовалась третья партия, часто вотировавшая вместе с левой, высказывавшая тоже либеральные пожелания, также воевавшая с реакционными ораторами крайней правой, но прибавлявшая ко всему этому выражения преданности императору и династии. Их предводитель Эмиль Оливье принял тактику беспрестанно упоминать о либерализме императора, который непременно и очень скоро даст Франции вполне парламентские учреждения и уже давно сделал бы это, если бы не реакционные советники, как Руэ, на которого он особенно нападал.

В 1868 году подсказанные императором пророчества Оливье начинают сбываться. Палата вотировала внесенные министром законы, из которых один разрешал публичные собрания, а другой отменял необходимость разрешения для основания периодических изданий и отдавал преступления печати суду исправительной полиции, которую журналисты все же предпочитали простому молчаливому произволу

слишком поредели бы и ряды самих преданных префектов и приличных кандидатов, так как легитимисты, из которых вербовались они в значительной мере, могли стать на сторону духовенства.

Начинающаяся болезнь императора и опасение оставить наследника лишь при поддержке одних реакционных элементов, которые легко могли предпочесть ему Генриха V, и ряд внешних неудач 1866—7 гг. заставили правительство серьезно подумать о сближении с либеральными элементами».

администрации, хотя от таких судов и нельзя было ждать большого беспристрастия.

Эти два закона, первый в особенности, давали слово, давали место для проявления людям беднейших слоев населения, без положения и звания. Адвокаты, из которых обыкновенно вербуется политический генеральный штаб буржуазии, всегда имели процессы, на которых так или иначе могли упражнять свое красноречие. Журналисты либеральной буржуазии все же так или иначе могли развивать свои умеренные теории. Но демократия была осуждена на абсолютное молчание. Теперь могла заговорить и она. На публичных собраниях могли явиться ораторами рабочие, ремесленники. Возвращенные с долгой каторги и ссылки старые демократы и революционеры, как Делеклюз или Распайль, могли основать журналы, за которые, правда, снова попадали в тюрьму, но уже после, а не прежде, чем выскажутся. Словом, эти 2 закона дали возможность выступить на сцену партии побежденной в июне демократии, что скоро обеспокоило не одну империю, а теперь и республиканскую буржуазию. Но это сказалось не сразу, первые действия нового закона о печати понравились всем.

Одним из первых изданий, вышедших без предварительного дозволения, был «Фонарь» * Рошфора — маленькая еженедельно выходившая книжечка, целиком посвященная презрительным насмешкам и остроумным дерзостям по адресу императора и его министров. Обстоятельства, гораздо более чем таланты автора, создали для этого издания громадный, неслыханный успех. После 17-летней привычки слышать об императоре лишь условно почтительные речи или официальные восхваления, прямо противоположная резкая нота, брошенная Рошфором, приятно щекотала нервы, возбуждала, действовала электрически. Это предвидел редактор «Фонаря», беспринципный спекулятор, отлично уживавшийся и с империей, и со всеми другими режимами Вильмессан, дававший деньги на издание «Фонаря» и получавший от него барыши. Первые же номера разошлись нарасхват в 50 000 экземпляров.

Правительство попробовало было сперва не обращать внимания, и первые номера расходились свободно, но скоро не выдержало: «Фонарь» начали заарестовывать, а его автора предали суду. Он перебрался в Бельгию и оттуда про-

* — «La Lanterne».

должал наводнять Францию своими красными книжками. Перевозить и распространять их стало такою выгодною профессией, что никакие меры не могли остановить контрабанды.

«Фонарь» читался решительно во всех кругах — от рабочих до высшей буржуазии и даже придворных. Той же осенью 1868 г. вышла книга Тено о государственном перевороте [17], освежившая в памяти французов все подробности этого события.

В эти первые месяцы неполной, ничем не обеспеченной свободы, пользование которой было вдобавок опасно, так как ее границы были не обозначены, во всех оппозиционных кругах на вид проявлялось большое единодушие. Особенно рельефно выступило это минутное объединение самых разнородных элементов в подписке на памятник Бодену и в вызванном ею процессе [18]. Первыми открыли подписку «Réveil» Делеклюза, орган революционной демократии, и «Avenir National» — орган парламентской республиканской фракции, но когда редакторов этих органов отдали под суд, к подписке присоединилась самая умеренная буржуазия. Даже некоторые известные представители старых монархий публично выразили ей свое сочувствие. Особенное впечатление произвело сочувственное письмо старого легитимиста Берье, личного друга графа Шамбора. На процессе адвокаты и подсудимые заранее сговорились произнести вместо всякой защиты ряд обвинительных речей против государственного переворота. Адвокат Кремьё так и начал свою защиту: «Мы будем судить 2 декабря».

Наиболее удачной оказалась речь Гамбетты, до тех пор неизвестного адвоката, сразу приобретшего на этом процессе огромную популярность. В течение судебных прений к демонстрации, в которую превратился суд, неожиданно присоединился и сам председатель орлеанист Вивьен. В замечаниях, которые по требованию растерявшегося прокурора он делал защитникам, было заметно скорее желание подчеркнуть наиболее резкие места, чем помешать продолжению демонстрации: «Г-н защитник,— прерывает он, например, Гамбетту,— вы хотите выяснить, что люди, сделавшие государственный переворот, совершили большое преступление, но вы слишком горячитесь, разве нельзя этого сказать совершенно просто?» От таких замечаний, делаемых самым спокойным тоном, процесс только выигрывал в пикантности. Газеты разнесли эти речи в сотнях тысяч

экземпляров по Европе и Америке. Подсудимые были приговорены к нескольким месяцам тюрьмы и к штрафам, но самому серьезному наказанию все-таки подверглось правительство, с этих пор уже ни разу не осмелившееся затевать процессов, которые могли дать повод заговорить о государственном перевороте.

Не такое мгновенное и заметное, не такое общее для всех классов населения действие имели публичные собрания. Но для рабочего класса и мелкой буржуазии, для всего бедного населения Парижа они имели более серьезное значение. Здесь вырабатывалось общественное мнение демократии, здесь учились говорить, пробовали свои силы, сближались с толпой и приобретали некоторую известность ее молодые вожаки, выросшие вместе с поколением, которому до тех пор негде, не на чем было развиваться и проявляться. На этих собраниях, правда, присутствовал полицейский комиссар и было запрещено касаться политики, но при трудности отграничения ее от иных областей знания, даже и не для комиссара, оказывалось запрещенным в сущности лишь кричать «да здравствует республика» или бранить императора, причем под конец вечера и это удовольствие можно было доставить себе ценою простого распущения собрания *.

На май 1869 г. были назначены общие выборы в палату, к которым лихорадочно готовилось как правительство, так и республиканцы.

Если правительство видело, что данные им полусвободы, вместо того, чтобы примирить с ним городскую Францию, помогли, наоборот, тому, что эта часть нации сразу слишком хорошо припомнила 2 декабря 51 г., то с другой стороны, и либеральная буржуазия начала опасаться, не припомнили ли специально рабочие тоже кое-каких чисел 48 года, в настоящую минуту, когда ей приходилось рассчитывать на их голоса, не особенно для нее приятных.

При предыдущих выборах как 57, так и 63 г. кандидатуры в Париже ставились и проводились газетами республиканской партии, а рабочий класс, тогда еще спокойный, равнодушный и совершенно неорганизованный, не вмеши-

---

* В первой редакции далее следует: «За зиму 1869 года взволнованное состояние всех слоев Парижа и больших городов все росло и росло. Начиналась выборная агитация. И тут сразу обнаружилась пропасть между парламентско-республиканской партией и революционным Парижем».

вался активно в это дело, подавал голос за рекомендованных кандидатов и не особенно интересовался вопросом, тот или другой республиканец будет в палате, лишь бы не послать туда кандидата правительства. Это давало полную возможность вожакам буржуазно-республиканской партии заранее распределить между собою избирательные округа Парижа и подобрать совершенно одноцветную парламентскую группу. Можно еще было сомневаться относительно республиканцев провинции, но и там кандидатуры ставили под влиянием парижских журналов, и парламентская левая, выросшая в 63 году до 17 членов, осталась такой же однородной и единодушной представительницей партии, победившей в июне 48 г., какою она была в 57 г., состоя всего из 5 членов. Сыновья и братья побежденных в июне рабочих спокойно вотировали за победителей, не поминая старого и не предъявляя им никаких требований. 17 лет Жюль Фавр и члены его группы не слыхали иных либеральных голосов, кроме своих собственных, и привыкли считать себя чуть не олицетворением республики. Но с конца 1868 года среди рабочих Парижа начало проявляться свое независимое общественное мнение. Существовало, правда, и раньше Международное общество рабочих, относившееся очень холодно к буржуазной республике, но, во-первых, оно составляло пока небольшое меньшинство в Париже и до 68 года мало занималось политикой [19], а во-вторых, буржуазно-республиканская пресса старалась и успевала до некоторой степени внушить сомнение в искренности республиканских убеждений рабочих социалистов. Теперь, когда, благодаря собраниям, рабочие заговорили, общественное мнение в их среде оказалось социалистическим и вместе с тем горячо республиканским, но становилось очевидным, что республика рисуется рабочим совсем в ином свете, чем либеральной буржуазии. История 1848 года оказалась живою в памяти рабочих, и помнили они не один февраль этого года, а также и последовавшие за ним месяцы.

При самом начале избирательной агитации 1869 года было ясно, что на этот раз подачей голосов среди рабочих Парижа будут руководить не журналы парламентской левой, не «Siècle» и «Avenir National», а публичные собрания и враждебные фракции Жюля Фавра демократические журналы «Rappel» и «Réveil». Победа республиканских кандидатов была обеспечена в Париже, но каких? Фракция

Жюля Фавра могла надеяться получить большинство республиканских голосов лишь благодаря тому обстоятельству, что у рабочих не было общеизвестных популярных вожаков, которых они могли бы выставить кандидатами. Все искренние демократы 48 года были избиты или изгнаны. Из немногих вернувшихся за последнее время с каторги или из ссылки старых искренних демократов 48 г. один Распайль поставил свою кандидатуру. Строгий Делеклюз не считал возможным присягать императору.

Появившиеся теперь агитаторы в среде рабочих были по большей части люди молодые, недавно начавшие действовать. Известнее других были в рабочих кружках некоторые из деятелей Интернационала, но и из них никто не успел еще приобрести известности в массе населения*. Среди самоучек-рабочих не могло явиться блестящих талантов, одним ударом завоевывающих популярность, как завоевал ее Гамбетта одной защитительной речью или Рошфор несколькими памфлетами. Эти две знаменитости дня и явились, кроме Распайля, единственными серьезными, могущими рассчитывать на успех кандидатами рабочих. Парламентская группа выставила для борьбы с ними своих самых видных представителей. Сам Жюль Фавр явился противником Рошфора; Гамбетте предстояло померяться силами с Карно; Распайлю был противопоставлен Гарнье-Пажес.

Журналы парламентской оппозиции сильно возмущались неблагодарностью, выразившейся в постановке этих двойных кандидатур. Неужели несколько сказанных слов, несколько остроумных страниц могут хоть на минуту выдержать сравнение с десятками лет неустанной деятельности? — жаловались они. Разве Карно, Жюль Фавр, Гарнье-Пажес не остались верны своей программе, разве отступили они хоть в чем-нибудь от своих принципов? — спрашивал «Avenir National» избирателей.

Но в том-то и дело, что они остались верны своим принципам и что их прошлое слишком хорошо говорило за будущее. Все они были облечены исполнительной властью в

---

* В первой редакции далее следует: «Его умственные вожаки во Франции были сплошь самоучки-рабочие, которых влияние распространялось лишь на среду Интернационала, а он ни в одном округе не составлял большинства и не был к тому же дисциплинированной партией, способной проводить кандидатов партии».

несчастные дни, предшествовавшие Июньскому восстанию, все были солидарны и с вызвавшими его мерами, и с Каваньяком, которому выпало на долю непосредственное кровопролитие.

Рошфор и Гамбетта были молодые, новые люди. Они прославились как смелые враги империи и ничем не доказали своей преданности рабочему классу, но по крайней мере не доказали и вражды к нему, не омыли ни прямо, ни косвенно своих рук в его крови. Относительно их можно было по крайней мере мечтать, их можно было идеализировать, что и было сделано рабочими в самых широких размерах.

Избирательная агитация велась с небывалой горячностью. Публичные собрания, особенно те, где говорили Распайль, Гамбетта и агенты Рошфора, оставшегося в Брюсселе, бывали переполнены каждый вечер, и часть публики толпилась на улице, покрикивая иногда «Да здравствует республика».

Пьетри[20] не без остроумия воспользовался против этих уличных собраний декретом республиканского правительства, изданным 7-го июня 1848 года за подписью всех его членов и говорившим об употреблении военной силы против уличных сборищ. Под этим расклеенным по стенам декретом граждане могли в 1869 году читать имена самых выдающихся членов современной республиканской партии, из которых иные были в эту самую минуту кандидатами в Париже и, казалось, из глубины 48 года грозили своим избирателям.

Но и без того положение «выходцев 48 года», как называли их на собраниях, было не легко. Им приходилось являться перед избирателями, отвечать на неприятные вопросы относительно своего поведения в то время, когда были у власти, покорно выслушивать им, цвету интеллигенции, упреки и наставления простых рабочих; приходилось подписывать противоречащие их взглядам программы и кривить душою, рассыпаясь в торжественных клятвах полной покорности воле избирателей.

Всего больше досталось Жюлю Фавру. С одного собрания ему пришлось даже бежать, получая вдогонку нелестные характеристики вроде «обманщик», «трус» и проч. Но так как Рошфор оставался в Брюсселе, то представительство все-таки досталось Жюлю Фавру. Зато Карно и Гарнье-Пажес, наслушавшись вволю всяких неприятных

вещей, были вдобавок побеждены своими соперниками Гамбеттой и Распайлем.

Число членов левой республиканской фракции увеличилось до 26, но значение ее после выборов в сущности уменьшилось. Выборы показали, как шатко ее влияние на рабочих, как мало может она рассчитывать на прочность своей связи с массой городских избирателей.

С другой стороны, так называемая «третья партия» либеральных бонапартистов, предводительствуемых Эмилем Оливье, насчитывавшая после выборов 11 человек, присвоила себе почти все функции, исполнявшиеся прежде левой. Ее ораторы говорили колкости Руэ, пикировались с оратором крайней правой Кассаньяком, вносили либеральные дополнения к проектам законов, высказывали пожелание реформ и проч.

Они добавляли к этому открытое признание права на существование за империей, которая осуществляет все желания благоразумных друзей свободы. Но не логичнее ли было в сущности, требуя от правительства тех или иных реформ, обещать ему в случае исполнения требований примирение с либеральными элементами страны и прочность династий?

К таким взглядам пришла, очевидно, часть самой левой — группа Пикара, начавшая сближаться с партией Оливье. С другой стороны, демократы и социалисты говорили в журналах и на собраниях, что если бы они стремились к либеральной империи, то поручили бы достижение такой цели не республиканцам, а людям третьей партии, деятельность которых в этом направлении обещает больше успехов. Но не намереваясь мириться ни с либеральной, ни с деспотической империей, они выбирают представителей в палату вовсе не для требования каких бы то ни было реформ, а лишь для революционных заявлений и протеста. Для подобной роли фракция Жюля Фавра была, очевидно, совсем непригодна. Так именно и думали в охваченных движением рабочих кругах Парижа, среди которых недовольство результатами майских выборов все усиливалось *.

---

* В первой редакции далее следует: «В ноябре должны были происходить в Париже дополнительные выборы. Революционное настроение рабочих за это время все росло и росло и успело уже далеко оставить за собою май, время общих выборов. В ноябре народ был уже очень недоволен результатами общих выборов. Умеренные республиканские журналы «Réveil» и «Rappel» даже не

Осенью по мастерским и публичным собраниям даже циркулировал адрес к парижским депутатам с требованием подать в отставку и тем дать возможность избрать новых депутатов, которые обязались бы отказаться от присяги императору и, следовательно, от участия в заседаниях палаты. Такое требование не могло, конечно, не возмутить Жюля Фавра и его товарищей. Они обещали, правда, повиноваться воле избирателей, но мало ли что говорится во время выборов! Предпочитать пустую демонстрацию их красноречивому участию в прениях палаты не значило ли отрицать серьезное значение всей их деятельности?

Они ответили на адрес манифестом, в котором протестовали против притязаний избирателей предъявлять депутатам какие бы то ни было требования и объявляли, что не зависят ни от кого, кроме своей совести. За исключением одного Распайля, под манифестом подписались все депутаты Парижа, не исключая даже Гамбетты, недавнего идола избирателей.

Демократические журналы не замедлили, конечно, напомнить им недавние клятвы в повиновении верховному народу, на которые был особенно щедр именно Гамбетта. Своим присоединением к политике «выходцев 48 года» молодой адвокат утратил на время всю свою популярность среди революционных элементов Парижа *.

Люди, знакомые с предыдущими революционными эпохами, замечали осенью 1869 года, что Париж возбужден гораздо сильнее, чем в начале 1830 и в конце 1847 года.

Но была громадная разница между характером возбуждения перед революцией 48 года и теперь. Тогда масса рабочего населения, желая республики, уже с самым этим словом соединяла представление и свободы, и счастья. Сре-

---

пробовали рекомендовать кандидатов, которые обязались бы отказаться от присяги императору, обязательной для депутата. Руководство выборами попало исключительно в руки публичных собраний».

* Далее идут зачеркнутые слова: «его сочли изменником». В первой редакции следует абзац: «Во время выборной агитации на публичных собраниях об умеренных республиканцах уже не говорили иначе, как в самом враждебном тоне. «Если они попадут в правительство,— слышались предсказания,— от них нельзя ожидать ничего, кроме новых июньских дней и массовых ссылок». Многим искренним демократам такие предсказания казались чересчур уж мрачными, но на деле эти мрачные пророки оказались большими оптимистами. Июньская бойня была повторена в удесятеренных размерах».

ди писателей и адвокатов, среди верхушек просвещенной интеллигенции были в то время популярны всем известные люди, на которых полагались, которым доверяли ближайшие вожаки толпы, а за ними и сама толпа. В руках этих верхушек находилось общее руководство движением, и им предоставляли обсудить, какова именно будет республика, что именно сделает она для рабочих. Что что-то очень хорошее будет сделано, что республика всех осчастливит — в этом не сомневалась революционно настроенная толпа.

В высших литературных и адвокатских сферах республиканской партии знали, конечно, что республики бывают разные, и между «National», органом «чистых», или буржуазных республиканцев, и «Реформой» *, органом демократической и социалистической (в ней участвовал Луи Блан) фракции республиканской партии, существовала, конечно, большая разница. Но, во-первых, для массы эта разница была не вполне ясна, а во-вторых, сама редакция «Реформы» и группировавшаяся около нее интеллигенция не видела пропасти между своей программой и программой «Насионаля». Она считала, что при взаимных уступках их можно слить в одно целое и, как во время борьбы и провозглашения временного правительства, так и во все время его существования, она только и делала, что уступки, сосредоточивая свои заботы на снискании благосклонности к республике высшей буржуазии и консервативных классов. Для этой цели жертвовалось всем и прежде всего интересами рабочих, составлявших единственную силу, на которую могла тогда опираться республика.

Теперь, в 1869 году, парламентская фракция Жюля Фавра и группировавшиеся около нее буржуазные элементы представляли собою все ту же партию «National», но пред нею не стояло уже благовоспитанной и уступчивой группы «Реформы», с которою так легко было вести переговоры и вступать в соглашение.

В 1869 году у социалистической и искренне демократической республиканской партии не было центра, не было руководителей среди общепризнанных литературных или адвокатских знаменитостей.

За последнее время у нее начала вырабатываться целая фаланга молодых ораторов, как из рабочих, так и из среды образованной молодежи, последователей Бланки, Деле-

* — «La Réforme».

клюза и просто независимых социалистов, выдвинувшихся на публичных собраниях *.

Но эти-то начинающие выдвигаться вожаки рабочей массы и твердили ей о непримиримости ее интересов с интересами буржуазии, они-то и рассказывали ей историю 48 года и указывали на пропасть, вырытую Июньской бойней между либеральной буржуазией и рабочим классом **. Либеральные республиканцы старались противодействовать этой пропаганде. Они говорили, что напоминание о недоразумении, приведшем к братоубийственному столкновению среди единой республиканской партии, может быть полезно лишь империи, и пытались заподозрить своих противников в бонапартизме. Но если им и удавалось иногда набросить тень на того или другого деятеля революционной партии, это нимало не увеличивало их собственной популярности и не изменяло общего направления рабочего движения. Что вся охваченная движением масса рабочего класса была безусловно враждебна империи, в этом не могло быть ни малейшего сомнения. По мнению старых опытных деятелей, эта враждебность высказывалась даже слишком открыто. В прежние времена о низвержении существующего правительства разговаривали обыкновенно по секрету, на заседаниях тайных обществ, в тесных кружках и комитетах. Теперь о нем кричали чуть ли не с крыш и, во всяком случае, весьма недвусмысленно и как о вещи давно решенной, упоминали о скором конце империи на публичных собраниях ***.

Это потому, что Интернационал, с одной стороны, и публичные собрания, с другой, вовлекли в активное движение самые массы, сделали для них общественные инте-

---

* В первой редакции далее следует: «Но им доверяли, их знали по большей части лишь в ограниченном кругу, приходившем с ними в непосредственное соприкосновение. Никто из них не успел еще прославиться, сделаться известным широкой массе. Еще одна особенность настоящего революционного движения по сравнению с предыдущим».

** В первой редакции далее следует: «Июньская бойня, образовавшая пропасть между буржуазной и искренне демократической республикой, между республиканцами-буржуа и республиканцами-рабочими, стушевавшаяся по внешности под гнетом, налегшим на все республиканские элементы Франции в первые 15 лет империи, теперь, когда все чувствовали, что империи пришел конец, зияла опять, и никто не мог уже искренне забыть о ней».

*** Здесь рукопись второй редакции кончается. Далее печатаем по первой редакции.

ресы, политику насущными ежедневными интересами, а взволнованные массы не способны конспирировать потихоньку.

Близкое падение империи было делом решенным, но ее немедленного исчезновения желало лишь очень небольшое число заговорщиков, революционеров по профессии. Левая парламентская не желала немедленного низвержения правительства посредством революции, ибо чуяла, что при настоящем настроении рабочих едва ли она именно попадет во временное правительство. Она не прочь бы подождать смерти больного императора или действия выборов.

Не хотели немедленного низвержения империи вожаки Интернационала и другие сознательные люди рабочей партии, ибо знали, что организация социал-демократии еще очень слаба, что у нее нет общественного центра, из которого могло бы создаться правительство, и что поэтому при немедленной революции ее плоды достанутся буржуазным республиканцам, которые разделаются с рабочими похуже расшатанного, ослабевшего императорского правительства.

Так как не было общеизвестных популярных людей действующей демократии, то она и хваталась за новых людей, знаменитостей дня, вроде Гамбетты и Рошфора. К ноябрю, когда в Париже происходили дополнительные выборы, Гамбетта уже изменил, идолом демократического Парижа остался Рошфор. Еще недавно за «Фонарь» он был популярен среди всех республиканцев, и буржуазных, и рабочих, но когда на выборах рабочие противопоставили его старым парламентским республиканцам, Жюлю Фавру, те возненавидели его, и их журналы стали агитировать против его избрания. Рошфор не мог быть, конечно, действительно серьезным представителем не только рабочего, социалистического, но и просто демократического Парижа. Он представлял, если хотите, одну его сторону, лишь одну из его идей: презрение к империи, и ее выражал отлично. Но кроме этого презрения никакой программы, никаких принципов у него не было. Явившись лишь к избирательной агитации при дополнительных выборах, он то откровенно сознавался, что не понимает социализма, то уверял, что он социалист от рождения. Много толковал о необходимости отменить все налоги, но не представлял никаких соображений о том, как обходиться без них или чем заменить? Кроме низвержения империи он не знал, чего хо-

теть, и именно поэтому рабочие инстинктивно были правы, предпочитая его Жюлю Фавру с компанией. Те слишком хорошо знали, чего хотели, а хотели они, кроме имени республики, совершенно противоположного тому, чего должны были желать рабочие. Рошфор был некоторое время идолом, но не вожаком демократии, он не вел своих избирателей, а шел за ними, поддаваясь влиянию выдающихся людей рабочей среды. Он не хитрил с рабочими и, оттолкнутый приличной буржуазно-республиканской партией, он был в это время искренним сторонником рабочих. Основавши после своего избрания в Париже журнал «Марсельезу» *, он сделал ее официальным органом Интернационала **.

...По предложению Генерального Совета тред-юнионы решили созвать громадный митинг в пользу стачечников-руанцев, но внезапное известие о прекращении стачки остановило приготовления. Рабочие были побеждены, согласились на все условия, и тем не менее вслед за стачкой Нормандия покрылась сетью секций и образовалась целая Руанская федерация.

В выборах 69 г. Интернационал принимает деятельное участие, в Руане и на юге выставляются рабочие кандидатуры. В Париже выпускается воззвание к избирателям, предлагающее всем рабочим группам соединиться на общей программе. Голоса абстенционистов уже не имеют значения.

С самого освобождения из Сен-Пелажи[21] Варлен стал душой интернационального *** движения в Париже и до конца оставался его вождем и руководителем. Переписка с Обри характеризует его взгляды и настроение в эту пору.

«Я с радостью узнал,— пишет он перед выборами,— что вы решили поставить рабочую кандидатуру, Лион высказался в том же смысле; с Марселем идут переговоры. Я надеюсь, что мы все скоро придем к соглашению на этот счет и, на зло заклятым прудонистам-абстенционистам, войдем в избирательную борьбу отдельно от буржуазных респуб-

---

* — «La Marseillaise».

** На этом кончается данная рукопись. Далее печатаем по отрывку, являющемуся, вероятно, частью наброска к этой главе, в котором освещалась деятельность Интернационала в провинциях Франции.

*** — то есть организованного секциями Интернационала.

ликанцев всех оттенков, чтобы громко заявить разрыв народа с буржуазией».

Выборы были очень оживлены и довольно удачны для оппозиции. Кандидаты, величаемые префектами «врагами правительства», собрали 3 250 000 голосов, правительственные кандидаты получили при содействии префектов 4 миллиона.

Тотчас вслед за выборами по Франции пронеслась эпидемия стачек. В Сент-Этьене дело дошло до кровопролития. Призванные владельцами копей войска стреляли в толпу женщин и детей, пытавшихся освободить арестованных стачечников. Но вместо благодарности за спасение порядка на правительство отовсюду посыпались протесты. Муниципальный совет Сент-Этьена подал в отставку. Пресса возмущалась злодейством и открывала подписки в пользу жертв. Особенную жалость возбуждала одна 12-летняя девочка, раненная в спину и умершая в страшных мучениях. Купленные правительством газеты пытались свалить всю вину на Интернационал. Это он заказывает все стачки и по странному капризу именно в тех местностях, где рабочие благоденствуют. Но в противоположность Интернационалу, сила которого все росла, правительству теперь все шло во вред, и свирепость, и популярничанье. В Лионе несколько удачных стачек в один месяц доставили Интернационалу 10 000 новых членов.

«Я не отрицаю,— пишет Варлен к Обри,— что буржуа пользуются стачками, чтобы ускорить политическую революцию, возбуждая по поводу их всеобщее неудовольствие, но об этом я вовсе не жалею и не могу порицать их. Действуя ради своих целей, они помогают нам в данном случае. Вы как будто опасаетесь,— оправдывается он далее,— что среда, в которой я живу, больше занята политической революцией, чем социальными преобразованиями. Я должен вам сказать, что для меня политическая революция и социальные реформы связаны неразрывно и не могут идти одна без другой. Одна политическая революция ничего не значит, но все обстоятельства, на которые мы наталкиваемся, говорят нам, что невозможно организовать социальную революцию при теперешнем правительстве. Недавно мы, делегаты рабочего общества, собрались, чтобы обсудить проект федерации. Наши собрания были запрещены префектурой, мы обращались к министру и не получили ответа. Мы обращаемся теперь к общественному мнению и

составили манифест, который дадим подписать всем рабочим комиссиям и, обнародовавши его, будем продолжать наше дело...» *

[Гл. XIII БАЗЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС]

На Базельский конгресс собралось 80 депутатов. 26 от Франции, в том числе Толен, Шемале, Мюра, Ланглуа, а также Варлен, Обри, Ришар (член Альянса), Ландрен; 5 депутатов из Бельгии, в их числе Де Пап, Гинс, Брисме.

5 членов Генерального Совета — Эккариус, Лекрафт, Юнг, Аплгарт, Степни; Лесснер представлял Лондонский немецкий арбейтербильдунгс-ферейн **. 10 депутатов из Германии, представители вновь образовавшейся тогда на Эйзенахском конгрессе Социал-демократической партии, повторившей в своей программе статуты Интернационала и рекомендовавшей членам индивидуальное присоединение к Интернационалу, так как германские законы не допускали присоединения всей партии, как ветви Интернационала. В их числе Либкнехт, делегат Эйзенахского конгресса, Риттингхаузен, Гесс, Шпир, Неймайер и Обервиндер, делегат венской ветви Социал-демократической партии. Был, кажется, на этом конгрессе Камерон, делегат Американского рабочего союза. Италия была представлена, кроме Бакунина, двумя членами Альянса — Капоруссо и Фанелли, Испания тоже альянсистами — Фарга-Пелисер и Сентиньон. Представители Романской федерации были Г募слен и Перре, делегаты женевской «фабрики». Броссе и Гета представляли части «постройки», преданной Альянсу. Альянсисты из Юры, учителя Фриц Робер и Гильом и Швицгебель, гравер. Беккер представлял по обыкновению Немецкую Центральную секцию Швейцарии ***.

Несмотря на провинциальный неоживленный характер Базеля, корреспонденты явились на этот конгресс в большем числе, чем на все предыдущие. Интерес публики относительно Интернационала все усиливался.

---

* Здесь текст обрывается.

** — Лондонское просветительное общество немецких рабочих.

*** Группу секций немецкого языка в Женеве.

На обсуждение Базельского конгресса, кроме неизменных вопросов о кредите, об образовании и о ремесленных * союзах, был также снова поставлен вопрос о поземельной собственности **, о праве наследования, внесенный бакунистами. На самом конгрессе немецкой цюрихской секцией предложен еще 6-й вопрос: о прямом народном законодательстве, и это предложение поддержано всеми делегатами из Германии и немецкой Швейцарии, но зато вызвало энергичный отпор со стороны швейцарских бакунистов, а также некоторых бельгийцев.

По мнению Гинса (из Брюсселя), рабочий класс не должен принимать ни малейшего участия в государственной жизни страны. Надо предоставить государствам разлагаться, а не вливать в них новую жизнь своим участием в законодательстве. Интернационал должен оставаться государством в государстве и не вмешиваться в политику, пока сила не будет на его стороне. Когда же это случится, он сразу воздвигнет на развалинах современного государства новый готовый строй, сложившийся уже теперь в каждой секции. Самое счастливое обстоятельство для Бельгии, по мнению Гинса, заключается именно в том, что там рабочий класс не может принимать никакого участия в выборах.

Риттингхаузен, автор теории прямого народного законодательства, горячо защищает вопрос: он говорит, что прямое народное законодательство есть средство осуществления великих социальных реформ, необходимых для освобождения рабочих. И обсуждение этих средств так же необходимо, как и самой цели. Я слышу, что многие из вас хотят достигнуть цели революцией. Но одним фактом революции еще ничего не достигается. Если после революции вы не сможете законодательным путем формулировать свои справедливые требования, революция погибнет самым жалким образом, как погибла она в 48 г.

Либкнехт утверждает, что только реакционеры могут отказываться от обсуждения этого вопроса.

---

* — профессиональных.

** Далее следуют зачеркнутые слова: «снова поставленный Генеральным Советом ввиду жалобы меньшинства Брюссельского конгресса на недостаток времени, бывшего в их распоряжении для развития аргументов опровержения доводов противников индивидуального землевладения, и, наконец, вопрос...».

После продолжительных прений конгресс решает обсудить вопрос о прямом народном законодательстве после разрешения пяти заранее поставленных вопросов, если останется время.

Первым обсуждается вопрос о поземельной собственности. Прочитанные доклады Лионской, Руанской и Брюссельской секций все высказываются за уничтожение индивидуальной собственности на землю. Открыты прения. Хотя мютюэлисты и жаловались, что недостаток времени не дозволил им в Брюсселе опровергнуть противников, тем не менее в их речах не встречается почти ни одного нового, не высказанного уже раньше аргумента *. Новой в этих прениях явилась изменившаяся тактика членов Генерального Совета и речь Бакунина **. Вопрос о собственности, наконец, говорит он, принадлежит науке, и она решает его против коммунизма, поэтому все ваши конгрессы здесь ничего не значат.

Лекрафт (член Генерального Совета) говорит, что невозможны никакие существенные изменения в условиях производства или обмена, пока земля и другие орудия труда останутся частной собственностью. Но, однако, признание земли коллективной собственностью еще недостаточно. Если она будет сдаваться в аренду отдельным земледельцам или ассоциациям, это не устранит зла, вытекающего из частного владения. Эксплуатация земли должна вестись самим государством для общей пользы. Но чтобы такая организация земледелия стала возможной, необходимо прежде всего, чтобы рабочий класс овладел политической властью и заменил современный буржуазный парламент центральным советом нации рабочих. Этот совет

---

* Далее следуют зачеркнутые фразы: «Все те же утверждения, что сущность современного экономического строя, а следовательно и корень зла, не в форме собственности, а в обмене; то же обвинение противников в коммунизме, который равносилен деспотизму. Сильно напирают также на невозможность решать вопрос о землевладении в отсутствие крестьян».

** Далее следуют зачеркнутые фразы: «Коллективность,— утверждает он,— есть не более как абстрактное понятие, нечто не существующее, изобретенное. Действительное, реальное существование имеют лишь индивидуумы. Индивидуумы же стремятся к свободе и независимости, и никто не имеет права стеснять их свободы во имя отвлеченного понятия коллективности. Индивидуум выше коллективности. Им совершено все великое в мире — толпа же умеет лишь преследовать великих людей, как это было с Галилеем, Колумбом и проч.».

назначит министерство земледелия, которое сумеет найти людей, способных организовать земледельческие работы.

Таково именно логическое следствие коллективного землевладения, подчеркивает Ланглуа слова Лекрафта. Он напоминает далее тем из коллективистов, которые против индивидуальной собственности на землю, но в то же время не согласны и с авторитарным коммунизмом, что логика должна привести их к системе Лекрафта с ее государственным производством, с ее деспотизмом.

Бакунин признает бесспорным право конгресса решать вопрос о поземельной собственности. Конгресс несомненно представляет меньшинство, но во все исторические эпохи именно меньшинство являлось представителем интересов всего человечества. И в 1789 г. меньшинство буржуазии проложило путь господству всего буржуазного класса. Он сторонник уничтожения права частной собственности как на землю, так и на все общественные богатства, посредством социальной ликвидации. Под социальной ликвидацией он разумеет уничтожение всех государственных учреждений как политических, так и юридических, дающих ту санкцию и гарантию, посредством которых только и возможно присвоение небольшим числом лиц продуктов труда всех остальных.

Если нельзя решать вопрос о земле в отсутствие крестьян, говорит Эккариус, то для обсуждения религиозного вопроса нам пришлось бы приглашать кардиналов, а для решения вопроса о кредите и банках просить гг. банкиров удостоить принять участие в вотировке. Эккариус говорит далее почти то же, что и Лекрафт, о необходимости государственной эксплуатации земли, предварительным условием которой является захват политической власти рабочим классом. То же говорит в своей речи и Лесснер, защищая при этом коммунизм от обвинения в стремлении к деспотизму.

На необходимости употребления политической власти как орудия для достижения целей рабочего класса настаивает Эккариус * также в речи на банкете, данном Базельской секцией членам конгресса. До сих пор Генеральный Совет не особенно выдвигал вперед эту часть своей программы, ясно высказанную, впрочем, во вступительном

* Report of the Fourth Annual Congress of the International Working Men's Association published by the General Council. [London, 1869], стр. 4—5 *(прим. В. Засулич)*.

адресе*. Теперь же, очевидно, ввиду пропаганды противоположных воззрений, на ней начинают настаивать. До сих пор противниками этой теории являлись почти исключительно прудонисты направления Толена, противопоставлявшие ей самопомощь рабочего класса в виде устройства ассоциаций и кредитных учреждений. Можно было заранее положиться на то, что сама жизнь организации с ее ежедневной практической борьбой не замедлит разрушить подобное учение. Важнее были им пункты программы прудонистов, которые могли тормозить эту самую ежедневную борьбу, поэтому до сих пор марксисты горячо отстаивали на конгрессах решения по таким второстепенным в теоретическом отношении, но ближайшим важнейшим в практическом отношении вопросам, как стачки, ограничение часов труда и т. п. И действительно, за 3 года существования Интернационала от толеновского прудонизма остались уже одни развалины. Но теперь на той же самой прудонистской основе начинается новая постройка, в теоретическом отношении с точки зрения марксизма такая же ложная, а в практическом гораздо вреднейшая. Теперь, когда учению о политической борьбе рабочего класса, организованного в самостоятельную партию, добивающуюся своего экономического освобождения посредством завоевания политической власти и затем организации производства в национальных размерах, противопоставляется теория ликвидации с отсутствием каких бы то ни было государственных учреждений, с проповедью разнуздания (déchaînement) индивидуальных страстей и постоянной (en permanence) революцией, производящей уравнение последовательными конфискациями имущества местными общинами в свою собственную пользу,— теперь практические аргументы против этого учения могли быть куплены рабочим классом не иначе, как чересчур дорогою ценою, и борьба с такой теорией становится обязательной.

По вопросу о поземельной собственности конгресс большинством в 54 голоса из 71 вотировал следующие резолюции:

1) Конгресс заявляет, что общество имеет право отменить индивидуальную собственность на землю и превратить ее в общественную собственность.

---

* — в «Учредительном манифесте Международного Товарищества Рабочих».

2) Конгресс признает необходимость этого превращения земли в общественную собственность.

Вторым поставлен вопрос о праве наследования.

Ввиду недостатка времени решено не читать записок различных секций по этому вопросу и ограничиться лишь прочтением следующего доклада Генерального Совета.

«1. Право наследства имеет общественное значение лишь постольку, поскольку оно переносит на наследника возможность, которою в продолжение жизни пользовался умерший, приобретать посредством своей собственности продукты чужого труда.

Земля дает живущему собственнику возможность брать, под именем ренты, продукт чужого труда без всякого эквивалента. Капитал дает возможность делать это под именем прибыли и процента. Ту же возможность дает и собственность в государственных фондах и проч.

Наследство не создает новой возможности переводить продукт труда одного человека в карман другого; оно лишь передает эту возможность в другие руки. Как и все другие акты гражданского законодательства, закон о наследстве есть не причина, а юридическое следствие современной экономической организации общества, основанной на индивидуальной собственности на средства производства, т. е. земли, сырые материалы, машины и все иные орудия труда; так же точно право наследовать рабов не было причиною рабства, но само рабство, наоборот, было причиною существования такого рода наследства.

2. Мы должны бороться не с результатами, а с производящей их причиной, с экономической основой, а не с ее юридическими надстройками. Предположим, что средства производства из частной собственности перешли в общественную и право наследства, поскольку оно имеет общественное значение, исчезнет само собою, так как человек может оставить своим наследникам лишь то, чем он владеет при жизни. Наша великая цель заключается, следовательно, в устранении тех учреждений, которые дают людям возможность в течение жизни брать в свою пользу продукты труда массы других людей. В обществе, ушедшем так далеко вперед, что рабочий класс имеет в нем достаточно силы, чтобы уничтожить такие учреждения, он должен это делать прямым путем. Отменяя, например, государственный долг, он уничтожает, конечно, и наследование государственных фондов. С другой стороны, не имея

возможности упразднить государственного долга, было бы комично упразднить лишь право наследования государственных фондов.

Уничтожение права наследства будет естественным следствием общественного переворота, уничтожающего частную собственность на средства производства, но уничтожение права наследства никогда не может быть исходной точкой такого общественного переворота.

3. Принимать право наследства не за легальное следствие, а за экономическую причину современной общественной организации было одною из крупнейших ошибок, совершенных 40 лет тому назад учениками Сен-Симона. Это не помешало им сохранить в своей системе на вечные времена частную собственность на землю и другие средства производства. Собственники, правда, предполагались выборные, пожизненные, как существовали же и выборные короли.

Признание права наследства исходным пунктом социальной революции лишь отвратило бы рабочий класс от верной точки атаки против существующего строя. Это было бы так же нелепо, как отмена законов о контрактах между продавцами и покупщиками при сохранении современного обмена продуктов.

Это было бы ложно в теории и реакционно на практике.

4. Говоря об уничтожении законов о наследстве, мы по необходимости предполагаем, что частная собственность на средства производства продолжает существовать. Если бы она не существовала между живыми, они не могли бы и передавать ее после смерти. Все меры, следовательно, касающиеся права наследства, могут иметь место лишь в том переходном состоянии общества, когда, с одной стороны, современные экономические основы общества еще существуют, с другой же стороны, рабочие массы уже приобрели настолько силы, чтобы вынуждать [принять] переходные меры, рассчитанные на подготовку радикального общественного переворота. С этой точки зрения изменения в законах о наследстве могут быть лишь звеньями в ряду целой массы переходных мер, стремящихся к той же цели. Такими переходными мерами относительно наследства могут быть лишь а) увеличение налога на наследство, уже существующего во многих государствах, и употребление собранных таким образом сумм на цель социальной эмансипации;

b) ограничение права завещания, которое, в отличие от наследования без завещания или семейного права наследования, является произвольной и суеверной экзагерацией * даже самого принципа частной собственности»[22].

Комиссия, которой была поручена выработка проекта резолюции, по этому вопросу предлагает следующее.

Принимая во внимание, что право наследства, будучи существенным элементом частной собственности, в сильной степени содействовало лишению как поземельной собственности, так и общественного богатства огромного большинства в пользу нескольких и что поэтому оно является одним из главных препятствий к превращению земли в коллективную собственность.

Что, с другой стороны, право наследства, как бы ни было ограничено его действие, препятствует равенству индивидуумов относительно средств материального и нравственного развития, составляет во всяком случае несправедливую привилегию, остающуюся постоянной угрозой общественному праву.

Что конгресс уже высказался относительно коллективной собственности и его решение было бы нелогично без нижеследующего дополнения:

Конгресс признает, что право наследства должно быть вполне и радикально отменено и что эта отмена является необходимым условием освобождения труда.

Шемале согласен с докладом комиссии, что предыдущий вот ** конгресса предрешает и настоящий вопрос. Раз объявлена коллективная собственность, что же можно оставлять в наследство? Разве что тут есть недоразумение и коллективная собственность применяется только к земле, в таком случае промышленный рабочий, оставаясь собственником своих орудий труда и, следовательно, свободным производителем, был бы привилегированным существом сравнительно с земледельческим рабочим.

Бакунин, продолжает Шемале, говорил, что всегда просвещенное меньшинство представляло человечество, вот именно как такое меньшинство Шемале и его друзья протестуют против решений большинства относительно собственности.

---

* — преувеличением.
** — голосование.

Де Пап в своей речи говорит, что в таком общественном строе, где земли, машины и другие орудия производства будут собственностью ассоциаций производителей, отдельные индивидуумы не будут в состоянии накапливать богатств, право наследования потеряет всякое вредное значение, так как оставляться могут тогда лишь вещи личного употребления вроде платья, мебели и т. п. Источник зла заключается в разделении людей на капиталистов и рабочих, и этого разделения отмена права наследства уничтожить не может.

По предположению сторонников отмены права наследства, эта отмена должна привести к социальной ликвидации, для чего надо предположить соглашение между капиталистами и рабочими, по которому первые сохраняют до своей смерти накопленные чужим трудом богатства, но лишаются права передать их наследникам. Но предположить подобную уступку со стороны капиталистов невозможно. Буржуазия никогда ничего не уступит, и рабочему классу придется взять пример с нее, когда она конфисковала имущество дворянства и духовенства.

Варлен говорит, что если бы все орудия труда, так, как и земля, стали коллективной собственностью, то, конечно, право наследства потеряло бы свое значение. Но большую часть средств производства мы даже и в принципе не признаем еще общественной собственностью. И таким образом при сохранении права наследства дети при начале своей карьеры никогда не будут поставлены в одни и те же условия. Нам говорят, что даровой кредит даст средства производства тем, которые не имеют их по наследству, но тем не менее, если они должны будут выплачивать заем, их положение будет хуже, чем тех, на которых нет никакого долга.

Мюра повторяет заявление Шемале.

Бакунин видит в уничтожении права наследства, как и всех других политических и юридических прав, гарантированных государством, средство произвести социальную ликвидацию.

Либкнехт требует закрытия прений, он говорит, что этот вопрос не спешный и может обсуждаться еще на многих следующих конгрессах, а теперь остались еще не решенные вопросы, из которых [вопрос] об обществах сопротивления имеет большую практическую важность.

Гильом поддерживает его. Дебаты бесполезны. Индивидуалисты в лице Шемале сначала заявили, что их

решение уже принято, их не переубедить. А коллективисты уже должны быть убеждены.

Ланглуа против закрытия прений. Он говорит, что коммунизм вотирован лишь относительно земли и, следовательно, лишь относительно земли уничтожение наследства подразумевается заранее. Вотировавший за уничтожение права наследства всякой собственности вотирует за абсолютный коммунизм, и тогда вам незачем рассуждать о кредите, ибо коммунизм есть отрицание кредита. К нему присоединяется Тартаре. Толен протестует против названия индивидуалистов, примененного к ним, мютюэлистам. Большинство голосов оказалось за закрытие прений.

Вотировка по вопросу о наследстве дала следующие результаты: из 68 вотирующих лишь 32 подали голос за уничтожение права наследства. На этот раз группа Толена — строгих прудонистов, желающих сохранить неприкосновенность индивидуальной собственности, вотировала вместе с членами Генерального Совета и немецкими делегатами рабочей партии, коммунистами-марксистами, не признающими значения за уничтожением права наследства при полном уничтожении частной собственности. Горячими защитниками вопроса явились попавшие под влияние Бакунина еретики прудонизма — швейцарцы и французы, как Ришар.

По предложению Флао вопросы о кредите и образовании отложены, и прения открыты по вопросу о тред-юнионах — обществах сопротивления.

Пенди, докладчик комиссии по вопросу о тред-юнионах, читает доклад.

Вопрос, говорится там, имеет две стороны: во-первых, как должны быть организованы общества сопротивления, чтобы подготовить будущее и гарантировать в пределах возможного настоящее; и во-вторых, каким образом можем мы воспользоваться теми идеями, какие мы имеем, об организации труда в будущем для того, чтобы хорошо устроить общества сопротивления в настоящем.

Имеется два способа группировки: 1) местная, дозволяющая рабочим одной местности поддерживать между собою постоянные сношения; она соответствует политическим отношениям современного общества, заменяя их выгодным образом. Этот способ был употреблен до сих пор Интернационалом. В применении к общественной струк-

туре он предполагает местную федерацию ремесленных союзов данной местности, оказывающих друг другу взаимную поддержку и сообща принимающих меры, требуемые общими интересами. Но рядом с этой группировкой необходима еще другая... Необходимо, чтобы рабочие одного и того же ремесла во всей стране и вне страны поддерживали между собой сношения и вступали в соглашение со своими сотоварищами по ремеслу для общего действия... Этот способ группировки будет иметь децентрализующее влияние, так как при нем дело будет идти не о том, чтобы образовать в каждой стране общий центр для всех отраслей промышленности, но каждая отрасль будет иметь центром ту местность, где она наиболее развита. Рабочие по добыванию каменного угля, например, будут федерироваться вокруг Сент-Этьена, шелкового производства — вокруг Лиона и т. д.

Раз будут созданы эти 2 группировки, труд организуется для настоящего, как и для будущего, следующим образом устраняя наемный труд. Посредством всеобщего уменьшения часов труда в каждой профессии труд распределяется справедливо и конкуренция между рабочими прекращается. Этим так же, как и ограничением числа учеников, основанным на свободной и разумной статистике, рабочие равномерно распределяются в промышленности без скопления или недостатка рабочих рук где бы то ни было, и право на труд станет фактом.

Группировка же корпораций по городам и странам имеет ту выгоду, что поочередными стачками каждого ремесла, поддержанными всеми другими, она будет продолжать борьбу, пока не будет достигнут общий уровень заработной платы, уравнение которой послужит вступлением к эквивалентности функций.

Местная группировка образует коммуну будущего, так же как другая — рабочее представительство будущего. Правительство будет заменено соединенными советами ремесленных союзов и комитетом, составленным из их делегатов с обязанностью регулировать отношения труда, которые заменят тогда политику.

Так как группировка по городам и странам уже отчасти существует, то комиссия предлагает конгрессу принять резолюцию, предлагающую рабочим различных ремесел приняться за устройство ремесленных союзов в своих ремеслах.

Образовавшись, подобные союзы должны немедленно вступить в сношения со всеми другими союзами того же ремесла, существующими в стране, с целью образовать национальную федерацию ремесла. Эти федерации должны специально взяться за собирание статистических и иных сведений относительно своих ремесел, регулировать стачки, направлять всякие меры, принимаемые в общем интересе в ожидании того момента, когда наемный труд уступит место федерации свободных производителей.

Принимая во внимание интернациональный характер труда и капитала, требующий интернациональной организации ремесленных союзов, конгресс предлагает Генеральному Совету организовать интернациональную связь ремесленных союзов.

Либкнехт говорит, что все ремесленные союзы страны должны быть организованы в национальный союз и должны иметь свой исполнительный центр, и затем они должны быть соединены интернационально, что лежит на обязанности Генерального Совета Интернационала. Английские ремесленные союзы существуют уже около 100 лет, там организация почти закончена. Германия организуется по английскому образцу, и Франция, конечно, не останется позади.

Шемале, не оспаривая полезности ремесленных союзов, думает, что они необходимы лишь для стачек, для борьбы за заработную плату и должны будут исчезнуть в будущем демократическом обществе.

Гинс думает, что Шемале ошибается. Не следует смотреть на ремесленные союзы как на простые организации стачек. Он думает также, в противовес Либкнехту, что не нужно центральных комитетов из представителей разных ремесел. Каждое ремесло должно иметь свой особый центр по местности, где оно сильнее развито. Эти союзы должны представлять организацию будущего, которая заменит современные государства. Они осуществят свободный обмен и распределение рабочих рук от одного конца мира до другого.

Толен говорит против влияния тред-юнионов в вопросе о числе учеников. Теперь это регулирование невозможно. После же организации обмена это регулирование совершится само собою посредством спроса и предложения.

Он советует также обществам сопротивления избегать централизации. Различные местности находятся в разных

условиях, и люди одного и того же ремесла в одном месте могут работать на таких условиях, на каких не могут в другом. Общие регламентации могли бы породить экономические аномалии.

По мнению Брисме, никакие ремесленные союзы не в состоянии освободить рабочего из-под власти капитала. Лишь переходом орудий труда в руки самих рабочих может быть достигнут этот результат. Польза обществ сопротивления в том, что они практически развивают рабочих, делают их способными самим управлять своими делами.

Грослен замечает, что новые общества всегда склонны бросаться в стачки, не подготовившись хорошенько. Швейцария, надо надеяться, уже пережила этот период. Общества никогда не должны принимать от патронов взносов в свои кассы, так как это лишает их независимости.

Аплгарт пространно говорит о необходимости создавать общества сопротивления во всех странах, где их еще нет. Все общества должны федерироваться между собою и ежемесячно сообщать отчеты о заработной плате, часах труда и его общих условиях в стране. О необходимости обществ сопротивления и толковать нечего, они существуют именно вследствие своей абсолютной необходимости.

Конгресс единогласно вотировал резолюцию, предложенную комиссией.

Для остальных 2-х вопросов времени не осталось, они были отложены, как думали, до будущего года.

Делегат, представляющий 800 000 членов Американского Национального рабочего союза, Камерон, говорит речь с выражением симпатии американцев к Интернационалу. Уверяет в братском приеме тех, кому вздумается... * покинуть слишком населенный Старый свет для Нового. Вспоминает недавно умершего президента их союза Силвиса, выражает надежду, что Интернационал будет представлен на конгрессе 1870 г. в Цинциннати.

После некоторых прений было единогласно решено, что следующий конгресс должен собраться в Париже.

Закрывая конгресс, в своей заключительной речи председатель Юнг говорит: «3 года тому [назад], во время нашего 1-го конгресса, на нас смотрели как на забавных чудаков. Пресса насмехалась над нами... Теперь наши принципы повсюду обсуждаются, не всегда благосклонно,

* Далее в рукописи одно слово неразборчиво.

правда, но мы стали несомненной силой. Я уверен, что успех превзошел наши собственные ожидания. Что бы ни случилось теперь, мы слишком сильны, чтобы умереть от истощения, и сможем поддержать наше существование несмотря на преследования правительства. Первые препятствия побеждены, дорога к цели перед нами открыта, пойдем же по ней рука об руку».

Конгресс закрыт при громких криках «Да здравствует социалистическая и демократическая республика».

На административных, закрытых для публики заседаниях вотировали интернациональную программу [23].

Секции Интернационала не должны иметь президентов, так как это не согласно с демократическими принципами.

Каждая образовавшаяся секция должна немедленно извещать об этом Генеральный Совет. Генеральный Совет имеет право принять или не принять новую секцию, которая может апеллировать на отказ конгрессу. Где существуют федеральные группы, Генеральный Совет прежде согласия или отказа должен выслушать мнение федерации, сохраняя, однако, право отказа.

Генеральный Совет имеет также право исключить до будущего конгресса ту или иную группу или секцию. Федерации тоже имеют право исключить из своей среды секцию, не лишая ее, однако, интернационального характера [24].

При столкновениях, происходящих между ветвями одной национальной группы или между группами разных национальностей, спор решается Генеральным Советом, причем можно апеллировать конгрессу, решение которого окончательно. Впредь участвовать в конгрессе могут лишь делегаты обществ или секций, принадлежащих к Интернационалу и уплативших котизацию Генеральному Совету. Из стран, где закон мешает развитию Интернационала, могут являться делегаты корпораций, рабочих обществ и участвовать в прениях по принципиальным (но не административным*) вопросам, но не могут вотировать.

Котизация Генеральному Совету остается по 10 сантимов в год с члена.

На Базельском конгрессе местом следующего конгресса был назначен Париж. Генеральный Совет ввиду недозво-

---

* — то есть организационным.

ляющих его обстоятельств созывает его в Майнце. На этом никогда не состоявшемся конгрессе должны были разбираться вопросы:

1) О необходимости отменить государственный долг и о праве на вознаграждение кредиторов государством.

2) Об отношении между политическим действием и социальным движением рабочего класса.

3) О практических средствах для превращения части поземельной собственности в общественную.

4) Условия кооперативного производства в национальных размерах [25].

[Гл. XIV

ИНТЕРНАЦИОНАЛ В ШВЕЙЦАРИИ ПОСЛЕ БАЗЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА]

По возвращении делегатов с Базельского конгресса борьба в Романской федерации закипела с новою силой.

На выборах в Государственный Совет рабочий кандидат Гафлен потерпел поражение, хотя до выбора ему недоставало всего нескольких голосов. Огорченные неудачей, женевские рабочие-граждане обвиняли в ней бакунистов, которые во все время избирательной агитации не переставали протестовать против подобного участия в местной политике, противного, по их мнению, принципам Интернационала. В особенности отличались юрские секции и их орган «Прогре» *.

В конце 69 г. эта газета вместе с официальным органом Романской федерации «Эгалите», редактируемым Бакуниным, не довольствуясь нападками на Женевский рабочий и федеральный комитет, от которого редакция не зависела, начинает читать наставление самому Генеральному Совету.

Ему выставляется на вид, что, вопреки решениям конгрессов, он не посылает секциям ежемесячных бюллетеней. Это объясняется двойной функцией, исполняемой Генеральным Советом. Усердно занимаясь английскими секциями, он неглижирует общие дела Интернационала. «Эгалите» предлагает поэтому, чтобы Генеральный Совет по-

* — «Progrès».

заботился и об организации федерального совета для Англии и затем не вмешивался более в местные дела *. Всюду преследуя участие Интернационала в местной политике, «Эгалите» недовольна отношением Генерального Совета к фенианскому движению, которому он открыто высказывает горячее сочувствие и участвует в митингах, организованных с целью добиться помилования приговоренных к смерти фениев. Вовсе не в интересах рабочих, поясняет «Эгалите», стараться улучшать ** современные государства, они должны, наоборот, сохранять всю свою энергию для полного уничтожения всякого государства — политического, авторитарного и юридического.

Генеральный Совет вмешался в фенианское движение, продолжает «Эгалите», не в качестве представителя международной организации, а как местный комитет, побуждаемый, быть может, какими-нибудь местными обстоятельствами. Вот поэтому-то мы и считаем такое смешение функций чрезвычайно вредным. «Эгалите» настоятельно просит затем все остальные журналы Интернационала присоединиться к ней, чтобы напомнить Генеральному Совету его обязанности относительно всего Интернационала и побудить его таким образом сложить с себя второстепенные сравнительно функции местного центра ***. На все это Генеральный Совет ответил комитету Романской федерации циркуляром[26], предназначенным для сообщения всем секциям, где говорится, что Генеральный Совет не обязан ни отвечать на вопросы газет, ни вступать с ними в полемику. Он всегда готов, наоборот, отвечать на вопросы или упреки федеральных комитетов, но эти вопросы должны быть сделаны ему через секретарей, а никак не путем газет, на которые федеральный комитет не имеет никакого права слагать свои функции ****. Вообще говоря, корреспонденция Генерального Совета с национальными комитетами не может быть опубликована без серьезного вреда для общих дел Интернационала. Если бы другие органы Интернационала последовали примеру «Прогре» и «Эгалите», они поставили бы Генеральный

* Mémoire de la Fédération Jurassienne, стр. 89 *(прим. В. Засулич).*

** Ibid., стр. 91 *(прим. В. Засулич).*

*** Ibid., стр. 92 *(прим. В. Засулич).*

**** Ibid., стр. 94 *(прим. В. Засулич).*

Совет в альтернативу или молчанием дискредитировать себя перед публикой, или нарушить свой долг публичными ответами.

В конфиденциальном же сообщении федеральному комитету[27] Генеральный Совет объясняет в то же время, почему считает он вредным передачу английских дел в руки местного комитета *. «Хотя революционная инициатива должна выйти из Франции, но одна Англия может служить рычагом серьезной экономической революции. Это единственная страна, где нет уже крестьян и где поземельная собственность сконцентрирована в немногих руках, где все производство приняло капиталистическую форму.., где большинство населения состоит из наемных рабочих.., где организация рабочего класса достигла в Trades-unions известной степени зрелости... Вследствие господства Англии на всемирном рынке всякое изменение в ее faits économiques (экономических факторах) должно тотчас же отозваться во всем мире.

Если здесь по преимуществу царство лендлордизма и капитализма, то здесь же par contrecoup ** и материальные условия их разрушения находятся в более зрелом состоянии.

Генеральный Совет занимает счастливую позицию, позволяющую ему действовать на этот великий рычаг революционного пролетариата. Каким же безумием, мы готовы сказать, каким преступлением было бы передать этот рычаг в исключительно английские руки! Англичане имеют весь материал, необходимый для социальной революции, но им недостает духа обобщения (l'esprit généralisateur) и революционной страсти. Только Генеральный Совет может пополнить этот пробел и ускорить таким образом революционное движение в этой стране, а следовательно и повсюду.

Значительные результаты, уже достигнутые нами в этом направлении, засвидетельствованы самими буржуазными журналами, пользующимися наибольшим кредитом (доверием) у высших классов. Они обвиняют нас в том, что мы отравили и почти уничтожили английский дух в рабочем классе и толкнули его на путь революционного социализма.

---

* *Oscar Testut.* L'Internationale, стр. 237 *(прим. В. Засулич).*
** — с другой стороны.

Если отделить Генеральный Совет от местного Английского совета, то последний не будет иметь никакого значения, а Генеральный Совет потеряет возможность действовать в Англии».

Далее говорится, что пунктом, на котором можно нанести официальной Англии наиболее чувствительный удар, является Ирландия, где действие облегчается концентрированием экономической борьбы на одной поземельной собственности, а также и революционным духом населения.

И в этом сообщении Генеральный Совет повторяет, что было бы большой ошибкой с его стороны отвечать на запросы «Égalité».

В начале января федеральному совету удалось избавиться от бакунистской части редакции «Эгалите».

Вследствие распрей с одним из своих не принадлежащих к Альянсу сочленов Wachry *, они подали в отставку, надеясь таким образом заставить выйти его, но федеральный совет поймал их на слове и принял отставку. На их место к Wachry был присоединен враг Бакунина Утин.

4 апреля ** 70 г. собрался в Шо-де-Фоне 2-й конгресс Романской федерации. Вопросы, поставленные на разбирательство, были о кассах сопротивления, о кооперативных обществах и 3-й — De l'attitude de l'Internationale vis-à-vis des gouvernements ***.

Голоса и мнения были всем и каждому известны заранее. По первым двум вопросам борьбы не предвиделось, но по последнему было известно, что вся Женева («постройка» уже не шла за Бакуниным) и часть Шо-де-Фона будут на одной стороне, делегаты же всех остальных горских секций на другой, бакунистской.

Но еще сильнее этого вопроса возбуждали страсти другие административные вопросы о принятии в федерацию секции Альянса, которая (закрытая) не насчитывала в это время и 20 членов, так как почти все женевцы из нее вышли, и еще другой, образовавшейся в Шо-де-Фоне Секции социалистической пропаганды, постановившей в своем уставе вступить в сношения со всеми секциями Интернационала. Так как именно эти сношения составляют глав-

---

* Вери.

** В оригинале ошибочно — 3 апреля.

*** — О позиции Интернационала по отношению к правительствам.

ную функцию комитета, то он справедливо увидел в этом пункте недоверие и объявление заранее войны и не принял секцию.

Волновало также делегатов задуманное бакунистами перенесение журнала и комитета федерации из Женевы в какой-нибудь из юрских городков.

Война тотчас же началась. Женевцы предлагали отложить вопрос об Альянсе до конца конгресса, юрцы настояли на его немедленном решении. После бурных прений, где вопрос свелся главным образом на личность Бакунина, обвинителями которого являлись поочередно Duplaix, Duval, Weierman *, Утин, говоривший о нечаевских прокламациях, Альянс был принят 21 голосом против 18.

Женевские делегаты заранее объявили, что раз Альянс будет принят, они по приказу своих секций должны будут удалиться с конгресса, и теперь они встали, чтобы уйти. Но их шо-де-фонские союзники, которым принадлежал локаль конгресса, потребовали удаления бакунистов, и победители должны были очистить поле битвы. Озлобление с обеих сторон было так велико, что о примирении нечего было и думать. Каждая из сторон, объявив себя конгрессом Романской федерации, продолжала свои заседания в особом локале. По вопросу о политической деятельности были постановлены обоими конгрессами диаметрально противоположные решения.

«Всякое участие рабочего класса в буржуазной государственной политике не может иметь иных результатов, кроме упрочения существующего порядка вещей и парализования революционно-социалистического действия пролетариата»,— говорят юрцы-бакунисты.

«Стремление отвлечь рабочих от участия в политическом движении совершенно совпадает с желаниями наших врагов»,— говорится в докладе комиссии, мотивирующем решение женевцев по этому же вопросу. На аргументы абстенционистов, что будто попавшие в правительство рабочие развращаются и изменяют делу, доклад отвечает: «Предатели, конечно, бывают повсюду, но теперь, в какое бы положение ни попал член Интернационала, он не перестанет чувствовать своего единства с нашей великой ассоциацией, и его тесная связь с нею не может прекратиться, а это совсем не то, что попасть в чуждую среду совер-

---

* — Дюпле, Дюваль, Вейерман.

шенно изолированному рабочему... Не будем подвергать наших товарищей карантину для предохранения их от соприкосновения с лицами других классов. Будем верить в величие и силу наших принципов, достаточную для того, чтобы привязать наших товарищей к общим интересам». Не более основательно, по мнению доклада, и второе опасение, что, занявшись политикой вне массы рабочих, [Интернационал] «на ней одной сосредоточит свое внимание и забудет о социальном вопросе... Сам Интернационал обязан своим появлением и успехом пробуждению в рабочих классового самосознания, неужели же можно бояться, что они вдруг забудут свое положение, чтобы заняться одной политикой... Это пустые страхи, опасность абстенционизма гораздо серьезнее... Необходимо, чтобы между нами были люди, знакомые с политическим строем и способные понять, чем можно заменить его. Иначе мы снова очутимся в положении 48 г. Снова придется отдать в руки адвокатов и риторов дело своего политического, а вместе с ним и социального освобождения» [28].

Прежний орган Романской федерации «Эгалите» оставался, конечно, в руках женевцев. Юрцы сделали органом Романской федерации свой «Прогре», переименовали его в «Солидарите» * под тою же редакцией Гильома и Швицгебеля.

В Женеве, вне секции Альянса, против поведения меньшинства не поднялось никаких протестов. В самой этой секции, наоборот, почти половина членов — все не вполне перевоспитанные Бакуниным — заявила, что Альянс должен выйти из федерации и тем уничтожить повод к разделению. Но большинством 2-х голосов секция решила не трогаться с места, и меньшинство вышло из нее.

«Оставшиеся 8—10 человек,— шутливо пишет Филипп Беккер **,— очевидно, сохранят еще на некоторое время den edlen Muth *** предписывать правильные пути истории».

Беккер не понимает, какой смысл мог иметь для секции Альянса, состоящей из людей всех национальностей, принадлежащих притом к различным женевским секциям, прием в Романскую федерацию. Цель Альянса заключается в принципиальной пропаганде всеми возможными

* — «La Solidarité».
** «Vorbote». Апрельский номер 1870 г. *(прим. В. Засулич)*.
*** — благородную решимость.

средствами, и в этой деятельности принадлежность к федерации могла лишь стеснить ее. Настаивать было тем неуместнее, что раскол предвидели заранее, так как господствующую личность Альянса — Бакунина в Женеве давно очень не любят, и весь Альянс считает просто-напросто его Intriguirmaschine *. Но Беккер порицает в то же время и женевцев, сделавших casus belli ** из приема ничтожной секции, не могущей ни в каком случае быть опасной для целой федерации.

Старый немец не догадывался, что эта Intriguirmaschine была опасна для всего Интернационала, а не только для Романской федерации. Он только радовался, что его немецкие секции остаются в стороне от этих историй.

После раскола за Женевским комитетом осталось 3/4 прежней Романской федерации и 1/4 за Юрским, хотя на конгрессе, происходившем в Юре, представители этой 1/4 и составили большинство ***.

В постскриптуме напоминалось, что статуты Интернационала говорят, что политическое движение должно быть подчинено экономическому как средство. Подписал Юнг[29].

«Солидарите» ответила на это очень резкой статьей, где говорится, что они вовсе не просили Генеральный Совет быть судьей в их распре с Женевой. Что Генеральный Совет сделал большую ошибку, произнося приговоры там, где ему не следовало вмешиваться. Что этим он нарушает автономию групп. Далее говорится, что за название они не держатся, коли женевцам угодно называться Романской федерацией, пусть называются, но юрцы не дозволят, чтобы им это решение навязывали ****.

Смысла же постскриптума они искренне или притворно не поняли и, напирая на слово *подчинено,* заявляют, что они-то не только подчинили политическое движение экономическому, а и вовсе решили не заниматься политикой, а вот женевцы, так те ею слишком много занимаются и к ним, а не к юрцам, Генеральному Совету действительно следовало бы обратиться с увещанием. До сих пор таким тоном никто еще не говорил публично с Генеральным Советом. Это уже начинался открытый бунт.

---

* — машиной для интриг.

** — повод для войны.

*** Далее на этой странице текста нет.

**** Ibid., стр. 161[30] *(прим. В. Засулич).*

Они завели деятельные сношения с заграницей и из Лиона, Марселя, из Испании, отовсюду, где силен был тайный Альянс, они получали выражение одобрения и сочувствия. Бельгийцы держались нейтрально. Немецкие журналы высказывали неодобрение, отзыв «Vorbote» мы уже привели. Лейпцигский «Volksstaat» поздравляет «Égalité» с той энергией, с какой та поддерживает необходимость политической борьбы и доказывает, что рабочие, которые sich auf sein sozialistisches Gebiet beschränken, zu sektiereren herabsinken * и действуют лишь в интересах своих врагов.

В июне женевская буржуазия опять пыталась нарушить договор. Придравшись к частной стачке рабочих штукатуров, хозяева расклеивали на стенах объявление, что если до 11-го июня gypsiers ** не покорятся, все предприниматели по постройкам прекращают работы. К правительству же плакат снова обращается с требованием преследования Интернационала и изгнания иностранцев, разоряющих местную промышленность. В ответ на это 7-го июня женевский Интернационал созвал народное собрание исключительно из женевских граждан, чтобы фактом доказать, что не иностранные выходцы причиною народных движений. Численность этого собрания оценивалась газетами приблизительно в 5 тысяч. Оратором опять явился Грослен и горячо протестовал против претензий патронов изгнать из Женевы свободу ассоциаций, свободу слова и пропаганды, свободу проживания в ней граждан других стран. Собрание единодушно вотировало протест против претензий патронов.

Это решение тоже расклеивается на стенах, вместе с другим, где рабочим советуют не поддаваться никаким возбуждениям к беспорядкам, о которых мечтают хозяева, сохранять спокойствие и исполнять законы. Это не помешало хозяевам исполнить угрозу и прекратить работы, вследствие чего несколько тысяч человек остались без хлеба. Но «Журнал де Женев» *** прекратил крики об иностранцах. И мелкая буржуазия не шла уже так покорно за крупной, как в прошлом году. Борьба тем не менее обещала принять

* — ограничивают себя социалистической сферой действия, погружаются в сектантство.
** — штукатуры.
*** — «Journal de Genève».

очень серьезные размеры. Рабочие объявили, что они не согласны работать на прошлогодних условиях, а требуют 10-часового рабочего дня.

Начало войны между Францией и Германией положило конец стачке. Обе стороны спешили помириться. Рабочие отказались от повышенных требований, хозяева уже в 3-й раз опять подчинились выговоренным 1-ой стачкой [31] условиям.

Ввиду начавшейся войны швейцарское правительство нашло нужным мобилизовать и выслать на границу 50 000 войска. Это сразу отодвинуло социальный вопрос на задний план. Многим рабочим пришлось отправиться на границу. Другие так увлеклись событиями, что перестали ходить на собрания секции. Наконец, иностранцам пришлось покинуть Швейцарию по недостатку работы. «Солидарите» сразу потеряла 3/4 подписчиков *.

Оставим теперь на время Швейцарию, где Интернационал притих, и возвратимся назад во Францию, которую мы покинули накануне Базельского конгресса.

[Гл. XV]
ФРАНЦИЯ ПОСЛЕ БАЗЕЛЬСКОГО КОНГРЕССА

Вот как с грустью рисует Фрибур [32] состояние Французского Интернационала после Базельского конгресса: «Стачки и стачки, никакой науки и ничего ей подобного. Sous puissance de l'impulsion ** Варлена организация этого состояния борьбы растет с каждым днем. Заграничный Интернационал поддерживает движение, основывая журналы violents ***; эпидемия troubles **** парализует производство во Франции...

Федерация ремесленных союзов dite de la Corderie [33] приобретает значение, но и здесь также группируются лишь для того, чтобы лучше сосчитать свои ряды; и из всех этих новых интернационалистов очень clairsemés ***** те, которые прочли общие статуты. В мастерских on se

---

* Mémoire..., стр. 166 *(прим. В. Засулич)*.
** — Под силой воздействия.
*** — неистовые.
**** — беспорядков.
***** — редки.

recrute * и пристают к Интернационалу так же легко, как предлагают и принимают стакан вина» **.

Для иллюстрации силы и напряженности борьбы в Париже приведем несколько отрывков из писем Варлена к Обри в Руан [34] о парижских стачках.

4 ноября 1869 г. Варлен пишет: «К прежним стачкам (их было 3) присоединилась стачка mégissiers ***, насчитывающая до 1000 человек. Делегаты парижских ремесленных обществ на общем собрании кожевников сами настаивали на стачке и обещали материальную и нравственную поддержку всех обществ. Мы все, следовательно, все парижские общества, втянуты в это дело. Теперь уже не рабочие mégissiers борются со своими хозяевами, а все рабочие общества Парижа. Нам придется делать громадные усилия... Я писал уже в Брюссель и Берлин, но еще не получил ответа».

8-го ноября Варлен к Обри.

«Обязательство принято нами не только перед mégissiers, но и перед их патронами, так как все члены синдикальной камеры патронов присутствовали на общем собрании рабочих. Поэтому каждый из нас считает делом чести выполнить обещание, но для этого нужны громадные усилия». «Думали, что стачка не может продолжиться больше недели, вследствие громадного количества товаров в производстве (на миллион), которые пропадут, если пролежат 2—3 недели. Мы надеялись, что патроны сдадутся, если первая уплата будет произведена сполна, так как они рассчитывали, что у нас не будет возможности найти в 4 дня нужных 2000 франков; первая плата была произведена, но патроны не сдались. Опять общее собрание кожевников и новые обещания со стороны делегатов... К следующему воскресенью надо будет 12 000 франков, и мы их нашли, эти тысячи, но какою ценою! С какими усилиями! Теперь мы готовимся к следующему воскресенью. Общества отдают свои последние деньги, продают последние акции, во всех мастерских ведется самая усиленная подписка, и чтобы изо всего извлекать деньги, мы устроим на этой неделе публичное собрание по вопросу о стачках...».

---

* — вербуются.

** стр. 141 *(прим. В. Засулич)*.

*** — кожевников.

16 ноября Варлен к Обри.

«Наше положение все то же: стачка продолжается, несмотря на убытки патронов. Мы знаем из верных источников, что весь синдикат патронов кожевенных товаров соединился и уплачивает патронам стачечников их убытки. Быть может даже, что и весь национальный союз торговли и промышленности участвует в заговоре, чтобы бесконечною стачкой истощить кассы рабочих обществ. Никогда прежде мы не встречали такого упорства».

2 декабря от Варлена к Обри.

«Мы истратили уже на mégissiers 51 000 франков, а между тем у нас с первой же недели ни разу не было денег в запасе».

В середине декабря стачка кончилась поражением. Хозяева оказались еще упорнее рабочих.

До сих пор у Парижского Интернационала не было собственного сколько-нибудь сносно обставленного органа, теперь он приобрел его при помощи Рошфора. Рошфор, сделавшийся, благодаря своему «Фонарю», посвященному осмеиванию империи, чуть ли не самым популярным человеком Франции и во всяком случае Парижа, попавший в парламент при последних выборах, вступил там в тесный союз с выдающимися лицами Интернационала.

В декабре он основывает «Марсельезу» и делает ее официальным органом Интернационала. Это была большая услуга. Имя Рошфора заранее обеспечивало успех и широкое распространение.

К изданию приступают с самыми грандиозными планами. Вот что говорит по этому поводу Варлен в письме к Обри: «Основатели «Марсельезы» имеют в виду сделать этот орган связующим звеном всей социалистической партии Европы. На наших собраниях все мы, основатели журнала, почти единогласно признали, что нам нужно еще по меньшей мере год, а может быть и два самой деятельной пропаганды, публичных собраний и организации рабочих обществ, чтобы сделаться господами положения и быть уверенными, что революция произойдет в нашу пользу, а не к выгоде республиканцев-несоциалистов». Мильер выбран редактором социалистического отдела, который должен вестись в духе решений Базельского конгресса. «Необходимо содействие всех наших друзей»,— добавляет Варлен. «С будущей недели мы с Малоном начнем ряд статей. Вы посоветуйте нашим друзьям группироваться

по 5—10 или больше, чтобы брать коллективные абонементы».

Империя между тем быстро клонится к упадку. В тронной речи 23 ноября 69 г. император снова выставляет себя защитником буржуазии от пролетариата, базельские решения которого наделали много шуму, а стачки убытков и беспокойства. Он обещает ей «свободу с порядком». В качестве свободы дано право выбирать мэров, но буржуазия разлакомилась, и ее уже трудно было удовлетворить. Наконец, для увенчания здания 2-го января 70 г. Оливье назначен министром.

Эмиль Оливье был либералом, еще недавно он слыл чуть не заговорщиком и другом рабочего класса. Вот что писал он Обри (письмо прочитано на заседании 3-го процесса Интернационала): «Существовало 4 препятствия развитию ваших прав и вашей свободной инициативы: 1) Ваше устранение от политической жизни. 2) Закон против коалиции. 3) Запрещение публичных собраний. 4) Запрещение ассоциаций, насчитывающих более 20 членов. Первое препятствие пало в 48 году, я имел счастье содействовать уничтожению 2-го и 3-го препятствия. Теперь остается лишь завоевать право ассоциаций. Сосредоточьте же все свои усилия на этом пункте. Вместо якобинских фраз заставьте ваших кандидатов, ваших друзей требовать права ассоциаций. Как только вы его получите, вы сделаетесь распорядителями своей судьбы». Но едва очутившись у власти, бывший друг рабочих показывает им когти. «Мне сообщают,— пишет он * марсельскому прокурору,— что собрания у вас невыносимо бурны. В Марселе несомненно существует Интернационал. Не медлите показать пример и прежде всего направьте удары на глав (frappez à la tête)».

Не прошло и 10 дней с этого начала увенчания здания, как империи был нанесен новый удар, который едва не повалил ее. Это известное предательское убийство родственником императора Пьером Бонапартом журналиста из «Марсельезы» Виктора Нуара, явившегося к нему в качестве секунданта Паскаля Груссе. Возмущение парижан было неописанное. Рошфор, конечно, раздувал его до последних пределов. «После того, что произошло вчера,—

---

* *Rud. Meier.* Emancipations-Kampf des Vierten Standes. [Berlin, 1875, Bd. II], стр. 574 *(прим. В. Засулич).*

говорил он на другой день в парламенте,— невольно спрашиваешь себя, Бонапарты или Борджиа управляют нами?» А статья в «Марсельезе» за этот день заканчивается более решительным вопросом. «Вот уже 18 лет,— говорится там,— Франция находится в окровавленных руках этих убийц. Не довольствуясь расстреливанием республиканцев на улицах, она заманивает их в грязные ловушки и умерщвляет в домах. Французский народ, не находишь ли ты, что пора покончить?»

Более 100 000 человек провожало гроб Нуара. Многие в толпе желали, чтобы процессия направилась по внутренним улицам Парижа, и в этом случае столкновение с войсками было неизбежно. Ждали знака Рошфора. Если бы он высказался за Париж, толпа двинулась бы туда. Но Рошфор не решился, и день окончился без кровопролития.

Вот что говорит об этом Варлен в письме к Бастелике:

«Случилось так, что все делегаты федеральной камеры встретились на похоронах Нуара, не сговорившись заранее. Одни хотели идти на Париж, т. е. дать битву, другие нет. Эти два чувства целый день колебали толпу. Назавтра заседание федеральной камеры было сплошь посвящено обсуждению того, что следует предпринять в подобном случае. С этих пор мы будем предварительно совещаться и действовать сообща. Кроме того, мы условились с Рошфором, который тоже не будет действовать, не согласившись с нами. Могу уверить вас, что большинство готово было действовать, если бы Рошфор крикнул: «В Париж!». Рошфор был господином положения. Он был достаточно благоразумен, чтобы не давать приказа, влекущего за собою такую ответственность, и не посылать на бойню наших лучших людей. Его должны мы благодарить за благополучный исход дня».

Рошфора арестовали и привлекли к суду за его статьи об убийстве Нуара. При этом произошли небольшие столкновения, появились баррикады, тотчас же разрушенные войсками.

Интернационал не принимал в этом участия, чувствуя приближение революции, он желал бы отсрочить ее наступление, чтобы иметь время закончить свою организацию. «Можно сказать, что революция уже начинается»,— говорит прокламация Парижского Интернационала[35] по поводу ареста Рошфора. «В такой важный момент каждый честный гражданин обязан высказаться относительно пути,

которому намерен следовать. Что же до нас касается, то в сознании своей готовности всем пожертвовать для успеха революции, мы без колебания заявляем, что, по нашему мнению, момент решительного, непосредственного действия еще не наступил. Революция быстро приближается, не будем затруднять ее шествие нашим нетерпением, вполне справедливым, но могущим, тем не менее, иметь вредные последствия... Каждый день увеличивает наши шансы и уменьшает силы врага. Мы приближаемся к цели. Будем же готовиться к ней. Будем действовать посредством пропаганды и в особенности посредством организации; будем приближать окончательный триумф, но не будем вредить себе преждевременными ударами».

«Сторонники немедленной политической революции,— пишет руанская «Réforme Sociale» *,— говорят, что в недрах своих она принесет социализм. Но и в 48 г. она несла его в недрах, а как только он показался на свет, его и раздавили. Поэтому мы вполне присоединяемся к манифесту наших парижских друзей. Они правы: отдадимся целиком великому делу организации».

Организация действительно росла с каждым днем и не мечтой казалась уже надежда, что еще несколько усилий и она охватит весь французский пролетариат. Еще в декабре 40 ремесленных союзов Парижа соединились в федерацию с федеральной камерой, состоящей из делегатов союзов. Во избежание придирок правительства организация называла себя в печати федерацией синдикатов, но делегатами союзов были избраны почти без исключения выдающиеся деятели Интернационала, и руководителем всей организации был Варлен.

В начале апреля 70 г. рядом с этим союзом образуется федерация 25 собственных секций Интернационала, из которых 5 организованы также по ремеслам, остальные же смешанные секции организованы по кварталам и носят характер обществ пропаганды и самообразования.

До этих пор Интернационал во Франции хотя и был многочисленнее и оживленнее, чем где-либо, но принятый после процессов способ вербовки (индивидуальные присоединения с получением членских карт от Генерального Совета) вел к страшным беспорядкам. Личности, раздав-

* *Testut.* L'Internationale, p. 24 *(прим. В. Засулич).*

шие членские карты, в Париже не могли собирать достаточных сведений о кандидатах в члены Интернационала, и картами, как оказалось, запаслись многие полицейские агенты и даже городские сержанты *. Против них в статуты, составленные Варленом [36], внесен параграф, по которому лишь члены секций как парижских, так и иногородних, могли присутствовать на заседаниях союзного комитета федерации, отдельные же личности, хотя бы и снабженные членскими картами, доступа туда не имели. Этим же параграфом удалялись из Интернационала попавшие в большом числе мелкие адвокаты, журналисты и т. п. Этих работников головы французы продолжают бояться так же, как и увлечения политикой. И Варлену снова и снова приходится защищать в переписке с друзьями свою политическую деятельность. «Ошибаются, думая, что я жертвую интересами социалистического движения для политического... Но если теперь, когда империя существует уже только по имени, социалистическая партия дозволит убаюкать себя абстрактными социологическими теориями, ей придется проснуться в одно прекрасное утро под властью новых господ, более могущественных, а следовательно и более опасных, чем теперешние. Будем же приготовлять будущую социальную организацию, но будем зорко следить и за политическим движением».

В провинции организация также растет с поражающей быстротою.

В Лионе организуются и федерируются между собою ремесленные корпорации и фактически присоединяются к Интернационалу, хотя публично и не заявляют этого. Федерируются также и сильно размножившиеся секции Интернационала.

«Несмотря па кратковременность своего существования,— пишет бельгийский «L'Internationale» в январе 70 г. **,— Интернационал в Лионе приобрел уже блестящую славу и могущество. Ему следует лишь пожелать осторожности, иначе он скомпрометирует себя преждевременными проявлениями».

В марте Лионская федерация решила устроить общее собрание представителей всех корпораций (их было до 30)

---

* «Vorbote»: Майский номер за 70 г. Корреспонденция из Парижа *(прим. В. Засулич).*

** *Тестю,* стр. 170 *(прим. В. Засулич).*

и секций и пригласить на него делегатов от Парижа, Руана, Марселя, Юры, Брюсселя. Оно состоялось 13 марта под председательством Варлена. К Лионской федерации присоединились также секции в Сент-Этьене, Гренобле, Виенне и другие.

Руанский Интернационал, руководимый литографом Обри, разросшийся в 69 г. под действием стачек, образует также в конце года федерацию как ремесленных корпораций, так и секций Интернационала и основывает даже собственный журнал «La Réforme Sociale». На выборах 69 г. Обри ставил свою кандидатуру. Руанская федерация собирает каждый месяц общие собрания. К ней же принадлежит основанная Варленом, ездившим туда, сильная секция в Лилле.

Марсельская секция разрастается в конце 69 г. в целую 4-ю федерацию соединенных ремесленных корпораций, оказывается в руках деятельного бакуниста торгового агента (employé de commerce) Бастелики.

В 70 г. образуется и присоединяется к Интернационалу синдикальная камера матросов коммерческого флота и издает адрес, перепечатанный в журналах Интернационала, ко всем французским матросам, приглашающий их последовать примеру марсельских матросов[37]. В феврале 70 г. руанская «Réforme Sociale» печатает письмо безансонских рабочих, где говорится об их намерении всей массой присоединиться к Интернационалу. И действительно, 13 марта в Безансоне созывается огромное собрание, рабочий Робер излагает принципы Интернационала, читает статуты, и громадным большинством собрание вотирует свое присоединение.

Стачка прядильщиков Эльбёфа порождает в этом городе сильную секцию. В Лиможе по инициативе приезжих из Парижа в марте 70 г. рабочие на фарфоре соединяются в корпорацию и присоединяются к Интернационалу. В это же время образуются многочисленные секции в Рубэ, Камбре, Реймсе, Дижоне, Сен-Кептене.

Мы уже знаем, что Ришар, глава Лионского Интернационала, а также Блан, марсельский Бастелика и некоторые другие присоединились к бакунинскому Альянсу, и первый получил от Бакунина инструкции и, так сказать, главенство над Альянсом во Франции. Они проектируют съезд глав Французского Интернационала. 1 октября 69 г. Бастелика писал Ришару:

«Вы уже знаете о моем намерении приехать в Лион, если бы в то же время мог приехать Обри и кто-нибудь из парижан, мы обсудили бы вместе многие проекты и, может быть, выяснили бы некоторые экивоки (двусмысленности). Накануне социальной революции, быть может еще более, чем накануне политической, необходим сговор (в особенности относительно практических средств) между социалистами Лиона, Парижа, Руана и Марселя, для того чтобы не оставлять события на волю случая. Мы должны, следовательно, как можно скорее изучить и установить план французской революции» [38].

Этот съезд не состоялся, но сношения велись очень оживленные, в особенности между Марселем и Лионом, а также и с Юрской федерацией.

О дальнейших поводах к агитации заботилось само правительство. 22 марта император обнародовал свой рескрипт Оливье и начались приготовления к плебисциту.

Об этом именно времени говорит прокурор на 3-ем процессе Интернационала. «...Можно было думать, что коммунизм, похороненный под камнями июньской мостовой, снова встал». На процессе он, правда, утешает себя тщетной надеждой, что 7 миллионов «да», полученных императором при плебисците, заставили уже призрак снова спрятаться под камни.

Вслед за обнародованием рескрипта о плебисците 22 марта начались всюду многолюдные собрания, и члены Интернационала широко воспользовались ими для своей агитации. «Рабочий класс,— говорит Комбо на одном из собраний *,— никогда не хотел ничего принять от угнетателя Франции и всегда смотрел на него как на своего злейшего врага... Мы не можем не заниматься политикой, так как труд подчинен политике. Объявим поэтому раз навсегда, что мы хотим социальной республики со всеми ее последствиями».

В своей прокламации Парижский Интернационал говорит, что плебисцит есть западня, расставленная французскому народу. «Мы не можем вотировать,— заканчивает прокламация,— ни за парламентскую, ни за авторитарную империю. Мы будем вотировать за республику» [39]. Император получил 7 миллионов «да», но Париж большинством голосов вотировал «нет».

* «3-ème procès de l'Internationale» *(прим. В. Засулич).*

Одновременно с плебисцитом внимание всего мира было привлечено стачкой углекопов Крезо, выдающейся как по размерам, так в особенности по положению директора копей г-на Шнейдера. Один из крупнейших собственников Франции и президент Законодательного корпуса, Шнейдер, служил во время стачки великолепной мишенью всем революционным газетам для нападения на господствующие классы в лице такого почтенного их представителя. Стачка началась по поводу кассы взаимного кредита, которою заведывала дирекция. Рабочие захотели взять ее в свои руки и выбрали кассиром члена Интернационала Асси. Дирекция рассчитала Асси и некоторых других «зачинщиков». Рабочие потребовали отмены этого распоряжения и отставки одного особенно нелюбимого мастера. И когда это не было исполнено, объявили стачку. В Крезо [были] вызваны войска. Там господствовало страшное возбуждение. Деятель Интернационала Малон, поселившийся в Крезо и вместе с Асси руководивший стачкой, делает воззвание ко всем секциям, рисуя ужасную нищету и угнетение углекопов. Воззвание всюду встречает отклик, всюду начинаются сборы. Малон в восторге от духа населения: «Несмотря на ваше предубеждение против крестьян,— пишет он Combault *,— эта провинция относительно готова для социальной республики. Здесь не занимаются плебисцитом, еще меньше парламентскими прениями, и когда углекопы спрашивают: что нового в Париже?, этот вопрос просто значит: объявлена ли республика? Жители Крезо смотрят на дело очень просто (on est simpliste) и не византийствуют». Малон основал в Крезо и окрестностях до 20 секций. «При идее Интернационала все вспыхивает здесь как порох»,— пишет он далее.

Старые ссыльные 2 декабря отдаются всей душой Интернационалу, который является для них откровением. В Крезо начинает расходиться до 80 экземпляров «Марсельезы». Когда некоторые стачечники подумывают возвратиться в колодцы, их поджидают у входов женщины с фартуками, полными камней. Они впереди при всех бурных сценах, при встречах с войсками. Но аресты производятся целыми сотнями, к тому же стачечников слишком много, нищета страшная, пришлось уступить, несмотря на возбужденное состояние населения и помощь с разных сторон.

---

* — Комбо.

14 апреля комитет стачки, председателем которого был Асси, предложил углекопам вернуться в колодцы. Комитет выпустил при этом адрес ко всему Интернационалу, где, извещая об окончании стачки, благодарит за оказанную помощь и за обещанное впредь содержание семьям заключенных. «Наше дело возбудило всеобщую симпатию, мы гордимся этим и, когда представится случай, сами сумеем на деле доказать братство рабочих, а пока громко заявляем о своем присоединении к Интернационалу...— этой надежде, этому предвестнику будущего равенства»,— так заканчивается адрес.

Малон пишет по поводу окончания стачки: «Когда один человек располагает и громадными капиталами, и военной силой, и юстицией, пролетариям приходится уступить, но они не чувствуют себя побежденными, они «увидели солнце», по их словам, и познакомились с чувством солидарности и свободы. Они принадлежат теперь великому международному движению, и вражды к своим врагам они никогда не забудут».

В конце апреля был открыт республиканский заговор, известный под названием «Комплот бомб». Арестованы были по этому поводу уже известные нам бланкисты: Тридон, Жаклар, Рауль Риго, затем Вилленёв, Флуранс, отличившийся во время беспорядков при аресте Рошфора, Герен (Guérin), Фонтен, Тони, Молен, Курне. Как раз все те из героев Коммуны, которые не принадлежали к Интернационалу.

В то время, ехидно замечает Вильтар[40], все органы республиканцев кричали, что «Комплот бомб» есть лишь избирательный маневр полиции, но теперь (в 72 г.) теза становится insoutenable *, если не предположить, что и 18 марта выдумано полицией.

В этот заговор стремились впутать и Интернационал. Многие члены были арестованы, и в их жилищах сделаны обыски. Парижский Интернационал протестует против обвинения в покушении на жизнь императора, так как жизнь отдельного человека для него не важна, но заканчивает свою протестующую прокламацию такими словами: «Интернационал, этот постоянный заговор всех угнетенных и эксплуатируемых, несмотря на бессильные преследования против так называемых наших вожаков, будет стоять до

---

* — не выдерживающей критики.

тех пор, пока не исчезнут все эксплуататоры, капиталисты, попы и искатели политических приключений»[41]. Это было открытым объявлением войны как высшим классам, так и империи. Но в бланкистском заговоре Интернационал действительно не участвовал, и при обысках никакой связи с ним не нашли.

С своей стороны и Генеральный Совет выпустил прокламацию, где говорится: «Точный смысл наших статутов действительно ставит специальной обязанностью всех ветвей общества Европы и Америки не только служить соединительным пунктом, центрами для организации рабочего класса, но также и поддерживать во всех странах каждое политическое движение, способствующее осуществлению нашей конечной цели — экономической эмансипации рабочего класса. Но в то же время наши статуты обязывают все принадлежащие к обществу секции действовать открыто. И если бы даже статуты и не высказывались с достаточной ясностью по этому вопросу, то сущность такого общества, которое отождествляет себя с самим рабочим классом, исключала бы всякую возможность формы тайного общества. Когда конспирируют рабочие классы, которые составляют главную массу каждой нации и производят все ее богатства, от имени которых управляют даже узурпаторские правительства, то они конспирируют открыто, как солнце конспирирует против тьмы, с полным сознанием, что вне их не может быть никакой законной силы»[42].

Не успевши впутать Интернационал в «Комплот бомб», решили судить его за тайное сообщество. Прежнее обвинение в недозволенном сообществе, во-первых, вело к слишком незначительным наказаниям, а пред задуманной уже войной вожаков Интернационала следовало хорошенько упрятать под замок; во-вторых, самый закон о недозволенных сообществах был слишком непопулярен, нелиберален, а времена стояли либеральные.

22 июня[43] появились пред Парижским судом в качестве глав и основателей Интернационала Малон, Мюра, Жоаннар, Пенди, Комбо, Элигон, Авриаль, Сабурди, Колмиа, Роше, Асси, Ланжевен, Паньер, Робен, Леблан, Аллар (Варлен бежал в Бельгию и судился заочно). В качестве простых членов: Тейс, Коло, Касс, Флао, Ландек, Шален, Ансель, Бойе, Делакур, Дюран, Дюваль, Фурнез, Франкель.

Прокурор поддерживал обвинение в тайном сообществе. Он признает, конечно, что подсудимые всегда искали глас-

ности, но тем не менее печаталось лишь то, чего не хотели скрывать. А вот архив общества или списки членов парижская полиция никогда не могла найти, тогда как сами же подсудимые утверждают, что в одном Париже у них имеется до 245 000 членов. Подробно рассказав всю историю Интернационала и ознакомив суд с захваченной при обыске перепиской подсудимых, упомянув о том, что на похоронах Нуара они чуть-чуть не сделали революции, прокурор просит суд поразить в лице подсудимых враждебное общество, ставящее своей целью ниспровержение всего существующего... Правда, теперь (после плебисцита) Франция доказала, что не хочет ничего слышать о революции... Но строгим приговором необходимо показать тем, кто впредь вздумал бы стать под знамя Интернационала, что существующее общество решило энергично оградить свои интересы.

Правительство, как видите, уже не надеется, как во время первых процессов, примирить рабочий класс с бонапартизмом. А теперь оно признает в Интернационале своего непримиримого врага.

В качестве непримиримых врагов высказываются и подсудимые. В каждом их слове слышится сознание своего могущества, гордость своим делом. К таким заявлениям дает особенно удобный повод обвинение в тайном сообществе:

«Во Франции насчитывают от 600 до 700 тысяч членов Интернационала,— говорит адвокат Лорье.— Не безумие ли называть его тайным обществом? — Это пролетариат! Вы ищете их кассу? Она в их великодушии, в их братстве. Никто на свете не способен так давать, как дают бедняки. Если нужны миллионы, в Интернационале достаточно ударить ногой о землю, и миллионы появятся из-под нее!» «Мы удивляемся,— говорит подсудимый Шален,— почему не преследуют нас за недозволенное сообщество, установить это преступление вам было бы тем легче, что все мы гордимся принадлежностью к такому обществу».

Председатель заявляет, что суд не может дозволить подсудимым гордиться своим преступлением.

«Вам, правда,— продолжает подсудимый,— пришлось бы столкнуться с колоссом, представляющим собою весь пролетариат Европы и Америки, колоссом, который во Франции, пока арестованы почти все его вожаки, в 2—3 недели приобретает сотни тысяч новых членов...

Несомненно, что мы являемся самым известным и многочисленным обществом на земном шаре. В особенности же никогда не было общества, растущего быстрее нашего. Мешая нам мирно стремиться к водворению равенства и справедливости, вы только глубже роете разделяющую нас пропасть и помогаете выяснению тех средств, которые мы должны употребить... Из последствий, к которым приведет наш приговор, вы увидите, что наше великое общество несет в себе идею, имеет силу, о которые разобьются все клеветы и преследования. Оно в особенности потому непобедимо, что ставит своим девизом «социальную всемирную республику»».

«Интернационал не тайное общество,— восклицает Робен,— он резюмирует все потребности и стремления рабочих классов всех стран. Мне 20 раз случалось слышать,— продолжает он,— как в споре с патроном рассерженный рабочий восклицает: «Эх! Погодите, вот придет Интернационал!». Для него это как бы мессия». И с каким презрением третируют подсудимые императорское правительство!

В одном из захваченных при обысках писем Варлен указывает Обри на Нуаре, старого ссыльного 52—58 гг., подписавшего вместе с другими жителями Руана какой-то адрес парижанам. «Руан не так велик, чтобы не найти его,— пишет Варлен,— немногие существующие группы людей действия должны знать друг друга».

На основании этого письма, а также письма Малона из Крезо, где тот говорит о старых ссыльных, прокурор оттеняет зловредность подсудимых их сношениями с бунтовщиками (Insurgés) 51 г. Подсудимый Дюваль замечает на это в своей защитительной речи: «Кого называет прокурор бунтовщиками 51 г.? Не тех ли, которые, поклявшись в верности республике, затем подло зарезали ее посредством государственного переворота? Насколько мне известно, мы не имели никаких сношений с подобными людьми».

«Это бой на жизнь и смерть,— говорит Комбо,— между нами и законом (на основании которого их преследуют), и погибнет закон. Если вам не удалось в 68 г., когда мы были малочисленны, убить общество, неужели вы думаете, что это удастся теперь, когда нас миллионы?»

Варлен, Малон, Мюра, Жоаннар, Пенди, Комбо и Элигон приговорены к 1 году тюремного заключения и 100 франков штрафу с каждого. Остальные к 2 месяцам заключения.

Приговор прошел почти незамеченным в шуме начавшихся приготовлений к войне. Произнесенный 9 июля приговор не помешал Парижской федерации 12-го июля выпустить прокламацию против войны. В ней она горячо протестует против войны вообще и затем говорит: «Братья [в] Германии! Во имя мира просим вас, не слушайте подкупленных голосов или лакейских перьев, которые стараются обмануть вас насчет действительного настроения Франции. Оставайтесь глухи к бессмысленным провокациям, так как война между нами была бы братоубийственной войной. Не теряйте хладнокровия, ибо храбрый и великодушный народ может оставаться спокойным, нисколько не теряя своего достоинства. Разрыв между нами доставил бы лишь торжество деспотизму по обеим сторонам Рейна». Многие города поспешили присоединиться к адресу парижан. В Германии это воззвание встретило самый горячий отклик, и на огромных собраниях там рабочие-социал-демократы составляли ответные адреса.

В Испании, в Бельгии, Англии тоже подымается протест.

15 июля война была официально объявлена.

23 июля Генеральный Совет выпустил манифест [44].

«Какой бы оборот ни приняла война Людовика Бонапарта с Пруссией, похоронный звон уже пробил в Париже над Второй империей. Она кончится пародией так же, как и началась... Со стороны Германии война признается оборонительной... Но если,— продолжает манифест,— немецкие рабочие дозволят настоящей войне из строго оборонительной выродиться в войну против французского народа, тогда победа или поражение во всяком случае поведут к печальным последствиям. Все бедствия, которые вынесла Германия после войны за освобождение, обрушатся на нее с удвоенной силою. Но принципы Интернационала слишком глубоко вкоренились в немецких рабочих, чтобы нам следовало бояться таких печальных событий».

Массовый митинг рабочих в Брауншвейге 16 июля выразил свою полную солидарность с парижским манифестом, протестовал против идеи национального антагонизма относительно Франции *.

---

* Далее в тексте зачеркнуто: «и принял резолюцию, где говорится: «Мы противники всякой войны, в особенности же войны династической...»».

В Хемнице собрание делегатов 50 000 саксонских рабочих приняло резолюцию, где говорится: «С радостью принимаем мы руку, протянутую нам французскими рабочими. Помня лозунг Интернационала — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!, мы никогда не забудем, что рабочие всех стран наши друзья, а деспоты всех стран нам враги».

В ответе берлинских рабочих на парижский манифест говорится: «От всего сердца принимаем мы протянутую нам руку... Мы торжественно обещаем, что ни звуки труб, ни гром пушек, ни победа, ни поражение не заставят нас уклониться от нашего общего дела соединения рабочих всех стран...» «Уже один тот факт,— говорится далее в манифесте,— что в то время, когда официальные Франция и Германия бросаются в братоубийственную войну, рабочие Франции и Германии обмениваются выражениями дружбы и мира — этот великий, беспримерный в истории факт открывает нам виды на лучшее будущее. Он доказывает, что в противоположность старому обществу с его экономическими бедствиями и политическими безумствами встает новое общество, где мир будет господствовать между народами, так как национальное могущество везде одно и то же — труд». Затронутые движением рабочие действительно блистательно доказали свою свободу от всякого шовинизма. Чужестранцев для них уже не было.

Война между тем началась и быстро приняла несчастный оборот для Франции. Рабочий класс жил, конечно, известиями с поля битвы. Если уж в нейтральной Швейцарии война отодвинула на второй план собственную работу Интернационала, тем более должно это было случиться во Франции. Наступило 4 сентября. Интернационал не принимал в нем участия или лишь наравне со всем Парижем. Захватить дело в свои руки он не был готов, как мы видели.

Как только во Франции была провозглашена республика, Комитет Германской социал-демократической партии, организовавшейся на конгрессе в Эйзенахе и признававшей принципы Интернационала, выпустил манифест [45], где говорится, что теперь, когда император, начавший войну с Германией, низвергнут и находится в плену, должен последовать мир с Французской республикой и при этом такой мир, который может принять великая нация, мир, почетный для нее. Они протестуют против проекта присоединения к Германии Эльзаса и Лотарингии и при-

водят выдержку из письма Маркса к их Комитету[46]. «Присоединение Эльзаса и Лотарингии выдают за средство гарантировать Германию от войны с Францией. Это было бы, наоборот, вернейшим средством превратить войну в постоянное европейское учреждение. Это было бы также вернейшим средством увековечить военный деспотизм в обновленной Германии.., вернейшим средством превратить мир в простое перемирие, длящееся до тех пор, пока Франция соберется с силами отвоевать потерянную территорию, вернейшим средством разорять и Германию и Францию взаимной борьбой... Возьмите Эльзас и Лотарингию, и Франция соединится с Россией для нападения на Германию». Во имя Германской социал-демократической рабочей партии мы протестуем против присоединения[47]. И мы знаем, что германские рабочие солидарны с нами. Во имя интересов Франции и Германии, интересов мира и свободы, интересов западной цивилизации против казацкого варварства германские рабочие не потерпят присоединения Эльзаса и Лотарингии. А Германия?

«Настоящая война открывает собою новую всемирно-историческую эпоху, доказав, что Германия, даже за исключением Австрии, способна идти своим самостоятельным путем, что свое единство Германия находит сперва в прусской казарме, это наказание, вполне ею заслуженное. Но даже таким путем один результат уже непосредственно выигран. Мелкие дрязги вроде столкновения между северогерманскими национал-либералами и южногерманскими фольксспартайлерами * не будут уже больше без нужды загромождать дорогу. Отношения упростятся и разовьются в большем масштабе. Если тогда германский рабочий класс не выполнит принадлежащей ему исторической роли, это будет уже его вина. Настоящая война перенесла центр тяжести континентального рабочего движения из Франции в Германию. Тем самым на германский рабочий класс налагается большая ответственность».

«Дадим обет быть верными товарищам в борьбе за общее дело,— говорит уже от себя Комитет социал-демократической партии,— всем нашим братьям — рабочим всех цивилизованных стран. Да здравствует интернациональная борьба пролетариев...» И манифест заканчивается приветствием Французской республике.

* — членами Народной партии.

Этот манифест был большой смелостью в такой шовинистский момент со стороны юной Социал-демократической партии.

Весь Комитет был тотчас заарестован, а также и другие выдающиеся лица партии, и введено осадное положение. Оставшись без вожаков, социал-демократы притихли. Лассальянцы и раньше не подавали голоса.

9 сентября Генеральный Совет выпустил адрес ко всем рабочим Европы и Америки [48].

Подробно развивая все аргументы протеста нынешней социал-демократии против присоединения Эльзаса и Лотарингии, манифест заявляет, что своими протестами германские рабочие исполняют свой долг, но невозможно надеяться, чтобы тех протестов послушались.

«Вместе с ними (германскими рабочими),— продолжал манифест,— мы приветствуем республику Франции, но с мрачными, будем надеяться, неосновательными, предчувствиями. Эта республика не ниспровергла трон, а только заняла его место, очищенное немецкими штыками. Она была провозглашена не как общественное завоевание, а лишь как средство национальной обороны. Она находится в руках временного правительства, состоящего отчасти из известных орлеанистов, отчасти из буржуазных республиканцев, в числе которых есть люди, навеки заклеймившие себя еще во время июньской инсургенции 48 г. ...Некоторые из их первых же действий показывают, что они унаследовали от своих предшественников не одни развалины, а также и страх перед рабочим классом... Французский рабочий класс должен теперь действовать при обстоятельствах в высшей степени трудных. Всякая попытка к низвержению настоящего правительства среди ужасного кризиса, когда враг почти ломится уже в ворота Парижа, была бы отчаянным безумством. Французские рабочие должны исполнять свой гражданский долг и это они делают, но они не должны дозволить национальным воспоминаниям 92 г. ослепить себя, как ослепили французских крестьян воспоминания первой империи. Их задача не повторение пройденного, а создание будущего. Они должны воспользоваться республиканской свободой, чтобы быстро двинуть вперед свою классовую организацию, которая даст им новую, геркулесовскую силу для возрождения Франции и для нашего общего дела — освобождения труда. От их энергии и мудрости зависит и судьба республики».

Далее сообщается, что английские рабочие стараются произвести давление общественного мнения на свое правительство, чтобы заставить его признать скорее Французскую республику, и требуют затем, чтобы правительство противилось территориальному ограблению Франции.

«Пусть секции Интернационала всех стран,— заканчивает манифест,— побуждают рабочий класс к действию. Если теперь он не исполнит своего долга, если он останется пассивным, настоящая война послужит лишь прологом к еще более ужасной интернациональной борьбе, которая закончится внутри каждой нации новым поражением рабочего класса обладателями оружия, земли и капитала. Да здравствует республика!»

Те же требования не делать восстаний обращает Дюпон, секретарь Генерального Совета для Франции, Ришару, который под руководством Бакунина вел в Лионе деятельную агитацию в противоположном смысле. «Позорный конец императорских зулусов,— пишет Дюпон,— привел к правительству Фавра и Гамбетты. От этого ничего не изменилось, власть все еще в руках буржуазии. При таких обстоятельствах ваша роль, или, вернее, ваш долг состоит в том, чтобы предоставить буржуазии заключить мир с пруссаками (позором которого она останется навеки запятнана), не укреплять ее власти восстаниями, а воспользоваться той свободой, которую дают обстоятельства, для организации всех сил рабочего класса. Буржуазия, отуманенная своим триумфом, не обратит вначале внимания на успехи организации, а ко дню серьезной борьбы рабочие будут готовы. Деятельно вести эту организацию, повсюду распространить ее есть задача нашей ассоциации. Необходимо во 100 раз усилить энергию и самоотвержение и сгруппировать под знаменами нашей ассоциации всех людей дела и убеждения, и тогда цель, к которой мы стремимся, будет достигнута». Он так кончает: «При дружных общих усилиях истинная революция может сделать гигантские шаги...»

Но в Лионе Генеральный Совет уже не слушали, а Маркса за такие советы начали называть «немецким жидом».

Несколько позднее Дюпон опять пишет в Лион, уже другому интернационалисту, Шарве. «Мы должны пользоваться всеми обстоятельствами, всеми свободами, чтобы распространять организацию, так как без хорошей организации рабочие всегда будут одурачены, всегда останутся

игрушкой в руках буржуазии. К несчастью, очень многие из наших друзей не понимают этого и ослепляются патриотизмом» [49].

Именно это ослепление патриотизмом и проповедовали бакунисты в Лионе. Они именно и старались о воскрешении воспоминаний 92 г. Когда в июне начались беспорядки, Бакунин лично отправился туда и составил расклеенное на стенах Лиона воззвание, провозглашающее уничтожение государства и восстание масс. 28 сентября толпа овладела Отель де Виль *.

Но не прошло и нескольких часов, как уничтоженное государство явилось в виде отряда национальной гвардии и очистило Отель де Виль. Бакунин вернулся в Швейцарию, и лионское движение окончилось **.

Вот что говорит прокламация, редактированная Бакуниным и наклеенная 26 сентября на стенах Лиона.

«Ввиду неспособности правительства и равнодушия привилегированных классов, поставивших французскую нацию на край пропасти, народ, ни минуты не медля, должен приступить к революционному действию. Поэтому Центральный комитет, состоящий из делегатов федеральных комитетов спасения Франции, предлагает немедленно принять следующие резолюции:

1) Административный и правительственный механизм государства, ставший бессильным, уничтожается. Французский народ возвращается к полному распоряжению сам собою.

2) Все суды, как уголовные, так и гражданские, закрыты и замещены народным судом.

3) Прекращаются платежи всех налогов, и они заменяются контрибуцией, собираемой сфедерировавшимися общинами с богатых классов пропорционально потребностям спасения Франции.

4) Так как государство уничтожено, оно не может более вмешиваться в платежи частных долгов.

5) Все существующие муниципальные организации кассированы и заменяются во всех федеративных коммунах комитетами спасения Франции, действующими под непосредственным контролем народа.

---

* — ратушей.

** Здесь на полях В. Засулич написала: «Коммуну пропускаю».

6) Комитет каждого департамента города пошлет 2 делегатов для составления революционного конвента спасения Франции.

7) Этот конвент соберется в Отель де Виль Лиона».

Прокламация кончается призывом «К оружию!». Подписана между прочими вместе с Бакуниным всеми главами французского Альянса — Ришаром, Бланом, Бастеликой и многими другими.

Гл. XVI
[ИНТЕРНАЦИОНАЛ ВО ФРАНЦИИ НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ]

Война застала Интернационал в момент сильнейшего возбуждения, усиленного роста и вместе с тем с незаконченной организацией, с невыясненной, неопределенной программой. Из двух лет, о которых писал Варлен при основании «Марсельезы», не прошло еще и года.

Огромное большинство его членов вступило в него в 1869—70 годах. Многие из вожаков первых лет — Толен, Мюра, Ланглуа, Элигон, оказались уже за бортом народного движения, оказались противниками, людьми «порядка». Ясно твердо было одно — необходимость классовой ремесленной * организации рабочего класса и его классовой, отдельной самостоятельной политики.

И это-то самое война делала невозможным, классовое знамя Интернационала должно было склониться перед патриотическим, французским военным знаменем.

4 сентября была провозглашена республика, и крайняя левая палаты захватила власть. Для всякого было ясно, что огромное большинство членов нового правительства будет враждебно требованиям передового пролетариата. Но пруссаки шли на Париж. Все силы должны были сосредоточиться на обороне страны, и в первые дни республики все самые крайние элементы — даже вышедший 7 сентября первый номер журнала Бланки «La patrie en danger» — наперерыв предлагали правительству свое содействие, лишь бы оно энергично повело эту оборону.

---

* — профессиональной.

4-го сентября делегаты Интернационала и федерации синдикальных камер * Парижа собрались в своем помещении на площади de la Corderie, чтобы обсудить положение. К ним присоединились известные ораторы публичных собраний, более близкие по воззрениям к Интернационалу.

Собрание решило, что необходимо организовать самый бдительный контроль над правительством, но не следует нападать на него, не следует поминать старых грехов его членов; что нужно, наоборот, помогать ему во всем, что оно предпримет для защиты Парижа от приближающегося неприятеля. Они верили, что новое правительство так же горячо относится к этой защите, как и сами рабочие, что хоть на этом деле возможно еще единодушие между ними и либеральной буржуазией. Они еще думали, что сильнее бояться революционного Парижа, чем пруссаков, составляет специальную особенность Наполеона и его генералов. Прежде чем разойтись, собрание отправило в ратушу депутацию с заявлением правительству [о] готовности социалистов, рабочих содействовать ему в приготовлениях к обороне **.

В той же революционно настроенной среде Интернационала и публичных собраний, превратившихся в клубы, родилась и была тотчас же приведена в исполнение идея организовать народное содействие защите города посредством учреждения комитетов бдительности, которые были избраны в каждом округе публичными собраниями. Эти комитеты, образовавшиеся в 20 округах Парижа, избрали каждый по 4 делегата, составивших Центральный комитет, заседания которого происходили в помещении Интернационала на площади la Corderie. И в окружные коми-

---

* Мы знаем уже, что это была составляющая часть Интернационала организация парижских рабочих по ремеслам. Принявши такое название лишь ради удобства относительно преследований, она сохранила его до конца, уже не было времени переорганизов... [нрзб] (*прим. В. Засулич*, зачеркнутое ею).

** Далее следует зачеркнутый абзац: «А дела тому правительству, которое пожелало бы добросовестно исполнять свой долг, было страшно много. Надо было производить земляные работы вокруг Парижа, чтобы расширить укрепления и сделать полное обложение города более затруднительным. Надо было сосредоточить в Париже возможно большее количество жизненных припасов и удалить по возможности из города лишние рты; надо было позаботиться о вооружении и обучении национальной гвардии. Рабочие Парижа готовы были с самым горячим одушевлением отдаться выполнению всех этих задач».

теты, и в Центральный попало много членов Интернационала вперемешку с ораторами публичных собраний других крайних направлений. Это было нечто вроде неофициальной коммуны, которая могла бы оказать громадную помощь правительству, серьезно желающему защитить Париж. Но очень скоро рабочим приходится разочароваться в серьезности этого желания. Земляные работы, на которые массы парижан готовы были наброситься с тем одушевлением, с каким их деды работали в 1791 г. на Марсовом поле, сданы частично предпринимателям, которые ничего не делают; нанятые ими рабочие, придя на назначенное место, не находят ни инструментов, ни указаний, что именно нужно делать. Запасов не производится. Мэры округов, вопреки всеобщим ожиданиям, не избраны, а назначены Этьеном Араго. Национальную гвардию не вооружают, не учат.

Публичные собрания превращаются тотчас же после 4 сентября в клубы с собственным помещением, куда по вечерам собираются все желающие. Собрание выбирает председателя и секретаря, назначается порядок обсуждения вопросов, по большей части относящихся к защите. Ораторами клубов являются по большей части те же ораторы публичных собраний, подкрепленные вернувшимися после 4 сентября эмигрантами. Между клубами и Центральным комитетом 20 округов тотчас же устанавливается прочная связь и самое тесное общение.

Центральный комитет вырабатывает программу мер, необходимых для защиты Парижа, и, представив ее сперва на обсуждение клубов рабочих округов, отнесшихся к ней с большим одобрением, представляет ее правительству, а затем печатает. Главнейшие требования этой программы: уничтожить полицейскую префектуру, поручить полицию выбранному муниципалитету. Конфисковать все жизненные припасы первой необходимости, находящиеся в складах оптовых и розничных торговцев, гарантируя им уплату стоимости конфискованных товаров после окончания войны. Раздачу этих запасов жителям Парижа, рациональная величина которых должна быть рассчитана сообразно количеству найденных запасов и возможному максимуму продолжительности осады. Немедленная раздача всем жителям дальнострельного оружия и патронов. Декретировать призыв к оружию всех французов, годных к военной службе. Отправить в провинции комиссаров, которые по согла-

шению с местными республиканцами должны принять все меры для быстрого сбора ополчения на помощь Парижу.

Эти требования были представлены правительству и затем опубликованы 13—14 сентября. Но население, кроме публики крайних клубов и Интернационала, еще сильно доверяло правительству и отнеслось к ним неодобрительно. Правительство тоже, конечно, не обратило на них ни малейшего внимания, и когда 19 явились пруссаки, они без малейшей помехи обложили Париж и отрезали его от всего мира.

20-го Комитет снова обратился к правительству с требованием назначить выборы муниципалитета и защиты до последней крайности. Правительство обещало и то, и другое, но решило не делать ни того, ни другого.

Подозрение, переходящее постепенно в уверенность, что правительство не хочет воевать до последней крайности, что не только не хочет воспользоваться против пруссаков напряженной воинственностью Парижа, но, напротив, боится ее и не употребит в дело национальную гвардию, вызывает против правительства все большее и большее озлобление. К концу сентября уже во всех клубах рабочих округов требуют коммуны, которая энергично поведет войну, конфискует съестные припасы и проч.

И чем дальше тянется осада, чем сильнее дает себя чувствовать дороговизна, а с нею голод и холод, тем сильнее растет и озлобление, и воинственность.

Интернационал разделяет все эти чувства. Он почти прекратил свои организационные заседания. Его ремесленная организация синдикальных камер расстроилась. Большинство отраслей производства в осажденном Париже прекратилось. Рабочие превратились в национальных гвардейцев, получающих $1^1/_2$ франка содержания, в «les 30 sous» *, как презрительно называла их гвардия богатых кварталов, содержащаяся на собственный счет. Вместо секций пропаганды и самообразования, рабочие шли теперь в клубы, где заседала самая смешанная публика, много женщин с детьми. Дома холодно и темно, а залы клубов освещены и вытоплены, а увлекательные речи ораторов помогают забывать голод. Но здесь все речи сводились к защите, к войне, к обвинениям правительства за плохое ведение этой войны. Но в этих вопросах не интернационалисты являют-

* — 30 су.

ся наиболее увлекательными ораторами. По этим вопросам скромные ораторы Интернационала не могли не быть оттеснены таким, как Фел. Пиа с его цветистыми фразами, с эффектными выходками вроде предложения почетного ружья тому, кто убьет германского императора, с подпиской на приготовление грегорианского огня, долженствующего сжарить пруссаков. Эта подписка долго занимала крайние клубы, пока не было, наконец, заявлено, что знаменитый огонь может сжечь пруссаков лишь в том случае, если их удастся предварительно хорошенько вымочить. Также и в филиппиках против изменников, заседающих в правительстве, над рабочими Интернационала должны были взять верх революционные буржуазные группы якобинцев и бланкистов, специалистов в нападках на правительство, сделавшие историю 93 года своим катехизисом. А когда в клубах во время осады требовали коммуны, то именно коммуны, которая вернула бы Францию к победам 93 года, к его славным традициям. Для бланкистов эти традиции кончались с казнью эбертистов, для якобинцев они продолжались до термидора, но и те и другие составляли свой катехизис по истории этого времени, «вставали и ложились с «Монитером» * 93 г. в руках», как попрекнул их во время Коммуны Франкель в ответ на обвинение меньшинства в жирондизме.

Все эти представления чужды интернационалистам, с идеей якобинизма для них связано скорее нечто враждебное. Но при данных обстоятельствах, поскольку дело идет о войне и только о войне, они поддерживают якобинцев, действуют заодно с ними. Тем кажется, что они имеют секрет победы, им и книги в руки. У интернационалистов нет такой самоуверенности, они готовы наравне с другими революционерами умирать в борьбе с пруссаками, но не могут взять на себя организовать эту борьбу, руководить победой. Именно военного-то дела они и не знают и никогда не помышляли о нем. Захватить власть и взять на себя обязательство вести парижан к победе значило бы рисковать надолго скомпрометировать во Франции свое знамя, свое дело. Перед 31 октября им предлагали повести войну с правительством от имени Интернационала, под его знаменем. Они решительно отказались от этого. И во всех попытках низвергнуть правительство национальной обо-

* — «Le Moniteur universel».

роны, происходивших во время осады, среди вожаков этих попыток не встречается известных имен интернационалистов. Они участвовали в них лишь как рядовые в батальонах Национальной гвардии, шедших против Ратуши.

Увеличивать силу организации собственно Интернационала во время осады было немыслимо. Но, служа в Национальной гвардии, рабочий класс во всяком случае вооружался и приучался к военным действиям. Вооружался помимо воли правительства, отчасти на собственный счет, заказывая по подписке пушки, которых к концу осады Национальная гвардия имела до 400.

В январе голод достигает значительных размеров, в клубы все чаще приносят известия о женщинах, замертво падающих от голода в то время, как они под холодным дождем делают queue * у булочных. Дети мрут тысячами. Топлива давно нет и следа. Но упрямый рабочий Париж все ж таки и не заикается о сдаче. Надо наказать изменников (правительство), не ведших раздачу рационами в надежде принудить Париж сдаться посредством голода, затем массой сделать вылазку и пробиться сквозь ряды неприятеля, а раз это не удастся, биться на улицах, сжечь Париж. «Plutôt Moscou que Sédan» **. Эту же фразу не раз произносили во время осады и члены правительства, решившие с самого начала, что сопротивление есть folie *** и ничего больше, боявшиеся пуще всего на свете развития воинственности в рабочем населении Парижа, превратившемся в Национальную гвардию. В начале января Комитет 20 округов расклеивает афишу, где снова высказываются народные требования, и на ней вперемешку мы видим имена известнейших членов Интернационала, как Варлен, Малон, Франкель, Пенди, Theisz ****, Авриаль, Шален, и рядом крайние представители бланкизма, как Ферре, Флуранс, Рауль Риго, Жаклар, Тридон, Вайян, с которыми они немало переломали копий в прежнее время и опять должны были бороться, как только дело между ними зашло о вещах более сложных, чем борьба с внешним врагом.

22 января снова делается попытка низвергнуть правительство все с тою же целью отчаянной борьбы с пруссака-

* — очереди.
** — «Лучше Москва, чем Седан».
*** — безумие.
**** — Тейс.

ми, которой оно мешало. Попытка, опять кончившаяся поражением. Клубы закрыты, народные журналы запрещены, и 28, наконец, заключено перемирие и форты сданы пруссакам. Теперь для народа борьба уже невозможна.

На 8 февраля назначены выборы в Национальное собрание, которое будет заседать в Бордо и решать заключение мира или продолжение войны. Весь республиканский Париж был за войну. Он сам, конечно, во власти пруссаков, но остальная Франция может воевать.

Интернационал составил свой список сообща с Комитетом 20 округов. В списке на несколько имен революционных знаменитостей остальные рабочие, известные лишь в своих кварталах. Прошли лишь те, кого поддержала буржуазная пресса: Гарибальди, Гамбон, Фел. Пиа, Толен, Малон. Остальные, даже любимец Парижа Бланки, получили всего 65 000 голосов (число, недостаточное для выбора). Таково же приблизительно число вотировавших «нет» при плебисците правительства национальной обороны в начале ноября. Таково, можно предполагать, было число завзятых революционеров Парижа, которым не надо было, чтобы была революция, никаких особых обстоятельств и обстановок. Всех больше голосов получил Луи Блан, бывший на всех парижских списках, кроме списка la Corderie.

Теперь, когда окончился все поглощавший вопрос защиты, Интернационал пытается возобновить свою расстроенную организацию. На заседании Федерального совета 15 февраля было решено выбрать комиссию и поручить ей произвести исследование о состоянии всех секций и дать затем отчет Федеральному совету. Помышляли о заведении собственного журнала, которого у Интернационала давно не было. Некоторые предлагали устраивать демонстрации в пользу республики. Франкель советовал сосредоточить усилия на возобновлении организации и заняться вопросом квартирным и безработицы, в эту минуту очень жгучим в Париже.

Но не суждено было Интернационалу заниматься своей организацией. Страсти Парижа снова разгорались. Напряженным нервам его рабочего населения день за днем наносились все новые и новые удары. Мир заключен быстро, без споров, на самых тяжелых условиях. Республика не признана окончательной формой правления, а объявлена

терпимой лишь временно. «Пока сговорятся между собою различные фракции монархистов»,— договаривали республиканцы. Назначают главою правительства Тьера, которого все считают монархистом. Оскорбляют его* избранника Гарибальди и Виктора Гюго, заступившегося за великодушного воина, столько сделавшего для защиты Франции[50]. Решают не заседать в Париже. Затем 11 марта решено, что уплата по векселям, просроченным во время осады, должна производиться с 13 марта, так же, как и не внесенная квартирная плата за время осады. Эти две меры угрожали страшными бедствиями 300 000 семейств, и первая больше мелкой буржуазии, чем рабочим. А между тем этот оскорбляемый, доводимый до отчаяния Париж рабочих и мелкой буржуазии и при этом прекрасно вооруженный и научившийся владеть оружием, тогда как регулярные войска, за исключением 25 000, обезоружены, предоставлен самому себе.

Воспользовавшись снятием осады, все сколько-нибудь состоятельные люди поспешили разъехаться из Парижа, и батальоны Национальной гвардии значительно очистились таким образом от людей порядка. Правительственные влиятельные личности уехали в Бордо. Демократическая часть Национальной гвардии владела Парижем. Раздраженный Париж волновался. Устраивались демонстрации в пользу республики. Батальоны проходили перед Июльской колонной, увешивали ее венками, кричали: «Да здравствует республика!» Решали защищать ее, если ее вздумают свергать. Но о немедленном восстании, о беспорядках, о каких бы то ни было враждебных действиях против правительства никто не думал, никто не желал их. Восставать с целью прогнать пруссаков теперь уже поздно, а низвергать правительство с какою бы то ни было иною целью слишком рано, пусть прежде уйдут пруссаки. Но своим оружием Национальная гвардия дорожила как зеницею ока. Свои пушки, забытые правительством в кварталах, подлежащих занятию пруссаками, она на руках утащила в свои предместья и окопала и усердно держала около них караул. При этом она организовалась. Батальоны 18-ти округов вступили между собой в федеративную связь. Для организации этой связи, для выработки статутов и проч. собирались многочисленные собрания. Варлен принимал в

---

* — народа.

них деятельное участие. По его предложению гвардия решила не признавать иного начальства, кроме выбранного, и произвести новые выборы всех офицеров. У него были связаны с этим широкие планы. Он и несколько других социалистов были избраны. По выработанному уставу Центральный комитет федерации Национальной гвардии составлялся из 3 делегатов от каждого округа и из 20 начальников легионов. До производства выборов на одном из собраний была выбрана временная исполнительная комиссия, в которую попали Варлен, Пенди, Дюран и несколько других социалистов. Эта комиссия заседала в той же Corderie — давнем центре социализма и революции.

У Варлена были связаны с этой организацией очень широкие планы. При тесном сближении Интернационала с Комитетом гвардии, на котором он настаивал в Интернационале, он надеялся, что ее избранниками будут социалисты. Таким образом вооруженные силы Парижа попадают под их руководство. Затем парижская гвардия федерируется с гвардией провинций, где точно так же Интернационал сумеет взять на себя ее руководство, и тогда вся сила будет в его руках. И какая сила! Организация рабочего класса, объединенного по ремеслам, тесно соединенная, переплетенная с организацией вооруженного населения всех больших городов Франции. Эта организация сил возьмет несколько месяцев, за это время пруссаки уйдут. И тогда какая реакция устоит против такой силы!

Во времени, казалось, недостатка не было. Новый командир Национальной гвардии Орель де Паладин, правда, грозился подвергнуть ее строжайшей дисциплине. Правительство мечтало ее обезоружить и 12 марта попробовало взять несколько пушек, но пушек не дали и вообще были уверены, что правительство с своей ничтожной вооруженной силой, к тому же более склонной брать, чем драться, не решится на крутые меры.

15 марта был выбран Центральный комитет, в который из известных членов Интернационала попали Варлен и Асси. А главнокомандующим всей Национальной гвардией был провозглашен Гарибальди вместо Ореля. Центральный комитет формально объявлял, что он далек от всякой мысли о нападении и будет лишь защищаться, если вздумают напасть. Что Национальная гвардия не даст себя обезоружить, это решалось на всех собраниях.

В этот же день было собрание Интернационала, на котором решено пригласить на заседание через неделю некоторых депутатов Парижа, чтобы сговориться с ними на случай событий. Говорили также о собрании конгресса Интернационала в Париже. Представлены были также новые статуты (старые были ведь рассчитаны на скрывательство от национальной полиции), но обсуждение их было отложено на 2 недели, а до 18 марта оставалось 2 дня.

Правительство толкали люди биржи, всевозможные дельцы. «Пока не покончат с негодяями вооруженными, в Париже дела никогда не пойдут хорошо». У правительства была лишь горсть деморализованных солдат. 17 [марта] Орель де Паладин спрашивал командиров батальонов центральных кварталов, где еще не были произведены новые выборы и начальством были буржуи, сторонники порядка, пойдут ли их люди на защиту правительства, и все отвечали, что нет. Попытка делается в 3 часа утра и, пока спит весь город, она удается, но нет лошадей увезти пушки, и когда предместья просыпаются, первые женщины и дети поднимают тревогу, и пушки отбиты почти без выстрела. Войска отдают оружие и братаются или отступают. Так как никто ничего не предвидел, никто не имел никаких намерений, кроме сохранения своих пушек, то отстоявши их, никто не двигается с места, и лишь баррикадируют свои кварталы из опасения новых нападений, но что дальше делать, никто не знает. Но несмотря на это, правительство бежит, когда никто еще и не думает нападать на него. Бегут по его приказу чиновники всех ведомств, постаравшись предварительно по мере возможности испортить дело, затруднить его тем, кто возьмется после них.

Невольно видится в этом безнадежном нападении предумышленный план заставить Париж поднять оружие и уничтожить его, потопить в крови именно пока тут пруссаки, которые в конце концов не откажут в помощи, если само правительство не справится.

Члены ЦК Национальной гвардии, узнающие о происшествии из наклеенной с раннего утра прокламации правительства в наполеоновском стиле и пахнувшей кровью: «Пусть добрые граждане отделятся от дурных.., порядок должен восторжествовать и т. п.», а о победе — из городских слухов, не знают, что предпринять, где найти друг

друга, так как, спокойно расставшись накануне вечером, назначили собрание лишь на 11 часов вечера. Некоторые руководят постройкой баррикад у пушек, когда правительство давно убежало. Лишь вечером узнают некоторые о своей нежданной победе, занимают опустелую ратушу и иные центры. Все писавшие о коммуне участники тогдашнего движения единогласно настаивают, что никто не желал и не ждал этой революции, ее никто не делал, защищали пушки. Было сопротивление отдельному шагу властей, а не намерение свергать правительство. Этим объясняется и нерешительность первых действий ЦК, едва народившегося и ничуть не желавшего и не предвидевшего для себя такой роли. Социалисты, революционеры, Центральный комитет, все чувствовали, что над ними произведено насилие, что восстание, что минутная победа навязаны против их воли их врагами в минуту, удобную для этих врагов, в их вражьих целях. В сущности именно 18 марта, носившее всю внешность победы, и было главным и решительным поражением вооруженного парижского пролетариата, так как это было вынуждением его начать битву в то время, когда он был не готов, когда каждый момент, даже недолгая отсрочка неизбежной впереди борьбы имели для него неисчислимую цену.

ЦК не сразу решился отправиться заседать в ратушу. Он не запер ворот Парижа, не остановил бегства всевозможных чиновников и остатков войска, продолжавшегося всю ночь и даже на следующий день.

На первом же заседании его первой мыслью, первой заботой являются выборы. Он сам, правда, состоит из избранников Национальной гвардии, т. е. большинства парижского населения. Но его уполномочивали ведать делами Национальной гвардии, а не управлять Парижем, что волей-неволей приходится делать теперь, после бегства всех законных властей, когда почты, телеграфы, госпитали с тысячами раненых, администрация рынков, все оставлено, все брошено на произвол судьбы, или, вернее, инсургентов и ЦК, их представителя.

Раздаются голоса, требующие идти на Версаль, разогнать реакционное собрание и предложить Франции высказать свою волю. В эти первые дни Версаль был действительно беззащитен, и если бы ЦК последовал этому предложению и разрушил вражий лагерь у самых ворот

Парижа, судьба восстания была бы иная и усмирять его пришлось бы уже пруссакам, что они, впрочем, вероятно, не преминули бы сделать, судя по их поведению в майские дни.

Нет, возражают другие, нам поручено только обеспечить права Парижа. Если провинция думает так же, как мы, пусть она последует нашему примеру *. Громадное большинство парижан не видело еще, что дело идет о борьбе с Версалем на жизнь и смерть.

Между тем в самом Париже организовывалось сопротивление Центральному комитету. Тьер поручил собранию выбранных 6 ноября под влиянием реакции, вызванной неудачей 31 октября, мэров и депутатов Парижа (наиболее крайние из этих депутатов Делеклюз, Малон, Тридон, Ранк, Рошфор уже вышли из палаты, Ф. Пиа объявил, что не будет участвовать на ее заседаниях) временную администрацию города. Они предложили ЦК очистить ратушу, сдать им власть и положиться на их заботы относительно обеспечения прав Парижа. Зная, какими послушными орудиями были мэры в руках правительства национальной обороны, как плохо защищали оставшиеся в палате представители Парижа его права, ЦК не мог, конечно, положиться на них. Это значило бы нарушить доверие парижан, тогда незачем было и защищать пушки. Он отказал. Начались переговоры, в которых большинство мэров употребили все усилия, чтобы оттянуть выборы, сперва назначенные ЦК на 22 марта. 30 журналов также, подражая мэрам, пригласили избирателей не участвовать в выборах. Молодежь университета и политехникума, до сих пор всегда бывшая за все революционное, также послала депутацию в мэрию II округа, где засели мэры и депутаты. Главным обвинением со всех сторон, посыпавшимся ЦК, было то, что он состоит из людей неизвестных. И действительно, среди подписей под прокламациями ЦК самыми известными (да и то по процессам Интернационала) публике были имена рабочих Варлена и Асси. «Традиция была разрушена,— говорит Артюр Арну.— В правительстве не было ни одного члена управляющих классов. Революция не была представлена ни одним адвокатом, ни одним депутатом, ни одним журналистом, ни одним генералом. Их место заняли: чернорабочий, переплетчик, повар и т. п.» [52]

---

* *Лиссагаре,* 102 стр. [51] *(прим. В. Засулич).*

В прокламации, призывающей парижан к выборам, ЦК с гордым достоинством говорит по поводу своей неизвестности: «Увы! было много известных, очень известных имен, известность которых оказалась для нас роковою!.. Мы, как только достигли цели, говорим народу, который достаточно уважал нас, чтобы слушать наших советов: «Вот полномочие, которое ты нам доверил: там, где началась бы личная для нас выгода, наши обязанности кончаются; исполняй свою волю, мой господин, ты свободен. Неизвестные несколько дней тому назад, неизвестными вернемся мы в твои ряды и докажем правителям, что можно спуститься со ступеней твоей ратуши с высоко поднятою головою и с уверенностью встретить внизу пожатие твоей честной и сильной руки»».

При спорах и переговорах с мэрами сказались 2 ступени развития Интернационала. Первоначальный Интернационал в лице Толена, Ланглуа, Мюра и Элигона оказался в мэрии II округа, где сосредоточилось сопротивление либеральной буржуазии, и последний был даже одним из самых враждебных ЦК. Второй * высказался за ЦК и в лице Варлена был одним из влиятельнейших его членов.

Версаль держал себя непримиримо, ухватившись в особенности за словно нарочно для него сделанное убийство 2 генералов, презрительно отвечал мэрам и депутатам на их попытки посредничества. Мэры уступили, наконец, ЦК, и 26 марта состоялись выборы.

Все прокламации ЦК и союзных с ним групп и обществ, все статьи «Официеля» ** и программные заявления Коммуны настаивают почти единственно на муниципальной автономии Парижа. Они стремятся утвердить независимость Коммуны Парижа, готового, стремящегося вступить в федеративную связь с другими коммунами Франции. К этому присоединяется не совсем логичное намерение защищать республику для всей Франции.

Определяя в самый день выборов в официальном журнале роль будущего собрания, Лонге говорит, что оно должно будет определить свои атрибуты, выработать свою хартию муниципальной автономии и потом позаботиться о признании ее центральным правительством.

---

* Далее зачеркнуто слово «Интернационал».

** — «Journal Officiel de la République Française».

«Коммуна,— говорит 77-летний Беле, избранный председателем по старшинству на 1-ом заседании Совета Коммуны, в своей вступительной речи,— займется местными коммунальными делами, департаменты — делами, касающимися целого департамента, а государство — делами целой нации».

К этому лишь время от времени присоединяются неопределенные социалистические нотки. Интернационал, приглашая избирателей к урнам, говорит: «Независимость Коммуны является гарантией контракта, свободно выработанные условия которого прекратят антагонизм классов и обеспечат социальное равенство».

Это упорное настаивание на автономии происходило, конечно, отчасти вследствие упорной многолетней проповеди Прудоном федерализма, но главным образом оно вытекало из самого положения. Париж, вынужденный при невозможных условиях к революции, не надеется распространить ее на всю Францию и желает обеспечить ее хоть в своих пределах, спешит оговориться, что он не желает навязывать ее Франции. Он при этом еще надеется на мир, не хочет делать его невозможным, а разные примирители долго, долго еще будут водить его за нос этими надеждами мира.

[Гл. XVII ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ КОММУНЫ]

Вместе с Коммуной история Интернационала в сущности кончается. Выросший до значения великой державы, заставивший радостно биться сердца чуть не на каждой фабрике, в каждой мине *, в этот момент он нес уже в себе зародыш смертельной болезни. Он приобрел слишком большую славу, не имея еще реальной силы. После падения Коммуны его отождествили с нею, бакунистскую программу выставили его программой. Он явился, таким образом, всеобщей серьезной угрозой, и угрозой, которой и $^1/_{10}$ не мог выполнить. Для этого за ним всюду должны бы стоять сильные национальные организации, а их в сущности не было. Организации были только в Германии и в Англии. Германская, еще очень юная, жила своей осо-

* — шахте, руднике.

бой жизнью и продолжала расти и развиваться именно в годы падения Интернационала. Английская, чисто ремесленная, никогда и не принадлежала к Интернационалу. Она, несмотря на громадные усилия Генерального Совета, лишь соприкасалась с ним в некоторых пунктах, и когда с восстанием в Париже его имя начало произноситься с ужасом, тред-юнионы поспешили отречься от него. Та роль, которую играл он в 68, 69, 70 г., была уже окончена, то, что придется теперь еще рассказать, будет лишь эпилогом уже разыгранной драмы.

Бакунистский катехизис был к этому времени наизусть вытвержен в Юрских секциях. Революционные натуры действия (революционные, а какие неизвестно), а не слова, воздержание от политики, автономия секции, федерализм и Интернационал, долженствующий уже теперь осуществлять идеал будущего.

На Генеральный Совет вошло в моду нападать за его будто бы централизм и навязывание Интернационалу своей доктрины, которую он, наоборот, слишком мало навязывал, т. е. пропагандировал.

Подошел сентябрь 71 г. Созывать конгресс было немыслимо. Погром Коммуны еще слишком отзывался на всем, реакция была слишком велика. Генеральный Совет решил созвать конференцию делегатов в Лондоне.

Решение это вызвало сильнейшее негодование бакунистов. Делегатов должны были присылать федерации, а юрцев Генеральный Совет не признавал, так как, не обращая внимания на его решение [53], они продолжали именовать себя Романской федерацией, поэтому им приглашения на конференцию прислано не было, и они заранее предвидели, что ее решения им будут не по вкусу.

В письме к конференции они жалуются на пристрастие Генерального Совета и заранее протестуют против разбора на конференции их раздора с Женевой. В таком важном вопросе, по их мнению, мог быть компетентен только общий конгресс.

В конференции участвовало 23 члена: 7 бельгийских делегатов, 2 делегата Женевы — Утин и Перре, затем 1 испанец. Другие страны были представлены их корреспондентами в Генеральном Совете. Энгельс представлял Италию, Маркс — Германию, Эккариус — Америку, Hales * —

* — Хейлз.

Англию. Еще 6 членов Генерального Совета представляли его самого.

Вот наиболее интересные решения этой конференции [54]. «Все местные секции, группы и их комитеты должны впредь организовываться и называться просто и исключительно секциями и группами Интернационала с прибавлением названия своей местности. Поэтому с этих пор секциям и группам запрещается давать себе сектантские названия, как, например, позитивистов, мютюэлистов, коллективистов, коммунистов и т. д. или создавать обособленное учреждение, как секции пропаганды и пр., приписывающие себе особую миссию, отдельную от общих целей ассоциации». Это решение направлено против секции Альянса, которая хотя и объявила себя в августе распущенною, но, усилившись несколькими французскими эмигрантами, тотчас же снова воскресла под названием «секции социалистов-атеистов» и «секции социально-революционной пропаганды и действия». По соглашению с женевским федеральным комитетом Генеральный Совет отказался признать новые секции. Вот что говорится по поводу этого решения конференции в брошюре, изданной Генеральным Советом (L'Alliance de la Démocratie Socialiste et l'Internationale, стр. 26) [55]. «Первая фаза борьбы пролетариата против буржуазии отличается сектантским характером. Она имеет свой raison d'être * в такую эпоху, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Индивидуальные мыслители критикуют социальный антагонизм и предлагают свои фантастические решения, которые рабочей массе остается лишь принять, пропагандировать и осуществлять на практике. По самой своей природе секты, основанные этими инициаторами, являются абстенционистскими, чуждаются всякого реального действия, политики, стачек, коалиций, одним словом, всякого общего движения. Масса пролетариата всегда остается равнодушной или даже враждебной к их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона так же точно не хотели ничего знать о сен-симонистах, фурьеристах и икарийцах, как английские чартисты и тред-юнионисты игнорировали оуэнистов. Секты, являющиеся рычагами движения при его начале, становятся препятствиями, как только движение перерастает их; они становятся тогда реакционными. Примером могут

* — оправдание.

служить секты Франции и Англии и в последнее время лассальянцы в Германии... Одним словом, это детство движения пролетариата, как астрология и алхимия были детством науки. Чтобы основание Интернационала стало возможным, пролетариат должен был перерасти этот фазис.

В противоположность фантастическим организациям сект, Интернационал является реальной, воинствующей классовой организацией пролетариев всех стран, связанных между собой общей борьбой против капиталистов, землевладельцев и их классового господства, организованного в государство. Поэтому статуты Интернационала говорят лишь о простых «рабочих» обществах, преследующих одни и те же цели и признающих одну программу, которая определяет лишь самые общие черты движения пролетариата, оставляя теоретическую разработку тому импульсу, который будет дан необходимостью практической борьбы, и обмену идей в секциях, безраздельно допуская в свои органы и на свои конгрессы все социалистические мнения.

Альянс не хотел, чтобы Интернационал был борющимся обществом, а пожелал превратить его в верный снимок с будущего общества» *.

«Если бы Юрской федерации удался ее план (а он потом удался) превратить Интернационал в верное подобие будущего несуществующего общества и отнять у него всякую возможность комбинированного действия (с тайной целью подчинить его авторитету Альянса и его бессменного диктатора Бакунина), он превзошел бы все желания европейской полиции, которая ничего так не желает, как отставки Интернационала» **.

---

* Ibid., стр. 27 *(прим. В. Засулич).*

** Далее следуют перечеркнутые абзацы:

«Конференция затем опять решает относительно общей статистики рабочего класса. Всякая местная группа обязана назначить особый статистический комитет, чтобы быть всегда в состоянии отвечать на вопросы федерального или Генерального Совета. Секретарям статистических комитетов рекомендуется назначить жалование ввиду важности этого дела для всего рабочего класса. Каждое 1 августа все федеральные советы или статистические комитеты должны присылать весь собранный материал Генеральному Совету для составления отчета к конгрессу.

Об этой статистике Генеральный Совет мечтает с самого основания Интернационала и уже в своем мемуаре Женевскому кон-

Важнейшим и резче всего разделившим Интернационал на 2 лагеря было решение конференции относительно «политической деятельности рабочего класса».

Конференция ссылается на статуты, говорящие о «политической деятельности» как средстве для достижения цели рабочего класса — его экономического освобождения, затем на вступительный адрес *, где завоевание политического могущества провозглашается великим долгом рабочего класса, на объявление Генерального Совета относительно заговора во Франции накануне плебисцита и на решение Лозаннского конгресса относительно политического освобождения рабочего класса. «Принимая во внимание,— продолжает далее решение конференции,— что Интернационал стоит теперь лицом к лицу с самой разнузданной реакцией, давящей без всякого стеснения каждое стремление рабочего класса к свободе и стремящейся увековечить посредством грубой силы классовые различия и опирающееся на них политическое господство владеющих классов, принимая далее во внимание, что против этой соединенной силы владеющих классов рабочие могут действовать лишь как класс, организуясь сами в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям владеющих классов, что эта организация рабочего класса в политическую партию безусловно необходима для торжества социалистической революции и для достижения ее конечной цели — уничтожения классов, что объединение единичных сил, уже достигнутое до известной степени рабочим классом в его экономической борьбе, должно послужить рычагом в его борьбе против политической силы его эксплуататоров.

Основываясь на всем этом, конференция напоминает всем членам Интернационала, что в борьбе рабочего класса его экономическое движение неразрывно связано с его

грессу [56] старается прельстить ею делегатов. Но, по-видимому, эта статистика так-таки никогда и не собиралась, по крайней мере ничего об ней не слышно, и никаких отчетов на конгресс не было представлено.

Конференция предлагает федеральному совету посылать делегатов в деревни, чтобы собирать там открытые собрания, распространять принципы Интернационала и основывать земледельческие секции».

* *К. Маркс.* Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих.

политической деятельностью». Этим решением конференция наносила удар важнейшему пункту бакунистского катехизиса, основному пункту их программы, служившему причиной их постоянных раздоров с женевской организацией.

Относительно стран, где правильная организация Интернационала не допускается правительством, конференция постановляет, что местные группы могут не называться секциями Интернационала и образовываться под какими-нибудь другими названиями. Но все так называемые тайные общества ни в каком случае не допускаются.

Относительно Англии было постановлено обратиться к лондонским секциям с предложением образовать Лондонский федеральный комитет. Теперь, когда после заявления Генерального Совета [о] солидарности с Коммуной тред-юнионы отреклись от Интернационала, Генеральный Совет не мог дорожить непосредственным влиянием на собственно секции Интернационала в Лондоне, состоявшие по большей части из иностранцев и ни в каком случае не могшие служить тем рычагом, который преступно было бы выпустить из рук, как писал когда-то Генеральный Совет [57].

В числе особых постановлений конференции фигурирует поручение Генеральному Совету сделать формальное заявление о том, что Интернационал не имеет ничего общего с так называемым нечаевским заговором, ложно узурпировавшим и эксплуатировавшим его имя. Делегату Утину поручается составить краткий отчет о нечаевском процессе по русским источникам и обнародовать его в женевской «Эгалите», предварительно сообщив Генеральному Совету. Это постановление уже прямо било самого Бакунина.

Относительно раскола в среде Романской федерации конференция не признает заслуживающими внимания возражения юрских секций против ее компетенции и одобряет решение Генерального Совета от 29 июня 70 г. (этим решением комитетом Романской федерации признается Женевский, а юрцам, если не могут помириться, предлагается назваться Юрской федерацией) [58].

Конференция налагает, наконец, на Генеральный Совет обязанность публично отрекаться от тех журналов, которые, называя себя органом Интернационала, будут по примеру, данному «Прогре» и «Солидарите», толковать на

своих столбцах пред буржуазной публикой о вопросах, подлежащих лишь обсуждению местных и федеральных комитетов и Генерального Совета или административных заседаний конгрессов.

Все эти решения окончательно взбесили бакунистов. «Нам было все равно,— пишут они в своем «Mémoire de la Fédération Jurassienne»,— имел ли Генеральный Совет или конференция на основании базельских решений права, которые заявил в своих постановлениях, для нас дело шло о громком провозглашении принципа автономии и протесте против всякого акта Генерального ли Совета, конференции или конгресса, который нарушал бы этот принцип... Наш протест основывался на естественном неотъемлемом праве всякой группы личностей организовываться так, как она желает, и во имя этого права мы подняли знамя инсуррекции против партии авторитета».

Момент для дезорганизации Интернационала был очень удобен. После страшной трагедии Коммуны та борьба посредством стачек, посредством выказывания силы своего числа и единства пред буржуазией, борьба, для которой нужна была сильная и единая организация, эта борьба во Франции фактически была уже невозможна, [так же, как] и в Бельгии и Французской Швейцарии, для которых Франция была тем солнцем, вокруг которого они вращались. Старая борьба потеряла тот одушевляющий характер, при котором самые неудачные стачки превращались в блистательные победы, когда, как в 69—70 гг., можно было по пальцам высчитывать, через сколько времени Интернационал, продолжая расти в той же прогрессии, как в эти годы, охватит весь мир. С гибелью Франции этой захватывающей дух надежды уже не было. Да и психологически, наконец, сравнительно мирная, легальная деятельность Интернационала потускнела пред трагическим блеском Коммуны. Нервы притупились под этими впечатлениями.

Было и еще обстоятельство, которым восхищался Бакунин. В своей брошюре «La Révolution sociale ou la Dictature militaire» он говорит: «Теперь ввиду рабского, тупого энтузиазма (по случаю войны с Францией), выказанного всей германской буржуазией, дворянством и крестьянством, Бисмарк, опираясь на войско, захочет раздавить пролетариат и начнет борьбу на смерть против социализма, и в этой борьбе ему будут подражать и все другие государ-

ства, и повсюду следует готовиться к такой борьбе» *. Бакунин этому рад: «Я рассчитываю на нее (на реакцию), чтобы впустить черта в тело (mettre le diable au corps — любимое, беспрестанно повторяемое выражение Бакунина во всех его французских писаниях этого времени) рабочих масс. Она отрежет, прекратит возможность бесконечным рассуждениям, которые только усыпляют и истощают, не приводя ни к какому результату, она зажжет в пролетариате ту страсть, без которой никогда не бывает торжества» [59]. Эти моменты сильнейшего гнета, уводящие с поля битвы массы, выделяют действительно меньшинство с diable au corps в мечтах и на словах, по крайней мере, и так как говорит и пишет именно это меньшинство, то на минуту это дает ему власть представителя массы. Но действительность быстро выделяет меньшинство в маленькую изолированную секту, не имеющую никакой связи с массами. Рассуждение человека из привилегированной среды, наслушавшегося и начитавшегося за свою долгую жизнь такой массы рассуждений на все темы, что его-то они действительно должны усыплять. Он забывает при этом, что рабочие-то едва-едва начинали рассуждать, что в них это лишь первые проблески сознательной жизни, что для них-то их рассуждения в секциях, на собраниях, на конгрессах являются не препровождением времени, как для людей высших классов, а самым насущным, самым важным делом, объединяющим в одно сознательное целое их разрозненные, единичные и, как песок без цемента, не могущие представлять никакого сопротивления силы. Он забыл при этом, что без Интернационала едва ли и его агитация имела бы такой успех, что именно Интернационал разбудил это усыпление рабочего класса и сделал его таким отзывчивым. Правда, этот песок являлся иногда силой в руках буржуазии. Цементом служили тогда ее сознание, ее многовековые предварительные рассуждения. Так было еще и недавно, в 48 г., на глазах Бакунина. Для такого действия на самом деле не нужны, а, пожалуй, могли быть вредны предварительные рассуждения самого пролетариата. Совершенно достаточно было одного diable au corps. Бакунин и не понимал иного хода дела, а цементом, сознанием, головою должен был явиться Альянс, он, Бакунин.

---

* стр. 83 *(прим. В. Засулич).*

Юрская федерация горячо принялась за дело и повела самую энергичную пропаганду против Генерального Совета. На 12 ноября они созвали конгресс своих секций в Сонвилье. Собрались 10 представителей от 8 секций. Отчет комитета не скрывает печального состояния федерации: большая часть секций в упадке и многие из пославших по 2 делегата сами не насчитывают и десятка членов. Но вина за такое печальное положение федерации возлагалась, с одной стороны, на франко-прусскую войну, а с другой и главным образом, на женевские и лондонские интриги.

Конгресс прежде всего постановил распущение Романской федерации (признавая себя ее единственными законными представителями и игнорируя Женеву) и конституирование новой Юрской федерации. Это сделано, по признанию «Mémoire de la Fédération Jurassienne», для того, чтобы принятие названия Юрской федерации не имело такого вида, будто сделано из подчинения решению конференции. Затем выбрана комиссия из 3 человек для составления циркуляра ко всем секциям Интернационала, призывающего к бунту против Генерального Совета.

Органом новой Юрской федерации признана издаваемая одним французским эмигрантом * «Révolution Sociale». Знаменитый циркуляр [60], подписанный всеми членами конгресса, призывает Интернационал присоединиться к юрцам для созыва в возможно скором времени общего конгресса, затем идет мотивирование этого призыва. Ассоциация без своего ведома увлечена на фатальный путь, путь авторитета, который противен самой сущности Интернационала, составляющего не что иное, как громадный протест против всякого авторитета. Базельский конгресс в своем слепом доверии (забывает прибавить, что по предложению Бакунина) к Генеральному Совету нанес удар автономии секций. Между тем совершенно несомненно, что люди, имеющие в своих руках власть, не могут оставаться нравственными. От этого фатального закона не ушел и Генеральный Совет, целых 5 лет состоящий из одних и тех же личностей. Он стал проводить свою доктрину. Секретари Генерального Совета, вместо того, чтобы служить лишь нейт-

* — участницей Парижской Коммуны, писательницей Андре Лео (настоящее имя Леони Бера).

ральными посредниками, явились апостолами доктрины, стали искать для нее пропагандистов. Наконец, вместо общего конгресса он созвал конгресс, где большинство было за ним заранее обеспечено и который принял решения, нарушающие автономию федераций и секций.

«Личности, составляющие Генеральный Совет,— продолжает циркуляр,— хотели для торжества своей доктрины ввести в Интернационале принцип авторитета, что совершенно естественно со стороны школы, идеал которой заключается в завоевании политической власти рабочим классом.

Но если мы объясняем эти тенденции и факты, мы тем не менее чувствуем себя обязанными бороться с ними во имя социальной революции, к которой мы стремимся и которая должна быть совершена самими рабочими без всякого направляющего авторитета, хотя бы он был избран и признан самими рабочими».

Циркуляр требует, чтобы Генеральный Совет был сведен к его нормальной роли простого бюро корреспонденций и статистики. «Будущее общество,— заканчивает циркуляр,— должно быть не чем иным, как общим распространением той организации, которую даст себе Интернационал. Мы должны, следовательно, как можно более приблизить эту организацию к нашему идеалу будущего строя. Каким образом равное и свободное общество может выйти из авторитарной организации? Это невозможно. Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен теперь уже являться полным осуществлением наших принципов свободы и федерации и отбросить из своей среды всякий принцип, клонящийся к авторитету и диктатуре».

Циркуляр был разослан повсюду, где только бакунисты могли надеяться встретить себе союзников. Он был также сообщен редакциям радикальных газет, и орган Гамбетты «La République Française» отозвалась о нем с такими похвалами, что «Bulletin Jurassien», заменивший с 10 номера «Révolution Sociale», перепечатал статью.

В Италии полное сочувствие циркуляру было обеспечено заранее. Там не было интернациональных секций, кроме бакунистских. В Италии громадное большинство было теперь под влиянием Альянса. Но все же признание циркуляра не обошлось без некоторой борьбы со стороны

части Интернационала, не подчиненной ему. В Бельгии Альянс собственно не существовал, но все движение, сильно проникнутое прудонизмом, было противно теории Генерального Совета. Политический абстенционизм, автономия, федерализм, децентрализация не сходили с языка у бельгийцев, и циркуляр поэтому имел большой успех. Бельгийский национальный конгресс, собравшийся 24 декабря 1871 г., не присоединился, правда, к требованию немедленного созвания общего конгресса, так как на конференции Бельгия была представлена целыми 6 делегатами, но на нем обсуждался проект статутов Интернационала, совершенно отменяющий Генеральный Совет. Он, правда, не прошел. Во время прений один из делегатов заметил, что чувства патронов могут служить хорошим критерием для рабочих. Между тем, один слух о намерениях рабочих уничтожить Генеральный Совет вызвал в их среде такую радость, что можно с уверенностью сказать, что такое постановление было бы большой ошибкой. Вместо этого сделано заявление «в ответ на клеветы реакционной прессы», где говорится, что Интернационал никогда не был ничем иным, как группой вполне автономных федераций, а Генеральный Совет был и остается простым центром для справок и корреспонденций. Сторонники Генерального Совета сперва было поняли это заявление как опровержение Сонвильерского циркуляра, обвинявшего Генеральный Совет в авторитарности, но последствия показали, что правы были находившиеся с бельгийцами в переписке бакунисты, присоединившиеся к этому заявлению, как враждебному Генеральному Совету.

Кроме того, конгресс постановил обязать свой федеральный совет составить проект новых статутов Интернационала, так как старые неудовлетворительны, сообщить его всем секциям и затем, после принятия следующим местным конгрессом, представить на общий конгресс Интернационала. То же предлагается сделать и всем другим местным федерациям. Собственно на требование немедленного созыва общего конгресса никто не откликнулся. Женевские секции, кроме бакунистских, протестовали, конечно, против циркуляра. Немецкие социал-демократические журналы высказались со строгим порицанием против всего образа действий Юрской федерации; вероятно, именно поэтому враждовавшие с социал-демократами лассальянцы их похвалили, хотя сами были организованы строго

централистически. Заменивший «Révolution Sociale» «Bulletin de la Fédération Jurassienne» завязал, конечно, тотчас же резкую полемику с «Égalité». Но в полное бешенство он пришел после появления в июне 72 года брошюры Генерального Совета «Les prétendues scissions dans l'Internationale. Circulaire privée du Conseil Général» [61], где рассказывается история Альянса, продолжающего существовать и разъедать Интернационал, несмотря на заявление Генеральному Совету о своем распущении, поставленном условием принятия его секций в Интернационал. Говорится о Нечаевском заговоре, о русском отделе Альянса, о Бакунине и его теориях. Вот что, между прочим, говорит брошюра об анархии.

«Анархия является боевым конем их учителя Бакунина, который из социалистических систем взял только этикетки. Под анархией социалисты понимают следующее: когда цель движения пролетариата, уничтожение классов, достигнута, государственная власть, служащая теперь к удержанию производящего большинства под игом эксплуатирующего меньшинства, исчезает, и государственные функции заменяются простыми административными должностями. Альянс берет вещи навыворот. Он объявляет анархию в рядах пролетариата самым верным средством разбить могущественную концентрацию общественных и политических сил в руках эксплуататоров. Под этим предлогом он требует, чтобы Интернационал заменил свою организацию анархией в тот именно момент, когда старый мир старается раздавить его». Циркуляр, хотя и печатный, не распространялся среди посторонней публики и посылался лишь комитетам. Юрцы получили его частным образом со стороны и отпечатали в своем журнале.

«Бюллетень» в своих ответах называет этот циркуляр просто кучей грязи («tas d'ordures»). Целых 2 номера переполнены ответами на циркуляр. Чем ближе подходит дело к сентябрю, времени общего конгресса, тем больше заостряется борьба, растет озлобление.

В июле Генеральный Совет пишет Испанскому федеральному совету:

«Мы имеем доказательства, что в среде Интернационала и в особенности в Испании существует тайное общество, носящее название Альянс социалистической демократии. Это общество, центр которого в Швейцарии, ставит своей специальной миссией направлять в духе своих частных

тенденций нашу великую Ассоциацию и вести ее к целям, неизвестным большинству Интернационала... Интернационал знает лишь членов с равными для всех правами и обязанностями. Альянс разделяет их на 2 класса, посвященных и профанов, причем первые руководят вторыми посредством организации, существования которой те не подозревают. Интернационал требует, чтобы его члены ставили основой своего поведения правду, нравственность и справедливость; первейшим долгом Альянс ставит своим членам обманывать непосвященных членов Интернационала насчет существования тайной организации, насчет мотивов и самих целей тех слов и действий, к которым их приглашают»[62]. Далее Генеральный Совет требует материалов для следствия над Альянсом, который он решил представить назначенному в Гааге общему конгрессу, а также объяснения трех из членов Федерального совета, заведомо принадлежащих к Альянсу, каким образом примиряют они эту принадлежность со своими обязанностями относительно Интернационала.

Федеральный совет дал уклончивый ответ, но существования Альянса не отрицал, как это делала потом Юрская федерация.

К Гаагскому конгрессу готовились как к битве.

В Италии, где иных секций, кроме бакунистских, не существовало, был созван в августе конгресс в Римини, на котором Генеральный Совет был обвинен в навязывании Интернационалу авторитарной коммунистической доктрины немецкой партии, противной революционным чувствам итальянского пролетариата. И за это, а также за множество других преступлений «самая революционная страна» объявила «торжественно перед рабочими всего мира», что разрывает всякую солидарность с Генеральным Советом и предлагает всем, не разделяющим немецких доктрин, воздержаться от посылки делегатов в Гаагу, а собраться в тот же назначенный день в Невшателе.

Но предложение, говорит «Mémoire de la Fédération Jurassienne», пришло слишком поздно, чтобы обсудить его, и другие «не разделяющие доктрин» юрцы, испанцы и бельгийцы постарались, наоборот, отправить в Гаагу возможно большее число представителей.

Всех делегатов на Гаагском конгрессе было 65: 40 сторонников Генерального Совета и 25 автономистов-федералистов, как они начали называть себя.

Меньшинство состояло из 4 испанских альянсистов: Алерини, Фарга [Пелисер], Марселау и Мораго с довольно странным mandat impératif * — вотировать не иначе, как если конгресс изменит обычный в Интернационале способ вотировки и примет способ вота по федерациям, на каждую по 1 голосу. Затем 2 представителя Юрской федерации: Гильом и Швицгебель. 7 бельгийских делегатов, 4 голландских, находившихся под влиянием бельгийских, 2 американца и француз Сириль, представитель брюссельской эмигрантской секции. И совершенно неожиданно для вожаков бунта к ним присоединилось 5 членов Генерального Совета, который они ненавидели весь целиком: Эккариус, Хейлз, Моттерсхед, Роше и Секстон. Dietzgen **, писавший философские творения и о «Капитале» Маркса, был на Гаагском конгрессе делегатом. Маркс называл его философом.

Большинство состояло из 9 депутатов от Германской секции Интернационала, 2 делегатов от Немецкой секции Швейцарии и 1 от Женевской федерации, 2 от Америки, 6 делегатов от Франции, 16 членов Генерального Совета с различными полномочиями Германии, Франции и Америки, 1 датчанина, 1 богемца, 1 венгра и Лафарга от испанской не альянсистской федерации.

Бакунисты объявили потом, что это большинство было подобрано, и ссылались на то, что в Германии и Франции закон запрещал Интернационал, а потому правильных секций не было. Положим, до образования Эйзенахской партии были [секции], основанные Филиппом Беккером, но они действительно присоединились к социал-демократам, которые допускали лишь индивидуальное присоединение к Интернационалу.

Президентом был избран бланкист Ранвье. Кроме него были еще 3 завзятых бланкиста Арно, Курне и Вайян, эмигранты Коммуны, принятые в Генеральный Совет.

Отчет Генерального Совета [63] говорит преимущественно о преследованиях Интернационала и обращает внимание на мотивировку этих преследований. В процессе венских социалистов приговор к нескольким годам тюрьмы моти-

* — императивным мандатом.
** — Дицген.

вируется таким образом: «Подсудимые сами признаются, что приняли программу Германского рабочего конгресса в Эйзенахе и действовали по этой программе. Эта программа заключает в себе программу Интернационала. Интернационал же стремится к освобождению рабочего класса от господства имущих классов и от политической зависимости. Такое освобождение несовместимо с существующими учреждениями Австрийского государства. Следовательно, тот, кто признает и распространяет основные положения программы Интернационала, совершает приготовительные действия к низвержению австрийского правительства и виновен поэтому в государственной измене». Эти остроумные соображения изобретены венским прокурором еще в июле 70 г.

27 ноября 71 г. состоялся приговор над Центральным комитетом Социал-демократической партии, и в своей мотивировке суд ссылается на венский приговор. То же самое и в лейпцигском процессе Бебеля и Либкнехта. В Копенгагене судились 3 члена тамошнего комитета Интернационала, и им тоже заявлено, что их программа несовместима с существованием Датского государства. Бельгийское правительство предлагало своей камере депутатов снимок с Дюфоровского закона [64]. Даже Пий IX, и тот прочел такого рода нотацию депутации швейцарских католиков: «Вы даете убежище людям самого худшего сорта, известной секте Интернационала, которая желала бы поступить со всей Европой так же, как с Парижем. Интернационал очень опасен, так как он работает на вечного врага божия и рода человеческого. Таких людей не следует укрывать, за них надо молиться».

В сентябре 71 г. был съезд в Зальцбурге императоров Германии и Австрии для заключения священного союза против Интернационала. «Такой союз,— писал по этому поводу орган Бисмарка «Norddeutsche Allgemeine Zeitung»,— составляет единственное возможное средство спасения для государства, церкви, нравственности, одним словом, всех основ европейских государств».

Рядом с правительственными преследованиями пресса открыла на Интернационал целый поход посредством клевет. Разные апокрифные истории и «тайны» Интернационала, самым бессовестным образом подделанные документы и подложные частные письма, сенсационные телеграммы и проч. наводняют газеты. После большого пожара в

Чикаго телеграммы возвестили всему миру, что это — адское дело Интернационала.

Доклад сообщает затем, что Интернационал растет, но не входит, как в прежних докладах, в фактические подробности, заявляя, что причины умолчания понятны сами собою при таком положении. «Разница,— продолжает доклад,— между рабочим классом без организации и тем же классом при Интернационале является всего разительнее, если мы обратимся к 1848 г. Прошли долгие годы, прежде чем рабочие признали собственным дело своих передовых бойцов июньской инсуррекции. Парижская коммуна была тотчас же приветствована пролетариатом всех стран» *.

В это же первое заседание чтение разных писем и заявлений конгрессу, в которых поднимается вопрос о Бакунине, а также о перешедших в бонапартизм известных Ришаре из Лиона и Гаспаре Бланe, издавших брошюру[65], заканчивающуюся возгласом «Vive l'Empereur!» **. Эти письма вызвали бурные сцены, закончившиеся назначением комиссии для исследования.

В следующее заседание на очереди стоял вопрос о Генеральном Совете и его власти. Бельгиец Герман заявил, что во всех странах, где существует Интернационал, существует и различие мнений относительно полезности Генерального Совета и нормальных размеров его полномочий. Бельгийская федерация серьезно занималась этим вопросом и, за исключением 2 секций, пришла к тому заключению, что Генеральный Совет должен быть сохранен, но не должен иметь политического авторитета. Следует также лишить его права самому присоединять себе новых членов. Он не должен также вмешиваться во внутренние дела федераций.

За полную отмену Генерального Совета стоят испанцы, кроме Лафарга, конечно, и представители Юрской федерации. Здесь главным оратором является Гильом. Возбуждение при дебатах очень сильно, Лафарг с трудом добивается слова. Он говорит, что рабство рабочих классов опирается на их экономическое подчинение владельцам орудий труда. Для освобождения этих классов необходимо превращение

* Я не имею отчета Интернационала о заседаниях Гаагского конгресса и пользовалась *Р. Мейер*. «Emancipation-Kampf», 133—142 стр. *(прим. В. Засулич)*.

** — «Да здравствует император!»

орудий труда, так же как и земли, из частной собственности в общественную. Для достижения этой цели рабочим необходимо овладеть политической властью, а чтобы овладеть ею, необходимо организоваться в самостоятельные, отдельные от всех других политические партии. Этим партиям в их текущей борьбе с капиталом и правительством необходим международный союз, который невозможен без центрального руководящего авторитета. Если бы не существовало Генерального Совета, его обязательно [нужно] было бы создать. Без федеральных советов секции оставались бы разъединенной, бессильной массой. Сами бельгийцы нашли нужным поставить над местными федерациями одну центральную. Генеральный Совет должен быть для федераций тем же самым, чем эти последние являются для местных групп и секций, и для этого он должен быть снабжен соответствующей властью.

В ответе Лафаргу Гильом говорит, что о происхождении Интернационала существуют 2 мнения: одни думают, что это изобретение умного человека, владеющего безошибочной социальной и политической теорией, противоречить которой никто не имеет права. Если союз известного числа людей с Генеральным Советом во главе для охраны этой ортодоксальной идеи составляет Интернационал, то таковой имеется. Но Гильом и те, кто разделяет его воззрения, отрицают происхождение Интернационала из идеи отдельного человека. Он есть продукт окружающих нас экономических условий. Поэтому, раз необходимые реальные условия даны и союз существует, он и не нуждается ни в каком центре для охранения его от ересей. Он обвиняет Генеральный Совет в злоупотреблении своей властью и предлагает, если уж найдут нужным сохранить Генеральный Совет, то лишить его по крайней мере авторитета и свести к простой агентуре сообщений, корреспонденций и пр. Затем он в подробном разборе истории Интернационала старается доказать, что Генеральный Совет был бесполезен для рабочих как в политической, так и в экономической борьбе.

Зорге (Нью-Йорк) иронически спрашивает Гильома, а много ли рабочих в Юрских горах и в чем состоит их деятельность, при которой Генеральный Совет оказался для них бесполезным? Он перечисляет затем выдающиеся случаи помощи, оказанной Генеральным Советом борьбе в отдельных странах. Но важнее этого участия Генерального

Совета в местной борьбе другая его задача. Интернационал — это армия, а армия не может существовать без главы, и в этой голове должно быть много мозга. Он, Зорге, тоже получил mandat impératif требовать для Генерального Совета обширных полномочий.

Резкие, страстные прения ничем не закончились в этом заседании.

Дело было решено затем в закрытом заседании, и на следующее утро приступлено без всяких дебатов к голосованию. 40 голосами против 25 подтверждены все права Генерального Совета, включая сюда и высказанное раньше право выключать из Интернационала до следующего конгресса не только секции, но и целые федерации.

Меньшинство собралось на отдельное заседание, чтобы обсудить свое дальнейшее поведение. Юрские делегаты и испанцы хотели тотчас же разорвать с Генеральным Советом всякие сношения, но остальные, в особенности бельгийцы, у которых никаких личных мотивов к борьбе не было, у которых отрицание авторитета было чисто принципиальное, почерпнутое из книг умершего Прудона, а не из агитации живого Бакунина, были за соглашение и выжидание.

Результатом переговоров явился поданный конгрессу протест меньшинства, где говорилось, что как федералисты, сторонники автономии рабочих групп, они находят решение конгресса противоречащим их принципам, но во избежание раскола в Интернационале они заявляют, что сношения с Генеральным Советом относительно котизации и статистики прерваны не будут, но что представляемые ими федерации войдут между собою в прямые и постоянные сношения. Если Генеральный Совет пожелает вмешаться во внутренние дела какой-нибудь федерации, то остальные, представленные подписавшимися, обязуются солидарно поддерживать против него автономию. Все федерации и секции приглашаются подготовиться к следующему общему конгрессу, чтобы доставить на нем торжество принципам федеративной автономии. Меньшинство предложит настоящее заявление на утверждение пославшей его секции.

Маркс подготовил и провел решение перенести Генеральный Совет в Нью-Йорк. Всякому было ясно, что удалить Генеральный Совет с поля битвы это все равно, что его совсем уничтожить и вместе с тем подготовить распущение старого Интернационала. После таких подготовле-

ний к борьбе, скликания всеми правдами и неправдами своих сторонников на конгресс, такое отступление казалось ни с чем несообразным. Но в сущности оно совершенно логично.

Это большинство, эта победа на конгрессе необходима была ему именно для того, чтобы заставить бакунистов порвать традицию Интернационала (сам Бакунин и Гильом были, кроме того, исключены из Интернационала за свою альянсистскую деятельность), чтобы не оставить в их руках прославленного знамени, громкого прошлого, старой фирмы то есть, и снять с нее таким образом всякую ответственность за прошлые и будущие действия бакунистов. Он предвидел, конечно, что нельзя помешать им и впредь называться интернационалистами, объявлять себя его истинными выразителями. Но им труднее было найти доверчивых слушателей таких заявлений, раз большинство конгресса солидарно с основным Интернационалом публичным решением заявило, что не имеет с ними ничего общего. Вот что говорит о конце Интернационала Энгельс в «Volkskalender» — издание Bracke *: «Падение Парижской коммуны поставило Интернационал в невозможное положение. Он был насильственно выдвинут на передний план европейской истории в тот самый момент, когда возможность какой бы то ни было успешной практической агитации была повсюду ему отрезана. Те же события, которые превратили Интернационал в 7-ю великую европейскую державу, запрещали ему в то же время мобилизовать и употреблять в дело свои боевые силы под страхом неизбежного поражения и заторможения рабочего движения на десятки лет. К этому присоединилось появление в Интернационале элементов, стремившихся употребить так быстро возросшую славу Интернационала для иных, своих собственных целей, не понимая истинного положения Интернационала или не обращая на него внимания. Нужно было героическое решение, и его провел Маркс. Интернационал снял с себя всякую ответственность за действия бакунистов и затем ввиду невозможности при всеобщей реакции удовлетворять поставленным ему возросшим требованиям и невозможности иначе поддерживать свою полную деятельность как целым рядом жертв, от которых рабочее движение неизбежно изошло бы кровью, ввиду всего

* — Бракке.

этого Интернационал сошел со сцены, перенесши Генеральный Совет в Америку» [66].

О том же намерении Маркса остановить деятельность Интернационала свидетельствует и состав членов нового Генерального Совета. Это были все люди совершенно неизвестные, по крайней мере на европейском континенте, ничем не проявившиеся в Интернационале, за исключением Зорге, деятельного американского делегата. За ними была, конечно, удержана и власть присоединять себе по мере надобности новых членов.

Затем следовал по порядку вопрос о политической деятельности рабочего класса.

Вайян предлагает конгрессу следующую резолюцию:

«Рабочий класс в своей борьбе за освобождение не может действовать иначе, как организовавшись в отдельную, враждебную всем другим политическую партию. Без этого торжество социальной революции и уничтожение классов недостижимо. Комбинация сил рабочего класса, до сих пор действовавшая лишь в экономической борьбе, должна послужить рычагом против политического могущества землевладельцев и капиталистов. В борьбе рабочего класса его экономическая и политическая деятельность нерасторжимо связаны». (Повторение решения Лондонской конференции.) [67]

Вайян предлагает повторить решение Лондонской конференции и внести его в статуты Интернационала, чтобы никто, отрицающий политическую борьбу, не мог быть членом этого общества. Политическое воздержание, грубит он далее, проповедуют обыкновенно люди, делающие затем свою карьеру в полиции. Кроме того, люди мелкой буржуазии, но эти никогда ничего не сделают, и рабочие должны избегать их союза.

То же подтверждает и Гепнер относительно Германии. Швейцер был за политический абстенционизм, а теперь собственные его последователи признали его политическую продажность. В последнюю войну политики отстаивали мир, а их противники абстенционисты были за войну. Гепнер не понимает, как можно утверждать, будто Генеральный Совет навязывает Интернационалу доктрину. Все обнародованные им документы были приняты сочувственно. В Германии разошлось до 8000 «Гражданской войны» *...

---

* *К. Маркс.* Гражданская война во Франции.

Гильом протестует против заявления Вайяна и Гепнера. Его доверители не полицейские агенты, не был таковым и Прудон. А вот швейцарские рабочие, отстаивающие политику, готовы вступать в союз со всеми партиями, реакционными или радикальными, все равно, лишь бы провести своих кандидатов.

Бурные сцены заставили закрыть заседание прежде окончания прений.

Они были закончены в закрытом заседании, и резолюция, предложенная Вайяном, принята. Победа была, повидимому, полная...

Бланкисты, как мы видели, энергично отстаивали Генеральный Совет и увеличение его власти и были его деятельными союзниками также и в вопросе о политической деятельности рабочего класса. Вайян говорит, что «нужно согнуть владеющие классы под диктатурой пролетариата». Но цель их была иная, чем Генерального Совета.

На Гаагском же конгрессе они вносят (отвергнутое огромным большинством) предложение, где имеется такая, сделавшаяся затем знаменитой, фраза: «Если стачки являются средством революционного действия, то баррикада есть также средство, и самое могущественное из всех». Они желали бы сделать Интернационал «постоянной инсуррекционной организацией пролетариата».

Они не могли не знать, конечно, что с такой программой и в такое реакционное время Интернационал будет во всех странах объявлен вне закона и должен будет прекратить свою открытую агитацию. Но они этого и хотели, они хотели превратить его в обыкновенный бланкистский заговор, в союз тайных обществ, в то, чем не удалось ни им, ни Мадзини сделать его с самого начала. И в этом у них было больше общего, не с Юрской федерацией, правда, этой невинной «марионеткой Альянса», как называл ее Маркс, а с самим Альянсом, с Бакуниным. Они, правда, действовали открыто, они хотели власти в Интернационале, но власти признанной, законной, а не руководства им посредством тайны и сговора. Они хотели весь Интернационал превратить в Альянс, но против внешнего, не вошедшего в него мира. Альянс же хотел играть свою роль по отношению к Интернационалу и не желал допустить в нем сильной организации, как и они, конечно, не желали бы такой организованности внешних элементов, на кото-

рые должен был действовать заговор. Разница была, следовательно, в размерах. Бакунин считал достаточным 100 интернациональных братьев на всю Европу, они хотели более обширного заговора. Разница происходила, вероятно, также и из различной оценки тех элементов, из которых состоял Интернационал. С ними они вовсе не имели дела, приставши к Интернационалу лишь в Лондоне и имея дело лишь с Генеральным Советом, и оценка Бакунина была, конечно, вернее. Громадное большинство членов Интернационала превратиться в хороших заговорщиков едва ли могло. Разница в требуемых размерах заговора происходила, конечно, и от разницы дальнейших целей. Бланкисты хотели захватить власть, и для ее удержания им, конечно, следовало опираться на более или менее обширный слой, и чем обширнее, тем лучше. Раз достигши власти, они переставали быть заговорщиками. Бакунин же желал лишь разрушения государства, а затем задача продолжающего существовать и, в сущности, лишь теперь исполняющего свою истинную задачу заговора заключается, с одной стороны, в поддерживании страстей в разнузданном состоянии, а с другой, в препятствовании новому образованию государства. А так как по теории Бакунина государство есть лишь постоянный заговор небольшого числа лиц, стоящих на самой вершине государственной лестницы, то и препятствовать составлению заговора может всего успешнее тоже заговор.

Они сходились с Бакуниным и еще в одном пункте. И для них, как для него, открытая, не формально революционная деятельность Интернационала была глубоко противна и они всегда были ее открытыми врагами, и для них агитация Интернационала представляла лишь «бесконечные рассуждения, которые усыпляют и истощают». Решение перенести Генеральный Совет в Америку разрушало все надежды бланкистов направить Интернационал на путь истинный. Они пришли в неописанное негодование и вчетвером * внесли заявление, что не могут более принимать участия в заседаниях конгресса. Вместе с ними вышли и другие, не бывшие на конгрессе, но вступившие в Интернационал бланкисты и уже 15 сентября выпустили протест, где заявляют, чего ждали они от Интернационала и что заставило их порвать с ним. Перенесение Гене-

* — Э. Вайян, Г. Ранвье, Ф. Курне, А. Арно.

рального Совета в Нью-Йорк они называют изменой революции, бегством Интернационала с поля битвы. Они уверяют при этом, что обойдутся и без него. Но времена бланкистов прошли, о них больше не было слышно.

По докладу комиссии, назначенной конгрессом для рассмотрения дела Альянса, конгресс постановил исключить из Интернационала Бакунина как основателя внутри него тайного общества, преследующего совершенно иные, противоположные ему цели, и Гильома как члена Альянса и опубликовать относящиеся до этого дела документы.

Согласившись с бельгийцами, юрские делегаты отправились в Швейцарию в сопровождении 4 итальянцев, и здесь 15 сентября состоялся антиавторитарный конгресс, на котором присутствовали также 6 делегатов Италии и между ними сам Бакунин.

Декларация меньшинства на Гаагском конгрессе была единогласно признана чересчур умеренной.

Конгресс решил отвергнуть все решения Гаагского конгресса, совсем не признавать избранного им Генерального Совета и заключить против его prétentions gouvernementales * союз «дружбы, солидарности и взаимной защиты» между представленными федерациями.

По вопросу о политике конгресс принял такую весьма решительную резолюцию.

«Конгресс объявляет: 1) что уничтожение всякой политической власти составляет первый долг пролетариата; 2) что учреждение так называемого временного революционного правительства не может быть ничем иным, как новым обманом, столь же опасным для пролетариата, как и все современные правительства».

Итальянские ученики Бакунина заранее высказались уже против Гаагского конгресса. В декабре происходили одновременно конгрессы Бельгийского Интернационала и альянсистской испанской федерации, составлявшей огромное большинство тамошних секций. Оба конгресса отвергли решения Гаагского конгресса и избранный им Генеральный Совет. Затем в январе некоторые лондонские секции тоже высказались против Гаагского конгресса.

Ввиду всего этого новый Генеральный Совет, уже раньше выключивший из Интернационала Юрскую федерацию,

---

* — диктаторских замашек.

постановил, что все федерации и секции, принимавшие участие в конгрессах и собраниях в Брюсселе, Кордове и Лондоне или признающие их решения, тем самым поставили себя вне Интернационала и перестали в нем участвовать. Итак, старый, прежний Интернационал окончательно разрушен. Верной его программе осталась лишь жившая своей собственной жизнью Германская социал-демократическая партия.

Во Франции его прекратила внешняя сила, бельгийская [федерация] и часть швейцарской ушла в бакунистское безделье, Англия отреклась и отшатнулась от него, секции немецко-швейцарские слились с социал-демократией Германии. Ее * рабочие общества, ставшие было в союзнические отношения с Интернационалом, продолжают с наступлением реакции свое уже древнее (Grütli-Verein ** с 30-х гг.) существование, забывши, как и английские Trade-Unions, о своем временном и очень поверхностном интернационализме.

То же произошло и с женевской «фабрикой». Оставшись совершенно одинокой среди романских земель, и она совершенно затихла ***.

---

* — Швейцарии.

** — Союз Грютли.

*** Далее следует зачеркнутый текст: «1 и 2-го июня 73 г. состоялся давно подготовлявшийся (2 г. уже шли о нем разговоры) общий конгресс швейцарских рабочих в Ольтене для организации общего рабочего союза с очень широкой программой. Союз был образован, в него вошли очень разнообразные элементы: 39 ремесленных союзов, часть Grütli-Verein, 9 политических ферейнов, всего до 10 000 рабочих, представленных 75 делегатами. Бакунисты послали туда 5 представителей, которые отняли у конгресса целый день своей проповедью абсолютной автономии секций и абстенционизма. Но когда дело дошло до воты, за них не нашлось ни 1 голоса, и они ушли с конгресса.

Программа Arbeiter Bund [Рабочего союза] такова:

Окончательная цель его — замена наемной платы выручкой от труда (Arbeitsertrag) посредством производственной ассоциации и уничтожение этим путем всякого классового господства. Но это было сказано лишь в виде комплимента теориям и социализму, целью же союза являлись ближайшие требования: уменьшение рабочего времени, подъем заработной платы, ограничение работы детей, издание рабочего органа и проч.

«Тагвахт» [«Die Tagwacht»] — орган секции социал-демократии, находясь в довольно печальном материальном положении, согласился сделаться органом Бунда, хотя для этого ему и пришлось поотступить от своей социал-демократической программы.

В сентябре 73 г. собрались в Женеве 2 конгресса порознь, конечно,— бакунистов и сторонников Генерального Совета.

На первом 4 испанца и между ними Фарга Пелисер и Алерини, бывшие на Гаагском конгрессе, 4 итальянца, ученики Бакунина, затем юрцы — неизменный Гильом, Пенди, Шлихтер. От женевской, заменившей секцию Альянса, Секции социально-революционной пропаганды целых 5 делегатов, и случайно попавший в эту компанию и уже более не появлявшийся в ней Хейлз (Hales) и Эккариус, всего 22 человека.

Прежде всего занялись, конечно, ругней Маркса, авторитарные интриги которого они разрушили. 1-м решался вопрос о способе подачи голосов на конгрессе, и решено вотировать по федерациям, причем каждая имеет по 1 голосу. Находят, впрочем, что и этот способ вотировки имеет свои недостатки, и самое лучшее — это как можно меньше вотировать. Впрочем, решения конгресса ни для кого не обязательны, это не более как выражение мнений.

Затем следует вопрос о Генеральном Совете. Все согласны, что его не надо.

Но Хейлз утверждает, что центр в той или другой форме необходим. Его отсутствие уже дало себя почувствовать. Если Интернационал в Англии совершенно парализован, если рабочие не знали о событиях, театром которых была Испания, то причина этому в отсутствии центра, куда стекались бы сведения.

Нет, возражает Брусс, центральная комиссия даже без всяких прав была бы опасна. Она имела бы возможность вести свою пропаганду, приобрела бы нравственный авторитет. Ваша программа — анархия, восклицает он, а вы как будто отступаете перед выводами из нее.

Хейлз заявляет, что для него анархия есть синоним разложения. Это индивидуализм, составляющий основу современного общественного строя. При ней невозможны стачки. Если всякий может делать что ему угодно, общий

«Феллейзену» [«Felleisen»] — органу Arbeiter-Bildungs-Verein [Союза рабочих просветительных обществ] предлагали тоже слиться с «Тагвахт» и прекратить свое отдельное существование. Он не согласился, и из-за этого Arbeiter-Bildungs-Verein потом вышел из Бунда. В 73—74 гг. Бунд принимал живое участие в швейцарской политике и агитировал в пользу новой Bundesverfassung [Конституции Швейцарского союза].

интерес будет принесен в жертву индивидуальному капризу. Истинным осуществлением принципа анархии было бы распущение Интернационала. Не будучи авторитаристами, мы должны оставаться организаторами.

Остен (депутат Женевской секции пропаганды) возражает: современное общество противоположно анархии, оно с самой колыбели никогда не дает человеку свободы воли (libre arbitre). Анархия есть средство уничтожить все эти препятствия. Мы стремимся к осуществлению братства между людьми посредством добровольной дисциплины. Каждый раз [, как] вы даете авторитет какому-нибудь человеку, вы лишаетесь всей своей свободы.

Испанец Виньяс считает необходимой центральную комиссию корреспонденции и статистики. Видят опасность в том нравственном влиянии, которое она может приобрести, но нравственное влияние всегда будут оказывать все те, чей ум, чьи способности будут двигать вперед нашу ассоциацию. Если центральная комиссия не соответствует нашим принципам, то надо поспешить отменить также комитеты, секции и федерации.

Анархия есть абсолютное отрицание всякого авторитета, возражает Брусс... Если мы учредим центральную комиссию, то повторим опыт буржуазии, заменившей абсолютизм конституцией. Интернационалу не следует иметь никакого правительства.

По этому вопросу состоялось такое решение. Ежегодно одна из федераций подготовляет следующий конгресс, она же может служить посредницей при стачках и при корреспонденции для тех федераций, которые пожелают обратиться к ней. 10 самых завзятых анархистов Швейцарии и Италии присоединили к этому письменное заявление, что лишь потому соглашаются на существование подобного бюро, что обращение к нему не обязательно. Котизации отменяются. Издержки конгресса распределяются между федерациями. Столь же радикально, как авторитет, изгоняются и «рассуждения». Коста, Алерини, Гильом, Брусс говорят против вотов на конгрессах по принципиальным вопросам, они опасны, так как создают официальное мнение, а у всякой личности мнение должно быть свое собственное. Hales и Эккариус отстаивают принципы, но остаются одни.

Hales предлагает дать ассоциации другое имя. Это не прежний Интернационал, это нечто совсем новое. В Англии теперь 2 Интернационала стараются привлечь тред-юнио-

ны каждый на свою сторону. Те, ничего не понимая в причинах разделения, не знают, кого слушать, и отстраняются от обоих [68].

Так же печально, по сообщению Van-den-Abeel * (отправившегося потом на марксистский конгресс [69]), положение Интернационала и в Голландии. На ordre du jour ** конгресса был поставлен вопрос о всеобщей стачке, но на конгрессе было решено, что при настоящем своем положении Интернационал не может устроить ее. Рабочая статистика тоже представляет слишком много трудностей.

«Старый Интернационал, основанный 28 сентября 64 г. в Сент-Мартинс-холле, организация которого была закончена 7 лет тому назад на Женевском конгрессе, теперь мертв, настоящий отличен от него во всех отношениях». Так начал свою речь, закрывая конгресс, Эккариус и рассказал затем в нескольких словах историю старого. Ему, вероятно, было очень жаль его. Но его смерть была несомненна. Это же выяснилось и из конгресса марксистского Интернационала. Но на этом же конгрессе выяснилось также, что у него остался здоровый, быстро растущий наследник, который сохранит его программу, его традиции и передаст ее, развитую и дополненную, следующему поколению.

На конгрессе марксовского Интернационала (30 делегатов) была представлена больше всего Швейцария (упомянутый Бунд был тоже представлен), потом Германия и Австрия. Это в сущности был конгресс немецкой Социал-демократической партии; нечто, организованное Францией, представляла лишь женевская «фабрика». Но и немецко-швейцарское и австрийское движения были тесно связаны с германским (они посылали своих делегатов на социал-демократические конгрессы), быстро росшим в это время, имевшим ежегодно конгрессы.

«Если в Германии и не могут существовать легальные секции Интернационала,— заявил Бурхард, депутат из Штутгарта,— тем не менее немецкое рабочее движение в действительности интернационально, и каждый член Социал-демократической рабочей партии считает себя в то же время членом Интернационала». Такое же заявление

---

* — Ван ден Абеле.
** — повестку дня.

сделал и Шварц, делегат из Вены, где легально Интернационал тоже не мог существовать. Следовательно, легально существующий Интернационал был представлен только швейцарцами да представителями нескольких, не имевших значения (так как тред-юнионы отшатнулись), секций Англии. Был и Van-den-Abeel с бакунистского конгресса. Но для всего этого не стоило собираться.

Конгресс решил собраться опять лишь через 2 года, и не собирался более. С этим конгрессом история старого Интернационала переходит в историю Социал-демократической партии.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В конце февраля 1868 г. правление парижской секции Интернационала, возглавлявшееся правым прудонистом Толеном, объявило себя распущенным, поскольку против него было начато судебное следствие и оно лишилось возможности выполнять свои обязанности. 13 марта было избрано новое правление, в котором видную роль играл левый прудонист Варлен.

Судебному преследованию подверглись члены и первого (в марте 1868 г.), и второго правления (в мае 1868 г.). Суд объявил секцию Интернационала в Париже распущенной и приговорил членов правления первого состава к денежным штрафам. Приговор по второму процессу был более суров: помимо денежных штрафов обвиняемые были приговорены каждый к трем месяцам тюрьмы. Секция перешла на нелегальное положение.

[2] В. Засулич цитирует в собственном переводе отрывки из опубликованного в книге O. Testu. «L'Internationale». Paris-Versailles, 1871, p. 242—246 воззвания Генерального Совета «Бельгийские избиения». Воззвание было составлено Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 365—370).

[3] В. Засулич приводит в не совсем точном переводе слова Маркса из «Инструкции делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам» (ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 195).

[4] Имеется в виду стачка женевских строителей в марте — апреле 1868 г., получившая широкую поддержку рабочих Швейцарии, Англии, Франции, Германии и окончившаяся победой. Бастовавшие добились сокращения рабочего дня с 12 до 11 часов и повышения заработной платы на 10%.

[5] 2-й конгресс Лиги мира и свободы состоялся в Берне в сентябре 1868 г.

[6] В. Засулич цитирует § 4 программы открытого Международного альянса социалистической демократии. Программа напечатана в приложении к работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистиче-

ской демократии и Международное Товарищество Рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 450).

[7] В. Засулич цитирует составленное Бакуниным «Обращение секций Интернационала Женевы к испанским рабочим» от 21 октября 1868 г. по сборнику бакунистских документов и статей «Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne de l'Association Internationale des Travailleurs à toutes les fédérations de l'Internationale». Sonvillier, 1873.

[8] «Фабрикой» называли производство часов и ювелирных изделий в Женевском кантоне, которое велось в мастерских и рабочими-надомниками. Рабочие «фабрики» были наиболее привилегированным, но и наиболее развитым и сознательным слоем швейцарского пролетариата.

[9] Имеются в виду рабочие строительных специальностей, большинство которых состояло из иностранцев; строители находились в значительно худшем, по сравнению с рабочими «фабрики», экономическом и правовом положении.

[10] В. Засулич ссылается на вышедшую в 1863 г. работу П. Ж. Прудона «Du principe fédératif et de la nécessité de reconstituer le parti de la révolution».

[11] В. Засулич цитирует программу тайного Альянса по работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», вышедшей в 1873 г. в виде брошюры на французском языке в Лондоне и Гамбурге (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 447).

[12] Здесь и далее В. Засулич цитирует и излагает своими словами программу тайного Альянса по брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 18, стр. 448—449).

[13] Имеется в виду судебный процесс над русской учащейся молодежью, происходивший в Петербурге в июле — августе 1871 г. Обвиняемые входили в тайную организацию «Народная расправа», созданную в 1869 г. сторонником Бакунина, революционером-заговорщиком С. Г. Нечаевым. В организованных Нечаевым кружках проповедовались вульгарные анархистские идеи «абсолютного разрушения», распространялись анархистские листовки. Используя полученный от Бакунина мандат представителя «Европейского революционного союза», Нечаев выдавал себя за представителя Интернационала и тем самым вводил в заблуждение участников созданной им организации.

Деятельность Нечаева, применявшего для достижения своих целей авантюристические методы: шантаж, запугивание, обман и пр., наносила ущерб престижу Международного Товарищества Рабочих. В связи с этим Лондонская конференция Интернационала поручила Генеральному Совету опубликовать заявление о том, что

Международное Товарищество Рабочих совершенно непричастно к так называемому заговору Нечаева. Заявление по поводу злоупотребления Нечаева именем Интернационала, написанное Марксом, было утверждено на заседании Генерального Совета 16 октября 1871 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 440).

[14] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 451—452.

[15] Циркулярное письмо Генерального Совета Альянсу социалистической демократии от 22 декабря 1868 г. было написано Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 353—355).

[16] Ответ Генерального Совета Альянсу социалистической демократии был написан Марксом 9 марта 1869 г. (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 363—364).

[17] *E. Ténot.* «Paris en décembre 1851. Étude historique sur le coûp d'État». Paris, 1868.

[18] Речь идет о сборе средств на памятник депутату Законодательного собрания врачу В. Бодену, который 3 декабря 1851 г. призывал рабочих Сент-Антуанского предместья Парижа оказать вооруженное сопротивление государственному перевороту Луи-Наполеона, участвовал в баррикадных боях и был убит. Несколько газет, объявивших подписку на памятник, были привлечены к суду по обвинению в возбуждении ненависти против правительства. Инициаторы сбора средств были осуждены. Памятник Бодену открыли лишь в 1872 году.

[19] До 1868 г. во главе французских секций Интернационала находились правые прудонисты, старавшиеся придать Интернационалу во Франции характер аполитичной, реформистской организации, занятой исключительно вопросами взаимного кредита и рабочей кооперации.

[20] Ж. Пьетри в 1866—1870 гг. был префектом полиции Парижа.

[21] Тюрьма в Париже.

[22] Доклад Генерального Совета о праве наследования, составленный Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 383—385), был зачитан на заседании Базельского конгресса И. Г. Эккариусом.

[23] То есть программу Интернационала. Имеются в виду перечисленные ниже решения по организационным вопросам, принятые в дополнение к Уставу Интернационала.

[24] Имеется в виду то, что секция, исключенная из состава федерации, продолжала оставаться секцией Интернационала.

[25] Повестка дня конгресса Интернационала в Майнце, составленная Марксом, включала, помимо перечисленных, следующие вопросы: о превращении эмиссионных банков в национальные банки, о необходимости для рабочего класса вести всеобщую статистику труда, вторичное обсуждение вопроса о средствах устранения войны (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 456).

[26] Речь идет о циркулярном письме «Генеральный Совет — Федеральному совету Романской Швейцарии», написанном Марксом около 1 января 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 402—409).

[27] Здесь у В. Засулич неточность: вопрос о выполнении Генеральным Советом функций федерального совета для Англии освещался также в упомянутом выше циркулярном письме от 1 января 1870 г. Ниже В. Засулич цитирует его по книге О. Тестю «L'Internationale», p. 237—238, в которой был опубликован отрывок из циркулярного письма.

[28] В. Засулич цитирует представленный съезду в Ла-Шо-де-Фоне доклад о позиции Интернационала по отношению к правительствам по книге: *O. Testut*. «Le livre bleu de l'Internationale». Paris, 1871, p. 311—316.

[29] Здесь В. Засулич, по-видимому, вновь возвращается к циркулярному письму Генерального Совета, в котором, в частности, подверглась критике бакунистская доктрина воздержания от политической борьбы как противоречащая Уставу Интернационала (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 407—408).

[30] Статья в «Solidarité», содержание которой излагает В. Засулич, явилась ответом на резолюцию Генерального Совета о федеральном комитете Романской Швейцарии. Резолюция, предложенная Марксом, была принята 29 июня 1870 г. и направлена в Швейцарию за подписью Г. Юнга (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 451).
В. Засулич ссылается на «Mémoire présenté par la Fédération Jurassienne...».

[31] Речь идет о стачке женевских строителей в марте — апреле 1868 г. (см. примечание 4).

[32] Засулич цитирует книгу *E. Fribourg*. «L'Association Internationale des Travailleurs». Paris, 1871, p. 141, 142.

[33] Имеется в виду федерация синдикальных палат (профессиональных обществ) Парижа, созданная в ноябре 1869 г. Помещалась эта организация по адресу — площадь Кордери, 6. Поэтому те общества, которые входили в федерацию, назывались обществами Кордери.

[34] Засулич цитирует письма Варлена к Обри по книге материалов 3-го процесса над Интернационалом: «Troisième procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris». Paris, 1870. По этому же изданию ниже цитируется письмо Э. Оливье к Обри.

[35] Протест против ареста Рошфора, подписанный руководителями парижских секций Интернационала, был опубликован в виде воззвания в газете «Marseillaise», № 53 от 9 февраля 1870 г.

[36] Имеется в виду Устав Парижской федерации Интернационала, принятый 18 апреля 1870 г.

[37] Обращение марсельской синдикальной палаты моряков торгового флота ко всем французским морякам от 8 ноября 1869 г. было опубликовано в «Travail», «Internationale», «Égalité», «Fédéracion».

[38] Письмо цитируется по книге: *Meyer.* «Der Emancipations-Kampf des Vierten Standes». Band II. Berlin, 1875, S. 581.

[39] В. Засулич цитирует выпущенный 24 апреля Парижской федерацией Интернационала и федеральной синдикальной палатой Парижа «Manifeste antiplébiscitaire des Sections parisiennes fédérées de l'Internationale et de la Chambre fédérale des sociétés ouvrières». Paris [1870].

[40] Все эти сведения Засулич почерпнула в книге *E. Villetard.* «Histoire de l'Internationale». Paris, 1872.

[41] Протест членов парижского Федерального совета был опубликован в «Marseillaise» 2 мая 1870 г.

[42] В. Засулич цитирует заявление Генерального Совета «О преследованиях членов Французских секций», текст которого был составлен Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 445).

[43] Третий процесс Интернационала во Франции слушался с 22 июня по 5 июля 1870 г. Засулич при изложении материалов пользовалась брошюрой «Troisième procès de l'Association Internationale des Travailleurs à Paris». Paris, 1870.

[44] Имеется в виду Первое воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне, написанное Марксом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 1—6).

[45] Манифест о войне был выпущен Комитетом немецкой Социал-демократической рабочей партии в Брауншвейге 5 сентября 1870 г. в виде отдельной листовки и опубликован в газете «Volksstaat» 11 сентября 1870 г.

[46] Письмо Комитету Социал-демократической рабочей партии было написано совместно Марксом и Энгельсом (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 17, стр. 271—273).

[47] Эта и следующие три фразы взяты из Манифеста о войне, выпущенного брауншвейгским Комитетом.

[48] Имеется в виду написанное Марксом Второе воззвание Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих о франко-прусской войне (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 274—282). Судя по переводу В. Засулич, она пользовалась листовкой, изданной на немецком языке.

[49] В. Засулич цитирует письма Дюпона Ришару и Шарве по книге: *O. Testut*. «L'Internationale et le jacobinisme au ban de l'Europe». Vol. II, Paris, 1872, p. 26—27, 28.

[50] Во время франко-прусской войны Гарибальди, желая помочь Французской республике, организовал отряд итальянских волонтеров, который активно участвовал в боях с прусскими войсками. Французский народ, глубоко благодарный Гарибальди за его бескорыстную помощь, избрал его в Национальное собрание. Однако реакционное большинство Собрания, открывшегося 13 февраля 1871 г., опротестовало мандат Гарибальди, поскольку он не являлся французским гражданином. Единственным депутатом собрания, выступившим в поддержку Гарибальди, был Гюго. В тот же день Гарибальди написал письмо Национальному собранию об отказе от депутатского мандата.

[51] В. Засулич цитирует книгу: *P. O. Lissagaray*. «Histoire de la Commune de 1871». Bruxelles, 1876.

[52] В. Засулич цитирует книгу члена Парижской Коммуны Артюра-Шарля-Огюста Арну «Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris», вышедшую в Брюсселе в 1878 г.

[53] Речь идет об уже упоминавшейся (см. примечание 30) резолюции Генерального Совета от 29 июня 1870 г., в которой указывалось, что название Романский федеральный комитет остается за Женевским комитетом, а бакунистский федеральный комитет. обосновавшийся в горах Юры в местечке Ла-Шо-де-Фон, должен избрать себе другое название (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 451).

[54] Резолюции Лондонской конференции, бóльшая часть которых была составлена Марксом и Энгельсом, см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 17, стр. 423—431. Ниже В. Засулич цитирует или пересказывает следующие резолюции: «О наименованиях национальных советов и т. д.», «О всеобщей статистике рабочего класса», «О земледельцах», «О политическом действии рабочего класса», «Общую резолюцию относительно стран, в которых правительства препятствуют регулярной организации Интернационала», «Резолюцию относительно Англии» и др.

[55] В. Засулич цитирует французское издание работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Альянс социалистической демократии и Междуна-

родное Товарищество Рабочих», вышедшее в 1873 г. В данном месте приводится выдержка из включенного в эту работу более раннего циркуляра Генерального Совета «Мнимые расколы в Интернационале» (см. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 353—354).

[56] Имеется в виду написанная Марксом «Инструкция делегатам Временного Центрального совета по отдельным вопросам» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 194—203).

[57] Имеется в виду циркулярное письмо Генерального Совета Федеральному совету Романской Швейцарии в Женеве, написанное Марксом около 1 января 1870 г. (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 404—405).

[58] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 451.

[59] В. Засулич приводит выдержку из 1-го выпуска брошюры М. Бакунина «L'Empire knouto-germanique et la révolution sociale». Genève, 1871. Первый выпуск назывался «La Révolution sociale ou la Dictature militaire», т. е. так, как называет эту брошюру В. Засулич. В библиотеке Г. В. Плеханова сохранился экземпляр этой книги, которым пользовалась Засулич.

[60] Имеется в виду так называемый сонвильерский циркуляр — «Circulaire à toutes les fédérations de l'Association Internationale des Travailleurs». Genève, 1871.

[61] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* «Мнимые расколы в Интернационале. Закрытый циркуляр Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 1—46).

[62] В. Засулич цитирует написанное Марксом и Энгельсом обращение «Испанским секциям Международного Товарищества Рабочих» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 116, 117). Документ был принят на заседании Исполнительного комитета Генерального Совета 8 августа 1872 г.

[63] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 18, стр. 123—131.

[64] Имеется в виду принятый французским Национальным собранием 14 марта 1872 г. закон, по которому принадлежность к Интернационалу каралась тюремным заключением. Закон назван по имени внесшего законопроект министра юстиции Дюфора.

[65] Речь идет о брошюре *A. Richard* et *G. Blanc.* «L'Empire et la France nouvelle. Appel du peuple et de la jeunesse à la conscience française». Bruxelles, 1872.

[66] В. Засулич приводит выдержку из статьи Энгельса «Карл Маркс» (ср. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 110).

[67] В. Засулич цитирует речь Э. Вайяна по уже упоминавшейся книге Р. Мейера.

[68] Решения Гаагского конгресса привели к размежеванию внутри Британской федерации на революционное крыло, поддерживающее Генеральный Совет, и реформистское. Хейлз был одним из лидеров реформистского крыла, которое отказалось признать новый Генеральный Совет в Нью-Йорке.

[69] В сентябре 1873 г. в Женеве состоялся последний конгресс Интернационала. Маркс и Энгельс помогали Генеральному Совету готовить этот конгресс, но незадолго до его открытия решили не принимать в нем участия. Основным мотивом, побудившим их к этому, было все более крепнущее у них убеждение, что Интернационал как форма международного объединения рабочих уже не может удовлетворять потребностям растущего вширь рабочего движения.

Несмотря на пробакунистские настроения у ряда делегатов, конгресс подтвердил марксистские решения, принятые в Гааге.

СОДЕРЖАНИЕ

Из истории марксизма и международного рабочего
И32 движения. М., Политиздат, 1973.
560 с. (Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Основное содержание книги составляют исследовательские статьи, посвященные отдельным проблемам развития марксистской теории и истории международного рабочего движения XIX века. Ряд статей посвящен анализу важных сторон формирования марксистского метода, взглядам Маркса и Энгельса на узловые проблемы всемирной истории. На основе богатого документального материала, в значительной мере впервые вводимого в научный оборот, в сборнике освещаются различные стороны деятельности Маркса и Энгельса и их соратников как руководителей освободительной борьбы рабочего класса. В сборник включен материал, содержащий критику фальсификации истории марксизма в современной буржуазной и реформистской литературе.

В разделе документов впервые публикуется очерк по истории Интернационала, написанный одной из первых русских марксистов В. И. Засулич.

Книга рассчитана на преподавателей и специалистов в области марксизма и международного рабочего движения.

И $\frac{0133-188}{079(02)-73}$ 104—73 **1МИ+9(М)32**

ИЗ ИСТОРИИ МАРКСИЗМА
И МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Художественный редактор *Н. Н. Симагин*

Технический редактор *А. П. Агафошина*

Корректоры *Н. А. Жигальцова, Н. И. Савельева*

Сдано в набор 26 января 1973 г.
Подписано к печати 9 августа 1973 г.
Формат $84 \times 108^1/_{32}$.
Бумага типографская № 1.
Условн. печ. л. 31,92. Учетно-изд. л. 34,11.
Тираж 10 тыс. экз. А04663.
Заказ 2098. Цена 2 р. 22 к.

Политиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
Москва, Краснопролетарская, 16.